Двадцать тысяч лье под водой

Жюль Верн

ЯРКИЕ СТРАНИЦЫ

Двадцать тысяч лье под водой
Жюль Габриэль Верн

Аннотация
Жюль Верн. Двадцать тысяч лье под водой
Часть первая
Глава первая. Ускользающий риф
Глава вторая. За и против
Глава третья. Как будет угодно господину профессору
Глава четвертая. Нед Ленд
Глава пятая. Наугад!
Глава шестая. На всех парах
Глава седьмая. Кит неизвестного науке вида
Глава восьмая. Mobilis in mobile
Глава девятая. Нед Ленд негодует
Глава десятая. Обитатель морей
Глава одиннадцатая. «Наутилус»
Глава двенадцатая. Все благодаря электричеству!
Глава тринадцатая. Некоторые цифры
Глава четырнадцатая. Черная река
Глава пятнадцатая. Письменное приглашение
Глава шестнадцатая. Прогулка по равнине
Глава семнадцатая. Подводный лес

Глава восемнадцатая. Четыре тысячи миль под водами тихого океана
Глава девятнадцатая. Ваникоро
Глава двадцатая. Торресов пролив
Глава двадцать первая. Несколько дней на суше
Глава двадцать вторая. Молния капитана Немо
Глава двадцать третья. Aegri Somnia
Глава двадцать четвертая. Коралловое царство
Часть вторая
Глава первая. Индийский океан
Глава вторая. Новое предложение капитана Немо
Глава третья. Жемчужина стоимостью в десять миллионов
Глава четвертая. Красное море
Глава пятая. Аравийский туннель
Глава шестая. Греческий архипелаг
Глава седьмая. Средиземное море за сорок восемь часов
Глава восьмая. Бухта Виго
Глава девятая. Исчезнувший континент
Глава десятая. Подводный каменноугольный рудник
Глава одиннадцатая. Саргассово море
Глава двенадцатая. Кашалоты и киты

Глава тринадцатая. Во льдах
Глава четырнадцатая. Южный полюс
Глава пятнадцатая. Досадная случайность или несчастный случай?
Глава шестнадцатая. Недостаток воздуха
Глава семнадцатая. От мыса Горн до Амазонки
Глава восемнадцатая. Гигантские кальмары
Глава девятнадцатая. Гольфстрим
Глава двадцатая. На 47°24’ северной широты и 17°28’ западной долготы
Глава двадцать первая. Гекатомба
Глава двадцать вторая. Последние слова капитана Немо
Глава двадцать третья. Заключение

Аннотация

Жюль Верн создал в литературе новое направление – научную фантастику, и предсказал многие открытия: изобретение самолета, телевидения, космические полеты. Пророческий взгляд писателя, его изобретательность и умение в красках представить читателю самые невероятные ситуации и сюжетные перипетии – все это послужило благодатной почвой для многочисленных киноадаптаций, достойных больших экранов.

«Двадцать тысяч лье под водой» – научно-фантастический роман о кругосветном плавании Капитана Немо и пассажиров подводной лодки «Наутилус». Невероятная и волнующая история приключений в подводном мире, полная самых захватывающих событий.

Капитан Немо и его корабль «Наутилус» превратился в легенду. Их фантастические приключения зовут читателя за собой! Каково это – жить под водой? Чем грозит встреча с невиданной подводной лодкой? Герои романа посещают острова Новой Гвинеи, до-

бывают жемчуг, встречают акул в Индийском океане, находят загадочную Атлантиду…

Жюль Верн
Двадцать тысяч лье под водой

Jules Verne
VINGT MILLE LIEUES SOUS LES MERS

© Савина Е., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Жюль Верн

–

Двадцать тысяч лье под водой

Москва
2024

Часть первая

Глава первая
Ускользающий риф

Невероятным событием ознаменовался 1866 год, о котором, безусловно, помнят и по сей день. Оно породило немало слухов, волновавших жителей портовых городов и будораживших умы людей по всему миру, в особенности тех, кто связан с морем. Негоцианты, судовладельцы, шкиперы и кормчие из Европы и Америки, флотские офицеры разных стран, а также правительства государств на обоих континентах чрезвычайно заинтересовались этим необъяснимым и загадочным явлением.

Дело в том, что с некоторых пор многие корабли начали встречать в море некую «громадину» — длинный веретенообразный объект, гораздо больше и быстрее кита, и к тому же фосфоресцирующий.

Описание внешнего вида этого объекта или существа, его небывалой скорости, удивительной мощности движения и необыкновенной прочности, которой он, казалось, наделен, в записях судовых журналов почти полностью совпадало.

Если это было морское животное, то размерами оно превосходило всех известных науке китообразных. Ни Кювье[1], ни Ласепед, ни Дюмериль, ни Катрфаж не поверили бы в существование подобного чудовища, не увидев его собственными глазами, то есть глазами ученых.

И если обобщить многочисленные наблюдения, отбросив скромные оценки, по которым таинственный объект достигал двухсот футов в длину, и отклонив явные преувеличения его ширины до тысячи футов и длины до целых трех, можно было с уверенностью утверждать, что это необыкновенное существо крупнее всех животных, известных современным ихтиологам. Если только оно и впрямь существовало.

Зная об извечной склонности человеческого ума ко всему чудесному и загадочному, легко представить, какой переполох произвело во всем мире это сверхъестественное явление. Однако животное все же существовало — сей факт уже не подлежал сомнению. Так что попытки опреде-

---

[1] Сноски: 1

Жорж Леопольд де Кювье (1769–1832) — французский естествоиспытатель, натуралист. Открыл, определил и описал свыше 150 вымерших видов животных; Бернар Жермен де Ласепед (1756–1825) — французский ихтиолог, исследователь и государственный деятель; Андре-Мари Дюмериль (1774–1860) — французский зоолог, специалист по амфибиологии и ихтиологии; Жан-Луи Катрфаж (1810–1892) — французский зоолог и антрополог. (*Здесь и далее прим. перев.*)

лить эту историю в категорию слухов и выдумок провалились.

Дело в том, что 20 июля 1866 года пароход «Губернатор Хиггинсон», принадлежавший «Калькуттской и Бирманской пароходной компании», встретил огромную движущуюся массу в пяти милях от восточных берегов Австралии. Капитан Бейкер решил поначалу, что видит перед собой неизвестный риф; он даже принялся определять его точные координаты, но тут из загадочного объекта вырвались два водяных столба и со свистом взлетели на сто пятьдесят футов над уровнем моря. А значит, если только это был не подводный риф, подверженный извержениям гейзеров, «Губернатор Хиггинсон» имел дело с неизвестным науке морским млекопитающим, выпускающим из ноздрей фонтаны воды, смешанной с воздухом и паром.

Нечто похожее наблюдали 23 июля того же года в водах Тихого океана моряки «Христофора Колумба» — судна «Вест-Индской и Тихоокеанской пароходной компании». Стало очевидно, что удивительное китообразное способно перемещаться с невероятной скоростью, ведь «Губернатор Хиггинсон» и «Христофор Колумб», наблюдавшие его с разницей в три дня, находились друг от друга

на расстоянии в семьсот морских лье[2].

Две недели спустя, в двух тысячах лье от вышеупомянутого места, французское судно «Гельвеция» Национальной пароходной компании и британский пароход «Шеннон» Королевской почтовой службы, которые шли встречным курсом на участке Атлантики, поделенном между Соединенными штатами и Европой, почти одновременно сообщили о встрече с «чудовищем» на 42°15’ северной широты и 60°35’ западной долготы по Гринвичскому меридиану. Благодаря этому двойному свидетельству удалось установить, что примерная длина морского млекопитающего составляет не менее трехсот пятидесяти английских футов[3], поскольку размерами оно превосходило и «Шеннон», и «Гельвецию» — оба судна имели длину корпуса в сто метров от носа до кормы. Однако длина самых крупных китов, заплывающих в район Алеутских островов Куламмак и Умгуллик, никогда не превышала пятидесяти шести метров, — если вообще достигала такого значения!

---

[2] Сноски: 2

Старинная французская единица измерения расстояния, равная 5555,5 м (длина дуги одной двадцатой градуса земного меридиана).

[3] Сноски: 3

Около 106 метров. Английский фут составляет 30,4 см.

Эти отчеты, полученные один за другим, а также новые наблюдения с борта трансатлантического судна «Перейра», столкновение чудовища с пароходом «Этна» судоходной линии Инман, доклады офицеров французского фрегата «Нормандия», а также весьма подробное описание, сделанное командором Фитц-Джеймсом на борту «Лорда Клайда», глубоко взволновали общественное мнение. В странах с более легкомысленным отношением к жизни феномен стал темой для шуток, но в странах серьезных и прагматичных — Англии, Америке, Германии — им занялись всерьез.

Во всех крупных городах планеты морское чудовище вошло в моду: о нем пели песенки в кафе, над ним глумились в газетах, его сделали героем театральных представлений. У газетных уток появился прекрасный повод нести яйца всех цветов. Журналисты стали вновь извлекать на свет всевозможных фантастических гигантов, от белого кита, грозного Моби Дика северных морей, до огромного Кракена, который мог обхватить своими щупальцами судно водоизмещением в пятьсот тонн и увлечь его в океанскую бездну. В доказательство газетчики даже приводили письменные свидетельства давних времен,

в частности, слова Аристотеля и Плиния, допускавших существование подобных чудовищ, а также норвежские заметки епископа Пондопиддана, рассказы Поля Хеггеде и, наконец, отчеты господина Харрингтона, чья правдивость не вызывает сомнений. Последний утверждал, что в 1857 году, находясь на борту «Кастиллана», собственными глазами видел исполинскую змею, которая до той поры «заплывала» лишь на страницы приснопамятного «Конституционалиста»[4].

В научных сообществах и специализированных изданиях разразились бесконечные споры между легковерными и скептиками. «Вопрос морского чудовища» будоражил умы. Журналисты научных изданий, ополчившиеся на адептов сверхъестественного, пролили во время той памятной баталии реки чернил, а кое-кто даже пару капель крови, поскольку от обсуждения морской змеи перешли к оскорбительным выпадам против соперников.

Шесть месяцев продолжалась эта война; перевес оказывался то на одной, то на другой стороне. Статьи ученых из Бразильского географического

---

[4] Сноски: 4
Французский политический ежедневник, основанный в 1815 г.

института, Берлинской королевской академии наук, Британской ассоциации, Смитсоновского института в Вашингтоне, дискуссии в периодических изданиях «Индиан аршипелаго», «Космос» аббата Муаньо, «Миттейлунген» Петерманна, научные хроники, опубликованные в солидных газетах Франции и других стран, неизменно встречали пылкий отпор на страницах бульварной прессы. Пародируя слова Линнея, процитированные кем-то из противников чудовища, остроумные писаки заявляли, что «природа не делает глупцов»[5] и призывали современников не клеветать на природу, приписывая ей создание кракенов, морских змей, «моби диков» и прочих неправдоподобных существ. Наконец, одна крайне воинственная сатирическая газета опубликовала статью известного писателя, в которой тот, подобно Ипполиту, уложил монстра на лопатки, нанеся ему смертельный удар своим пером под взрывы всеобщего хохота. Остроумие победило науку.

В первые месяцы 1867 года тема была окончательно похоронена и, казалось, уже не воз-

[5] Сноски: 5

На французском эта фраза (la nature ne fait pas de sots) совпадает по звучанию с известным высказыванием Карла Линнея «Природа не делает скачков» (La nature ne fait pas de sauts).

родится, как вдруг до сведения публики дошли новые факты. Теперь уже речь шла не о научной загадке, а о реальной угрозе, которую требовалось устранить. Дело приняло совсем иной оборот. Чудовище превратилось в островок, скалу, риф, — но риф ускользающий, загадочный, неуловимый.

Ночью 5 марта 1867 года пароход «Моравиан» Монреальской океанической компании, оказавшись в точке с координатами 27°30’ северной широты и 72°15’ западной долготы, ударился правым бортом о скалу, которая не значилась ни на одной карте. Попутный ветер и четыреста лошадиных сил позволили судну развить скорость в тринадцать узлов. Если бы не исключительная прочность корпуса, от такого удара «Моравиан», вне всякого сомнения, пошел бы ко дну вместе с людьми, включая команду и двести тридцать семь пассажиров, которых он вез из Канады.

Столкновение произошло около пяти часов утра, когда рассвет еще только занимался. Вахтенные ринулись на корму. Они напряженно всматривались в океанские просторы. Однако ничего не увидели, кроме мощной кильватерной струи, с плеском взрезавшей волны в трех ка-

бельтовых[6] — казалось, кто-то яростно молотит по водной глади. Установив координаты, «Моравиан» продолжил выполнять рейс без видимых следов повреждения. С чем же он столкнулся? С подводной скалой или остовом разбившегося корабля? Это так и осталось загадкой. Позже, при осмотре корпуса в доке, выяснилось, что часть киля раздроблена.

Чрезвычайно серьезное само по себе, происшествие кануло бы в Лету, как и множество других, если бы три недели спустя не повторилось при схожих обстоятельствах. Благодаря национальной принадлежности пострадавшего судна и репутации владеющей им пароходной компании новый случай получил широчайшую огласку.

Кто не знает знаменитого английского судовладельца Кунарда? Этот талантливый промышленник основал в 1840 году почтовое сообщение между Ливерпулем и Галифаксом, которое обслуживали три деревянных колесных парохода мощностью в четыреста лошадиных сил и водо-

---

[6] Сноски: 6

Международный кабельтов (1/10 морской мили) — 185,2 метра. Изначально так называли корабельный трос для швартов и буксиров; как единицу измерения кабельтов стали использовать, поскольку трос на судне брался определенной, одинаковой длины. Три кабельтовых — 555,6 м.

измещением в тысячу сто шестьдесят две тонны. По прошествии восьми лет флот компании пополнился четырьмя судами мощностью в шестьсот пятьдесят лошадиных сил и водоизмещением в тысячу восемьсот двадцать тонн, а спустя два года — двумя еще более мощными и крупными пароходами. В 1853 году компания Кунарда, в очередной раз получив исключительное право на доставку спешных отправлений, постепенно добавила к своей флотилии «Аравию», «Персию», «Китай», «Шотландию», «Яву» и «Россию» — первоклассные корабли, уступавшие скоростью и тоннажем только пароходу «Грейт Истерн». Таким образом, в 1867 году компания владела двенадцатью судами, восемь из которых были колесными, а четыре — винтовыми.

Я привожу здесь все эти подробности, чтобы подчеркнуть важность вышеупомянутой судоходной компании, снискавшей мировую известность благодаря грамотному управлению. Ни одна из трансокеанских компаний в сфере морских перевозок не могла похвастаться столь же умелым руководством; ни одно из предприятий не добилось большего успеха. За двадцать шесть лет пароходы Кунарда две тысячи раз пересекли Атлантику, без отмен

рейсов, без опозданий, причем ни единого письма, человека или судна не было потеряно. И по сей день, несмотря на мощную конкуренцию со стороны Франции, пассажиры предпочитают эту компанию всем остальным, как явствует из официальных документов последних лет. Поэтому неудивительно, что происшествие с одним из лучших пароходов Кунарда вызвало столь широкий резонанс.

13 апреля 1867 года «Шотландия» находилась на 15°12’ западной долготы и 45°37’ северной широты; море было спокойным, ветер — благоприятным. Тысяча лошадиных сил несли судно со скоростью тринадцать целых и сорок три сотых узла. Колеса парохода равномерно рассекали волны. Осадка составляла шесть метров семьдесят сантиметров, а водоизмещение — шесть тысяч шестьсот двадцать четыре кубических метра.

В четыре часа семнадцать минут пополудни, когда пассажиры обедали в кают-компании, корпус «Шотландии» слегка вздрогнул от едва ощутимого удара в кормовую часть, немного позади колеса левого борта.

Причем не «Шотландия» что-то задела — какой-то острый предмет ее, скорее, пропорол

или проткнул, а не ударил. Толчок был настолько слабым, что никто из находившихся на борту не встревожился, пока не раздались крики выскочивших на палубу трюмных матросов:

— Течь в трюме! Течь в трюме!

Сперва пассажиры очень испугались, но капитан Андерсон поспешил их успокоить. И в самом деле, непосредственная опасность судну не грозила. «Шотландия», разделенная на семь отсеков водонепроницаемыми перегородками, могла не бояться пробоин.

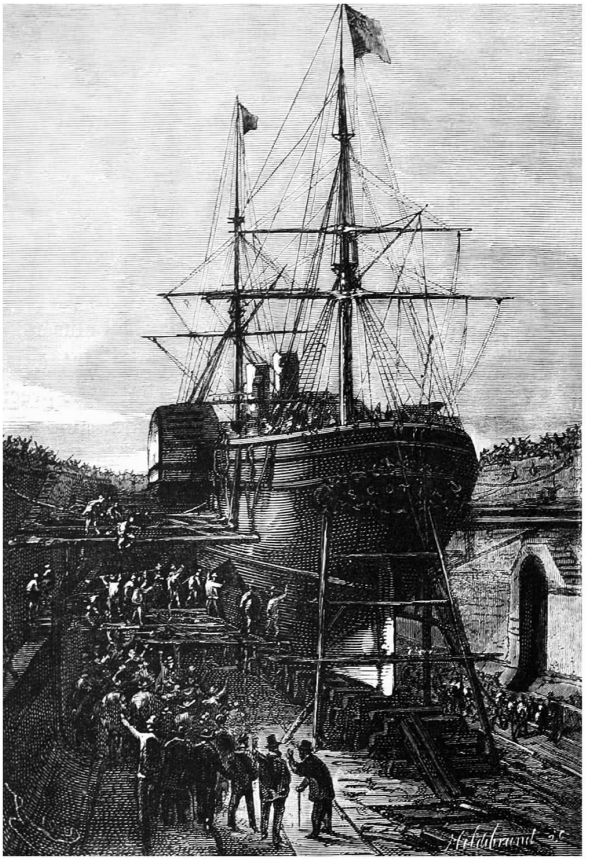
Капитан Андерсон немедленно спустился в трюм. Выяснилось, что море затапливает пятый отсек, причем, судя по скорости прибывания воды, пробоина была значительной. К счастью, паровые котлы находились в другом отсеке, иначе бы топки моментально погасли.

По приказу капитана судно остановили, после чего один из матросов нырнул за борт, чтобы оценить размер повреждений. Через несколько минут он обнаружил в подводной части корпуса двухметровую дыру. Заделать такую большую пробоину не представлялось возможным, и «Шотландия», с наполовину утопленными гребными колесами, была вынуждена продолжить рейс. В момент удара пароход находился в трех-

стах милях от острова Клир-Айленд[7], однако пришел в ливерпульский порт с трехдневным опозданием, что вызвало немалое беспокойство.

[7] Сноски: 7

Остров у юго-западного побережья Ирландии, самый южный из обитаемых островов страны.



«Шотландию» поставили в сухой док, и инже-

неры приступили к осмотру.

«Шотландию» поставили в сухой док, и инженеры приступили к осмотру. Они не верили своим глазам. В двух с половиной метрах ниже ватерлинии зияла аккуратная пробоина в форме равнобедренного треугольника. Дыра в обшивке корпуса имела идеально ровные края, будто ее вырезали резаком. Стало очевидно, что проделавший такое отверстие инструмент обладал необычайной прочностью: он не только пробил железную обшивку толщиной в четыре сантиметра, но и каким-то необъяснимым образом высвободился из пробоины!

Таково было последнее событие, которое вновь всколыхнуло общественное мнение. С той поры все необъяснимые несчастные случаи на морских просторах приписывались таинственному зверю. Справедливо или нет, фантастическое чудовище назначили виновным за все эти кораблекрушения, число которых, к сожалению, весьма велико: согласно ежегодно публикуемому в «Бюро-Веритас» отчету, из трех тысяч затонувших судов не менее двухсот и по сей день считаются пропавшими без вести!

Так или иначе, из-за «морского чудовища» сообщения между континентами становились все

более опасными, а потому возмущенная общественность решительно потребовала во что бы то ни стало избавить наконец океаны от грозного китообразного.

Глава вторая
За и против

Во время описанных событий я как раз возвращался из научной экспедиции по бесплодным землям штата Небраска в Северной Америке. Правительство Франции направило меня туда как адъюнкт-профессора[8] при Парижском музее естественной истории. Ближе к концу марта, собрав за полгода в Небраске драгоценные коллекции, я прибыл в Нью-Йорк. Мой отъезд во Францию назначили на первые числа мая. А пока я занимался классификацией найденных сокровищ из области минералогии, ботаники и зоологии. Именно тогда и произошла авария с «Шотландией».

Разумеется, я был прекрасно осведомлен о волновавшем всех вопросе — да и как иначе? Я читал и перечитывал все статьи на эту тему в американских и европейских газетах, но так и не приблизился к ответу. Таинственная история не давала мне покоя. Пытаясь найти разгадку, я бросался из одной крайности в другую. В том, что

---

[8] Сноски: 8
Помощник или заместитель профессора.

в морских глубинах что-то крылось, сомнений не было, а скептикам предлагали «вложить персты в язвы»[9] продырявленной «Шотландии».

Когда я прибыл в Нью-Йорк, тема приобрела особую злободневность. Гипотезу о плавучем острове, или неуловимом рифе, поддерживаемую некоторыми невежами, окончательно отвергли. Никакой риф не мог бы перемещаться с такой невероятной скоростью — разве что в утробе у него имелся двигатель.

Так же отринули идею о блуждающем по морям остове потерпевшего крушение судна — опять-таки из-за скорости перемещения.

Таким образом, оставалось только два возможных объяснения, расколовших общество на два лагеря: тех, кто верил в существование животного, наделенного колоссальной силой, и сторонников подводного корабля с необычайно мощным двигательным механизмом.

Однако и последняя гипотеза, казавшаяся наиболее вероятной, не отвечала на все вопросы, возникшие в ходе расследований у жителей

---

[9] Сноски: 9

Убедиться в чем-либо при помощи фактов. Выражение из Евангелия (апостол Фома не хотел верить в то, что Христос воскрес, пока не вложил свои пальцы (персты) в нанесенные Господу раны от гвоздей (язвы гвоздиные).

Старого и Нового Света. Едва ли подобное механическое судно попало в распоряжение частного лица. Где и когда его могли построить? Как удалось сохранить его строительство в тайне?

Только правительство было способно создать механизм, обладающий такой разрушительной силой. В наше страшное время, когда человечество изобретает все более смертоносные виды оружия, какое-нибудь государство вполне могло тайком разработать этот грозный двигатель и теперь его испытывать. После винтовок Шасспо[10] — торпеды, после торпед — подводные тараны; потом… затишье. По крайней мере, я на это надеюсь.

Но гипотезу о военном подводном корабле опровергли в официальных заявлениях правительства разных стран. Поскольку речь шла об интересах всего человечества, и трансокеанские сообщения находились под угрозой, искренность властей не вызывала сомнений. Да и можно ли было скрыть создание такого подводного судна от внимания общественности? Сохранить этот секрет в подобных обстоятель-

[10] Сноски: 10

Игольчатая однозарядная винтовка, разработанная французским оружейником Антуаном Шасспо в 1866 году. Использовалась во французской армии в 1866–1874 годах.

ствах очень сложно даже для частного лица, и совершенно нереально для государства, любые действия которого находятся под пристальным наблюдением соперничающих держав.

В итоге, после расследований, проведенных в Англии, Франции, России, Пруссии, Испании, Италии, Америке и даже в Турции, гипотеза о подводном мониторе[11] была решительно отвергнута.

Опять на поверхность всплыло приснопамятное морское чудовище, несмотря на насмешки бульварной прессы; воодушевленная публика рисовала в своем воображении самые абсурдные картины из области ихтиологической фантастики.

Когда я приехал в Нью-Йорк, несколько человек оказали мне честь, обратившись по интересующему всех феномену. Когда-то во Франции я опубликовал двухтомное исследование in-quarto[12] под названием «Тайны морских глубин». Книгу высоко оценили в научном сообществе, и с тех

---

[11] Сноски: 11

Тип низкобортного броненосного артиллерийского корабля, преимущественно прибрежного действия.

[12] Сноски: 12

Полиграфический термин, обозначающий размер листа бумаги в одну четверть листа, а также печатные издания такого формата (лат. «в четвертую часть», «в четвертку» от лат. quartus «четвертый»).

пор меня считали экспертом в этой малоизученной области естественной истории. Ждали моего мнения. Не имея достоверных фактов за или против гипотезы, я поначалу избегал всяческих утверждений, ссылаясь на неосведомленность. Но вскоре, припертый к стене, был вынужден дать подробный комментарий. Таким образом, «знаменитый профессор Пьер Аронакс из Парижского музея» не смог отказать «Нью-Йорк Геральд» в просьбе высказать хоть какое-то суждение.

И я его высказал. Дальше молчать было бы совсем неприлично. Я рассмотрел вопрос со всех сторон, с политической и научной. Привожу здесь отрывок из своей весьма содержательной статьи, опубликованной в номере от 30 апреля.

«Итак, — писал я, — внимательно изучив все выдвинутые гипотезы, и за отсутствием других предположений, я вынужден признать существование морского животного, наделенного огромной силой.

Нам почти ничего не известно о глубинных слоях океана. Никакой зонд их еще не достигал. Что творится в этих неведомых безднах? Какие существа обитают или могут обитать на глубине двенадцати или пятнадцати миль под уровнем

моря? Как устроен их организм? Остается лишь строить догадки.

Однако решение поставленной передо мной задачи может принять форму дилеммы.

Либо нам известны все виды населяющих нашу планету существ, либо не все.

Если мы не знаем всего, если природа еще таит от нас секреты в области ихтиологии, логично допустить возможность существования новых видов или даже родов рыб или китообразных, особых «глубоководных» организмов, которые обитают в недоступных для исследования глубинах, и которые в силу физических законов или по прихоти природы изредка оказываются в верхних слоях океана.

Если же, напротив, нам известны все биологические виды, то следует искать подобное животное среди уже изученных обитателей морей, и в этом случае я склонен допустить существование гигантского нарвала.

Обычный нарвал, или морской единорог, зачастую достигает шестидесяти футов в длину. Умножьте эту цифру на пять, а то и на десять, наделите китообразное соразмерной силой, увеличьте соответственно его бивень — и вы получите искомое чудовище! У него будут разме-

ры, описанные офицерами «Шеннона», грозный бивень, способный продырявить «Шотландию», и достаточная для этого мощь.

У нарвала и в самом деле есть нечто вроде костяной шпаги, подобие алебарды, по меткому выражению натуралистов. Это огромный, твердый, как сталь, рог. Иногда следы нанесенных им ран обнаруживали на теле китов, которых нарвалы с успехом атакуют. Порой осколки бивня извлекали из кораблей — нарвалы протыкали деревянные корпуса насквозь, как бурав просверливает бочку. В музее Парижского медицинского факультета хранится один из подобных бивней длиной два метра двадцать пять сантиметров, достигающий в окружности сорока восьми сантиметров!

А теперь вообразите бивень в десять раз больше и животное в десять раз мощнее, представьте, что оно движется со скоростью двадцати миль в час, помножьте его массу на скорость, и вы поймете причину катастрофы.

Итак, пока не появятся более обширные данные, я склоняюсь к версии о морском единороге колоссальных размеров, вооруженном не толь-

ко алебардой, но и настоящим тараном[13], как у бронированных фрегатов или стенобитных орудий, которые обладают схожей массой и движущей силой.

Так можно было бы объяснить этот необъяснимый феномен, — если только он не является плодом воображения, вопреки всему, что люди наблюдали, видели, чувствовали и переживали, — что тоже вполне вероятно!»

Последние слова были проявлением малодушия с моей стороны, но я хотел, в некотором роде, защитить свою профессорскую честь и не стать жалким посмешищем в глазах американцев, которые всегда не прочь подшутить. Я оставил себе путь к отступлению. Хотя в глубине души допускал возможность существования «чудовища».

Моя статья вызвала жаркие дискуссии, что обеспечило ей широкую огласку. Многие выступили в ее поддержку. Впрочем, предложенное решение оставляло простор для воображения. Грандиозные идеи о сверхъестественных существах всегда пленяли человеческий разум. Море

---

[13] Сноски: 13

Таран, или шпирон, — разновидность вооружения корабля, предназначенная для боя на самой короткой дистанции и имеющая вид конструктивного элемента форштевня в виде массивного бивня (шпирона), служащего для поражения подводной части вражеского корабля с целью потопления.

неизменно будит нашу фантазию, ведь это единственная среда, способная породить гигантов, рядом с которыми земные животные, вроде слонов и носорогов, кажутся карликами, — только здесь они могли бы возникнуть и развиться. Водные массы перемещают самых больших известных науке млекопитающих планеты; возможно, они таят в себе огромных моллюсков и жутких на вид ракообразных, — например, стометровых омаров или двухтонных крабов! Почему бы и нет? Древние земные животные, современники прежних геологических эпох, — четвероногие, четверорукие[14], рептилии, птицы — имели колоссальные размеры. Создатель бросил их в гигантскую плавильную форму, которая постепенно ужалась со временем. Так почему бы морю не сохранить в своих неведомых глубинах эти грандиозные лекала жизни былых эпох, ведь оно остается незыблемым, тогда как ядро Земли беспрестанно меняется? Почему бы ему не укрыть в своем чреве последних представителей титанических существ, для которых годы — все равно что века, а века — тысячелетия?

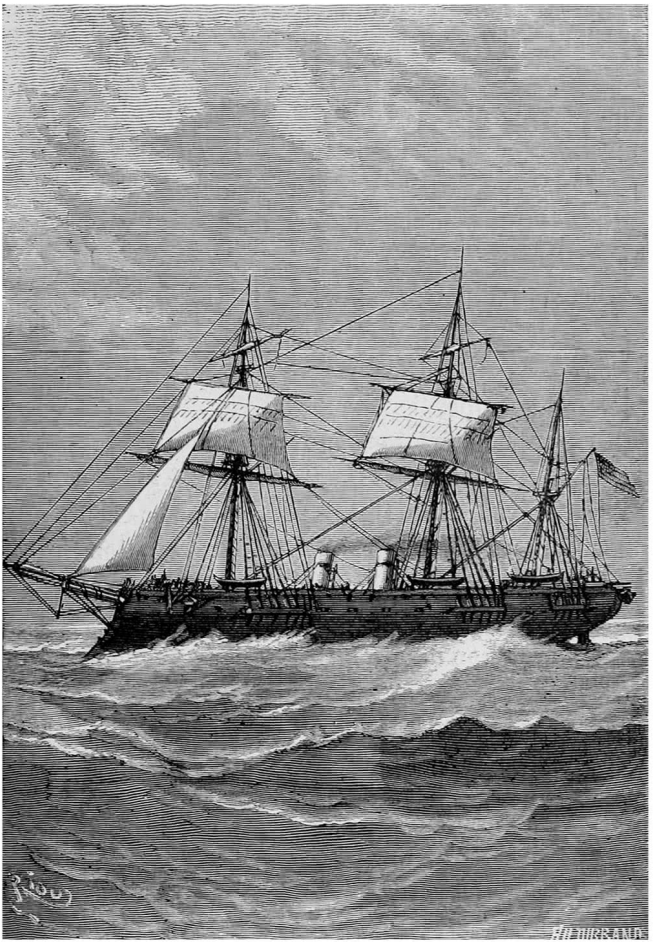
---

[14] Сноски: 14

Один из двух отрядов, на которые был в XVIII веке искусственно разделен отряд приматов. Он включал в себя всех приматов, за исключением человека, который выделялся в отряд Bimanus (двурукие).

Но я поддался влиянию фантазий, которым не должен предаваться ученый! Довольно с меня химер, которые вдруг стали ужасной реальностью! Повторяю, я высказал мнение о природе этого явления, и все читатели безоговорочно признали существование невиданного создания, которое не имело ничего общего со сказочными морскими змеями.

Однако, если одни видели в этом лишь научную загадку, то другие, более рассудительные, особенно в Америке и Англии, сочли необходимым избавить океан от страшного чудовища, чтобы обезопасить трансокеанские сообщения. Большинство газет, освещавших вопросы промышленности и торговли, придерживалось именно этой точки зрения. «*Шиппинг энд Меркэнтайл газетт*», «Ллойд», «Пакебот», «Ревю-маритим-колониаль» — все издания, защищающие интересы страховых компаний, грозивших поднять расценки, высказались единодушно.



Фрегат «Авраам Линкольн».

Как только общественное мнение было обнародовано, Соединенные Штаты первыми перешли к активным действиям. В Нью-Йорке началась подготовка к экспедиции, целью которой было преследование гигантского нарвала. Быстроходный фрегат «Авраам Линкольн» готовился выйти в море в ближайшее время. Военное ведомство открыло свои арсеналы капитану Фаррагуту, который настойчиво просил предоставить вооружение для судна.

Но как всегда случается, в тот самый момент, когда было принято решение отправиться на поиски чудовища, оно перестало показываться на глаза. В течение двух месяцев о нем никто не слышал. Ни один корабль с ним больше не встречался. Казалось, таинственный единорог каким-то образом узнал о затеваемых против него заговорах. Ведь об этом трубили повсюду! Сообщались даже по трансатлантическому телеграфному кабелю! Некоторые шутники говорили, что хитрая рыбина перехватила одну из телеграмм и с выгодой использовала полученные сведения.

Так что теперь фрегат, снаряженный для даль-

него похода и оборудованный гигантскими рыболовными снастями, не знал, куда держать курс. Всеобщее нетерпение нарастало, когда 2 июля поступили сведения, что пароход, следующий из Сан-Франциско в Шанхай, три недели назад снова заметил морское чудовище в северных морях Тихого океана.

Новость вызвала бурю чувств. Капитану Фаррагуту не дали и суток на сборы. Провиант загрузили на судно. Трюмы ломились от угля. Команда была полностью укомплектована. Оставалось лишь разжечь печи, разогреть котлы и отчалить! Ему не простили бы задержки и в полдня! Впрочем, капитану Фаррагуту и самому не терпелось отправиться в плавание.

За три часа до того, как «Авраам Линкольн» должен был покинуть бруклинский пирс, я получил письмо следующего содержания:

«Господину Аронаксу,
профессору Парижского музея естествознания
Гостиница «Пятая авеню»
Нью-Йорк
Милостивый государь!

Если вы желаете присоединиться к экспедиции на фрегате «Авраам Линкольн», правительство Соединенных Штатов Америки будет счастливо видеть Вас в ее составе как представителя Франции. Капитан Фаррагут уже распорядился подготовить для Вас каюту.

С искренним почтением,
Дж.-Б. Хобсон,
Министр военно-морских сил»

Глава третья
Как будет угодно господину профессору

Еще за три секунды до того, как письмо Дж.-Б. Хобсона попало ко мне в руки, я думал об охоте на единорога не больше, чем о попытке преодолеть ледовые поля Северо-Западного прохода[15]. И уже через три секунды после прочтения письма уважаемого министра военно-морских сил я вдруг понял, что мое истинное призвание, единственная цель всей жизни — отправиться в погоню за этим грозным зверем и освободить от него мир.

Однако я только что вернулся из опасного путешествия, уставший и мечтающий об отдыхе. Больше всего на свете мне хотелось вновь увидеть родину, друзей, свою скромную квартирку возле Ботанического сада и милые сердцу драгоценные коллекции! Но ничто не могло меня остановить. Позабыв обо всем — об усталости, друзьях, коллекциях, — я без лишних раздумий

---

[15] Сноски: 15

Морской путь через Северный Ледовитый океан вдоль северного берега Северной Америки через Канадский Арктический архипелаг.

принял предложение американского правительства.

«Впрочем, — думал я, — все пути ведут в Европу! Единорог наверняка проявит любезность и приведет меня к берегам Франции! Это благородное животное непременно даст себя поймать в европейских морях — исключительно чтобы доставить мне удовольствие, — и я добуду для Музея естествознания не менее полуметра его костяной алебарды».

Ну а пока мне предстояло отправиться на поиски нарвала в северные воды Тихого океана — то есть в противоположную сторону от родной Франции.

— Консель! — нетерпеливо крикнул я.

Консель был моим слугой. Молодой фламандец сопровождал меня во всех путешествиях. Я любил его, и он платил мне взаимностью. Флегматичный по природе, честный из принципа, усердный по привычке, ничему не удивляющийся, сноровистый, всегда готовый услужить, он, вопреки своему имени[16], никогда не давал советов — даже когда к нему за таковыми обращались.

Пообтесавшись среди ученых в нашем тесном

---

[16] Сноски: 16
Фр. Conseil — совет.

мирке Ботанического сада, Консель нахватался кое-каких знаний. В его лице я получил специалиста, весьма подкованного в области естественно-научной классификации, который с ловкостью акробата взбирался по всем ступеням лестницы типов, групп, классов, подклассов, отрядов, семей, родов, подродов, видов и разновидностей. На этом его научные познания заканчивались. Классифицировать — вот все, что он умел и чем интересовался в жизни. Очень сведущий в теории классификации, но не в ее практическом применении, Консель, пожалуй, не отличил бы кашалота от кита. И все же это был на редкость славный и достойный малый!

На протяжении последних десяти лет Консель следовал за мной всюду, куда забрасывала меня наука. И никогда не приходилось слышать от него ни слова жалобы на слишком долгое или изнурительное путешествие. Ни единого возражения против того, чтобы собраться в дорогу и отправиться в далекий Китай или Конго. Он был готов ехать куда угодно без лишних расспросов. А кроме того, имел крепкое здоровье, способное противостоять любым болезням, и стальные мускулы при полном отсутствии нервов; ни малейшего намека на нервы — разу-

меется, в психическом смысле.

Конселю было тридцать лет, и его возраст относился к возрасту его господина так же, как пятнадцать к двадцати. Да простят мне, что я сообщаю о своем сорокалетии в такой сложной форме!

Однако был у Конселя один недостаток. Ярый формалист, он всегда обращался ко мне исключительно в третьем лице, что порой ужасно раздражало.

— Консель! — повторно окликнул я, торопливо собираясь в дорогу.

Преданность Конселя не вызывала у меня никаких сомнений. Обыкновенно я не спрашивал, хочет ли он сопровождать меня в путешествии, но на этот раз речь шла об экспедиции, которая могла затянуться на неопределенный срок, об опасном предприятии, об охоте на животного, которое способно потопить фрегат, словно ореховую скорлупу! Здесь было о чем подумать даже самому невозмутимому человеку в мире! Что же скажет Консель?

— Консель! — крикнул я в третий раз.

Тот наконец явился.

— Господин профессор меня звал? — спросил он, входя.

— Да, мой друг. Собери мои вещи и собирайся сам. Мы уезжаем через два часа.

— Как будет угодно господину профессору, — спокойно ответил Консель.

— Нельзя терять ни минуты. Уложи в сундук мои дорожные принадлежности, костюмы, рубашки, носки — все, что сможешь найти. И поторопись!

— А коллекции господина профессора? — уточнил Консель.

— Ими займемся позже.

— Но как же архиотерии[17], гиракотерии[18], ореодоны, херопотамусы и другие скелеты ископаемых?

— Оставим их на хранение в гостинице.

— А как же бабирусса[19]?

— Ее будут кормить во время нашего отсутствия. Впрочем, я распоряжусь отправить наш зверинец во Францию.

---

[17] Сноски: 17

Род парнокопытных из семейства энтелодонтов, представители которого существовали с конца эоцена по конец олигоцена на территории современных США и Канады.

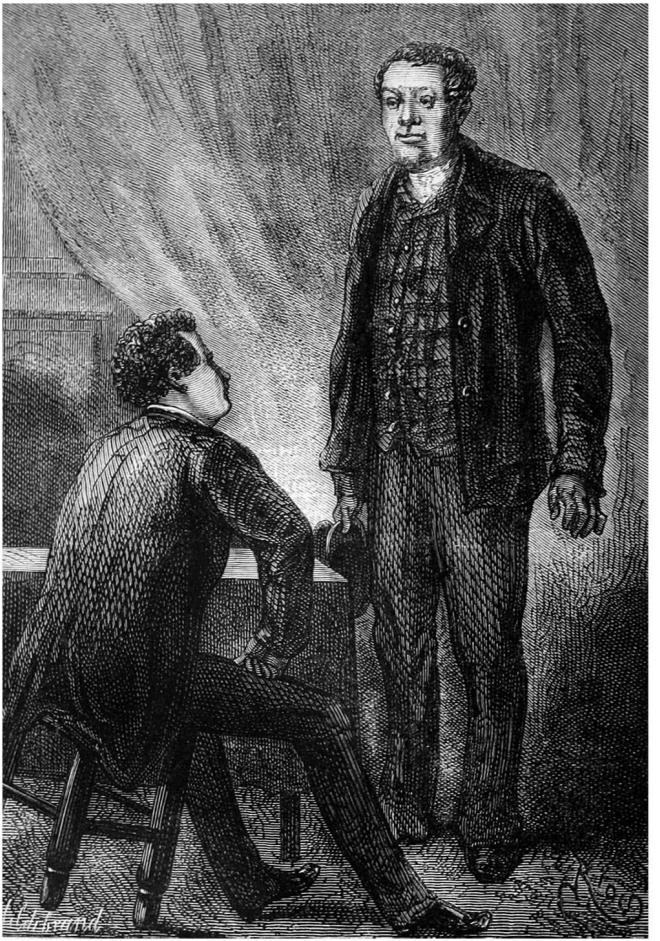
[18] Сноски: 18

Вымерший род непарнокопытных, считающийся одним из наиболее ранних представителей лошадеподобных животных.

[19] Сноски: 19

Вид парнокопытных млекопитающих из семейства свиных подотряда свинообразных. Обитает в Индонезии.

— Значит, мы в Париж не вернемся? — спросил Консель.



— Как будет угодно господину профессору.

— Ну почему же… непременно вернемся, — уклончиво ответил я. — Только сделаем небольшой крюк.

— Хорошо. Если господину профессору будет угодно, сделаем крюк.

— Крюк будет совсем пустяковый! Мы просто поедем менее прямым путем, только и всего. Поплывем на «Аврааме Линкольне»…

— Как будет угодно господину профессору, — безмятежно согласился Консель.

— Видишь ли, друг мой, речь идет о чудовище… о том самом знаменитом нарвале… Мы избавим от него моря!.. Автор двухтомника, in-quarto, «Тайны морских глубин» не может отказаться от участия в экспедиции с капитаном Фаррагутом. Миссия почетная, но… весьма опасная! Непонятно даже, куда идти! Кто знает, что у этого зверя на уме? Однако будь что будет! Наш капитан — человек не робкого десятка!..

— Куда господин профессор, туда и я, — заявил Консель.

— Ты все-таки подумай хорошенько. Я не хочу ничего от тебя скрывать. Из таких путешествий не всегда возвращаются!

— Как будет угодно господину профессору.

Спустя четверть часа чемоданы были уложены. Консель легко управился со сборами, и я был уверен, что он ничего не забыл, поскольку этот парень классифицировал рубашки и сюртуки не менее мастерски, чем птиц и млекопитающих.

Гостиничный лифт[20] доставил нас в большой вестибюль на антресольном этаже. Сбежав по ступенькам вниз, я оплатил счет у широкой стойки, вечно осаждаемой большой толпой. Распорядился, чтобы тюки с чучелами животных и засушенными растениями отправили во Францию (Париж). Наконец открыл щедрый кредит на корм для бабируссы и, в сопровождении Конселя, прыгнул в ожидавший экипаж.

Экипаж стоимостью двадцать франков за поездку спустился по Бродвею до Юнион-сквер, покатил по Четвертой авеню до перекрестка с Бауэри-стрит, свернул на Кэтрин-стрит и остановился у тридцать четвертого пирса. Там мы, вместе с лошадьми и экипажем, загрузились на паром, который доставил нас в Бруклин — крупный пригород Нью-Йорка, расположенный

[20] Сноски: 20

В нью-йоркской гостинице «Пятая авеню» (*англ.* Fifth Avenue) был установлен первый в мире пассажирский лифт. Отель открылся в 1859 году и был спроектирован специально для установки лифта.

на левом берегу Ист-Ривер, — и через несколько минут оказались на пристани, где стоял «Авраам Линкольн», извергая из своих двух труб клубы черного дыма.

Наш багаж немедленно подняли на верхнюю палубу фрегата. Я взбежал по трапу на борт и спросил капитана Фаррагута. Один из матросов проводил меня на ют, где нас встретил морской офицер приятной наружности.

Он протянул мне руку и спросил:

— Господин Пьер Аронакс?

— Собственной персоной, — ответил я. — А вы капитан Фаррагут?

— Он самый. Добро пожаловать, господин профессор. Каюта к вашим услугам.

Я поблагодарил капитана и, оставив его готовиться к отплытию, в сопровождении матроса прошел в приготовленную для меня каюту.

«Авраам Линкольн» был идеально приспособлен для своей новой задачи. Это был быстроходный фрегат, оснащенный самыми современными паровыми машинами, которые позволяли увеличивать давление пара до семи атмосфер. Благодаря такому давлению «Авраам Линкольн» мог развивать среднюю скорость в восемнадцать и три десятых мили в час, — скорость весьма зна-

чительную, но все же недостаточную для погони за гигантским китообразным.

Внутреннее убранство фрегата соответствовало его мореходным качествам. Мне очень понравилась моя расположенная на корме каюта, которая сообщалась с кают-компанией для командного состава.

— Нам здесь будет очень уютно, — сказал я Конселю.

— Не хуже, чем раку-отшельнику в раковине моллюска-трубача, с позволения сказать, — согласился Консель.

Я оставил Конселя разбираться с чемоданами и поднялся на палубу, чтобы понаблюдать за приготовлениями к отплытию.

Капитан Фаррагут как раз велел отдать швартовы, которые удерживали «Авраам Линкольн» у бруклинского пирса. Задержись я на четверть часа, а то и меньше, — фрегат отплыл бы без меня, и я лишился бы возможности поучаствовать в этой уникальной, сверхъестественной, невероятной экспедиции, правдивый рассказ о которой может показаться чистым вымыслом.

Капитан Фаррагут не желал терять ни единого дня, ни единого часа, стремясь поскорее достичь морей, где только что видели таинственного

зверя. Он вызвал старшего механика.

— Давление достаточное? — спросил капитан.

— Так точно, капитан, — ответил механик.

— Go ahead[21]! — крикнул Фаррагут.

По команде — ее немедленно передали в машинное отделение с помощью аппарата, приводимого в действие сжатым воздухом — механики повернули пусковой рычаг. Пар со свистом вырвался из приоткрытых клапанов. Длинные горизонтальные поршни заскрипели, толкая гребной вал. Лопасти винта принялись рассекать волны с нарастающей скоростью, и вскоре «Авраам Линкольн» величественно двинулся вперед в сопровождении сотни паромов и тендеров[22], набитых зрителями.

Толпы любопытных заполнили все пирсы Бруклина и примыкающей к Ист-Ривер части Нью-Йорка. Из пятисот тысяч глоток последовательно грянуло троекратное «ура». Тысячи платков взметнулись над плотной людской массой, провожая фрегат «Авраам Линкольн», пока тот не достиг оконечности вытянутого полуост-

---

[21] Сноски: 21

Вперед! (*англ.*).

[22] Сноски: 22

Зд. — небольшие вспомогательные суда катерного типа с паровым двигателем для обслуживания кораблей.

рова, образующего город Нью-Йорк, и не вышел в Гудзон.

Следуя вдоль живописного, усеянного виллами правого берега реки со стороны Нью-Джерси, фрегат проплыл между фортами, которые приветствовали его залпами самых больших орудий. В ответ «Авраам Линкольн» три раза приспустил американский флаг с тридцатью девятью звездами, который развевался на бизань-гафеле; затем, замедлив ход, чтобы войти в обозначенный бакенами фарватер, закруглявшийся во внутренней бухте у оконечности Санди-Хука[23], судно миновало эту песчаную косу под шумные приветствиями многотысячной толпы зрителей.

Кортеж из катеров и тендеров неотступно следовал за фрегатом до плавучего маяка[24], чьи два огня указывают путь в нью-йоркский порт.

Склянки пробили три часа пополудни. Спустившись в свою шлюпку, лоцман вернулся на маленькую шхуну, ожидавшую под ветром.

---

[23] Сноски: 23

Узкая песчаная коса, выдающаяся в море от берега Нью-Джерси. Прикрывает внешнюю часть нью-йоркской гавани с моря.

[24] Сноски: 24

Судно особой конструкции, установленное на якоре в открытом море для ограждения наиболее опасных мелей и подводных скал, а также близ портов в качестве приемных навигационных знаков и лоцманской станции на входе в фарватер.

Давление в котлах увеличили; лопасти винта еще быстрее замолотили по волнам; фрегат прошел вдоль низкого желтого побережья Лонг-Айленда и в восемь часов вечера, оставив на северо-западе огни острова Файр-Айленд[25], на всех парах устремился в темные воды Атлантики.

[25] Сноски: 25

Один из барьерных островов острова Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк, США.

Глава четвертая
Нед Ленд

Капитан Фаррагут был опытным моряком, достойным вверенного ему фрегата. Он и корабль составляли единое целое, и капитан был его душой. У него не возникло никаких сомнений насчет существования таинственного китообразного, и он решительно пресекал любые возникающие на борту споры по этому вопросу. Фаррагут верил в существование животного безоговорочно, как иные кумушки верят в Левиафана, — не разумом, а сердцем. Чудовище существовало, и капитан вынес ему приговор: он избавит моря от этой напасти. В нем было что-то от рыцаря-крестоносца на Родосе, этакого Дьёдонне де Гозона[26], который шел на встречу со змеем, разоряющим его остров. Одному предстояло убить другого в смертельной схватке: либо капитану Фаррагуту — нарвала, либо нарвалу — капитана Фаррагута. И никак иначе.

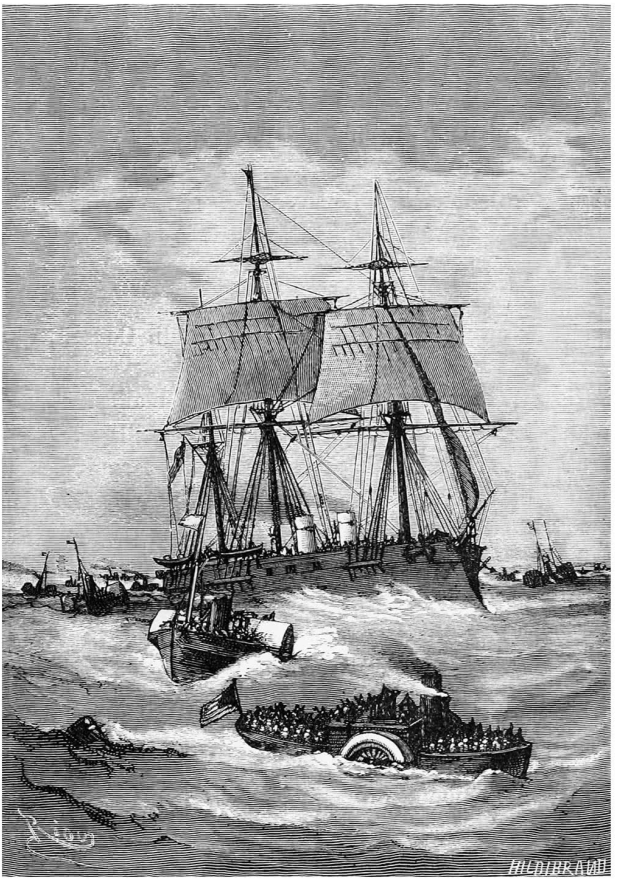
---

[26] Сноски: 26

Дьёдонне де Гозон — дворянин из Лангедока, 27-й Великий магистр ордена госпитальеров в 1346–1353 годах и третий магистр после перемещения ордена с Кипра на Родос.

Весь командный состав фрегата разделял мнение своего командира. Слышали бы вы, как они беседовали, обсуждали, спорили, просчитывали вероятность встречи! Видели бы, как напряженно вглядывались они в бескрайние океанские просторы! Многие добровольно вызывались нести вахту на реях брамселя, хотя в любых других обстоятельствах посчитали бы эту обязанность проклятием. Пока солнце выписывало в небе свою привычную дугу, рангоут был облеплен нетерпеливыми матросами — казалось, доски палубы обжигали им пятки! Хотя «Авраам Линкольн» даже не коснулся еще своим форштевнем[27] подозрительные воды Тихого океана!

[27] Сноски: 27
Носовая оконечность судна, являющаяся продолжением киля.



Кортеж из катеров и тендеров неотступно сле-

довал за фрегатом.

Члены экипажа, все как один, только и мечтали, чтобы встретить единорога, загарпунить его, втащить на борт и разрубить на куски. Они всматривались в морскую гладь с пристальным вниманием. К тому же капитан Фаррагут обещал денежное вознаграждение в две тысячи долларов любому юнге, матросу, старшине или кому-то из командного состава, кто первым заметит животное. Можете представить, как напрягали зрение все находившиеся на борту «Авраама Линкольна»!

Я тоже не отставал от других, никому не доверяя свои ежедневные научные наблюдения. Наш фрегат мог бы по праву именоваться «Аргусом»[28]. Один лишь Консель выказывал полное равнодушие к предмету поимки, не вовлекаясь в царивший на борту ажиотаж.

Как я уже говорил, капитан Фаррагут позаботился о том, чтобы оборудовать корабль необходимыми приспособлениями для охоты на гигантского морского млекопитающего. Даже китобойные суда не могли бы похвастаться

[28] Сноски: 28

Многоглазый великан, персонаж древнегреческой мифологии, нередко получавший эпитеты «Всевидящий», «Многоглазый» или «Панопт».

лучшим оснащением. У нас имелись все известные на тот момент орудия лова, от обычного ручного гарпуна до мушкетонов с зазубренными стрелами и длинноствольных уточниц[29] с разрывными пулями. На полубаке установили пушку усовершенствованной конструкции, заряжавшуюся с казенной части, с толстой броней и узким жерлом — подобную модель должны были представить на Всемирной выставке в 1867 году. Это бесценное орудие американского производства запросто могло отправить четырехкилограммовый конический снаряд на расстояние в шестнадцать километров.

Таким образом, «Авраам Линкольн» имел все необходимые средства уничтожения. Но у него было и кое-что получше. У него был Нед Ленд, король гарпунеров.

Канадец Нед Ленд слыл искуснейшим китобоем и не знал равных в своем опасном ремесле. Хладнокровие и сноровка, хитрость и отвага — он был наделен этими качествами в наивысшей степени; только очень коварному киту или необычайно сообразительному кашалоту удалось бы избежать его гарпуна.

---

[29] Сноски: 29

Крупнокалиберный дробовик для промысловой охоты с лодки на гусей и уток (применялся в XIX — начале XX века).

Нед Ленду было около сорока лет. Это был рослый — не ниже шести английских футов — мужчина крепкого телосложения, сурового нрава, неразговорчивый, довольно вспыльчивый и впадающий в ярость при малейшем противоречии. Он неизменно обращал на себя внимание, в особенности, проницательным взглядом, который подчеркивал его незаурядную внешность.

Полагаю, капитан Фаррагут поступил весьма мудро, наняв этого человека. Он один стоил всего экипажа, благодаря острому зрению и твердой руке. Пожалуй, его уместно сравнить с мощным телескопом, объединенным с пушкой, всегда готовой к выстрелу.

Любой канадец — тот же француз, и, должен признаться, несмотря на свою нелюдимость, Нед Ленд проникся ко мне некоторой симпатией. Несомненно, все дело в моей национальности. Наше общение предоставляло ему возможность поговорить на старинном языке Рабле, каковой по-прежнему использовался в некоторых канадских провинциях, а мне — услышать звучание родной речи. Гарпунщик происходил из семьи потомственных рыболовов, которая обосновалась в Квебеке еще во те времена, когда этот город принадлежал Франции.

Неду Ленду было около сорока лет.

Постепенно Нед разговорился, и я с удовольствием слушал истории о его приключениях в полярных морях. Описания рыбной ловли и сражений с китами отличались удивительной поэтичностью. Его рассказы приобретали поистине эпический размах; казалось, я слушаю какого-то канадского Гомера, нараспев читающего «Илиаду» гиперборейских земель!

Я изображаю здесь своего отважного попутчика таким, каким знаю его теперь. Мы с ним стали добрыми друзьями — такого рода нерушимая дружба зачастую рождается в самых страшных обстоятельствах! Нед, славный ты парень! Как бы я хотел прожить еще сотню лет, чтобы подольше вспоминать тебя!

Какого же мнения придерживался Нед Ленд о морском чудовище? Признаться, он совершенно не верил в существование единорога и, единственный из находившихся на борту, не разделял всеобщего убеждения. Он даже предпочитал вообще не касаться в разговоре этой темы, хотя я надеялся его когда-нибудь переубедить.

Прекрасным вечером 30 июля, то есть спустя три недели после отплытия, фрегат находился на широте мыса Блан, в тридцати милях под вет-

ром от берегов Патагонии. Мы пересекли тропик Козерога — менее чем в семистах милях к югу простирался Магелланов пролив. Уже через неделю «Авраама Линкольну» предстояло бороздить волны Тихого океана.

Сидя на полуюте, мы с Недом болтали о том о сем, глядя на таинственное море, чьи глубины до сих пор оставались недоступны человеческому взору. Совершенно естественным образом я завел разговор об океанском чудовище, рассуждая о шансах нашей экспедиции на успех или неудачу. Видя, что Нед явно не склонен поддерживать беседу на эту тему, я решил взять быка за рога:

— Послушайте, Нед, почему вы не верите в существование китообразного, за которым мы гоняемся? У вас есть какие-то веские причины для сомнений?

Прежде чем ответить, гарпунщик пару мгновений молча смотрел на меня, затем привычным жестом постучал себя по широкому лбу, прикрыл глаза, будто собираясь с мыслями, и наконец сказал:

— Возможно, господин Аронакс.

— Нед, вы же опытный гарпунщик и не понаслышке знакомы с крупнейшими морскими млекопитающими! А потому легко могли бы

представить себе исполинского кита и принять нашу гипотезу! Уж кто-кто, а вы никак не должны были в ней усомниться.

— Ошибаетесь, господин профессор, — ответил Нед. — Может, какие-то невежды еще верят в существование комет, бороздящих небо, или допотопных чудовищ, населяющих недра Земли, однако ни астрономы, ни геологи не принимают подобные выдумки всерьез. Также и китобои. Я не раз преследовал китов, я загарпунил огромное их количество; несмотря на всю мощь и силу, ни хвосты, ни клыки не способны пробить стальную обшивку корпуса парохода.

— И все же, Нед, по некоторым сведениям, нарвалу порой удавалось протаранить судно своим клыком!

— Возможно, то были деревянные суда! — отвечал канадец. — Чего не видел, того не видел. И пока не докажут обратное, я отказываюсь признавать, что киты, кашалоты или морские единороги способны дырявить корабли.

— Послушайте, Нед…

— Нет, господин профессор, даже не просите. Кто угодно, только не китообразные. Может, гигантский осьминог?..

— Маловероятно, Нед. Осьминог — всего лишь

моллюск. Даже само название[30] указывает на недостаточную твердость его плоти. Имей осьминоги хоть пятьсот футов в длину, они остаются беспозвоночными, а потому не представляют никакой угрозы для кораблей вроде «Шотландии» или «Авраама Линкольна». Следовательно, все эти россказни о подвигах кракенов и тому подобных чудовищ — не более, чем мифы.

— То есть вы, господин натуралист, по-прежнему убеждены в существовании гигантского китообразного? — насмешливо спросил Нед Ленд.

— Да, Нед! И моя убежденность опирается на логику фактов. Я верю в существование высокоорганизованного млекопитающего организма, принадлежащего, подобно китам, кашалотам или дельфинам, к подтипу позвоночных и наделенного костным бивнем необычайной крепости.

Гарпунер недоверчиво хмыкнул и покачал головой с видом человека, который остался при своем мнении.

— Заметьте, почтеннейший канадец, — продолжил я, — что если подобное животное су-

---

[30] Сноски: 30

Название «*моллюск*» происходит от *лат.* molluscus — «мягкий».

ществует, если оно обитает в глубинах океана и способно проникать в водные слои, расположенные в нескольких милях от поверхности, его организм непременно должен отличаться непревзойденной прочностью.

— И для чего ему такая сила? — спросил Нед.

— Чтобы выдерживать давление водных масс на большой глубине.

— В самом деле? — Нед смотрел на меня, прищурившись.

— В самом деле! Есть некоторые цифры, которые без труда докажут вам эту гипотезу.

— Цифры! — фыркнул Нед. — Цифрами можно крутить как угодно!

— В делах — да. Но не в математике. Послушайте, Нед. Допустим, что давление в одну атмосферу соответствует давлению водяного столба высотой тридцать два фута. В действительности высота этого столба была бы чуть меньше, поскольку плотность морской воды выше, чем пресной. Так вот, Нед, при нырянии ваше тело испытывает давление во столько атмосфер, то есть во столько килограммов на каждый квадратный сантиметр своей поверхности, сколько таких столбов воды по тридцать два фута, поставленных один на другой, отделяют вас от поверхности моря.

Следовательно, на глубине трехсот двадцати футов давление составляет десять атмосфер, на глубине трех тысяч двухсот футов — сто атмосфер, а на глубине тридцати двух тысяч футов, или около двух с половиной лье, — тысячу атмосфер. Иными словами, если бы вы погрузились в морскую пучину на такую глубину, каждый квадратный сантиметр вашего тела испытал бы давление в тысячу килограммов. Знаете ли вы, мой дорогой Нед, какова ваша площадь в квадратных сантиметрах?

— Даже не представляю, господин Аронакс.

— Около семнадцати тысяч.

— Так много?

— И поскольку в действительности атмосферное давление немного выше, чем один килограмм на квадратный сантиметр, в данный момент ваши семнадцать тысяч квадратных сантиметров испытывают давление в семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят восемь килограммов.

— А я этого даже не замечаю?

— А вы этого даже не замечаете. Вас не расплющивает только благодаря воздуху, который находится внутри вашего тела и имеет такое же давление. Возникает идеальный баланс внешнего и внутреннего давлений, которые нейтрализуют

друг друга, позволяя вам без проблем их выдерживать. Однако в воде все иначе.

— Теперь понятно, почему! — ответил Нед уже более заинтересованно. — Вода, в отличие от воздуха, давит извне, но не проникает внутрь!

— Именно поэтому, Нед. Таким образом, на глубине тридцати двух футов от поверхности моря вы испытаете давление в семнадцать тысяч пятьсот шестьдесят восемь килограмм; на глубине трехсот двадцати футов — в десять раз большее давление, то есть сто семьдесят пять тысяч шестьсот восемьдесят килограмм; на глубине трех тысяч двухсот футов — в сто раз большее давление, то есть один миллион семьсот пятьдесят шесть тысяч восемьсот килограмм; и наконец на глубине тридцати двух тысяч футов — в тысячу раз большее давление, то есть семнадцать миллионов пятьсот шестьдесят восемь тысяч килограммов; иначе говоря, вы стали бы таким плоским, будто вас расплющили гидравлическим прессом!

— Вот дьявол! — выругался Нед.

— Так что, любезный гарпунер, если на таких глубинах обитают позвоночные длиной в несколько сот метров и соответствующей величины, то миллионы квадратных санти-

метров их тела должны выдерживать давление в миллиарды килограммов. Попробуйте прикинуть, насколько прочным скелетом и мощным организмом они должны обладать, чтобы противостоять такому напору!

— Сдается мне, они должны иметь обшивку из листового железа толщиной восемь дюймов, как бронированные фрегаты! — предположил Нед.

— Совершенно верно, Нед. Только представьте, какие губительные разрушения может произвести подобная глыба, врезавшись со скоростью курьерского поезда в корпус судна!

— Пожалуй… Может, вы и правы… — ответил канадец, впечатленный моими доводами, но не желающий сдаваться.

— Ну что, убедил я вас?

— Вы убедили меня лишь в одном, господин натуралист: если в морских глубинах и водятся подобные животные, они непременно должны обладать силой, о которой вы говорите.

— Но если их не существует, то чем вы объясните происшествие с «Шотландией», упрямец вы этакий?

— Например, тем… — замялся Нед.

— Ну же, смелее!

— …что все это выдумки! — выпалил канадец, невольно повторяя знаменитый ответ Араго.

Подобный ответ лишь доказывал упрямство гарпунщика. В тот день я не стал на него наседать. Реальность происшествия с «Шотландией» не подлежала сомнению. Пришлось даже заделывать образовавшуюся в корпусе дыру — невозможно придумать более наглядное подтверждение ее существования. Но дыра эта возникла не сама по себе; подводные скалы или подводные машины тоже были явно ни при чем, а значит, ее могли проделать только клыки или бивни какого-то животного.

Причем, учитывая все вышесказанное и следуя логике моих умозаключений, можно было предположить, что это животное принадлежит к подтипу позвоночных, классу млекопитающих, группе рыбовидных и, наконец, отряду китообразных. Что касается семейства, к которому его следовало отнести (к китам, кашалотам или дельфинам), а также рода и вида — все это предстояло в итоге выяснить. Чтобы решить подобную задачу, нужно было произвести вскрытие, чтобы произвести вскрытие — изловить таинственного зверя, чтобы его изловить, нужно было его загарпунить, что являлось обязанностью Неда Ленда,

чтобы его загарпунить, нужно было его увидеть, что являлось обязанностью экипажа, а чтобы его увидеть, нужно было его встретить, что зависело исключительно от воли случая.

Глава пятая
Наугад!

Поначалу наше плавание на «Аврааме Линкольне» проходило без каких-либо происшествий. Хотя однажды Неду Ленду выпал случай проявить свою удивительную сноровку и тем самым вызвать всеобщее доверие.

Тридцатого июня, на широте Фолклендских островов, фрегат снесся с идущими навстречу американскими китобоями. Как выяснилось, те ничего не слышали о нарвале. Когда один из них, капитан судна «Монро», узнал, что на борту «Авраама Линкольна» находится Нед Ленд, то попросил его помочь им изловить замеченного поблизости кита. Капитан Фаррагут, желая увидеть Неда Ленда в деле, разрешил гарпунеру подняться на борт «Монро». По счастливой случайности, нашему канадцу повезло загарпунить не одного, а двух китов! Одного он уложил сразу, ловким ударом пронзив его в самое сердце, а другого — после нескольких минут погони!

Право же, доведись чудовищу иметь дело с гарпуном Неда Ленда, я не поставил бы на чу-

довище!

Двигаясь с невероятной скоростью, фрегат продолжил следовать вдоль юго-восточного побережья Южной Америки. Третьего июля мы оказались неподалеку от Магелланова пролива на долготе Кабо Вирхенес[31]. Однако капитан Фаррагут не пожелал идти этим извилистым путем и взял курс на мыс Горн[32].

Все члены команды единодушно одобрили его решение. И в самом деле, какова была вероятность встретить нарвала в этом узком проходе? Большинство матросов утверждали, что чудовище «слишком огромное, чтобы там протиснуться!».

Около трех часов пополудни 6 июля «Авраам Линкольн», держась на расстоянии пятнадцати миль, обогнул с юга тот уединенный островок, ту затерянную на краю американского континента скалу, которую голландские моряки назвали в честь своего родного города мысом Горн. Мы взяли курс на северо-запад, и утром следующего

---

[31] Сноски: 31

Мыс на юго-восточной оконечности континентальной Аргентины в Южной Америке (*исп.* Cabo Vírgenes, букв. «Мыс Девы»).

[32] Сноски: 32

Крайняя южная точка архипелага Огненная Земля, расположенная на острове Горн. Вопреки распространенному мнению не является южной оконечностью Южной Америки.

дня гребной винт фрегата уже разбивал волны Тихого океана.

— Гляди в оба! — повторяли друг другу матросы «Авраама Линкольна».

И они действительно смотрели во все глаза, прельщенные наградой в две тысячи долларов. Днем и ночью они наблюдали за поверхностью океана, не давая отдыха ни глазам, ни подзорным трубам. Причем никталопы[33], чья способность отлично видеть в темноте увеличивала шансы на пятьдесят процентов, имели значительное преимущество в этом состязании.

Вовсе не из-за денег, а лишь науки для, я вглядывался в морские просторы, как и все. На скорую руку ел, почти не спал и в любую погоду спешил на палубу. То перегнувшись через леера полубака, то опершись о фальшборт кормы, я жадно впивался глазами в кильватер, который тянулся до самого горизонта, разбавляя морскую синеву белесыми пенными хлопьями. Не раз у меня перехватывало дыхание, как и у всего экипажа, когда над водой вздымалась черная спина кита. В такие мгновения палуба тотчас заполнялась людьми. Толпы матросов и офицеров оккупиро-

[33] Сноски: 33

Человек, видящий лучше ночью, чем днем (от *греч.* nyx, nyktos — ночь, ops — зрение).

вали капы[34]. Затаив дыхание, напрягая зрение, все наблюдали за морским исполином. Я не был исключением и все глаза проглядел (до мелькания мушек), рискуя повредить сетчатку и вовсе ослепнуть! А неизменно флегматичный Консель спокойно говорил:

[34] Сноски: 34

Кап — конструкция, образованная вертикальными стенками и настилом с подкрепляющим набором, закрывающая вырезы над помещениями судна.

То опершись о фальшборт кормы...

— Господин видел бы гораздо лучше, если бы

поменьше напрягал глаза!

Увы, волнения были напрасны! «Авраам Линкольн» менял курс, чтобы нагнать замеченное животное, но всякий раз оказывалось, что это обычный кит или кашалот, который вскоре скрывался под водой, провожаемый хором проклятий.

С погодой нам по-прежнему везло. Путешествие проходило в наиболее благоприятных условиях. Хотя был не лучший сезон для плавания в южных морях, ведь июль в этих широтах соответствует европейскому январю; океан оставался спокойным, позволяя нам без труда обозревать его бескрайние просторы.

Нед Ленд пребывал в настроении упорного недоверия; вне вахты он предпочитал вовсе не смотреть на волны — если, конечно, на горизонте не появлялся кит. А ведь его орлиное зрение могло бы сослужить хорошую службу! Однако восемь часов из двенадцати упрямый канадец проводил у себя в каюте, отдаваясь чтению или сну. Сотни раз я корил его за равнодушие.

— Бросьте, господин Аронакс! — отвечал он. — Там все равно ничего нет. А даже если бы неведомое чудище существовало, каковы шансы его заметить? Ведь мы идем наугад! Допустим,

этого неуловимого зверя и впрямь видели где-то на просторах Тихого океана. Но со времени последней встречи прошло уже два месяца! А ваш нарвал, судя по его нраву, не любит подолгу торчать на одном месте. Как известно, он одарен чудесной быстротой движений. Вы лучше меня знаете, господин профессор, что природа на редкость разумна. Она не стала бы наделять подобным талантом медлительное по натуре животное. Стало быть, если такое животное и существует, оно уже далеко!

Что тут скажешь? Мы и правда шли наугад. Ничего другого нам не оставалось. Шансы встретить нарвала таяли с каждым днем. Но пока все верили в удачу, и ни один моряк на борту не поставил бы против нарвала и его скорого появления.

Двадцатого июля мы пересекли тропик Козерога на 105° восточной долготы, а двадцать седьмого числа того же месяца перевалили экватор, двигаясь вверх по сто десятому меридиану. После чего фрегат решительно взял курс на запад, к центральным морям Тихого океана. Капитан Фаррагут резонно полагал, что лучше вести поиски в глубинных водах и держаться подальше от материков или островов, которых таинствен-

ное животное всегда избегало. По-видимому, в прибрежных водах для него было «слишком тесно», как говорил боцман. Таким образом, фрегат миновал острова Туамоту, Маркизские, Сандвичевы, пересек тропик Рака на 132° восточной долготы и направился в сторону Южно-Китайского моря.

Дни чудовища были сочтены — начался последний акт спектакля с его участием! Жизнь на борту замерла. Лишь сердца бешено колотились, готовя почву для будущей аневризмы. Команда пребывала в состоянии нервного перевозбуждения, которое трудно описать словами. Люди потеряли аппетит и сон. По двадцать раз на дню из-за ошибки восприятия или обмана зрения какого-нибудь сидящего на реях матроса все испытывали невыносимые страдания; столь сильные эмоции, к тому же испытанные двадцать раз, держали нас в ужасном напряжении, которое не могло не вызвать скорую реакцию.

И реакция не заставила себя ждать. На протяжении трех месяцев — трех месяцев, когда каждый день казался веком! — «Авраам Линкольн» бороздил все северные моря Тихого океана, преследуя замеченных китов, резко меняя направление, внезапно разворачиваясь, набирая

или сбавляя скорость, всякий раз рискуя вывести из строя двигатель. Мы исследовали каждый уголок от Японских островов до побережья Америки. И не обнаружили ничего — ничего, кроме пустынных морских просторов! Ничего похожего на гигантского нарвала или подводный островок, или обломок кораблекрушения, или плавучий риф, или хоть что-нибудь сверхъестественное!

Реакция наступила. Поначалу всех охватило разочарование, открывшее дорогу неверию. На борту поселилось новое чувство, состоящее на три десятых из стыда и на семь десятых — из гнева. Моряки обзывали себя «дураками», погнавшимися за химерами, но, по большей части, злились. Целые горы нагроможденных за прошедший год доводов рухнули в одночасье, и теперь каждый старался наверстать часы сна и отдыха, так глупо принесенные в жертву.

Человеческий разум от природы наделен подвижностью, а потому нам свойственно бросаться из одной крайности в другую. Самые горячие сторонники экспедиции неизбежно превратились в ее самых ярых хулителей. Зародившись в трюмах, волна реакции поднялась до котельной, затем до кают-компании, после чего, без особых возражений со стороны капитана

Фаррагута, фрегат решительно взял курс на юг.

В любом случае, продолжать эти бесплодные поиски не имело смысла. «Авраам Линкольн» действовал безупречно, сделав все, чтобы предприятие увенчалось успехом. Ни одна команда в истории американского судоходства не проявляла такой выдержки и усердия. Моряки были невиновны в провале экспедиции. Ничего не оставалось, кроме как вернуться на родину.

О настроениях в команде сообщили капитану, но тот стоял на своем. Матросы не скрывали недовольства, и работали спустя рукава. Я бы не стал утверждать, что на борту поднялся бунт, но все же после непродолжительного сопротивления, капитан Фаррагут, как в свое время Колумб, попросил всех потерпеть еще три дня. Если за это время чудовище так и не покажется, то рулевой три раза повернет штурвал, и «Авраам Линкольн» отправится в европейские моря.

Обещание было дано 2 ноября. Экипаж воспрял духом. Все принялись с новыми силами всматриваться в океанские волны. Каждый хотел бросить на море последний взгляд, который, как правило, и остается в памяти. Подзорные трубы были нарасхват. Гигантскому нарвалу бросили последний вызов, и он просто не мог не подчиниться

всеобщему требованию «предстать перед судом».

Так прошло два дня. «Авраам Линкольн» шел на малом ходу. Были использованы все возможные средства, чтобы привлечь внимание зверя или вывести его из апатии, если он вдруг появится в этих краях. Огромные куски сала были пущены на наживку — к великой радости акул, скажу я вам. Когда «Авраам Линкольн» ложился в дрейф, на воду спускались шлюпки, обследуя каждый дюйм морской поверхности вокруг фрегата. Однако к вечеру 4 ноября эта подводная тайна все еще оставалась неразгаданной.

В полдень 5 ноября истекал назначенный срок. После чего капитан Фаррагут, верный своему слову, должен был взять курс на юго-восток и окончательно покинуть северные моря Тихого океана.

Фрегат находился теперь на 31°15’ северной широты и 136°42’ восточной долготы. Японские острова лежали менее чем в двух сотнях миль под ветром. Приближалась ночь. Склянки только что пробили восемь часов. Тонкий серп молодой луны едва проглядывал из-под плотной вуали облаков. Волны мирно колыхались под форштевнем.

В тот момент я стоял на баке, опершись о штир-

борт. Консель находился рядом, молча глядя перед собой. Матросы, взобравшись на ванты, осматривали горизонт, который постепенно сужался и темнел. Офицеры, вооружившись ночными биноклями, напряженно вглядывались в густеющие сумерки. Порой сквозь облака пробивался лунный луч, озаряя океанские воды. Затем все вновь погружалось во мрак.

Наблюдая за Конселем, я отметил, что славный малый слегка поддался общему настроению. По крайней мере мне так показалось. Возможно, впервые в жизни его нервы напряглись под воздействием любопытства.

— Ну что ж, Консель, — сказал я ему, — это наш последний шанс заполучить две тысячи долларов!

— С позволения господина профессора, замечу, что никогда не рассчитывал на эту награду, — ответил Консель. — К тому же, предложи американские власти хоть сто тысяч, они не потеряли бы ни цента!

— Ты прав, Консель. Напрасно мы так легкомысленно ввязались в эту глупую авантюру. Столько времени потрачено впустую, столько бессмысленных переживаний! Уже полгода, как мы должны были вернуться во Францию…

— В уютную квартирку господина профессора, — подхватил Консель, — в Парижский музей! Я бы уже закончил классифицировать найденные господином профессором окаменелости! А нашей бабируссе выделили бы клетку в зверинце Ботанического сада, и толпы любопытных со всего Парижа приходили бы на нее посмотреть!

Шлюпки обследовали каждый дюйм морской поверхности вокруг фрегата.

— Верно, Консель. Но это еще не все. Представляю, как над нами будут смеяться!

— Действительно, — невозмутимо сказал Консель, — Я полагаю, смеяться будут над господином профессором. И еще… впрочем, стоит ли об этом говорить?

— Говори, Консель.

— В общем, господин профессор сам виноват!

— Твоя правда!

— Когда имеешь честь быть таким видным ученым, как господин, не стоит подвергаться…

Консель так и не закончил свою любезную фразу. Глубокую тишину нарушил громкий возглас. Это был голос Неда Ленда. Гарпунщик кричал:

— Ого! Вон наша зверюга, под ветром! Прямо напротив!

Глава шестая
На всех парах

Услышав крик, весь экипаж бросился к гарпунщику: капитан, офицеры, матросы, юнги. Даже механики покинули свои посты в машинном отделении, а кочегары оставили без присмотра свои топки. Капитан приказал остановить судно, и фрегат теперь шел по инерции.

Я недоумевал, как канадцу, при всей его зоркости, удалось хоть что-то разглядеть в этой кромешной тьме. Мое сердце готово было выскочить из груди.

Однако Нед Ленд оказался прав, и вскоре мы все увидели, на что он указывал.

В двух кабельтовых от «Авраама Линкольна», по правому борту, море как будто светилось изнутри. Но не как при обычном явлении фосфоресценции. Яркий, таинственный свет исходил от неведомого чудовища, находившегося на глубине нескольких туазов[35], — многие капитаны упоминали о подобном свечении в своих отче-

[35] Сноски: 35

Старинная французская мера длины, приблизительно равная двум метрам.

тах. По-видимому, светящиеся органы животного обладали необычайной мощностью, если могли издавать такое чудное сияние! На поверхности моря образовалось гигантское световое пятно в форме вытянутого овала, в центре которого свет был особенно ярким, постепенно ослабевая по мере приближения к краям.

— Это всего лишь скопление фосфоресцирующих организмов! — воскликнул один из офицеров.

— Ошибаетесь, сударь! — решительно возразил я. — Ни фолады[36], ни сальпы[37] не способны производить столь яркое свечение. Этот свет — явно электрической природы… К тому же — смотрите, смотрите! Свет перемещается! Он движется то вперед, то назад! Теперь он идет прямо на нас!

На фрегате поднялся гвалт.

— Тихо! — крикнул Фаррагут. — Руль на ветер! Задний ход!

Матросы бросились к штурвалу, механики — в машинное отделение. Пар мгновенно

---

[36] Сноски: 36

Группа морских светящихся двустворчатых пластиножаберных моллюсков.

[37] Сноски: 37

Род низших морских животных из отряда оболочниковых, с прозрачным тельцем, издающим голубоватый фосфорический свет (*лат.* salpa).

заработал, и «Авраам Линкольн», накренившись на левый борт, описал полукруг.

— Право руля! Ход вперед! — скомандовал капитан.

Приказания были в точности исполнены, и фрегат стал быстро удаляться от светящегося пятна.

Как же я обманулся! Он лишь попытался уйти, а сверхъестественное животное, двигаясь в два раза быстрее, ринулось следом.

У нас дух занялся и, скорее, от изумления, чем от страха, мы оцепенели. Животное нагоняло нас играючи. Обойдя вокруг фрегата, который мчался со скоростью в четырнадцать узлов, чудовище обдало нас волной электрических лучей, словно светящейся пылью. Затем отступило на пару миль к темнеющему вдали горизонту, оставляя после себя фосфоресцирующий след, похожий на клубы пара, выбрасываемые локомотивом курьерского поезда. А потом, разогнавшись, с пугающей быстротой устремилось к «Аврааму Линкольну», резко остановилось в двадцати футах от борта и погасло. Но не потому, что ушло под воду, иначе яркость света уменьшалась бы постепенно, а совершенно внезапно, словно источник этого сияющего потока вдруг иссяк!

После чего зверь появился вновь уже с другой стороны, не то обойдя судно, не то проскользнув под корпусом. В любой момент могло произойти роковое для нас столкновение.

К моему удивлению, фрегат вел себя довольно странно. Вместо того, чтобы нападать, он спасался бегством! Тот, кому надлежало преследовать, уходил от преследования! Я не преминул поделиться своим наблюдением с капитаном Фаррагутом. Его лицо, обычно такое невозмутимое, выражало крайнее изумление.

— Господин Аронакс, — ответил он, — я не знаю, с каким существом имею дело, и не хочу подвергать свой фрегат неоправданному риску в ночной тьме. Да и как бросаться в бой с неведомым? Как от него защищаться? Дождемся рассвета, и тогда роли поменяются.

— Так значит, капитан, у вас не осталось сомнений насчет природы этого животного?

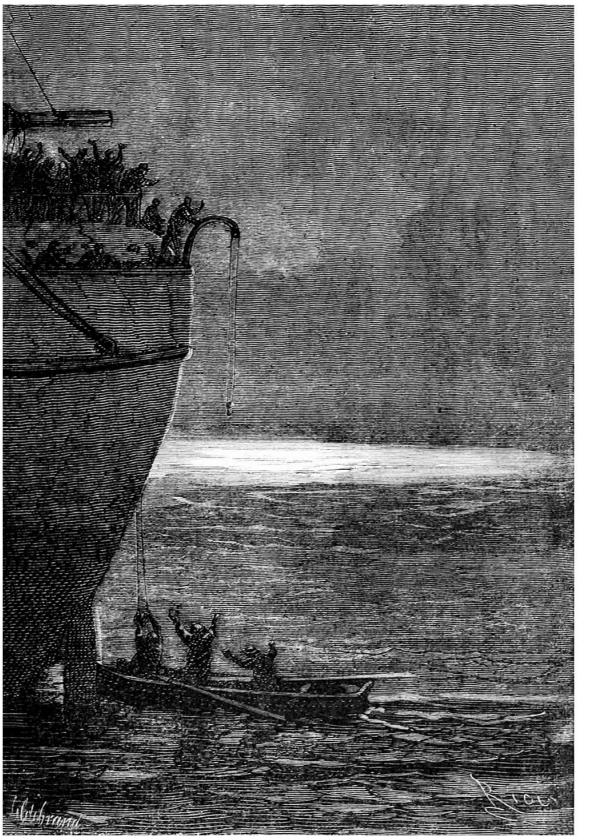
— Никаких. Вероятнее всего, мы имеем дело с гигантским нарвалом, притом электрическим!

— И он не менее опасен, — добавил я, — чем гимнот[38] или электрический скат.

---

[38] Сноски: 38

Электрический угорь — костистая рыба из семейства угрей; водится в Южной Америке, обладает способностью производить сильные электрические удары.



Чудовище находилось на глубине нескольких туазов.

— Согласен, — сказал капитан. — И если он к тому же наделен разящей силой, это, несомненно, самое ужасное животное, созданное Творцом. Поэтому я соблюдаю все меры предосторожности.

Экипаж провел всю ночь на ногах. Никто не сомкнул глаз. «Авраам Линкольн», не имея возможности обогнать соперника, сбавил скорость и шел под малыми парами. Нарвал, в свою очередь, последовал его примеру и спокойно покачивался на волнах, словно не желая покидать театр военных действий.

И все же около полуночи он вдруг исчез — или, точнее говоря, «погас», как огромный светлячок. Неужели сбежал? Это, скорее, пугало, чем внушало надежду. Однако за семь минут до часа ночи послышался оглушительный свист, похожий на шум водяной струи, бьющей с невероятной силой.

Капитан Фаррагут, Нед Ленд и я стояли на полуюте, жадно всматриваясь в ночную мглу.

— Скажите, Нед Ленд, — спросил капитан, — часто ли вам доводилось слышать рев кита?

— Частенько, господин капитан! Но я ни разу не встречал кита, один лишь вид которого принес бы мне две тысячи долларов.

— В самом деле, вы заслужили награду. Ска-

жите-ка, не такой ли звук слышится, когда киты выбрасывают воду из носовых отверстий?

— В точности такой, сударь! Только этот куда громче. Ошибки быть не может. Я уверен, что поблизости притаилось китообразное. С вашего позволения, — добавил гарпунщик, — завтра на рассвете я скажу ему пару ласковых!

— Если он будет в настроении вас слушать, мистер Ленд, — с сомнением заметил я.

— Дайте только подойти к нему на расстояние четырех гарпунов, и тогда он точно меня выслушает! — парировал канадец.

— В таком случае вам понадобится китобойная шлюпка с командой? — уточнил капитан.

— Само собой, господин капитан.

— Но ведь тогда я поставлю на карту жизни своих людей!

— Как и мою, — простодушно заметил гарпунщик.

Около двух часов ночи световое пятно, все такое же яркое, вновь появилось в пяти милях с наветренной стороны от «Авраама Линкольна». Несмотря на расстояние, несмотря на шум ветра и волн, отчетливо слышались удары могучего хвоста животного и его тяжелое дыхание. Казалось, что воздух, подобно пару в огромных

цилиндрах машины в две тысячи лошадей, с хрипом врывался в легкие гигантского нарвала, когда тот всплывал на поверхность океана, чтобы перевести дыхание.

«Ну и кит! — подумал я. — Хорош же он, раз способен помериться силами с целым кавалерийским полком!»

До рассвета мы оставались настороже, готовясь к бою. Вдоль бортов были разложены орудия лова. Помощник капитана приказал зарядить мушкетоны, запускавшие гарпун на расстояние в милю, и длинноствольные ружья, стрелявшие разрывными пулями, ранения от которых смертельны даже для самых крупных животных. Нед Ленд довольствовался тем, что заточил свой гарпун, представлявший собой грозное оружие в его руках.

В шесть часов занялась заря, и с первыми лучами солнца электрическое свечение нарвала угасло. В семь часов стало достаточно светло, однако весь горизонт был окутан густым утренним туманом, непроницаемым для самых мощных подзорных труб. Всех охватило разочарование и бессильная ярость.

Я вскарабкался на бизань-мачту. Несколько офицеров уже сидели на верхушках мачт.

В восемь часов туман тяжело поплыл над волнами, и его плотные клубы начали постепенно рассеиваться. Горизонт сразу расширился и просветлел.

И тут, совсем как накануне, раздался возглас Неда Ленда.

— Вон он! За кормой, с левого борта! — крикнул гарпунщик.

Все взгляды вмиг обратились в ту сторону.

Там, в полутора милях от фрегата, примерно на метр возвышаясь над волнами, виднелось длинное темное тело. Бешеные колебания его хвоста производили мощную кильватерную струю. Еще ни один хвостовой плавник не рассекал волны с такой силой! За животным тянулся широченный, ослепительно-белый след, описывая длинную дугу.

Фрегат приблизился к китообразному. Я с любопытством разглядывал неведомого зверя. Судовые отчеты «Шеннона» и «Гельвеции» несколько преувеличили его размеры: по-моему, длина животного не превышала двухсот пятидесяти футов. Его толщину я мог определить лишь приблизительно; в целом, это существо показалось мне восхитительно пропорциональным во всех трех измерениях.

Пока я разглядывал удивительное китообразное, из его носовых отверстий вырвались две струи воды и пара, которые поднялись на высоту сорока метров, что дало мне некоторое представление о его способе дыхания. Я с уверенностью заключил, что это животное принадлежит к подтипу позвоночных, классу млекопитающих, подклассу монодельфиновых, группе рыбовидных, отряду китообразных, семейству… Этого я пока не решил. Отряд китообразных включает в себя три семейства: китов, кашалотов и дельфинов. К последним и относятся нарвалы. Каждое из этих семейств подразделяется на множество родов, каждый род — не виды, каждый вид — на разновидности. Мне не хватало данных, чтобы определить разновидность, вид, род и семейство, но я не сомневался, что сумею это сделать с помощью небес и капитана Фаррагута.

Моряки с нетерпением ожидали приказов начальника. Внимательно понаблюдав за животным, тот приказал позвать старшего механика. Тот сразу же явился.

— Достаточно ли у нас давления? — спросил Фаррагут.

— Так точно! — ответил механик.

— Хорошо. Тогда поддайте огня, и полный

вперед!

Приказ был встречен троекратным «Ура!». Час битвы пробил. Несколько минут спустя обе трубы фрегата извергали столбы черного дыма, а палуба дрожала от гула паровых котлов.

Подгоняемый своим мощным винтом, «Авраам Линкольн» двинулся прямо на зверя. Тот спокойно подпустил фрегат на полкабельтовых; затем, не посчитав нужным погружаться, слегка ускорил ход, сохраняя дистанцию.

Погоня продолжалась почти три с четвертью часа, однако фрегату не удалось приблизиться к китообразному и на два туаза. Было очевидно, что, двигаясь с такой скоростью, мы никогда его не догоним.

Капитан Фаррагут в бессильной ярости теребил густую бороду.

— Нед Ленд! — вскричал он.

Канадец немедленно подошел.

— Как по-вашему, мистер Ленд, — обратился к нему капитан, — не пора ли спустить шлюпки?

— Нет, сударь, — ответил Нед Ленд. — Эта зверюга все равно не даст себя схватить, пока сама того не пожелает.

— Что же делать?

— Поддать пару, если возможно. Ну а я — разу-

меется, с вашего позволения, — заберусь на бушприт[39] и, если мы подойдем на расстояние броска, попытаюсь загарпунить этого гиганта.

— Действуйте, Нед, — кивнул капитан Фаррагут и тут же распорядился: — Механик! Увеличьте давление!

Нед Ленд занял свою позицию. Температура в котлах поднялась; винт теперь выдавал сорок три оборота в минуту, пар вырывался из клапанов. Бросив лаг, мы удостоверились, что «Авраам Линкольн» делает восемнадцать с половиной миль в час.

Но проклятое животное тоже мчалось со скоростью восемнадцати с половиной миль в час!

По прошествии еще одного часа, двигаясь с той же скоростью, фрегат не приблизился ни на туаз! Это было крайне унизительно для одного из самых быстроходных кораблей американского флота. Команду охватила глухая ярость. Матросы осыпали зверя оскорблениями, на которые тот не трудился отвечать. Капитан уже не теребил, а кусал свою бороду.

Снова послали за механиком.

— Давление пара на пределе? — спросил его

---

[39] Сноски: 39
Брус, выступающий вперед с носа корабля.

Фаррагут.

— Так точно, господин капитан, — отвечал механик.

— А как насчет давления клапанов?..

— Шесть с половиной атмосфер.

— Увеличьте до десяти.

Вот вам пример уникального американского подхода! На Миссисипи нет иного способа обойти «конкурентов»!

— Консель, — сказал я стоявшему рядом слуге, — ты ведь понимаешь, что мы сейчас, возможно, взлетим на воздух?

— Как будет угодно господину профессору, — ответил Консель.

Признаться, я был не прочь рискнуть.

Давление в клапанах увеличили. Уголь закинули в топки. Вентиляторы направляли потоки воздуха на раскаленные горнила. Скорость «Авраама Линкольна» возросла. Мачты дрожали до самого основания, клубы дыма с трудом пробивали себе дорогу по слишком узким трубам.

Вскоре лаг бросили во второй раз.

— Сколько? — спросил Фаррагут у рулевого.

— Девятнадцать и три десятых мили, капитан!

— Подбросьте еще угля!

Механик исполнил приказ. Манометр пока-

зывал десять атмосфер. Но кит, несомненно, тоже «поддал жару», поскольку без видимых усилий разогнался до девятнадцати и трех десятых миль.

Знатная была погоня! Все мое существо вибрировало от нахлынувших эмоций, которые не поддаются описанию. Нед Ленд, с гарпуном в руке, не покидал своего поста. Животное не раз позволяло фрегату сократить расстояние.

— Нагоняем! Мы его нагоняем! — кричал канадец.

Но только он собирался нанести удар, китообразное вдруг ускользало со скоростью не менее тридцати миль в час. Морское чудовище будто дразнило идущий на всех парах фрегат, огибая его по дуге! Единодушный крик ярости вырывался из груди моряков!

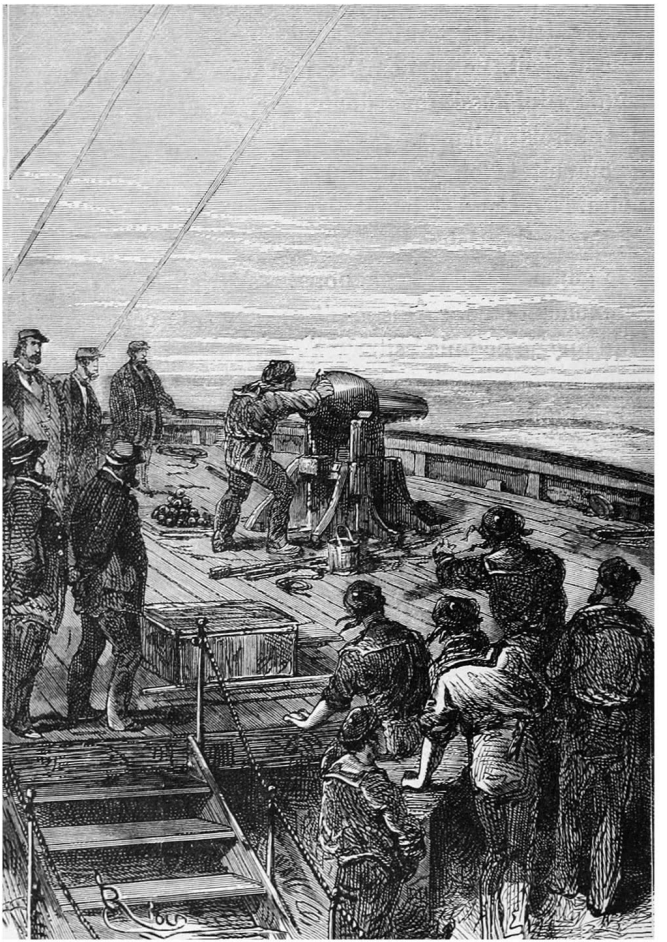
В полдень расстояние между нами было таким же, что и в восемь часов утра.

И тогда капитан Фаррагут решил применить более действенные методы.

— Ах, так! — воскликнул он. — Эта тварь смеет обгонять «Авраам Линкольн»! Ну мы еще посмотрим, как она обгонит его конические снаряды. Боцман! Приставить людей к носовому орудию!

Установленную на баке пушку немедленно

зарядили и навели на цель. Грянул выстрел, однако пущенный снаряд прошел в нескольких футах над китом, державшимся на расстоянии в полмили.



Старый канонир с седой бородой.

— Второй выстрел! — крикнул капитан. — И пятьсот долларов тому, кто поразит это дьявольское отродье!

Старый канонир с седой бородой, спокойным взглядом и бесстрастным лицом — он до сих пор стоит у меня перед глазами! — подошел к орудию, привел его в боевое положение и стал прицеливаться. Целился он долго. Наконец раздался оглушительный выстрел, сопровождаемый победными возгласами команды.

Снаряд достиг цели и попал в животное, однако не причинил ему вреда и, скользнув по округлой поверхности, пролетел еще две мили и затерялся в морской пучине.

— Да чтоб тебя! — разозлился канонир. — Этот паршивец покрыт шестидюймовой броней!

— Проклятье! — вторил ему капитан Фаррагут.

Погоня возобновилась. Наклонившись ко мне, капитан сказал:

— Я буду преследовать этого зверя, пока мой фрегат не взорвется!

— И будете совершенно правы! — ответил я.

Оставалось надеяться, что силы животного рано или поздно иссякнут, и его одолеет уста-

лость, не свойственная паровым машинам. Увы, ничего подобного не случилось. Проходили часы, но чудовище не выказывало никаких признаков утомления.

Впрочем, к чести «Авраама Линкольна» стоит отметить, что он держался с неутомимой стойкостью. По моим оценкам, в тот злополучный день 6 ноября он преодолел не менее пятисот километров! Но потом наступила ночь, погрузив бурный океан во мрак.

В ту минуту я подумал, что наша экспедиция окончена, и мы больше не увидим загадочное животное. Однако я ошибался.

В десять часов пятьдесят минут вечера в трех милях по ветру от фрегата вновь появилось электрическое свечение, такое же чистое и яркое, как в предыдущую ночь.

Нарвал казался неподвижным. Наверное, утомился за день и теперь спал, покачиваясь на волнах. Капитан Фаррагут решил попытать удачу.

Он отдал распоряжения. «Авраам Линкольн» шел на малом ходу, продвигаясь осторожно, чтобы не разбудить противника. Встретить посреди океана и успешно атаковать крепко спящего кита — не такая уж редкость, и Неду Ленду не раз

удавалось таких загарпунить. Канадец вновь занял свой пост на бушприте.

Фрегат бесшумно приблизился к животному, остановился в двух кабельтовых от него и двигался теперь по инерции. Все затаили дыхание. На палубе воцарилась полная тишина. Мы находились не далее чем в ста футах от пылающего света, отблеск которого все усиливался и теперь слепил глаза.

Перегнувшись через леера на носу фрегата, я увидел внизу Неда Ленда: одной рукой он уцепился за мартин-гик, в другой сжимал свой грозный гарпун. Всего двадцать футов отделяли его от неподвижного животного.

Вдруг рука Неда заметно напряглась, и он запустил гарпун. Я услышал звонкий лязг оружия, ударившегося о твердое тело.

Электрическое свечение внезапно погасло, и два гигантских водяных вихря обрушились на палубу фрегата и прокатились, словно цунами, от носа до кормы, сшибая с ног людей и обрывая найтовы[40] спасательных плотов.

---

[40] Сноски: 40

Найтов — судовая снасть, используемая для закрепления предметов оборудования и снабжения, деталей судовых устройств, а также штучных грузов в трюмах и на палубе (от *голл.* naaien — сшивать и touw — трос, веревка).

Затем последовал чудовищный удар. Не успев схватиться за леера, я вылетел за борт и рухнул в море.

Глава седьмая
Кит неизвестного науке вида

Хотя неожиданное падение застигло меня врасплох, я отчетливо помню все, что со мной происходило.

Сначала я погрузился футов на двадцать в воду. Плаваю я хорошо — пусть не так мастерски, как Байрон или Эдгар По, — так что ничуть не растерялся. Пара энергичных движений ногами вернули меня на поверхность.

Первым делом я поискал глазами фрегат. Заметил ли экипаж мое исчезновение? Повернул ли «Авраам Линкольн» на другой галс? Приказал ли капитан Фаррагут послать за мной шлюпку? Есть ли надежда на спасение?

Меня окружала кромешная тьма. На востоке смутно угадывались исчезающие вдали очертания какой-то темной массы — ее огни угасали по мере удаления. Это был фрегат. Я понял, что погиб.

— Сюда! Я здесь! — кричал я, отчаянно гребя в сторону «Авраама Линкольна».

Мне мешала одежда. Намокнув, она прилипла

к телу и сковывала движения. Я шел ко дну! Я задыхался!..

— Помогите!

Это был мой последний крик. Рот захлестнуло водой. Я барахтался из последних сил, погружаясь в морскую пучину…

Вдруг чья-то могучая рука схватила меня за одежду и вытащила на поверхность воды, а потом я услышал, как чей-то голос произнес у самого моего уха:

— Если господин изволит опереться на мое плечо, ему станет гораздо легче плыть.

Я вцепился в руку моего верного Конселя.

— Это ты! — выдохнул я. — Ты!

— Собственной персоной, — ответил Консель, — и в полном распоряжении господина профессора.

— Тебя тоже выбросило за борт вместе со мной?

— Нет. Но поскольку мой долг — служить господину профессору, я последовал за ним.

Благородный Консель считал свой поступок естественным!

— А фрегат? — спросил я.

— Фрегат? — усмехнулся Консель, переворачиваясь на спину. — Думаю, господину профессору

не стоит на него рассчитывать.

— Почему?

— Потому что, когда я прыгнул в море, вахтенные кричали: «Винт и руль сломаны!»

— Сломаны?

— Да! Чудовище пробило их своим клыком. Кажется, в остальном «Авраам Линкольн» не пострадал. Но, к несчастью для нас, потерял управление.

— Тогда нам конец!

— Возможно, — спокойно ответил Консель. — Тем не менее у нас в запасе еще несколько часов, а за несколько часов может произойти все, что угодно!

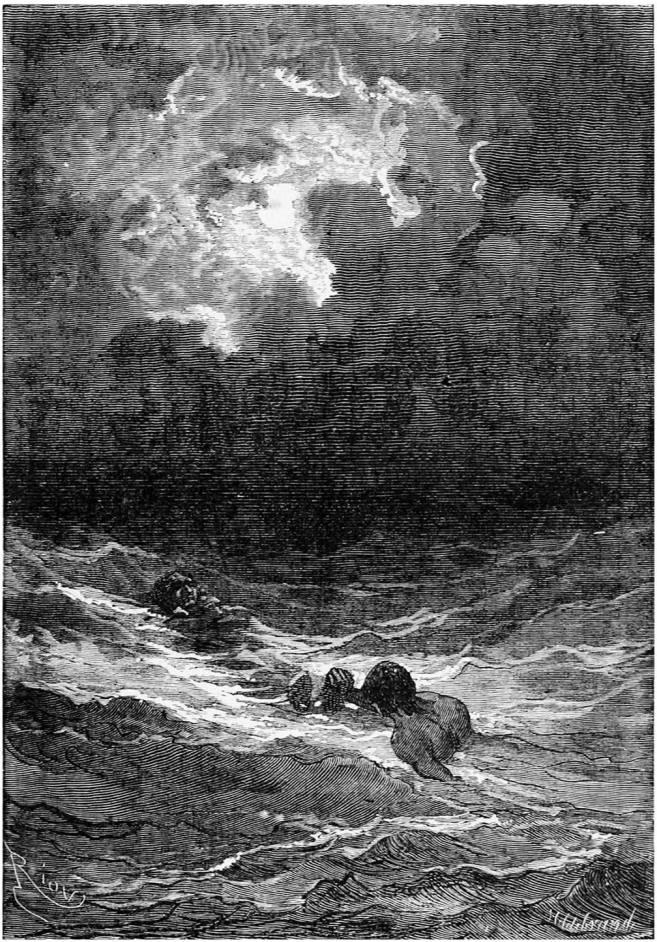
Невозмутимое хладнокровие Конселя придало мне сил. Я стал грести энергичнее, хотя из-за одежды, которая сковывала меня, как свинцовая мантия, с трудом держался на воде. Консель это заметил.

— С позволения господина я разрежу, — сказал он.

И, просунув раскрытый нож мне под одежду, вспорол ее сверху донизу одним ловким движением. А затем проворно помог мне высвободиться, пока я греб за двоих. В свою очередь, я оказал Конселю ту же услугу, после чего мы продолжили

«плавание», идя параллельными курсами.

Впрочем, положение улучшилось не намного. Быть может, нашего исчезновения не заметили, а если и заметили, потерявший управление фрегат все равно не мог подойти к нам против ветра. Значит, оставалось рассчитывать только на шлюпки.



Пока один из нас будет неподвижно лежать на спине…

Спокойно выслушав мои аргументы, Консель составил план действий. Удивительный малый! Благодаря свой флегматичной натуре он чувствовал себя в воде, как рыба!

Итак, мы пришли к выводу, что единственный шанс спастись — дождаться шлюпку «Авраама Линкольна», а потому нужно протянуть как можно дольше. Я решил, что необходимо распределить силы, чтобы те не иссякли одновременно, и вот что мы придумали: пока один из нас будет неподвижно лежать на спине, скрестив руки и вытянув ноги, другой продолжит плыть, толкая его перед собой. Через десять минут мы поменяемся ролями; действуя таким образом, мы сумеем продержаться на воде нескольких часов — а может, и до самого рассвета.

Шанс призрачный, но ведь надежда умирает последней! К тому же нас было двое. Даже если бы я и захотел избавиться от малейших иллюзий и впасть в отчаяние, клянусь, у меня ничего не вышло бы — хотя это может показаться неправдоподобным! Столкновение фрегата с нарвалом произошло около одиннадцати часов

вечера. А значит, по моим расчетам, до рассвета нам предстояло плыть еще восемь часов. Вполне осуществимая задача, если сменять друг друга. Море было спокойным, мы почти не утомлялись. Время от времени я пытался проникнуть взглядом сквозь густую тьму, нарушаемую лишь фосфоресценцией моря, потревоженного нашими движениями. Я смотрел на светящиеся волны, которые разбивались о мою руку; их зеркальная поверхность покрывалась жидкими пятнами. Нас словно окунули в чан, заполненный ртутью!

Около часа ночи я ощутил крайнюю усталость. От дикого напряжения мои конечности сводило судорогами. Конселю пришлось меня поддерживать, и вся забота о нашем спасении легла теперь на его плечи. Вскоре бедняга начал выбиваться из сил; его дыхание стало частым и прерывистым. Я понял, что долго он не продержится.

— Оставь меня! Оставь! — говорил я ему.

— Бросить господина одного? Никогда! — отвечал он. — Лучше утонуть первым!

В этот момент из-за тучи, которую ветер погнал на восток, выглянула луна. Поверхность моря заискрилась под ее лучами. Этот благотворный свет придал нам сил. Подняв голову, я осмотрелся. И вдруг заметил на горизонте фрегат. Он был

в пяти милях от нас и казался едва различимой бесформенной тенью. Но ни единой шлюпки!

Я хотел крикнуть. Пустая затея: поди докричись на таком-то расстоянии! Мне так и не удалось разомкнуть распухших губ. Однако Консель еще мог выговаривать хоть какие-то слова — я услышал, как он несколько раз повторил:

— Сюда! Мы здесь!

На мгновение замерев, мы прислушались. И вдруг — хотя, возможно, у меня просто зазвенело в ушах, — мне почудилось, что кто-то отозвался на крик Конселя.

— Ты слышал? — прошептал я.

— Да! Да!

И Консель вновь огласил пространство отчаянным криком.

На этот раз ошибки быть не могло! Человеческий голос откликнулся на наш зов! Был ли то голос какого-нибудь затерянного в океане бедолаги, еще одной жертвы рокового столкновения? Или с фрегата все-таки отправили шлюпку, и матросы окликали нас в темноте?

Консель собрал последние силы, оперся на мое плечо, что потребовало от меня невероятного напряжения, высунулся наполовину из воды и в изнеможении рухнул обратно.

— Что ты увидел?

— Я увидел… — пробормотал он, — увидел… Впрочем, после поговорим… Нам лучше поберечь силы!..

Что же он увидел? И тут, сам не знаю почему, мне на ум впервые пришла мысль о морском чудовище!.. Но как тогда объяснить человеческий голос? Времена, когда Ионы находили приют в желудке китов, давно прошли!

Консель по-прежнему тащил меня на буксире. Иногда он поднимал голову, смотрел вдаль и издавал возглас, чтобы определить направление по ответному крику, который звучал все ближе. Однако я его почти не слышал. Силы мои иссякли; пальцы разжались; рука больше не служила мне точкой опоры; судорожно открытый рот заполнялся соленой водой; тело коченело от холода. В последний раз подняв голову, я ушел под воду…

И тут же ударился о что-то твердое. А затем почувствовал, как меня подхватили и вытащили на поверхность. Испустив вздох облегчения, я потерял сознание…

Довольно быстро я пришел в себя — очевидно, благодаря энергичным растираниям, сотрясавшим мое тело. И приоткрыл глаза…

— Консель! — произнес я вполголоса.

— Господин меня звал? — ответил Консель.

Вдруг, в свете последних лучей клонящейся к горизонту луны я заметил лицо другого человека, не Конселя, и сразу его узнал.

— Нед! — воскликнул я.

— Он самый! И все еще преследует добычу! — ответил канадец.

— Вас тоже выбросило за борт во время столкновения?

— Да, господин профессор. Но мне повезло больше, чем вам: я почти сразу нашел прибежище на плавающем острове.

— Острове?

— Да. Вернее, на нашем гигантском нарвале.

— Как?

— Очень просто! Я быстро смекнул, почему мой гарпун не пробил его кожу, а лишь затупился.

— Так почему же, Нед, почему?

— Потому что у зверя этого вместо кожи — стальная броня! Вот так, господин профессор.

Нужно было срочно приходить в себя, вспоминать минувшие события и перепроверить все, в чем был так убежден.

Последние слова канадца совершили переворот в моем сознании. Я торопливо взобрался

на самую высокую точку нашего наполовину погруженного в воду пристанища и попробовал ударить по нему ногой. Подо мной была твердая, непроницаемая поверхность, а вовсе не податливая масса, свойственная телам морских млекопитающих.

Однако эта твердая поверхность могла оказаться не более чем костным панцирем наподобие покрова допотопных животных, и тогда мне пришлось бы пересмотреть свою классификацию и отнести морское чудовище к рептилиям и амфибиям вроде черепах или крокодилов.

Но нет! Служившая нам опорой черная спина выглядела гладкой, отполированной и не чешуйчатой. При ударе она издавала металлический звук и, похоже, была сделана из скрепленных болтами стальных пластин.

Сомнений быть не могло! Животное, чудовище, явление природы, которое поставило в тупик ученых всего мира и потрясло воображение моряков обоих земных полушарий, оказалось явлением еще более удивительным — творением рук человеческих.

Даже если бы ученые доказали существование самых невероятных, самых мифических созданий, я не был бы столь поражен. Все, что

есть на свете чудесного, исходит от Творца — это вполне естественно. Но увидеть вдруг собственными глазами нечто невозможное, сверхъестественное и притом явно сотворенное человеком было для меня слишком большим потрясением!

Однако ничего не оставалось, кроме как признать очевидное. Мы лежали на поверхности некоего подводного судна, которое, насколько я мог судить, имело форму огромной стальной рыбы. Нед Ленд уже составил свое мнение по этому вопросу. Конселю и мне пришлось с ним согласиться.

— В таком случае, — сказал я, — внутри у этой штуковины есть некий двигательный механизм и экипаж, который им управляет?

— Само собой! — ответил гарпунщик. — Хотя за те три часа, что я нахожусь на этом плавучем острове, он ни разу не подавал признаков жизни.

— Так значит, эта лодка никуда не плывет?

— Нет, господин Аронакс. Она дрейфует, отдавшись на волю волн.

— Тем не менее нам доподлинно известно, что она способна перемещаться с огромной скоростью. Чтобы развить такую скорость, нужен двигатель, а также механик, который будет его

обслуживать. Из этого следует… что мы спасены!

Нед Ленд скептически хмыкнул.

В тот же миг, словно в подтверждение моих доводов, вода позади этого необычного аппарата забурлила — очевидно, под воздействием винта, — и он пришел в движение. Мы едва успели ухватиться за его верхушку, выступающую из воды приблизительно на восемьдесят сантиметров. К счастью, скорость была не слишком большой.

— Пока он движется в горизонтальной плоскости, волноваться не о чем, — пробурчал Нед Ленд. — Но если ему взбредет в голову начать погружение, я не дал бы за свою шкуру и двух долларов!

Мы лежали на поверхности некоего подводного судна.

А может, и того меньше. Итак, нам нужно было срочно связаться с кем-то из находящихся внутри этой махины. Я обшаривал ее поверхность в поисках какого-нибудь отверстия или дверцы — говоря техническим языком, некоего «смотрового люка». Увы! Стыки стальных пластин, надежно скрепленных болтами, были одинаковыми и идеально гладкими.

Впрочем, к тому моменту луна уже зашла, оставив нас в полной темноте. Нужно было дождаться дня, чтобы найти способ попасть внутрь подводного судна.

Таким образом, наше спасение зависело исключительно от прихоти неведомых рулевых, стоящих у штурвала этого аппарата: начни они погружение, мы бы неминуемо погибли! Но я не сомневался, что, если этого не произойдет, нам удастся с ними как-то связаться. В конце концов, им наверняка приходилось время от времени всплывать на поверхность океана, чтобы восполнить запасы кислорода — если, конечно, они не в состоянии сами его вырабатывать. А значит, в обшивке должно быть некое отверстие, через которое воздух поступает внутрь судна.

От надежды быть спасенными капитаном Фаррагутом пришлось отказаться. Мы двигались на запад; по моим оценкам, наша скорость — довольно умеренная — достигала двенадцати миль в час. Винт рассекал волны с безупречной ритмичностью, то и дело показываясь из воды, высоко вздымая фонтаны светящихся брызг.

К четырем часам утра скорость аппарата возросла. Мы с трудом переносили эту головокружительную гонку; волны хлестали по нам нещадно. К счастью, Нед обнаружил под рукой огромный рым, закрепленный на верхушке стального корпуса, и мы смогли крепко за него ухватиться.

Наконец эта долгая ночь миновала. К сожалению, несовершенство памяти не позволяет мне описать здесь все мои тогдашние ощущения. Но одну деталь я помню, как сейчас. Много раз, когда ветер стихал и море успокаивалось, мне казалось, что я слышу едва различимые, мимолетные звуки далеких аккордов. Что же это было за подводное судно, тайну которого тщетно пытался разгадать весь мир? Кем были населявшие его существа? Какое механическое устройство позволяло ему перемещаться с такой невиданной скоростью?

Забрезжил рассвет. Нас окутал утренний туман,

который вскоре рассеялся. Я собрался было приступить к обследованию корпуса, образующего в верхней части судна нечто вроде горизонтальной платформы, как вдруг почувствовал, что мы погружаемся.

— Эй, какого дьявола! — крикнул Нед Ленд, топая ногой по гулкой стальной поверхности. — Пустите нас! Где ваше гостеприимство?

Однако перекричать оглушительный шум работающего винта было почти невозможно. К счастью, погружение приостановилось.

Вдруг изнутри послышался резкий лязг отпираемых засовов. Одна из металлических пластин приподнялась, и оттуда выглянул человек; он как-то странно вскрикнул и тут же исчез.

Спустя несколько минут из люка появились восемь крепких парней с закрытыми лицами; они молча схватили нас и поволокли внутрь грозного корабля.

Глава восьмая
Mobilis in mobile[41]

Это бесцеремонное похищение произошло с молниеносной быстротой. Мы и глазом моргнуть не успели. Уж не знаю, что испытывали мои спутники, когда их тащили в плавучую тюрьму, но я весь похолодел и покрылся мурашками. Кто эти люди? Очевидно, мы имели дело с новым типом пиратов, которые промышляли в морях на свой манер.

Едва узкая крышка люка над моей головой вновь закрылась, я очутился в кромешной тьме. Привыкшие к дневному свету глаза ничего не видели. Я почувствовал под босыми ногами железные перекладины приставной лестницы. Нед Ленд и Консель шли следом, грубо подталкиваемые захватчиками. Когда мы спустились, внизу лестницы отворилась какая-то дверь и тут же с лязгом захлопнулась у нас за спиной.

Мы остались одни. Где именно? Я мог только гадать. Кругом царил мрак, причем настолько непроницаемый, что даже спустя несколько ми-

---

[41] Сноски: 41
Подвижный в подвижном (букв. *лат.* «движущийся в движущемся»).

нут мои глаза не улавливали тех робких искорок света, которые мерцают в воздухе даже в самую глухую ночь.

Нед Ленд, возмущенный столь бесцеремонным обращением, дал волю гневу.

— Тысяча чертей! — бушевал он. — Странное у них представление о гостеприимстве! Настоящие дикари! Не удивлюсь, если они окажутся людоедами! С них станется! Но клянусь, так просто меня сожрать не получится, — я не сдамся без боя!

— Успокойтесь, друг Нед, успокойтесь! Не кипятитесь раньше времени, — невозмутимо увещевал его Консель. — Нас еще не нанизали на вертел!

— На вертел, может, и не нанизали, но как пить дать сунули в печь! — возразил канадец. — Там такая же темень. К счастью, мой «bowie-knife»[42] еще со мной, да и вижу я по-прежнему достаточно отчетливо, чтобы суметь им воспользоваться. Первый из бандитов, кто ко мне притронется…

— Не горячитесь, Нед! — осадил я гарпунера. —

---

[42] Сноски: 42

Нож Боуи (*англ.*) — крупный нож (тесак) со скосом на обухе и слегка загнутым кверху острием. Популярен в США и используется как боевой, охотничий или рабочий. Создан в 1830 году и назван по фамилии изобретателя.

Бессмысленные угрозы до добра не доведут. Что если нас подслушивают? Давайте лучше попытаемся выяснить, где мы находимся!

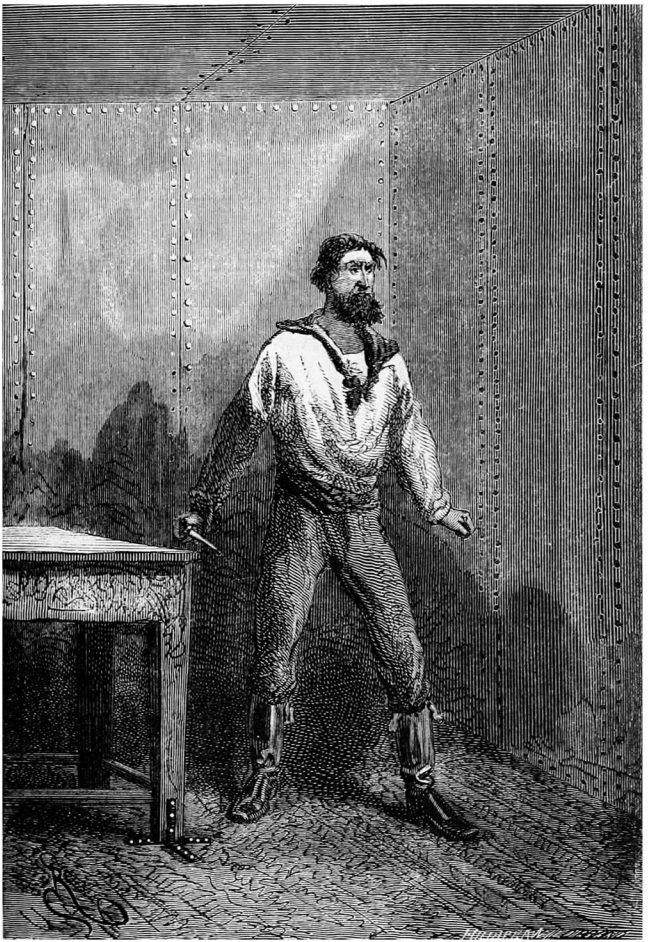
Я на ощупь двинулся вперед и через пять шагов уперся в стену, обитую листовым железом. Повернувшись, я ударился о деревянный стол, возле которого стояло несколько табуретов. Пол нашей темницы был застлан толстыми циновками из новозеландского льна, которые скрадывали звук шагов. На голых стенах не обнаружилось ни намека на дверь или окно. Консель обследовал помещение, двигаясь в обратном направлении мне навстречу. Закончив осмотр, мы вернулись в центр каюты, имевшей, по всей вероятности, футов двадцать в длину и десять в ширину. Что касается высоты, то даже Нед Ленд, несмотря на свой внушительный рост, не смог ее измерить.

Мы просидели в полной темноте полчаса, как вдруг в глаза нам ударил ослепительно-яркий свет. Наша тюрьма внезапно озарилась, то есть заполнилась светящейся материей такой интенсивности, что поначалу ее яркость казалась невыносимой. По белизне и мощности излучения я сразу узнал электрическое сияние, от которого море вокруг подводной лодки чудес-

ным образом фосфоресцировало. Непроизвольно зажмурившись, я через некоторое время приоткрыл глаза и увидел, что свет исходит из матовой полусферы, расположенной на потолке.

— Ну наконец-то! Теперь все ясно видно! — воскликнул Нед Ленд, стоявший в оборонительной позе с ножом в руке.

— Да, вот только наше положение отнюдь не прояснилось, — возразил я, отваживаясь на каламбур.



Наша тюрьма внезапно озарилась.

— Господину стоит набраться терпения, — сказал невозмутимый Консель.

Я смог разглядеть каюту в мельчайших подробностях. В ней не было ничего, кроме стола и пяти табуретов. Невидимая дверь, по-видимому, закрывалась герметично. Ни единого звука не доносилось до наших ушей. Внутри судно казалось безжизненным. Шло ли оно сейчас по поверхности океана или находилось в его глубинах? Я не мог угадать.

Однако шар света зажегся явно неспроста. Я не сомневался, что скоро появится и кто-нибудь из экипажа. Вряд ли о нашем существовании забыли, иначе не стали бы освещать темницу.

И в самом деле. Послышался скрежет отпираемого засова, дверь отворилась, и вошли двое мужчин.

Один был широкоплечий брюнет невысокого роста, крепкого сложения. Густые волосы, усы, живой проницательный взгляд. Во всем его облике проглядывала пылкость, присущая жителям южных провинций Франции. Как справедливо заметил Дидро, по жестам можно судить о характере человека, и низкорослый незнакомец служил тому наглядным примером. Я бы пред-

положил, что он легко вплетает в свою речь метафоры, метонимии и эпитеты. Впрочем, мне так и не представился случай в этом убедиться, поскольку в разговоре со мной он всегда изъяснялся на странном, совершенно непонятном наречии.

Второй незнакомец заслуживает более подробного описания. Любой ученик Грасьоле[43] или Энгеля[44] сумел бы прочитать его лицо как открытую книгу. Я без колебаний определил главные черты характера этого человека: благородная посадка головы и твердая решимость карих глаз говорили об уверенности в себе; бледность — о хладнокровии; подвижные брови — об энергичности; и, наконец, глубокое и ровное дыхание указывало на смелость — верный признак огромной жизненной силы.

Я добавил бы также, что он был горделив, что в его твердом, спокойном взгляде угадывался высокий интеллект и что все вместе взятое, от характерной мимики до жестов, — если верить

---

[43] Сноски: 43

Луи Пьер Грасьоле (1815–1865) — французский анатом, физиолог, зоолог. Изучал сравнительную анатомию головного мозга приматов и человека, а также взаимосвязь размеров головного мозга и интеллекта.

[44] Сноски: 44

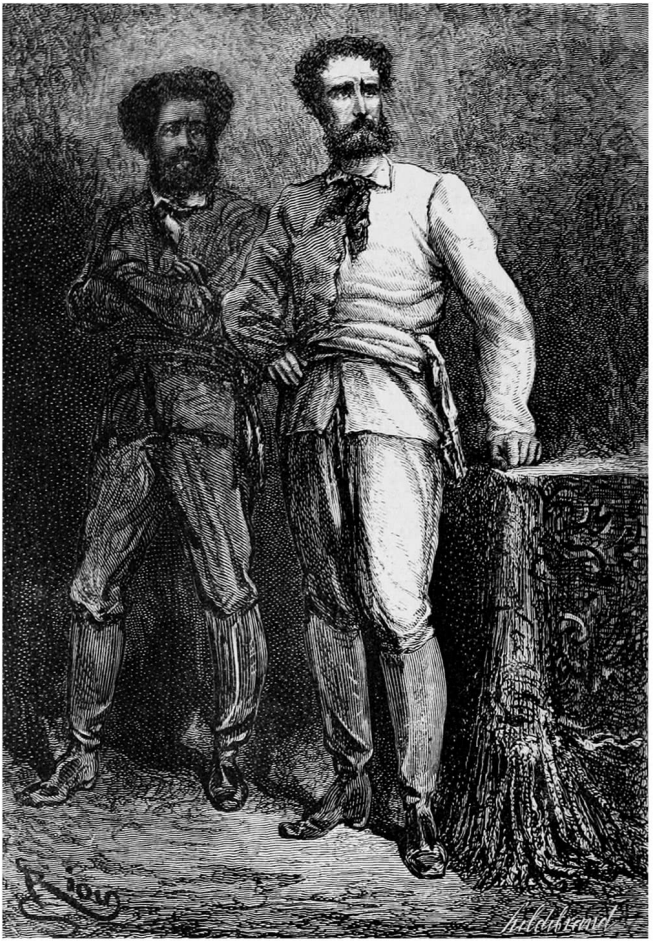
Йозеф Энгель (1816–1894) — австрийский анатом.

наблюдениям физиономистов, — свидетельствовало о бесспорной искренности.

В его присутствии я «невольно» воспрял духом, с оптимизмом думая о предстоящей встрече.

Что касается возраста, ему могло быть и тридцать пять, и пятьдесят. Это был человек высокого роста, с широким лбом, прямым носом, четко очерченным ртом, прекрасными зубами, тонкими, удлиненными кистями рук — такой тип руки называется у хиромантов «психическим» и якобы выдает в своем обладателе натуру высокодуховную и страстную. Никогда прежде не доводилось мне встречать обладателя столь великолепной внешности. Примечательная деталь: его широко расставленные глаза, казалось, могли одновременно обозревать почти четверть горизонта! Позже мне предоставилась возможность убедиться в наличии этой способности, которая усиливалась невероятной зоркостью — еще большей, чем у Неда Ленда. Когда незнакомец останавливал взгляд на каком-либо предмете, его брови хмурились, большие веки сближались, словно охватывая зрачок и сужая поле зрения, и он смотрел! Да как! Под его взглядом отдаленные объекты становились как будто ближе и крупнее! Он словно заглядывал вам

прямо в душу! Проникая сквозь непроницаемые для взора слои воды, читал в самых темных морских глубинах!..



Ему могло быть и тридцать пять, и пятьдесят.

Оба незнакомца были в беретах из меха калана[45], морских сапогах из тюленьих шкур и свободного кроя, не стеснявшей движений одежде из особой ткани.

Тот, что повыше, — очевидно, капитан, — внимательно посмотрел на нас, не говоря ни слова. Затем, повернувшись к своему спутнику, заговорил с ним на незнакомом мне наречии. Это был певучий, благозвучный и гибкий язык, в котором гласные имели самые разнообразные виды ударения.

В ответ второй человек кивнул и добавил два-три совершенно неразборчивых слова. Судя по направлению взгляда, он обращался прямо ко мне.

Я ответил на хорошем французском, что не расслышал вопроса. Он, похоже, тоже не понял меня. Положение становилось довольно затруднительным.

— Пусть господин расскажет им нашу историю, — посоветовал Консель. — Возможно, эти господа смогут уловить какие-то знакомые сло-

[45] Сноски: 45

Хищное морское млекопитающее из семейства куньих (также морская выдра, морской бобр).

ва!

Я начал рассказ о наших приключениях, отчетливо выговаривая каждый слог и не упуская ни единой детали. Перечислив наши имена и должности, я должным образом представил профессора Аронакса, его слугу Конселя и господина Неда Ленда, гарпунщика.

Человек с мягким взглядом выслушал меня спокойно, даже вежливо, и с неподдельным вниманием. Однако, судя по безмятежному выражению лица, так ничего и не понял. Когда я закончил, он не произнес ни слова.

Оставалось только одно: попробовать изъясняться на английском. Возможно, мы сумеем понять друг друга с помощью этого почти универсального языка. Я знал его, как и немецкий, достаточно хорошо, чтобы бегло читать, но явно недостаточно, чтобы грамотно на нем изъясняться. Тем не менее нужно было найти хоть какой-то способ общения.

— Теперь вам слово, господин Ленд, — сказал я гарпунеру. — Постарайтесь вытащить из своих закромов самый безупречный английский, на котором когда-либо говорил англосакс, и пусть вам повезет больше, чем мне.

Нед не заставил себя уговаривать и заново

рассказал мою историю. Я понял почти все — в общих чертах. Суть осталась той же, а вот форма изменилась. В силу своего характера канадец ее изрядно оживил. Он возмутился, что его бросили в темницу в нарушение прав человека, потребовал объяснить, на основании какого закона его держат взаперти, сослался на habeas corpus[46], пригрозил найти и покарать тех, кто незаконно лишил его свободы… Он лез из кожи вон, размахивал руками, кричал и под конец красноречивым жестом дал понять, что мы умираем с голоду.

Что было истинной правдой, хотя в общей сумятице мы об этом почти забыли.

К своему огромному удивлению, гарпунщик потерпел такое же фиаско. Лица наших посетителей остались непроницаемыми. Было совершенно очевидно, что язык Араго[47], как и язык Фара-

[46] Сноски: 46

Хабеас корпус (от *лат.* habēre — «иметь» и corpus — «тело») — принцип неприкосновенности личности, используемый в англосаксонском уголовно-процессуальном праве. В соответствии с правилом хабеас корпус задержанный человек может обратиться к суду с жалобой на арест или задержание и потребовать выдачи специального судебного приказа, предписывающего доставить задержанного в суд для проверки законности такого ареста или задержания.

[47] Сноски: 47

Франсуа Араго (1786–1853) — французский физик, астроном и политический деятель.

дея[48], им в равной степени не понятны.

Крайне смущенный, впустую израсходовав наши филологические ресурсы, я не знал, что теперь делать. И тут Консель сказал:

— Если господин позволит, я расскажу им все на немецком.

— Что? Ты знаешь немецкий? — изумился я.

— Как любой фламандец. Надеюсь, это не вызовет неудовольствие господина.

— Напротив, я страшно рад! Дерзай, мой друг!

И Консель, своим невозмутимым голосом, в третий раз поведал незнакомцам обо всех перипетиях нашей истории. Однако, несмотря на изящные обороты речи и безупречное произношение рассказчика, немецкий язык также не имел никакого успеха.

Наконец, доведенный до отчаяния, я извлек из памяти остатки старых знаний и попытался рассказать о наших приключениях на латыни. Цицерон заткнул бы уши и отправил бы меня на кухню, но я все же худо-бедно справился с задачей. Правда, столь же безрезультатно.

Когда последняя попытка окончилась явным провалом, двое незнакомцев обменялись парой

---

[48] Сноски: 48

Майкл Фарадей (1791–1867) — английский физик-экспериментатор и химик.

слов на своем непонятном языке и удалились, даже не посчитав нужным использовать какой-нибудь утешительный жест из тех, что имеют хождение во всех странах мира. Дверь снова закрылась.

— Возмутительно! — в двадцатый раз вспылил Нед Ленд. — Как так? Мы тут перед ними распинаемся — и на французском, и на английском, и на немецком, и на латыни, — а ни один из этих дикарей даже не удосужился ответить!

— Успокойтесь, Нед, — сказал я бурлящему от негодования гарпунщику. — Гнев здесь не поможет.

— Вы же понимаете, господин профессор, — не унимался наш сварливый спутник, — что в этой железной клетке мы непременно умрем голодной смертью?

— Ну, полноте! Возможно, мы продержимся еще долго, — философски изрек Консель.

— Друзья мои! — сказал я. — Не стоит отчаиваться. Мы попадали в гораздо более опасные передряги. Призываю вас запастись терпением и подождать, пока мы не узнаем капитана и экипаж этого судна получше.

— Да что там о них знать! — выпалил Нед Ленд. — Негодяи и есть.

— Допустим. Но из какой они страны?

— Из страны негодяев!

— Мой дорогой Нед, такую страну еще не нанесли на карту мира. Хотя должен признать, что определить национальность этих двух незнакомцев — задача не из легких. Они не англичане, не французы и не немцы — вот все, что можно утверждать наверняка. Однако я склонен предполагать, что и капитан, и его помощник — уроженцы южных широт. В обоих есть что-то от южан. Судя по внешности, они могут быть испанцами, турками, арабами или индусами — сказать что-то более определенное пока не берусь. Но вот язык их мне совершенно не понятен.

— Как жаль, что невозможно знать все языки мира! — заметил Консель. — Или что все люди не могут говорить на одном языке!

— Нам бы это никак не помогло, — возразил Нед Ленд. — Разве вы не видите, что эти люди говорят на собственном языке, который они изобрели, чтобы издеваться над мечтающими об ужине пленниками! Ведь когда человек изображает, будто что-то жует — открывает рот, двигает челюстями, захватывает зубами и губами невидимую пищу, — всем на свете понятно без слов, что он хочет. И в Квебеке, и на остро-

вах Таумоту, и в Париже, и в противоположном конце земного шара это значит одно: «Я голоден! Дайте мне еды!..»

— Увы! Не все такие догадливые... — вздохнул Консель.

Не успел он договорить, как дверь отворилась, и вошел стюард. Он принес нам одежду: куртки и морские штаны из неизвестной мне ткани. Я поспешил переодеться; Нед с Конселем последовали моему примеру.

Тем временем безмолвный стюард — возможно, глухонемой — накрыл на стол и поставил три столовых прибора.

— Ну вот, совсем другое дело! — сказал Консель. — Выглядит многообещающе!

— Не обольщайтесь! — фыркнул гарпунщик. — Чем они могут нас накормить? Какой-нибудь черепашьей печенкой, акульим мясом или бифштексом из морской собаки!

— Скоро узнаем! — не смутился Консель.

Мы сели за стол, где на скатерти были симметрично расставлены тарелки, накрытые серебряными колпаками. Мы определенно имели дело с людьми культурными, и если бы не заливавший комнату электрический свет, я мог бы подумать, что нахожусь в обеденной за-

ле отеля «Адельфи» в Ливерпуле или парижского «Гранд-отеля». Не хватало только хлеба и вина. Вода была чистой и освежающей, но это была всего лишь вода — к огромному разочарованию Неда Ленда. Среди поданных нам кушаний я узнал разные виды рыб, весьма искусно приготовленных. Хотя некоторые угощения, причем отменные, остались для меня загадкой: я так и не смог определить к какому царству — растений или животных — относятся их ингредиенты. Стол был сервирован элегантно и с безупречным вкусом. На каждой ложке, вилке, ноже, тарелке красовалась гравировка в виде буквы, окруженной надписью. Вот ее точная копия:

«Подвижный в подвижной среде»! Девиз как нельзя лучше подходил к этому подводному аппарату, если перевести латинский предлог in как «в», а не «на». Буква N, очевидно, была начальной буквой имени загадочного капитана, чье судно покоряло морские глубины!

Нед и Консель не отвлекались на подобные размышления. Они жадно набросились на еду, и я не замедлил последовать их примеру. Наша судьба больше не вызывала у меня опасений: хозяева явно не собирались морить нас голодом.

Все рано или поздно заканчивается, все прохо-

дит — даже голод у тех, кто не ел на протяжении пятнадцати часов. Насытившись, мы ощутили непреодолимую сонливость. Вполне естественная реакция после бесконечной ночи, проведенной в борьбе со смертью.

— Пожалуй, я не прочь вздремнуть, — сказал Консель.

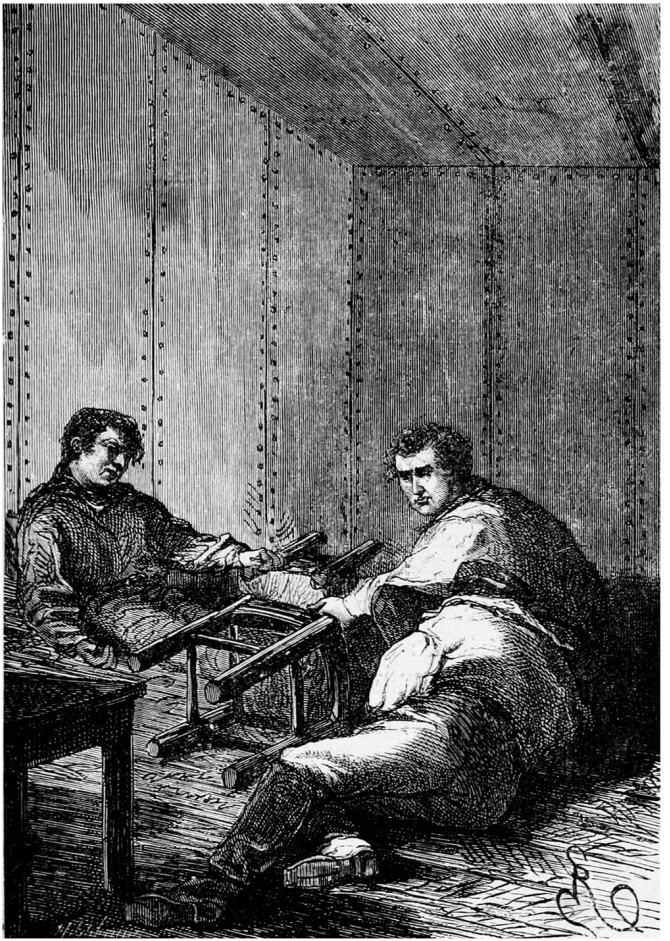
— А я уже сплю! — ответил Нед Ленд.

Мои спутники растянулись на циновке и тут же провалились в глубокий сон.

В отличие от них, я еще какое-то время боролся с неотступным желанием заснуть. Слишком много мыслей роилось в голове, слишком много вопросов требовало ответа, слишком много образов не давало моим векам сомкнуться! Где мы? Что за неведомая сила увлекла нас за собой? Я чувствовал — или мне это только казалось, — что подводный корабль погружается в самые отдаленные уголки океана. Меня охватил безмерный ужас. Я представлял, что в этих таинственных глубинах обитает целый сонм неизвестных науке существ, и подводная лодка была им под стать — живая, подвижная и грозная!.. Затем мой ум успокоился, воображение растворилось в дремотной волне, и вскоре я заснул как убитый.

Глава девятая
Нед Ленд негодует

Не знаю, долго ли мы спали; должно быть, долго, так как успели полностью восстановить свои силы. Я проснулся первым. Мои спутники еще храпели, распластавшись на циновке.



Мои спутники растянулись на циновке.

Едва привстав с довольно твердого ложа, я почувствовал, что в голове моей прояснилось. Тогда я решил еще раз внимательно осмотреть нашу темницу.

С виду все было по-прежнему. Тюрьма оставалась тюрьмой, пленники — пленниками. Однако пока мы спали, стюард успел убрать со стола. Ничто не указывало на скорую перемену в нашем положении, и я всерьез задумался, не придется ли нам сидеть в этой клетке до конца своих дней.

Подобная перспектива была невыносимой, и, хотя я полностью оправился от вчерашних потрясений, ужасная тяжесть вдруг сдавила мне грудь. Я почувствовал, что задыхаюсь. Легкие словно отказывались работать в спертом воздухе. Хотя наша тюрьма была довольно просторной, мы втроем явно успели израсходовать большую часть содержащегося в ней кислорода. Как известно, за один час человек потребляет кислорода столько, сколько содержится в ста литрах воздуха, замещая его равнозначным количеством углекислого газа; в результате воздух становится непригодным для дыхания.

Требовалось срочно проветрить нашу тюрь-

му — впрочем, как и все остальные помещения подводного судна.

Один вопрос не давал мне покоя. Каким образом капитан обеспечивал подачу воздуха в этот плавучий дом? Получал ли он его химическими методами, с помощью нагрева высвобождая кислород из бертолетовой соли[49] и используя едкое кали[50] для поглощения углекислого газа? В таком случае он должен был поддерживать какие-то отношения с материками, чтобы добывать необходимые для этой процедуры вещества. А может, ограничивался тем, что хранил запасы воздуха под высоким давлением в специальных резервуарах, расходуя его на нужды экипажа по мере надобности? Вполне правдоподобно. Или же довольствовался более простым, экономичным, а потому более вероятным способом: время от времени всплывать для дыхания на поверхность, подобно китообразным, чтобы вос-

[49] Сноски: 49

Хлорат калия (калиевая соль хлорноватой кислоты); получен Клодом Бертолле в 1786 году. До начала XX века бертолетова соль использовалась для лабораторного получения кислорода, но из-за малой доступности ее перестали применять. Некоторое время растворы хлората калия применялись в качестве слабого антисептика, наружного лекарственного средства для полоскания горла.

[50] Сноски: 50

Гидроксид калия — едкое, токсичное вещество, обладающее ярко выраженными щелочными свойствами.

полнить суточный запас воздуха? Так или иначе, каким бы ни был этот способ, мне казалось благоразумным применить его без промедления.

По правде говоря, я уже давно старался дышать чаще, чтобы извлечь как можно больше кислорода из разреженной атмосферы нашей темницы, когда в лицо внезапно ударил освежающий поток пропахшего солью воздуха. Это был живительный, напоенный йодом морской бриз! Я стал жадно хватать его широко раскрытым ртом, и мои легкие напитывались свежими молекулами кислорода. В то же время я ощущал легкое, но довольно заметное покачивание. Очевидно, наш корабль, этот стальной зверь, только что всплыл на поверхность океана, чтобы набрать воздуха — на манер китов. Теперь мне был известен способ вентилирования судна.

Вволю надышавшись, я стал искать вентиляционное отверстие, своего рода «воздуховод», доставляющий сюда живительные потоки. Мои поиски увенчались успехом. Я заметил над дверью отдушину, через которую струя свежего воздуха проникала в камеру, восполняя оскудевшие запасы кислорода.

Я продолжал наблюдения, когда под влиянием живительных флюидов почти одновременно

проснулись Нед и Консель. Они протерли глаза, потянулись и уже через мгновение были на ногах.

— Как спалось господину профессору? — вежливо спросил меня Консель, следуя привычному утреннему ритуалу.

— Очень хорошо, мой друг, — ответил я. — А вам, мистер Ленд?

— Спал как младенец, господин профессор! Погодите-ка… мне это только мерещится, или я в самом деле чувствую запах моря?

Нюх никогда не подводит морского волка, и я рассказал канадцу обо всем, что случилось, пока он спал.

— Вон оно что! — присвистнул Нед. — Теперь понятно, что за свист мы слышали, когда этот фальшивый нарвал кружил неподалеку от «Авраама Линкольна»!

— Именно так, господин Ленд! Это было его дыхание!

— Только знаете, господин Аронакс, я совершенно потерял счет времени. Полагаю, до ужина еще далеко?

— До ужина? Скорее, до обеда еще далеко, мой почтенный гарпунщик! Поскольку, судя по всему, наступил уже следующий день.

— Стало быть, — подхватил Консель, — мы проспали целые сутки!

— Думаю, так и есть, — подтвердил я.

— Не буду спорить, — ответил Нед Ленд. — Мне все равно, ужин или обед. Лишь бы нам уже принесли хоть что-то!

— А лучше — и то, и другое! — вставил Консель.

— Точно! — согласился канадец. — Нам полагается два приема пищи, и лично я с превеликим удовольствием смету и ужин, и обед.

— Что ж, Нед, посмотрим! — сказал я. — Очевидно, эти незнакомцы не собираются морить нас голодом, иначе во вчерашнем ужине не было бы никакого смысла.

— Если только они не хотят нас откормить! — предположил Нед.

— Ваши подозрения совершенно беспочвенны! — запротестовал я. — Уж не думаете ли вы, что мы попали в лапы каннибалам?

— То, что нас не сожрали вчера, еще ни о чем не говорит, — серьезно ответил канадец. — А может, они давно мечтали отведать свежей плоти? В этом случае трое таких здоровых и крепких мужчин, как господин профессор, его слуга и я…

— Бросьте эти глупые идеи, господин Ленд! —

осадил я гарпунщика. — И тем более не стоит злиться на хозяев — это может только усугубить наше положение.

— Как бы там ни было, — заявил гарпунщик, — я чертовски голоден, а еду все не несут! Ни тебе обеда, ни ужина!

— Господин Ленд, — возразил я. — Мы должны привыкать к принятому на борту распорядку. Полагаю, наши желудки немного опережают расписание местного шеф-повара.

— Что ж, значит, надо настроить их на правильное время, — философски заметил Консель.

— Узнаю вас, дружище Консель! — раздраженно воскликнул канадец. — Вы так скупо расходуете свои нервы и желчь! Вас ничем не проймешь! Вы готовы рассыпаться в благодарностях, не успев вознести молитву перед едой, и скорее умрете с голоду, чем проявите недовольство!

— А какой в этом смысл? — пожал плечами Консель.

— Смысл в том, чтобы проявить недовольство! Это уже кое-что. И если эти пираты — я называю их пиратами только из вежливости и чтобы не огорчать господина профессора, который запрещает называть их людоедами… если эти пираты воображают, что могут запереть меня

в душной клетке, не услышав отборных проклятий, которыми я приправляю вспышки гнева, то они глубоко заблуждаются. Господин Аронакс, давайте начистоту. Как думаете, долго ли они собираются держать нас в этой жестянке?

— Честно говоря, я знаю об этом не больше вашего.

— Но вы ведь можете хоть что-то предположить?

— Я думаю, что по воле случая мы стали обладателями важной тайны. Однако экипаж подводного судна заинтересован в том, чтобы ее сохранить. И если этот интерес окажется важнее трех человеческих жизней, то наше дальнейшее существование под большим вопросом. В противном случае поглотивший нас кит при первой же возможности вернет нас в мир, населенный подобными нам созданиями.

— Если только не решит включить нас в состав команды, — сказал Консель, — и тем самым удержать на борту…

— Ровно до того момента, — вставил Нед Ленд, — пока какой-нибудь фрегат, быстрее и проворнее «Авраама Линкольна», не захватит это пиратское логово и не вздернет нас вместе

с командой на грота-рее[51].

— Резонно, мистер Ленд, — согласился я. — Впрочем, насколько я знаю, подобных предложений нам еще никто не делал. А потому нет смысла спорить о том, чью сторону мы должны будем принять в случае необходимости. Повторяю, лучше набраться терпения, действовать по обстановке и ничего не предпринимать — все равно от нас ничего не зависит.

— Как раз наоборот, господин профессор! — Гарпунщик явно не желал признавать поражение. — Мы должны что-то делать!

— Что же именно, мистер Ленд?

— Бежать.

— Даже из «сухопутной» тюрьмы выбраться не так-то просто, а уж из подводной и вовсе нереально.

— Итак, друг Нед, что вы скажете на это возражение профессора? — спросил Консель. — Никогда не поверю, что у американца могут закончиться идеи!

Гарпунщик, явно смущенный, молчал. Обстоятельства, в которых мы оказались по воле рока, совершенно исключали возможность побега.

---

[51] Сноски: 51
Нижняя перекладина средней мачты.

Однако любой канадец — наполовину француз, и мистер Нед Ленд наглядно доказал это своим ответом.

— Господин Аронакс, — заговорил он после минутного раздумья, — а знаете, что должны делать пленники, которые не могут сбежать из тюрьмы?

— Не знаю, мой друг.

— Все просто: им нужно устроиться там поудобнее…

— Верно! — воскликнул Консель. — Куда лучше сидеть в застенках, чем гнить в земле или отправиться на небеса!

— …только сначала надо вышвырнуть вон тюремщиков, смотрителей и надзирателей, — добавил Нед Ленд.

— Бросьте, Нед! Неужели вы серьезно думаете захватить судно?

— Совершенно серьезно, — ответил канадец.

— Но это невозможно!

— Почему же? А вдруг представится удачный случай? Тогда я не вижу причин им не воспользоваться. Если на борту этой посудины всего два десятка человек, они не заставят отступить двух французов и канадца!

Проще было согласиться с доводами гарпунщи-

ка, чем вступать с ним в спор.

— Тогда дождемся нужных обстоятельств, мистер Ленд, а там посмотрим, — дипломатично ответил я. — Ну а пока прошу вас набраться терпения. Здесь лучше действовать хитростью. Ваша вспыльчивость может все только испортить. Пообещайте, что умерите свой гнев до поры до времени!

— Обещаю, господин профессор! — заверил Нед Ленд не слишком убедительным тоном. — Буду нем как рыба и кроток как агнец, даже если нас порой забудут покормить!

— Смотрите, Нед, вы дали слово, — сказал я канадцу.

На этом разговор окончился, и каждый задумался о своем. Должен признаться, что сам я, в отличие от гарпунщика, не питал иллюзий. И не верил в «удачные случаи», о которых говорил Нед Ленд. Чтобы столь ловко маневрировать, подводному судну нужна огромная команда; следовательно, если дойдет до драки, то силы окажутся слишком неравны. Впрочем, для начала не мешало бы обрести свободу передвижения, а мы все еще оставались пленниками. Я не видел ни малейшей возможности улизнуть из этой наглухо закупоренной стальной темницы. И ес-

ли капитан-чужеземец намерен хранить тайну своего подводного корабля — что весьма вероятно, — он ни за что не позволит нам свободно разгуливать по судну. Вопрос в другом: как он планирует от нас избавляться? Применит ли насилие или выбросит однажды на каком-нибудь клочке суши? Обе идеи выглядели удручающе правдоподобными, и лишь неисправимый оптимист вроде нашего гарпунщика мог бы надеяться на освобождение.

Однако даже Нед Ленд, пораскинув мозгами, заметно приуныл. Мало-помалу он снова начал бормотать проклятия и неистовствовать. Он вскакивал на ноги, метался по комнате, словно запертый в клетке дикий зверь, пинал стены и молотил по ним кулаком. Между тем время шло, жуткий голод давал о себе знать все настойчивее, но на этот раз стюард не появлялся. Подобное отношение к жертвам кораблекрушения заставляло усомниться в добрых намерениях наших тюремщиков.

Нед Ленд, терзаемый голодными спазмами своего могучего желудка, начинал закипать, и я боялся, что при виде кого-нибудь из членов команды он неминуемо взорвется, несмотря на данное слово.

Спустя еще два часа ярость Неда Ленда вырвалась наружу. Канадец звал на помощь, кричал… Все впустую. Железные стены оставались глухи. Ни единого звука не доносилось извне: корабль словно вымер. Причем он не двигался — иначе я непременно почувствовал бы вибрацию корпуса от работающего винта. Очевидно, погрузившись в морскую бездну, он больше не принадлежал земному миру. От зловещей тишины кровь стыла в жилах.

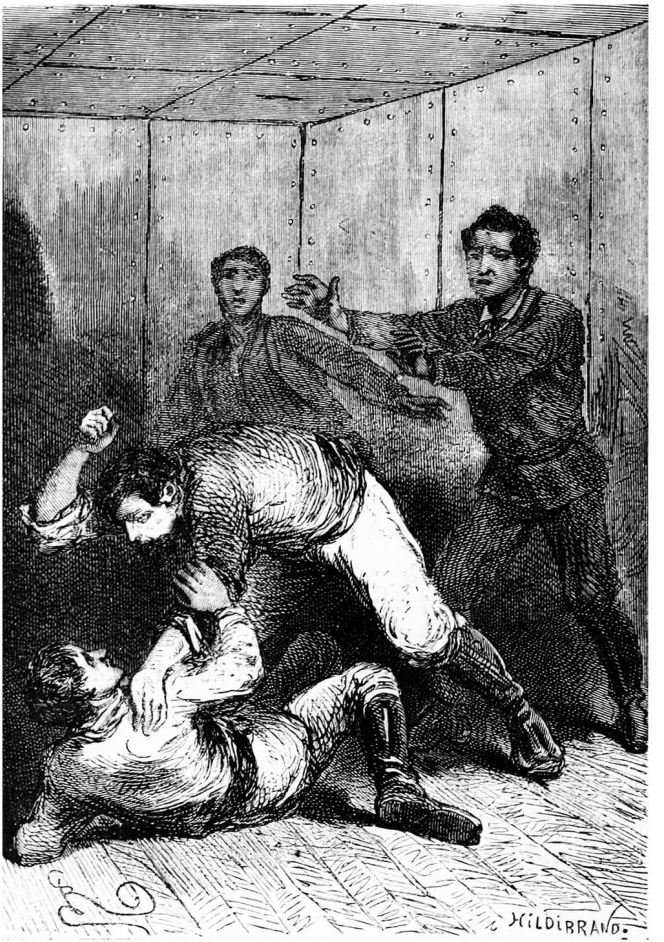
Страшно было предположить, сколько продлится наша изоляция, наше заключение в камере. Надежды, которые я начал питать после встречи с капитаном судна, постепенно улетучивались. Добрый взгляд, открытое лицо и благородные манеры этого человека с каждым днем стирались из памяти. Я вновь видел его таким, каким он, по всей видимости, и был: неумолимым, жестоким. Теперь он казался мне бесчеловечным, лишенным всякого чувства жалости, непримиримым врагом себе подобных, к которым он явно испытывал лютую ненависть!

Неужели этот человек и впрямь допустит, чтобы мы умерли от истощения, запертые в тесной конуре, обреченные из-за дикого голода на страшные муки? Эта чудовищная мысль все глубже

проникала в сознание, подстегивая воображение, и вскоре меня охватила безумная паника. Консель оставался невозмутимым, Нед бушевал.

Вдруг снаружи послышался шум: чьи-то шаги гулко раздавались по металлическим плитам. Звякнул замок, дверь отворилась, и на пороге показался стюард.

Я и шага не успел сделать, чтобы его остановить, как канадец набросился на несчастного, повалил с ног и схватил за горло. Стюард беспомощно хрипел под его могучей рукой.


HILDIBRAND.

Канадец набросился на несчастного.

Консель пытался оттащить гарпунера от полузадушенной жертвы, и я собирался было броситься ему на подмогу, но вдруг остановился как вкопанный, услышав произнесенные на французском слова:

— Успокойтесь, мистер Ленд. И вы тоже, господин профессор. Прошу вас, выслушайте меня!

Глава десятая
Обитатель морей

Это был капитан корабля.

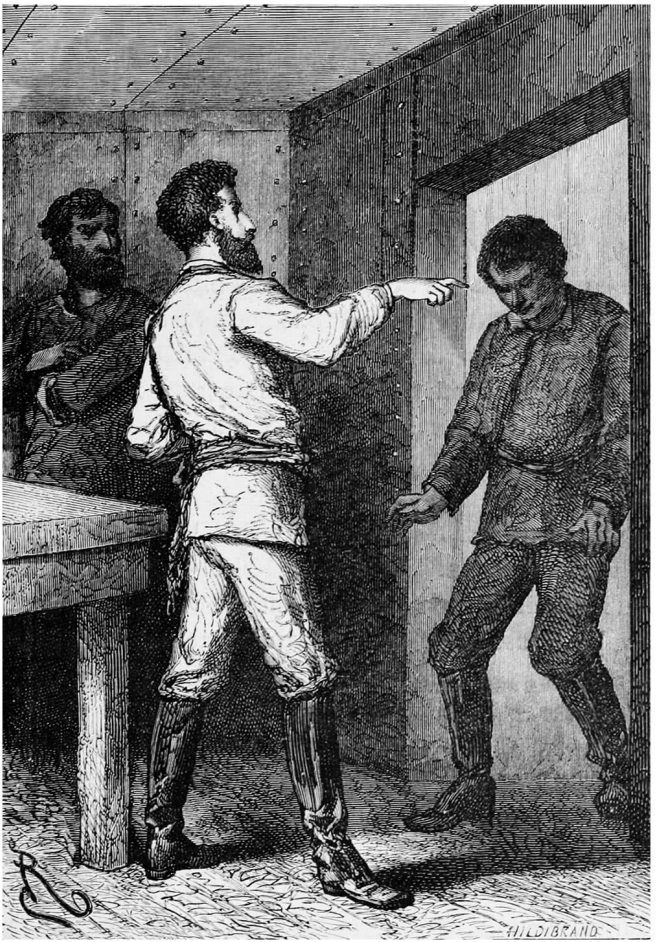
Нед Ленд вскочил на ноги. По знаку хозяина еле живой стюард, шатаясь, вышел из комнаты, ничем не выдав ни малейшей враждебности по отношению к канадцу, — настолько непререкаемой была власть капитана на борту судна. Мы молча ждали развязки, Консель — с невольным любопытством, я — в изумлении.

Присев на краешек стола и скрестив руки на груди, капитан внимательно нас разглядывал. Возможно, он не решался заговорить. Или жалел о только что произнесенных на французском словах. По крайней мере, мне так показалось.

После затянувшегося молчания, которое никто из нас не осмеливался нарушить, он наконец сказал спокойным, проникновенным голосом:

— Господа! Я одинаково хорошо владею французским, английским, немецким и латынью. Я мог бы заговорить с вами еще во время нашей первой встречи, но прежде хотел получше вас узнать, а потом — как следует все обдумать. Че-

тыре ваших рассказа совпадали по сути, так что я удостоверился в их правдивости. Теперь мне известно, что по воле случая на борту моего судна оказались господин Пьер Аронакс, профессор естественной истории из Парижского музея естествознания, отправленный за границу с научной миссией, его слуга Консель и канадец Нед Ленд, гарпунер с фрегата «Авраам Линкольн», входящего в состав военно-морского флота Соединенных Штатов Америки.


HILDIBRAND

Стюард вышел, шатаясь.

Я слегка поклонился в знак подтверждения. Капитан не задавал мне вопросов. Следовательно, ответов не требовалось. Этот человек говорил совершенно свободно, без малейшего акцента. Его фразы были безупречны, слова — точны, речь лилась на удивление легко и непринужденно.

— Вы, конечно, заметили, сударь, — продолжал он, — что я не спешил наносить вам второй визит. Выяснив, кто вы, я хотел тщательно все обдумать, прежде чем решить, что с вами делать. Меня одолевали сомнения. Роковые обстоятельства свели вас с человеком, который порвал с человечеством. Своим появлением вы нарушили мой покой…

— Не по своей воле! — вставил я.

— Не по своей воле? — повторил мой собеседник, повысив голос. — Так значит, «Авраам Линкольн» гоняется за мной по всем морям и океанам не по своей воле? Вы ступили на борт этого фрегата не по своей воле? Снаряды в мое судно летели случайно? И господин Нед Ленд не хотел забить его своим гарпуном?

Я уловил в словах капитана раздражение. Однако у меня имелся совершенно естественный ответ на эти обвинения, и я не преминул его

дать.

— Сударь! Должно быть, вы не знаете, какие жаркие споры разгорелись из-за вас в Америке и Европе. Не знаете и о том, что различные происшествия, вызванные столкновением с вашим подводным судном, всколыхнули общественное мнение на обоих континентах. Я не стану перечислять бесчисленные гипотезы, призванные объяснить необъяснимый феномен, секрет которого известен только вам. В оправдание скажу лишь одно: преследуя вас в международных водах Тихого океана, «Авраам Линкольн» полагал, что преследует опасное морское чудовище, от которого необходимо избавить океан любой ценой.

Легкая улыбка тронула губы капитана.

— Господин Аронакс, — произнес он спокойным голосом, — неужто вы осмелитесь утверждать, что подводный корабль не подвергся бы такому же преследованию и обстрелу, как и неведомый зверь?

Вопрос меня смутил, ведь в подобном случае капитан Фаррагут не стал бы колебаться ни секунды. Он посчитал бы своим долгом уничтожить любой аппарат такого рода, как если бы то был гигантский нарвал.

— Теперь вы понимаете, сударь, — продолжал

незнакомец, — что я имею право считать вас врагами.

Я ничего не ответил по одной простой причине. Какой смысл спорить, когда противник может разрушить любые твои доводы, применив силу?

— Я долго колебался, — вновь заговорил капитан. — Ничто не обязывало меня проявлять гостеприимство. Если бы наши пути разошлись, у меня не возникло бы ни малейшего желания видеть вас вновь. Я вернул бы вас на палубу моего судна, служившую вам убежищем. А потом затерялся бы в морской пучине, навсегда забыв о вашем существовании. Разве я не имел права так поступить?

— Поступить так мог бы дикарь, — ответил я, — но никак не цивилизованный человек.

— Господин профессор, я вовсе не являюсь тем, кого вы называете «цивилизованным человеком»! — резко заявил капитан. — Я разорвал все связи с обществом по причинам, о которых никто, кроме меня, судить не вправе. А значит, я не обязан подчиняться его законам и прошу вас никогда их при мне не упоминать!

Он говорил предельно искренне. Ярость и презрение вспыхнули в его глазах, и я почувствовал, что когда-то этому человеку довелось пережить

ужасную трагедию. Он не только поставил себя вне всяких человеческих законов, но и сделал себя в буквальном смысле независимым, свободным от любого внешнего воздействия! Кто осмелился бы преследовать его в морских глубинах, когда и на поверхности ему не было равных? Какое судно выстояло бы в столкновении с этим подводным кораблем? Какой броненосец, даже самый прочный, выдержал бы удары его тарана? Никто из людей не мог потребовать у него отчета за его действия. Только Бог, если он в него верил, да совесть, если она у него была.

Эти мысли молнией промелькнули у меня в голове, пока мой необычный собеседник молчал, погрузившись в себя. Я разглядывал его со смесью ужаса и любопытства: должно быть, именно так Эдип взирал на Сфинкса.

После долгой паузы капитан продолжил:

— Итак, я долго колебался. И все же решил, что мои интересы не пострадают, если я проявлю естественное сострадание, на которое имеет право любое человеческое существо. Вы останетесь на борту моего судна, раз уж попали сюда по воле рока. Вы получите свободу, хотя и весьма относительную, — но при одном условии. Пообещайте, что не станете его нарушать! Вашего слова будет

вполне достаточно.

— Говорите, сударь! — ответил я. — Полагаю, любому честному человеку не составит труда принять ваше условие.

— Разумеется! И вот в чем оно состоит. Есть вероятность, что некие непредвиденные обстоятельства вынудят меня запереть вас в каютах на несколько часов или даже дней, в зависимости от ситуации. Так как я не люблю применять насилие, то в подобном случае, как и во всех прочих, буду рассчитывать на ваше беспрекословное подчинение. Таким образом, я целиком и полностью снимаю с вас всякую ответственность свидетеля и обязуюсь принять все меры, чтобы помешать вам увидеть то, чего видеть не следует. Принимаете ли вы это условие?

Так значит, на борту и впрямь происходят события по меньшей мере необычные и не предназначенные для глаз людей, живущих по законам общества! Очевидно, судьба уготовила мне еще немало подобных сюрпризов.

— Принимаем! — ответил я. — Вот только… С вашего позволения, сударь, я хотел бы задать вам вопрос — всего один.

— Я вас слушаю.

— Вы сказали, что на борту вашего судна мы

будем свободны?

— Полностью.

— Я хотел бы уточнить, что вы подразумеваете под этой свободой.

— Как что? Возможность свободно передвигаться, видеть, наблюдать все, что здесь происходит, — за редким исключением; словом, пользоваться той же свободой, что и я, и все мои товарищи.

Было очевидно, что мы друг друга совсем не понимаем.

— Прошу прощения, сударь, — возразил я, — но эта свобода ничуть не лучше той, что есть у любого узника в тюрьме! Такая жизнь никогда нас не устроит!

— Однако вам придется с ней смириться.

— Вы шутите? По-вашему, мы должны отказаться от надежды снова увидеть родину, друзей, родных?

— Да, сударь. Вряд ли вам будет так уж сложно отказаться снова взвалить на себя тяжкое бремя мирской суеты!

— Ну знаете! — воскликнул Нед Ленд. — Я никогда не дам слова, что перестану думать о побеге!

— Я не прошу вас дать такое слово, господин Ленд, — холодно ответил капитан.

— Но позвольте! — неожиданно для самого себя возмутился я. — Вы злоупотребляете своей властью! Это жестоко!

— Напротив, сударь, милосердно! Вы захвачены в плен на поле боя. И я сохранил вам жизнь, хотя запросто мог бы вышвырнуть обратно в бездны океана. Вы на меня напали! Раскрыли тайну, недоступную ни одному живому человеку, — тайну, которая составляет смысл моего существования! И после этого думаете, что я позволю вам вернуться на землю, где про меня никто не должен знать? Никогда! Удерживая вас здесь, я спасаю не вас, а себя!

Эти слова доказывали, что капитан уже принял решение и никакие доводы здесь не помогут.

— Стало быть, сударь, вы всего лишь предлагаете нам сделать выбор между жизнью и смертью? — спросил я.

— Стало быть, так.

— Друзья мои! — обратился я к своим спутникам. — Как видите, дело обстоит так, что возражать бесполезно. Однако и мы не дадим никаких обещаний, которые связали бы нас с хозяином этого судна.

— Никаких, сударь, — согласился капитан.

Затем, чуть более мягким голосом, добавил:

— Теперь позвольте договорить. Я знаю вас, господин Аронакс. Если бы не ваши спутники, вряд ли вы стали бы жаловаться на судьбу за то, что свела вас со мной. Среди множества книг, которые скрашивают мне часы досуга, вы найдете и собственную работу о морских глубинах. Я часто ее перечитываю. В своих исследованиях вы продвинулись гораздо дальше, чем позволяет современная наука. Но даже вы не знаете всего, вы многого еще не видели! Смею вас заверить, господин профессор, вы не пожалеете о времени, проведенном на борту моего судна. Вы побываете в чудесных местах! Изумление и восторг станут, возможно, привычными состояниями вашего разума. Вам будет трудно пресытиться нескончаемым спектаклем, что развертывается прямо на глазах. Я отправлюсь в очередное подводное путешествие вокруг света — как знать, быть может, последнее в своей жизни! — чтобы еще раз увидеть все, что мне доводилось наблюдать на дне морей и океанов, которые я изучил вдоль и поперек; и вы станете моим соучеником. С этого дня вы попадаете в новую стихию, и перед вами развернется то, чего прежде не видел ни один человек, за исключением моей команды. Благодаря мне наша планета раскроет вам свои

самые сокровенные тайны!

Отрицать не стану: слова капитана произвели на меня огромное впечатление. Он нашел мое слабое место, и на мгновение я забыл, что созерцание прекрасного не стоит потерянной свободы. Впрочем, решение этой дилеммы я решил пока отложить и удовольствовался следующим ответом:

— Сударь! Пусть вы и порвали с человечеством, но, хочу верить, не отреклись от человечности. Приняв несчастных жертв кораблекрушения на борт своего судна, вы проявили истинное милосердие, и мы никогда этого не забудем. Что касается вашего предложения, то я готов признать: ради науки можно порой поступиться свободой. И понимаю, какие огромные возможности открылись бы передо мной благодаря нашей встрече.

Я думал, капитан протянет мне руку, чтобы скрепить наш договор. Однако, к моей досаде, он не сделал ничего подобного.

— И последний вопрос… — сказал я, когда этот непостижимый человек собрался уже уходить.

— Слушаю вас, господин профессор.

— Как прикажете к вам обращаться?

— Профессор, для вас я просто капитан Не-

мо[52], — ответил он, — а вы и ваши спутники для меня — всего лишь пассажиры «Наутилуса»[53].

Капитан Немо позвонил. Вошел стюард. Капитан отдал какие-то распоряжения на все том же неизвестном мне языке. Затем, повернувшись к Неду и Конселю, сказал:

— Завтрак вас ждет в вашей каюте. Ступайте за этим человеком.

— Не откажусь! — ответил гарпунщик.

И они с Конселем вышли наконец из застенков, где провели в заточении более тридцати часов.

— А теперь, господин Аронакс, отправимся и мы завтракать. Извольте следовать за мной.

— Как скажете, капитан.

Выйдя за порог вслед за капитаном Немо, я оказался в залитом электрическим светом коридоре, напоминавшем узкие проходы на кораблях. Через десяток метров передо нами открылась вторая дверь.

Мы вошли в столовую. Обстановка была простой и безыскусной. По обе стороны комнаты

---

[52] Сноски: 52

Никто (*лат.*).

[53] Сноски: 53

Головоногий моллюск из рода наутилусов, который встречается в Индийском и Тихом океанах.

возвышались огромные серванты из дуба, инкрустированные орнаментами из эбенового дерева; на полках с волнистыми краями сверкал дорогой фаянс, фарфор и хрусталь. Столовое серебро мерцало в лучах мягкого, рассеянного света, который лился с искусно расписанного потолка.

В центре комнаты стоял богато сервированный стол. Капитан Немо жестом указал на предназначенный мне стул.

— Садитесь, — сказал он, — и угощайтесь! Должно быть, вы умираете с голоду.

Завтрак состоял из целого ряда блюд, приготовленных исключительно из даров моря; природа и происхождение некоторых кушаний так и остались для меня загадкой. У еды — признаться, довольно аппетитной, — был необычный привкус, к которому я, впрочем, быстро привык. Мне показалось, что вся эта пища богата фосфором, а потому наверняка имеет морское происхождение.

Капитан Немо внимательно за мной наблюдал. Я ни о чем его не спрашивал, но он, словно прочтя мои мысли, сам ответил на вопросы, которые мне так не терпелось задать.

— Большинство этих кушаний вам незнакомы, однако можете смело их есть. Они полезны и пи-

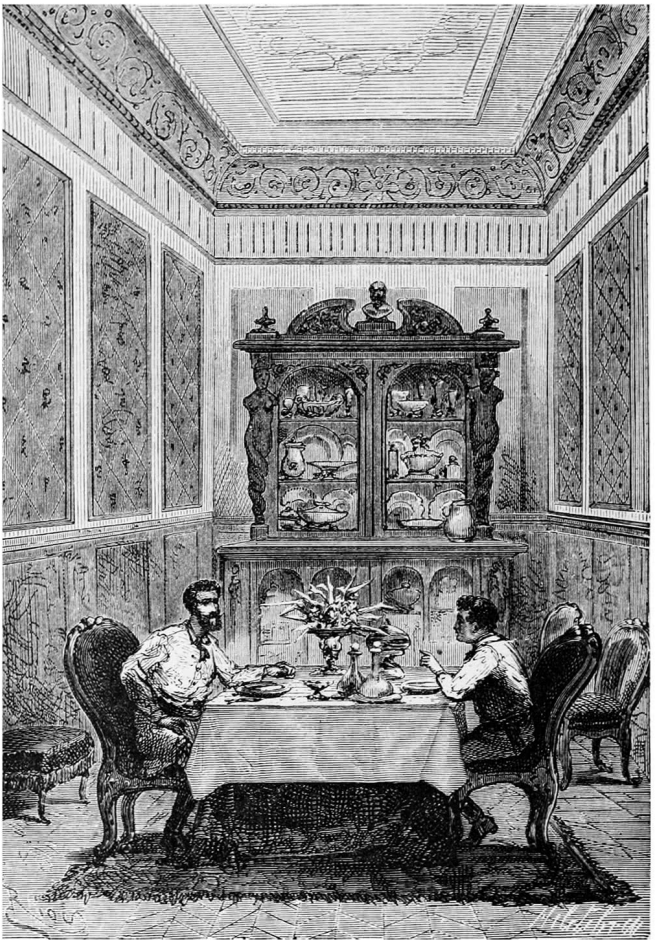
тательны. Я уже давно отказался от земной пищи и чувствую себя прекрасно. Моя команда — а они все крепкие ребята — питается так же.

— Стало быть, продукты для этих блюд добыты из моря?

— Верно, господин профессор! Море обеспечивает все мои нужды. Я забрасываю сети — и они едва не лопаются от рыбы. Я отправляюсь на охоту в этой, казалось бы, недоступной для человека среде — и загоняю дичь, которой изобилуют мои подводные леса. Мои стада свободно пасутся на бескрайних океанских просторах, подобно стадам древнего пастыря Нептуна. Я пользуюсь дарами своих обширных владений, засеваемых и бесконечно восполняемых самим Творцом.

Я с удивлением посмотрел на капитана Немо.

— Сударь, я прекрасно понимаю, что ваши сети обеспечивают вас превосходной рыбой; я также понимаю, хотя и не без труда, что вы охотитесь за морской дичью в ваших подводных лесах; но я совершенно не понимаю, откуда в вашем меню могло взяться мясо, пусть даже в таком небольшом количестве!



Мы вошли в столовую.

— Сударь, я никогда не употребляю в пищу мясо земных животных.

— Но разве это не оно? — спросил я, указывая на блюдо с кусочками говяжьего филе.

— То, что вы приняли за обычную говядину, господин профессор, — не что иное, как филе морской черепахи. Здесь также осталось немного печени дельфина, не отличимой по вкусу от свиного рагу. Мой кок — настоящий кудесник, который достиг вершин мастерства в искусстве консервирования различных даров океана. Советую отведать все эти кушанья! Вот тушеный трепанг — даже избалованный морскими деликатесами малаец посчитал бы его непревзойденным. А вот — сливочный крем; молоко для него добыто из вымени кита, сахар — из крупных североморских водорослей. И наконец, позвольте предложить вам варенье из актиний, не уступающее по вкусовым качествам варенью из самых сладких фруктов.

Пока я пробовал необычные угощения — скорее, из любопытства, чем из гурманства, — капитан Немо развлекал меня невероятными историями.

— Море, господин Аронакс, — рассказывал

он, — этот чудесный, неиссякаемый источник пропитания, меня не только кормит, но и одевает. Вещи, что сейчас на вас надеты, сотканы из биссуса[54] особых моллюсков; потом эту ткань окрашивают пурпуром морских улиток[55] с добавлением оттенков фиолетового, которые я получаю из средиземноморской аплизии[56]. Духи, которые вы найдете на туалетном столике в вашей каюте, — продукт дистилляции морских растений. Ваш матрац набит мягчайшей зостерой[57] с океанских лугов. Ваше писчее перо изготовлено из китового уса, а чернила — из жидкости, выделяемой каракатицами или кальмарами. Все приходит ко мне из моря, и все однажды в него вернется!

— Я вижу, вы любите море, капитан.

---

[54] Сноски: 54

Тонкие, прочные нити белковой природы, которыми моллюски, ведущие малоподвижный образ жизни (мидии, дрейсены, пинны и некоторые другие) прикрепляются к опоре.

[55] Сноски: 55

Морские улитки (другое название — мурексы, иглянки, багрянки, пурпурницы), из которых в древности получали краситель красновато-фиолетового цвета. Пурпур стоил на порядок дороже золота, носить пурпурные одежды могли только царственные особы и императоры.

[56] Сноски: 56

Род брюхоногих заднежаберных моллюсков (другое название — морской заяц), обитающих на дне тропических морей. В момент опасности аплизия выпускает струю чернил.

[57] Сноски: 57

Зостера (взморник, морская трава) — род многолетних морских трав. Высушенные листья растения используются (под названием «морская трава», «камка») для набивки матрацев и мебели, как упаковочный материал, иногда как удобрение, утеплитель, подстилка для домашних животных и для изготовления стройматериалов.

— Да! Люблю! Море — это все! Оно покрывает семь десятых земного шара. Его дыхание чисто и благотворно. Это бескрайняя пустыня, где человек никогда не бывает одинок, поскольку вокруг кипит жизнь. Море порождает самых удивительных и невероятных существ; оно — воплощение движения и любви, «живая бесконечность», как сказал один из ваших поэтов[58]. И действительно, господин профессор, природа проявляется здесь тремя своими царствами: минералов, растений и животных. Последнее царство широко представлено четырьмя группами зоофитов, тремя классами членистоногих, пятью классами моллюсков, тремя классами позвоночных — млекопитающими, рептилиями и несметными легионами рыб. Это огромное полчище животных насчитывает более тринадцати тысяч видов, из них пресноводных — всего одна десятая. Море — бескрайнее вместилище природы. По сути, именно с моря началась жизнь на планете. Возможно, им она и закончится. Здесь — царство вечного покоя. Море не подвластно тиранам. Все, что они могут — незаконно присвоить часть его поверхности: там ведут они свои войны, ис-

[58] Сноски: 58

Выражение из трактата «Море» французского историка и публициста Ж. Мишле (1798–1874).

требляют друг друга, творят все ужасы земной цивилизации. Но в тридцати футах под уровнем моря их власть заканчивается, их влияние гаснет, их могущество исчезает! Ах, сударь, оставайтесь, живите здесь, в глубинах океана! Только здесь можно обрести независимость! Здесь я никому не принадлежу! Здесь я свободен!

Внезапно капитан Немо умолк, прервав свою пламенную речь. Не вышел ли он ненароком за рамки привычной сдержанности? Не слишком ли увлекся беседой? В течение нескольких минут он беспокойно ходил по комнате. Затем его волнение улеглось, лицо обрело прежнюю холодность. Повернувшись ко мне, он сказал:

— А теперь, господин профессор, если желаете, я готов показать вам «Наутилус».

Глава одиннадцатая
«Наутилус»

Капитан Немо встал. Я проследовал за ним в дальний конец столовой, где перед нами распахнулась двойная дверь. Мы вошли в соседнюю комнату, не менее просторную.

Это была библиотека. Вдоль стен высились шкафы из черного палисандрового дерева, инкрустированные медью; на широких полках стояли бесконечные ряды книг в одинаковых переплетах. К шкафам примыкали просторные, обитые коричневой кожей диваны, которые так и манили своими уютными изгибами. Легкие переносные пюпитры для книг можно было придвинуть или отодвинуть по желанию читателя. В центре располагался массивный стол, заваленный журналами, среди которых я заметил несколько старых газет. Из четырех матовых шаров, наполовину утопленных в узорчатую лепнину на потолке, лился электрический свет, придавая всему интерьеру особую гармонию. Я с неподдельным восхищением разглядывал эту столь искусно обставленную комнату.

— Господин капитан! — обратился я к только что расположившемуся на диване хозяину. — Ваша библиотека сделала бы честь любому дворцу планеты! У меня дух захватывает при одной лишь мысли, что она побывала вместе с вами в самых дальних морских глубинах!

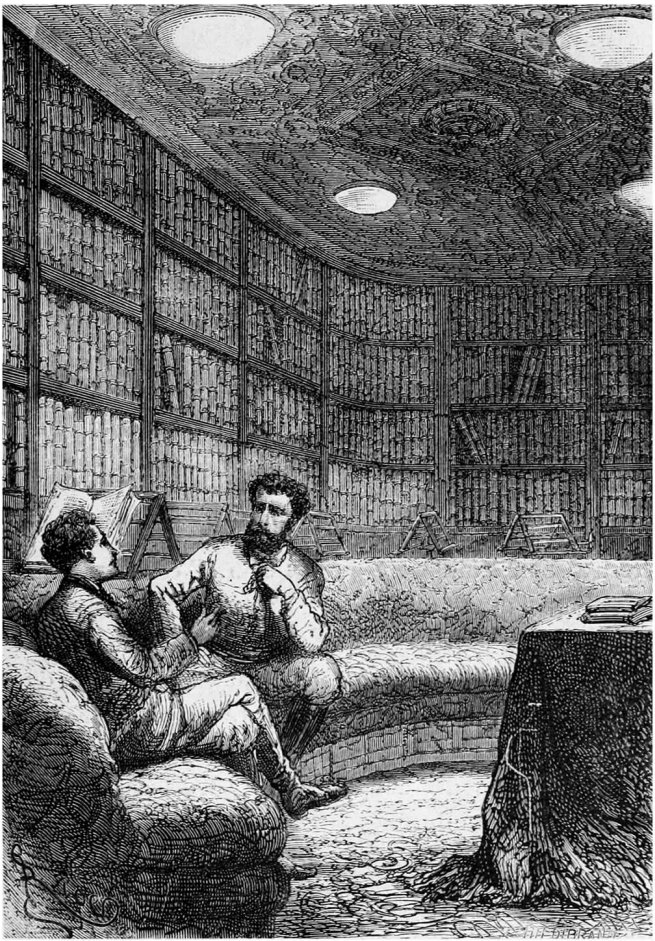
— Где еще вы найдете такое уединение, такой покой? — ответил капитан Немо. — Вот скажите, господин профессор, разве ваш кабинет в Парижском музее располагает такими удобствами?

— Нет, сударь! Должен признаться, он куда скромнее вашего. Похоже, здесь не менее шести или семи тысяч томов…

— Двенадцать тысяч, господин Аронакс. Книги — единственное, что связывает меня с землей. Весь остальной мир перестал для меня существовать, как только «Наутилус» впервые погрузился в воду. В тот день я в последний раз купил книги, журналы, газеты и предпочитаю думать, что с тех пор человечество перестало и мыслить, и писать. Все эти книги, господин профессор, — в полном вашем распоряжении. Можете пользоваться ими, когда пожелаете.

Поблагодарив капитана Немо, я подошел взглянуть на богатства библиотека. Полки были заставлены томами научных, философских

и художественных произведений, написанных на всех языках мира; однако я не увидел ни одной работы на тему политической экономии — похоже, здесь на них действовал строжайший запрет. Любопытная деталь: все книги стояли вразнобой, независимо от языка написания, — это доказывало, что капитан «Наутилуса» мог одинаково легко прочесть любое попавшееся под руку издание.



Это была библиотека.

Среди томов я заметил шедевры как древних, так и современных авторов, то есть все самое прекрасное, что было создано человечеством в области истории, литературы и науки, от Гомера до Виктора Гюго, от Ксенофонта[59] до Мишле[60], от Рабле до госпожи Санд. Но основу коллекции составляли научные труды: трактаты по механике, баллистике, гидрографии, метеорологии, географии, геологии и другим дисциплинам стояли на самом почетном месте, рядом с книгами по естественной истории. Очевидно, изучение наук было любимым занятием капитана. Я увидел здесь всего Гумбольдта, всего Араго, работы Фуко, Анри Сент-Клера Девиля, Шасля, Мильна-Эдвардса, Катрфажа, Тиндаля, Фарадея, Бертело, аббата Секки, Петерманна, капитана Мори, Агассиса и других ученых, а также «Записки Академии наук», бюллетени всевозможных географических обществ и, наконец, пару изданий, ради которых стоило потерпеть не вполне радушный прием капитана Немо. Благодаря книге Жозефа Бертрана

---

[59] Сноски: 59
Древнегреческий писатель и историк (около 430–356 гг. до н. э.).

[60] Сноски: 60
Жюль Мишле (1798–1874), французский историк и публицист.

«Основоположники астрономии» у меня появилась конкретная дата: я знал, что эта работа была опубликована в 1865 году, а значит, погружение «Наутилуса» не могло состояться позднее. Судя по всему, капитан Немо вел подводное существование по меньшей мере три года. Я надеялся обнаружить более недавние труды, что позволило бы уточнить полученные сведения; впрочем, времени на поиски у меня было предостаточно, поэтому я решил их пока отложить, не желая долее задерживать нашу прогулку для обозрения чудес «Наутилуса».

— Сударь! Спасибо, что любезно предоставили библиотеку в мое распоряжение! — поблагодарил я капитана. — Здесь есть настоящие сокровища науки, и я с удовольствием их изучу.

— Это не только библиотека, — сказал капитан Немо, — но и курительная комната.

— Курительная? — изумился я. — Разве на борту «Наутилуса» курят?

— Разумеется.

— Но тогда… Полагаю, вы сохранили связи с Гаваной?

— Никаких! — ответил он. — Позвольте угостить вас сигарой, господин Аронакс. И если вы истинный ценитель, то не будете разочарованы,

хотя она и не из Гаваны.

Я взял предложенную сигару. По форме она напоминала гаванские, но, как мне показалось, была скручена из листочков сусального золота. Я зажег ее от маленькой жаровни на элегантной бронзовой подставке и вдохнул первые клубы дыма с наслаждением заядлого курильщика, уже два дня лишенного такой возможности.

— Вкус превосходный, — сказал я. — Только это не табак.

— Вы правы, — подтвердил капитан. — Такого табака нет ни в Гаване, ни на Востоке. Это сорт водорослей, богатых никотином, — ими меня тоже снабжает море, хотя и не столь щедро. Ну что, сударь, все еще мечтаете о гаванских сигарах?

— Капитан, с этого дня я и смотреть на них не стану!

— Тогда курите, сколько пожелаете, не задумываясь о происхождении этих сигар. Ни одно правительство не контролирует их производство; полагаю, от этого они не становятся хуже.

— Как раз наоборот!

В эту минуту капитан Немо открыл дверь напротив, и я прошел за ним в роскошный, ярко освещенный салон.

Комната представляла собой большой прямо-

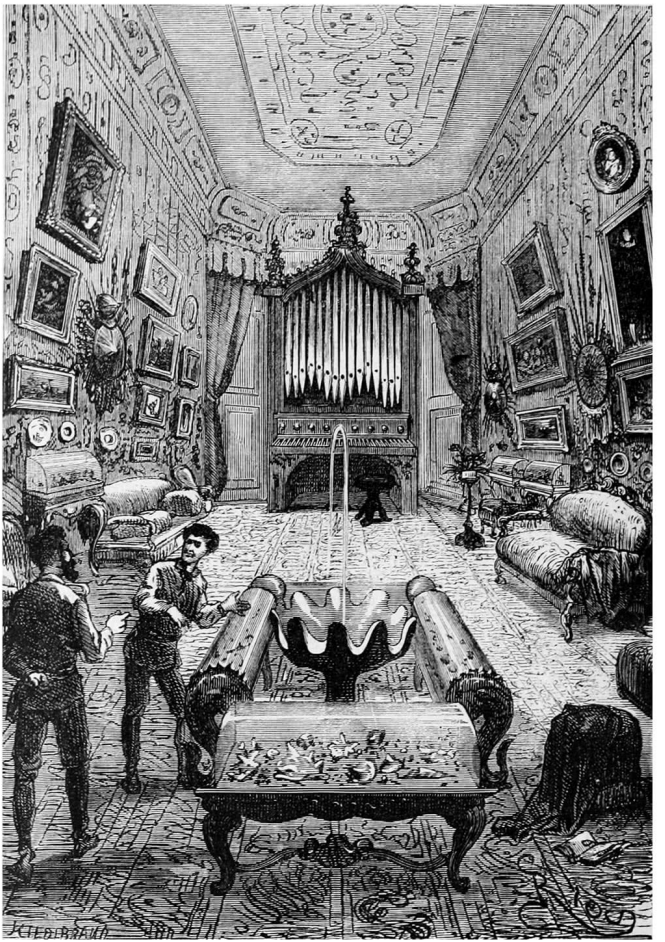
угольник со срезанными углами, десяти метров в длину, шести в ширину и пяти в высоту. С потолка, украшенного изящными арабесками, струился мягкий дневной свет, озаряя каждую вещицу в этом набитом диковинками музея. Здесь и впрямь был настоящий музей, где хранились все сокровища природы и искусства, собранные в одном месте мудрой и щедрой рукой. Повсюду царил художественный беспорядок, какой можно встретить в мастерской живописца.

Обтянутые простыми гобеленами стены были украшены тремя десятками картин признанных мастеров в одинаковых рамах, перемежавшихся сверкающими паноплиями[61]. Среди полотен я заметил несколько особенно ценных шедевров, которыми мне доводилось любоваться в частных коллекциях Европы и на выставках живописи. Здесь были представлены различные школы старых мастеров: «Мадонна» Рафаэля, «Дева» Леонардо да Винчи, «Нимфа» Корреджо, «Женщина» Тициана, «Поклонение волхвов» Веронезе, «Успение Богородицы» Мурильо, один из портретов Гольбейна, «Монах» Веласкеса, «Святой мученик» Риберы, «Ярмарка» Рубенса, два фламандскими

[61] Сноски: 61

Декоративная композиция из элементов античных военных доспехов, щитов, оружия и знамен (характерна для ренессанса и барокко).

пейзажами Тёнирса, три небольшие жанровые картины Герарда Доу, Метсю и Паулюса Поттера, два полотна Жерико и Прюдона, а также пара морских пейзажей Бакхёйзена и Верне. Среди шедевров современной живописи встречались работы кисти Делакруа, Энгра, Декампа, Труайона, Мейссонье, Добиньи и других мастеров. По углам этого чудо-музея возвышались на пьедесталах великолепные изваяния — мраморные и бронзовые копии прекраснейших античных статуй. Состояние изумления, о котором предупреждал капитан «Наутилуса», уже начало овладевать моим разумом.



Комната представляла собой прямоугольник со срезанными углами.

— Господин профессор, — сказал вдруг этот странный человек, — надеюсь, вы меня извините за недостаточно церемонный прием. И за царящий в этой комнате беспорядок.

— Сударь, — ответил я. — Не пытаясь проникнуть в тайну вашей личности, осмелюсь все же предположить: вы художник?

— Не более чем любитель. В прошлом я увлекался коллекционированием прекрасных творений рук человеческих. Как пытливому исследователю и неутомимому искателю, мне удалось приобрести несколько весьма редких экземпляров. Только это и осталось мне на память о мире, которого для меня больше не существует. В моих глазах — что ваши современные художники, что древние мастера других тысячелетий — все одинаково ценны. Гений лет не имеет.

— А композиторы? — спросил я, указывая на партитуры Вебера, Россини, Моцарта, Бетховена, Гайдна, Мейербеера, Герольда, Вагнера, Обера, Гуно и других композиторов, разбросан-

ные на большой фисгармонии[62], занимавшей одну из стен комнаты.

— Для меня эти композиторы — современники Орфея, — ответил капитан Немо. — В памяти мертвых нет понятия времени, а я давно мертв, господин профессор. Как и те ваши друзья, что покоятся в шести футах под землей!

Капитан умолк, погрузившись в глубокую задумчивость. В наступившей тишине я с живым интересом изучал необычные черты его лица. Облокотившись на бесценный мозаичный стол, он меня не замечал и, казалось, вовсе забыл о моем существовании.

Я оставил его наедине со своими мыслями и продолжил рассматривать украшавшие гостиную редкостные вещицы.

Произведения искусства соседствовали с шедеврами природы. В основном это были растения, раковины моллюсков и другие творения мирового океана, — очевидно, находки самого капитана Немо. В центре салона находился фонтан: подсвеченные электричеством струи воды падали в чашу, изготовленную из цельной створки три-

[62] Сноски: 62

Клавишный духовой музыкальный инструмент, по звучанию и принципу работы схожий с органом.

дакны[63]. Эта раковина с волнистыми краями, некогда принадлежавшая самому крупному из безголовых моллюсков, достигала не менее шести метров в окружности, — а значит превосходила размерами те прекрасные тридакны, которые Франциск I получил в дар от Венецианской республики, и из которых впоследствии изготовили две гигантские кропильницы[64] для церкви Сен-Сюльпис в Париже.

Вокруг фонтана располагались изящные витрины с медными оправами, где лежали под стеклом, пронумерованные и подписанные, самые ценные образцы даров моря, когда-либо предложенные вниманию натуралиста. Можете вообразить себе восторг профессора естествознания!

Раздел зоофитов был представлен весьма любопытными экземплярами двух групп: полипов и иглокожих. Первую группу составляли тубипоры, похожие на веер восьмилучевые горгонарии, губки из Сирии, изиды с Молуккских островов, морские перья, восхитительная вир-

[63] Сноски: 63

Род крупных морских двустворчатых моллюсков, обитающих в тропиках. Длина раковины трикадны может достигать 1,2 м, а масса крупных экземпляров может превышать 200 кг.

[64] Сноски: 64

Сосуд при входе в храм, из которого верующие окропляют себя освященной водой.

гулярия из норвежских морей, всевозможные умбеллулы, альционарии, а также ряд мадреповых кораллов, подробную классификацию которых разработал в свое время мой учитель Мильн-Эдвардс, — среди них я отметил прелестных флабелин[65], ветвистых окулин с острова Бурбон[66], «колесницу Нептуна» с Антильских островов, огромное разнообразие кораллов, и наконец все разновидности удивительных полипов, чьи колонии образуют целые острова, которые однажды станут континентами. В полную коллекцию иглокожих, примечательных своими колючими оболочками, входили астерии, морские звезды, пентакриниды, морские лилии, офиуры, морские ежи, голотурии и прочие представители этой группы.

Какой-нибудь впечатлительный конхиолог[67] непременно лишился бы чувств при виде других, более многочисленных витрин, где были

---

[65] Сноски: 65

Согласно современной науке, флабелины — голожаберные моллюски, имеющие яркую окраску.

[66] Сноски: 66

Одно из прежних названий французского острова Реюньон, расположенного в Индийском океане.

[67] Сноски: 67

Специалист в области конхиологии (раздел зоологии, изучающий раковины, преимущественно моллюсков).

выставлены самые разные виды моллюсков. Моему взору предстала поистине бесценная коллекция — мне не хватило бы времени, чтобы описать ее всю целиком. Упомяну здесь лишь некоторые из образцов, только для того, чтобы сохранить в памяти их названия: изящный королевский морской молоток из Индийского океана с симметричными белыми пятнами, отчетливо проступающими на красно-коричневой поверхности раковины; ощетинившийся шипами императорский спондилюс яркой расцветки, стоимость которого я примерно оценил в двадцать тысяч франков — большая редкость для европейских музеев; обыкновенный морской молоток из морей Новой Голландии, — его непросто раздобыть; экзотические буккарды из Сенегала — хрупкие двустворчатые ракушки белого цвета, которые разлетаются от малейшего дуновения, словно мыльные пузыри; различные виды морских леечек-клавагеллид с острова Ява, напоминающих известковые трубки, обрамленные пластинчатыми складками — споры о них до сих пор не стихают среди знатоков; многочисленные представители класса брюхоногих, от желто-зеленых из морей Америки, до красно-коричневых из прибрежных вод Новой Голландии; а также

необычные обитатели Мексиканского залива с чешуйчатой раковиной; стелларии, выловленные в южных морях, и, наконец, великолепный шпорник из Новой Зеландии, самый редкий образец в коллекции; далее восхитительные сернистые теллины, драгоценные разновидности цитер и венерид, решетчатый кадран с берегов Транкебара[68], отливающая перламутром мраморная крепидула, зеленые улитки из китайских морей, почти неизвестный конус из отряда Cœnodulli[69], все разновидности ракушек-каури, которые используются вместо монет в странах Индии и Африки; «Слава морей» — самая ценная раковина Восточной Индии; а еще литорины, дельфинки, башенки, янтины, яйцевидки, свитки, оливы, митры, шлемы, пурпурницы, трубачи, арфы, мурексы, тритоны, церитии, веретеницы, стромбы, птероцеры, пателлы, гиалеи, клеодоры — нежные, хрупкие раковины, которым ученые дали самые очаровательные имена.

Чуть поодаль, в особых отделениях, сверкали нити жемчуга неописуемой красоты: розовые

[68] Сноски: 68

Бывшая датская колония в Индии (с 1620 по 1845 г.), располагавшаяся в 250 километрах от Мадраса.

[69] Сноски: 69

Conus Cedonulli (*лат.* Конус несравненный).

жемчужины, извлеченные из пинн Красного моря, зеленые жемчужины из радужных галиотисов, а также желтые, голубые, черные жемчужины — удивительные творения самых разных моллюсков, населяющих все океаны, в том числе некоторых обитателей Северных течений; словом, множество бесценных образцов, произведенных самыми редкими жемчужницами. Некоторые жемчужины были крупнее голубиного яйца, стоили дороже, чем знаменитая жемчужина, которую путешественник Тавернье продал персидскому шаху за три миллиона, и превосходили жемчужину имама Маската[70], которую я прежде считал несравненной.

Так что определить ценность этой коллекции, прямо скажем, и думать нечего. Должно быть, капитан Немо потратил миллионы, чтобы приобрести эти редчайшие образцы. Я как раз задавался вопросом, из какого источника он черпает средства на удовлетворение свой страсти коллекционера, когда капитан прервал мои размышления такими словами:

— Вижу, вы разглядываете мои ракушки, господин профессор. Они и впрямь могут заин-

[70] Сноски: 70

Столица Омана, город-порт на побережье Оманского залива, окруженный горами и пустыней.

тересовать любого натуралиста; но для меня они имеют особое очарование, поскольку я собрал их собственными руками. На земле не осталось морей, которые бы я не исследовал.

— Понимаю, капитан, прекрасно понимаю, какую радость доставляет вам созерцание этих сокровищ! К тому же собранных собственноручно! Ни один музей Европы не может похвастаться столь обширной коллекцией шедевров океана! Но если я истрачу все свое восхищение на нее, что же останется для вашего чудесного судна? Я вовсе не стремлюсь выведать ваши личные секреты. Однако должен признаться: сам «Наутилус», заключенная в нем тягловая сила, устройства, позволяющие им маневрировать, могучий механизм, приводящий его в движение, — все это вызывает у меня живейший интерес. Я вижу на стенах этой комнаты различные инструменты неизвестного мне назначения. Могу ли я узнать…

— Господин Аронакс, — ответил капитан Немо, — как я уже говорил, на борту моего судна вы совершенно свободны, поэтому для вас здесь нет запретных мест. Так что можете осмотреть каждый закуток «Наутилуса», а я с удовольствием стану вашим проводником.

— Не знаю, сударь, как вас и благодарить! Обещаю не злоупотреблять вашей любезностью. Хотел бы только спросить, для чего нужны эти инструменты…

— Господин профессор, такие же есть у меня в каюте, и я с радостью объясню вам их назначение, когда мы там окажемся. Но сначала позвольте показать вам каюту, которую приготовили для вас. Вы должны знать, как будет обустроена ваша жизнь на борту «Наутилуса».

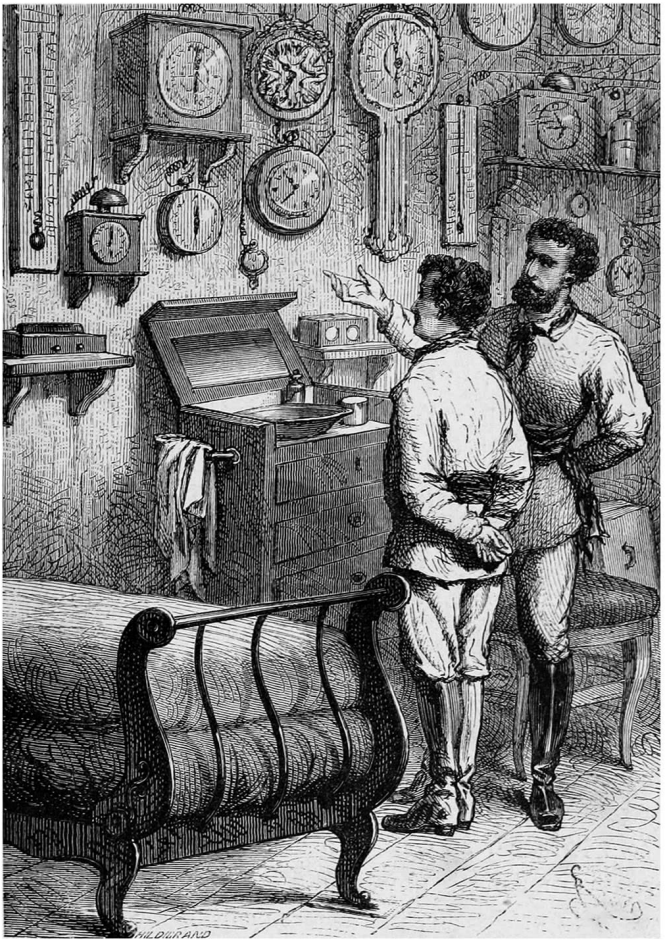
Я проследовал за капитаном Немо. Через одну из дверей, расположенных на каждой угловой грани гостиной, мы попали в узкий проход, пролегавший вдоль бортов корабля. Капитан провел меня в носовую часть судна, где я обнаружил не просто каюту, а элегантно обставленную комнату — с кроватью, туалетным столиком и прочей мебелью.

Мне ничего не оставалось, кроме как поблагодарить хозяина.

— Ваша каюта примыкает к моей, — сказал он, открывая другую дверь, — а моя сообщается с салоном, откуда мы только что вышли.

Я очутился в каюте капитана. Простотой обстановки она напоминала монашескую келью. Железная кушетка, рабочий стол со стулом,

умывальник с кое-какими туалетными принадлежностями. Полумрак. Ни намека на уют. Только самое необходимое.


PHILIPPOTEAUX

Каюта капитана Немо.

Приглашающим жестом капитан Немо указал мне на стул.

— Не желаете ли присесть?

Когда я сел, он заговорил.

Глава двенадцатая
Все благодаря электричеству!

— Эти измерительные приборы, — сказал капитан, обводя рукой стены с развешанными на них инструментами, — необходимы для управления «Наутилусом». Здесь, как и в салоне, они всегда у меня перед глазами, чтобы я знал, в какой точке океана находится мой корабль и куда направляется. Некоторые приборы вам знакомы: термометр показывает внутреннюю температуру «Наутилуса»; барометр измеряет вес воздуха и предсказывает изменения погоды; гигрометр определяет степень влажности атмосферы; штормглас содержит жидкость, которая распадается на составные части при приближении бури; компас, указывает путь; секстант помогает определить широту по высоте солнца; хронометры позволяют вычислить долготу; наконец, подзорные трубы, дневные и ночные, дают мне возможность осматривать горизонт, когда «Наутилус» поднимается на поверхность океана.

— Все эти приборы давно известны мореплавателям, и я прекрасно знаю, для чего они

нужны, — ответил я. — Но здесь есть и другие, которые, верно, служат только для «Наутилуса». К примеру, вот этот циферблат с подвижной стрелкой, похожий на манометр.

— Это и есть манометр. Измеряя уровень давления воды за бортом, он тем самым сообщает мне, на какой глубине находится судно.

— А эти зонды необычного устройства?

— Термометрические зонды. Они измеряют температуру разных слоев воды.

— А остальные устройства, о назначении которых мне не догадаться?

— Полагаю, я должен вам кое-что объяснить, господин профессор, — сказал капитан Немо. — Извольте меня выслушать.

Немного помолчав, он продолжил:

— В природе есть могущественная движущая сила — быстрая, послушная, простая в использовании, которая и верховодит на борту моего судна. Все работает благодаря ей. Она освещает, согревает, вдыхает жизнь в мои механические устройства. Эта движущая сила — электричество.

— Электричество? — удивился я.

— Да, господин профессор.

— Позвольте, капитан, но как тогда объяснить

невероятную быстроходность «Наутилуса»? Неужели это тоже заслуга электричества? Насколько мне известно, его динамическая мощность весьма ограниченна! Разве оно способно производить такое количество энергии?

— Господин профессор, — ответил капитан Немо, — мое электричество — особое. Это все, что я могу вам сказать, не вдаваясь в подробности.

— Не смею настаивать, сударь! Однако замечу, что совершенно потрясен подобным результатом. Позвольте задать еще один вопрос — можете не отвечать, если он покажется вам нескромным. Насколько я понимаю, элементы, которые вы используете для производства этой чудесной движущей силы, очень быстро расходуются. К примеру, цинк. Как вы восполняете его запасы, не имея никакого сообщения с землей?

— Я отвечу на ваш вопрос. Но прежде замечу, что на дне морей есть залежи цинка, железа, серебра и золота, добыча которых вполне осуществима. Однако я не взял у земли ни грамма ее металлов и попросил у моря дать мне все необходимые средства для производства электричества.

— У моря?

— Да, господин профессор, и море меня услы-

шало. Кстати говоря, я мог бы получить ток от разницы температур в слоях воды, проложив кабель на разных глубинах. Но я предпочел более практичный способ.

— Какой же?

— Вам известен состав морской воды? В одном литре содержится девяносто шесть с половиной процентов воды, два и две трети процента хлорида натрия; затем небольшое количество хлоридов магния и калия, а также бромид магния, сульфат магния, сульфат и карбонат кальция. Как видите, доля хлорида натрия довольно велика. Именно этот натрий я извлекаю из морской воды и использую для питания своих элементов.

— Натрий?

— Да, сударь. При соединении со ртутью он образует амальгаму, которая заменяет цинк в элементах Бунзена[71]. Ртуть, в отличие от натрия, никогда не истощается. А натрием меня снабжает само море. Кроме того, надо отметить, что гальванические элементы на основе натрия вдвое мощнее цинковых и способны вырабаты-

[71] Сноски: 71

Электрохимическая система для получения сильных токов и напряжений, изобретенная в XIX веке тремя разными химиками (другие названия — хром-цинковый элемент, элемент Грове, элемент Поггендорфа).

вать гораздо больше энергии.

— Господин капитан, я прекрасно понимаю преимущества натрия в условиях, в которых вы находитесь. Он содержится в морской воде. Отлично! Тем не менее его нужно сначала произвести, то есть добыть! Каким образом вы это делаете? Очевидно, можно было бы использовать ваши батареи; но, если не ошибаюсь, в таком случае количество натрия, расходуемого на электролиз, превысило бы количество натрия, извлеченного из морской воды. И тогда получилось бы, что вы тратите натрия куда больше, чем производите!

— Поэтому, господин профессор, вместо гальванического элемента я просто-напросто использую энергию каменного угля.

— Земного каменного угля?

— Скажем, морского, — ответил капитан Немо.

— Вы имеете в виду подводные залежи? Неужели вы нашли способ их разрабатывать?

— Господин Аронакс, вы обязательно увидите это на деле. Я только прошу вас запастись терпением, к тому же спешить вам некуда. Помните одно: я всем обязан океану. Он снабжает меня электричеством, а электричество дает «Наутилусу» тепло, свет, движение — словом, жизнь.

— Только не воздух для дыхания!

— О, я мог бы легко произвести и воздух! Но не вижу в этом смысла, поскольку в любой момент могу подняться на поверхность. Впрочем, если электричество и не снабжает меня кислородом, оно все же обеспечивает работу мощных насосов, которые закачивают его в особые резервуары, что позволяет мне оставаться на глубине сколь угодно долго.

— Капитан, я восхищен! Вам удалось то, что человечеству еще только предстоит, — открыть кинетическую энергию электричества!

— Не уверен, что у них это получится, — холодно заметил капитан Немо. — Итак, вы уже знаете, для чего в первую очередь применяется эта сила. Именно она обеспечивает нас освещением — равномерным и непрерывным, в отличие от солнечного света. Теперь взгляните на эти стенные часы: они тоже электрические, причем точностью хода превосходят лучшие хронометры. Я нанес на циферблат двадцать четыре деления, как у итальянских часов, потому что для меня не существует ни ночи, ни дня, ни солнца, ни луны, — лишь этот искусственный свет, который я уношу с собой в морские глубины! Сейчас, к примеру, десять часов утра, видите?

— Как интересно!

— А вот еще одно применение электричества. На циферблате, который висит прямо перед вами, отображается скорость «Наутилуса». Этот прибор соединен электрическим проводом с вертушкой судового лага[72], и стрелка показывает точное число оборотов. Взгляните: сейчас мы идем с умеренной скоростью в пятнадцать миль в час.

— Потрясающе! — воскликнул я. — Теперь я понимаю, почему вы решили использовать энергию электричества. За ним — будущее! Когда-нибудь оно заменит ветер, воду и пар!

— Наша экскурсия еще не окончена, господин Аронакс, — сказал капитан Немо, вставая. — Не желаете осмотреть кормовую часть «Наутилуса»? Пойдемте со мной.

Я действительно уже осмотрел всю переднюю часть подводного судна, состоявшую из нескольких помещений. Привожу здесь точный порядок их расположения, если двигаться от центра к шпирону: столовая пяти метров в длину, отделенная от библиотеки герметичной, то есть непроницаемой для воды, перегородкой; пятиметровая библиотека; салон длиной десять

---

[72] Сноски: 72
Навигационный прибор для измерения расстояния и скорости судна.

метров, отделенный второй герметичной переборкой от каюты капитана длиной пять метров; рядом моя каюта в два с половиной метра; и наконец — резервуар для хранения воздуха, который занимает семь с половиной метров и тянется до самого форштевня. Итого тридцать пять метров! В водонепроницаемых перегородках были прорезаны двери, которые закрывались герметично благодаря каучуковым прокладкам и обеспечивали полную безопасность в случае пробоины.

Пройдя за капитаном Немо по расположенным вдоль бортов узким проходам, я попал в самый центр корабля. Там, между двумя герметичными перегородками, находилось тесное помещение вроде колодца. К стене была приделана железная лестница, которая уходила в потолок. Я спросил у капитана, куда она ведет.

— К шлюпке, — ответил капитан.

— Как! У вас и шлюпка есть? — удивился я.

— Разумеется. Отличная гребная лодка — легкая и непотопляемая. Мы используем ее для прогулок и рыбалки.

— В таком случае вам, наверное, приходится всплывать на поверхность?

— Вовсе нет! Шлюпка помещается в кормовой

части палубы «Наутилуса», где для нее предусмотрено специальное углубление. Она закрыта тщательно подогнанными досками, чтобы вода не проникала внутрь, и крепится в гнезде надежными болтами. Лестница ведет к люку, прорезанному в корпусе «Наутилуса», который в точности совпадает с таким же люком в одном из бортов шлюпки. Именно через эти два лаза я и попадаю в шлюпку. Кто-то из матросов закрывает люк «Наутилуса»; я в свою очередь с помощью зажимного винта закрываю герметичной крышкой отверстие в шлюпке. Затем отвинчиваю болты, и шлюпка моментально всплывает на поверхность. После этого я открываю верхний люк, ставлю парус или берусь за весла и отправляюсь на прогулку.

— Как же вы возвращаетесь на борт?

— Я и не возвращаюсь, господин Аронакс. Это «Наутилус» возвращается ко мне.

— По вашему приказу?

— По моему приказу. Шлюпка соединена с кораблем электрическим кабелем. Все что мне нужно — отправить телеграмму.

— А ведь и правда, — сказал я, восхищенный увиденными чудесами, — нет ничего проще!

Миновав лестничную клетку, я увидел ка-

юту длиной в два метра, где довольные Нед с Конселем уплетали за обе щеки свой обед. За следующей дверью оказался камбуз длиной три метра, расположенный между огромными кладовыми для провизии.

Вся пища готовилась на электричестве, которое оказалось мощнее и удобнее газа. Оно поступало по проводам, раскаляя добела платиновые пластинки, которые были проложены под кухонными печами, и давало равномерный и стойкий жар. Этот жар использовался также для нагрева дистилляторов, которые производили великолепную питьевую воду посредством выпаривания. Рядом с камбузом располагалась прекрасно оборудованная ванная комната с кранами для холодной и горячей воды.

Далее находился кубрик[73] длиной пять метров. Однако дверь была заперта, и я не смог оценить внутреннее убранство помещения, что, возможно, дало бы мне примерное представление о количестве персонала на борту «Наутилуса».

Четвертая по счету герметичная перегородка отделяла кубрик от машинного отделения.

---

[73] Сноски: 73
Помещение для команды судна.

Дверь открылась, и я очутился в помещении, где капитан Немо — без сомнения, первоклассный инженер — установил машины, отвечающие за движение судна.

Длина этого ярко освещенного помещения составляла не менее двадцати метров. Оно было логично разделено на две части: в первой находились устройства, производящие электричество, а во второй — машины, которые вращали гребной винт.

Прежде всего меня поразил стоявший в машинном отделении запах, весьма sui generis[74]. Капитан Немо заметил мое удивление.

— Так пахнут газы, которые выделяются в процессе извлечения натрия. Однако этим маленьким неудобством можно пренебречь. Впрочем, каждое утро мы тщательно вентилируем судно.

Я с живейшим интересом осматривал машинное отделение «Наутилуса».

— Как видите, — продолжил капитан Немо, — я использую элементы Бунзена, а не Румкорфа[75].

---

[74] Сноски: 74

Своеобразный (*лат.*).

[75] Сноски: 75

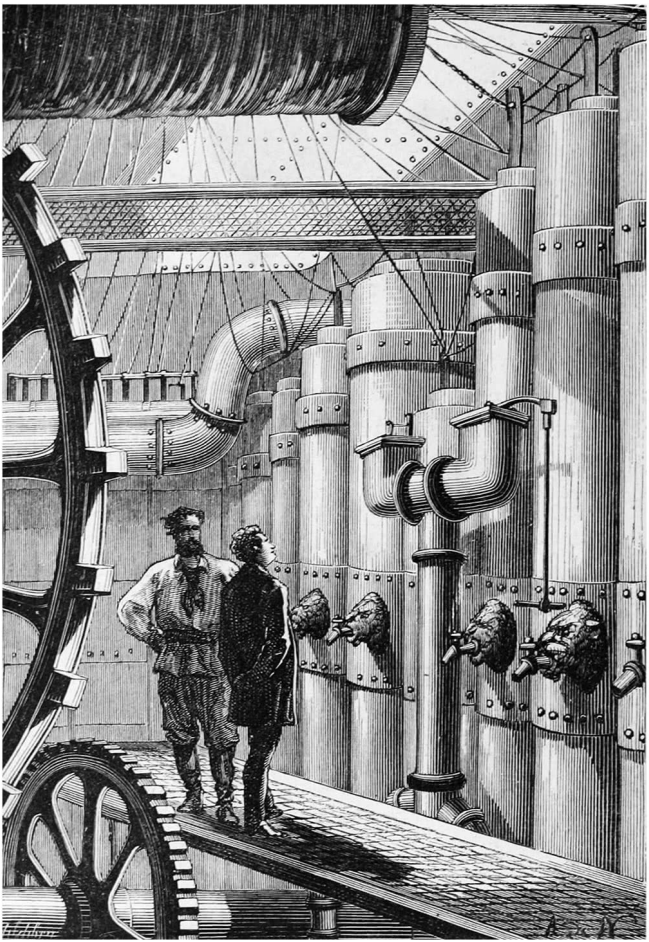
Генрих Даниэль Румкорф (1803–1877) — немецкий изобретатель и механик; создатель катушки Румкорфа — устройства для получения импульсов высокого напряжения.

Элементов Бунзена у меня не так много, зато они мощнее и объемнее, а потому лучше подходят для наших целей, как показала практика. Выработанное батареями электричество направляется в кормовую часть и проводит в действие огромные электромагниты, которые через особую систему шестеренок и рычагов заставляют вращаться гребной винт. Этот винт с диаметром в шесть метров и шагом в семь с половиной может делать до ста двадцати оборотов в секунду.

— Значит, вы развиваете скорость…

— Пятьдесят миль в час!

Тут таилась какая-то загадка, но я не настаивал на ее раскрытии. За счет чего электричество приобретало такую мощность? В чем заключался источник этой почти безграничной силы? Может, в избыточном напряжении, получаемом благодаря индукционным катушкам нового типа? Или в передающем импульсе, который способен усиливаться до бесконечности благодаря системе особых рычагов? Это было выше моего понимания.



Ярко освещенное машинное отделение.

— Капитан, я могу лишь констатировать факты, не пытаясь их объяснить, — сказал я. — Мне довелось собственными глазами наблюдать за вашими маневрами с борта «Авраама Линкольна», так что у меня нет сомнений в быстроходности «Наутилуса». Но ведь одной скорости мало. Нужно еще видеть, куда идти! Нужно направлять судно то вправо, то влево, то вверх, то вниз. Как вам удается погружаться на глубину, преодолевая давление воды в сотни атмосфер? Каким образом вы всплываете на поверхность океана? Наконец, как вы удерживаетесь в избранных вами водных слоях? Возможно, мои вопросы покажутся вам нескромными…

— Вовсе нет, господин профессор, — ответил капитан после некоторого колебания. — Ведь вы навеки останетесь на борту этого подводного судна. Пройдемте в салон. Он заменяет нам рабочий кабинет — там вы и узнаете все, что вам необходимо знать о «Наутилусе»!

Глава тринадцатая
Некоторые цифры

Минуту спустя мы уже сидели на диване с сигарами в зубах. Капитан разложил передо мной чертежи с планами «Наутилуса» в продольном и поперечном разрезе, а затем начал подробный рассказ:

— Господин Аронакс, здесь показано, как выглядит судно, на борту которого вы находитесь, в различных плоскостях — вид спереди, сверху и сбоку. Это вытянутый цилиндр с заостренными концами, напоминающий очертаниями сигару, — такая форма уже давно используется в Лондоне при конструировании устройств подобного типа. Общая длина цилиндра — ровно семьдесят метров, а его наибольшая ширина достигает восьми метров. Как видите, здесь используется несколько иное соотношение ширины к длине: не один к десяти, как при строительстве ваших быстроходных паровых судов; тем не менее все линии довольно длинные и плавные, чтобы вода легко скользила по корпусу, не затрудняя продвижение.

Указанные величины позволят вам без труда вычислить площадь и объем «Наутилуса». Его площадь составляет одну тысячу одиннадцать и сорок пять сотых квадратных метров, объем — одну тысячу пятьсот и две десятых кубических метров; следовательно, при полном погружении он вытесняет полторы тысячи кубометров воды, то есть весит полторы тысячи тонн.

Выполняя чертежи судна, предназначенного для плавания под водой, я хотел, чтобы в состоянии равновесия девять десятых его корпуса находилось бы под водой и лишь одна десятая выступала над поверхностью. В таком случае корабль вытеснял бы только девять десятых своего объема, или одну тысячу триста пятьдесят шесть и сорок восемь сотых кубического метра, что соответствовало бы его весу в тоннах. Поэтому конструкция судна не допускала нагрузки сверх этого значения.

«Наутилус» имеет два корпуса — внутренний и наружный, соединенных между собой железными балками с поперечным сечением в виде буквы Т, что придает судну чрезвычайную прочность. Благодаря этой ячеистой структуре оно противостоит внешнему воздействию, как единое целое, как монолитная глыба. «Наутилус»

практически неуязвим; наружная обшивка будто припаяна к его корпусу, а не крепится к нему заклепками, — такая цельность конструкции, обусловленная идеальным сцеплением материалов, позволяет судну бросать вызов самым суровым морям.

Мы сидели на диване.

Двойная обшивка изготовлена из листовой стали, удельный вес которой составляет семь целых и восемь десятых. Наружная обшивка имеет толщину не менее пяти сантиметров и вес в триста девяносто четыре и девяносто шесть сотых тонны. Внутренний корпус, киль которого высотой пятьдесят сантиметров и шириной двадцать пять весит сам по себе шестьдесят две тонны, а также машины, балласт, различные снасти и оборудование, внутренние переборки и пилерсы имеют общий вес девятьсот шестьдесят одну и шестьдесят две сотых тонны. Прибавьте к этому триста девяносто четыре и девяносто шесть сотых и получите искомую сумму в одну тысячу триста пятьдесят шесть и сорок восемь сотых тонны. Вам пока все понятно?

— Вполне, — ответил я.

— Таким образом, — продолжил капитан, — когда мой корабль находится на поверхности океана, над водой выступает лишь одна десятая часть его корпуса. Если бы я имел резервуары, емкостью равные этой одной десятой объема, то есть способные вмещать сто пятьдесят и семьдесят две сотых тонны воды, то судно весило бы одну тысячу пятьсот семь тонн и полностью по-

грузилось бы в воду. Именно так и происходит, господин профессор. Такие резервуары находятся в трюме «Наутилуса». Стоит открыть краны, как они заполняются водой, и судно погружается вровень с поверхностью моря.

— Хорошо, капитан, но тут мы подходим к главной трудности. Судно способно погружаться вровень с океаном — это да. Только опускаясь в глубинные слои, разве ваш корабль не встретит сопротивления водной среды? Разве повышенное давление нижних слоев не вытолкнет его наверх с силой, равной одной атмосфере на тридцать футов воды, то есть один килограмм на квадратный сантиметр?

— Вы совершенно правы, сударь.

— Тогда я не понимаю, как вы сумеете опуститься на глубину, не заполняя весь «Наутилус» водой.

— Господин профессор, — ответил капитан, — не следует путать статику с динамикой, иначе это приведет к серьезным ошибкам. Достичь глубин океана не составляет никакого труда, поскольку все тела при погружении в воду имеют тенденцию тонуть. Вы следите за ходом моей мысли?

— Слушаю внимательно, капитан.

— Чтобы вычислить, какой вес должен иметь

«Наутилус» для полного погружения, мне нужно было учитывать лишь уменьшение объема вытесняемой морской воды под давлением верхних водных слоев по мере возрастания глубины.

— Это очевидно.

— Однако вода очень плохо поддается сжатию, хотя и не является абсолютно «несжимаемой». По последним расчетам ученых, сокращение в объеме составляет всего четыреста тридцать шесть десятимиллионных при повышении давления на одну атмосферу, или на каждые тридцать футов глубины. Если же речь идет о погружении на тысячу метров, то я должен учитывать давление водяного столба такой же высоты, что соответствует давлению в сто атмосфер. Следовательно, вода уменьшится в объеме на четыреста тридцать шесть стотысячных. А значит, мне нужно будет увеличить вес судна до одной тысячи пятисот тринадцати и семидесяти семи сотых тонны, вместо одной тысячи пятисот семи и двух десятых тонны. Таким образом, увеличение составит не более шести целых и пятидесяти семи сотых тонны.

— Всего лишь?

— Всего лишь, господин Аронакс. Причем эти расчеты легко проверить. У меня есть запасные

резервуары вместимостью сто тонн. Благодаря этому я могу опускаться на значительные глубины. Когда я хочу всплыть в уровень с поверхностью моря, мне достаточно спустить лишнюю воду из запасных резервуаров, или полностью их опорожнить, если пожелаю, чтобы «Наутилус» выступил над волнами на одну десятую.

Мне было нечего возразить на подкрепленные цифрами доводы.

— Капитан, я не сомневаюсь, что эти расчеты верны, — ответил я. — Оспаривать их нет смысла, ведь практический опыт ежедневно доказывает вашу правоту. Но боюсь, есть куда более серьезная проблема.

— Какая же, сударь?

— Когда вы находитесь на глубине в тысячу метров, корпус «Наутилуса» испытывает давление в сто атмосфер. Если в этот момент вы захотите опорожнить запасные резервуары, чтобы уменьшить вес судна и подняться к поверхности, вам понадобятся насосы, способные преодолеть давление, равное ста килограммам на квадратный сантиметр. А подобную мощность…

— …может дать только электричество, — закончил мою фразу капитан Немо. — Как я уже

говорил, господин профессор, динамическая энергия моих машин практически неисчерпаема. Насосы «Наутилуса» обладают невероятной мощностью, — вы должны были убедиться в этом воочию, когда выпущенные ими столбы воды обрушились на палубу «Авраама Линкольна». Впрочем, я использую запасные резервуары только для погружения на глубину от полутора до двух тысяч метров — чтобы поберечь батареи. А когда у меня возникает желание наведаться в океанские пучины, удаленные от поверхности на два-три лье, приходится задействовать другие способы — они сложнее, но не менее надежны.

— Что это за способы, капитан?

— Сначала я должен рассказать вам о принципах управления «Наутилусом».

— Не терпится о них узнать!

— Чтобы поворачивать направо или налево — словом, совершать маневры в горизонтальной плоскости, я использую обычный руль с широким пером, который закреплен на заднем конце ахтерштевня и приводится в движение штурвалом при помощи штуртроса. Также я могу направлять «Наутилус» снизу вверх и сверху вниз, то есть по вертикали, посредством двух наклонных плоскостей, прикрепленных к бортам

у ватерлинии; эти плоскости подвижны и способны принимать любое положение — используя мощные рычаги, ими можно управлять изнутри. Если удерживать плоскости параллельно корпусу, то судно будет двигаться горизонтально. Если их наклонить, то «Наутилус», повинуясь углу наклона и увлекаемый винтом, будет сколь угодно долго погружаться либо всплывать по диагонали. А если я хочу вернуться на поверхность как можно быстрее, то выключаю винт, и тогда под напором воды «Наутилус» поднимается вертикально, как вздымает в небо наполненный водородом аэростат.

— Браво, капитан! — воскликнул я. — Но каким образом рулевой ведет корабль на глубине вслепую?

— Рулевой помещается в рубке, которая образует выступ в верней части корпуса «Наутилуса» и оборудована чечевицеобразными стеклами.

— И стекла выдерживают такое давление?

— Прекраснейшим образом! Хрусталь, легко бьющийся от удара, тем не менее обладает удивительной прочностью. В тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году в северных морях проводились эксперименты по рыбной ловле с использованием электрического света. Оказа-

лось, что хрустальные пластинки толщиной всего в семь миллиметров способны выдерживать давление в шестнадцать атмосфер! И при этом они пропускали через себя мощные тепловые лучи, которые неравномерно нагревали их поверхность. Однако стекла, которые использую я, имеют толщину в центральной части не менее двадцати одного сантиметра, то есть в тридцать раз толще упомянутых пластинок.

— Объяснение принимается, капитан Немо; но ведь для того, чтобы видеть под водой, нужен свет! Иначе как тогда маневрировать в кромешной подводной тьме?..

— Позади рубки рулевого установлен мощный электрический рефлектор, лучи которого освещают море на расстояние в полмили.

— И снова браво! Трижды браво, капитан! Так вот в чем секрет загадочной фосфоресценции мнимого нарвала, которая так озадачила ученых! Кстати, скажите, а столкновение «Наутилуса» с «Шотландией», наделавшее столько шума, было случайным?

— Совершенно случайным, профессор. Я шел на глубине двух метров под уровнем моря, когда это произошло. Впрочем, насколько мне известно, удар не вызвал никаких серьезных

повреждений.

— Никаких, сударь! А как насчет вашей встречи с «Авраамом Линкольном»?..

— Господин профессор, мне жаль, что пострадал один из лучших кораблей американского военно-морского флота, но на меня напали, и я был вынужден защищаться! Хотя я всего лишь временно вывел фрегат из строя, чтобы он не причинил мне вреда, — все его поломки можно будет с легкостью исправить в ближайшем порту.

— Капитан, ваш «Наутилус» — настоящее чудо! — искренне восхитился я.

— Так и есть, господин профессор, — с теплотой в голосе ответил капитан Немо, — и я люблю его, как собственное дитя! Ваши суда беззащитны перед океанской стихией, где опасность подстерегает повсюду; впервые оказавшись в море, человек испытывает страх бездны, как верно подметил голландец Янсен. Однако глубоко под водой, на борту «Наутилуса», все тревоги отступают. Больше не надо опасаться пробоин, поскольку двойной корпус лодки — прочнее железа; здесь нет качки, а потому не надо переживать за оснастку; нет ветра, который уносил бы паруса; нет пара, который разрывал бы котлы; этому судну не грозят пожары, ведь оно сделано из стали,

а не из дерева; не надо заботиться о пополнении запасов угля — ведь «Наутилус» приводится в движение электричеством; не надо бояться столкновений — он единственный покоритель морских глубин; здесь не бывает бурь, поскольку в нескольких метрах под поверхностью вода совершенно спокойна! Так что вы правы, сударь. Этот корабль — само совершенство! Считается, что инженер более уверен в надежности судна, чем конструктор, а конструктор — более, чем сам капитан. Представьте теперь, насколько беззаветна моя вера в «Наутилус», ведь я одновременно являюсь его капитаном, конструктором и инженером!

Капитан Немо говорил с необычайным пылом. Горящий взгляд, порывистость движений полностью его преобразили. Да! Он и правда любил свой корабль, как отец любит свое дитя!

Однако у меня тут же возник естественный, хотя, возможно, нескромный вопрос, и я не удержался от искушения его задать:

— Так вы инженер?

— Да, господин профессор. Я учился в Лондоне, Париже, Нью-Йорке — в те времена, когда еще был жителем земных материков.

— Как вам удалось втайне от всех построить

такое удивительное судно?

— Детали «Наутилуса» были изготовлены в разных уголках планеты и заказывались для вымышленных целей. Киль выкован в Ле-Крёзо, гребной вал — в Лондоне у «Пена и компании», листовая обшивка корпуса — в Ливерпуле у Лэрда, винт — в Глазго у Скотта. Резервуары произведены в Париже, на фабрике Кайля, двигатель — в Пруссии, у Круппа, шпирон — в мастерских шведского города Мотала, измерительные приборы — в Нью-Йорке, у братьев Харт. Каждый производитель получил от меня чертежи, подписанные всякий раз другим именем.

— Однако все эти детали еще нужно было соединить и подогнать!

— Господин профессор, я основал производственный цех на одном из необитаемых островков посреди океана. Именно там мы с моими рабочими — точнее, верными товарищами, которых я сам обучал и наставлял, — закончили сборку «Наутилуса». А затем позволили огню уничтожить все следы нашего пребывания на острове. Будь моя воля, я и вовсе спалил бы его дотла.

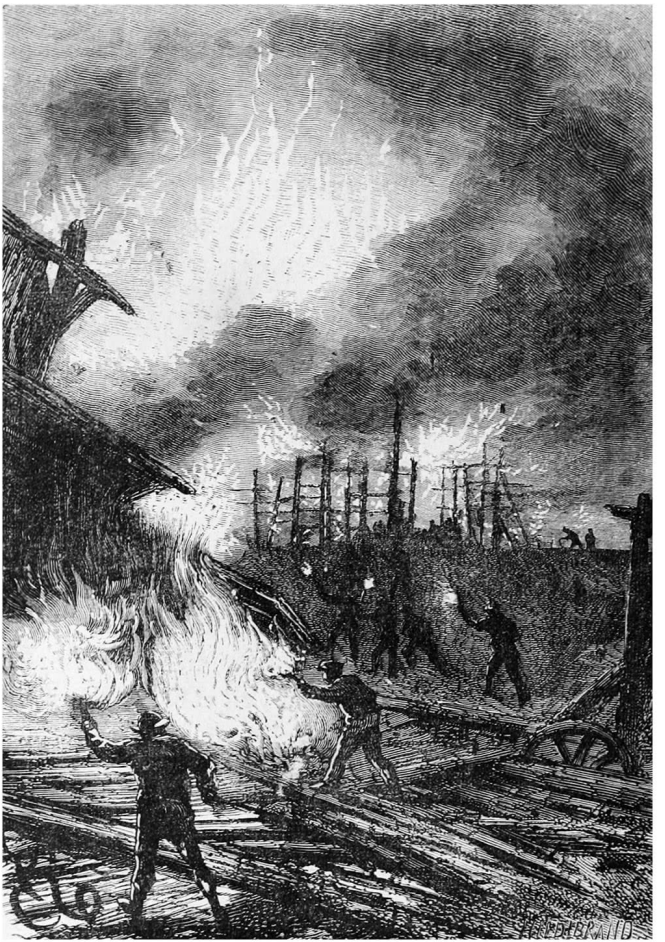
— Полагаю, затраты на постройку судна превышали все мыслимые пределы?

— Судите сами, господин Аронакс: броненосец обходится в одну тысячу сто двадцать пять франков за тонну. «Наутилус» весит полторы тысячи тонн. Следовательно, он обошелся мне в один миллион шестьсот восемьдесят семь тысяч франков, а со всей оснасткой — около двух миллионов. С учетом же стоимости хранящихся на борту произведений искусства и научных коллекций его можно оценить примерно в четыре или пять миллионов.

— И последний вопрос, капитан…

— Слушаю вас, господин профессор.

— Стало быть, вы очень богаты?



Огонь уничтожил все следы нашего пребывания.

— Я несметно богат! И мог бы с легкостью оплатить все десять миллиардов государственного долга Франции!

Я пристально посмотрел на своего загадочного собеседника. Не злоупотребляет ли он моей доверчивостью? Время покажет.

Глава четырнадцатая
Черная река

Вода занимает на земной поверхности площадь, исчисляемую в три миллиона восемьсот тридцать две тысячи пятьсот пятьдесят восемь квадратных мириаметров[76], иными словами, более тридцати восьми миллионов гектаров поверхности нашей планеты покрыто водой. Объем этой жидкой массы составляет два миллиарда двести пятьдесят миллионов кубических миль; если представить эту жидкую массу в виде шара, то диаметр его будет равен шестидесяти лье, а вес — трем квинтиллионам тонн. Чтобы лучше понять, насколько огромно это число, нужно вспомнить, что квинтиллион относится к миллиарду, как миллиард к единице, то есть в квинтиллионе столько же миллиардов, сколько в миллиарде единиц. Проще говоря, такое количество воды могли бы излить все реки Земли за сорок тысяч лет.

На протяжении геологической истории эры огня сменялись эрами воды. Сначала всюду был

---

[76] Сноски: 76
Мириаметр — десять тысяч метров.

один лишь Океан. Затем, мало-помалу, в силурийском периоде, из воды показались вершины гор, возникли острова; они частично уходили под воду во время потопов, появлялись вновь, сливались, образуя материки, и наконец рельеф земной поверхности принял знакомый нам облик, отображаемый на современных географических картах. Суша отвоевала у воды тридцать семь миллионов шестьсот пятьдесят семь квадратных миль, или двенадцать миллиардов девятьсот шестнадцать миллионов гектаров.

В соответствии с расположением континентов можно разделить воды планеты на пять больших частей: Арктический ледовитый океан, Антарктический ледовитый океан, Индийский океан, Атлантический океан и Тихий океан.

Тихий океан простирается с севера на юг, занимая все пространство между двумя полюсами, и с запада на восток между Азией и Америкой; его протяженность по долготе составляет сто сорок пять градусов[77]. Это самый спокойный из океанов; его течения широки и неспешны, приливы и отливы слабо выражены, дожди обильны. Таков был океан, который мне по ве-

---

[77] Сноски: 77
По данным современной науки — 176 градусов.

лению судьбы предстояло пересечь при самых необычных обстоятельствах.

— Господин профессор, — сказал капитан Немо, — если вам угодно, мы сейчас определим наше точное местоположение и установим отправную точку путешествия. До полудня осталось четверть часа. Я отдам приказ всплывать.

Капитан три раза нажал на кнопку электрического звонка. Насосы начали откачивать воду из резервуаров; стрелка манометра показывала, как уменьшается давление по мере всплытия «Наутилуса», а потом замерла.

— Мы на поверхности воды, — сообщил капитан.

Я направился к центральному трапу, ведущему к верхней платформе. Затем взобрался по металлическим перекладинам и через открытые люки вышел на палубу «Наутилуса».

Она выступала из воды не более чем на восемьдесят сантиметров. Из-за своей веретенообразной конструкции «Наутилус» напоминал очертаниями длинную сигару. Корпус был обшит уложенными на манер черепицы стальными листами, похожими на ороговевшую чешую крупных рептилий. Теперь мне стало понятно, почему этот корабль неизменно принимали

за морское животное — даже лучшие подзорные трубы не помогали.

Наполовину утопленная в корпус «Наутилуса» шлюпка образовывала посредине палубы небольшую выпуклость. На носу и корме выступали две невысокие кабины с наклонными стенками, в которые были вставлены толстые чечевицеобразные стекла: передняя служила рубкой рулевого, который управлял «Наутилусом», в задней крепился мощный электрический прожектор, освещавший путь.

Море было спокойным, небо — безоблачным. Ленивое колыхание океана почти не ощущалось на борту «Наутилуса» благодаря его длинному корпусу. Легкий бриз с востока взъерошивал морскую гладь. Горизонт очистился от тумана, и ничто теперь не препятствовало обзору.

Но вокруг не было ничего, кроме моря. Ни рифа, ни островка. «Авраам Линкольн» давно скрылся из виду. Безбрежная пустыня…

Вооружившись секстантом, капитан Немо замерил высоту солнца, чтобы по ней определить широту. В течение нескольких минут он терпеливо ждал, пока дневное светило не поднялось над кромкой горизонта. За все это время сжимавшая инструмент рука ни разу не дрогнула — даже

мраморная статуя позавидовала бы такой неподвижности!

— Полдень, — сказал наконец капитан. — Господин профессор, не угодно ли вам?..

Я бросил прощальный взгляд на желтоватые воды, омывавшие японские берега, и спустился в салон.

Там капитан вычислил местоположение «Наутилуса», определив с помощью хронометра долготу и сверив свои расчеты с предыдущими угломерными наблюдениями. А затем обратился ко мне:

Капитан Немо замерил высоту солнца.

— Господин Аронакс, мы находимся на ста тридцати семи градусах и пятнадцати минутах западной долготы…

— Какого меридиана? — поспешил я уточнить в надежде, что по ответу капитана смогу угадать его национальность.

— Сударь, — ответил он. — У меня есть несколько хронометров, настроенных на меридианы Парижа, Гринвича и Вашингтона. Сейчас, из уважения к вам, я воспользовался парижским.

Надежда моя не оправдалась. Я поклонился, и капитан продолжил:

— Сто тридцать семь градусов пятнадцать минут западной долготы по Парижскому меридиану и тридцать градусов семь минут северной широты — это примерно в трехстах милях от берегов Японии. Итак, сегодня, восьмого ноября, ровно в полдень начинается наше подводное путешествие.

— Да поможет нам бог! — ответил я.

— А сейчас, господин профессор, — добавил капитан, — оставляю вас наедине с вашими занятиями. Я задал курс на востоко-северо-восток, глубина погружения — пятьдесят метров. Вот карты, на которых будет ежедневно отмечаться

пройденный нами путь. Салон в вашем полном распоряжении. Теперь позвольте мне удалиться.

Капитан Немо откланялся. А я остался один со своими мыслями. Все они крутились вокруг командира «Наутилуса». Узнаю ли я когда-нибудь, какой национальности этот загадочный человек, отрекшийся от родины? Что пробудило в нем такую ненависть к человечеству — ненависть, которая, возможно, жаждала страшной мести? Был ли он одним из тех никому не известных ученых, кого Консель называл «обиженными гениями», — своего рода Галилеем наших дней? Или одним из деятелей науки вроде американца Мори[78], чью карьеру разрушила политическая революция? Пока я мог только гадать. Со мной, случайно оказавшимся на борту незнакомцем, он вел себя холодно, но вполне любезно. Вот только ни разу не пожал протянутую ему руку. Как и не протянул мне свою.

Целый час я предавался размышлениям, пытаясь разгадать так взволновавшую меня тайну этого человека. Затем взгляд мой упал на огромную карту полушарий, разложенную на столе,

[78] Сноски: 78

Мэтью Мори (1807–1873) — американский морской офицер, астроном, историк, океанограф, метеоролог, картограф, геолог, а также автор научных публикаций и преподаватель. Прозван «разведчиком моря».

и я поставил палец на ту самую точку, где пересекались замеренные сегодня значения долготы и широты.

У океана, как и у континентов, есть свои реки. Это особые течения, имеющие собственные температуру и цвет; самое крупное из них известно под именем «Гольфстрим». Наукой установлено местонахождение пяти главных течений планеты: первое — на севере Атлантики, второе — на юге Атлантики, третье — на севере Тихого океана, четвертое — на юге Тихого океана, и пятое — на юге Индийского океана. Можно даже предположить, что давным-давно на севере Индийского океана существовало шестое течение, когда Каспийское и Аральское моря были объединены с крупными озерами Азии в единое водное пространство.

Через точку, которую я отметил пальцем, проходило течение Куросио, что в переводе с японского означает «черная река». Оно берет начало в Бенгальском заливе, где нагревается под отвесными лучами тропического солнца, затем пересекает Малаккский пролив, огибает побережье Азии и доходит до Алеутских островов на севере Тихого океана, мимоходом подхватывая и увлекая за собой стволы камфорных деревьев и другие

образцы местной фауны; его теплый поток цвета индиго резко выделяется на сером фоне холодных океанских волн. Именно по этому течению нам и предстояло плыть. Я прослеживал путь Куросио, представляя, как оно теряется на бескрайних тихоокеанских просторах, когда на пороге салона появились Нед с Конселем.

Мои верные спутники замерли от изумления при виде всех этих сокровищ.

— Где мы? — воскликнул канадец. — В одном из квебекских музеев?

— С позволения господина, — заметил Консель, — я бы скорее сравнил это место с особняком Соммерара[79]!

— Друзья мои! — сказал я, жестом приглашая их войти. — Вы не в Канаде и не во Франции, а на борту «Наутилуса», в пятидесяти метрах под уровнем моря.

— Раз уж господин так говорит, приходится верить, — ответил Консель. — Однако, признаться, этот салон может изумить даже такого фламандца, как я.

— Что ж, любуйся, мой друг! Здесь найдется

[79] Сноски: 79

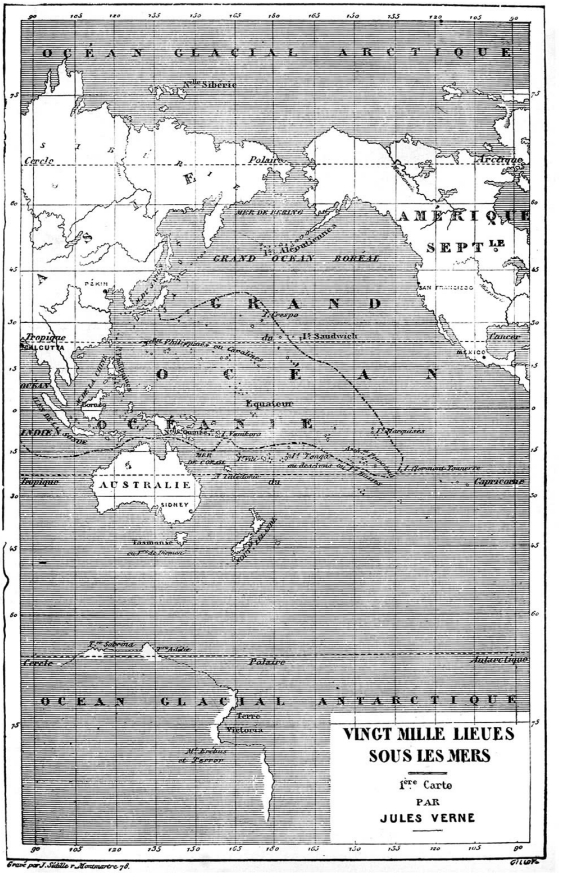
Александр дю Соммерар (1779–1842) — французский археолог и коллекционер произведений искусства Средних веков и Ренессанса, основатель парижского музея Клюни.

немало интересного для знатока классификации!

Уговаривать Конселя не было надобности. Славный малый уже склонился над витринами, бормоча что-то на языке натуралистов: «…класс брюхоногих, семейство трубачей, род каури, вид Cyprœa Madagascariensis»[80]…

А далекий от конхиологии Нед Ленд принялся расспрашивать меня о встрече с капитаном Немо. Узнал ли я, кто он, откуда, куда направляется, в какие глубины еще заведет? Словом, задавал мне тысячи вопросов, на которые я не успевал отвечать.

[80] Сноски: 80
Мадагаскарская циприя (*лат.*).



Карта Тихого океана (без подписи).

Я сообщил Неду все, что знал, — вернее, все, чего не знал, — и в свою очередь попросил рассказать, что довелось слышать и видеть ему.

— Ничего не видел, ничего не слышал! — ответил канадец. — Не заметил даже никого из команды этого странного корабля. Неужто и экипаж у него электрический?

— Электрический?

— А что, запросто можно поверить! Ну а вы, господин Аронакс, как считаете: сколько всего человек на борту? — спросил Нед Ленд, у которого уже явно зрел какой-то замысел. — Десять? Двадцать? Пятьдесят? Сто?

— На этот вопрос я ответить не могу, мистер Ленд. И советую вам пока отказаться от идеи захватить «Наутилус» или бежать с него. Это судно — настоящее чудо инженерной мысли, и я рад, что мне посчастливилось его увидеть! Многие были бы не прочь оказаться на нашем месте — хотя бы ради того, чтобы полюбоваться всеми этими сокровищами. Так что возьмите себя в руки, и давайте будем вместе наблюдать за тем, что происходит вокруг.

— «Наблюдать»! — фыркнул гарпунер. — Что мы увидим из этой железной тюрьмы? Мы движемся, мы плывем вслепую…

Не успел Нед Ленд договорить, как салон погрузился во мрак. Светящийся потолок погас столь внезапно, что у меня даже заболели глаза, — так бывает, когда выходишь из темноты на яркий свет.

Мы молча стояли, не решаясь пошевелиться и не зная, чего ожидать. Но тут раздался скрежет. Словно кто-то раздвигал обшивку на бортах «Наутилуса».

— Ну вот и все — дождались! — сказал Нед Ленд.

— Отряд гидромедуз! — бормотал Консель.

Так же внезапно салон озарился сиянием. Свет проникал в него с обеих сторон через огромные продолговатые стекла в стенах. Нашему взору открылись морские глубины, пронизанные яркими электрическими лучами. Лишь слой хрусталя отделял нас от океана. Поначалу я содрогнулся при мысли о том, что эта тонкая перегородка может разбиться; однако крепкая медная оправа придавала ей почти несокрушимую прочность.

Море отчетливо просматривалось в радиусе примерно одной мили от «Наутилуса». Невиданное зрелище! Какое перо могло бы его описать? Какая кисть сумела бы передать эти нежные тона и восхитительные переливы света, который про-

низывал водную пелену, постепенно рассеиваясь в верхних и нижних слоях океана!

Как известно, море обладает очень высокой светопропускающей способностью. Даже чистейшая ключевая вода уступает ему в прозрачности. И все благодаря растворенным в нем органическим веществам и минералам. В некоторых участках океана, например, на Антильских островах, можно с удивительной четкостью разглядеть песчаное дно сквозь толщу воды в сто сорок пять метров, а солнечные лучи свободно проникают на глубину до трехсот метров. Однако водная среда, окружавшая «Наутилус», казалось, сама себя освещала. Словно это была не светящаяся вода, а жидкий свет.

Согласно гипотезе Эренберга[81], морская вода сохраняет способность к фосфоресценции даже на большой глубине — если так, то обитатели морей могут любоваться одним из самых чудесных спектаклей природы. Я подумал об этом, наблюдая через стекла за причудливой игрой света в открывшихся взору неведомых безднах. В салоне царил полумрак, оттеняя ярко освещен-

[81] Сноски: 81

Христиан Готфрид Эренберг (1795–1876) — немецкий естествоиспытатель, зоолог, геолог, основатель микропалеонтологии, ботаник, миколог.

ное пространство за бортом; мы смотрели сквозь прозрачный хрусталь, словно сквозь стекло гигантского аквариума.

Нашему взору открылись неведомые бездны.

Из-за отсутствия каких-либо ориентиров «Наутилус» казался неподвижным, хотя рассеченные его шпироном океанские воды то и дело с невиданной скоростью проносились у нас перед глазами. Завороженные, мы в немом восхищении прильнули к прозрачным витринам. Консель первым нарушил молчание:

— Вы хотели что-нибудь увидеть, любезный Нед, ну так вот вам — смотрите!

— Изумительно! Просто изумительно! — Канадец, похоже, забыл о своем гневе и планах бегства, наслаждаясь невероятным зрелищем. — Пожалуй, стоило приехать издалека, чтобы полюбоваться таким чудом!

— Теперь я лучше понимаю жизнь этого человека! — воскликнул я. — Он создал собственный мир, который раскрывает свои самые сокровенные тайны лишь ему одному!

— Но где же рыбы? — с удивлением заметил канадец. — Я не вижу рыб!

— Зачем они вам, милейший Нед? — ответил Консель. — Вы все равно в них ничего не смыслите.

— Я? Да ведь я рыбак! — возмутился Нед.

Между друзьями разгорелся спор, поскольку

оба разбирались в рыбах, но каждый по-своему.

Всем известно, что рыбы образуют четвертый и последний класс типа позвоночных[82]. Согласно весьма точному научному описанию, это «хладнокровные позвоночные с двойным кругом кровообращения, дышащие жабрами и обитающие в воде». Рыбы делятся на две отдельные группы: костные, чей спинной хребет состоит из костных позвонков, и хрящевые, чей спинной хребет состоит из хрящевых позвонков.

Возможно, канадец знал об этом различии, но Консель знал еще больше и теперь не мог допустить, чтобы его посчитали менее сведущим, чем Нед, с которым он успел подружиться.

— Любезный Нед, — сказал Консель, — вы весьма искусный рыбак, настоящий истребитель рыб. Вы поймали великое множество этих интересных животных. Однако готов побиться об заклад, что вы даже не знаете, на какие классы они делятся.

— Конечно, знаю! — серьезно ответил гарпунер. — Рыбы делятся на два класса: съедобные и несъедобные.

— Это если рассматривать их с точки зрения гурмана, — заметил Консель. — Но известно ли

---

[82] Сноски: 82

Согласно классификации Ж. Кювье (1869–1832). В современной систематике выделяется от 7 до 9 классов позвоночных.

вам, например, чем костные рыбы отличаются от хрящевых?

— В общих чертах, любезный Консель.

— А какие есть подразделения у этих двух классов?

— Понятия не имею, — ответил канадец.

— Тогда слушайте и запоминайте, милейший Нед! Костные рыбы подразделяются на шесть отрядов. Primo, колючеперые. Их верхняя челюсть цельная и подвижная, а жабры имеют форму гребня. Этот отряд включает в себя пятнадцать семейств, то есть три четверти известных науке рыб. Например: окунь обыкновенный.

— На вкус недурен, — кивнул Нед Ленд.

— Secundo, — продолжал Консель, — брюхоперые, у которых брюшные плавники расположены под брюхом позади грудных и не соединяются с плечевой костью. Этот отряд подразделяется на пять семейств и включает в себя большую часть пресноводных рыб. Например: карп, щука.

— Фу, — презрительно поморщился канадец. — Терпеть не могу пресноводную рыбу!

— Tertio, — сказал Консель, — мягкоперые, у которых брюшные плавники расположены под грудными и непосредственно соединены с плечевой костью. В этом отряде четыре се-

мейства. Типичные представители: камбала, лиманда, тюрбо, калкан, морской язык и прочие.

— Превосходная рыба! Превосходная! — одобрительно воскликнул гарпунщик, который не желал рассматривать рыб иначе как с точки зрения их вкусовых качеств.

— Quarto, — невозмутимо перечислял Консель, — бесперые. Эти рыбы лишены брюшных плавников; у них вытянутое тело и толстая, склизкая кожа. Отряд бесперых состоит всего из одного семейства. Представители: угорь, гимнот.

— Так себе! Ничего особенного, — вставил Нед Ленд.

— Quinto, — сказал Консель, — пучкожаберные. У них цельная, свободная челюсть, однако жабры имеют вид маленьких кисточек, расположенных попарно вдоль жаберных дуг. В этом отряде тоже всего одно семейство. Представители: морские коньки, рыбы-пегасы.

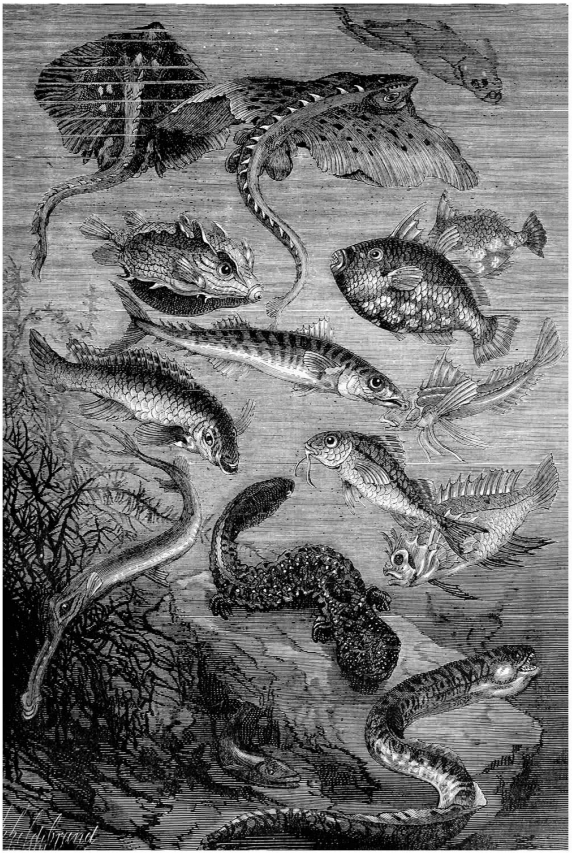
— Редкостная гадость! — заметил гарпунщик.

— И, наконец, sexto, — сказал Консель, — сростночелюстные, у которых верхнечелюстная кость плотно соединена с межчелюстной, а небная сцеплена с черепом, делая его неподвижным. У многих рыб из этого отряда отсутствуют

брюшные плавники. Выделяют два семейства сростночелюстных. Типичные представители: рыба-еж, рыба-луна.

— На этих даже кастрюлю жалко пачкать! — фыркнул канадец.

— Вы хоть что-нибудь поняли, милейший Нед? — спросил Консель с ученым видом.



— Ни словечка, милейший Консель! — признался гарпунщик. — Но все это ужасно интересно, так что валяйте дальше.

— Что касается хрящевых рыб, — как ни в чем не бывало продолжал Консель, — они включают в себя только три отряда.

— И на том спасибо! — буркнул Нед.

— Primo, круглоротые, у которых челюсти срослись в подвижное кольцо, а жабры открываются наружу рядом отверстий. Этот отряд состоит из единственного семейства. Типичный представитель: минога.

— Отменная рыба! — сказал Нед Ленд.

— Secundo, пластиножаберные. Жабры у них почти такие же, как у круглоротых, но нижняя челюсть подвижна. Этот отряд, самый значительный в своем классе, включает в себя два семейства. Типичные представители: скаты и колючие акулы.

— Как? — изумился Нед. — Скаты и акулы относятся к одному отряду? В таком случае, любезный Консель, в интересах скатов не советую вам размещать этих родственников в одном сосуде!

— Tertio, — продолжал Консель, — осетровые. Как правило, их жабры имеют вид единичной щели, прикрытой снаружи жаберной крышкой.

В этот отряд входят четыре семейства. Типичный представитель: осетр.

— Ага! Лучшее приберегли напоследок, любезный Консель? По крайней мере, на мой вкус. И это все?

— Да, мой дорогой Нед, — ответил Консель. — Однако имейте в виду, что зная это, мы не знаем почти ничего, поскольку семейства делятся на роды, подроды, виды, разновидности…

— Глядите, дружище! — сказал гарпунер, прильнув к стеклу. — Вон сколько разновидностей проплывает мимо нас!

— Да! И это все рыбы! — воскликнул Консель. — Мы словно стоим перед огромным аквариумом!

— Нет, — возразил я. — Аквариум — всего лишь клетка, а эти рыбы — свободны, как птицы в небесах.

— Ну-ка, любезный Консель, называйте их, называйте! — умолял Нед Ленд.

— Боюсь, это не по моей части, — покачал головой Консель. — Лучше вам обратиться к моему хозяину!

И действительно: славный малый превосходно разбирался в классификации видов, однако натуралистом был никудышным — не уверен, что он отличил бы тунца от макрели. В отличие

от канадца, который мог с ходу назвать каждую из этих рыб.

— Спинорог, — сказал я.

— Китайский спинорог! — уточнил Нед Ленд.

— Род спинороговых, семейство жесткокожих, отряд сростночелюстных, — пробормотал Консель.

Нед и Консель, вместе взятые, определенно составили бы выдающегося натуралиста!

Канадец не ошибся. Стайка спинорогов с уплощенными с боков телами, зернистой кожей и острым шипом на спинном плавнике, резвилась вокруг «Наутилуса», помахивая хвостами, ощетинившимися с обеих сторон четырьмя рядами колючек. У китайских спинорогов восхитительно красивая окраска — серая сверху, белая снизу, с золотыми пятнами, которые сверкали и переливались в темных кильватерных струях. Между спинорогами, как забытые на ветру покрывала, колыхались скаты, среди которых, к своей великой радости, я заметил китайского ската с желтоватой верхней частью, нежно-розовым подбрюшьем и тремя шипами позади глаз — редкий вид, в существовании которого

сомневался даже сам Ласепед[83], видевший их только на старинных японских рисунках.

В течение двух часов «Наутилус» сопровождала вся морская рать, состязаясь в красоте, блеске и скорости. Наблюдая за играми и прыжками рыб, я различил в их толпе зеленого губана, барабулю с двумя черными полосками вдоль тела, бычка-элеотриса — белого, с фиолетовыми пятнами на спинке, японскую скумбрию — восхитительную представительницу макрелевых с голубым телом и серебристой головой, сверкающих лазуревиков, чье описание кроется в самом названии, морских карасей с сине-желтыми плавниками, морских карасей с черной полосой на хвостовом плавнике, карасей-зонефор, опоясанных шестью поперечными лентами, флейторыла, чей вытянутый рот и в самом деле похож на флейту, морских бекасов — некоторые особи достигали метра в длину, японскую саламандру, мурену-ехидну, морских змей длиной шесть футов с маленькими живыми глазками и широкой пастью с острыми зубами, и так далее.

Нашему восторгу не было предела. Изумлен-

[83] Сноски: 83

Бернар Жермен Ласепед (1756–1825) — французский ихтиолог и государственный деятель.

ные возгласы не смолкали. Нед называл рыб, Консель их классифицировал, а я восхищался резвостью их движений и красотой форм. Никогда прежде не доводилось мне наблюдать таких удивительных животных в их естественной среде обитания.

Я не стану перечислять все разновидности морских обитателей, промелькнувших перед нашим потрясенным взором, всю пеструю коллекцию Японского и Китайского морей. Рыб здесь было больше, чем птиц на небе; они стекались отовсюду целыми стаями — очевидно, привлеченные яркими лучами электрического маяка.

И тут в салоне зажегся свет. Металлические ставни снова задвинулись. Чарующее видение исчезло. Но я еще долго грезил наяву, пока мой взгляд не упал на приборы, висевшие на стенах. Компас по-прежнему показывал направление на северо-северо-восток, манометр отображал давление в пять атмосфер, что соответствует глубине в пятьдесят метров, а электрический лаг выдавал значение скорости в пятнадцать миль в час.

Я ждал капитана Немо. Однако он так и не появился. Часы пробили пять.

Нед с Конселем отправились в свою каюту. Я

тоже вернулся к себе. Там меня уже ждал ужин. Мне подали суп из нежнейшей морской черепахи, барабульку с белым, чуть слоистым мясом (из ее печени также приготовили очень вкусный паштет) и филе императорского помаканта, который показался мне вкуснее лосося.

Остаток вечера я посвятил чтению, письму и размышлениям. А когда глаза стали слипаться, растянулся на перине из зостеры и крепко уснул, пока «Наутилус» скользил по стремительному течению Черной реки.

Глава пятнадцатая
Письменное приглашение

На следующий день, 9 ноября, я проснулся довольно поздно, проспав целых двенадцать часов. Пришел Консель, чтобы по обыкновению узнать «как господину спалось» и предложить свои услуги. Его друг, канадец, все еще спал, словно всю жизнь только этим и занимался.

Я рассеянно слушал болтовню славного малого, почти не отвечая. Меня беспокоило отсутствие капитана Немо во время нашего вчерашнего сеанса, и я надеялся увидеть его сегодня.

Вскоре я переоделся в свои виссоновые одежды. Консель заинтересовался необычным материалом. Я объяснил, что ткань эта соткана из блестящих шелковистых волокон, которыми цепляются к камням «пинны» — разновидность створчатых моллюсков, в изобилии встречающихся у берегов Средиземного моря. В давние времена из биссуса изготавливали прекрасные ткани, чулки, перчатки, которые получались одновременно очень мягкими и очень теплыми. Таким образом, команда «Наутилуса» могла без труда обеспечить

себя одеждой, не нуждаясь ни в хлопчатниках, ни в баранах, ни в шелкопрядах.

Одевшись, я направился в салон. И никого там не нашел.

Я погрузился в изучение сокровищ конхиологии, разложенных в витринах. Затем полистал объемные гербарии с редчайшими морскими растениями, которые даже в высушенном виде не растеряли своих восхитительных красок. Среди драгоценных гидрофитов мне встретились кладостефусы мутовчатые, падины павлиньи, каулерпы с похожими на виноградные гроздья листочками, каллитамнионы, нежные церамии ярко-красных оттенков, огромное разнообразие филлофор, ацетобулярии, напоминающие поникшие шляпки грибов — довольно долго их относили к зоофитам, и наконец, целый ряд бурых водорослей — фукусов.

День подошел к концу, однако капитан Немо так и не почтил меня своим присутствием. Металлические стены салона больше не раздвигались. Возможно, чтобы мы не пресытились красотами морских глубин.

«Наутилус» по-прежнему двигался на восток-северо-восток со скоростью двенадцать миль в час, на глубине пятидесяти-шестидесяти мет-

ров.

На другой день, 10 ноября, — та же покинутость и своего рода уединение. Я не видел никого из членов команды и большую часть дня провел в обществе Неда и Конселя. Их удивляло необъяснимое отсутствие капитана. Может, этот странный человек занемог? Или изменил в отношении нас планы?

Впрочем, как справедливо заметил Консель, мы пользовались полной свободой действий, нас вкусно и сытно кормили. Наш хозяин честно соблюдал условия договора. Жаловаться было не на что! Да и сама необычность нашего положения с лихвой окупала все неудобства, так что мы не имели права сетовать на судьбу.

В тот день я начал вести дневник, что впоследствии позволило мне рассказать о наших приключениях в мельчайших подробностях. Кстати, любопытная деталь: писал я на бумаге, изготовленной из водоросли — взморника морского.

Ранним утром 11 ноября потоки свежего воздуха распространились по внутренним помещениям «Наутилуса» — очевидно, мы снова всплыли на поверхность океана, чтобы пополнить запасы кислорода. Я тут же направился к центральной

лестнице и поднялся на палубу.

Было шесть часов. Погода оказалась пасмурной, море — серым, но спокойным. Водная гладь лишь изредка подергивалась легкой рябью. Появится ли капитан Немо, которого я так рассчитывал здесь встретить? Пока я заметил только рулевого, заточенного в тесную стеклянную будку. Присев на выступ, образованный корпусом шлюпки, я с наслаждением вдыхал соленый морской воздух.

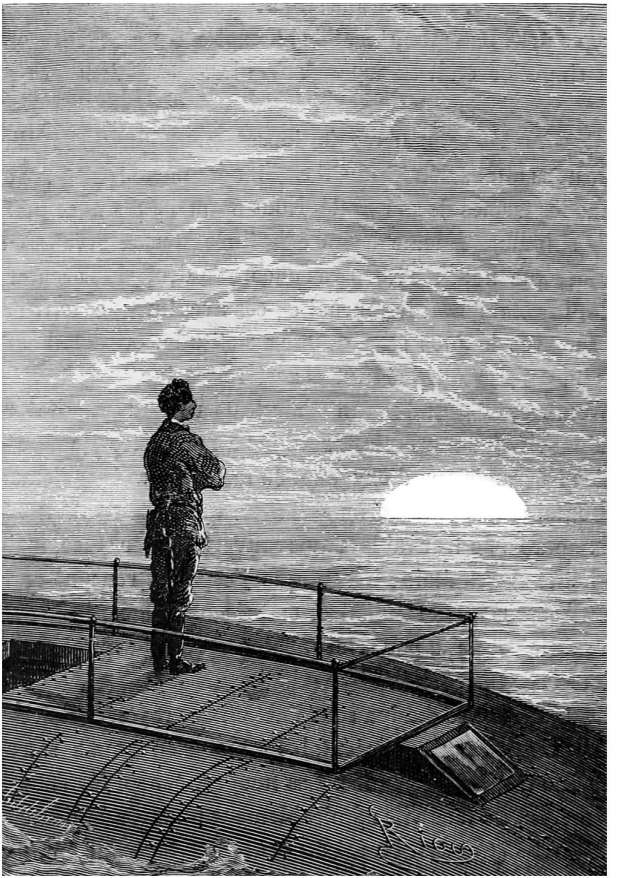
Под действием солнечных лучей туман постепенно рассеялся. Небесное светило вынырнуло из-за восточной кромки горизонта. От его пламенного взгляда море вспыхнуло как порох. Разбросанные по небу высокие облака окрасились в восхитительные нежные тона, а легкие перистые «кошачьи языки»[84] предвещали ветреный день.

Но что такое ветер для «Наутилуса», который не страшился бурь!

Я любовался чудесным рассветом — таким радостным, таким живительным, — как вдруг услышал, что кто-то поднимается по трапу.

---

[84] Сноски: 84
Легкие белые облачка с зубчатыми краями.



Море вспыхнуло от его пламенного взгляда.

Я уже был готов приветствовать капитана Немо, но на палубе появился его помощник, которого я видел во время первого визита капитана. Он прошел вперед, будто не замечая моего присутствия, и, прижав к глазам подзорную трубу, с самым пристальным вниманием стал исследовать горизонт. После чего вернулся к люку и произнес фразу, которую я в точности цитирую ниже. Я выучил ее наизусть, поскольку она звучала каждое утро в одних и тех же обстоятельствах. Вот эта фраза:

— Nautron respoc lorni virch.

Мне так и не удалось узнать, что она означала.

Произнеся эти слова, помощник капитана удалился. Я подумал, что теперь «Наутилус» вновь начнет погружаться. Поэтому спустился через люк в узкий проход и вернулся к себе в каюту.

Так прошло еще пять дней, неотличимых друг от друга. Каждое утро я поднимался на палубу. Тот же человек произносил ту же фразу. Капитан Немо не показывался.

Я уже решил было, что никогда его больше не увижу, однако 16 ноября, вернувшись в свою каюту с Недом и Конселем, нашел на столе адресованное мне письмо.

Я вскрыл его, сгорая от нетерпения. Оно бы-

ло написано уверенным и разборчивым, хотя немного старомодным почерком, напоминающим готический шрифт в немецких книгах.

Вот что заключалось в письме:

Господину профессору Аронаксу,
на борту «Наутилуса»
16 ноября 1867 года

Капитан Немо приглашает профессора Аронакса принять участие в охоте, которая состоится завтра утром в его лесах на острове Креспо. Капитан Немо надеется, что ничто не помешает господину профессору воспользоваться приглашением, и будет рад, если спутники господина профессора смогут присоединиться к экскурсии.

Командир «Наутилуса»
капитан Немо.

— Охота! — воскликнул Нед.

— Да еще и в лесах острова Креспо! — добавил Консель.

— Стало быть, этот чудак иногда выходит на сушу? — спросил Нед.

— По-моему, здесь сказано совершенно ясно, — ответил я, перечитывая письмо.

— Ну тогда мы должны согласиться! — воодушевился канадец. — Как только выберемся на сушу, подумаем, что делать. Впрочем, я не отказался бы от пары кусков свежей дичи.

Не пытаясь разгадать тайну столь противоречивого поведения капитана Немо, который не скрывал отвращения к материкам и островам, но почему-то вдруг пригласил нас поохотиться в лесу, я ответил так:

— Сначала посмотрим, что представляет собой остров Креспо.

Я сверился с картой и обнаружил на 32°40’северной широты и 167°50’ западной долготы небольшой островок, открытый в 1801 году капитаном Креспо и значившийся на старинных испанских картах под названием Rocca de la Plata, то есть «Серебряная скала». Следовательно, мы находились примерно в одной тысяче восьмистах милях от отправной точки нашего путешествия, и «Наутилус» слегка изменил курс, сместившись к юго-востоку.

Я показал товарищам маленькую скалу, затерянную посреди северных морей Тихого океана.

— Если капитан Немо и выбирается порой на сушу, — пояснил я, — то, по крайней мере, выбирает для этого необитаемые острова!

Вместо ответа Нед Ленд кивнул, и они с Конселем ушли. После ужина, принесенного безмолвным и невозмутимым стюардом, я забылся тревожным сном.

Проснувшись на следующий день, 17 ноября, я почувствовал, что «Наутилус» не движется. Я быстро оделся и вышел в салон.

Капитан Немо уже ждал там. Он поднялся, поприветствовал меня и спросил, желаю ли я его сопровождать.

Поскольку он ни словом не обмолвился о своем отсутствии на протяжении последних восьми дней, я воздержался от расспросов и сказал только, что я и мои спутники готовы к нему присоединиться. А потом добавил:

— Если позволите, сударь, я хотел бы задать вам один вопрос.

— Пожалуйста, господин Аронакс. С удовольствием отвечу, если смогу.

— Скажите, капитан, как так вышло, что, порвав все связи с землей, вы до сих пор владеете лесами на острове Креспо?

— Господин профессор, моим лесам не нужно солнце — ни его свет, ни его тепло. Там нет ни львов, ни тигров, ни пантер, ни других четвероногих. Я — единственный, кто знает об их

существовании. Они растут лишь для меня одного. Только не на земле, а на дне морском. Это подводные леса.

— Подводные леса? — изумленно повторил я.

— Да, господин профессор.

— И вы предлагаете отправиться туда вместе с вами?

— Именно так.

— Пешком?

— И даже посуху.

— Чтобы поохотиться?

— Чтобы поохотиться.

— С ружьем в руке?

— С ружьем в руке.

Я недоуменно посмотрел на командира «Наутилуса», и в моем взгляде не было ничего лестного.

«Он явно тронулся умом, — думал я. — Очевидно, у него случился приступ, который длился восемь дней и все еще продолжается. Какая жалость! Чудаком он нравился мне больше, чем безумцем!»

Эта мысль явственно читалась на моем лице, однако капитан Немо как ни в чем ни бывало пригласил меня следовать за ним, и я покорился с видом человека, готового ко всему.

Мы прошли в столовую, где уже был подан

завтрак.

— Господин Аронакс, — произнес капитан, — прошу вас позавтракать со мной без церемоний. Заодно и побеседуем. Я обещал вам прогулку в лес, а не в ресторан. Поэтому рекомендую основательно подкрепиться — вероятно, обедать мы будем очень поздно.

Я с удовольствием оказал честь завтраку. Нам подали различные сорта рыб и несколько ломтиков трепанга — вкуснейшего зоофита, приправленного весьма аппетитными водорослями, такими как Porphyria laciniata[85] и Laurentia primafetida[86]. Из напитков была только кристально чистая вода, в которую я, по примеру капитана, добавил несколько капель сброженного настоя, приготовленного, по камчатской традиции, из водоросли под названием «родимения длиневидная»[87].

Какое-то время капитан Немо завтракал молча, а потом сказал:

---

[85] Сноски: 85
Порфира лопастная — водоросль из рода багрянок.

[86] Сноски: 86
Лауренсия (осмундея перистонадрезная) — вид красных водорослей.

[87] Сноски: 87
Красная морская водоросль, встречающаяся в северных морях.

Я с удовольствием оказал честь завтраку.

— Господин профессор, когда я предложил вам поохотиться в лесах Креспо, вы, верно, подумали, что это противоречит моим убеждениям. А когда

я сказал, что речь идет о подводных лесах, вы решили, что я сошел с ума. Нельзя столь поверхностно судить о людях, господин профессор.

— Поверьте, капитан, я не…

— Сначала выслушайте, а потом уже решайте, стоит ли обвинять меня в безумии или непоследовательности.

— Слушаю вас.

— Господин профессор, вы знаете не хуже меня, что человек может находиться под водой, только обеспечив себя запасом воздуха, необходимого для дыхания. При подводных работах водолазы, одетые в непромокаемую одежду, с металлической капсулой на голове, получают кислород с поверхности через особый шланг, соединенный с насосом.

— Это водолазный костюм! — сказал я.

— Совершенно верно. Однако в таком костюме человек стеснен в движениях. Его связывает каучуковый шланг, через который насосы подают ему воздух, — это настоящая цепь, которой он прикован к земле. Если бы мы были так же прикованы к «Наутилусу», то не могли бы отходить далеко.

— Но как избавиться от этой скованности движений?

— Используя аппарат Рукейроля-Денейруза[88], изобретенный двумя вашими соотечественниками, — правда, я усовершенствовал его, приспособив для своих нужд. С его помощью вы сможете находиться в непривычных физиологических условиях без какого-либо ущерба для здоровья. Этот аппарат представляет собой резервуар из прочной листовой стали, куда нагнетается воздух под давлением в пятьдесят атмосфер. Резервуар крепится на спине водолаза ремнями, подобно солдатскому ранцу. В верхней части находится короб с особым механизмом, который удерживает воздух внутри, пока его давление становится нормальным. В обычном аппарате Рукейроля из короба выходят две каучуковых трубки, оканчивающиеся своеобразной маской, которая накладывается на нос и рот водолаза; одна из этих трубок служит для подачи вдыхаемого воздуха, другая — для удаления отработанного; по мере надобности человек попеременно закрывает языком отверстие той или другой. Но поскольку давление на дне моря значительно

[88] Сноски: 88

Горный инженер Бенуа Рукейроль (1826–1875) и офицер морского флота Огюст Денейруз (1837–1883) создали и запатентовали прототип современного акваланга, который был представлен на Всемирной выставке в Париже в 1867 году и получил золотую медаль.

больше, мне пришлось вместо маски заключить голову в особый сферический шлем из меди наподобие шлемов в скафандрах, — именно к нему и подсоединяются вдыхательная и выдыхательная трубки.

— Превосходно, капитан! Однако воздух в резервуаре наверняка расходуется очень быстро и становится непригодным для дыхания, как только уровень кислорода падает до пятнадцати процентов.

— Вы правы, господин Аронакс. Но, как я уже говорил, насосы «Наутилуса» позволяют нагнетать воздух под значительным давлением, благодаря чему запасов кислорода в резервуаре хватает на девять-десять часов.

— На это мне нечего возразить, — ответил я. — Остался лишь один вопрос: каким образом вы освещаете себе путь, гуляя по дну океана?

— С помощью аппарата Румкорфа, господин Аронакс. В отличие от первого аппарата, который нужно носить на спине, второй крепится на поясе. Он состоит из элемента Бунзена, только я привожу его в действие не бихроматом калия, а натрием. Индукционная катушка принимает произведенное электричество и направляет его к фонарю особой конструкции. Внутри этого фо-

наря находится змеевидная стеклянная трубка, наполненная углекислым газом. Когда аппарат вырабатывает ток, газ начинает светиться, излучая непрерывный беловатый свет. Таким образом я могу дышать и видеть под водой.

— Капитан, вы отвечаете на мои возражения такими сокрушительными доводами, что я не смею больше сомневаться. Но хотя вы и убедили меня насчет аппаратов Рукейроля и Румкорфа, мне все же не верится, что под водой можно стрелять из ружья!

— Ружье не пороховое, — ответил капитан.

— В таком случае оно действует сжатым воздухом?

— Разумеется. Как, по-вашему, я изготовил бы порох на борту «Наутилуса», не имея ни селитры, ни серы, ни угля?

— Но ведь чтобы стрелять под водой, понадобилось бы преодолеть огромное сопротивление среды, плотность которой в восемьсот пятьдесят пять раз превышает плотность воздуха!

— Это не препятствие. Англичане Филипп Коулз и Берли, француз Фюрси, а также итальянец Ланди создали усовершенствованные модели пушек Фултона с особым запирающим механизмом, способные производить выстрелы в таких

условиях. Я еще раз повторяю: не имея пороха, я заменил его сжатым под большим давлением воздухом, которым меня щедро снабжают насосы «Наутилуса».

— Насколько я понимаю, этот воздух очень быстро расходуется.

— В таком случае я всегда могу пополнить его запасы благодаря резервуару Рукейроля! Стоит лишь повернуть кран. Впрочем, господин Аронакс, скоро вы и сами увидите, что во время подводной охоты ни воздух, ни пули почти не тратятся.

— И все же мне кажется, что в таком полумраке, да еще и в жидкой среде, плотность которой гораздо выше по сравнению с атмосферой, выстрелы не могут поражать цели на большом расстоянии и вряд ли бывают смертельными.

— Как раз наоборот! Все выстрелы из этого ружья — смертельные. Даже если пуля лишь слегка заденет животное, оно тут же падает, будто сраженное молнией.

— Почему?

— Потому что ружье это стреляет не обычными пулями, а маленькими стеклянными капсулами, изобретенными австрийским химиком Ленибрёком, — у меня их припасено изрядное

количество. Эти стеклянные капсулы, заключенные в стальную оболочку с тяжелым свинцовым дном, — настоящие лейденские банки[89] в миниатюре! Внутри содержится электрический заряд сверхвысокого напряжения. При малейшем ударе происходит разряд тока, способный убить наповал даже самого могучего зверя. Надо добавить, что по размеру эти капсулы не крупнее дроби четвертого калибра, и что в обойме ружья их вмещается не меньше десятка.

— В таком случае спорить больше не о чем, — сказал я, вставая из-за стола. — Осталось только взять ружье. Одним словом, куда вы, туда и я!

Капитан Немо повел меня на корму «Наутилуса». Проходя мимо каюты Неда и Конселя, я окликнул товарищей, и они тотчас к нам присоединились.

Затем мы пришли в небольшую каюту возле машинного отделения, где нам следовало переодеться в непроницаемые костюмы для прогулки.

---

[89] Сноски: 89

Первый электрический конденсатор, изобретенный голландским ученым Питером ван Мушенбруком и его учеником Кюнеусом в 1745 году в Лейдене.

Глава шестнадцатая
Прогулка по равнине

Эта каюта служила «Наутилусу» одновременно арсеналом и гардеробной. На стенах висело около дюжины водолазных аппаратов, готовых к использованию.

При виде скафандров Нед Ленд выказал явное нежелание их надевать.

— Мой дорогой Нед, — обратился я к нему, — леса острова Креспо — подводные леса!

— Вон оно что! — разочарованно протянул гарпунер, мысленно прощаясь с мечтами о свежем мясе. — А сами-то вы, господин Аронакс, неужто натяните на себя эту штуковину?

— Придется, Нед!

— Воля ваша, профессор, — ответил канадец, пожав плечами. — Лично я ни за что в нее не влезу — разве что меня заставят силой.

— Никто вас не неволит, господин Ленд, — сказал капитан Немо.

— А Консель рискнет прогуляться? — спросил Нед.

— Куда мой господин, туда и я, — заявил Кон-

сель.

По зову капитана явились два матроса, чтобы помочь нам надеть тяжелые непромокаемые скафандры, скроенные из каучука без единого шва и способные выдерживать огромное давление. Они были похожи на гибкую, но прочную броню. Костюм состоял из штанов и куртки. Штаны оканчивались толстыми ботинками с тяжелой свинцовой подошвой. Ткань куртки была укреплена на груди медными пластинами, которые защищали от напора воды и в то же время позволяли свободно дышать; на концах рукавов имелись мягкие перчатки, ничуть не стеснявшие движений кисти руки.

Эти водолазные костюмы выгодно отличались от уродливых пробковых лат, жилетов из коровьей кожи, особых морских одеяний, «бочек», изобретенных в XVIII веке и некогда столь превозносимых.

Вскоре капитан Немо, один из матросов — с виду настоящий Геракл, явно наделенный огромной физической силой, — Консель и я облачились в скафандры. Оставалось лишь надеть на голову металлический шлем. Но прежде чем приступить к этой операции, я попросил у капитана разрешения осмотреть приготовленные для нас

ружья.

Мне подали обычное ружье с полым стальным прикладом довольно внушительных размеров. Приклад служил резервуаром для сжатого воздуха — при нажатии на курок он выходил через клапан в металлическую трубку. Скрытый внутри приклада патронташ вмещал около двадцати электрических пуль, которые автоматически вставлялись в дуло с помощью пружинного устройства. После каждого выстрела ружье само собой перезаряжалось.

— Какое превосходное и простое в обращении оружие! — сказал я капитану. — Мне не терпится его испытать. Но как мы опустимся на дно океана?

— Господин профессор, «Наутилус» уже стоит на мели в десяти метрах под поверхностью воды, — нам осталось только выйти наружу.

— Как же мы выйдем?

— Сейчас увидите.

Капитан Немо сунул голову в сферический шлем. Мы с Конселем последовали его примеру под ироничное напутствие канадца, пожелавшего нам «удачной охоты». Сделанный из металла шлем привинчивался к медному воротнику с резьбой, которым оканчивалась верхняя часть

водолазного костюма. Три отверстия, защищенные толстыми стеклами, позволяли видеть в трех направлениях — стоило лишь повернуть голову внутри металлической сферы. Как только шлемы были надеты, заработали аппараты Рукейроля, закрепленные у каждого из нас на спине, — во всяком случае, я дышал совершенно свободно.

Прицепив к поясу лампу Румкорфа и взяв в руку ружье, я был полностью готов отправляться в путь. Хотя, по правде говоря, в этом тяжелом облачении, пригвожденный свинцовыми подошвами к полу, я и шагу не мог ступить.

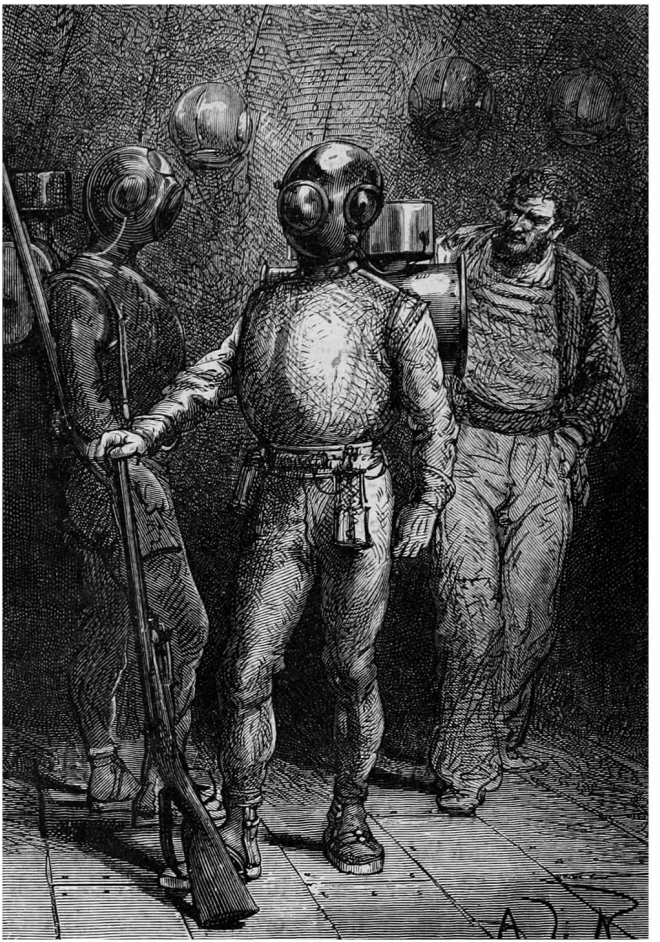
Однако, по-видимому, так и было предусмотрено, поскольку я вдруг почувствовал, что меня заталкивают в маленькую комнатку, примыкающую к гардеробной. Следом за мной таким же манером буксировали моих спутников. Герметичная дверь захлопнулась у нас за спиной, и мы оказались в кромешной темноте.

Через несколько минут я услышал громкое шипение, а затем ощутил, как от ног к груди поднимается холод. Судя по всему, кто-то открутил кран и впустил снаружи воду, которая быстро заполнила всю комнату. После чего открылась вторая дверь, которая была прорезана в борту «Наутилуса», и нас озарил полусвет. А в следую-

щее мгновение мы уже шагали по морскому дну.

Как описать впечатления от той подводной прогулки? Слова не в силах воссоздать увиденные там чудеса! Если даже кисть художника неспособна передать на холсте все краски морской стихии, разве это подвластно перу?

Капитан Немо шел впереди, а его спутник — позади нас. Мы с Конселем шагали бок о бок, как будто металлические шлемы позволяли вести беседу! Я больше не ощущал тяжести одежды, ботинок, резервуара с воздухом, — как и массивной сферы, внутри которой, словно орех в скорлупе, болталась моя голова. Погрузившись в воду, все предметы потеряли часть своего веса, равную объему вытесненной жидкости, так что благодаря этому закону физики, открытому Архимедом, я чувствовал себя прекрасно. Я больше не был инертной массой и обрел относительную свободу движений.

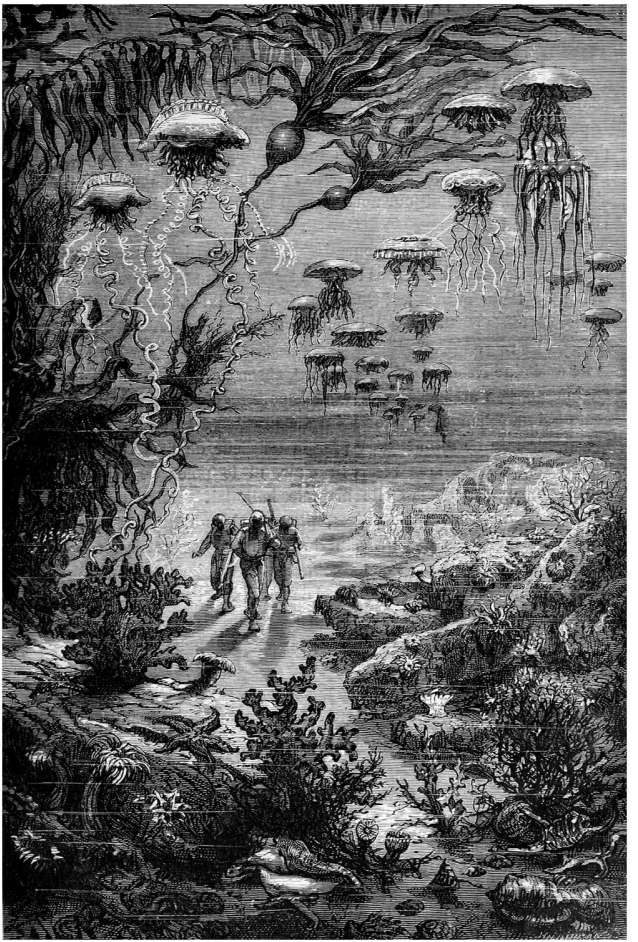


Я был готов отправляться в путь.

Меня поразило, насколько хорошо освещалось дно в тридцати футах под поверхностью океана. Солнечные лучи легко проникали сквозь толщу воды, озаряя ее мягким рассеянным светом. Я отчетливо различал предметы на расстоянии ста метров. Далее морские глубины постепенно окрашивались во все более насыщенные оттенки ультрамарина, затем становились темно-синими, а потом краски растворялись в туманном полумраке. Вместо воздуха меня здесь окружала вода, которая была плотнее земной атмосферы, но такая же прозрачная. Высоко над головой спокойно колыхалось море.

Мы ступали по мелкому, плотному песку — удивительно гладкому, в отличие от ребристого рельефа взморий, хранящего отпечаток приливов и отливов. Ослепительный песчаный ковер служил рефлектором для солнечных лучей. Они отражались от его зеркальной поверхности, не теряя своей интенсивности, отчего каждая молекула воды казалась пронизанной светом. Поверят ли мне, если скажу, что на глубине тридцати футов было светло, как на земле ясным днем?

Примерно четверть часа я шагал по сверкающему полю, усыпанному неосязаемой пылью морских раковин. Оставшийся позади «Наутилус», чьи очертания напоминали длинный подводный риф, постепенно исчезал во мраке; его прожектор должен был облегчить нам обратный путь на судно после наступления темноты, распространяя идеально яркие лучи. Подобный эффект удивил бы тех, кто видел эти беловатые подсвеченные полосы только на земле. Рассеянная в воздухе пыль делает их похожими на светящийся туман; однако на море, как и в его глубинах, электрический свет передается с небывалой четкостью.



Подводный пейзаж острова Креспо.

Тем временем мы шли и шли по бескрайней песчаной равнине. Я раздвигал море руками, словно жидкие занавески, которые тут же смыкались у меня за спиной, а мои следы исчезали на глазах под давлением воды.

Вскоре вдали возникли размытые очертания каких-то предметов. Я разглядел величественные силуэты подводных скал, густо облепленных разнообразными зоофитами, и я был вмиг очарован красотой этих мест.

Было десять часов утра. Косые лучи солнца скользили по волнам и, пройдя сквозь призму воды, озаряли морские цветы, камни, травы, раковины и полипы, переливаясь на их гранях всеми оттенками солнечного спектра. Это было чудесное зрелище, праздник для глаз! Настоящий калейдоскоп зеленого, желтого, оранжевого, фиолетового, индиго, синего, — словом, вся палитра вдохновенного колориста! Как жаль, что я не мог тотчас же делиться впечатлениями с Конселем, состязаясь с ним в восторженных эпитетах! Как жаль, что мы не договорились заранее об условных знаках, чтобы обмениваться мыслями по примеру капитана Немо и его товарища! За неимением лучшего я говорил

с самим собой, я кричал от восторга внутри консервной банки, венчавшей мою голову, — быть может, понапрасну растрачивая воздух на никому не нужные слова.

Консель, как и я, в восхищении замер перед дивным спектаклем. Не сомневаюсь, что при виде такого разнообразия зоофитов и моллюсков славный малый сразу принялся распределять их по классам и отрядам. Полипы и иглокожие устилали морское дно прекрасным ковром. Всевозможные изидиды, живущие особняком корнулярии, кустики первобытных окулин, которых прежде называли «белыми кораллами», мохнатые фунгии, напоминающие шляпки грибов, актинии, крепко цепляющиеся за грунт своими мускульными дисками представляли собой чудесный цветник, украшенный многочисленными порпитами в нарядных воротничках из лазурных щупалец и морскими звездами, а бородавчатые астерофитоны, похожие на вышитые наядами тончайшие кружева, слегка колыхались от наших шагов. Как жаль было давить свинцовыми подошвами хрупкие раковины великолепных моллюсков, тысячелетиями устилавших морское дно, — гребешков, морских молотков, донаксов, настоящих прыгающих ра-

кушек, трохусов, красных шлемовидок, «крыльев ангела», стромбусов, аплизий и многих других творений неистощимого на выдумки Океана! Но надо было идти, и мы шли вперед, а над нашими головами проплывали стаи физалий[90] со шлейфами ультрамариновых щупалец; медузы, чьи опаловые и нежно-розовые купола с волнистыми лазоревыми краями защищали нас от солнечных лучей; и пелагические панопиры, которые могли бы освещать нам путь во мраке своим фосфоресцирующим сиянием!

Все эти чудеса встретились нам в пределах четверти мили от «Наутилуса», однако видел я их только мельком: стоило мне остановиться, капитан Немо жестом приглашал меня следовать за ним. Вскоре характер почвы изменился. За песчаной равниной начался участок вязкого ила (американцы называют его ooze), состоящего исключительно из частиц кремнистых или известковых раковин моллюсков. Далее простирались луга из буйно разросшихся водорослей — море еще не успело вырвать их с корнем из податли-

[90] Сноски: 90

Португальский кораблик, или физалия, — похожая на медузу плавающая колония полипов, образующая единый организм. Его щупальца содержат большое количество стрекательных клеток, которые опасны для человека.

вого песка. Эти густо засеянные газоны могли соперничать с самыми мягкими коврами, сотканными человеческой рукой. Однако морские растения не только стлались зеленым покровом у нас под ногами, но и парили в воде над головой. У самой поверхности покачивались на волнах разнообразные представители многочисленного семейства водорослей, которых известно более двух тысяч видов. Мимо проплывали длинные пряди фукусов — как пузырчатых, так и трубчатых, — осмундеи, кладостефы с тончайшими листьями, родимении дланевидные, похожие на веера кактусов-опунций. Я заметил, что зеленые растения держались ближе к поверхности моря, красные оккупировали средние глубины, а гидрофиты черного или бурого цвета занимали нижние ярусы океана, образуя там клумбы и сады.

Водоросли — настоящая жемчужина творения, одно из чудес мировой флоры. К этому семейству принадлежат как самые маленькие, так и самые большие растения планеты: к примеру, на пяти квадратных миллиметрах может насчитываться до сорока тысяч микроскопических росточков, и в то же время встречаются фукусы длиной более пятисот метров.

Прошло часа полтора, с тех пор как мы покинули «Наутилус». Близился полдень. Я понял это по солнечным лучам, которые больше не преломлялись под косым углом, а падали отвесно. Магия красок постепенно рассеивалась, изумрудные и сапфировые оттенки исчезали с нашего «небосвода». Мы шли вперед размеренными шагами, которые звучали на удивление гулко. Малейшие шумы достигали уха с немыслимой на земле скоростью. В жидкой среде звук распространяется в четыре раза быстрее, чем в воздухе, — вода для него куда лучший проводник.

Дно заметно опустилось, и дорога пошла под уклон. Свет приобрел однородный оттенок. Мы достигли глубины ста метров и испытывали теперь давление в десять атмосфер. Но я его совсем не ощущал благодаря особой конструкции скафандра. Появилась лишь некоторая скованность в суставах пальцев, которая, впрочем, скоро прошло. Усталости после двухчасовой прогулки в тяжелом непривычном снаряжении не было и в помине. Вода помогала идти, и я двигался с поразительной легкостью.

На глубине трехсот футов я уже смутно различал солнечные лучи. Яркий свет сменился красноватыми сумерками, переходным состоя-

нием между днем и ночью. Однако даже такого скудного освещения хватало, чтобы обходиться без аппаратов Румкорфа.

Вдруг капитан Немо остановился. Он подождал, пока я его нагоню, а затем вытянул руку в направлении темной массы, которая явственно вырисовывалась во мраке на некотором удалении от нас.

«А вот и лес острова Креспо», — подумал я.

Глава семнадцатая
Подводный лес

Наконец мы дошли до опушки леса — несомненно, самого прекрасного из необъятных владений капитана Немо. Он считал этот лес своим, заявляя на него такие же права, какие были у первых людей в первые дни после сотворения мира. Да и мог ли кто другой претендовать на эту подводную собственность? Какой еще первопроходец осмелился бы явиться сюда с топором в руке и прорубить дорогу сквозь темные подводные чащи?

Лес состоял из гигантских древовидных растений, и, едва мы вошли под его просторные своды, меня сразу же поразила необычная форма ветвей — никогда прежде не доводилось мне встречать ничего подобного.

Ни одна травинка не стлалась по дну, ни одна веточка на деревцах и кустарниках не плелась, не изгибалась, не росла в горизонтальном направлении. Все они устремлялись к поверхности океана. Даже самые тонкие волоконца и стебельки держались прямо, словно стальные прутья.

Фукусы и ламинарии тянулись вверх строго перпендикулярно, уступая плотности окружающей среды. Они были неподвижны, а когда я отодвигал их рукой, тут же возвращались в исходное положение. Настоящее вертикальное царство!

Вскоре я привык к этому необычному явлению, а также к окутавшему нас полумраку. Почва была усеяна острыми каменными глыбами, которые приходилось с трудом обходить. Подводная флора была довольно разнообразной — богатством видов она превзошла бы даже флору арктических или тропических морей. Однако поначалу я невольно путался в представленных здесь царствах, принимая зоофитов за гидрофитов, а животных за растения. Да и кто бы не ошибся на моем месте? В этом подводном мире флора и фауна соприкасались так тесно!

Я заметил, что здешние растения почти не держатся за почву. Лишенные корней, они могли крепиться к любой твердой поверхности — будь то песок, раковина моллюска, панцирь черепахи или галька. Им требовалась лишь точка опоры, а не источник жизненной силы. Подобные растения привыкли рассчитывать только на себя, получая всю необходимую поддержку и питание из воды. У большинства из них вместо листьев

были пластинчатые слоевища причудливых форм и ограниченной цветовой палитры, которая включала розовый, карминный, зеленый, оливковый, рыжеватый и коричневый цвета. Здесь мне снова встретились — на этот раз не высушенными, как в гербариях «Наутилуса», а живыми — падины павлиньи, чьи раскрытые веера колыхались, будто взывая о дуновении ветерка; алые церамии; ламинарии, вытянувшие вверх свои молодые съедобные побеги; пятнадцатиметровые нереоцистисы на длинных гладких стеблях с пузырем на конце; зеленые букеты ацетабулярий с расширяющимися в форме гриба стебельками, и целый ряд других пелагических[91] растений, причем все они не имели цветов. «Какая любопытная аномалия! Какая причудливая стихия, где животное царство цветет, а растительное — нет!» — заметил один остроумный натуралист.

Во влажной тени древовидных растений, высотой не уступающих деревьям умеренных зон, виднелись колонии кораллов — настоящие цветущие кустарники! Живые изгороди из зоофитов, на которых распускались полосатые меандри-

---

[91] Сноски: 91

Обитающих в пелагиали, то есть в толще или на поверхности воды.

ны с извилистыми бороздками, желтоватые кариофиллы с прозрачными щупальцами, густые пучки зоантарий. Для полноты иллюзии маленькие разноцветные рыбки порхали с ветки на ветку, словно рой колибри, а желтые леписаканты с покрытой шипами челюстью и колючей чешуей, крылоперы и моноцентры выпархивали у нас из-под ног, словно стаи бекасов.

Около часа дня капитан Немо решил сделать привал, чему я весьма обрадовался. Мы расположились под сенью аларий, чьи длинные тонкие слоевища стрелами вздымались к поверхности.

Минуты отдыха показались мне блаженством. Не хватало только приятной беседы. Но говорить было невозможно. Я лишь приблизил свою огромную медную голову к шлему Конселя. Славный малый просиял от радости и уморительно завертел головой внутри своего колпака.

Как ни странно, после четырехчасовой прогулки я не испытывал зверского голода. Трудно сказать, чем объяснялось такое поведение желудка. Зато меня неудержимо клонило ко сну, что происходит со всеми ныряльщиками. Вскоре мои глаза, спрятанные за толстым стеклом, сомкнулись, и я провалился в дремоту, которую мне до сих пор удавалось преодолевать только

благодаря ходьбе. Капитан Немо и его могучий спутник подали нам пример и быстро заснули, растянувшись среди водорослей в кристально прозрачной воде.

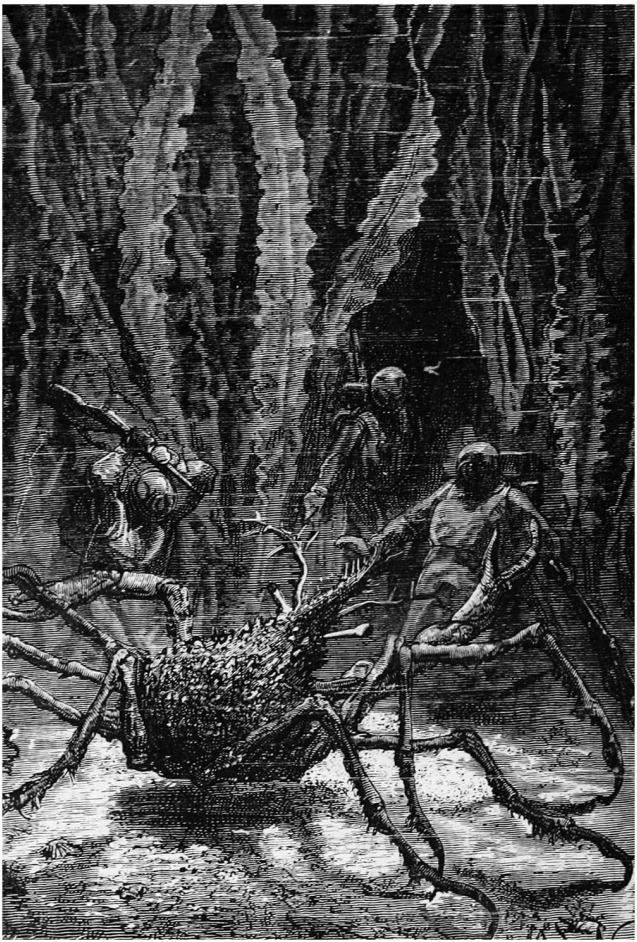
Не знаю, сколько времени провел я в забытьи; но когда проснулся, солнце, очевидно, клонилось к горизонту. Капитан Немо уже не спал, и я принялся разминать затекшие конечности, когда возникло обстоятельство, мгновенно поднявшее меня на ноги.

В нескольких шагах притаился чудовищный морской паук в метр высотой; он уставился на меня своими косыми глазами, явно готовясь к атаке. И хотя толстая оболочка скафандра служила мне надежной защитой от укусов этого существа, я невольно отшатнулся. Тут как раз проснулись Консель и матрос «Наутилуса». Капитан Немо показал паука товарищу, прежде чем свалить жуткое ракообразное ударом приклада. Гигантские ноги животного задергались в страшных конвульсиях.

Мне вдруг пришло в голову, что в этих мрачных глубинах наверняка водятся и другие, куда более опасные создания, от которых не защитит и скафандр. Почему-то эта мысль посетила меня только сейчас, и я решил впредь держаться

настороже. Впрочем, я был уверен, что после привала наша прогулка завершится. Но я ошибался: вместо того, чтобы повернуть назад к «Наутилусу», капитан Немо продолжил рискованную вылазку.

Между тем дно постепенно опускалось; уклон становился заметнее, увлекая нас все дальше от поверхности моря. Было уже около трех часов, когда мы наконец достигли узкой долины, зажатой меж высоких круч, на глубине ста пятидесяти метров под уровнем моря. Благодаря совершенству скафандров нам удалось погрузиться на девяносто метров ниже предела, казалось бы, установленного природой для подводных экскурсий человека.



Чудовищный морской паук.

Как я без каких-либо приборов определил, на какой глубине мы находимся? Очень просто: я знал, что солнечные лучи не могут проникнуть ниже ста пятидесяти метров — даже в самой прозрачной морской воде. Вскоре совсем стемнело — на расстоянии десяти шагов ничего не было видно. Я шел почти вслепую, как вдруг впереди блеснул яркий луч света. Капитан Немо зажег свой электрический фонарь. Его спутник сделал то же самое. Мы с Конселем последовали их примеру. Повернув винт, я соединил электрическую катушку со стеклянным змеевиком; море, подсвеченное нашими четырьмя фонарями, озарилось на двадцать пять метров вокруг.

Капитан Немо все дальше продвигался в глубь темного леса, начинавшего понемногу редеть. Я обратил внимание, что растительная жизнь исчезала быстрее животной. Пелагические растения уже не попадались, хотя под ногами у нас все еще кишело великое множество удивительных зоофитов, членистоногих, моллюсков и рыб.

Продолжая шагать, я думал о том, что свет от аппаратов Румкорфа неизбежно привлечет кого-нибудь из обитателей этой мрачной долины. Но если они нас и заметили, то предпочитали

держаться на досадном для охотников удалении. Несколько раз капитан Немо останавливался и вскидывал ружье, однако через некоторое время, осмотревшись, вновь пускался в путь.

Наконец, примерно в четыре часа, наша чудесная прогулка подошла к концу. Перед нами выросла гигантская стена, нагромождение скалистых круч, неприступный гранитный утес, испещренный мрачными гротами. Это было подножие острова Креспо. Это была земля!

Внезапно замедлив шаг, капитан Немо жестом приказал нам остановиться. И, как бы мне ни хотелось взобраться на эту стену, пришлось повиноваться. Здесь заканчивались владения капитана Немо. Далее начинался мир, в который он больше не желал ступать ни ногой.

Мы двинулись в обратный путь. Капитан Немо снова встал во главе нашего маленького отряда и все так же уверенно повел нас вперед. Я заметил, что мы идем другой дорогой. Новая дорога — более крутая и потому более утомительная — быстро вывела нас к поверхности океана. Впрочем, возвращение в верхние слои океана происходило постепенно — слишком резкий подъем мог бы нанести серьезный вред организму и вызвать внутренние повреждения, которые

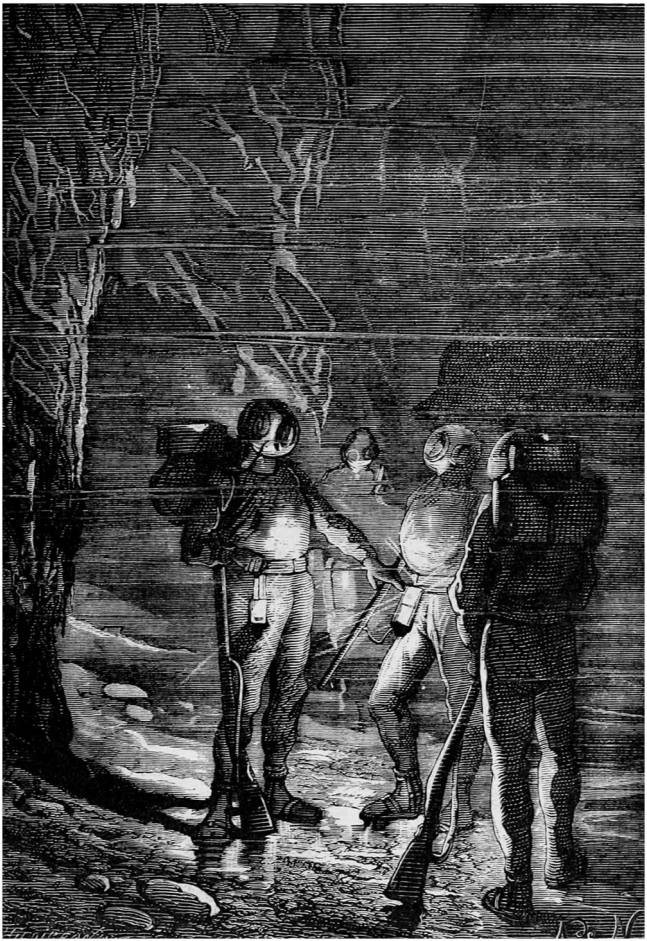
часто оказываются роковыми для неопытных ныряльщиков. С каждым шагом становилось светлее. Солнце уже клонилось к закату, и его косые лучи, преломляясь в воде, обрамляли все предметы восхитительными оттенками радужного спектра.

Теперь мы шли на глубине десяти метров в окружении бесчисленного роя всевозможных рыб, более юрких, чем птицы в небе; однако нам пока не встретилось крупной морской дичи, достойной выстрела.

И вдруг капитан вскинул ружье, целясь в мелькавший среди зарослей предмет. Когда он спустил курок, послышался слабый свист, и какое-то животное упало замертво в нескольких шагах от нас.

Это была великолепная морская выдра, или калан, — единственное четвероногое, обитающее исключительно в морях. Нам попался полутораметровый экземпляр — такие ценились очень высоко. Шкура калана, темно-коричневая сверху и серебристая снизу, пользовалась огромным спросом на русских и китайских рынках; благодаря красивому блестящему меху за нее можно было выручить не менее двух тысяч франков. Я искренне любовался этим необычным млекопи-

тающим с округлой головой, короткими ушами, маленькими круглыми глазками и белыми усами, похожими на кошачьи, а также когтистыми лапами и толстым хвостом. Теперь этот ценнейший хищник, нещадно истребляемый рыбаками, встречается крайне редко — как правило, в северных морях Тихого океана; и, вероятно, скоро вовсе исчезнет с лица земли.



Капитан Немо жестом приказал нам остановиться.

Спутник капитана Немо взвалил убитого зверя на плечи, и мы отправились дальше.

Целый час мы брели по песчаной равнине. Порой она поднималась до уровня менее двух метров от поверхности моря. И тогда я видел наше перевернутое отражение: такой же отряд шагал над нами, повторяя все наши движения и жесты с удивительной точностью — правда, шел он вверх ногами и вниз головой.

Было и еще одно интересное явление: над нами проносились загадочные пышные облака, которые внезапно появлялись и так же быстро исчезали. Немного поразмыслив, я понял, что возникновение этих мнимых облаков объясняется изменением толщины волн; приглядевшись, я даже заметил на их гребнях пенные «барашки». А по поверхности океана скользили тени пролетавших в небе крупных птиц.

И тут я стал свидетелем одного из самых виртуозных выстрелов, какие только доводилось наблюдать охотнику. Над нами парила большая птица с огромным размахом крыла. И когда она снизилась на расстояние нескольких метров от волн, спутник капитана Немо прицелился

и выстрелил. Птица камнем упала вниз почти в самые руки меткого стрелка, который ее мигом подхватил. Это был великолепный альбатрос, восхитительный представитель одного из видов морских птиц.

Происшествие не замедлило наш поход. В течение двух часов мы брели то по песчаным равнинам, то по густым лугам из бурых водорослей. Должен признаться, мои силы почти иссякли, когда впереди забрезжил слабый свет, рассеивающий темноту вод примерно на полмили. Это был прожектор «Наутилуса». Еще каких-нибудь двадцать минут, и мы окажемся на борту! Наконец-то я вздохну полной грудью! В поступающем из резервуара воздухе оставалось все меньше кислорода. Но я не предполагал, что еще одна случайная встреча отсрочит наше возвращение.

Я плелся в двадцати шагах позади капитана Немо, как вдруг он резко обернулся и бросился ко мне. Затем сильной рукой прижал меня к земле, а его помощник поступил так же с Конселем. Поначалу я не знал, что и думать, но тут же успокоился, когда капитан неподвижно распростерся на песке рядом со мной.

Я взглянул вверх и увидел огромные фосфоресцирующее силуэты, которые с шумом

проплывали над нами.

Кровь застыла у меня в жилах! Я узнал смертельно опасных хищников. Это была пара акул-людоедов — грозных белых акул с гигантским хвостом, мутными, будто стеклянными глазами и особыми отверстиями вокруг морды, из которых выделяется фосфоресцирующее вещество. Чудовищные светлячки, способные целиком перемолоть человека своими железными челюстями! Не знаю, размышлял ли Консель в тот момент об их видовой принадлежности; что до меня, то я разглядывал их серебристое брюхо и жуткую, ощеренную пасть с научной точки зрения, правда, скорее, как потенциальная жертва, а не как натуралист.

К счастью, у этих прожорливых хищников очень слабое зрение. Они не заметили нас и проплыли мимо, лишь слегка задев скафандры коричневатыми плавниками. Мы чудом избежали куда большей опасности, чем встреча с тигром в лесу.

Над нами парила большая птица.

Спустя полчаса, идя на свет электрического луча, мы добрались до «Наутилуса». Люк был открыт, и как только мы оказались внутри первой камеры, капитан Немо закрыл внешнюю дверь. Затем он нажал на кнопку. Я услышал, как в чреве судна заработали насосы, и почувствовал, как уровень воды понижается. Через несколько секунд камера была сухой. После чего открылась внутренняя дверь, и мы прошли в гардеробную.

Там мы, хотя и не без труда, сняли скафандры, и я, изможденный, едва держась на ногах от голода и сонливости, вернулся в свою каюту — совершенно очарованный удивительной прогулкой по морскому дну.

Глава восемнадцатая
Четыре тысячи миль под водами тихого океана

На следующее утро, 18 ноября, от моей вчерашней усталости не осталось и следа. Я поднялся на палубу, когда помощник капитана произносил свою каждодневную фразу. Мне вдруг пришло в голову, что она как-то связана с состоянием моря и означает что-то вроде: «На море все спокойно».

И в самом деле, океан казался пустынным. Ни единого паруса на горизонте. За ночь скалы острова Креспо скрылись из виду. Море поглотило все цвета спектра, кроме синего, отражая его во всех направлениях и окрашиваясь восхитительными оттенками индиго. Водная гладь то и дело покрывалась муаровыми узорами легкой зыби.

Пока я любовался чудесным оптическим эффектом, на палубу вышел капитан Немо. Словно не замечая моего присутствия, он приступил к астрономическим наблюдениям. Закончив, капитан облокотился на рубку с фонарем и устре-

мил взгляд в бескрайние океанские просторы.

Тем временем на палубу поднялось около двадцати матросов «Наутилуса» — все как на подбор здоровые и крепкие мужчины. Они принялись вытаскивать из воды закинутые накануне вечером сети. Очевидно, здесь собрались моряки разных национальностей, правда, исключительно европейского типа внешности. Я безошибочно узнал среди них ирландцев, французов, нескольких славян, одного грека и одного критянина. Впрочем, эти люди были скупы на слова и говорили между собой на непонятном наречии, происхождение которого мне так и не удалось определить. Так что общаться с ними я был не в состоянии.

Сети втащили на борт. Они представляли собой нечто вроде нормандских траловых неводов — объемных мешков, которые крепятся к плавучей рее и держатся полуоткрытыми в воде за счет цепи, продетой в нижние петли. Эти мешки скребут дно океана, собирая все, что попадается на пути судна. В тот день в наши сети угодили весьма любопытные экземпляры морской фауны этих богатых рыбой мест: морские черти, которых за комичные движения прозвали жонглерами; черные бородавчатые рыбы-клоуны с «удочкой»

на голове; полосатые спинороги, опоясанные красными колечками; ядовитые рыбы-фугу, способные раздуваться в случае опасности; несколько миног оливкового оттенка; сарганы, покрытые серебристой чешуей; рыбы-сабли, бьющие током не хуже гимнотов и электрических скатов; нотоптеры с коричневыми поперечными полосами; зеленоватая треска и разнообразные бычки. А также несколько более крупных видов рыб: метровая ставрида с выпуклой головой, множество прекрасных макрелей в лазоревых и серебристых нарядах и, наконец, три великолепных тунца, чья быстроходность не помогла им избежать ловушки.

Полагаю, общий вес улова составил не менее тысячи фунтов. Удачная рыбалка! Впрочем, неудивительно: траловые сети следуют за судном в течение нескольких часов, захватывая в свою плетеную тюрьму всех встреченных на пути обитателей подводного мира. Так что впредь у нас не будет недостатка в съестных припасах отменного качества — «Наутилус» сможет бесконечно пополнять их благодаря скорости хода и манящему свету электрического фонаря.

Выловленные морепродукты немедленно спустили в камбуз: часть из них подадут к столу,

другую запасут впрок.

Не сомневаясь, что после рыбалки и обновления воздуха «Наутилус» вновь погрузится под воду, я собирался было вернуться в свою каюту, как вдруг капитан Немо, обратившись ко мне, без всяких предисловий сказал:

— Взгляните на океан, господин профессор! Не кажется ли вам, что он живой? Что ему свойственны и гнев, и нежность? Ночью он спал, как и мы, а теперь вот просыпается после мирного сна!

Ни здравствуйте, ни до свидания! Этот странный человек будто бы продолжал прерванный ненадолго разговор.

— Смотрите, как он пробуждается под ласковыми лучами солнца! Он готовится к дневной жизни! Интересно наблюдать за работой его организма. У него есть пульс, артерии, спазмы… Я отдаю должное этому ученому, Мори, который открыл циркуляцию течений, столь же реальную, как и циркуляция крови у животных.

Очевидно, капитан не ждал от меня ответа, да и самому мне казалось лишним бормотать бессмысленные «несомненно», «конечно» и «вы правы». Он говорил, скорее, с самим собой, надолго замолкая после каждой фразы. Это было

размышление вслух.

— Да, — продолжал он, — циркуляция течений — настоящее кровообращение Океана. Чтобы его запустить, Создателю достаточно было увеличить содержание в воде тепла, соли и микроскопических животных. За счет разницы температур появляются участки разной плотности, что приводит к образованию течений и противотечений. Испарение воды, незначительное в северных регионах и очень активное в экваториальных зонах, обеспечивает постоянный обмен между тропическими и полярными потоками. Помимо этого я обнаружил постоянную вертикальную циркуляцию поверхностных и глубинных вод, которая есть не что иное, как дыхание океана! Я видел, как молекулы воды, прогреваясь в поверхностных слоях тропических зон океана, переносятся в холодные зоны и там, остывая и достигая максимальной плотности при температуре в два градуса ниже нуля, опускаются на глубину. Постепенно увлекаемые к экватору, они снова нагреваются, становятся более легкими и устремляются наверх. Вы увидите результаты этого явления на полюсах и поймете, почему, по закону предусмотрительной природы, льды образуются только в поверхностных слоях!

Услышав последнюю фразу капитана Немо, я невольно подумал: «Полюс! Неужели этот смельчак намерен доставить нас и туда?»

Капитан молча смотрел на бескрайнюю стихию, которую он так тщательно и неустанно изучал.

— В море, господин профессор, содержится огромное количество солей, и если вычесть те, что находятся в растворенном состоянии, вы получите массу объемом в четыре с половиной миллиона кубических лье. Если равномерно распределить ее по всей поверхности земного шара, образуется соляной покров двухметровой высоты. Но не думайте, что такое количество солей — лишь глупая прихоть природы. Нет! Они делают морскую воду более устойчивой к испарению и не дают ветрам уносить с ее поверхности слишком много пара — иначе этот пар, превращаясь в воду, затапливал бы умеренные климатические зоны. Так что соли играют огромную роль, поддерживая равновесие природных стихий на планете!

Капитан Немо взволнованно умолк, вскочил на ноги, сделал несколько шагов по палубе, а потом вернулся ко мне.

— Что касается инфузорий, — добавил он, —

миллиардов мельчайших организмов, миллионы которых содержатся в капле воды, и восемьсот тысяч — в одном миллиграмме, то их роль не менее важна. Поглощая морские соли, они вбирают в себя растворенную в воде известь и создают кораллы и мадрепоровые полипы, являясь настоящими строителями рифов! Лишившись своего минерального компонента, капля воды снова поднимается на поверхность, впитывает выпарившиеся соли, становится тяжелее и вновь опускается, доставляя микроскопическим животным новые питательные вещества. Восходящие и нисходящие потоки образуют вечное круговое движение, вечную жизнь! Жизнь эта более активная, чем на суше, более плодотворная и свободная! Она охватывает каждую молекулы воды в океане — стихии, губительной для человека, но животворной для мириадов животных… и для меня!

Произнося эту пылкую речь, капитан Немо преображался на глазах, а его слова оставляли неизгладимый след в моей душе.

— Только здесь происходит настоящая жизнь! — продолжал он. — Я рисую в воображении подводные города, целые кварталы подводных домов, которые будут, как «Наути-

лус», каждое утро всплывать на поверхность, чтобы пополнить запасы кислорода, — города свободные, города независимые! Хотя, возможно, какой-нибудь деспот…

Капитан Немо в ярости сжал кулаки. Затем обратился ко мне с вопросом, словно пытаясь прогнать скорбную мысль:

— Господин Аронакс, знаете ли вы, какова глубина океана?

— Знаю только результаты последних измерений, капитан.

— Не могли бы вы поделиться этими сведениями? Я бы при случае их проверил.

— Назову лишь некоторые цифры, которые приходят на ум, — ответил я. — Если не ошибаюсь, ученые определили, что средняя глубина северной части Атлантического океана составляет восемь тысяч двести метров, а Средиземного моря — две с половиной тысячи метров. Самые впечатляющие результаты замеров были получены в южной части Атлантики, примерно на тридцать пятом градусе широты: двенадцать тысяч метров, четырнадцать тысяч девяносто один метр и пятнадцать тысяч сто сорок девять

метров[92]. То есть, если бы уровень морского дна был везде одинаковым, средняя глубина Мирового океана составила бы около семи километров.

— Спасибо, господин профессор, — сказал капитан Немо. — Надеюсь, мы покажем вам нечто более удивительное. Что касается средней глубины этой части Тихого океана, то она не превышает четырех тысяч метров.

Закончив фразу, капитан направился к люку и сошел вниз по железной лестнице. Я последовал за ним и вернулся в салон. Вскоре винт пришел в движение, и лаг показал скорость двадцать миль в час.

Проходили дни и недели; капитан Немо не часто баловал меня визитами. Я видел его всего пару раз. Помощник капитана регулярно делал отметки на карте, что позволяло мне узнать точный маршрут «Наутилуса».

Мы с Конселем и Лендом проводили вместе долгие часы. Консель рассказывал другу о чудесах, увиденных во время подводной прогулки, и канадец досадовал, что не пошел тогда с нами.

---

[92] Сноски: 92

Методы исследования, применявшиеся в XIX веке, были не совсем точны. Согласно современным данным, максимальная глубина океана — 11 022 м. Возможно, в будущем откроют еще более глубокую точку.

Впрочем, я надеялся, что нам еще случится побывать в океанских лесах.

Почти каждый день железные ставни в салоне раздвигались на несколько часов, давая нам возможность любоваться красотами подводного мира.

Обычно «Наутилус» двигался в юго-восточном направлении, на глубине ста — ста пятидесяти метров. Но однажды, по прихоти капитана, вдруг изменил угол наклона с помощью боковых плоскостей и по диагонали спустился до водных слоев, расположенных в двух тысячах метрах под поверхностью океана. Термометр показывал 4,25 градуса Цельсия — похоже, это была средняя температура для таких глубин на всех широтах.

В три часа утра 26 ноября «Наутилус» пересек тропик Рака в районе 172° западной долготы. 27 ноября он прошел неподалеку от Сандвичевых островов[93], где 14 февраля 1779 года погиб прославленный Джеймс Кук. Таким образом, за время нашего путешествия мы преодолели уже четыре тысячи восемьсот шестьдесят лье. Поднявшись утром на палубу, я увидел в двух ми-

[93] Сноски: 93

Прежнее название (до конца XIX века) открытых Дж. Куком Гавайских островов — архипелага из двадцати четырех островов и атоллов, расположенного в северной части Тихого океана.

лях под ветром Гавайи — самый крупный из семи островов Гавайского архипелага. Я отчетливо разглядел возделанные поля, горные цепи, тянувшиеся параллельно берегу, и вулканы, над которыми господствует Мауна-Кеа, возвышаясь на пять тысяч метров над уровнем моря. Среди прочих представителей местной фауны в наши сети попали падины павлиньи — прелестные морские полипы, повсеместно встречающиеся в этой части океана.

«Наутилус» по-прежнему держал курс на юго-восток. Первого декабря он пересек экватор на 142° западной долготы, а четвертого числа того же месяца, после стремительного перехода, не ознаменованного какими-либо происшествиями, мы достигли принадлежащих Франции Маркизских островов. В трех милях от нас, на 8°57’ южной широты и 139°32’ западной долготы, я различил вершину пика Мартин на Нуку-Хива, самом большом острове этой группы. Я видел лишь далекие очертания поросших лесом гор на горизонте, поскольку капитан Немо не любил приближаться к земле. Там наш улов состоял из нескольких разновидностей прекрасных рыб — здесь были корифены с голубыми плавниками и золотистым хвостом, чье мясо не имеет

равных во всем мире; практически лишенные чешуи, но необыкновенно вкусные губаны; зубастые апогоны; желтоватые королевские макрели, на вкус не уступающие тунцам. Все эти рыбы могли по праву претендовать на место в меню «Наутилуса».

Покинув очаровательные острова, находящиеся под защитой французского флага, мы отправились дальше, пройдя с 4 по 11 декабря около двух тысяч миль. Во время недельного плавания мы повстречали огромную стаю кальмаров — любопытных моллюсков, родственных каракатицам. У французских рыбаков они известны под именем «рожок». Кальмары принадлежат к отряду головоногих моллюсков и семейству двужаберных, куда, помимо них, входят каракатицы и аргонавты. Особый интерес к изучению кальмаров проявляли античные натуралисты; для ораторов Агоры эти животные служили источником многочисленных метафор, а богатые граждане ценили их за превосходные вкусовые качества, — если верить Атенею, греческому врачевателю, предшественнику Галена[94].

---

[94] Сноски: 94

Клавдий Гален (ок. 130 — ок. 200) — знаменитый древнеримский философ и врач греческого происхождения, внесший огромный вклад в науку о человеческом организме, а также философию и логику.

В ночь с 9 на 10 декабря «Наутилус» встретил на своем пути целые полчища головоногих, ведущих преимущественно ночной образ жизни. Там были миллионы моллюсков. Они мигрировали из умеренных в более теплые климатические зоны, следуя за косяками сельди и сардин. Сквозь толстые хрустальные стекла мы наблюдали, как кальмары стремительно проносятся мимо, двигаясь задом наперед при помощи своих похожих на трубки тел, преследуя рыб и моллюсков, поедая более мелких, служа пищей более крупным; а десять ног-щупальцев, словно живые змеи Горгоны, беспорядочно извивались у них на голове, куда их поместила неистощимая на выдумки природа. Несмотря на свою быстроходность, «Наутилус» в течение нескольких часов плыл в гуще кальмарьего стада, поймав в сети бессчетное количество этих животных, среди которых я различил все девять тихоокеанских видов, описанных д'Орбиньи[95].

Море щедро разворачивало перед нами почти сказочные представления, перемежая одно другим беспрестанно. Оно меняло декорации

[95] Сноски: 95

Альсид Дессалин д'Орбиньи (1802–1857) — французский натуралист, который внес значительный вклад в развитие зоологии, палеонтологии, геологии, археологии и антропологии.

и мизансцены для услады наших глаз. Нам предлагалось не просто разглядывать божьи создания в родной им стихии, но и проникнуть в тайны океана, порой самые грозные.

Днем 11 декабря я сидел в салоне, коротая время за чтением. Нед Ленд и Консель разглядывали светящуюся морскую бездну при полураздвинутых ставнях. «Наутилус» стоял на месте. Наполнив резервуары, он дрейфовал на глубине тысячи метров, в малообитаемых слоях океана, куда редко наведываются крупные рыбы.

Там были миллионы кальмаров.

Я читал увлекательную книгу Жана Масэ «Слуги желудка»[96], жадно впитывая гениальные советы, когда Консель прервал мое занятие.

— Не мог бы господин подойти на минутку? — спросил он немного странным голосом.

— Что случилось, Консель?

— Не угодно ли господину взглянуть?

Я встал и подошел к стеклу.

В толще воды, озаренной ярким светом электрического фонаря, чернела огромная неподвижная масса. Я пристально всматривался, пытаясь определить породу этого китообразного исполина. И вдруг меня пронзила неожиданная догадка.

— Корабль! — воскликнул я.

— Да! — подтвердил канадец. — Разбитое судно, которое идет ко дну!

Нед Ленд не ошибся. Перед нами был корабль с перерезанными вантами, беспомощно висевшими на цепях. Корпус казался целым — судя по всему, с момента крушения прошло лишь

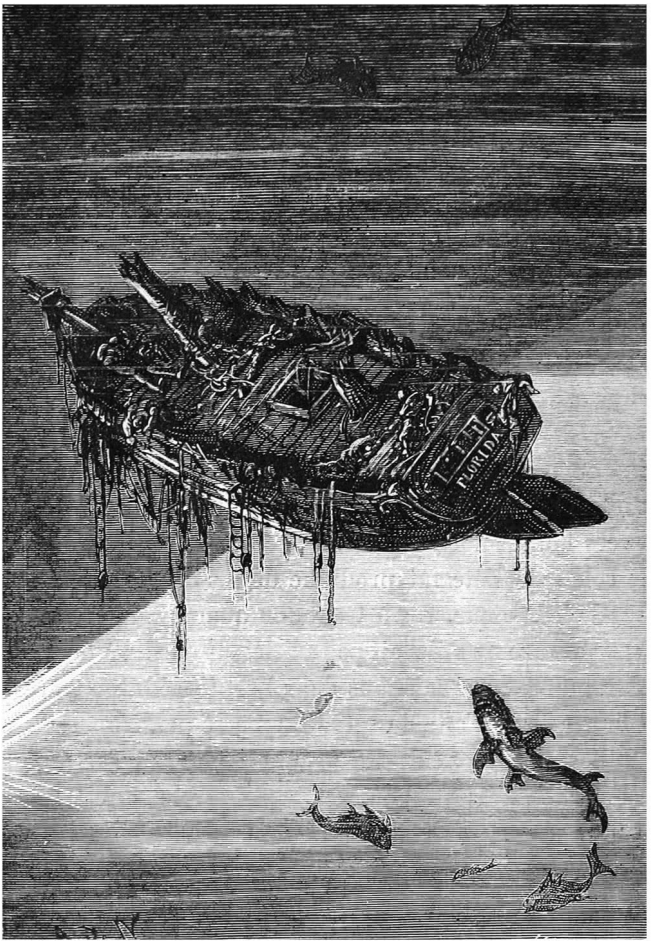
---

[96] Сноски: 96

Жан Масэ (1815–1894) — французский преподаватель, писатель, издатель и политик, автор многочисленных научно-популярных книг для юношества и детей. Упомянутая книга была написана в 1865 году (в русском переводе — «Слуги желудка: история пяти чувств»).

несколько часов. Торчащие из палубы двухфутовые обрубки трех мачт указывали на то, что под завязку груженному судну пришлось пожертвовать своим рангоутом. Корабль постепенно наполнялся водой, все больше кренясь на левый борт. Его затерянный в морской пучине остов представлял собой печальную картину, но куда печальнее было видеть трупы людей, все еще привязанных к палубе веревками! Я насчитал четверых мужчин — один из них стоял у штурвала — и женщину, которая по пояс высунулась из зарешеченного люка полуюта, держа на руках ребенка. Женщина была совсем молодой. В ярком свете электрических лучей «Наутилуса» я мог отчетливо разглядеть ее черты, еще не обезображенные водой. Последним усилием она подняла ребенка над головой — бедный малыш продолжал обвивать ручонками шею матери! Тела четверых матросов, изуродованные предсмертными судорогами, наводили на меня ужас: очевидно, несчастные пытались вырваться из пут, которыми они были привязаны к судну. И только одно лицо казалось спокойным — чистое, строгое, с прилипшими ко лбу седыми волосами лицо рулевого; вцепившись рукой в штурвал, он будто продолжал вести затонувший трехмачтовый

корабль сквозь океанские бездны!


FLORIDA

Перед нами был корабль.

Незабываемое зрелище! Онемев от ужаса, мы с бьющимся сердцем наблюдали последние секунды гибели судна! Я видел, как к нему уже приближаются огромные акулы с горящими глазами, чтобы поживиться человеческой плотью!

И пока Наутилус, лавируя, огибал затонувший корабль, я успел прочесть на его корме: «Флорида», Сандерленд.

Глава девятнадцатая
Ваникоро

Эта чудовищная сцена положила начало целой серии морских катастроф, которые предстояло встретить «Наутилусу» на своем пути. Оказавшись в морях с более активной навигацией, мы все чаще замечали гниющие остовы затонувших судов, а на самом дне ржавели пушки, снаряды, якори, цепи и тысячи других железных обломков.

Между тем 11 декабря «Наутилус», на борту которого мы жили почти в полной изоляции, достиг архипелага Туамоту — бывшего Опасного архипелага, как его окрестил Бугенвиль[97]. Эта группа островов протяженностью пятьсот лье тянется с востоко-юго-востока на западо-северо-запад между 13°30’ и 23°50’ южной широты и 125°30’ и 151°30’ западной долготы, от атолла Дюси до атолла Лазарева. Архипелаг занимает площадь в триста семьдесят квадратных лье

[97] Сноски: 97
Луи Антуан де Бугенвиль (1729–1811) — французский мореплаватель, руководитель первой французской кругосветной экспедиции, получивший известность как исследователь Океании.

и включает около шестидесяти островных групп, в том числе — острова Гамбье, находящиеся под протекторатом Франции. Все эти острова — кораллового происхождения. Когда-нибудь они сольются воедино под воздействием медленной, но непрерывной работы полипов. Затем новоиспеченный остров присоединится к соседним архипелагам, и на планете возникнет пятый континент, который протянется от Новой Зеландии и Новой Каледонии до Маркизских островов.

В тот день, когда я изложил эту теорию капитану Немо, он холодно ответил:

— Нашей планете нужны не новые континенты, а новые люди!

Лавируя в поисках наиболее безопасного маршрута, «Наутилус» подошел к атоллу Клермон-Тоннер, одному из самых интересных островов группы, открытому капитаном «Минервы» Беллом в 1822 году. Таким образом, я получил возможность изучить мадрепоровую систему, благодаря которой здесь и появились все эти острова.

Мадрепоровые полипы — не стоит путать их с кораллами! — это рифообразующие животные, которые имеют известковый скелет. Исходя из особенностей структуры скелета мой выдаю-

щийся учитель Мильн-Эдвардс[98] подразделил мадрепоры на пять отрядов. По сути, полипняки — продукт секреции миллиардов мельчайших организмов, живущих в своих ячейках. Со временем их известковые отложения превращаются в скалы, рифы, атоллы и острова. Тут они образуют лагуну или маленькое внутреннее озеро, взяв в неплотное кольцо участок моря. Там воздвигают барьерные рифы, вроде тех, что опоясывают берега Новой Каледонии и многих островов архипелага Туамоту. В других местах, например, на Реюньоне или Маврикии, они возводят настоящие рифовые утесы, высокие отвесные стены, уходящие на огромную глубину.

«Наутилус» шел всего в нескольких кабельтовых от крутых берегов Клермон-Тоннера, и я с восхищением взирал на гигантские сооружения, созданные микроскопическими тружениками. Отвесные стены острова были творением нескольких видов мадрепоровых кораллов, известных под названием миллепор, поритов, астрей и меандрин. Эти полипы обитают, преимущественно, на мелководье, у самой поверхности моря; оттуда они и начинают вы-

[98] Сноски: 98

Анри Мильн-Эдвардс (1800–1885) — известный французский зоолог и естествоиспытатель.

страивать фундамент будущих рифов, которые постепенно опускаются ко дну по мере накопления продуктов их секреции. Во всяком случае, так объясняет процесс формирования атоллов теория Дарвина, — на мой взгляд, она гораздо ближе к истине, чем утверждения некоторых ученых, что основой для мадрепоровых строений служат вершины подводных гор и вулканов, находящиеся на глубине нескольких футов от уровня моря.

Мне посчастливилось наблюдать вблизи эти необычные известковые стены, которые, как показал зонд, отвесно уходили на триста метров вниз и искрились переливчатым блеском в свете электрических лучей.

Консель немало удивился, когда на его вопрос о темпах возведения таких исполинских барьеров, я ответил, что, по мнению ученых, рифы прирастают на одну восьмую дюйма за сто лет.

— Стало быть, чтобы воздвигнуть эти стены, понадобилось…

— Сто девяносто две тысячи лет, мой дорогой Консель, что значительно превышает библейское летоисчисление. Хотя на образование каменного угля, то есть минерализацию подтопленных наводнениями лесов, ушло гораздо больше времени. Впрочем, надо добавить, что библейские

дни — это целые эпохи, а не краткие промежутки между двумя восходами солнца. Как говорится в самой Библии, солнце существовало задолго до сотворения мира.

Когда «Наутилус» поднялся на поверхность океана, я смог составить более полное представление о лесистом острове Клермон-Тоннер. Его мадрепоровые скалы были, очевидно, удобрены смерчами и бурями. Однажды какое-нибудь зернышко, принесенное с соседних земель ураганом, упало на известковые отложения, смешанные с разложившимися останками рыб и морских растений, которые образовали почву. Затем волны принесли на эту новую землю кокосовый орех. Семя пустило корни. Дерево, подрастая, остановило испарение воды. Появился ручей. Постепенно растительность отвоевывала все новые территории. Вскоре с соседних островов на поваленных ветром деревьях начали прибывать мельчайшие животные, червячки, насекомые. Черепахи стали приплывать сюда, чтобы отложить яйца. Птицы вили гнезда на ветвях молодых деревьев. Зародилась жизнь, а потом, привлеченный зелеными лесами и плодородными почвами, появился человек. Так образуются коралловые острова — исполинские творения

микроскопических животных.

К вечеру Клермон-Тоннер растаял в дымке на горизонте, и «Наутилус» резко изменил курс. Пройдя тропик Козерога по сто тридцать пятому меридиану, он направился на западо-северо-запад, двигаясь в пределах межтропической зоны. Несмотря на палящие лучи тропического солнца, мы вовсе не страдали от жары, поскольку на глубине тридцати-сорока метров температура никогда не поднималась выше десяти-двенадцати градусов.

Пятнадцатого декабря мы оставили на востоке манящие берега островов Общества[99], и тем же утром, в нескольких милях под ветром я увидел горные вершины прекрасного Таити, жемчужины Тихого океана. Воды острова принесли к нашему столу превосходные сорта рыб — макрелей, полосатых тунцов, альбакоров, а также несколько видов мурен, похожих на морских змей.

«Наутилус» преодолел восемь тысяч сто миль. Согласно лагу, отметка в девять тысяч семьсот двадцать миль была пройдена на отрезке между архипелагом Тонга-Табу, где пропали вместе

---

[99] Сноски: 99

Тропический архипелаг вулканического происхождения, который находится на западе Французской Полинезии.

с командами «Арго», «Порт-о-Пренс» и «Дюк оф Портленд», и Островами Мореплавателей[100], где был убит капитан Лангле, друг Лаперуза. Далее наш путь лежал мимо архипелага Фиджи, где дикари убили матросов «Юниона» и капитана Бюро из Нанта, командира судна «Любезная Жозефина».

Архипелаг Фиджи растянулся на сто лье с севера на юг и на девяносто лье с востока на запад, между 6° и 2° южной широты и 174° и 179° западной долготы. Он представлял собой группу островов, рифов и островков, крупнейшие из которых — Вити-Леву, Вануа-Леву и Кандаву.

Открыл эту островную группу Тасман[101] в далеком 1643 году — в тот самый год, когда Торричелли[102] изобрел барометр, а Людовик XIV взошел на трон. Не мне судить, какое из этих событий оказали большее влияние на историю

---

[100] Сноски: 100

Старое название архипелага Самоа в Полинезии (южная часть Тихого океана).

[101] Сноски: 101

Абель Янсзон Тасман (1603–1659) — голландский мореплаватель, исследователь и купец. В 1642–1644 гг. совершил великие географические открытия. Первым среди известных европейских исследователей достиг берегов Новой Зеландии, Тонга и Фиджи.

[102] Сноски: 102

Эванджелиста Торричелли (1608–1647) — итальянский математик и физик, ученик Галилея.

человечества. В 1714 году здесь побывал Кук, в 1793-м — д'Антркасто[103] и лишь в 1827 году Дюмон-Дюрвиль[104], наконец, упорядочил географический хаос этого архипелага. «Наутилус» приблизился к бухте Вайлека — месту действия трагических событий, приключившихся с капитаном Диллоном, который первым заявил о таинственной гибели Лаперуза.

Эта бухта, где мы несколько раз закидывали драгу, изобиловала устрицами. Мы поглощали их в невероятных количествах, вскрывая прямо на обеденном столе, следуя наставлениям Сенеки. Местные устрицы принадлежали к виду Ostrea lamellosa, широко распространенному на Корсике. Многотысячные колонии этих моллюсков облюбовали вайлекские отмели и, если бы не их активное истребление, в итоге захватили бы всю бухту, поскольку каждая особь производит до двух миллионов яиц.

И если на этот раз Неду Ленду не пришлось

---

[103] Сноски: 103

Жозеф Антуан д'Антркасто (1737–1793) — французский мореплаватель, который в поисках пропавшей экспедиции Лаперуза исследовал побережье Австралии.

[104] Сноски: 104

Жюль Дюмон-Дюрвиль (1790–1842) — французский путешественник, мореплаватель, океанограф, офицер военного флота, ученый-энциклопедист.

раскаиваться в обжорстве, то лишь потому, что устрицы — единственный продукт, не вызывающий расстройства пищеварения. В самом деле, взрослому человеку нужно съесть не менее шестнадцати дюжин этих двустворчатых моллюсков, чтобы его организм получил триста пятнадцать граммов азотистых веществ, необходимых для питания в течение дня.

Двадцать пятого декабря «Наутилус» шел между островами архипелага Новые Гебриды, открытого Киросом в 1606 году, исследованного Бугенвиллем в 1768 году и получившего от Кука свое нынешнее название[105] в 1773 году. В эту группу входят девять крупных островов, что тянутся лентой длиной в сто двадцать лье с северо-северо-запада на юго-юго-восток между 164° и 168° западной долготы. Около полудня мы прошли в непосредственной близости от острова Аоре — я как раз находился на палубе, когда он возник передо мной, словно бесформенная зеленая масса, над которой возвышалась огромная гора.

В тот день наступило Рождество, и Нед Ленд, сдавалось мне, с грустью вспоминал свой

---

[105] Сноски: 105

С 30 июля 1980 года официальное название Новых Гебрид как государства — Республика Вануату.

Christmas — настоящий семейный праздник, горячо любимый всеми протестантами.

Я не видел капитана Немо уже неделю, когда утром двадцать седьмого числа он вдруг появился в салоне с видом человека, который отсутствовал каких-нибудь пять минут. В тот момент я изучал на карте мира маршрут «Наутилуса». Приблизившись, капитан ткнул пальцем в точку на карте и произнес одно-единственное слово:

— Ваникоро.

Это слово было окутано тайной. Так назывались острова, близ которых пропали корабли Лаперуза. Я вскочил на ноги.

— «Наутилус» держит курс на Ваникоро?

— Да, господин профессор, — ответил капитан.

— И я смогу осмотреть знаменитые острова, где потерпели крушение «Буссоль» и «Астролябия»?

— Если пожелаете, господин профессор.

— Когда мы прибудем на Ваникоро?

— Мы уже там, господин профессор.

Поднявшись на палубу в сопровождении капитана Немо, я жадно впился глазами в горизонт.

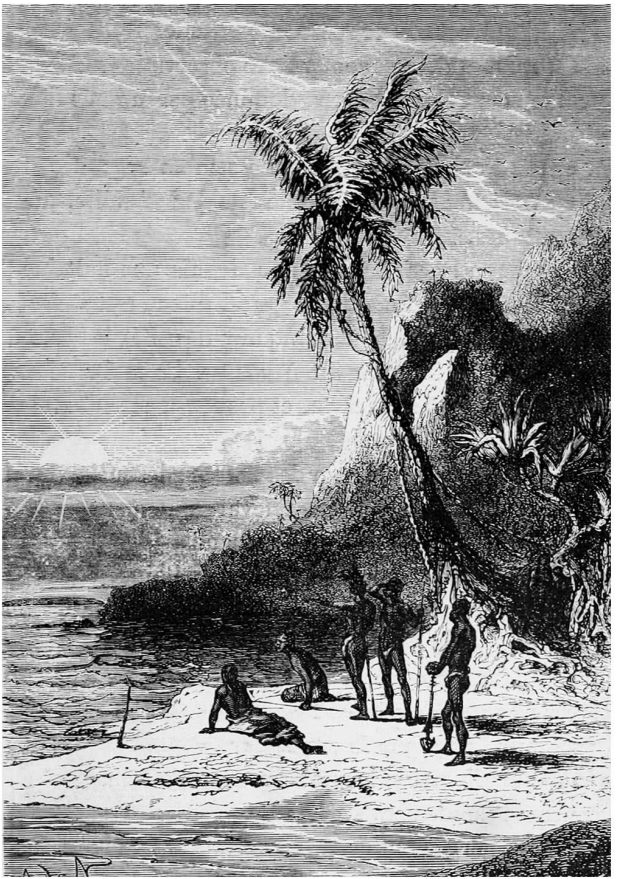
И вот на северо-востоке показались два вулканических острова разного размера, охваченные кольцом коралловых рифов около сорока миль в окружности. Собственно говоря, это и был ост-

ров Ваникоро, которому Дюмон-Дюрвиль дал название Остров Исследования. Мы находились аккурат перед входом в небольшую гавань Вану, расположенную на 16°4’ южной широты и 164°32’ восточной долготы. Судя по всему, эти земли были сплошь покрыты зеленью — от кромки пляжей до горных вершин в глубине островов, над которыми возвышалась гора Капого высотой четыреста семьдесят шесть туазов.

Нырнув в узкий проход между скалами, «Наутилус» благополучно миновал внешнее кольцо рифов и оказался в гавани за линией прибоя, где средняя глубина достигала тридцати-сорока морских саженей[106]. В тени мангровых деревьев виднелись фигуры нескольких дикарей, явно потрясенных нашим неожиданным появлением. Возможно, они принимали длинный черный корпус «Наутилуса» за какое-нибудь китообразное животное, которого стоит опасаться?

---

[106] Сноски: 106
Морская сажень — около 183 см.



Остров Ваникоро.

Капитан Немо спросил меня, что мне известно о гибели Лаперуза.

— То же, что и всем, капитан, — ответил я.

— Что именно известно «всем»? Не могли бы вы просветить меня на этот счет? — В голосе капитана слышалась легкая ирония.

— Охотно!

И я пересказал ему содержание последних отчетов Дюмон-Дюрвиля. Привожу ниже краткое изложение описанных событий.

В 1785 году Лаперуз и его старший помощник, капитан де Лангль, были посланы Людовиком XVI в кругосветное плавание на корветах «Буссоль» и «Астролябия» и бесследно пропали.

В 1791 году французское правительство, обеспокоенное судьбой корветов, снарядило на их поиски два больших фрегата, «Решерш» и «Эсперанс»[107], которые вышли из Бреста 28 сентября под командованием адмирала де Брюни д'Антркасто. Два месяца спустя по свидетельству некоего Боуэна, капитана судна «Албемарль», у берегов Нью-Джорджии были замечены обломки кораблекрушения.

Однако д'Антркасто, проигнорировав это сооб-

---

[107] Сноски: 107
«Поиск» и «Надежда» (*фр.*).

щение — впрочем, довольно сомнительное, — направился к островам Адмиралтейства[108], упомянутым в рапорте капитана Хантера как предполагаемое место гибели корветов Лаперуза.

Поиски были безуспешны. «Решерш» и «Эсперанс» прошли мимо Ваникоро не останавливаясь. Спасательная экспедиция окончилась трагически, поскольку стоила жизни д'Антркасто, двум его помощниками и нескольким матросам.

Первым, кто обнаружил несомненные следы крушения корветов, был капитан Диллон — старый морской волк, не раз бороздивший просторы Тихого океана. Пятнадцатого мая 1824 года его корабль «Святой Патрик» шел мимо Тикопиа, одного из Новых Гебридских островов. Там один туземец-ласкар[109], подплыв к кораблю на своей пироге, продал Диллону серебряный эфес шпаги с выгравированными на нем буквами. И рассказал, что лет шесть назад видел на острове Ваникоро двух европейцев с разбившихся о рифы кораблей.

---

[108] Сноски: 108

Группа вулканических и коралловых островов в Тихом океане, в архипелаге Бисмарка (территория государства Папуа — Новая Гвинея).

[109] Сноски: 109

Так в XVI–XIX веках называли матросов или ополченцев индийского происхождения, нанятых для службы на британских кораблях.

Диллон смекнул, что речь идет о судах Лаперуза, чье исчезновение взволновало весь мир. Он хотел было отправиться на Ваникоро, где, по словам ласкара, оставалось еще много обломков того кораблекрушения, но ему помешали сильные ветра и течения.

Диллон вернулся в Калькутту. Там он сумел заинтересовать своим открытием Королевское Азиатское общество и Ост-Индскую компанию. Капитан получил в свое распоряжение судно, которому также дали название «Решерш», и 23 января 1827 года отплыл на нем из Калькутты в сопровождении французского представителя.

Сделав множество остановок на островах Тихого океана, 7 июля 1827 года «Решерш» бросил якорь в той самой гавани Вану у берегов Ваникоро, где стоял сейчас «Наутилус».

Там были найдены многочисленные остатки крушения: железные инструменты, якоря, части такелажа вроде канатных строп и блоков, фальконеты[110], восемнадцатидюймовый снаряд, обломки астрономических приборов, кусок гекаборта и бронзовый колокол с надписью «Меня

[110] Сноски: 110

Артиллерийское орудие небольшого калибра, состоявшее на вооружении в армиях и флотах в XVI–XVIII вв. (от *англ.* falconet — молодой сокол).

отлил Базен» — такое клеймо ставили на свои изделия литейщики брестского арсенала примерно в 1785 году. Сомнений больше не оставалось.

Продолжая изыскания, Диллон оставался в этом злосчастном месте до октября. После чего покинул Ваникоро и направился в сторону Новой Зеландии. Седьмого апреля он бросил якорь в Калькутте, а затем вернулся во Францию, где был весьма любезно принят Карлом X.

Между тем Дюмон-Дюрвиль, ничего не зная об исследованиях Диллона, отправился искать место крушения в другие края. На то были веские причины: со слов одного китобоя ему стало известно, что медали и крест святого Людовика видели у дикарей Луизиады[111] и Новой Каледонии.

Итак, командир «Астролябии» Дюмон-Дюрвиль вышел в море и бросил якорь в окрестностях Хобарт-Тауна[112] через два месяца после того, как Диллон покинул Ваникоро. Прибыв на место, Дюмон-Дюрвиль узнал о результатах экспедиции Диллона. А кроме того, ознакомился с показа-

---

[111] Сноски: 111

Архипелаг в Коралловом море, к юго-востоку от Новой Гвинеи. В составе государства Папуа — Новая Гвинея.

[112] Сноски: 112

Столица австралийского штата Тасмания.

ниями некоего Джеймса Хоббса из Калькутты, помощника капитана «Юниона», который утверждал, что, пристав к острову на 8°18’ южной широты и 156°30’ восточной долготы, видел у местных жителей железные брусья и куски красной ткани.

Дюмон-Дюрвиль был совершенно сбит с толку. Не зная, стоит ли принимать на веру истории, напечатанные в сомнительных газетенках, он все же решил отправиться по следам Диллона.

Десятого февраля 1828 года «Астролябия» появилась у берегов Тикопиа, взяла на борт обосновавшегося там бывшего матроса — в качестве лоцмана и переводчика, — и отчалила в направлении острова Ваникоро, к которому приблизилась 12 февраля. До 14 февраля судно лавировало между рифами и лишь 20 числа, оказавшись за пределами этого природного барьера, наконец бросило якорь в гавани Вану.

Двадцать третьего февраля группа офицеров обследовала остров, но ничего существенного найти не удалось, кроме нескольких обломков. Местные жители, избрав тактику уверток и запирательства, наотрез отказывались вести их к месту трагедии. Такое поведение выглядело крайне подозрительно и наводило на мысль, что

жертвы кораблекрушения пострадали от рук туземцев. Те будто боялись, что Дюмон-Дюрвиль приехал отомстить за своих злосчастных соотечественников.

И все же 26 февраля туземцы, задобренные подарками и поверившие, что никакое наказание им не грозит, отвели старшего помощника Жакино к месту катастрофы.

Там, между рифами Паку и Вану, на глубине трех или четырех морских саженей лежали покрытые известковыми отложениями якоря, пушки, железные и свинцовые чушки балласта. Туда были немедленно отправлены с «Астролябии» баркас и вельбот; после долгих усилий их экипажам удалось-таки достать один из якорей весом в тысячу восемьсот фунтов, восьмидюймовую чугунную пушку, одну свинцовую чушку и два медных фальконета.

Опросив туземцев, Дюмон-Дюрвиль узнал, что, после того как оба его корабля разбились о рифы, Лаперуз построил из обломков маленькое суденышко и отправился в новое плавание, чтобы вновь потерпеть крушение… Где? Никто не знал.

В память о знаменитом мореплавателе и его товарищах командир «Астролябии» воздвиг

под сенью мангровых деревьев кенотаф[113]. Это была простая четырехгранная пирамида на коралловом пьедестале, построенная без единого кусочка железа, — дабы не искушать охочих до металла туземцев.

Дюмон-Дюрвиль хотел тут же отплывать; увы, его матросы слегли с лихорадкой, которую подхватили в этой нездоровой местности, и, поскольку капитан и сам был серьезно болен, он смог сняться с якоря только 17 марта.

Тем временем французское правительство, полагая, что Дюмон-Дюрвиль ничего не знает о результатах экспедиции Диллона, решило отправить на Ваникоро корвет «Байонез» под командованием Легоарана де Тромлена, стоявший тогда в одном из портов на западном побережье Америки. «Байонез» бросил якорь во внутренней бухте Ваникоро через несколько месяцев после отплытия «Астролябии» и не нашел никаких новых свидетельств — зато удостоверился, что туземцы не тронули импровизированный мавзолей Лаперуза.

---

[113] Сноски: 113

Памятник, аналогичный надгробному, но находящийся там, где не содержатся останки покойного, своего рода символическая могила (букв. *греч.* «пустая могила»). Кенотаф может быть установлен по следующим причинам: если тело погибшего было утрачено или уничтожено; если место гибели неизвестно.

Вот вкратце и все, что я рассказал капитану Немо.

— Так значит, до сих пор неизвестно, куда отправился и где затонул третий корабль, который Лаперуз и выжившие после кораблекрушения матросы построили на острове?

— Неизвестно.

Капитан Немо жестом пригласил меня следовать за ним в салон. «Наутилус» погрузился на несколько метров, и железные ставни снова раздвинулись.

Я торопливо подошел к стеклу и разглядел внизу, под слоем кораллов (фунгий[114], алкионов, кариофиллий), среди мириадов прелестных рыбок (гирелл, глифизидонов, помферидов, диакопов, голоцентров) обломки, которые не удалось поднять со дна: железные скобы, якоря, пушки, снаряды, кабестан[115], форштевень. Предметы, выброшенные за борт с тонущих кораблей, лежали теперь под ковром из живых цветов.

---

[114] Сноски: 114

Грибовидные кораллы; представляют собой крупные одиночные полипы округлой формы диаметром до 30 см, которые растут на рифах в Индо-Тихоокеанском регионе.

[115] Сноски: 115

Лебедка с вертикальным барабаном, использующаяся для подъема якорей, а также для передвижения судна, баржи, грузов, подтягивания судов к берегу и т. п.

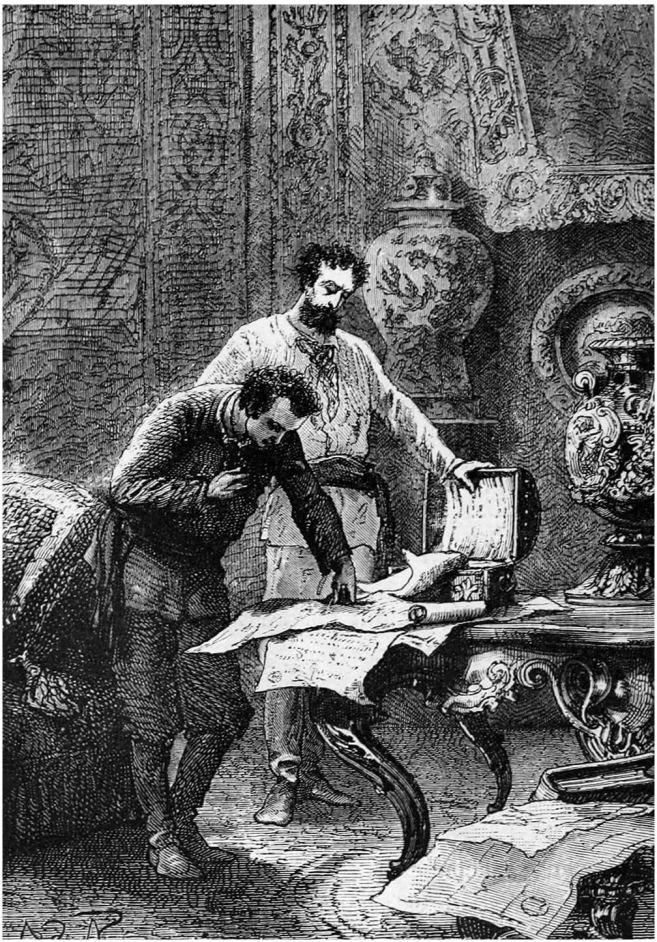
Пока я разглядывал эти жалкие останки, капитан Немо сказал мне спокойным, внушительным голосом:

— Капитан Лаперуз вышел в плавание седьмого декабря тысяча семьсот восемьдесят пятого года на корветах «Буссоль» и «Астролябия». Сперва он бросил якорь в Ботани-Бей, посетил архипелаг Дружбы[116] и Новую Каледонию, затем направился к островам Санта-Крус и бросил якорь у острова Намука, входящего в островную группу Хаапай. После чего его корабли напоролись на подводные рифы Ваникоро. «Буссоль», который шел впереди, сел на мель у южного берега. Прибывшую на помощь «Астролябию» постигла та же участь. Первый корабль затонул почти мгновенно. Второй, терзаемый ветрами, продержался несколько дней. Туземцы оказали потерпевшим радушный прием. Поселившись на острове, моряки построили небольшое судно из обломков двух больших кораблей. Несколько матросов добровольно остались на Ваникоро. Другие — больные и ослабленные — уплыли с Лаперузом. Они направились к Соломоновым Островам и погибли все до единого у западных

---

[116] Сноски: 116
Острова Тонга в Полинезии.

берегов главного острова группы, между мысами Разочарования и Удовлетворения.



Я увидел кипу пожелтевших бумаг.

— Откуда вам это известно? — воскликнул я.

— Вот что я нашел на месте последнего крушения.

И капитан Немо показал мне жестяную шкатулку с французским гербом на крышке, заржавевшую в морской воде. Он открыл ее, и я увидел внутри кипу пожелтевших бумаг, хотя текст все еще можно было прочесть.

Это была инструкция морского министерства Лаперузу, с собственноручными пометками Людовика XVI на полях!

— Какая славная смерть для моряка! — воскликнул капитан Немо. — Обрести вечный покой среди кораллов! Дай бог, чтобы у меня и моих товарищей не было иной могилы!

Глава двадцатая
Торресов пролив[117]

В ночь с 27 на 28 декабря «Наутилус», развив предельную скорость, покинул окрестности Ваникоро. Он взял курс на юго-запад и через три дня преодолел семьсот пятьдесят лье, отделявших группу островов Лаперуза от юго-восточной оконечности Новой Гвинеи.

Ранним утром 1 января 1863 года Консель присоединился ко мне на палубе.

— Позволит ли господин пожелать ему счастливого нового года? — спросил славный малый.

— Разумеется, Консель! Как если бы мы были сейчас в моем кабинете в Зоологическом саду Парижа! Я принимаю твои пожелания и от души тебя благодарю. Хотел бы только уточнить, что ты имеешь в виду под «счастливым годом», учитывая сложившиеся обстоятельства. Означает ли это «год, который положит конец нашему заточению» или «очередной год этого необычного путешествия»?

---

[117] Сноски: 117

Пролив, отделяющий Австралию от острова Новая Гвинея (соединяет Индийский и Тихий океаны).

— Право, не знаю, что и сказать, — задумался Консель. — Конечно, за прошедшие два месяца мы увидели столько чудес, что у нас просто не было времени скучать. Последнее чудо всегда кажется самым удивительным; но если так пойдет и дальше, уж и не знаю, чем это все кончится! По-моему, такого шанса нам никогда больше не представится.

— Никогда, Консель!

— К тому же господин Немо, полностью оправдывая свое латинское имя, ничуть нас не стесняет, словно его вовсе не существует!

— Ты прав, Консель.

— Поэтому, надеюсь, господин не слишком огорчится, если я скажу, что счастливый год — это год, который позволит нам увидеть всё…

— Увидеть всё? В таком случае, Консель, наше путешествие может затянуться надолго. А что об этом думает Нед Ленд?

— Нед Ленд думает совершенно иначе, — ответил Консель. — У него веселый нрав и требовательный желудок. Ему скучно смотреть на рыб и питаться рыбами. Жизнь без хлеба, вина и мяса не по душе настоящему англосаксу, который привык питаться стейками и никогда не откажется выпить немного бренди или джина!

— Что до меня, Консель, то я вовсе из-за этого не страдаю и вполне привык к режиму на борту «Наутилуса».

— Как и я! — ответил Консель. — Одним словом, я не прочь остаться здесь, а мистер Ленд мечтает поскорее отсюда сбежать. Так что наступивший год будет хорошим либо для меня, либо для него. По крайней мере один из нас точно останется доволен. В завершение разговора я хотел бы пожелать господину всего, что он сам себе желает!

— Спасибо, Консель! Правда, вопрос с вручением тебе традиционного новогоднего конверта придется пока отложить. Взамен дарю тебе крепкое рукопожатие! Это все, что у меня сейчас есть.

— Господин никогда еще не был так щедр!

С этими словами Консель удалился.

Ко второму января мы преодолели в общей сложности одиннадцать тысяч триста сорок миль, или пять тысяч двести пятьдесят лье, с момента выхода из исходной точки в Японском море. Теперь перед форштевнем «Наутилуса» расстилались опасные воды Кораллового моря у северо-восточного побережья Австралии. Наше судно шло на расстоянии нескольких миль от коварных рифов, где 10 июня 1770 года едва не разбились корабли Джеймса Кука. Судно, ко-

торым управлял Кук, напоролось на подводную скалу и не затонуло только благодаря тому, что отколовшийся при ударе кусок коралла заткнул пробоину в корпусе.

Мне очень хотелось осмотреть этот риф длиною триста шестьдесят лье; днем и ночью бурные волны разбивались о него с бешеным ревом, напоминающим громовые раскаты. Но «Наутилус» уже ушел на глубину и высокие коралловые стены скрылись из виду. Так что мне пришлось довольствоваться разглядыванием свежего улова. Среди множества принесенных сетями рыб я заметил альбакоров — представителей семейства скумбриевых размером с тунца, с голубоватыми боками и поперечными полосками на теле, исчезающими по мере старения животного. Стаи этих рыб сопровождали «Наутилус», пополняя наш рацион вкуснейшим мясом. Также в сети попалось огромное количество морских карасей длиной пять сантиметров, по вкусу напоминающих дораду, и летучие рыбы-пиропеды — настоящие подводные ласточки, чьи фосфоресцирующие тела озаряют темными ночами то море, то воздух. Среди моллюсков и зоофитов я обнаружил в ячейках сети несколько видов альционарий, морских ежей, молотков, трохусов, улиток — солнечных

часов, церитов и стеклушек. Местная флора была представлена прекрасными плавучими водорослями, ламинариями и сочащимися слизью макроцистами; кроме того, я заметил между ними восхитительную Nemastoma Geliniaroide, которую причислил к музейной коллекции диковинок природы.

Мы пересекли Коралловое море и через два дня, 4 января, достигли берегов Папуа. По такому случаю капитан Немо сообщил мне, что планирует попасть в Индийский океан через Торресов пролив. Больше он ничего не сказал. Нед обрадовался этой новости, поскольку новый маршрут приближал его к европейским морям.

Торресов пролив снискал дурную славу не только из-за опасных рифов, но и из-за дикарей, которые частенько наведываются на его побережья. Он отделяет большой остров Папуа, называемый также Новой Гвинеей, от Новой Голландии[118].

Остров Папуа, длиной четыреста и шириной сто тридцать лье, занимает площадь в сорок тысяч географических лье[119]. Он расположен между 0°19’ и 10°2’ южной широты и между

---

[118] Сноски: 118
Историческое название Австралии (с 1644 по 1824 г.).

[119] Сноски: 119
То же, что и морское лье (5556 км).

128°23’ и 146°15’ восточной долготы. В полдень, когда помощник капитана определял высоту солнца, я заметил вершины Арфакских гор, поднимавшихся террасами и увенчанных острыми пиками.

На этой земле, открытой в 1511 году португальцем Франсиско Серрано, побывали впоследствии многие мореплаватели: в 1526 году — Хорхе де Менезес, в 1527 году — Грихальва, в 1528 году — испанский генерал Альваро де Сааведра, в 1545 году — Хуго Ортес, в 1616 году — голландец Схаутен, в 1753 году — Никола Срюик, затем Тасман, Дампир, Фюмель, Картере, Эдвардс, Бугенвиль, Кук, Форрест, Мак-Клур, в 1792 году — д’Антркасто, в 1823 году — Дюперре, и в 1827 году — Дюмон-Дюрвиль. «Тут рассадник всех меланезийских чернокожих», как сказал однажды де Риенци о Папуа. Поэтому я не сомневался, что случайности нашего плавания столкнут меня с кровожадными андаманцами.

Итак, «Наутилус» оказался у входа в опаснейший пролив земного шара, который даже самые опытные мореплаватели не всегда отваживаются пересекать. Луис Пас де Торрес открыл его, возвращаясь из южных морей Меланезии; здесь же в 1840 году едва не погибли севшие

на мель корветы Дюмон-Дюрвиля. Даже «Наутилусу», пренебрегавшему опасностями мирового океана, предстояло испытать на себе коварство коралловых рифов.

Торресов пролив имеет в ширину около тридцати четырех лье, но загромождён бессчетным количеством больших и маленьких островков, рифов и подводных скал, которые делают навигацию практически невозможной. Поэтому, прежде чем его пересечь, капитан Немо предпринял все мыслимые предосторожности. «Наутилус» двигался с умеренной скоростью вровень с поверхностью воды. Гребной винт лениво ударял по волнам, словно хвост огромного кита.

Воспользовавшись случаем, я и оба моих товарища расположились на пустой по обыкновению палубе. Впереди возвышалась рубка рулевого, и я не сомневался, что сам капитан Немо стоял у штурвала, управляя своим «Наутилусом».

Передо мной были великолепные карты Торресова пролива, составленные инженером-гидрографом Винсендоном-Дюмуленом и лейтенантом военно-морского флота — ныне адмиралом — Купваном-Дебуа, которые состояли при штабе Дюмон-Дюрвиля во время его последнего кругосветного плавания. Эти карты, наряду с картами

капитана Кинга, считаются лучшими и помогают распутать все хитросплетения узкого и коварного пролива, поэтому я изучал их с величайшим вниманием.

Вокруг «Наутилуса» бесновалось разъяренное море. Подхваченные течением волны неслись с юго-востока на северо-запад со скоростью в две с половиной мили и разбивались о макушки коралловых рифов, которые торчали среди вспененной воды.

— Скверное море! — сказал Нед Ленд.

— Прескверное, — согласился я. — К тому же совершенно непригодное для такого судна, как «Наутилус».

— Надеюсь, этот чертов капитан хорошо знает фарватер, — добавил канадец. — Потому что я вижу здесь целую уйму кораллов, способных в два счета превратить его посудину в груду жалких обломков!

Положение и в самом деле было опасным, однако «Наутилус», словно по волшебству, ловко скользил между зловещими рифами. Он не стал в точности повторять маршрут «Астролябии» и «Зеле»[120], оказавшийся роковым для Дюмон-

---

[120] Сноски: 120
Усердный (*фр.* Zélé).

Дюрвиля. Он взял чуть больше к северу, обогнул остров Мюррея и вновь повернул на юго-запад, к Кумберландскому проходу. Я было подумал, что туда мы и направимся, но «Наутилус» вдруг опять изменил курс и пошел на северо-запад, к острову Тунд и каналу Мове, лавируя между бесчисленными малоизвестными островками.

Я уже задавался вопросом, не собирается ли капитан Немо, чье безрассудство граничило с безумием, направить свое судно в канал, где сели на мель оба корвета Дюмон-Дюрвиля. Но тут «Наутилус» еще раз изменил направление и двинулся прямо на запад, к острову Гвебороар[121].

Было три часа пополудни. Волнение на море улеглось — очевидно, из-за прилива. «Наутилус» приблизился к острову; я и сейчас вижу его как наяву в пышной зелени панданов. Мы шли вдоль берега на расстоянии не менее двух миль.

И вдруг меня свалило с ног внезапным толчком. «Наутилус» наскочил на риф и резко остановился, слегка накренившись на левый борт.

Поднявшись, я увидел на палубе капитана Немо и его помощника. Они осматривали корабль, обмениваясь отрывистыми фразами на своем

---

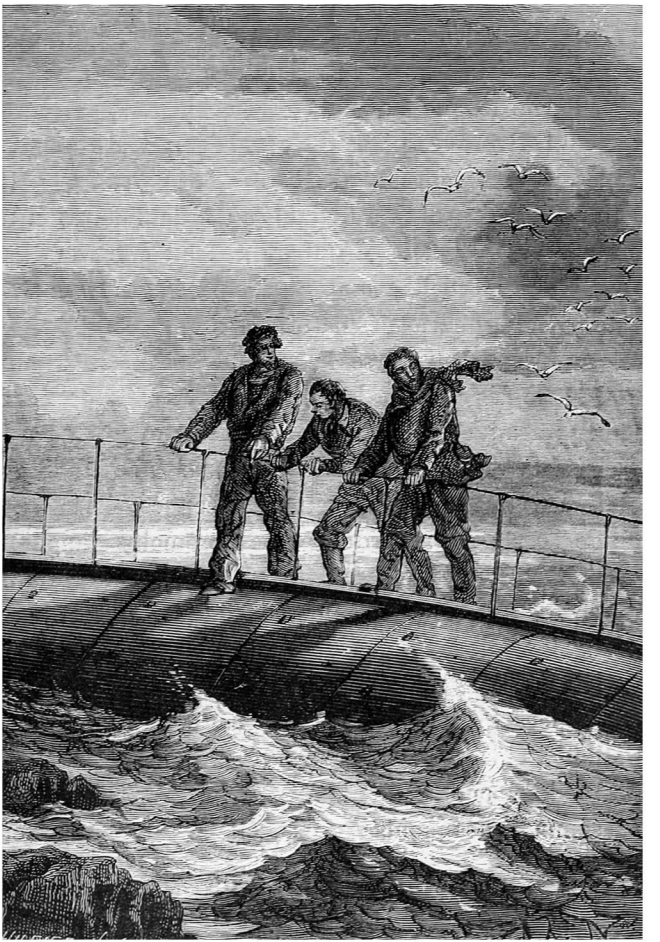
[121] Сноски: 121
Очевидно, вымышленный остров.

непонятном наречии.

Вот, каково было положение. В двух милях по правому борту находился остров Гвебороар, вытянувшийся с севера на запад, словно гигантская рука. На юге и на востоке из воды уже торчали верхушки кораллов, обнажившиеся во время отлива. Мы прочно сели на мель, к тому же в одном из морей со слабо выраженными приливами — весьма неприятное для «Наутилуса» обстоятельство. К счастью, благодаря прочному стальному корпусу судно совершенно не пострадало. Но хотя «Наутилус» не мог затонуть или получить пробоину, ему грозила опасность навечно остаться на этих рифах — и тогда подводному кораблю капитана Немо пришел бы конец!

Подобные мысли вертелись у меня в голове, когда подошел капитан, — как всегда спокойный, хладнокровный и полностью владеющий собой. Казалось, случившееся не вызвало у него ни волнения, ни досады.

— Несчастный случай? — спросил я его.



«Наутилус» наскочил на риф.

— Нет, всего лишь досадная случайность, — ответил он.

— Досадная случайность, из-за которой вам, возможно, опять придется поселиться на ненавистной земле!

Капитан Немо как-то странно посмотрел на меня и покачал головой, ясно давая понять, что никакая сила не заставит его вновь ступить на материк. А затем сказал:

— Господин Аронакс, «Наутилусу» ничего не грозит. Он еще покажет вам самые невероятные чудеса океана. Наше путешествие только началось, и я не желаю так скоро лишиться вашего общества.

— И все же, капитан Немо, — отвечал я, делая вид, что не заметил насмешки в его словах, — «Наутилус» сел на мель во время прилива! И поскольку приливы в Тихом океане выражены слабо, а избавиться от лишнего груза, чтобы облегчить судно, вряд ли возможно, я просто не представляю, каким образом мы снимемся с мели.

— Вы правы, господин профессор, приливы в Тихом океане малозаметны, — ответил капитан. — Но здесь, в проливе Торреса, разница

между высотой приливов и отливов составляет около полутора метров. Сегодня четвертое января. Через пять часов наступит полнолуние. Так что я очень удивлюсь, если верный спутник Земли не поднимет эти водные массы до нужного уровня. Тем самым луна окажет мне услугу, которую я не принял бы ни от кого другого!

С этими словами капитан Немо в сопровождении помощника спустился внутрь корабля. «Наутилус» прирос к месту, словно коралловые полипы уже успели намертво сковать его своим несокрушимым цементом.

— И что теперь? — спросил Нед Ленд, как только капитан удалился.

— Теперь, друг Нед, мы будем спокойно ждать прилива, который начнется в девять часов утра. Любезная луна снимет «Наутилус» с мели!

— Только и всего?

— Только и всего.

— Стало быть, капитан не собирается забрасывать якоря подальше в море, чтобы, ухватившись за цепи, сдвинуть корабль с мертвой точки и отбуксировать его на глубину?

— Прилив сделает за него всю работу! — пояснил Консель.

Канадец глянул на Конселя и пожал плечами.

У старого моряка было на этот счет свое мнение.

— Поверьте, сударь, — заявил он, — этот кусок железа больше не будет плавать ни на воде, ни под водой. Теперь он годится разве что на слом! Думаю, пришла пора избавиться от общества капитана Немо.

— Дружище Нед, — ответил я, — у меня совсем другое мнение насчет судьбы доблестного «Наутилуса». Через четыре дня мы узнаем, на что способны тихоокеанские приливы. В любом случае, идея с побегом была бы уместной вблизи берегов Англии или Прованса, но мы застряли в акватории Новой Гвинеи, а это совсем другое дело. К тому же мы всегда успеем пойти на эту крайнюю меру, если «Наутилус» не снимется с мели. И то я посчитал бы такой поступок крайне рискованным!

— Может, стоит хотя бы прощупать почву? — не унимался Нед Ленд. — Вот остров. На острове есть деревья. Под деревьями — земные животные, источник отбивных и ростбифов. А я был бы не прочь отведать кусочек мяса!

— На этот раз наш дорогой Нед прав, — сказал Консель, — и я с ним всецело согласен. Не мог бы господин попросить своего друга капитана доставить нас на остров? Хотя бы для того, чтобы мы

не разучились ходить по твердой части нашей планеты!

— Я могу его попросить, — ответил я. — Хотя он наверняка откажет.

— И все же господину стоит рискнуть, — предложил Консель. — Заодно проверим, как далеко простирается любезность капитана.

К моему огромному удивлению, капитан Немо согласился выполнить эту просьбу, причем весьма охотно. Он даже не взял с меня обещания вернуться на борт! Впрочем, побег через Новую Гвинею был бы чистым безумием — на месте Неда я не стал бы и пытаться. Уж лучше быть пленником на борту «Наутилуса», чем попасть в руки папуасов.

Шлюпку предоставили в наше полное распоряжение на все завтрашнее утро. Я не спросил капитана, отправится ли он с нами, — у меня вдруг мелькнула мысль, что нам даже не выделят провожатого из членов команды, доверив управление лодкой Неду Ленду. Правда, остров находился всего в паре миль, и канадец играючи провел бы утлое суденышко между вереницами рифов, смертельных для больших кораблей.

На следующий день, 5 января, шлюпку вынули из гнезда и спустили в воду прямо с палубы. Два

матроса легко справились с этой задачей. Весла уже лежали внутри, так что нам оставалось лишь спуститься и занять свои места.

В восемь часов, вооружившись ружьями и топорами, мы покинули «Наутилус». Море было довольно спокойным. С берега дул легкий ветерок. Мы с Конселем налегали на весла, а Нед сидел у руля, направляя наше суденышко в узкие проходы между рифами. Шлюпка послушно скользила вперед.

Нед Ленд не мог скрыть своей радости. Он чувствовал себя пленником, сбежавшим из тюрьмы, и даже не думал, что ему придется туда вернуться.

— Мясо! Наконец-то у нас на обед будет мясо! — мечтательно повторял он. — Да еще какое! Настоящая дичь! Эх, нам бы еще хлеба! Я ничего не имею против рыбы, но нельзя же питаться только ею, — а кусочек свежей дичи, поджаренный на раскаленных углях, внесет приятное разнообразие в наш рацион.

— Каков гурман! — сказал Консель. — У меня аж слюнки потекли!

— Осталось только выяснить, водится ли в местных лесах дичь, и если да, то насколько крупная. Не хотелось бы превратиться из охот-

ника в объект охоты!

— Скоро узнаем, господин Аронакс! — Канадец сверкнул зубами, острыми, как лезвие топора. — Я готов съесть даже тигра, тигровое филе, если на острове не найдется других четвероногих!

— Друг Нед внушает беспокойство, — заметил Консель.

— Первое же встречное животное, — продолжал Нед Ленд, — бесперое четвероногое или двуногое с перьями[122], получит мой приветственный выстрел!

— Ну вот! — воскликнул я. — Мистер Ленд снова готов забыть об осторожности!

— Не бойтесь, господин Аронакс! — ответил канадец. — Просто налегайте на весла! Вот увидите, через двадцать пять минут я угощу вас блюдом собственного приготовления.

В половине девятого шлюпка «Наутилуса» мягко уткнулась носом в песчаный берег, благополучно преодолев кольцо коралловых рифов вокруг острова Гвебороар.

---

[122] Сноски: 122

Отсылка к сделанному Платоном определению человека: «Человек — это двуногое животное без перьев».

Глава двадцать первая
Несколько дней на суше

Не без волнения ступил я на твердую почву. Нед Ленд пробовал землю ногой, словно проверяя ее на прочность. Хотя прошло всего два месяца с тех пор, как мы стали, выражаясь словами капитана Немо, «пассажирами “Наутилуса”», — то есть, фактически, пленниками его командира.

Через несколько минут мы уже были на расстоянии ружейного выстрела от берега. Местная почва состояла преимущественно из мадрепорового известняка; однако, судя по руслам высохших рек, усеянных осколками гранита, формирование острова началось в древнейшие геологические эпохи. Горизонт был полностью скрыт за пологом роскошных лесов. Огромные деревья, достигающие порой двухсот футов[123] в высоту, были сплетены между собой гирляндами лиан, которые покачивались на ветру, как настоящие гамаки. Здесь встречались вперемешку мимозы, фикусы, казуарины, тики, гибискусы, панданы, пальмы, а под их зелеными

---

[123] Сноски: 123
Около 60 м.

сводами, у подножия гигантских стволов буйно разрастались орхидеи, бобовые и папоротники.

Однако канадец рассматривал прекрасные образцы папуасской флоры исключительно с точки зрения их полезности. Заметив кокосовую пальму, он сбил с дерева несколько плодов и расколол их. Мы пили прозрачное молоко и ели сладковатую мякоть с давно забытым наслаждением — привычные яства «Наутилуса» успели набить оскомину.

— Превосходно! — восклицал Нед Ленд.

— Восхитительно! — вторил ему Консель.

— Надеюсь, ваш Немо не запретит нам погрузить на борт кокосы? — спросил канадец.

— Думаю, не запретит, — ответил я, — но сам и пробовать не станет!

— Тем хуже для него! — сказал Консель.

— И тем лучше для нас! — подхватил Нед Ленд. — Нам больше достанется!

Горизонт был скрыт за пологом лесов.

— Постойте, мистер Ленд! — сказал я гарпунщику, который уже подступался ко второму кокосовому дереву. — Кокосы — это хорошо. Но прежде чем наполнять ими шлюпку, не мешало бы выяснить, какие еще продукты есть на острове. Возможно, мы найдем что-то не менее ценное! Свежие овощи были бы весьма кстати в меню «Наутилуса».

— Господин прав, — согласился Консель. — Предлагаю оставить место для трех видов провизии: одно для фруктов, другое для овощей и третье для дичи, которой, кстати пока и следа не видно.

— Никогда не стоит отчаиваться, дружище Консель! — ответил канадец.

— Что ж, тогда идем дальше, — сказал я. — Только смотрите в оба! Хотя этот остров и кажется необитаемым, здесь могут скрываться дикари, которые не столь привередливы в еде!

— Это точно! — усмехнулся канадец, оскалив зубы и выразительно двигая челюстями.

— Бросьте, Нед! — воскликнул Консель.

— Пожалуй, в каннибализме и правда есть некое очарование! — продолжал хохмить гарпунер.

— Нед! Что вы такое говорите? — ужаснулся Консель. — Так вы людоед? Тогда мне опасно жить с вами в одной каюте! Что если однажды я проснусь и обнаружу, что наполовину съеден?

— Друг Консель, я вас, конечно, люблю, но не настолько, чтобы сожрать почем зря.

— Кто вас знает, — недоверчиво буркнул Консель. — Ладно, давайте охотиться! Нужно срочно подстрелить какую-нибудь дичь, чтобы насытить этого каннибала! Иначе в один прекрасный день господин обнаружит вместо своего слуги лишь обглоданные косточки!

Так, обмениваясь шутками, мы вошли под тенистые своды леса и бродили там в течение двух часов.

По счастью, поиски съедобных овощей увенчались успехом, и нам повезло запастись одним из самых полезных продуктов тропической зоны, которого очень не хватало в рационе «Наутилуса».

Речь пойдет о хлебном дереве, широко распространенном на острове Гвебороар, в особенности, о его бессеменной разновидности, которая у малайцев называется «рима».

Это дерево отличалось от других длинным ровным стволом высотой около сорока футов.

По изящной округлой кроне, образованной большими многодольчатыми листьями, наметанный глаз натуралиста безошибочно узнал хлебное дерево, которое отлично прижилось на Маскаренских островах[124]. На фоне пышной зелени выделялись крупные шаровидные плоды диаметром в десять сантиметров, с шероховатой оболочкой, покрытой шестиугольными бугорками. Это полезное растение, которым природа одарила те регионы, где нет зерновых культур, плодоносит восемь месяцев в году и не требует никакого ухода.

Плоды хлебного дерева были прекрасно знакомы Неду Ленду. Он не раз угощался ими во время своих многочисленных плаваний и умел готовить сытное блюдо из их мякоти. При виде плодов у него разгорелись глаза.

— Я умру, если не отведаю хоть кусочек этого хлебушка! — сказал он, сгорая от нетерпения.

— Ну так отведайте, мой дорогой Нед, отведайте на здоровье! Мы здесь для того, чтобы испробовать все на опыте. Можете приступать!

— Я мигом! — ответил канадец.

Вооружившись лупой, он развел костер, и су-

[124] Сноски: 124

Архипелаг в Индийском океане, расположенный в 650 км восточнее Мадагаскара, включает острова Реюньон, Маврикий и Родригес.

хие ветки тут же занялись, весело потрескивая. Тем временем мы с Конселем выбирали лучшие плоды. Некоторые еще не дозрели — покрытая толстой кожурой белая мякоть была недостаточно волокнистой. Множество других, с мякотью желтоватой и студенистой, только и ждали, когда их сорвут.

Консель принес около десятка плодов Неду Ленду, и тот положил их на раскаленные угли, предварительно разрезав на крупные куски.

— Вот увидите, сударь, какая получится вкуснятина! — приговаривал он за работой.

— Еще бы! Учитывая, как давно мы не ели хлеба, — сказал Консель.

— Это даже не хлеб, — добавил канадец, — а нежнейшее пирожное! Вы никогда его прежде не пробовали, господин Аронакс?

— Пока не доводилось.

— Тогда приготовьтесь отведать нечто восхитительное! Вам обязательно понравится — или я больше не король гарпунеров!

Несколько минут спустя фрукты полностью обуглились. Внутри образовалась белая масса вроде пышного хлебного мякиша, по вкусу напоминающая артишок.

Должен признать, хлеб получился превосход-

ный, и я ел его с огромным удовольствием.

— Жаль, что это тесто невозможно долго сохранять свежим. Поэтому делать его запасы на борту не имеет смысла, — сказал я.

— Позвольте! — воскликнул Нед Ленд. — Вы это говорите как натуралист, а я предпочитаю действовать, как пекарь. Консель, соберите-ка еще этих фруктов — мы захватим их с собой на обратном пути.

— Но как вы будете их готовить? — спросил я канадца.

— Я приготовлю из их мякоти кислое тесто, которое сможет храниться сколь угодно долго, не портясь. А когда мне захочется, я испеку его на камбузе. Несмотря на чуть кисловатой привкус, хлеб покажется вам превосходным!

— Мистер Нед, этот хлеб выше всяких похвал! Больше нечего и желать…

— Нет, господин профессор, не хватает еще свежих фруктов или хотя бы овощей!

— Так давайте их поищем!

Собрав урожай, мы снова отправились в путь, чтобы завершить свой «земной» обед.

Наши поиски увенчались успехом: к полудню нам удалось сделать приличный запас бананов. Эти вкуснейшие тропические фрукты зреют круг-

лый год; по-малайски они называются «пизанг». Едят их сырыми. Помимо бананов мы собрали несколько огромных, довольно приторных на вкус джекфрутов, множество ароматных плодов манго и невероятной величины ананасов. И хотя сбор урожая отнял уйму времени, мы об этом ничуть не жалели.

Консель внимательно наблюдал за Недом. Гарпунер уверенно шагал впереди, мимоходом собирая в лесу превосходные фрукты, которые должны были пополнить наши запасы.

— Ну теперь-то вы довольны, друг Нед? — спросил Консель.

— Хм… — пробурчал канадец.

— Как? Вам опять чего-то не хватает?

— Да разве можно наесться травой? Фрукты — это лишь завершение трапезы, десерт. А как же суп? А жаркое?

— В самом деле, Нед обещал угостить нас отбивными, — сказал я. — Но, видимо, о них придется позабыть.

— Терпение, господин профессор! — возразил канадец. — Охота еще даже не начиналась! Рано или поздно мы выйдем на какую-нибудь зверушку с перьями или мехом, будьте покойны. Не здесь, так в другом месте…

— Не сегодня, так завтра, — продолжил идею Консель. — Только лучше не уходить далеко от берега. Давайте вернемся в шлюпку.

— Как? Уже? — воскликнул Нед.

— Мы должны вернуться до наступления ночи, — напомнил я.

— Кстати, а который теперь час? — спохватился канадец.

— Не меньше двух, — ответил Консель.

— Как быстро летит время на твердой земле! — печально вздохнул Нед Ленд.

— Пора в дорогу! — сказал Консель.

И мы снова зашагали по лесу, попутно совершая набеги на съедобные растения. Наш урожай пополнился плодами капустной пальмы, за которыми пришлось лезть на самую макушку деревьев, мелкими бобами (малайцы называют этот сорт «абру»), а также превосходного качества ямсом.

Сгибаясь под тяжестью ноши, мы добрели до шлюпки. Однако Неду по-прежнему казалось, что сделанных запасов маловато. И удача ему улыбнулась. Мы уже садились в лодку, когда он заметил целую рощу похожих на пальмы деревьев высотой двадцать пять — тридцать футов — не менее ценных, чем хлебное дерево, и по

праву считавшихся одними из самых полезных представителей флоры Малайи.

Это были саговые пальмы — неприхотливые растения, которые размножаются, подобно тутовым деревьям, с помощью побегов и семян.

Нед Ленд знал, что делать. Взяв топор, он с жаром принялся за работу и вскоре повалил на землю две или три саговые пальмы, определив их спелость по белой пыльце на листьях.

Я наблюдал за ним, скорее, глазами натуралиста, а не оголодавшего человека. Сначала он снял с каждого ствола дюймовый слой коры, под которой скрывалась запутанная сеть длинных волокон, скрепленных клейким мучнистым веществом. Это и было саго — продукт питания, широко распространенный у меланезийских народов.

Пока Нед Ленд ограничился тем, что рубил стволы на куски, словно заготавливая дрова для растопки. Оставшуюся часть работы он решил отложить на потом: предстояло еще извлечь мучнистую сердцевину, завернуть ее в ткань, чтобы отделить муку от растительных волокон, затем просушить на солнце, разложить по формам и дать затвердеть.

Наконец в пять часов вечера, нагруженные

съестными трофеями, мы покинули остров и спустя полчаса пришвартовались к «Наутилусу». Никто не вышел нам навстречу. Гигантский стальной цилиндр казался безлюдным. Загрузив на борт припасы, я спустился в каюту. Там меня уже ждал ужин. Я поел и лег спать.

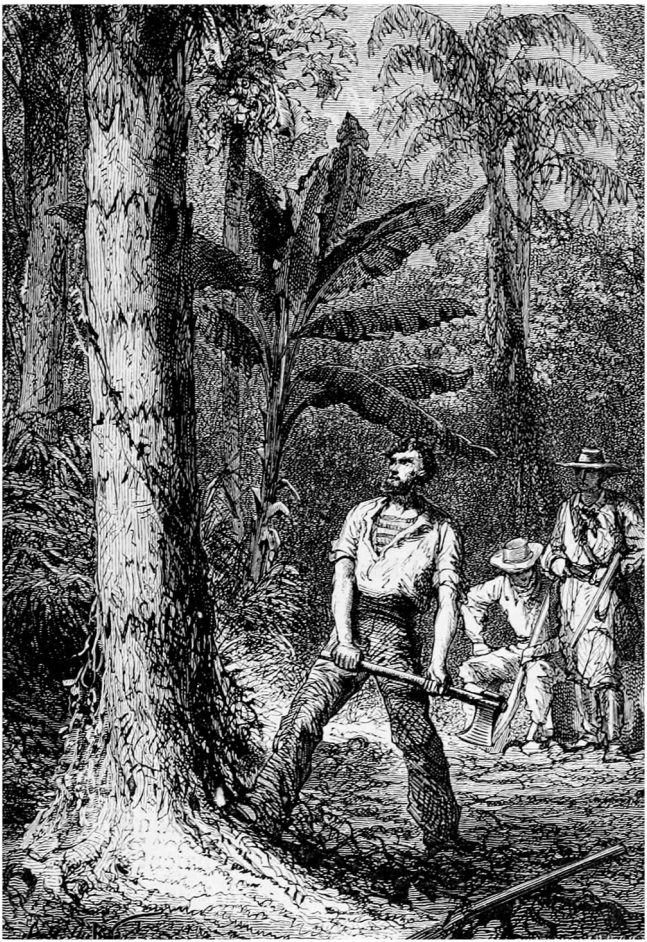
Но и утром, 6 января, на «Наутилусе» ничего не изменилось. Ни единого звука, ни малейшего признака жизни. Шлюпка по-прежнему болталась у борта — там же, где мы ее оставили накануне. Мы решили вернуться на остров Гвебороар. Нед Ленд надеялся, что эта вылазка окажется более удачной с точки зрения охотника, и горел желанием исследовать другую часть леса.

С восходом солнца мы отправились в путь. Шлюпка, подгоняемая волнами, в два счета достигла острова.

Мы высадились на берег и, доверившись охотничьему инстинкту Неда, последовали за ним, едва поспевая за длинноногим канадцем.

Нед Ленд повел нас в сторону западной части острова. Перейдя вброд несколько ручьев, мы поднялись на равнину, окруженную великолепным лесом. Вдоль ручейков бродили зимородки, но, стоило нам приблизиться, тут же улетали. Их

осторожность неопровержимо доказывала: эти пернатые знают, чего ожидать от двуногих вроде нас. Поэтому я заключил, что даже если остров необитаем, люди сюда все же наведываются.



Нед Ленд взял свой топор.

Мы пересекли луг, поросший густой травой, и очутились на опушке небольшого лесочка, откуда доносился щебет и хлопанье крыльев множества птиц.

— И тут всего лишь птицы, — разочарованно заметил Консель.

— Среди них есть и съедобные! — ответил гарпунер.

— Сомневаюсь, друг Нед, — возразил Консель. — Явижу одних только попугаев.

— Дружище Консель, на безрыбье, как говорится, и попугай сойдет за фазана! — ответил Нед.

— К тому же, — добавил я, — эта птица вполне съедобна, если приготовить ее должным образом.

И действительно: в лесу, среди пышной зелени, порхали с ветки на ветку бесчисленные стаи попугаев. Казалось, смышленые птицы только и ждут, чтобы их обучили человеческому языку. Ну а пока в большой компании себе подобных весело щебетали волнистые попугайчики всевозможных цветов, на ветках сидели с философским видом степенные какаду, мимо носились ярко-красные лори, словно принесенные ветром лоскутки кумача, шумно хлопали крыльями

калао, рядом мельтешили среди листвы папуанские венценосные голуби нежнейших оттенков лазури, — словом, огромное разнообразие пернатых, в основном малопригодных для еды.

В этой пестрой коллекции не хватало только одной редкой птицы, которую не встретишь за пределами островов Ару и Папуа. Однако вскоре мне представился случай ею полюбоваться.

Пройдя через мелколесье, мы вышли на поросшую кустарником равнину. И тут я увидел великолепных птиц, поднявшихся в небо при нашем появлении. Из-за особого расположения длинных перьев им приходилось лететь против ветра. Волнообразная траектория полета, изящество воздушных пируэтов, переливы оперения притягивали и очаровывали взор. Узнать их было нетрудно.

— Райские птицы! — воскликнул я.

— Отряд воробьиных, семейство… — начал перечислять Консель.

— …куропатковых? — подхватил Нед Ленд.

— Не совсем, мистер Ленд. Однако я полагаюсь на вашу ловкость в поимке хоть одного представителя этих пленительных созданий тропической природы!

— Попробую, господин профессор! Правда, с гар-

пуном я управляюсь куда ловчее, чем с ружьем.

Малайцы, ведущие успешную торговлю райскими птицами с Китаем, ловят их различными способами, воспользоваться которыми мы не могли. Местные охотники либо ставят силки на верхушках высоких деревьев, где предпочитают гнездиться райские птицы, либо обездвиживают их с помощью вязкой смолы. Порой они даже отравляют водоемы, где птицы утоляют жажду. Ну а нам ничего не оставалось, кроме как попробовать сразить их выстрелом, хотя подобный способ давал мало шансов на успех. И действительно: мы лишь впустую израсходовали большую часть зарядов.

К одиннадцати часам утра мы достигли предгорий в центральной части острова, так и не подстрелив ни единого зверя. Голод все сильнее давал о себе знать. Охотники самонадеянно рассчитывали на богатую добычу, но были посрамлены. К счастью, Консель, неожиданно для себя самого, подстрелил одним выстрелом белого голубя и вяхиря, обеспечив нам завтрак. Мы ловко ощипали их, нанизали на ветку и подвесили над ярко пылающим костром из сухих поленьев. Пока эти занятные птицы жарились, Нед приготовил плоды хлебного дерева. Затем

мы в мгновение ока проглотили голубя с вяхирем, обглодав до косточек, и посчитали кушанье отменным. Мускатный орех, которым обычно питаются эти птицы, придает их мясу тонкий аромат и превосходный вкус.

— Точно пулярки, которых откармливали трюфелями, — сказал Консель.

— Ну а теперь, Нед, чего вам еще недостает? — спросил я канадца.

— Четвероногой дичи, господин Аронакс, — ответил он. — Этих голубей — на один зуб. Для аппетиту, так сказать. И не будет мне покоя, пока не подстрелю живность, годную для отбивных!

— Мне тоже, Нед. Пока не поймаю райскую птицу!

— Ну так давайте уже охотиться! — призвал Консель. — Только теперь пойдем в обратном направлении, в сторону моря. Дальше начинаются горы, и нам лучше вернуться в лесистую часть острова.

Мы последовали этому мудрому совету. Прошагав около часа, мы попали в настоящий лес из саговых пальм. Какие-то безобидные с виду змеи скользили у нас под ногами, спасаясь бегством. Великолепные райские птицы тут же прятались при нашем приближении, и я уже бы-

ло отчаялся их изловить, когда идущий впереди Консель вдруг резко наклонился и с торжествующим криком повернул ко мне, держа в руках одну из них.

— Браво, Консель! — воскликнул я.

— Теперь господин может быть доволен, — ответил верный слуга.

— Ну нет! Ты только что превзошел своего хозяина. Поймал одну из этих птиц живьем, да еще и голыми руками!

— Если господин взглянет на нее поближе, то увидит, что гордиться мне особо нечем.

— Это еще почему?

— Да потому что эта птица пьяна, как говорится, в стельку.

— Пьяна?

— Да, господин. Захмелела, наевшись до отвала мускатных орехов вон с того мускатника, под которым я ее нашел. Вот, друг Нед, полюбуйтесь на ужасные последствия чрезмерных возлияний!

— Тысяча чертей! — взвился канадец. — Да много ли я выпил джина за последние два месяца? Меня и корить-то не за что!

Я внимательно осмотрел пленницу. Консель был прав. Райская птица, одурманенная хмель-

ным соком муската, находилась в беспомощном состоянии. Она не могла летать и едва передвигала ноги. Но меня это не волновало, и я позволил ей спокойно переваривать остатки орехового пиршества.

Пойманная нами особь принадлежала к самому красивому из восьми видов райских птиц, обитающих в Новой Гвинее и на соседних островах. Это была райская птица «большой изумруд»[125], одна из самых редких представительниц семейства. Она имела длину около тридцати сантиметров. У птицы была относительно небольшая голова и маленькие глазки, расположенные у основания клюва. Однако ее окраска поражала восхитительным сочетанием оттенков: желтый клюв, темно-коричневые лапки и когти, ореховые крылья с багряными кончиками, бледно-желтая голова и задняя поверхность шеи, изумрудное горло, бурый живот и грудь. Среди длинных, нежных, восхитительно тонких перьев хвоста выделялись два покрытых пушком и слегка изогнутых книзу нитевидных перышка, добавляя последний штрих к облику удивительной птицы, которую туземцы поэтично называют

[125] Сноски: 125
Современное научное название — «большая райская птица».

«солнечной».

Мне страстно захотелось привезти этот великолепный экземпляр в Париж и подарить Ботаническому саду, где нет ни единой живой райской птицы.

— Так значит, это редкая птица? — спросил канадец тоном охотника, которого мало интересует художественная ценность добычи.

— Очень редкая, мой друг, к тому же ее почти невозможно поймать живьем. Впрочем, и после смерти эти птицы остаются ценным товаром. Туземцы даже наловчились подделывать их чучела, как подделывают жемчуг или алмазы.

— Что? — удивился Консель. — Фальшивые чучела райских птиц?

— Да, Консель.

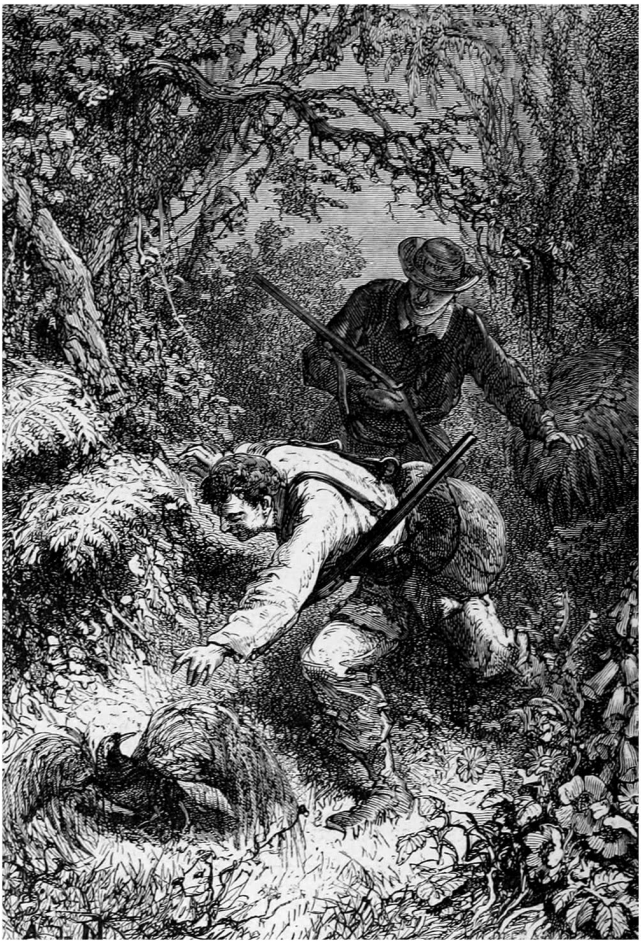
— И господин профессор знает, как это делается?

— Разумеется. Во время восточного муссона райские птицы теряют свои роскошные хвостовые перья — натуралисты называют их «субаларными». Именно эти перья и подбирают птичьи «фальшивомонетчики», чтобы потом приладить к какому-нибудь несчастному попугаю, предварительно его изувечив. Затем они закрашивают шов, покрывают птицу лаком и продают эти чу-

довищные изделия в музеи и частные коллекции Европы.

— Понятно, — сказал Нед Ленд. — Выходит, перья все же настоящие, даже если птица поддельная. Но раз ее покупают не для того, чтобы сожрать, не вижу в этом большой беды!

Итак, мои желания исполнились: я заполучил райскую птицу. Зато все еще не были удовлетворены желания канадского охотника! К счастью, около двух часов дня Нед Ленд подстрелил в лесу дикого кабана — туземцы называют их «баби-утан». Добыча пришлась как нельзя кстати: теперь мы получили настоящее «мясо четвероногого». Нед Ленд был очень горд метким выстрелом. Кабан, сраженный электрической пулей, упал замертво.



Это была райская птица «большой изумруд».

Канадец освежевал его, выпотрошил и нарезал мяса для полдюжины отбивных, которые мы собирались поджарить к ужину на гриле. Затем охота продолжилась, и вскоре ознаменовалась новыми подвигами Неда и Конселя. Обшаривая кусты, друзья спугнули стадо кенгуру, которые тут же пустились наутек, подрыгивая на гибких лапах. Но электрические пули оказалась быстрее, прервав их стремительный бег.

— Глядите, профессор! — ликовал Нед Ленд, распаленный охотничьей лихорадкой. — Какая превосходная дичь, особенно в тушеном виде! Сколько отличных припасов для «Наутилуса»! Два! Три!.. Пять штук убито! Подумать только, мы одни будем есть мясо, а эти болваны на борту не получат ни кусочка!

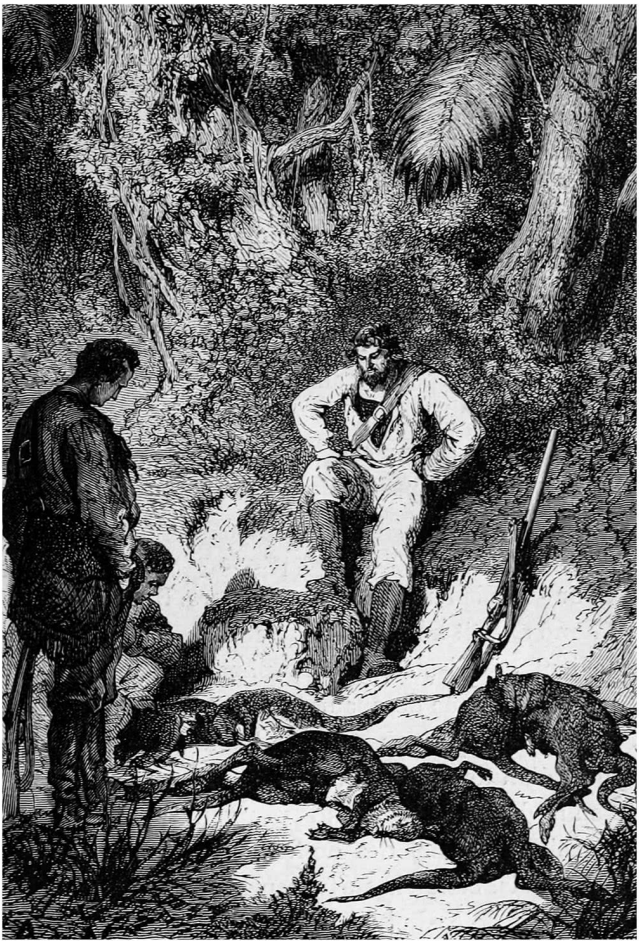
В порыве безудержной радости канадец, наверное, уложил бы все стадо, если бы не отвлекался на разговоры! По счастью, он довольствовался дюжиной этих необычных сумчатых, которые, по словам Конселя, образуют первый отряд аплацентарных млекопитающих.

Это были так называемые заячьи кенгуру, совсем небольшие животные, которые обычно устраивают норы в дуплах деревьев и способ-

ны развивать невероятную скорость; несмотря на скромные размеры, они ценятся как источник вкуснейшего мяса.

Мы остались довольны результатами охоты. Сияющий Нед предложил на следующий же день вернуться и перебить всех съедобных четвероногих. Однако непредвиденные обстоятельства помешали его планам.

К шести часам вечера мы вернулись на берег. Шлюпка стояла там же, где мы ее оставили. В двух милях от берега выступал из воды корпус «Наутилуса», похожий на длинный риф.



Нед Ленд удовольствовался дюжиной кенгуру.

Не теряя времени даром, Нед Ленд занялся приготовлением ужина. Он знал толк в кулинарном искусстве! Вскоре воздух наполнился восхитительным ароматом поджаренных на углях отбивных из «баби-утана»…

Неужели же я пошел по стопам канадца?! Вот он я — в полном восторге от какого-то куска жареной свинины! Да простят мне читатели, как и я прощаю мистеру Ленду, эту маленькую слабость — и по той же причине!

Обед получился отменным. Два диких голубя дополнили роскошное меню. Саговое тесто, плоды хлебного дерева, несколько манго, полдюжины ананасов и слегка забродивший сок кокосовых орехов привели нас в прекрасное расположение духа. Подозреваю, что из-за сытной еды разум моих верных товарищей несколько затуманился.

— А что если мы не вернемся на борт «Наутилуса» сегодня вечером? — сказал Консель.

— А что если мы никогда туда не вернемся? — подхватил Нед Ленд.

Едва он закончил, у наших ног упал камень, прервав полет фантазии гарпунщика.

Глава двадцать вторая
Молния капитана Немо

Не вставая с места, мы посмотрели в сторону леса; в отличие от Неда я даже не успел донести до рта очередной кусок.

— Камни не падают с неба, — резонно заметил Консель. — Разве только аэролиты[126].

Второй камень, гладко обтесанный, выбил из руки у Конселя сочное бедрышко вяхиря, прибавив веса его словам.

Мы разом поднялись и вскинули ружья, готовые отразить нападение.

— Неужели обезьяны? — предположил Нед Ленд.

— Почти, — ответил Консель. — Дикари!

— Скорее в шлюпку! — крикнул я.

И мы бросились к морю.

Бегство оказалось своевременным: справа, в ста шагах от нас, на опушке небольшого лесочка, заслонявшего горизонт, появились туземцы, вооруженные луками и пращами. Их было около двух десятков.

---

[126] Сноски: 126
Каменный метеорит.

Берег находился примерно в десяти туазах[127] от нас.

Дикари приближались не спеша, хотя настроены были явно враждебно. Камни и стрелы сыпались на нас дождем.

Невзирая на грозившую опасность, Нед Ленд не захотел бросать свои охотничьи трофеи: он бежал к шлюпке, подхватив одной рукой тушу кабана, а другой — кенгуру.

Через пару минут мы были на берегу. Погрузить в шлюпку оружие и провизию, столкнуть ее в море и взяться за весла было делом одной секунды. Не успели мы отойти и на два кабельтовых, как целая сотня дикарей, улюлюкая и размахивая руками, оказалась по пояс в воде. Я глянул на палубу «Наутилуса» в надежде, что появление туземцев привлекло кого-нибудь из команды. Увы! Стоявшее на якоре огромное судно выглядело безлюдным.

Двадцать минут спустя мы уже поднимались на борт. Люки были открыты. Пришвартовав шлюпку, мы прошли внутрь «Наутилуса».

Я спустился в салон, откуда доносились звуки органа. Капитан Немо склонился над клавиша-

---

[127] Сноски: 127
Около 20 м.

ми, погрузившись в музыкальный экстаз.

— Капитан! — окликнул я.

Он не услышал.

— Капитан! — повторил я, коснувшись его плеча.

Он вздрогнул и обернулся.

— А, это вы, господин профессор! Ну, как поохотились? Удалось вам найти ценные образцы для гербария?

— Охота была удачной, капитан, — сказал я. — К несчастью, за нами увязалось целое стадо двуногих, чье соседство вызывает у меня беспокойство.

— Каких двуногих?

— Дикарей.

— Дикарей? — насмешливо повторил капитан Немо. — Неужто, господин профессор, вас удивляет, что, едва ступив на сушу в любом уголке земного шара, вы встречаете дикарей? А где их нет? И чем эти дикари хуже других?

— Но капитан…

— Что до меня, сударь, то я встречал их повсюду.

— Допустим, — ответил я. — Но если вы не хотите, чтобы они пожаловали на борт «Наутилуса», вам не мешало бы принять некоторые меры

предосторожности.

— Успокойтесь, господин профессор, здесь не о чем волноваться.

— Их там целая толпа!

— Сколько вы насчитали?

— Не меньше сотни.

— Господин Аронакс, — заявил капитан Немо, возвращая пальцы на клавиши органа. — Даже если все папуасы Новой Гвинеи соберутся на берегу, «Наутилусу» нечего опасаться их нападения!

Пальцы капитана забегали по клавишам; я заметил, что он ударяет только по черным, из-за чего исполняемые им мелодии приобретали шотландский колорит. Вскоре он забыл о моем присутствии, погрузившись в мечтательную задумчивость, которую мне не хотелось нарушать.

Я поднялся на палубу. Уже стемнело; в этих широтах солнце садится очень быстро, и поэтому здесь совсем не бывает сумерек. Очертания острова Гвебороар были теперь почти неразличимы. Однако пылающие на берегу костры давали понять, что дикари и не думают расходиться.

Долгие часы провел я на палубе в полном одиночестве, то вспоминая о туземцах — уже без страха, поскольку непоколебимая уверенность капитана передалась и мне, — то забывая

о них, чтобы полюбоваться красотой тропической ночи. Глядя на небо, я мысленно переносился во Францию вслед за звездами зодиака, которые через несколько часов засверкают над моей родиной. Среди созвездий зенита сияла луна. Мне подумалось, что послезавтра этот верный и услужливый спутник нашей планеты вернется на то же место, чтобы поднять океанские волны и освободить «Наутилус» из кораллового плена. Около полуночи, убедившись, что вокруг все спокойно — и на темных водах, и на берегу под деревьями, — я вернулся к себе в каюту и заснул сном младенца.

Ночь прошла без происшествий. Несомненно, папуасы трепетали от одного только вида чудовища, лежавшего на рифовой отмели, иначе они без труда проникли бы внутрь «Наутилуса» через открытые люки.

В шесть часов утра 8 января я вновь поднялся на палубу. Начинало светать. Утренний туман постепенно рассеивался, открывая взору остров: сперва побережья, потом вершины гор.

Туземцы никуда не ушли; теперь их стало еще больше — сотен пять или шесть. Некоторые воспользовались отливом и, пройдя по обнажившимся макушкам кораллов, оказались менее

чем в двух кабельтовых от «Наутилуса». Я видел их довольно отчетливо. Это были настоящие папуасы: рослые, крепкие, атлетического сложения люди с широким и высоким лбом, большим, но не приплюснутым носом и белыми зубами. Их курчавые волосы, выкрашенные в красный цвет, резко контрастировали с цветом кожи, черной и лоснящейся, как у нубийцев. В разрезанных и оттянутых книзу мочках ушей болтались костяные серьги. В основном, дикари были нагими. Я заметил среди них несколько женщин в настоящих кринолинах из трав длиной до колена, державшихся на поясе, сплетенном из каких-то растений. Некоторые мужчины — вероятно, вожди — носили на шее украшения в виде полумесяца и ожерелья из красных и белых стекляшек. Почти все дикари были вооружены луками, стрелами и щитами; у каждого на плече висело что-то вроде сети с гладко обтесанными камнями, которые они ловко метали из пращи.

Один из вождей, приблизившись к «Наутилусу» на достаточное расстояние, внимательно разглядывал судно. Облачение в виде сплетенной из разноцветных банановых листьев накидки с зазубренными краями выдавало в нем «ма-

до»[128] высокого ранга.

Туземец подошел так близко, что я мог бы легко его подстрелить, но сначала решил дождаться явных проявлений враждебности. Существует негласное правило: при встрече с дикарями европейцы отражают удар, но никогда не нападают первыми.

Пока продолжался отлив, туземцы бродили вокруг «Наутилуса», частенько выкрикивая слово «асаи». По жестам я догадался, что они приглашают меня сойти на берег, однако счел разумным отказаться.

[128] Сноски: 128

Вероятно, речь идет о племени «моту», проживающем на южном побережье Папуа — Новой Гвинеи.

Туземцы бродили вокруг «Наутилуса».

Таким образом, в тот день шлюпка оставалась на борту, к великому разочарованию мистера Ленда, который теперь лишился увлекательного занятия — пополнять съестные запасы. Чтобы не терять времени, находчивый канадец занялся приготовлением блюд из мяса и муки, добытых на острове Гвебороар. Что до дикарей, то около одиннадцати часов утра они вернулись на берег — как только начался прилив и верхушки коралловых рифов стали исчезать под водой. Толпа папуасов продолжала увеличиваться. Наверное, они прибывали с соседних островков или с самой Новой Гвинеи. Хотя я не заметил ни одной пироги.

Чтобы как-то скоротать время, я решил пополнить свою коллекцию моллюсками, зоофитами и пелагическими растениями, которыми изобиловали прозрачные воды бухты. В конце концов, это был наш последний день в здешних краях: если расчеты капитана Немо верны, уже завтра «Наутилус» выйдет в открытое море.

Я попросил Конселя принести мне небольшую легкую драгу вроде тех, что используются для ловли устриц.

— А как там дикари? — спросил Консель. — Возможно, господин со мной не согласится, но мне

они кажутся довольно безобидными!

— Однако, мой друг, они каннибалы.

— Можно быть каннибалом и при этом честным человеком, — философски заметил Консель. — Разве, к примеру, обжоры не могут быть порядочными людьми? Одно другому не мешает.

— Хорошо, Консель! Допустим, это честные каннибалы, которые весьма учтиво пожирают своих пленников. Но я не желаю оказаться съеденным, пускай и со всем почтением, поэтому буду смотреть в оба. Похоже командир «Наутилуса» не намерен принимать какие-либо меры предосторожности… А теперь — за работу!

За два часа рыбалки нам так и не удалось выловить ничего примечательного. Драга собирала множество ракушек, среди которых были «уши Мидаса», арфы, мелании, а также самые прекрасные морские молотки, какие мне доводилось видеть. Кроме того мы выловили парочку голотурий, несколько жемчужных устриц и дюжину мелких черепах, пополнивших продовольственные кладовые «Наутилуса».

Когда я меньше всего этого ожидал, мне в руки попалось настоящее чудо природы, хотя вернее было бы сказать уродство, которое встречается крайне редко. Закинув драгу, Консель выта-

щил уйму ничем не примечательных ракушек. Я осмотрел улов, проворно сунул руку в сеть и с воплем конхиолога, то есть с самым пронзительным криком, какой когда-либо вырывался из человеческой глотки, вынул оттуда раковину.

— Что это с господином? — удивился Консель. — Господина кто-то укусил?

— Нет, мой друг, хотя я с радостью отдал бы палец за подобную находку!

— Находку?

— Вот за эту раковину! — И я показал ему причину своего восторга.

— Это всего лишь олива порфирная — семейство оливовых, отряд переднежаберных, класс брюхоногих, род моллюсков…

— Верно, Консель! Только завиток у этой раковины идет не справа налево, как обычно, а слева направо!

— Не может быть! — воскликнул Консель.

— Да, мой друг! Это левозакрученная раковина! Словом, раковина-левша!

— Раковина-левша! — взволнованно повторил Консель.

— Взгляни на ее завиток!

Консель взял драгоценную ракушку трясущейся рукой.

— Ох! Если господину профессору угодно мне поверить, я никогда еще так не волновался!

И было от чего разволноваться! Ученые-натуралисты давно заметили, что природе свойственна правосторонность. Даже звезды и их спутники, вращаясь по своим орбитам и вокруг своей оси, двигаются справа налево. Большинство людей чаще пользуются правой, а не левой рукой — соответственно, все инструменты, механизмы, лестницы, задвижки, часовые пружины приспособлены, чтобы действовать справа налево. Этому же правилу природа следовала, создавая раковины моллюсков. Почти все они, за редким исключением, правозакрученные, и поэтому экземпляры с закрученными влево завитками ценятся у коллекционеров на вес золота.

Мы с Конселем были поглощены созерцанием нашего сокровища, и я уже представлял ракушку на почетном месте в экспозиции музея, как вдруг она разбилась прямо в руках у Конселя от удара камня, так некстати брошенного одним из туземцев.

Крик отчаяния вырвался у меня из груди! Мой верный слуга схватил ружье и прицелился в дикаря, который размахивал пращой в десятке метров от нас. Не успел я остановить Конселя,

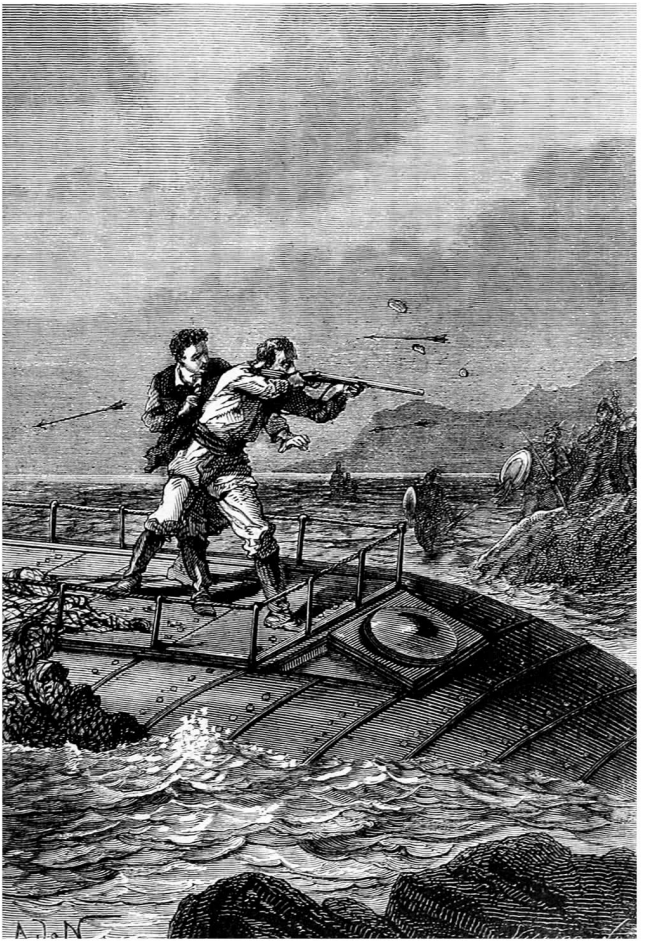
как тот выстрелил, сорвав с руки туземца браслет из амулетов.

— Консель! — в ужасе воскликнул я. — Что ты наделал!

— Поделом ему! Разве господин не считает, что этот людоед первым на нас напал?

— Ни одна ракушка не стоит человеческой жизни! — сказал я.

— Вот негодяй! — возмущался Консель. — Лучше бы он размозжил мне плечо!



Консель схватил ружье.

Я понимал Конселя, но был совершенно с ним не согласен. Тем временем, пока мы занимались ракушками, положение изменилось. Около двух десятков пирог окружили «Наутилус». Выдолбленные из ствола дерева пироги туземцев — длинные, узкие, быстроходные — были удивительно устойчивыми благодаря двойному балансиру из бамбука, который держался на поверхности воды. Управляли ими ловкие полуобнаженные гребцы, и я не без тревоги наблюдал за приближением вражеской флотилии.

Было очевидно, что папуасы уже встречались с европейцами и их судами. Но что они могли подумать, увидев в своей бухте длинный железный цилиндр без мачт и без труб? Явно ничего хорошего, поскольку сначала держались на почтительном удалении. Однако убедившись, что странный предмет не двигается, они постепенно осмелели и решили познакомиться с ним поближе. Такая фамильярность нас абсолютно не устраивала. К сожалению, наши почти бесшумные ружья не могли произвести особого впечатления на туземцев, которые уважают только грохочущие орудия. Мало кого испугает молния без громовых раскатов, даже если опас-

ность кроется именно во вспышке, а не в рокоте.

Между тем пироги подошли совсем близко, и на корпус «Наутилуса» обрушился водопад стрел.

— Черт возьми! Настоящий град! — крикнул Консель. — Возможно, даже отравленный!

— Нужно предупредить капитана Немо, — сказал я, ныряя в люк.

Я спустился в салон. Там никого не было. Я отважился постучать в дверь, ведущую в каюту капитана.

В ответ послышалось «войдите». Я вошел и застал капитана Немо за решением какого-то сложного уравнения, пестрящего иксами и другими алгебраическими знаками.

— Я вам помешал? — спросил я из вежливости.

— Совершенно верно, господин Аронакс, — ответил капитан. — Полагаю, у вас были на то серьезные причины.

— Очень серьезные! «Наутилус» окружен пирогами туземцев, и через несколько минут нас атакуют сотни дикарей.

— Вот как? — невозмутимо бросил капитан Немо. — Они прибыли на пирогах?

— Да, сударь.

— В таком случае достаточно задраить люки.

— Именно! Поэтому я пришел, чтобы сооб-

щить вам…

— Нет ничего проще, — сказал капитан.

И, нажав электрическую кнопку, отдал приказ своим матросам.

— Вот и все, господин профессор, — сказал он пару мгновений спустя. — Шлюпка на месте, а люки задраены. Уже не думаете ли вы, что эти господа сумеют пробить стены, которые устояли против орудий вашего фрегата?

— Не думаю, капитан. Но есть и другая опасность.

— Какая же, сударь?

— Насколько я понимаю, завтра, примерно в это же время, придется открыть люки, чтобы пополнить запасы воздуха…

— Безусловно, профессор, ведь наше судно дышит, подобно китам.

— Но как вы помешаете папуасам проникнуть внутрь «Наутилуса», если в тот самый момент они окажутся на палубе?

— Вы полагаете, они поднимутся на борт?

— Вне всякого сомнения.

— Что ж, пускай поднимаются. Я не собираюсь мешать им. В конце концов, эти папуасы всего лишь бедные дикари, и я не хочу, чтобы мой визит на остров Гвебороар стоил жизни хоть

одному из этих несчастных!

После этих слов капитана я хотел было вернулся к себе, но он удержал меня и пригласил сесть рядом. Затем начал с интересом расспрашивать о нашей вылазке на землю и об охоте, причем явно не мог понять одержимости канадца мясом. Потом разговор перешел на другие темы, и капитан Немо показал себя более любезным, хотя и не стал откровеннее.

Помимо прочего мы обсудили положение «Наутилуса», севшего на мель в том же проливе, где едва не погибли корветы Дюмон-Дюрвиля. Вот что сказал на сей счет капитан:

— Ваш Дюрвиль был одним из величайших мореплавателей! Французским Джеймсом Куком! Судьба жестоко подшутила над талантливым исследователем. Одолеть льды Южного полюса, коралловые рифы Океании, каннибалов Тихого океана, и так бесславно погибнуть при крушении поезда! Только представьте, каковы были последние мысли этого энергичного человека, если, конечно, он до конца оставался в сознании!

В словах капитана Немо слышалось искреннее сочувствие, которое делало ему честь.

Затем, склонившись над картой, мы говорили обо всех экспедициях отважного мореплавателя,

о его кругосветных путешествиях, о двух попытках покорить Южный полюс, которые привели к открытию земель Адели и Луи-Филиппа, и наконец, о произведенной им гидрографической съемке главных островов Океании.

— То, что сделал ваш Дюрвиль на поверхности морей, я повторил в океанских глубинах, — сказал капитан Немо. — Причем гораздо тщательнее и затратив куда меньше усилий, чем он. «Астролябия» и «Зеле», беспрестанно терзаемые штормами, не могли тягаться с «Наутилусом», настоящим подводным домом с тихим кабинетом!

— И все же, капитан, между «Наутилусом» и корветами Дюмон-Дюрвиля есть одно сходство.

— Какое именно?

— «Наутилус», как и корветы, сел на мель!

— «Наутилус» не сел на мель, сударь, — холодно возразил капитан Немо. — «Наутилус» сконструирован таким образом, чтобы иметь возможность сколько угодно отдыхать на дне морей. В отличие от Дюрвиля мне не нужно прибегать к титаническим усилиям, чтобы вывести корабль на глубину. «Астролябия» и «Зеле» едва не погибли, но моему «Наутилусу» ничто не грозит. Завтра, в назначенный день и час, море само его поднимет, и он спокойно продолжит свое

плавание.

— Не то чтобы я сомневался, капитан…

— Завтра! — сухо бросил капитан Немо, вставая. — Завтра, в два часа сорок минут пополудни «Наутилус» выйдет в море и благополучно покинет Торресов пролив.

С этими словами капитан слегка поклонился, давая понять, что аудиенция окончена. И я вернулся к себе в каюту.

Там меня уже ждал Консель, которому не терпелось узнать, чем закончилась моя встреча с капитаном.

— Мой мальчик, — ответил я, — капитан Немо лишь посмеялся надо мной, когда услышал, что «Наутилусу» может грозить опасность от папуасов. Поэтому предлагаю довериться капитану и пожелать себе спокойной ночи.

— Господину не понадобятся мои услуги?

— Нет, мой друг. А чем сейчас занят Нед Ленд?

— С позволения господина профессора, — ответил Консель, — Нед Ленд готовит паштет из кенгуру, который, по его словам, будет просто чудо!

Оставшись один, я лег в постель, но так и не смог нормально поспать. Сверху доносился топот взобравшихся на палубу дикарей и их приглу-

шенные крики. Это продолжалось всю ночь, однако члены команды так и не вышли из состояния привычной апатии. Они беспокоились из-за каннибалов не больше, чем солдаты в блиндированном укрытии волновались бы из-за бегающих по крыше муравьев.

В шесть часов утра я встал с постели. Люки были по-прежнему задраены, а значит, обновить воздух было невозможно. К счастью, предусмотрительно заполненные резервуары работали исправно, выбрасывая в разреженную атмосферу «Наутилуса» кубометры кислорода.

До полудня я работал у себя в каюте и не видел капитана Немо даже мельком. Никаких признаков подготовки к отплытию тоже не наблюдалось.

Я подождал еще немного, а затем отправился в салон. Часы пробили половину третьего. Если верить словам капитана Немо, через десять минут высота прилива должна была достигнуть максимума, а наш корабль — сняться с мели. В противном случае «Наутилус» застрянет в коралловом плену на долгие, долгие месяцы.

Однако вскоре корпус судна начал слегка подрагивать. Было слышно, как его борта скребут по бугристой поверхности рифа.

В два часа тридцать семь минут в салоне появился капитан Немо.

— Отплываем, — сказал он.

— Слава богу! — обрадовался я.

— Я приказал открыть люки.

— А папуасы?

— Папуасы? — Капитан удивленно приподнял бровь.

— Что если они проникнут внутрь судна?

— Каким образом?

— Через открытые люки!

— Господин Аронакс, — спокойно ответил капитан Немо, — проникнуть на борт «Наутилуса» через люки не всегда возможно, даже если они открыты.

Я недоуменно уставился на капитана.

— Не понимаете? — спросил он.

— Совершенно не понимаю.

— Что ж, тогда пойдемте со мной, и вы все увидите сами.

Мы направились к центральной лестнице. Нед Ленд и Консель уже находились там, с интересом наблюдая за матросами, которые открывали люки под доносившиеся сверху яростные вопли и проклятия туземцев.

Крышки люков откинулись наружу. В тот же

миг в проеме показалось около двадцати жутких физиономий. Но едва первый же из туземцев коснулся поручней трапа, как был отброшен назад какой-то неведомой силой и пустился наутек, вопя от ужаса и нелепо подпрыгивая.

Десятерых его товарищей постигла та же участь.

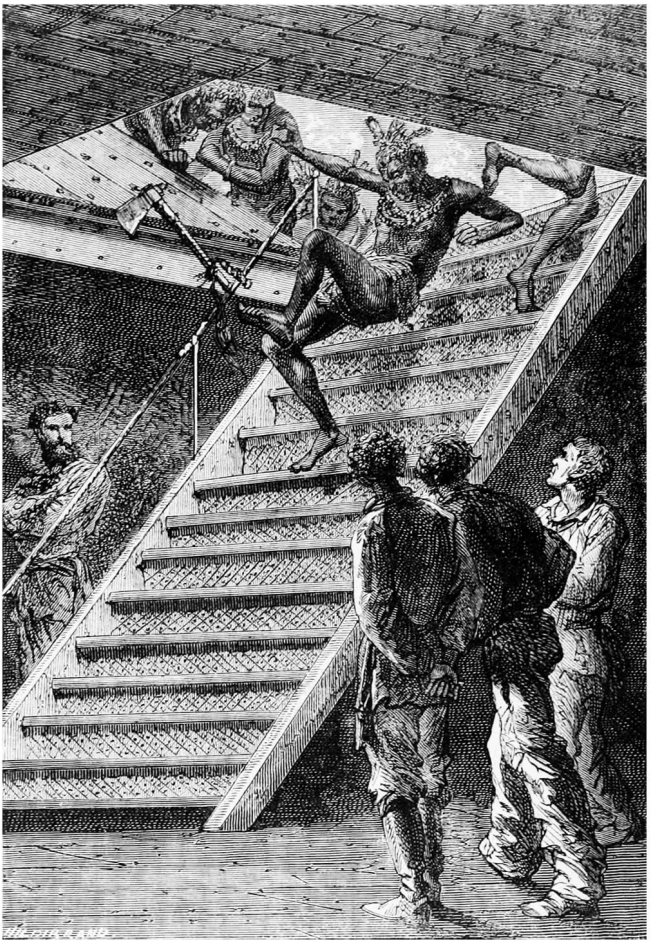
Консель пришел в восторг. Нед Ленд, поддавшись воинственному пылу, метнулся к лестнице, ухватился за поручни обеими руками и тоже полетел вверх тормашками.

— Тысяча чертей! — завопил он. — В меня ударила молния!

И тут я все понял. Металлические поручни превратились в кабель, по которому пустили ток высокого напряжения. Любой, кто их касался, тут же получал удар электричеством, — причем удар мог оказаться смертельным, если бы капитан Немо направил в этот новый проводник электричество всех своих батарей! Другими словами, он натянул между нами и нападавшими электрическую сеть, через которую никому не удавалось безнаказанно проникнуть.

Обезумев от ужаса, папуасы обратились в бегство. Мы с Конселем, едва сдерживая смех, принялись успокаивать и растирать беднягу

Неда Ленда, так и сыпавшего проклятиями.



Десятерых его товарищей постигла та же участь.

В этот момент, ровно на сороковой минуте третьего, как и предсказывал капитан, подхваченный приливным течением «Наутилус» покинул свое коралловое ложе. Лопасти гребного винта с царственной неспешностью застучали по воде. Постепенно наращивая скорость, корабль рассекал океанские волны, пока не оставил позади опасные лабиринты Торресова пролива.

Глава двадцать третья
Aegri Somnia[129]

На следующий день, 10 января, «Наутилус» продолжил свое подводное плавание. Однако теперь он шел с немыслимой скоростью, достигавшей не менее тридцати пяти миль в час. Гребной винт вращался с такой быстротой, что я не мог подсчитать число его оборотов.

Я размышлял о том, что электричество, эта чудесная сила, не только приводит «Наутилус» в движение, обеспечивает его светом и теплом, но и оберегает от нападений извне, превращая судно в священный ковчег, неприкосновенный для непрошеных гостей. Мое безграничное восхищение удивительной машиной распространилось и на ее творца.

Мы держали курс прямо на запад и 11 января обогнули мыс Уэссел, образующий восточную оконечность залива Карпентария и расположенный на 135° западной долготы и 10° северной широты. На пути по-прежнему встречалось много рифов, но теперь они находились на большем

---

[129] Сноски: 129
Тяжелая сонливость; ночной кошмар, горячечный бред (*лат.*).

удалении друг от друга, причем были с большой точностью обозначены на карте. «Наутилус» благополучно миновал буруны отмели Мани по левому борту и коралловые рифы Виктория по правому, расположенными на сто тридцатом меридиане вдоль десятой параллели, которой мы строго придерживались.

Тринадцатого января, войдя в Тиморское море, мы увидели на 122° западной долготы очертания одноименного острова. Власть на этом острове площадью в тысячу шестьсот двадцать пять квадратных лье принадлежит раджам, которые якобы ведут свой род от крокодилов, то есть имеют самое высокое происхождение среди людей. Реки Тимора кишат пресмыкающимися предками раджей — крокодилы пользуются там особым почтением. Их берегут, холят и лелеют, кормят, воспевают, преподносят им в качестве угощения юных дев, — и горе чужестранцу, посмевшему тронуть этих священных ящериц!

Однако «Наутилусу» не пришлось встретиться с кровожадными рептилиями. Тимор лишь на мгновение показался на горизонте — в полдень, когда помощник капитана определял положение судна. Так же мельком я увидел расположенный неподалеку островок Роти; здешние

женщины славятся на невольничьих рынках Малайи своей красотой.

Тут «Наутилус» отклонился к юго-западу, взяв курс на Индийский океан. Куда же увлекала нас прихоть капитана Немо? Повернет ли он снова на север, в сторону Азии? Или приблизится к берегам Европы? Вряд ли стоило ожидать подобных решений от человека, избегающего населенных континентов. Тогда, быть может, он отправится на юг? Обогнет мыс Доброй Надежды, затем мыс Горн и достигнет Южного полюса? Или вернется, наконец, в моря Тихого океана, где «Наутилусу» плавалось так привольно? Будущее покажет.

Четырнадцатого января, пройдя вдоль рифов Картье, Гиберниа, Серингапатама и Скотта — последних попыток твердой стихии победить жидкую, — мы вышли в открытое море. Скорость «Наутилуса» заметно снизилась; повинуясь воле капитана, он то погружался в морскую пучину, то вновь всплывал на поверхность.

На этом отрезке плавания капитан Немо сделал интересные наблюдения относительно колебаний температуры воды на разных глубинах. В обычных условиях температуру в морях замеряют с помощью сложных инструментов; однако результаты не всегда заслуживают

доверия, — будь то показания стеклянных термометрических зондов, которые часто лопаются под давлением воды, или приборов, чье действие основано на неодинаковой электропроводимости некоторых металлов. Полученные данные почти невозможно проверить повторным опытом. Между тем капитан Немо сам измерял температуру океанских вод, погружаясь на ту или иную глубину, и его термометр при соприкосновении с водной средой немедленно отображал точные и бесспорные значения.

Таким образом, то задействуя наполненные водой резервуары, то уходя вглубь по диагонали благодаря наклонным плоскостям, «Наутилус» последовательно побывал на глубине трех, четырех, пяти, семи, девяти и десяти тысяч метров. Сделанные замеры наглядно показали, что на глубине тысячи метров море имеет постоянную температуру в четыре с половиной градуса, независимо от широты.

Я наблюдал за температурными опытами с живейшим интересом. Капитан Немо вкладывал в них всю душу. Порой я задавался вопросом: зачем он ведет эти исследования? Для пользы человечеству? Маловероятно, поскольку рано или поздно его труды погибнут вместе с ним

в каком-нибудь неведомом море! Если, конечно, он не планировал завещать полученные данные мне. Но тогда ему пришлось бы положить конец моему плаванию, а конца пока не предвиделось.

Так или иначе, капитан Немо рассказал мне о полученных цифрах и установленной взаимосвязи между температурой и плотностью воды в крупнейших морях земного шара. Благодаря этим сведениям я сделал одно важное открытие, хотя и не имеющее отношения к науке.

Это произошло утром 15 января. Когда мы вдвоем прогуливались по палубе, капитан спросил, известна ли мне плотность морской воды на различных глубинах. Я ответил отрицательно и добавил, что у науки пока не хватает достоверных исследований по этому вопросу.

— Ну а я провел такие исследования, — сказал он. — И могу ручаться за их точность.

— Прекрасно! — ответил я. — Однако «Наутилус» — это обособленный мир, и открытия его ученых никогда не дойдут до Земли.

— Вы правы, господин профессор, — согласился он после минутного раздумья. — Это и впрямь отдельный мир. Он столь же обособлен от Земли, как и планеты, вращающиеся вместе с ней вокруг Солнца — ведь нам не суждено узнать

о научных открытиях, сделанных учеными Сатурна или Юпитера. Но раз уж по воле случая наши жизненные пути пересеклись, я готов сообщить вам о результатах моих опытов.

— Я вас слушаю, капитан.

— Несомненно, господин профессор, вам известно, что морская вода обладает более высокой плотностью по сравнению с пресной, однако эта плотность неоднородна. К примеру, если взять за единицу плотность пресной воды, то плотность морей Атлантики составит одну целую двадцать восемь тысячных, плотность Тихоокеанских морей — одну целую двадцать шесть тысячных, плотность вод Средиземного моря — одну целую тридцать тысячных…

«Надо же! — подумал я. — Он все-таки заходит и в Средиземное море!»

— …плотность вод Ионического моря — одну целую восемнадцать тысячных, а плотность вод Адриатики — одну целую двадцать девять тысячных.

Очевидно, «Наутилус» не раз бывал в самых оживленных морях Европы, из чего я сделал вывод, что рано или поздно, — возможно, уже в ближайшем будущем! — он доставит нас к берегам более цивилизованных континентов. Я

подумал, что Нед Ленд был бы, естественно, доволен таким поворотом событий.

На протяжении долгого времени мы посвящали целые дни научным исследованиям, направленным на изучение свойств морской воды: степени солености, электризации, цвета, прозрачности, причем во всех этих опытах капитан Немо проявлял удивительную изобретательность, сравнимую разве что с его неизменной любезностью по отношению ко мне. Затем я снова не видел его несколько дней, чувствуя себя на борту, как в одиночном заключении.

Шестнадцатого января «Наутилус» словно погрузился в сон в нескольких метрах под уровнем моря. Электрические машины остановились, гребной винт замер, отдав судно во власть течениям. Я предположил, что команда занята ремонтом машин, который потребовался из-за их работы на предельных скоростях.

Благодаря неожиданной остановке я и мои товарищи стали свидетелями весьма любопытного зрелища. Железные ставни на окнах салона были раздвинуты, электрический фонарь «Наутилуса» не горел, и в окружающей нас жидкой среде царил полумрак. Слабый свет едва проникал в верхние слои океана сквозь затянутое плотны-

ми тучами грозовое небо.

Я разглядывал эту сумеречную водную стихию, где даже самые крупные рыбы казались лишь смутными тенями, как вдруг «Наутилус» очутился в потоке света. Сначала я подумал, что опять зажегся фонарь, озарив темные воды электрическим лучом. Но присмотревшись, я понял свое заблуждение.

«Наутилус» дрейфовал в слое фосфоресцирующей воды, ослепительно яркой в окружающем мраке. Источником света были мириады светящихся организмов, чье сияние усиливалось при соприкосновении с металлическим корпусом судна. И тогда я замечал в светящемся поле вспышки, подобные брызгам расплавленного свинца в доменной печи или раскаленным добела частицам металла. Свечение было настолько интенсивным, что на его пылающем фоне все вокруг погружалось в тень, хотя само понятие тени казалось тут неприменимым. Нет! То не был спокойный искусственный свет нашего прожектора! Тут чувствовались небывалые мощь и движение! Этот свет был живым!

И действительно, мы попали в бескрайнее царство пелагических инфузорий, так называемых жгутиковых ночесветок, похожих на студени-

стые крупинки с нитевидными щупальцами: в тридцати кубических сантиметрах воды насчитывается до двадцати пяти тысяч этих крошечных светящихся созданий. Их сияние еще больше усиливалось мерцанием медуз, астерий, аурелий, фолад и других фосфоресцирующих зоофитов, пропитанных частичками микроорганизмов, разложившихся в морской воде, или мускусным секретом рыб.

На протяжении долгих часов «Наутилус» плыл в сверкающем мареве, и мы восхищенно замирали при виде крупных морских животных, которые резвились в этом пламени, как саламандры. Среди сияющих огней, что горели, не обжигая, мелькали изящные и стремительные дельфины, неутомимые клоуны морей, а также предвестники штормов — меч-рыбы длиной три метра, чей устрашающий меч порой задевал хрустальное стекло. Затем появились рыбы помельче: разнообразные спинороги, ставриды-стрелы, рыбы-носороги и сотни других видов, юркие стайки которых прорезывали светоносное пространство.

Это было поистине волшебное, ослепительное зрелище! Быть может, атмосферные условия усилили его эффект? Быть может, на поверхности

океана бушевал шторм? Но здесь, на глубине нескольких метров, его ярость совсем не ощущалась, и «Наутилус» мирно покачивался в безмятежных водах.

Так мы и плыли, восторгаясь все новыми и новыми чудесами природы. Консель разглядывал и классифицировал зоофитов, членистоногих, моллюсков и рыб. Время летело незаметно, и вскоре я потерял счет дням. Нед, по обыкновению, пытался разнообразить наш рацион. Мы, как улитки, сидели в своей раковине. Поверьте, превратиться в улитку совсем не сложно!

Подобное существование начинало казаться нам простым и естественным; мы уже стали забывать, что на поверхности земного шара есть другая жизнь, как вдруг произошло событие, вернувшее нас к действительности.

Восемнадцатого января «Наутилус» находился на 105° западной долготы и 15° южной широты. Погода испортилась, море было суровым и бурным. С востока дул порывистый ветер. Барометр, начавший падать еще несколько дней назад, предвещал шторм.

Я поднялся на палубу в тот момент, когда помощник капитана замерял часовые углы. Я ожидал, что он произнесет свою обычную фразу.

Но на этот раз прозвучали другие слова, столь же непонятные. Тотчас появился капитан Немо, и, вооружившись подзорной трубой, стал всматриваться в горизонт.

Несколько минут капитан стоял неподвижно, наведя объектив на какую-то точку. Затем опустил подзорную трубу и обменялся с помощником несколькими словами на неизвестном наречии. Помощник был явно взволнован, хотя и пытался сохранять спокойствие. Капитан Немо, куда лучше владевший собой, не терял хладнокровия. Судя по всему, он высказывал какие-то возражения, которые его собеседник решительно отвергал. Во всяком случае, я так понял по их жестам и интонации.

Сам же я, сколько ни напрягал зрение, так ничего и не заметил. Горизонт оставался совершенно чистым.

Капитан Немо прошел с одного конца палубы на другой, не взглянув на меня, а может, вовсе не заметив. Его поступь была твердой, но не такой размеренной, как обычно. Иногда он останавливался и, скрестив руки на груди, смотрел на море. Что он мог разглядеть на этих бескрайних просторах? Ведь «Наутилус» был в сотнях миль от ближайшего берега!

Помощник капитана снова взял подзорную трубу и принялся изучать горизонт, мечась по палубе и топая ногами; его возбуждение составляло разительный контраст с невозмутимостью капитана.

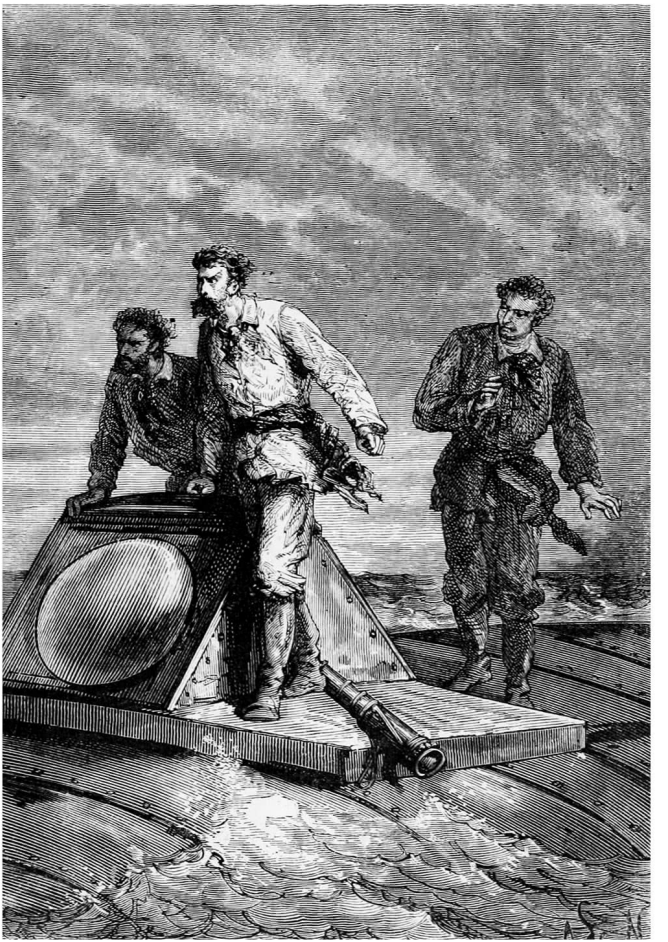
Впрочем, эта загадка должна была вскоре проясниться: после команды «полный вперед» машины стали наращивать скорость, заставляя винт вращаться все быстрее.

Тут помощник снова обратил внимание капитана на какую-то точку на горизонте. Прервав хождение по палубе, капитан навел трубу в указанном направлении. И долго-долго всматривался. Не на шутку заинтригованный, я сходил в салон за отличной зрительной трубой, которой всегда пользовался, и вернулся на палубу. Затем, опершись о кабину прожектора, собрался осматривать горизонт.

Но не успел я прильнуть к окуляру, как прибор выхватили у меня из рук.

Я обернулся. Передо мной стоял капитан Немо, которого я едва узнал. Лицо его совершенно преобразилось. Глаза пылали мрачным огнем из-под нахмуренных бровей. Зубы были оскалены. Напряженное тело, сжатые кулаки, откинутая назад голова — весь его облик дышал жгучей

ненавистью. Капитан не шевелился. Подзорная труба, выпав из его руки, покатилась по полу.



Его взор оставался прикованным к горизонту.

Неужели я невольно вызвал у него приступ ярости? Быть может, он решил, что я раскрыл какой-то секрет, который не полагалось знать пленникам «Наутилуса»?

Нет! Не я был причиной его гнева! Он даже не взглянул на меня. Его взор оставался прикованным к неразличимой точке на горизонте.

Вскоре капитан овладел собой, и искаженное ненавистью лицо вновь обрело обычное холодное выражение. Бросив помощнику несколько слов на непонятном языке, он повернулся ко мне и властно произнес:

— Господин Аронакс! Я требую, чтобы вы исполнили данное мне обещание.

— Что случилось, капитан?

— Вам и вашим спутникам придется посидеть взаперти, пока я не посчитаю возможным вернуть вам свободу передвижения.

— Вы здесь хозяин, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. — Но могу ли я задать вам один вопрос?

— Никаких вопросов! — отрезал он.

Мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Спорить было бесполезно.

Спустившись в каюту Неда Ленда и Конселя,

я сообщил им приказ капитана. Можете представить, как воспринял эту новость канадец! Впрочем, времени на рассуждения не было — за дверью уже ждали четверо матросов. Нас отвели в ту же каюту, где прошла наша первая ночь на борту «Наутилуса».

Нед Ленд пытался было протестовать, но конвоиры лишь молча захлопнули дверь у него за спиной.

— Не угодно ли господину объяснить мне, что все это значит? — спросил Консель.

Я рассказал товарищам о том, что произошло. Они удивились не меньше моего и, как и я, терялись в догадках.

Искаженное ненавистью лицо капитана Немо не выходило у меня из головы. Как объяснить столь внезапную перемену? Я строил самые нелепые предположения, погрузившись в раздумья, когда раздался возглас Неда Ленда:

— Смотрите-ка! Нам подали завтрак!

И в самом деле, стол был уже накрыт. Очевидно, капитан Немо распорядился об этом в тот же момент, когда приказал увеличить скорость хода.

— Позволит ли господин дать ему совет? — спросил меня Консель.

— Разумеется, мой друг, — ответил я.

— Так вот: господину нужно плотно позавтракать. Из благоразумия — ведь мы не знаем, что может случиться.

— Ты прав, Консель.

— Опять рыба! Нам подали только блюда из обычного меню, — проворчал Нед Ленд.

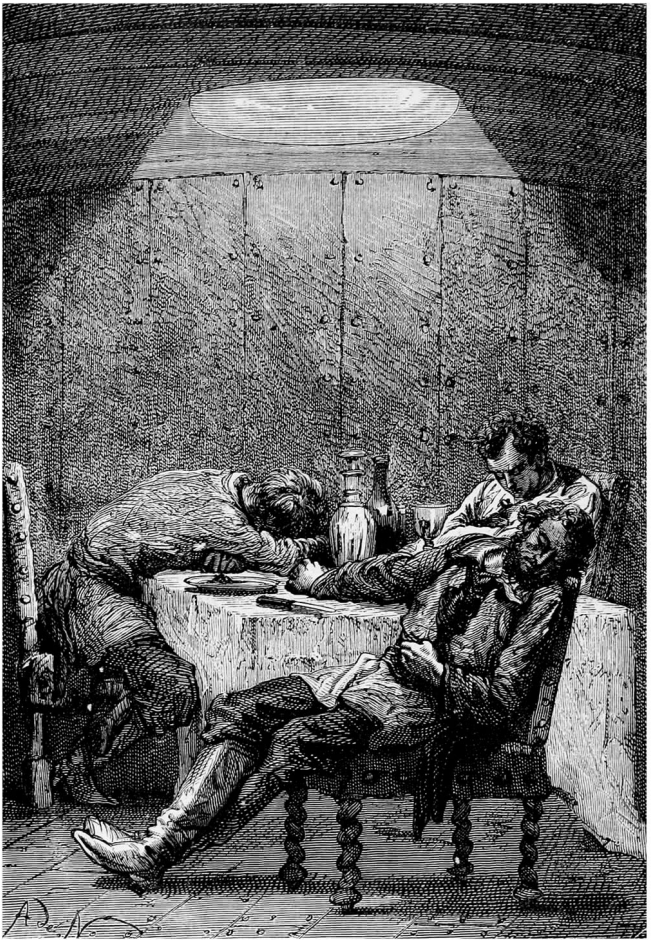
— Друг Нед, — урезонил его Консель, — нас ведь могли вовсе не покормить! Что бы вы сказали тогда?

Этот довод пресек жалобы гарпунера.

Мы сели за стол. Завтрак прошел в молчании. Я ел мало. Консель «заставлял себя» — из того же благоразумия, и только Нед Ленд, никогда не терявший аппетита, уплетал за обе щеки. Закончив трапезу, мы начали клевать носом, прикорнув у стола.

В этот момент светящийся шар на потолке погас, и мы остались в кромешной тьме. Нед Ленд почти уснул. Но и Консель, к моему удивлению, тоже погрузился в глубокую дрему! Размышляя о причинах столь неодолимой сонливости, я вдруг почувствовал, что и сам впадаю в сонное оцепенение. Веки мои тяжелели, а глаза закрывались сами собой, как ни пытался я держать их открытыми. У меня начались мучительные галлюцинации. Очевидно, нам в еду подмешали

снотворное! Неужели, чтобы скрыть свои замыслы, капитан Немо решил не только запереть нас в тюрьму, но и усыпить?



Мы начали клевать носом.

Послышался лязг закрываемых люков. Волнение на море улеглось, и легкая бортовая качка прекратилась. Быть может, «Наутилус» вновь опустился в неподвижные глубины океана?

Тщетно я боролся со сном. Дыхание мое ослабело. Смертный холод сковал конечности. Веки, словно налитые свинцом, сомкнулись. Я не мог их поднять. Мной овладевал мучительный, полный бредовых видений сон. Вскоре видения исчезли, и я впал в забытье.

Глава двадцать четвертая
Коралловое царство

На другой день я проснулся со свежей головой. К моему огромному удивлению, я лежал на кровати, в своей каюте. Несомненно, моих товарищей тоже перенесли в их каюту. Как и я, они ничего не знали о событиях минувшей ночи. Оставалось лишь надеяться, что какая-нибудь случайность приоткроет завесу тайны над этой историей.

Мне захотелось выйти из каюты. Или она заперта на ключ?.. Я толкнул дверь. Та отворилась, и я прошел узким коридором к центральной лестнице. Люки, задраенные накануне, были открыты. Я поднялся на палубу.

Там меня уже ждали Нед Ленд и Консель. В ответ на мои расспросы они развели руками. Друзья ничего не помнили. Забывшись вчера тяжелым сном, оба проснулись только утром и в своей каюте.

«Наутилус» был по-прежнему тих и загадочен. Он шел в открытом море с умеренной скоростью. Никаких изменений на борту не ощущалось.

Нед Ленд окинул морские просторы зорким взглядом. Вокруг было пустынно. Канадец не заметил на горизонте ничего нового: ни паруса, ни земли. Дул сильный западный ветер, и «Наутилус» скользил по волнам, переваливаясь с боку на бок.

Восполнив запасы кислорода, «Наутилус» опять ушел под воду метров на пятнадцать, так чтобы в любой момент быстро всплыть на поверхность. В тот день, 19 января, вопреки обыкновению, этот маневр повторялся неоднократно. И всякий раз помощник капитана выходил на палубу и произносил знакомую фразу.

Капитан Немо не показывался. Из всей команды я видел только невозмутимого стюарда, который прислуживал за столом, как всегда молча и любезно.

Около двух часов пополудни я разбирал в гостиной свои заметки, как вдруг дверь отворилась, и на пороге появился капитан. В ответ на мое приветствие он лишь едва заметно кивнул. Я вернулся к работе, надеясь, что капитан даст мне хоть какие-то объяснения насчет событий прошедшей ночи. Но он молчал. Я украдкой за ним наблюдал. У капитана был усталый вид. Покрасневшие веки выдавали, что ночью он так

и не сомкнул глаз. На его лице читалась глубокая печаль, неподдельное горе. Он ходил взад-вперед по комнате, садился на диван и вновь вскакивал, брал в руки первую попавшуюся книгу и тут же бросал ее, сверялся с приборами, однако не делал никаких записей. Казалось, он не находит себе места.

Наконец он подошел ко мне и спросил:

— Господин Аронакс, вы врач?

Застигнутый врасплох неожиданным вопросом, я молча уставился на капитана.

— Вы врач? — повторил он. — Многие ваши коллеги изучали медицину: Грасьоле, Мокен-Тандон и другие…

— Я действительно врач и одно время даже состоял ординатором в клинике. Прежде чем поступить на работу в Музей, я много лет занимался врачебной практикой.

— Прекрасно, сударь.

Мой ответ явно обрадовал капитана. Не понимая, к чему он клонит, я ожидал дальнейших вопросов, решив отвечать в зависимости от обстоятельств.

— Господин Аронакс, — сказал капитан Немо, — не могли бы вы осмотреть одного из моих матросов? Ему нужна помощь врача.

— На борту есть больной?

— Да.

— Я к вашим услугам.

— Идемте.

Признаться, мое сердце тревожно забилось. Сам не знаю почему, я чувствовал, что болезнь одного из членов команды как-то связана с событиями прошлой ночи, которые занимали меня не меньше, чем больной.

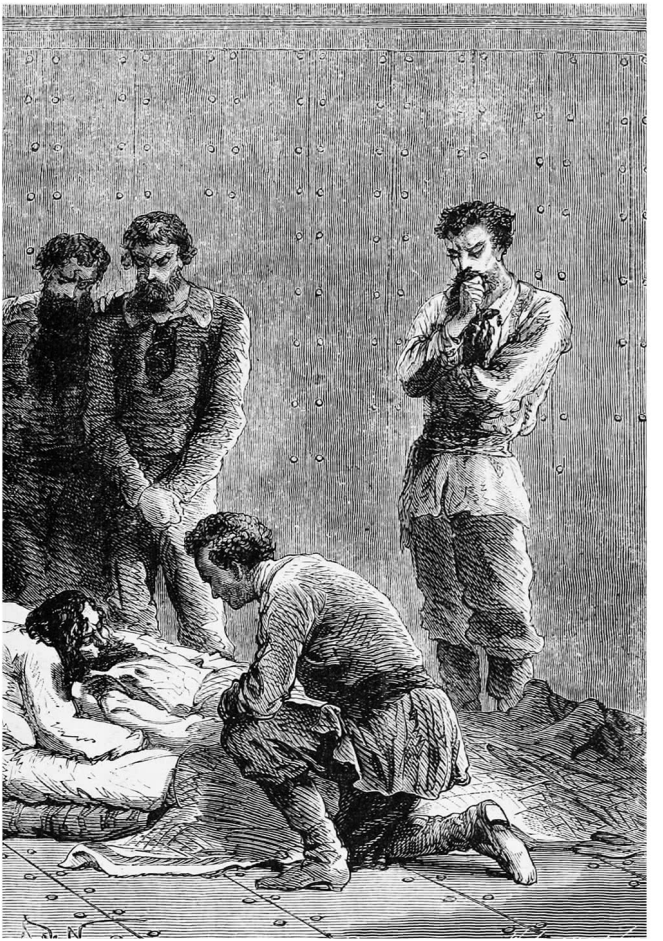
Капитан Немо провел меня в кормовую часть «Наутилуса» и толкнул дверь в каюту возле матросского кубрика.

Войдя внутрь, я увидел лежащего на постели крепкого мужчину лет сорока — по виду типичного англосакса.

Я склонился над пациентом. Он был не просто болен — он был ранен. Его голова, замотанная окровавленными бинтами, покоилась на двух подушках. Раненый безропотно позволил мне снять повязки, уставившись в пространство немигающим взглядом больших глаз.

Рана была ужасной. В черепе, проломленном каким-то тупым орудием, зияла дыра, частично обнажившая мозг. Выходящая наружу мозговая ткань, испещренная сгустками запекшейся крови, превратилась в красноватое месиво. На-

блюдались признаки одновременно контузии и сотрясения мозга. Дыхание больного было затрудненным, лицо то и дело искажалось судорогой. Очевидно, воспаление головного мозга вызвало паралич двигательных центров.



Я увидел лежащего на постели мужчину.

Пульс у раненого едва прощупывался. Конечности начали холодеть. Он умирал, и я никак не мог это предотвратить. Перевязав несчастного, я повернулся к капитану Немо и спросил:

— Как он получил эту рану?

— Не все ли равно? — уклончиво ответил капитан. — Когда «Наутилус» налетел на риф, в машинном отделении сломался один из рычагов. Удар пришелся этому человеку по голове. Ну, что вы думаете о состоянии больного?

Я медлил с ответом.

— Можете смело говорить, — сказал капитан. — Он не понимает по-французски.

Еще раз взглянув на раненого, я произнес:

— Через пару часов этот человек умрет.

— И ничто не может его спасти?

— Ничто.

Рука капитана Немо сжалась в кулак, а на глазах выступили слезы. Я и не думал, что он способен плакать.

Несколько минут я просидел возле умирающего. В свете электрических лучей, озарявших смертное ложе, лицо несчастного казалось еще более бледным. Я смотрел на это умное лицо, изборожденное преждевременными морщинами,

которые появились из-за тягот или даже лишений. Я надеялся, что с губ его вот-вот сорвутся последние слова, которые раскроют мне тайну его жизни!

— Вы можете идти, господин Аронакс, — сказал капитан Немо.

Я оставил капитана в каюте умирающего и вернулся к себе, чрезвычайно взволнованный этой сценой. Весь день меня терзали дурные предчувствия. Ночью я спал плохо, то и дело просыпаясь; мне чудились отдаленные стоны и заунывный гул голосов. Возможно, моряки «Наутилуса» собрались у смертного одра товарища и бормотали погребальные молитвы на своем непонятном языке?

На следующее утро я поднялся на палубу. Капитан Немо уже был там. Едва завидев меня, он подошел и спросил:

— Господин профессор, не угодно ли вам отправиться сегодня на подводную прогулку?

— Мои спутники тоже могут пойти?

— Если пожелают.

— Как прикажете, капитан. Мы к вашим услугам.

— Тогда поспешите надеть скафандры.

Ни слова об умирающем или о его смерти!

Встретившись с Недом Лендом и Конселем, я рассказал им о предложении капитана. Консель, не задумываясь, согласился, да и канадец на этот раз решил пойти с нами.

Было восемь часов утра. В половине девятого мы уже стояли у выхода, полностью одетые для предстоящей прогулки и вооруженные устройствами для освещения и дыхания под водой. Двойная дверь распахнулась, и мы во главе с капитаном Немо, в сопровождении дюжины матросов ступили на каменистое дно, где отдыхал «Наутилус» в десяти метрах под поверхностью моря.

Уклон дна, поначалу небольшой, окончился впадиной с глубинами до пятнадцати морских саженей[130]. Донный грунт под поверхностью Индийского океана резко отличался от грунта, по которому я гулял во время первой экскурсии под тихоокеанскими водами. Здесь не было ни мелкого песка, ни подводных лугов, ни лесов из водорослей. Я сразу узнал удивительный край, куда мы попали благодаря любезному приглашению капитана Немо. Это было коралловое царство!

---

[130] Сноски: 130
Около 27 м.

Среди зоофитов, в классе альционарий, выделяют отряд горгонарий, состоящий из трех групп: горгонариевых, изидовых и коралловых. Именно к последней группе и принадлежат кораллы — любопытные создания, которых поочередно причисляли к минералам, растениям и животным. Лекарственное средство древних, драгоценное украшение в наши дни, кораллы лишь в 1694 году были окончательно причислены к животному миру марсельским ученым Пейсоннелом.

Коралл представляет собой скопление мельчайших организмов, которые объединяются в ломкий каменистый полипняк. Отдельная особь, прикрепившись к какому-нибудь предмету, дает начало целой колонии. Колония образуется из одного полипа в результате его размножения почкованием. Каждая новая особь начинает жить общей жизнью. Такая вот природная коммуна. Я читал последние научные труды и исследования, посвященные этим необычным древовидным зоофитам, которые минерализуются, но при этом продолжают пускать все новые побеги. Поэтому для меня не было ничего интереснее, чем прогулка по окаменевшим лесам, высаженным на дне морском самой природой.

Аппараты Румкорфа были приведены в действие, и мы отправились дальше по отмели, усеянной молодыми кораллами, которые со временем превратятся в барьерный риф и загородят этот участок Индийского океана. Вдоль дороги тянулись кустарники, образовавшиеся из причудливо переплетенных между собой ветвей, усыпанных мелкими цветами в виде звезд с белыми лучиками. Правда, в отличие от земных растений, эти коралловые деревца росли сверху вниз, цепляясь к подножиям скал.

Свет наших фонарей порождал восхитительные эффекты, играя на алых ветвях. Казалось, эти перепончатые цилиндрические трубочки подрагивают от колыхания вод. Мне захотелось сорвать их яркие венчики с тонкими щупальцами — некоторые уже распустились, другие только-только набирали цвет; а мимо, будто стайки воробьев, сновали маленькие юркие рыбки, задевая коралловые бутоны стремительными плавниками. Но стоило лишь протянуть руку к этим живым цветам, к этим одушевленным недотрогам, как во всей колонии тотчас поднималась тревога. Белые венчики прятались в свои красные футляры, цветы исчезали на глазах, и куст превращался в груду бугристых окаме-

нелостей.

Мне посчастливилось увидеть ценнейшие разновидности этого зоофита. Местные благородные кораллы ничем не уступали тем, которые добываются в Средиземном море — у берегов Франции, Италии и Берберии[131]. «Кровавый цветок», «кровавая пена» — такие поэтичные названия дают торговцы и ювелиры самым красивым экземплярам за их яркую окраску. Стоимость подобного коралла достигает пятисот франков за килограмм, а здесь, под толщей воды, таились несметные сокровища, способные обогатить целую толпу охотников за кораллами. Это бесценное вещество, зачастую срастаясь с другими полипами, образует плотные и запутанные структуры, именуемые «maccoiota», — именно там я и заметил восхитительные образцы розового коралла.

Вскоре заросли кустов стали гуще, коралловые деревца — выше. Мы словно очутились в окаменелой чаще, под длинными сводчатыми пролетами самой причудливой архитектуры. Капитан Немо свернул в одну из галерей, которая плавно спускалась на глубину ста метров. Свет

[131] Сноски: 131

Общее географическое обозначение Северо-Западной Африки от Средиземного моря до Сахары, заселенной преимущественно берберами.

наших фонарей скользил порой по алым бугристым поверхностям коралловых арок, и навесы сводов, похожие на люстры, вспыхивали красными огоньками, создавая поистине волшебное впечатление. Среди коралловых кустарников попадались и другие, не менее любопытные полипы: мелиты, ириды с членистыми веточками, а также несколько пучков зеленых и красных кораллин — настоящих морских водорослей с известковыми слоевищами. После многолетних споров ученые окончательно причислили их к царству растений. Как сказал один мыслитель: «Возможно, именно в этой точке жизнь смутно пробуждается от каменного сна, но не имеет еще сил покинуть свое жесткое ложе[132]».

Наконец после двухчасового похода мы достигли глубины в триста метров — то есть тех пределов, где начинается процесс формирования коралловых рифов. То были уже не одиночные кустики и скромные приземистые рощицы полипняков. То был бескрайний лес, величественные известковые заросли, гигантские окаменелые деревья, переплетенных между собой гирляндами изящных плюмарий — этих

[132] Сноски: 132
Ж. Мишле «Море» (1861 г.).

морских лиан всевозможных цветов и оттенков. Мы свободно прошли под их кронами, терявшимися в тенистой водной выси, а под ногами у нас расстилался цветочный ковер из тубипор, меандрин, астрей и кариофиллий, будто присыпанный алмазной пылью.

Неописуемое зрелище! Как жаль, что мы не могли поделиться впечатлениями! Ну почему мы были в плену этих масок из стекла и металла! Почему не могли перекинуться друг с другом хоть парой слов? Ах, если бы мы жили, словно рыбы, населяющие эту жидкую среду, или хотя бы амфибии, которые могут часами находиться как на земле, так и под водой!

Тем временем капитан Немо остановился. Остановились и мы втроем. Обернувшись, я увидел, что матросы встали полукругом позади своего командира. Я присмотрелся и разглядел продолговатый предмет, который несли на плечах четыре моряка.

Мы находились в центре широкой поляны, окруженной каменным лесом. В неясном свете фонарей отбрасываемые предметами тени казались непропорционально длинными. За пределами поляны царил кромешный мрак, в котором лишь изредка поблескивали маленькие искорки,

застрявшие в пористых гранях кораллов.

Нед Ленд и Консель стояли рядом со мной. Мы наблюдали за происходящим, и у меня вдруг мелькнула мысль, что нам предстоит стать свидетелями необычного действа. Опустив взгляд, я заметил несколько небольших холмиков, покрытых слоем известковых отложений. Они располагались на равном удалении друг от друга, что выдавало их рукотворное происхождение.

В центре поляны, на пьедестале из груды камней высился коралловый крест, словно раскинув свои длинные руки, обагренные окаменевшей кровью.

По знаку капитана Немо один из матросов вышел вперед, вынул из-за пояса кирку и начал вырубать яму в нескольких шагах от креста.

И тут меня осенило! Поляна была кладбищем, яма — могилой, а продолговатый предмет — телом умершего ночью человека! Капитан Немо и его люди пришли сюда, чтобы похоронить товарища на этом братском погосте в недосягаемых глубинах океана!

Я был потрясен до глубины души! Необычайное волнение охватило мой разум! Я не хотел верить собственным глазам!

Между тем могилу продолжали рыть. Потре-

воженные рыбы испуганно разбегались во все стороны. Железное острие с гулким звоном вонзалось в известковый грунт, то и дело высекая искру при ударе о затерянный на дне обломок твердой породы. Яма удлинялась, расширялась и наконец стала достаточно глубокой, чтобы вместить человеческое тело.

Тогда подошли носильщики. Тело, завернутое в белую виссоновую ткань, опустили в полную воды гробницу. Капитан Немо и его товарищи, сложив руки на груди, преклонили колена в безмолвной молитве… А мы трое почтительно склонили головы.

Могилу засыпали обломками вынутого грунта, и над ней образовался небольшой холмик.

Когда все было кончено, капитан Немо и его люди обступили могилу и, опустившись на одно колено, подняли руки в знак последнего прощания…

Затем погребальная процессия тронулась в обратный путь. Мы снова прошли под сводами окаменевшего леса, мимо ветвистых рощиц и коралловых кустарников, все время поднимаясь в гору.

Наконец впереди показались огни. Мы шли на их путеводный свет и уже через час были

на борту «Наутилуса».

Переодевшись, я поднялся на палубу и сел возле прожектора. Меня одолевали мрачные думы.

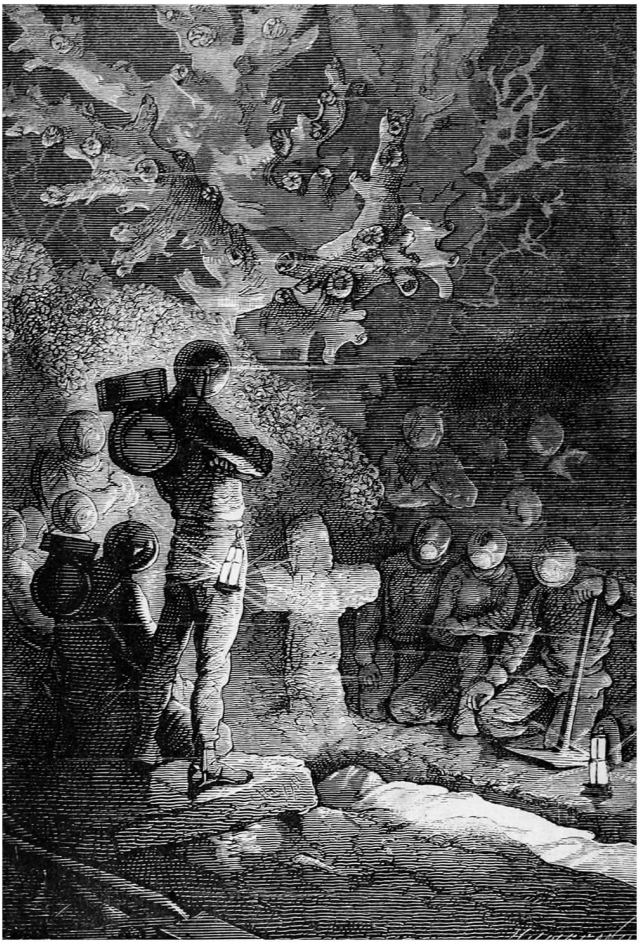
Вскоре ко мне подошел капитан Немо. Я встал и спросил:

— Полагаю, как я и предвидел, раненый умер ночью?

— Да, господин Аронакс, — ответил капитан.

— И теперь он покоится на коралловом кладбище, возле своих товарищей?

— Да! Забытый всеми, но не нами! Мы вырыли могилу, а полипы навечно запечатают наших мертвых друзей в подводных гробницах…



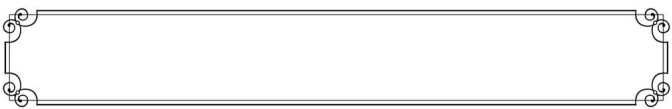
Все преклонили колена в безмолвной молитве.

Капитан закрыл лицо руками, тщетно пытаясь подавить рыдание. А потом, овладев собой, добавил:

— Там, на глубине сотен футов от поверхности волн, наше тихое кладбище.

— По крайней мере, капитан, ваши мертвые спят там спокойно, недосягаемые для акул!

— Да, сударь, — сказал капитан Немо, — для акул… и для людей!



Часть вторая

Глава первая
Индийский океан

Здесь начинается вторая часть нашего подводного путешествия. Первая завершилась трогательной сценой на коралловом кладбище, оставившей глубокий след в моей душе. Итак, не только жизнь капитана Немо проходила под волнами необозримого океана — он и могилу себе приготовил в его недосягаемых безднах! Там, где ни одно морское чудовище не потревожит последнего сна хозяев «Наутилуса» — друзей, соединенных в смерти, как и в жизни! Недосягаемых «и для людей», как сказал капитан.

Вечный вызов человеческому обществу, безжалостный и непримиримый!

Меня больше не устраивали предположения, которыми довольствовался Консель. Славный малый по-прежнему видел в командире «Наутилуса» безвестного ученого — из тех, что презирают род людской за равнодушие. Для него капитан Немо был всего лишь непризнанным гением, уставшим от разочарований земной жизни и вынужденным искать приют в недо-

сягаемой водной стихии, где он мог дать волю своим наклонностям. Однако, на мой взгляд, эта гипотеза объясняла только одну сторону личности капитана Немо.

Таинственные происшествия последней ночи, которую мы провели под замком и в оковах сна, ярость, с какой капитан выхватил у меня подзорную трубу, не дав осмотреть горизонт, смертельное ранение моряка вследствие загадочного столкновения «Наутилуса», — все это будило во мне смутные догадки. Нет! Капитану Немо мало было избегать людей! Возможно, грозный корабль служил ему не только средством обретения свободы, но и орудием жестокой мести.

Сейчас ни одно предположение не кажется мне бесспорным; я вижу лишь робкие проблески света в тумане неизвестности и потому пишу, как говорится, под диктовку событий.

В любом случае, ничто не связывает нас с капитаном Немо. Он знает, что сбежать с «Наутилуса» невозможно. Хотя мы вовсе не преступники, приговоренные к тюремному сроку. И не давали слова чести. Мы не более чем пленники, заключенные, которых лишь из притворной любезности называют гостями. Впрочем, Нед Ленд не потерял надежды вырваться на свобо-

ду. Уверен, он попытается бежать при первой возможности. Разумеется, я поступлю так же. Однако не без сожаления унесу я с собою тайны «Наутилуса», столь великодушно доверенные нам капитаном. Что все-таки должен внушать этот человек: ненависть или восхищение? Кто он: жертва или палач? К тому же, говоря по правде, прежде чем навсегда покинуть его, хотелось бы завершить это кругосветное подводное плавание, которое имело столь поразительное начало. Понаблюдать за всеми чудесами, скрытыми под морями земного шара. И увидеть то, чего еще не видел ни один человек, даже если придется поплатиться жизнью за свою неуемную жажду знаний! Многое ли открылось моему взору до сего дня? Ничего особенного — ведь прошли мы всего шесть тысяч лье под водами Тихого океана!

«Наутилус» приближался к обитаемым землям, и я прекрасно понимал, что уж если нам выпадет шанс сбежать, было бы жестоко пожертвовать друзьями ради моей страсти к неведомому. Мне придется отправиться с ними или даже повести их за собой. Только вот улыбнется ли нам когда-нибудь удача? Лишенный свободы человек ищет случая из плена вырваться, однако ученый, пытливый исследователь, страшится этой воз-

можности.

В полдень 21 января 1868 года старший помощник вышел на палубу, чтобы замерить высоту солнца. Поднявшись вслед за ним, я зажег сигару и стал наблюдать за его действиями. Очевидно, этот человек не знал французского, иначе мои громкие рассуждения вызвали бы хоть какой-то проблеск невольного интереса с его стороны. Но он был нем и невозмутим.

Пока он возился с секстантом, один из матросов — здоровяк, который сопровождал нас во время первой подводной прогулки к острову Креспо, — пришел, чтобы протереть стекла прожектора. Я заинтересовался устройством этого прибора, мощность которого, как в маяках, усиливалась стократно благодаря кольцам в чечевицеобразных стеклах. Такие стекла способны концентрировать лучи света и посылать их в нужном направлении. Позади стекол была установлена электрическая лампа максимального накала. По сути, электрический ток вырабатывался в безвоздушном пространстве, что обеспечивало непрерывность и яркость света. Подобное устройство позволяло уменьшить расход графитовых стержней, между которыми возникала светящаяся дуга. Серьезная экономия

для капитана Немо, ведь ему было нелегко восполнять запасы графита!

Когда «Наутилус» готовился продолжить свой подводный поход, я спустился в салон. Люки снова закрылись, и корабль взял курс на запад.

Мы бороздили просторы Индийского океана — необозримой водной равнины площадью в пятьсот пятьдесят миллионов гектаров, чьи воды столь прозрачны, что стоит наклониться и посмотреть вниз, как начинает кружиться голова. В основном «Наутилус» шел на глубине от ста до двухсот метров. Так мы плыли несколько дней. Всякому другому на моем месте такое путешествие показалось бы утомительным и однообразным, но только не мне, бесконечно влюбленному в море. Ежедневные прогулки по палубе, где я вдыхал живительный морской воздух, созерцание несметных сокровищ океана сквозь хрустальные стекла в салоне, чтение книг в библиотеке, работа над мемуарами поглощали все мое время, не оставляя ни минуты для праздности или скуки.

Состояние нашего здоровья было вполне приличным. Принятый на борту рацион нас полностью устраивал — что до меня, то я прекрасно обошелся бы без дополнений к меню,

предложенных Недом Лендом из чувства протеста. К тому же постоянство температуры в этой водной среде исключало вероятность простуд. Впрочем, на судне имелся достаточный запас мадрепоровых кораллов-дендрофилов, известных в Провансе под названием «морского укропа»: их сочная мякоть является отличным средством от кашля.

Иногда мы встречали многочисленные стаи морских птиц: буревестников, поморников, чаек. Нам удалось подстрелить несколько особей; водяная дичь, приготовленная особым способом, оказалась довольно вкусным блюдом. Среди крупных птиц, способных совершать дальние перелеты над морем, отдыхая иногда на волнах, я заметил величественных альбатросов — резкие крики этих птиц из отряда трубконосых напоминали ослиный рев. Семейство веслоногих было представлено стремительными фрегатами, которые ловко вылавливали рыб, плавающих у поверхности воды, и многочисленными фаэтонами, среди которых выделялись краснохвостые фаэтоны — небольшие птицы размером с голубя и розовато-белым оперением, оттененным черными пятнами на кончиках крыльев.

Альбатросы, фрегаты и фаэтоны.

В сети «Наутилуса» попалось множество морских черепах, принадлежащих к роду каретт. Эти крупные рептилии очень ценятся из-за выпуклого костяного панциря, роговые пластинки которого используются для различных изделий. Каретты прекрасно ныряют и могут долгое время находиться под водой, закрывая дыхательные пути с помощью особого мышечного клапана, расположенного снаружи носового канала. Некоторые из пойманных каретт продолжали спокойно спать внутри панциря, который служил им надежной защитой от других морских животных. Мясо этих черепах не отличается изысканным вкусом, зато их яйца — поистине королевское лакомство!

Что касается рыб, мы не переставали ими восхищаться, тайком наблюдая за их жизнью сквозь хрустальные стекла. Я обнаружил тут множество видов, которые мне еще не доводилось встречать.

Прежде всего упомяну кузовков, обитающих в Красном и других тропических морях Индийского океана, а также у берегов Центральной Америки. Эти рыбы, подобно черепахам, броненосцам, морским ежам и ракообразным, защище-

ны особым панцирем — однако не известковым и не кремнеземовым, а костным. Их панцирь состоит из сросшихся костных пластинок, придающих им трехгранную или четырехгранную форму. Мое внимание привлекли трехгранные кузовки длиной около пяти сантиметров, с коричневым хвостом и желтыми плавниками; их мясо превосходно на вкус и очень питательно. Я бы даже посоветовал наладить их разведение в пресной воде, в которой некоторые морские рыбы легко приживаются. Стоит также перечислить кузовков с четырехгранным панцирем и четырьмя острыми выростами на спине; кузовков с белыми пятнышками на брюхе — таких можно приручить, как птиц; тригонов, вооруженных шипами на длинном и тонком хвосте — за своеобразные хрюкающие звуки представителей этого подвида прозвали «морскими свиньями»; а еще дромадеров с большим конусовидным горбом и плотным, жестким мясом.

В ежедневных заметках Конселя упоминаются некоторые рыбы из семейства иглобрюхих, обитающих только в этих морях: к примеру, шпенглерова рыба-шар с красной спиной, белой грудкой и тремя продольными прожилками на спине, или семидюймовые электрические

рыбы самых ярких оттенков. Другие виды рыб были представлены бесхвостыми овоидами, похожими на яйца черно-коричневого цвета с белыми полосками; диодонами — настоящими морскими дикобразами, которые наделены шипами и могут раздуваться, превращаясь в утыканный колючками клубок; морскими коньками, которые встречаются во всех океанах; пегасами с продолговатой головой — их длинные грудные плавники имеют форму крыльев, что позволяет им если не летать, то хотя бы выпрыгивать из воды; пласкоголокиками, чей хвост покрыт чешуйчатыми кольцами; макрогнатами с вытянутой челюстью — замечательными рыбами длиной в двадцать пять сантиметров с блестящей кожей самых приятных оттенков; бледно-голубыми каллиоморами с бородавчатой головой. Также там были мириады морских собачек с черными полосками на теле и длинными грудными плавниками, благодаря которым они могут с невероятной скоростью скользить по поверхности воды; вкуснейшие велиферы, которые могут вздымать плавники, словно паруса, чтобы попасть в благоприятное течение; восхитительные куртусы, которых природа окрасила в желтые, небесно-голубые, серебряные и золотистые от-

тенки; трикоптеры с волосистыми крыльями; украшенные лимонными пятнами коттункулы, которые издают своеобразный шелест при движении; триглы, чья печень считается ядовитой; бодианы, имеющие на глазах подвижные шоры; и, наконец, брызгуны с длинной трубковидной головой, настоящие морские мухоловки, вооруженные винтовками, о каких и не мечтали ни Шасспо, ни Ремингтон: из них эти рыбки убивают насекомых одной лишь каплей воды!

Из рыб, относящихся по классификации Ласепеда к восемьдесят девятому роду во втором подклассе костных рыб и имевших наряду с жаберной крышкой бронхиальную перепонку, я заметил скорпену с украшенной колючками головой и единственным спинным плавником; в зависимости от подрода, эти морские животные либо покрыты мелкой чешуей, либо вовсе ее лишены.

Ко второму подроду относится бугорчатка двуперая длиной от тридцати до сорока сантиметров, с желтыми полосками и головой причудливой формы.

Что касается первого подрода, нам встретилось множество разновидностей так называемой морской жабы — рыбы с крупной головой,

испещренной глубокими впадинами и вздувшимися буграми, усеянной шипами и бородавками и увенчанной кривыми, уродливыми «рогами»; ее тело и хвост покрыты ороговевшими мозолями, а колючки могут нанести опасные раны. Вид этих рыб поистине ужасен и внушает отвращение.

С 21 по 23 января «Наутилус» делал по двести пятьдесят лье, то есть по пятьсот сорок миль в сутки, или по двадцать две мили в час. Мы смогли мимоходом увидеть лишь те разновидности рыб, которые подплывали сами, привлеченные электрическим светом; большинство из них вскоре оставались позади, проигрывая судну в неравной гонке; однако некоторые еще долго держались поблизости, сопровождая «Наутилус».

Утром 24 января на 12°5’ южной широты и 94°33’ восточной долготы мы увидели остров Килинга, кораллового происхождения, поросший великолепными кокосовыми пальмами; в свое время здесь побывали Чарльз Дарвин и капитан Фицрой. «Наутилус» прошел на довольно близком расстоянии от берегов этого пустынного острова. Драги принесли богатый улов из всевозможных полипов и иглокожих, а также любопытные экземпляры моллюсков. Несколько

особо ценных раковин дельфинул пополнили коллекцию капитана Немо, к которой я также добавил астрею — вид полипа, который часто паразитирует на раковинах моллюсков.

Вскоре остров Килинга скрылся из виду, и мы взяли курс на северо-восток, к южной оконечности индийского полуострова.

— Наконец-то цивилизованные земли! — сказал мне в тот день Нед Ленд. — Не то что острова Папуасии, где дикарей больше, чем косуль! На индийском континенте, господин профессор, есть шоссе, железные дороги, английские, французские и индусские города. Мы не прошли бы там и пяти миль, не встретив земляка! Не пора ли нам уже попрощаться с капитаном Немо?

— Нет! Ни в коем случае! — решительно возразил я. — Сейчас нам лучше плыть по воле волн, как говорите вы, моряки. «Наутилус» держит курс к обитаемым землям. Он возвращается в Европу — так пусть доставит нас туда! А вот когда окажемся в наших морях, тогда и посмотрим, что подскажет нам голос разума. К тому же я сомневаюсь, что капитан Немо отпустит нас поохотиться на Малабарских или Коромандельских берегах, как в лесах Новой Гвинеи.

— Что ж, сударь! Может, придется тогда обой-

тись без его разрешения?

Я ничего не ответил канадцу. Мне не хотелось спорить. В глубине души я хотел до конца пройти все испытания судьбы, забросившей меня на борт «Наутилуса».

Оставив позади остров Килинга, наш корабль замедлил ход. Теперь он вел себя еще более непредсказуемо, то и дело увлекая нас на значительную глубину. Наклонные плоскости, которые можно было расположить под углом к ватерлинии с помощью внутренних рычагов, применялись все чаще. Это давало возможность опускаться на два или три километра, однако нам так и не удалось определить предельную глубину этого океана — наши лоты длиной в тринадцать тысяч метров ни разу не достигли дна[133]. Что касается температуры воды в нижних слоях Индийского океана, то наш термометр неизменно показывал четыре градуса выше нуля. Хотя я заметил, что в поверхностных слоях вода на отмелях всегда была холоднее, чем в открытом море.

Двадцать пятого января океан был пустынным,

---

[133] Сноски: 133

По данным современной науки, максимальная глубина Индийского океана (в Зондском желобе) составляет 7729 метров при средней глубине 3711 метров.

и «Наутилус» весь день шел по поверхности волн, рассекая их своим мощным винтом и вздымая фонтаны брызг. Как же было не принять его за гигантского кита? Три четверти дня я провел на палубе, глядя на морские просторы. Горизонт был пуст, но около четырех часов пополудни, к западу от нас, показался длинный пароход. С минуту его мачты виднелись на горизонте, однако с парохода никак не могли заметить «Наутилус», едва выступавший из воды. Я подумал, что это пароход судоходной компании «*Пенинсулар энд Ориентал*», курсирующий между Цейлоном и Сиднеем, с заходом в залив Короля Георга и в Мельбурн.

В пять часов вечера, незадолго до наступления коротких тропических сумерек, мы с Конселем наблюдали восхитительное зрелище.

Существует чудесное животное, встреча с которым, согласно древним верованиям, сулит удачу. Аристотель, Афиней, Плиний и Аппиан изучали его повадки, истощив на его описание весь поэтический арсенал ученых Греции и Италии. Они дали ему название Nautilus и Pompylius[134]. Однако современная наука отвергла прежние

[134] Сноски: 134
Обыкновенный кораблик (*лат.*).

названия, и сегодня этот моллюск известен под именем «аргонавта».

Заведя с Конселем разговор о моллюсках, любой заинтересованный человек узнал бы от славного малого, что все моллюски подразделяются на пять классов; что первый класс — класс головоногих, представители которого либо вовсе лишены покрова, либо имеют раковину, — включает в себя два семейства, различающиеся числом жабер: двужаберные и четырехжаберные; что в семейство двужаберных входит три рода — аргонавты, кальмары[135] и каракатицы; а семейство четырехжаберных имеет в составе всего один род — наутилусы. И если, ознакомившись с этой классификацией, какой-нибудь невежда спутает аргонавта, имеющего присоски, с наутилусом, у которого обычные щупальца без присосок, это будет совершенно непростительно!

Итак, около пяти часов мы заметили в воде, у самой поверхности океана, целую флотилию аргонавтов. Мы насчитали их несколько сотен! Они принадлежали к роду бородавчатых аргонавтов, распространенных в морях Индийского океана.

---

[135] Сноски: 135

Жюль Верн не делает различия между кальмарами и осьминогами.

Грациозные моллюски плыли задом наперед с помощью своей воронки, выпуская через нее захваченную жабрами воду. Шесть из их восьми щупалец, длинные и тонкие, колыхались на воде, а оставшиеся два, с округлыми лопастями на конце, трепетали на ветру, подобно легким парусам. Я прекрасно разглядел спиралевидную, волнистую раковину — Кювье метко сравнил ее с изящной шлюпкой. Раковина аргонавта и впрямь напоминает кораблик. Созданный из выделяемого особыми железами секрета, этот кораблик везет по морю сидящее внутри животное, которое никак к нему не прикреплено.

Аргонавты.

— Аргонавт волен покинуть свою раковину, — сказал я Конселю, — но никогда этого не делает.

— Как и капитан Немо, — рассудительно ответил Консель. — Поэтому ему следовало назвать свой корабль «Аргонавтом».

Почти целый час «Наутилус» плыл среди этих моллюсков. Затем их, по-видимому, что-то спугнуло. Словно по команде, все «паруса» были спущены; руки-щупальца втянулись, тельца сжались. Перевернувшись, раковины изменили свой центр тяжести, и вся флотилия в мгновение ока исчезла под водой. Ни одна эскадра кораблей не проявляла такой слаженности действий!

Внезапно опустилась ночь; подгоняемые бризом легкие волны мирно плескались о борта «Наутилуса».

На следующий день, 26 января, мы пересекли экватор на восемьдесят втором меридиане и вернулись в Северное полушарие.

Весь день нас сопровождала грозная эскадра акул. Здешние моря кишмя кишат этими страшными животными, отчего плавание в их водах смертельно опасно. Тут были катрановые акулы Филлипса с коричневой спиной, белым брюхом и одиннадцатью рядами зубов; глазчатые акулы,

на шее у которых есть большое черное пятно с белым ободком, напоминающее глаз; и кошачьеголовые акулы с округлой мордой и темными пятнами на теле. Обладающие сокрушительной силой животные то и дело яростно набрасывались на хрустальные стекла. Нед Ленд с трудом держал себя в руках. Он хотел вернуться на поверхность океана и запустить в морских чудовищ своим гарпуном. В особенности ему досаждали разъяренные куньи акулы, челюсть у которых вымощена, как мозаикой, плоскими тупыми зубами, и большие тигровые акулы длиной в пять метров. Но вскоре «Наутилус» прибавил ходу, оставив далеко позади даже самых быстрых преследователей.

Двадцать седьмого января при входе в обширный Бенгальский залив мы не раз наблюдали жуткую картину: плывущие по волнам трупы! Это были тела умерших индийцев, уносимых Гангом в открытое море. Грифы, единственные могильщики страны, еще не успели их обглодать. Но акулы непременно помогут им завершить погребальный обряд.

Около семи часов вечера «Наутилус», наполовину погрузившись в воду, плыл по молочному

морю[136]. Казалось, весь океан до самого горизонта разбавлен молоком. Может, это было мерцание лунного света? Нет — прошло всего два дня после полнолуния, и тоненький месяц еще не успел взойти, задержавшись на солнечной стороне планеты. Небо, хотя и освещенное сиянием звезд, выглядело черным по контрасту с белизной вод.

Консель не верил собственным глазам и спросил меня о причинах этого явления. К счастью, я мог удовлетворить его любопытство.

— Это так называемое молочное море, — сказал я. — Огромные пространства белых волн, которые можно нередко встретить у берегов Амбона[137], а также в этих краях.

— Не мог бы господин объяснить, чем вызвано это явление? — спросил Консель. — Ведь не превратилась же морская вода в молоко!

— Конечно, нет, мой друг! Причина удивившей тебя белизны — мириады светящихся инфузорий, микроскопических червячков с прозрачными студенистыми тельцами, толщиной с волос и длиной не более одной пятой миллиметра. Ино-

---

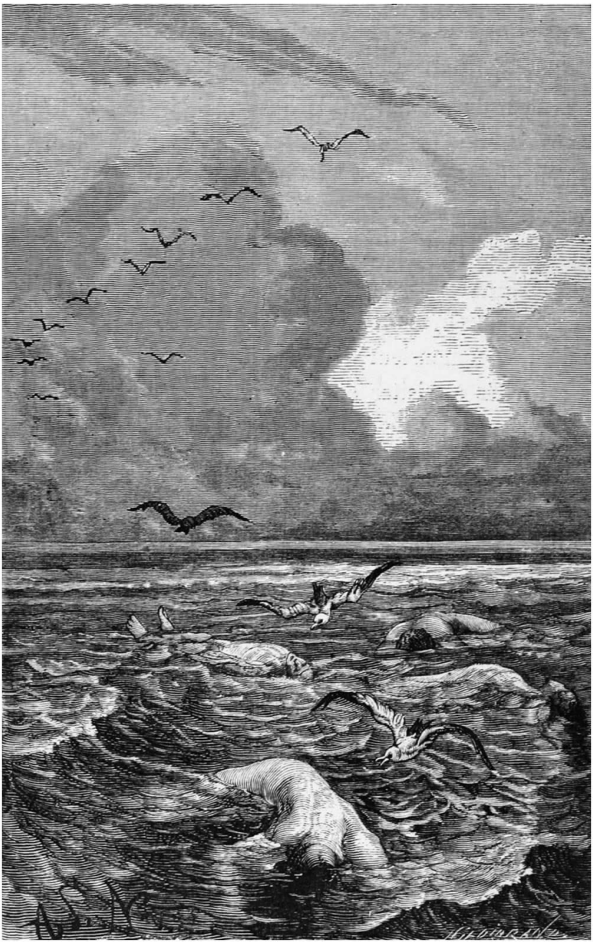
[136] Сноски: 136

Загадочное природное явление, при котором поверхность морской воды кажется белой.

[137] Сноски: 137

Остров в Молуккском архипелаге в Индонезии.

гда они прилепляются друг к другу и образуют огромные поля протяженностью в несколько лье.



По волнам плыли трупы.

— В несколько лье! — воскликнул Консель.

— Да, Консель! И даже не пытайся подсчитать, сколько их тут! У тебя ничего не выйдет. Если не ошибаюсь, некоторые мореплаватели порой шли по таким молочным морям более сорока миль.

Не знаю, внял ли Консель моему совету; он умолк и задумался, очевидно, прикидывая в уме, сколько пятых долей миллиметра содержится в сорока квадратных милях. Ну а я продолжил любоваться загадочным явлением. В течение нескольких часов «Наутилус» разрезал шпироном белесые волны, бесшумно скользя по взмыленной воде. Казалось, он движется в пенном водовороте, который порой образуется при слиянии двух встречных потоков.

Около полуночи море внезапно приобрело свой привычный оттенок, но за кормой, до самого горизонта, небо еще долго озаряли слабые всполохи, чем-то напоминающие северное сияние.

Глава вторая
Новое предложение капитана Немо

В полдень 28 января, когда «Наутилус» всплыл на поверхность на 9°4’ северной широты, примерно в восьми милях к западу показалась земля. Я тотчас заметил причудливые очертания горного массива высотой около двух тысяч футов. Как только координаты были установлены, я спустился в салон и, отыскав их на карте, понял, что мы находимся возле острова Цейлон — этой жемчужины, что висит на мочке полуострова Индостан.

Я отправился в библиотеку, чтобы найти какую-нибудь книгу об этом острове, который считается одним из самых плодородных на планете. Мне попался томик под названием «Ceylon and the Cingalese»[138], принадлежащий перу Г. Ч. Сирра, эсквайра. Вернувшись в салон, я первым делом выяснил географическое положение и размеры Цейлона, получившего в древности множество различных названий. Остров Цейлон лежит между 5°55’ и 9°49’ северной широты и 79°42’ и 82°4’

---

[138] Сноски: 138
Цейлон и сингальцы (*англ.*).

долготы к востоку от Гринвичского меридиана; его длина составляет двести семьдесят пять миль, максимальная ширина — сто пятьдесят миль, окружность — девятьсот миль, площадь — двадцать четыре тысячи четыреста сорок восемь миль, то есть немногим меньше площади Ирландии.

В этот момент в салон вошли капитан Немо и его помощник. Глянув на карту, капитан повернулся ко мне.

— Остров Цейлон славится своим жемчужным промыслом. Господин Аронакс, не угодно ли вам посетить одно из мест ловли жемчуга?

— Конечно, капитан!

— Хорошо. Нет ничего проще. Правда, ловцов мы не увидим — только жемчужные плантации. Сезон добычи еще не начался. Но это не важно. Я прикажу взять курс на Маннарский залив — мы прибудем туда ночью.

Капитан сказал несколько слов своему помощнику, и тот почти сразу вышел. Вскоре «Наутилус» вернулся в родную водную стихию и, судя по показаниям манометра, продолжил движение на глубине тридцати футов.

Склонившись над картой, я принялся искать Маннарский залив. И нашел его на девятой

параллели, у северо-западного побережья Цейлона, от которого он отделен вытянутой линией небольшого острова Маннар. Чтобы попасть туда, нам предстояло обогнуть весь западный берег Цейлона.

— Господин профессор, — обратился ко мне капитан Немо, — жемчуг добывают в Бенгальском заливе, в Индийском море, в Китайском и Японском морях, в морях Южной Америки, в Панамском и Калифорнийском заливах. Однако именно на Цейлоне этот промысел процветает. Правда, мы прибыли рановато. Ловцы жемчуга начинают появляться в Маннарском заливе не раньше марта — к этому времени здесь собирается до трехсот лодок, которые затем в течение тридцати дней ведут очень прибыльную добычу морских сокровищ. В каждой лодке находится по десять гребцов и десять ныряльщиков. Последние делятся на две группы и по очереди ныряют на глубину двенадцати метров, сжимая ногами тяжелый камень, привязанный к лодке веревкой.

— Неужели они до сих пор практикуют первобытный способ ловли?

— Да, хотя жемчужные отмели принадлежат самой развитой в промышленном отношении

страны — Англии, которая получила Цейлон по Амьенскому договору тысяча восемьсот второго года.

— Думаю, ваши усовершенствованные скафандры пришлись бы здесь весьма кстати!

— Вы правы, поскольку бедные ловцы жемчуга не могут долго находиться под водой. Хотя англичанин Персиваль в своем «Путешествии на Цейлон» упоминает о кафре[139], который мог оставался на глубине целых пять минут, но мне это кажется маловероятным. Я знаю, что некоторые ныряльщики способны задерживать дыхание до пятидесяти семи секунд, а самые выносливые — до восьмидесяти семи; однако таких очень мало, и по возвращении на борт из носа и ушей несчастных вытекает вода, окрашенная кровью. Я полагаю, что в среднем ловцы жемчуга могут задерживать дыхание на тридцать секунд, — за это время они торопятся набрать в свою сеть как можно больше жемчужных устриц. Обычно ныряльщики не доживают до преклонных лет; их зрение слабеет, на глазах

---

[139] Сноски: 139

Термин, который с XVI века использовали португальцы в отношении чернокожих жителей Южной Африки и который впоследствии стал употребляться как оскорбительный расистский термин. Происходит от арабского слова «кафир», означающего «неверного», не мусульманина.

образуются язвы, тело покрывается рубцами; зачастую они умирают под водой от кровоизлияния в мозг.

— Да уж, невеселое ремесло, — вздохнул я. — И все ради удовлетворения капризов модниц! А скажите, капитан, сколько устриц может выловить одна лодка за день?

— От сорока до пятидесяти тысяч. Говорят, что в тысяча восемьсот четырнадцатом году, когда правительство Англии организовало ловлю за свой счет, цейлонские ныряльщики собрали за двадцать дней семьдесят шесть миллионов раковин.

— Надеюсь, они получают за свой труд достойное вознаграждение?

— Едва ли, профессор. В Панаме ловцы жемчуга зарабатывают всего лишь доллар в неделю. Но чаще им платят по одному су за устрицу с жемчужиной внутри. А сколько из выловленных раковин оказываются пустыми!

— По одному су? Да ведь эти бедняги обогащают своих хозяев! Какая гнусность!

— Итак, господин профессор, — сказал капитан Немо, — вы со своими спутниками побываете на Маннарской банке. Возможно, какой-нибудь нетерпеливый ловец уже решил открыть сезон,

и тогда нам посчастливится увидеть его за работой.

— Отлично, капитан!

— Кстати, господин Аронакс, вы не боитесь акул?

— Акул? — воскликнул я.

Вопрос показался мне по меньшей мере неуместным.

— Ну так что вы скажете насчет акул? — настаивал капитан.

— Должен признаться, капитан, я пока не очень хорошо знаком с этой породой рыб.

— Мы к ним уже привыкли, со временем привыкнете и вы. В любом случае, мы будем вооружены и, возможно, подстрелим мимоходом какую-нибудь акулу. Охота на акул — весьма увлекательное занятие. Итак, господин профессор, до завтра! Увидимся на рассвете.

С этими словами, произнесенными самым непринужденным тоном, капитан Немо покинул салон.

Если бы вас пригласили поохотиться на медведей в горах Швейцарии, вы бы наверняка сказали: «Отлично! Завтра пойдем на медведя!». Если бы вас пригласили поохотиться на львов в долинах Атласских гор или на тигров в джун-

глях Индии, вы бы ответили: «Чудесно! Похоже, мы пойдем на тигра или льва!» Однако получив приглашение поохотиться на акул в их естественной среде обитания, вы наверняка захотели бы подумать, прежде чем дать согласие.

Я вытер ладонью проступившие на лбу капельки холодного пота.

«Не будем торопиться с ответом и спокойно поразмыслим, — сказал я себе. — Охотиться на каланов в подводных лесах острова Креспо — это еще куда ни шло. Но разгуливать по морскому дну в краях, где в любой момент можно наткнуться на акулу, — совсем другое дело! Я прекрасно знаю, что в некоторых странах, например, на Андаманских островах, негры бесстрашно вступают в бой с акулами, вооружившись ножом и арканом. Но мне также известно, что многие из смельчаков, осмелившихся бросить вызов этим грозным хищникам, отправляются на тот свет! К тому же я не негр, а даже если бы и был им, некоторое колебание с моей стороны вполне простительно».

Мне стали мерещиться акулы, я видел их огромные пасти с несколькими рядами зубов, способных перекусить человека пополам. У меня даже заныло в пояснице. Я никак не мог оправ-

дать беспечный тон, с каким капитан сделал это сомнительное предложение. Будто речь шла о том, чтобы загнать в лесу какую-нибудь безобидную лисицу!

«Хорошо! — думал я. — Консель точно не захочет пойти и тем самым избавит меня от необходимости сопровождать капитана».

Что касается Неда Ленда, в его благоразумии я не был так уверен. Опасность, как бы велика она ни была, всегда казалась притягательной для его воинственной натуры.

Я вновь взял томик Сирра, но так и не смог углубиться в чтение — только машинально переворачивал страницы. Я видел между строк жуткие разверстые пасти.

В этот момент вошли Консель с канадцем, излучая благодушие и даже некоторую веселость. Они еще не знали, что их ждет.

— Право, сударь, — сказал Нед Ленд, — ваш капитан Немо (чтоб ему провалиться!) только что сделал нам весьма любезное предложение.

— Вот как? Значит, вы уже знаете…

— С позволения господина профессора, — подхватил Консель, — командир «Наутилуса» пригласил нас завтра вместе с господином профессором посетить великолепные жемчужные

отмели Цейлона. Причем он был крайне любезен и вел себя как истинный джентльмен.

— А больше он вам ничего не сказал?

— Нет, сударь, — ответил канадец. — Только упомянул, что уже говорил с вами об этой маленькой прогулке.

— Совершенно верно, — кивнул я. — Значит, он не сообщил вам никаких подробностей касательно…

— Никаких! Вы ведь пойдете с нами, господин профессор?

— Я?.. Разумеется! Вижу, эта идея пришлась вам по вкусу, мистер Ленд.

— О да! Это любопытно, весьма любопытно!

— И к тому же опасно! — предостерегающе добавил я.

— Опасно? — фыркнул Нед Ленд. — Что может быть опасного в прогулке по устричной отмели?

Очевидно, капитан Немо решил, что моим спутникам лучше оставаться в неведении насчет акул. Я встревоженно смотрел на товарищей, будто они уже лишились ноги или руки. Стоит ли их предупредить? Да, несомненно! Вот только с чего начать?

— Не мог бы господин поподробнее рассказать нам о ловле жемчуга? — спросил Консель.

— О самой ловле? — уточнил я. — Или о происшествиях, которые…

— О самой ловле, — ответил канадец. — Прежде чем ступить на дорогу, не мешало бы узнать, куда она ведет.

— Ну хорошо! Садитесь, друзья мои, и я расскажу вам все, о чем только что узнал от англичанина по фамилии Сирр.

Нед с Конселем расположились на диване, и канадец тотчас спросил:

— Господин профессор, а что такое жемчужина?

— Мой любезный Нед! — начал я. — Для поэта жемчужина — это морская слеза; для жителей Востока — застывшая капля росы; для модниц — круглое блестящее украшение из перламутра, которое они носят на пальце, на шее или в ушах; для химика — соединение фосфата и углекислого кальция с небольшим количеством желатина; и наконец, для натуралиста — всего лишь продукт аномальной секреции желез, вырабатывающих перламутр, у некоторых двустворчатых.

— Тип моллюсков, класс безголовых, отряд панцирных, — вставил Консель.

— Верно, профессор Консель. К примеру, жемчуг производят такие панцирные, как морские

ушки, турбы, тридакны, пинны — словом, все те, что вырабатывают перламутр, то есть вещество голубого, бледно-синего, лилового или белого цвета, выстилающее внутреннюю поверхность их раковин.

— А мидии тоже? — спросил канадец.

— Да! Некоторые виды пресноводных мидий, обитающих в реках Шотландии, Уэльса, Ирландии, Саксонии, Богемии и Франции.

— Отлично! Буду иметь в виду, — ответил канадец.

— Однако, — продолжил я, — лучший производитель жемчуга среди моллюсков — перловица méléagrina margaritifera, или жемчужница обыкновенная. Жемчужина — не что иное, как отложение перламутрового вещества, принявшее шаровидную форму. Оно находится либо на внутренней поверхности створки устрицы, либо в складках ее мантии. К створкам жемчужина прирастает, а в мягких тканях лежит свободно, ни к чему не прикрепляясь. Ядром жемчужине всегда служит какое-нибудь мелкое твердое тело — к примеру, пустая яйцеклетка или попавшая внутрь песчинка. В течение долгих лет ядро постепенно обволакивается тончайшими слоями перламутра.

— А можно ли найти в одной устрице сразу несколько жемчужин? — спросил Консель.

— Да, мой друг! Иногда встречаются раковины, представляющие собой настоящий ларец с драгоценностями! Говорят, хотя и сомневаюсь в правдивости этой истории, что в одной устрице было обнаружено сто пятьдесят акул!

— Сто пятьдесят акул? — вскричал Нед Ленд.

— Я сказал «акул»? — смутился я. — Я имел в виду «сто пятьдесят жемчужин». Акулы здесь вообще ни при чем.

— И в самом деле, — согласился Консель. — А не мог бы господин рассказать нам, каким образом жемчуг извлекают из раковин?

— Существует несколько способов. Когда жемчужины прирастают к створкам моллюска, рыбаки просто вынимают их щипцами. Но чаще всего выловленные раковины раскладывают на плетеных циновках прямо на берегу. Без воды они погибают; через десять дней достигается нужная стадия разложения. Тогда их ссыпают в большие чаны с морской водой, тщательно моют и вскрывают. После чего начинается работа сортировщиков. Сначала они отделяют от раковин перламутровые пластинки, известные среди промышленников под названиями бес-

примесных серебристых, неполноценных белых и неполноценных черных, которые продаются ящиками от ста двадцати пяти до ста пятидесяти килограммов. Затем они удаляют паренхиму устрицы, варят ее и просеивают сквозь сито, чтобы извлечь даже самые мелкие жемчужины.

— Цена жемчужины зависит от ее величины? — спросил Консель.

— Не только от величины, — ответил я. — Также и от формы, и от ее «воды» — другими словами, оттенка; наконец, от «игры» — то есть разноцветного переливчатого блеска, столь приятного для глаза. Самые красивые жемчужины называют самородками, или парагонами[140]. Они образуются в мягких тканях моллюска, обособленно от его раковины; чаще всего они белые, матовые — хотя иногда приобретают опаловую прозрачность, — и, как правило, сферической или грушевидной формы. Из сферических жемчужин делают браслеты, из грушевидных — подвески. Грушевидные ценятся выше других и продаются поштучно. Остальные жемчужины прирастают к створке устрицы и, как правило, имеют неправильную форму, поэтому их продают

---

[140] Сноски: 140
Парагон — идеал, совершенный образец.

по весу. Наконец, в порядке убывания ценности, есть еще самый мелкий жемчуг, называемый также «бисером»; он продается на вес и чаще всего идет на вышивку и украшение церковной утвари.

— Должно быть, сортировать жемчуг — очень сложная и кропотливая работа, — предположил канадец.

— Вовсе нет, мой друг! Его сортируют при помощи сита или решета. Для отсеивания жемчуга используются одиннадцать сит с разным количеством отверстий. Жемчужины высшего сорта — те, что остаются в ситах, имеющих от двадцати до восьмидесяти отверстий. Ко второму сорту относятся жемчужины, оставшиеся после просеивания через решёта с числом отверстий от ста до восьмисот. И наконец, бисер: для него понадобятся сита, в которых имеется от девятисот до тысячи отверстий.

— Гениально! — восхитился Консель. — Стало быть, жемчужины сортируются механическим способом. А может ли господин сказать, сколько денег приносит Цейлону жемчужный промысел на его устричных отмелях?

— Как утверждает в своей книге Сирр, жемчужные отмели ежегодно сдаются в аренду за три

миллиона акул.

— Франков! — поправил Консель.

— Да, конечно же, франков! Три миллиона франков, — повторил я. — Хотя не думаю, что разработка жемчужных месторождений приносит сейчас больше денег, чем в былые времена. Взять, к примеру, американские месторождения. При Карле Пятом они приносили ежегодно четыре миллиона франков, а в наши дни едва дают треть от этой суммы. В целом общий годовой доход с жемчужных промыслов можно оценить в девять миллионов франков.

— Но ведь некоторые знаменитые жемчужины стоили куда дороже! — удивился Консель.

— Верно, мой друг! Говорят, Цезарь преподнес Сервилии жемчужину стоимостью сто двадцать тысяч франков, в пересчете на наши деньги!

— А я слышал, — сказал канадец, — что одна древнеегипетская красавица пила уксус с растворенными в нем жемчужинами!

— Клеопатра, — подсказал Консель.

— Полагаю, вкус у этого напитка был не очень приятный, — добавил Нед Ленд.

— Премерзкий, — согласился Консель. — Зато рюмка такого уксуса оценивалась в сто пятьдесят тысячи франков! Кругленькая сумма!

— Эх! Надо было жениться на этой дамочке! — И канадец с досадой взмахнул рукой.

— Нед Ленд, супруг Клеопатры! — шутливо провозгласил Консель.

— Я ведь и правда собирался жениться! — серьезно сказал канадец. — И не моя вина, что свадьба не состоялась. Я даже купил своей невесте, Кэт Тендер, жемчужное колье. В нем-то она и вышла замуж… за другого. Между прочим, это колье обошлось мне всего в полтора доллара, хотя состояло из жемчужин, которые — ей-богу, господин профессор, вот не сойти мне с места! — уж никак не смогли бы провалиться сквозь сито на двадцать отверстий.

— Мой дорогой Нед, — ответил я, смеясь, — так то были искусственные жемчужины! Обычные стеклянные шарики, покрытые жемчужной эссенцией.

— Вон оно что! Должно быть, эта эссенция стоит уйму денег, — предположил канадец.

— Почти ничего! Ведь это не что иное, как серебристое вещество с чешуи рыбы-уклейки, растворенное в аммиаке. Дешевая подделка!

— Быть может, поэтому Кэт Тендер и предпочла другого, — философски заметил мистер Ленд.

— Однако возвратимся к разговору о перво-

сортном жемчуге, — сказал я. — Сомневаюсь, что какой-нибудь монарх владел жемчужиной, равной жемчужине капитана Немо.

— Вот этой? — Консель указал на великолепную жемчужину, хранившуюся под стеклом.

— Совершенно верно! Думаю, не ошибусь, оценив ее примерно в два миллиона ак…

— Франков! — поспешно вставил Консель.

— Да, — подтвердил я. — Два миллиона франков. И при этом ему достаточно было лишь нагнуться и подобрать ее!

— А вдруг мы найдем такую же во время завтрашней прогулки? — воодушевился Нед.

Консель скептически хмыкнул.

— Почему бы и нет? — не унимался гарпунщик.

— Зачем нам все эти миллионы на борту «Наутилуса»?

— Не на борту, нет! — сказал Нед Ленд. — А где-нибудь… в другом месте.

— Ах, в другом месте! — усмехнулся Консель, скептически качая головой.

— Между прочим, мистер Ленд прав, — сказал я. — Если когда-нибудь мы вернемся в Европу или Америку и привезем с собой жемчужину стоимостью в несколько миллионов, то это докажет

правдивость нашей истории и придаст ей вес.

— Еще бы! — воскликнул канадец.

— А ловля жемчуга — опасное занятие? — спросил Консель, который всегда стремился добраться до сути вещей.

— Нет! — с живостью ответил я. — Особенно если принять некоторые меры предосторожности.

— Что может быть рискованного в этом ремесле? — удивился Нед Ленд. — Разве только наглотаться морской воды!

— И это тоже. Кстати! — добавил я, подражая непринужденному тону капитана Немо. — Вы не боитесь акул, любезный Нед?

— Я гарпунер! — гордо заявил канадец. — Плевать на акул — часть моей профессии!

— Речь не о том, чтобы ловить их на крючок, вытягивать на борт, отрубать им хвост топором, вспарывать брюхо, вырывать сердце и бросать его в море!

— Так речь идет…

— Именно!

— В воде?

— В воде.

— Ну и что с того? Главное — иметь при себе хороший гарпун! Знаете, профессор, акулы довольно неуклюжи. Чтобы сцапать вас, им нужно

перевернуться кверху брюхом — тут-то я их и…

Нед Ленд произнес «сцапать» таким зловещим тоном, что по спине у меня пробежал холодок.

— Ну а ты, Консель, что думаешь об акулах?

— Буду откровенен с господином профессором…

«Самое время!» — подумал я.

— Если господин профессор отваживается идти на акул, — продолжил Консель, — разве может его верный слуга не последовать за ним?

Глава третья
Жемчужина стоимостью в десять миллионов

Опустилась ночь. Спал плохо — снились акулы. Не знаю, так или нет, но слово «requin» — акула — вполне могло быть образовано от слова «requiem» — реквием. Зловещее совпадение!

В четыре часа утра меня разбудил матрос, которого капитан Немо предоставил в мое распоряжение. Я торопливо встал, оделся и прошел в салон. Капитан меня уже ждал.

— Готовы отправляться, господин Аронакс? — спросил он.

— Готов.

— Следуйте за мной.

— А мои спутники?

— Они уже предупреждены и ждут.

— Разве мы не будем надевать скафандры? — удивился я.

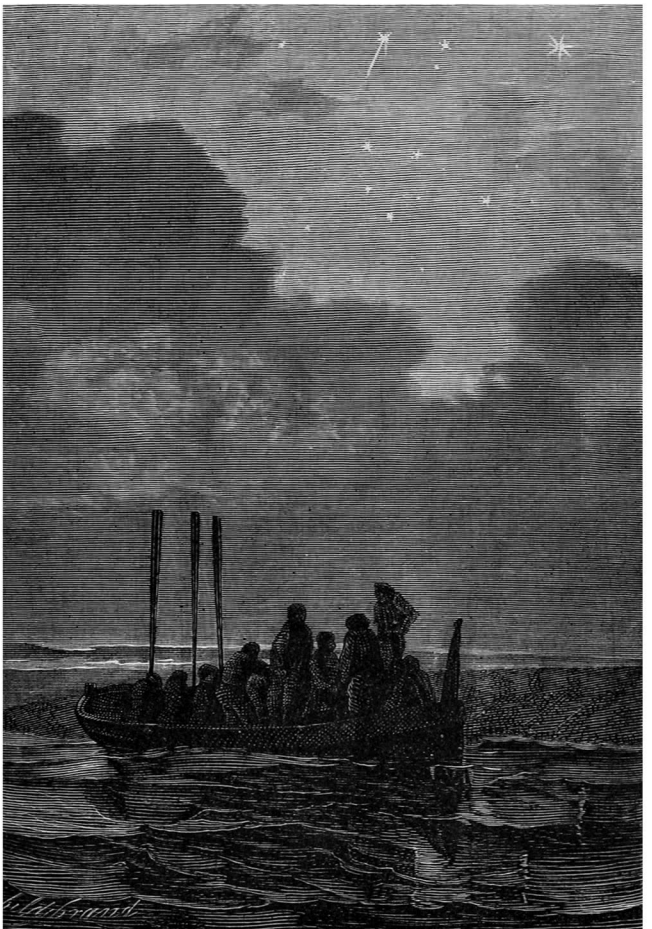
— Пока нет. Я не рискнул подходить слишком близко к берегу, и мы еще довольно далеко от Маннарской банки. Однако я распорядился спустить шлюпку, которая доставит нас к отме-

ли, что значительно сократит путь. Водолазное снаряжение перенесли в шлюпку — мы наденем его перед самым погружением.

Капитан Немо проводил меня к центральной лестнице, ведущей на палубу. Нед с Конселем уже были там, с восторгом предвкушая «веселую прогулку». Пятеро матросов «Наутилуса», с веслами наготове, ожидали нас в пришвартованной к борту шлюпке.

Было еще темно. Только редкие звезды проглядывали сквозь прорехи в плотной завесе из облаков. Глянув в сторону земли, я увидел лишь расплывчатый силуэт, что тянулся с юга-запада на северо-запад, занимая три четверти горизонта. «Наутилус», прошедший за ночь вдоль западного побережья Цейлона, находился сейчас у входа в бухту или, скорее, залив, образованный берегами Цейлона и острова Маннар. Внизу, под темными водами, расстилалась почти на двадцать миль вокруг устричная отмель — неистощимое жемчужное поле.

Капитан Немо, Консель, Нед Ленд и я заняли места на корме шлюпки. Рулевой встал к штурвалу; четверо его товарищей налегли на весла; мы отдали швартовы и отчалили.



Мы заняли места на корме.

Шлюпка взяла курс на юг. Гребцы не торопились. Я заметил, что мощные удары весла следовали друг за другом через каждые десять секунд — такой метод гребли обычно используется на военных судах. И пока лодка продолжала скользить вперед, в черную воду с шипящим треском, словно расплавленный свинец, падали брызги. Ветер пригнал с океана небольшую волну, которая слегка раскачивала шлюпку, с плеском ударяясь о нос.

Мы молчали. О чем думал капитан Немо в ту минуту? Возможно, о темнеющей впереди земле. Возможно, он считал, что подошел к ней чересчур близко, хотя, по мнению канадца, мы находились от нее слишком далеко. Ну а Консель был преисполнен искреннего любопытства.

Около половины шестого горизонт начал светлеть, и на его фоне все отчетливее проступали очертания острова. Довольно плоский на востоке, он становился чуть более холмистым к югу. Еще пять миль отделяли нас от берега, тонувшего в утреннем тумане. Море было пустынным. Ни лодки, ни единого ныряльщика. Безмолвие и одиночество царило в этих краях ловцов жем-

чуга. Как уже говорил капитан Немо, мы прибыли сюда на месяц раньше положенного срока.

В шесть часов вдруг наступил ясный день — с внезапностью, характерной для тропических стран, не знающих ни сумерек, ни рассветов. Солнечные лучи пробились сквозь завесу из туч, сгустившихся над восточным горизонтом, и дневное светило стремительно выкатилось на небосвод.

Я отчетливо увидел землю, поросшую редкими деревьями.

Лодка плавно двигалась на юг, где закруглялся подковой берег острова Маннар. Капитан Немо, поднявшись со скамьи, оглядывал море.

По его знаку матросы спустили якорь; цепь замерла, едва начав разматываться, поскольку мы находились над самым возвышенным участком устричной банки, и до дна оставалось не более метра. Шлюпку сразу перестало сносить в открытое море сильным отливным течением.

— Мы на месте, господин Аронакс, — сказал наконец капитан Немо. — Как видите, бухта довольно тесная. Через месяц в этом месте соберется множество промысловых судов, и тысячи отважных ныряльщиков погрузятся в эти воды. Идеальная бухта для подобного промысла! Она

защищена горами от сильных ветров, и здесь почти не бывает волн — обстоятельства, весьма благоприятные для искателей жемчуга. Ну а теперь давайте наденем скафандры и отправимся на прогулку!

Не сводя взгляда с этих коварных вод, я молча стал облачаться в тяжелый водолазный костюм. Капитан Немо и оба моих товарища тоже одевались. Никто из членов команды не должен был сопровождать нас во время необычной экскурсии.

Вскоре мы были по шею заключены в каучуковую броню, а на спинах у нас висели дыхательные аппараты, закрепленные при помощи ремней. Однако, к моему удивлению, аппаратов Румкорфа в шлюпке не оказалось, и, прежде чем надеть на голову медный шлем, я напомнил о них капитану.

— Они нам не понадобятся, — ответил капитан. — Здесь неглубоко, и для освещения вполне достаточно солнечных лучей. К тому же погружаться с электрическим фонарем было бы рискованно. Его свет может привлечь опасных обитателей местных вод.

Едва капитан Немо произнес эти слова, я обернулся на Конселя и Неда Ленда. Но друзья уже

нацепили металлические шлемы и не могли ни слышать, ни говорить.

Оставалось задать капитану Немо последний вопрос.

— А как же мы будем защищаться? — спросил я. — Где наши ружья?

— Ружья? Зачем они нам? Разве ваши горцы не ходят на медведя с одним лишь кинжалом в руке? Разве свинец надежнее копья? Вот вам прочная шпага. Заткните ее за пояс — и в путь!

Я посмотрел на моих спутников. Они были вооружены так же, как мы с капитаном; кроме того, Нед Ленд размахивал огромным гарпуном, который предусмотрительно захватил с собой.

Следуя примеру капитана, я безропотно сунул голову в тяжелую медную сферу, и наши воздушные резервуары были немедленно приведены в действие.

Минуту спустя мы при помощи матросов один за другим скользнули за борт и ступили на плотный песок в полутора метрах от поверхности. Капитан Немо сделал знак рукой, приглашая идти за ним. Мы зашагали по плавно опускающемуся дну и вскоре скрылись под водой.

Там все мои тревоги мгновенно улетучились. Я вновь ощутил удивительное спокойствие.

Легкость движений придала мне уверенности, а необычность открывшихся взору картин захватила воображение.

Солнце уже поднялось над горизонтом, и под водой стало достаточно светло. Я мог отчетливо разглядеть мельчайшие предметы. Через десять минут мы опустились на глубину десяти метров, где дно было относительно ровным.

У нас из-под ног, словно стаи бекасов на болоте, выпорхнули вереницы забавных рыбок из рода одноперых, не имеющие других плавников, кроме хвостового. Я заметил среди них яванского моноптеруса с синеватым брюшком — настоящую змею длиной восемьдесят сантиметров! Если бы не золотистые линии на боках, его можно было бы запросто спутать с морским угрем. Из семейства строматид, отличающихся сплюснутым телом овальной формы, мне встретились пестрые рыбы-ангелы с серповидным спинным плавником — съедобные, в высушенном и маринованном виде они являют собой вкуснейшее блюдо под названием «караваде». А также я увидел морских карасей транкебаров, принадлежащих к роду щитоносов, чье тело покрыто чешуйчатым панцирем из восьми продольных пластинок.

Нед Ленд размахивал огромным гарпуном.

Чем выше поднималось солнце, тем ярче освещалось морское дно. Характер почвы постепенно менялся. Мелкий песок у нас под ногами превратился в круглую гальку — мы словно шагали по просторной дороге, усеянной моллюсками и зоофитами. Среди многочисленных представителей этих двух типов мое внимание привлекли плакуны с тонкими неровными створками — разновидность устриц, обитающих в Красном море и Индийском океане; рыжеватые люцины со сферическими раковинами; шиловидные теребры; персидские багрянки, снабжавшие «Наутилусу» превосходной краской; рогатые мурексы длиной пятнадцать сантиметров — казалось, они вот-вот вцепятся в нас своими отростками, похожими на тонкие пальцы; колючие турбинеллы, сплошь покрытые острыми шипами; лингулы, анатины — съедобные ракушки, которыми изобилуют рынки Индостана; слабо фосфоресцирующие панопиры; и наконец чудесные веерообразные окулины — восхитительные подводные веера, служащие одним из самых ярких украшений этих морей.

Между живыми растениями, под сенью гидрофитов, сновали легионы членистоногих.

Особенно часто попадались зубастые ранины с треугольным, чуть округлым панцирем, типичные для этих мест биргусы и жуткие партенопы, чей уродливый вид вызывает отвращение. Мне также довелось много раз встретить и другое, не менее ужасное животное — описанного Дарвином гигантского краба, которого природа наделила силой и инстинктом в такой степени, что он может питаться кокосовыми орехами. Взбираясь на растущие вдоль берега деревья, он сбрасывает вниз кокосы, а когда те раскалываются, вскрывает их могучими клешнями. Здесь, под прозрачными водами, этот краб перемещался с невероятной скоростью, в отличие от зеленых морских черепах Малабарского побережья, которые лениво ползали среди камней.

Около семи часов мы наконец добрались до устричной отмели, где ежегодно плодятся миллионы жемчужниц. Драгоценные моллюски прикрепляются к подводным скалам и намертво приклеиваются к ним благодаря липким коричневатым нитям биссуса, тем самым полностью себя обездвиживая. В этом отношении устрицы проигрывают обычным ракушками, которых природа не стала окончательно лишать способности двигаться.

Перламутровая устрица, жемчужница мелеагрина, имеет округлую раковину с почти симметричными плотными створками и очень ребристой наружной поверхностью. На спиральных ребрах некоторых из раковин виднелись зеленоватые бороздки, расходившиеся лучами из вершины. Так выглядели молодые устрицы. Другим устрицам, черным и шероховатым, было не менее десяти лет, а их длина достигала пятнадцати сантиметров.

Капитан Немо указал мне на это скопление устриц, и я понял, что перед нами — поистине неистощимые копи, поскольку созидательная сила природы берет верх над человеческим инстинктом разрушения. Повинуясь этому инстинкту, Нед Ленд спешил наполнить висевшую у него на поясе сеть самыми красивыми моллюсками.

Но останавливаться подолгу мы не могли. Нужно было идти за капитаном, который, по всей видимости, прекрасно ориентировался в хитросплетении одному ему известных тропинок. Уровень дна заметно повысился, и порой моя поднятая рука высовывалась из воды. Затем дно резко ушло вниз. То и дело нам приходилось обходить вырастающие на пути скалы с остры-

ми пирамидальными вершинами. Из темных расселин, покачиваясь на длинных тонких конечностях, за нами пристально наблюдали гигантские ракообразные, похожие на водруженные на лафеты орудия. Под ногами копошились мирианы, арисии, глицеры и кольчатые черви, вытягивая свои усики и щупальца.

Впереди возник просторный грот, образовавшийся в живописном нагромождении скал, покрытых пестрыми гобеленами из всевозможных подводных растений. Поначалу мне показалось, что внутри — кромешная тьма. Солнечные лучи как будто гасли у самого входа, растворяясь в полупрозрачном мраке.

Капитан Немо вошел в грот. Мы последовали за ним, и вскоре мои глаза привыкли к относительной темноте. Я разглядел причудливые очертания сводов, поддерживаемых естественными колоннами, которые прочно стояли на гранитном фундаменте, подобно массивным колоннам тосканской архитектуры. Зачем понадобилось нашему непостижимому проводнику стремиться в эту подводную гробницу? Разгадка не заставила себя долго ждать.

Спустившись по довольно крутому склону, мы очутились на дне некоего подобия круглого

колодца. Там капитан Немо остановился и указал рукой на предмет, которого я прежде не замечал.

Это была невероятного размера устрица — гигантская тридакна диаметром более двух метров, чаша, способная вместить целое озеро святой воды! То есть величиной она превосходила раковину, украшавшую салон «Наутилуса».

Я подошел к удивительному моллюску. Цепляясь нитями биссуса к гранитному пласту, он рос отдельно от своих собратьев в спокойных водах грота. Я предположил, что эта тридакна весит около трехсот килограммов. А значит, в ней должно быть не менее пятнадцати килограммов мяса, — чтобы проглотить дюжину таких устриц, понадобился бы желудок Гаргантюа!

Судя по всему, капитан Немо знал о существовании двустворчатого гиганта и уже не раз приходил в этот грот. Я подумал, что он привел нас сюда лишь для того, чтобы показать такую диковинку природы. Но я ошибался. Капитан Немо пришел с определенной целью: установить, как изменился моллюск со времени последнего посещения.

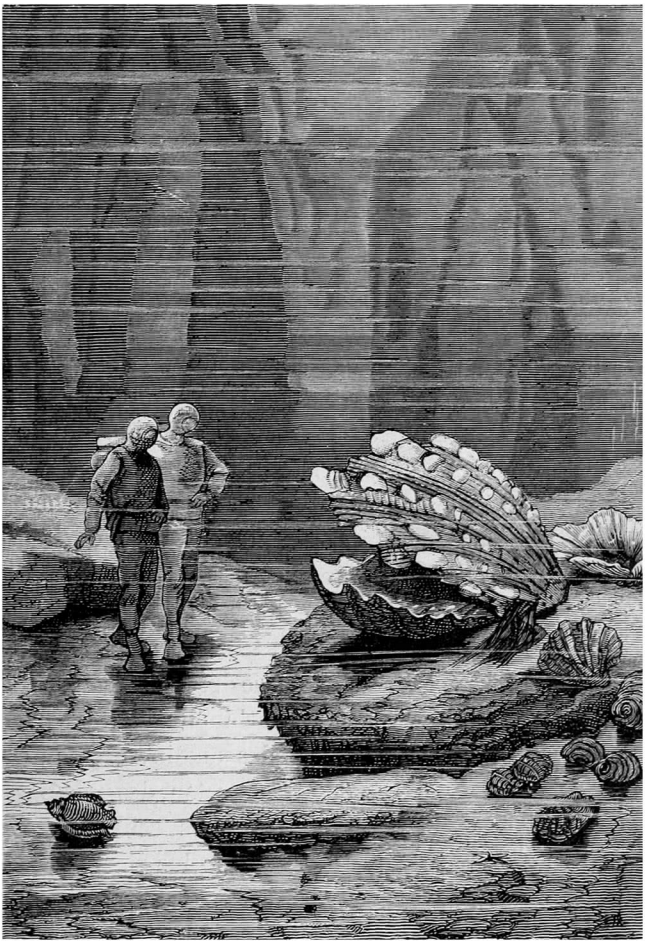
Створки тридакны были полуоткрыты. Подойдя ближе, капитан вставил между раковинами кинжал, не давая им захлопнуться; затем при-

поднял бахромчатый край мантии.

Внутри, между пластинчатыми складками, покоилась жемчужина размером с кокосовый орех. Безупречная шаровидная форма, идеальная прозрачность и восхитительный блеск делали ее поистине бесценной. Охваченный любопытством, я протянул руку, чтобы взвесить, осязать чудесную жемчужину! Но капитан остановил меня жестом и ловко убрал кинжал — створки моллюска сомкнулись в мгновение ока.

И тогда я понял замысел капитана Немо. Он намеренно оставлял жемчужину внутри тридакны, чтобы она спокойно росла в складках ее мантии. Каждый год выделяемый моллюском перламутровый секрет обволакивал ее все новыми слоями. Никто не знал о гроте, где «зрел» этот великолепный плод природы; можно сказать, капитан сам его выращивал, чтобы в один прекрасный день перенести в свой великолепный музей. Возможно, он даже способствовал образованию жемчужины — по примеру китайцев и индусов, — поместив под складки мантии кусочек стекла или металла, которые со временем покрылись перламутром. Так или иначе, сравнивая гигантскую жемчужину с теми, что сверкали в коллекции «Наутилуса», я оценил ее стоимость

по меньшей мере в десять миллионов франков. Восхитительный курьез природы, а не роскошное украшение, поскольку ни одно женское ухо не выдержало бы такой вес!



Я подошел к удивительному моллюску.

Визит к великолепной тридакне подошел к концу. Капитан Немо вышел из грота, и мы вновь поднялись на устричную отмель, чьи кристальные воды еще не были потревожены ловцами жемчуга.

Мы шли порознь, словно гуляющие по бульварам горожане; каждый мог остановиться или уйти вперед. Что до меня, то я и думать забыл об опасностях, которых рисовало мне воображение в столь гротескном виде. Тем временем дно отмели заметно поднялось, и вскоре моя голова оказалась над поверхностью океана. Консель подошел ко мне и, вплотную приблизив стекла своего шлема к моим, передал мне дружеский привет одними глазами. Однако метровая глубина сохранялась лишь на протяжении нескольких туазов, после чего мы снова вернулись в родную стихию. Думаю, теперь я вправе считать ее таковой.

Десять минут спустя капитан Немо внезапно остановился. Я было подумал, что он хочет повернуть назад. Но нет! Он жестом велел нам подойти и спрятаться в глубокой расщелине скалы. А затем указал рукой на некую точку в толще воды. Я присмотрелся.

В пяти метрах от нас мелькнула какая-то тень и опустилась ко дну. Меня тут же пронзила тревожная мысль об акулах. Однако я снова ошибся: и на этот раз морские чудовища оказались ни при чем.

Это был всего лишь человек, простой смертный — темнокожий индиец, ловец жемчуга, бедняга, очевидно, явившийся собирать колосья задолго до начала жатвы. В нескольких футах над ним темнело влажное днище рыбацкой лодчонки. Индиец то погружался, то снова выныривал. Чтобы быстрее опуститься на дно, он сжимал ногами увесистый камень размером с сахарную голову, привязанный к лодке другим концом веревки. Это было все его снаряжение. Коснувшись песка на глубине около пяти метров, он вставал на колени и без разбору засовывал в мешок попавшиеся под руку устрицы. Затем вновь устремлялся к поверхности, опустошал свой мешок, брал камень и еще раз проделывал всю операцию, длившуюся не более тридцати секунд.

Мы наблюдали за рыбаком, оставаясь незамеченными. Тень скалы скрывала нас от его взглядов. Да и мог ли этот бедный индиец предположить, что где-то рядом, под водой, находятся

люди, подобные ему существа, — шпионя за ним, подмечая его малейшие действия!

Так, раз за разом он всплывал и снова бросался в воду. За одно погружение он собирал не более десятка устриц, поскольку ему приходилось отрывать их от грунта, к которому они крепились прочными биссусными нитями. А ведь сколько раковин, ради которых он рисковал жизнью, были пустыми!

Я внимательно наблюдал за ловлей. В течение получаса ныряльщик методично совершал одни и те же действия, оставаясь, как мне казалось, в полной безопасности. Мой интерес к этому занятному способу рыбалки уже начал угасать, как вдруг индиец, стоявший в тот момент на коленях среди устриц, в страхе отпрянул, поднялся на ноги и рванул к поверхности.

Я понял, что его так напугало. Гигантская тень пронеслась над бедным ныряльщиком. Это была огромная акула, которая наискось приближалась к нему, с горящими глазами и разинутой пастью!

Я замер от ужаса, не в силах пошевелиться.

Рассекая воду мощными плавниками, прожорливая хищница ринулась к индийцу, и тот отскочил в сторону, увернувшись от акульих

зубов. Однако ему не удалось избежать удара хвоста, который пришелся по груди, свалив несчастного с ног.

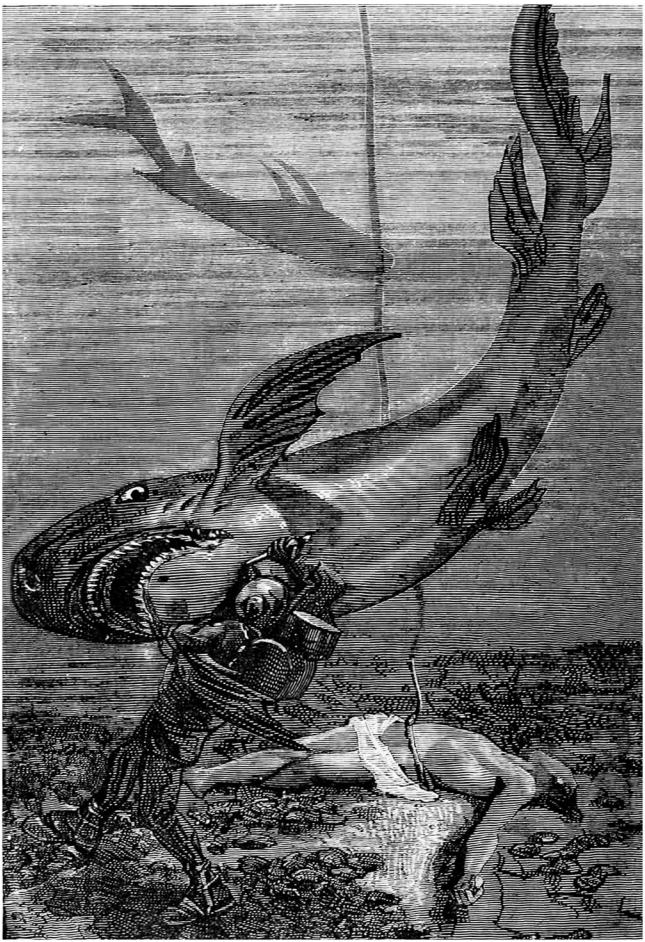
Эта сцена длилась всего несколько секунд. Акула снова ринулась в атаку и, перевернувшись на спину, уже хотела перекусить индийца пополам, но тут капитан Немо, стоявший рядом со мной, резко вскочил на ноги. А затем, сжимая в руке кинжал, направился прямо к чудовищу, готовый вступить в поединок.

Акула, собравшаяся было проглотить несчастного рыбака, заметила нового противника и, вновь перевернувшись на живот, устремилась к нему.

Я и сейчас как наяву вижу капитана Немо, застывшего в боевой готовности. Внутренне собравшись, он с удивительным хладнокровием поджидал грозного хищника, а когда тот бросился на него, капитан каким-то чудом увернулся, избежав столкновения, и всадил кинжал в акулье брюхо. Но это еще был не конец. Завязалась смертельная схватка.

Акула, образно говоря, взревела. Кровь потоками лилась из ее раны. Море окрасилось в алый цвет, и я больше ничего не мог разглядеть в помутневшей воде.

Ничего — пока в какой-то момент не увидел в просвете бесстрашного капитана. Ухватившись за плавник, он сражался с чудовищем, снова и снова вонзая кинжал ему в брюхо. Однако у него никак не получалось добраться до сердца, чтобы нанести смертельный удар. Акула бешено сопротивлялась, взбивая воду хвостом; поднявшейся волной меня едва не сшибло с ног.



Завязалась смертельная схватка.

Я хотел броситься капитану на помощь. Но так и не сумел пошевелиться — ужас пригвоздил меня к месту.

Я лишь растерянно смотрел на происходящее. И видел, как меняется ход битвы. Капитан упал, опрокинутый тяжестью гигантской туши. Жуткая пасть разинулась, и капитану пришел бы конец, если бы Нед Ленд с быстротой молнии не бросился к акуле и не пронзил ее своим грозным оружием.

Море вновь обагрилось кровью. Воды колыхались под ударами хвоста взбешенной акулы. Нед не промахнулся. Это была агония чудовища. Пронзенная в сердце акула билась в предсмертных судорогах; поднявшаяся волна сбила Конселя с ног.

Благодаря Неду Ленду капитан был спасен. Целый и невредимый, он поднялся на ноги, подошел к индийцу и живо перерезал привязанную к камню веревку. Затем взял несчастного на руки и, с силой оттолкнувшись ногами от дна, всплыл на поверхность.

Мы все трое последовали за ним и через несколько мгновений, чудом избежав гибели, оказались в рыбацкой лодке.

Первым делом капитан Немо принялся возвращать беднягу к жизни. Я не знал, увенчаются ли его старания успехом. Но очень на это надеялся, ведь ныряльщик пробыл в воде не так уж долго. Хотя удар акульего хвоста мог быть смертельным.

К счастью, энергичные растирания Конселя и капитана возымели действие: утопленник начал понемногу приходить в себя. Он открыл глаза. Представьте его удивление, и даже ужас, при виде склонившихся над ним четырех огромных голов, закованных в медь!

И что он должен был подумать, когда капитан Немо вынул из кармана мешочек жемчуга и вложил ему в ладонь? Бедный сингалец дрожащей рукой принял щедрый дар обитателя морей. Судя по испуганным глазам, спасенный не понимал, каким неведомым существам обязан и жизнью, и богатством.

По знаку капитана мы вернулись на устричную отмель и, пройдя знакомой дорогой, через полчаса очутились возле стоявшей на якоре шлюпки «Наутилуса».

Поднявшись на борт, мы с помощью матросов избавились от тяжелой медной брони.

Первое слово капитана Немо было обращено

к канадцу.

— Благодарю вас, мистер Ленд, — произнес он.

— Я лишь вернул вам долг, — ответил Нед Ленд.

Тень улыбки скользнула по губам капитана. На этом разговор завершился.

— Назад к «Наутилусу»! — прозвучал приказ.

И шлюпка понеслась по волнам. Через несколько минут мы увидели плавающий кверху брюхом труп акулы. По черным кончикам плавников я узнал черноперую рифовую акулу Индийского океана — типичную представительницу акулье-го племени. Ее длина превышала двадцать пять футов; огромная пасть занимала одну треть тела. Это была взрослая особь, судя по шести рядам зубов, расположенных в форме равнобедренного треугольника в верхней челюсти.

Консель разглядывал поверженного хищника с чисто научным интересом и, я уверен, вполне обоснованно причислил его к классу хрящевых, отряду пластиножаберных, семейству селахи-евых и роду серых акул.

Пока я разглядывал неподвижное тело чу-довища, дюжина его кровожадных сородичей окружили лодку. Не обращая на нас ни малей-шего внимания, они жадно набросились на труп,

разрывая его в клочья.

В половине девятого мы вернулись на борт «Наутилуса»

Я стал размышлял обо всем, что произошло во время нашей прогулки по Маннарской отмели. И сделал в итоге два неизбежных вывода. Во-первых, я убедился в невероятной отваге капитана Немо. А во-вторых, понял, что он способен пожертвовать собой ради другого существа, представителя того самого человеческого общества, от которого он бежал в морские глубины! Что бы ни говорил о себе этот непостижимый человек, ему так и не удалось убить в себе сострадания.

Когда я высказал ему свои наблюдения, он ответил взволнованным голосом:

— Этот индиец, господин профессор, — житель страны угнетенных. Я и сам оттуда родом и до последнего вздоха останусь подданным этой страны!

Глава четвертая
Красное море

К вечеру 29 января остров Цейлон скрылся из виду; «Наутилус» со скоростью двадцати миль в час скользил в лабиринте каналов между Мальдивскими и Лаккадивскими островами. Мы даже прошли близ кораллового атолла Килтан, открытого Васко да Гамой в 1499 году — одного из девятнадцати островов Ликкадийского архипелага, расположенного между 10° и 14°30’ северной широты и 69° и 50°72’ восточной долготы.

Таким образом, выйдя из отправной точки в Японском море, мы преодолели шестнадцать тысяч двести двадцать миль, или семь тысяч пятьсот лье.

На следующий день, 30 января, когда «Наутилус» поднялся на поверхность океана, острова уже исчезли за горизонтом. Наш курс лежал на северо-северо-запад, к Оманскому заливу, который находится между Аравией и полуостровом Индостан и служит воротами в Персидский залив.

Очевидно, впереди был тупик. Куда же вел нас капитан Немо? Я терялся в догадках. Подобная неопределенность совершенно не устраивала канадца, который именно в этот день спрашивал меня, куда мы направляемся.

— Мы направляемся туда, мистер Ленд, куда ведет нас фантазия капитана.

— Вряд ли эта фантазия заведет нас слишком далеко, — ответил канадец. — Из Персидского залива нет другого выхода, и если мы туда зайдем, нам ничего не останется, кроме как повернуть назад.

— Что ж, значит, мы повернем назад! А если после Персидского залива «Наутилус» пожелает отправиться в Красное море, то Баб-эль-Мандебский пролив всегда к его услугам.

— А то вы не знаете, профессор, — возразил Нед Ленд, — что Красное море, как и Персидский залив, не имеет другого выхода! Суэцкий перешеек еще не прорыт[141]. Но даже будь он прорыт, «Наутилус» не стал бы соваться в перекрытый шлюзами канал! Словом, Красное море — не тот

---

[141] Сноски: 141

Суэцкий канал был открыт для судоходства 17 ноября 1869 года, примерно через полгода после начала публикации романа. Причем из-за отсутствия перепада уровней морей, которые соединяет канал, и возвышенностей на его трассе он не имеет шлюзов.

путь, который приведет нас обратно в Европу.

— Я и не говорил, что мы идем в Европу.

— Куда же мы, по-вашему, направляемся?

— Полагаю, посетив моря, омывающие Аравию и Египет, «Наутилус» вернется в Индийский океан либо через Мозамбикский пролив, либо вдоль Маскаренских островов, и достигнет мыса Доброй Надежды.

— А когда достигнет мыса Доброй Надежды, что потом? — не унимался канадец.

— Вероятно, потом мы направимся в ту часть Атлантики, где еще не бывали. Друг Нед, неужели вам так наскучило подводное путешествие? Неужели вы пресытились созерцанием бесконечных морских чудес? Вот я, признаться, буду крайне огорчен, когда наше плавание подойдет к концу. Мало кому выпадает такая удача!

— Знаете ли вы, господин Аронакс, что прошло уже три месяца с тех пор, как мы стали пленниками «Наутилуса»?

— Не знаю, Нед. И не хочу знать! На борту «Наутилуса» я не считаю ни дни, ни часы!

— Но когда все это кончится?

— Всему свое время! К тому же от нас все равно ничего не зависит, так что мы зря сотрясаем воздух. Вот если бы, любезный Нед, вы пришли

и сказали: «Представился случай бежать!», то я с удовольствием обсудил бы с вами возможность побега. Но сейчас об этом нет и речи, и, сказать по правде, я сомневаюсь, что капитан Немо когда-либо рискнет отправиться в европейские моря.

Как видно из этого короткого диалога, мое страстное чувство восхищения «Наутилусом» заставляло меня смотреть на все глазами его командира.

Что касается Неда Ленда, то он завершил разговор такими словами:

— Все это прекрасно, но как по мне — без свободы и жизнь не в радость!

Следующие четыре дня, до третьего февраля, «Наутилус» находился в Оманском заливе, двигаясь с разными скоростями и на разных глубинах. Он шел как будто наугад, словно не зная, какую дорогу выбрать; но за все время мы ни разу не пересекли тропик Рака.

Покидая пределы залива, мы на мгновение увидели вдали Маскат — столицу Омана. Я любовался необычными очертаниями этого города, окруженного черными скалами, на фоне которых белели стены домов и крепостей. Моему взору предстали круглые купола мечетей, изящные шпили минаретов, тенистые зеленые террасы.

Вскоре прекрасное видение скрылось из виду, и «Наутилус» вновь погрузился в темные морские глубины.

Затем мы проплыли на расстоянии шести миль от арабских берегов Махры и Хадрамаута, вдоль извилистой линии горных хребтов, увенчанных древними руинами. Наконец, 5 февраля, мы вошли в Аденский залив, настоящую воронку, вставленную в горлышко Баб-эль-Мандеба, несущего индийские воды в Красное море.

Шестого февраля «Наутилус» прошел мимо Адена, примостившегося на скалистом мысе, что соединен с континентом узким перешейком. Англичане, захватившие город в 1839 году, превратили его в подобие неприступного Гибралтара, восстановив разрушенные крепостные сооружения. Я увидел восьмиугольные минареты этого древнего порта, который был в свое время самым богатым и развитым центром торговли на всем побережье, по словам историка аль-Идриси.

Я полагал, что, дойдя до мыса, капитан Немо повернет назад; но, к моему огромному удивлению, он не сделал ничего подобного.

На следующий день, 7 февраля, мы вошли в Баб-эль-Мандебский пролив, название которого

в переводе с арабского означает «Ворота слез». При ширине в двадцать миль его длина не превышает пятидесяти двух километров — идущий на полном ходу «Наутилус» преодолел это расстояние за час. Правда, я так ничего и не увидел — даже остров Перим, присоединенный британским правительством к Аденскому поселению. Слишком много английских и французских пароходов, направлявшихся из Суэца в Бомбей, Калькутту, Мельбурн, а также на Бурбон[142] и Маврикий, бороздили этот узкий пролив. Поэтому «Наутилус» не рискнул всплывать и благоразумно держался на глубине.

Наконец около полудня мы достигли пределов Красного моря.

Красное море — знаменитое соленое озеро из библейских преданий, уровень которого ежегодно понижается на полтора метра, так как оно не орошается дождями, не пополняется водами крупных рек и беспрерывно мелеет из-за чрезмерного испарения! Этот уникальный залив мог бы давно высохнуть, будь он полностью закрытым; расположенным по соседству Каспий-

[142] Сноски: 142

Прежнее название французского острова Реюньон в Индийском океане.

скому и Асфальтовому[143] морям повезло чуть больше — их уровень понизился не так сильно, и объем испаряющейся воды равен объему поступающей.

Длина Красного моря составляет две тысячи шестьсот километров при средней ширине в двести сорок. В эпоху Птолемеев и римских императоров оно играло роль крупнейшей торговой артерии мира, и строительство канала на перешейке вернет ему былое величие — отчасти это уже произошло благодаря Суэцким железным дорогам[144].

Я даже не пытался понять, что побудило капитана Немо отправиться в Красное море. Однако безоговорочно поддерживал это решение. «Наутилус» двигался с умеренной скоростью, то всплывая, то вновь погружаясь, чтобы избежать встречи с очередным судном. Поэтому мне удалось наблюдать это необычное море как на поверхности, так и в глубинах.

На рассвете 8 февраля на горизонте показался город Мокка, представляющий собой груду

---

[143] Сноски: 143
Одно из названий Мертвого моря.

[144] Сноски: 144
Строительство железной дороги Каир — Суэц завершилось в 1858 году.

развалин, что обрушиваются от одного лишь звука пушечных залпов. Среди руин тут и там зеленели редкие финиковые пальмы. Когда-то это был крупный торговый центр, в котором насчитывалось шесть рынков, двадцать шесть мечетей и четырнадцать крепостей, окружавших его защитным поясом в три километра.

Затем «Наутилус» приблизился к африканским берегам, где море достигает наибольшей глубины. Пока наш корабль рассекал кристально прозрачные воды, мы с восхищением разглядывали через хрустальные стекла разноцветные кустики кораллов и могучие скалы, покрытые роскошным зеленым ковром из водорослей. Какое неописуемое зрелище, какое разнообразие ландшафтов и пейзажей открылось нашему взору среди подводных рифов и вулканических островков ливийского побережья! Вскоре, когда «Наутилус» подошел к восточным берегам, флора и фауна Красного моря предстала перед нами во всем своем великолепии! Мы находились тогда в окрестностях Тихамы, где пышные заросли зоофитов красовались не только под водой, но и выходили на поверхность, вздымаясь на высоту в десять морских саженей с причудливом сплетении; правда, на воздухе они слегка блекли

по сравнению с теми, что сохраняли яркость благодаря живительной морской влаге.

Сколько счастливых часов я провел у окна салона! Сколько восхитительных новых видов подводной флоры и фауны увидел я в электрическом свете нашего прожектора! Грибовидные кораллы, грифельно-серые актинии, в том числе Thalassianthus aster; тубипоры, напоминающие флейту Пана — казалось, они только и ждут, когда бог-пастух начнет на них играть; удивительные моллюски со спиралевидной подошвой, которые селятся в полостях мадрепоровых кораллов Красного моря; и наконец, тысячи разновидностей не встречавшейся мне прежде обыкновенной морской губки.

Класс губок, первый в группе полипов, представлен исключительно этими любопытными созданиями, чья полезность бесспорна. Губки — вовсе не растения, как полагают некоторые натуралисты, а многоклеточные животные, полипы, имеющие более примитивное строение по сравнению с кораллами. Их принадлежность к царству животных не подлежит сомнению; также пришлось опровергнуть гипотезу древних ученых, считавших губки промежуточной формой между растениями и животными. Хотя надо

сказать, что у исследователей до сих пор возникают разногласия по поводу строения губок. Одни считают, что это целая колония микроскопических животных. Другие же, как и Мильн-Эдвардс, уверены, что каждая губка — самостоятельный организм.

Скалы, покрытые роскошным ковром из водорослей.

Класс губок насчитывает около трехсот видов, которые встречаются во многих морях и даже в некоторых реках — в последнем случае их называют «флювиальными». Однако они обитают преимущественно в водах Средиземного моря, греческого архипелага, побережья Сирии, а также Красного моря. Там в изобилии растут и размножаются тончайшие туалетные губки стоимостью до ста пятидесяти франков: золотистая губка из Сирии, жесткая губка из Берберии, и так далее. К сожалению, у меня не было возможности изучить зоофиты Восточного Средиземноморья, от которого нас отделял непроходимый Суэцкий перешеек, поэтому пришлось довольствоваться обитателями Красного моря.

Я позвал Конселя, чтобы вместе полюбоваться подводными видами. Держась на глубине от восьми до девяти метров, «Наутилус» медленно огибал прекрасные скалы восточных берегов.

На их склонах росли губки всевозможных форм: стебельчатые, листовидные, шарообразные, дланевидные. Они полностью оправдывали полученные от рыбаков названия, в которых было куда больше поэзии, чем науки: корзинки, чаши,

веретена, лосиные рога, львиные лапы, павлиньи хвосты, перчатки Нептуна. Фиброзные ткани этих животных, пропитанные полужидким слизистым веществом, снабжены маленькими нитевидными жгутиками, которые беспрерывно вбирают воду, а затем, насытив каждую клеточку своего организма, конвульсивными движениями исторгают ее из себя. После смерти губки это клейкое вещество иссякает и разлагается, высвобождая аммиак. Остаются только ороговелые или студенистые волокна — из них и состоит привычная нам туалетная губка, которая приобретает рыжеватый оттенок и используется в домашнем хозяйстве для самых разных целей, в зависимости от степени упругости, проницаемости и способности противостоять набуханию.

Губки облепляли скалы, раковины моллюсков и даже стебли гидрофитов, заполняя собою мельчайшие трещинки. Одни стелились по поверхности, другие тянулись вверх или свисали гроздьями подобно сталактитам. Я рассказывал Конселю, что губки собирают двумя способами: с помощью драг или вручную. Последний способ, при котором задействуются ныряльщики, предпочтительнее: в этом случае ткань губок не повреждается, отчего их ценность значитель-

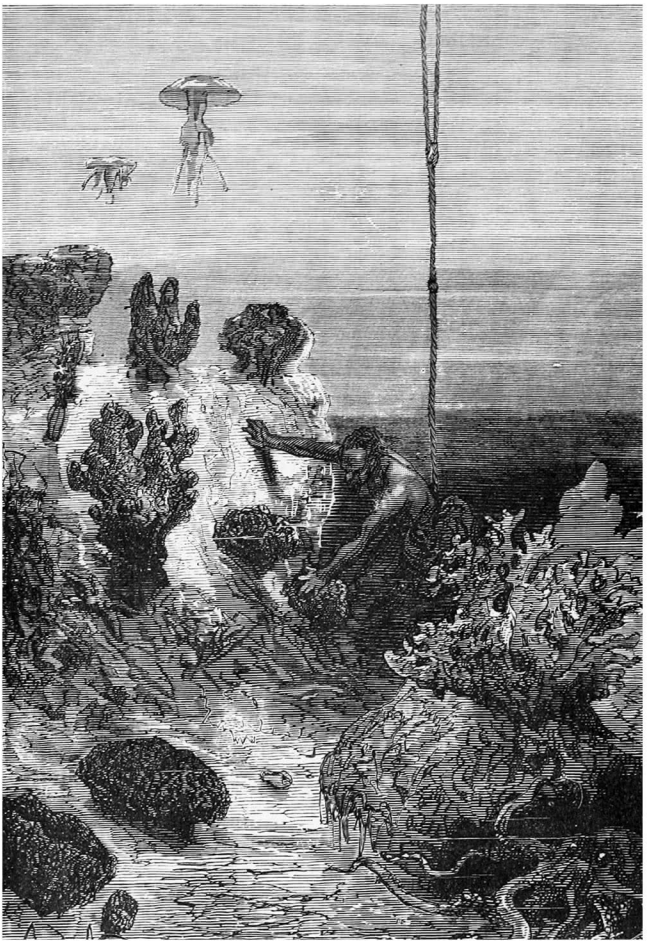
но возрастает.

Наряду с губками здесь в изобилии водились и другие зоофиты — в основном, медузы весьма изящной формы; моллюски были представлены несколькими разновидностями кальмаров, обитающих, согласно д'Орбиньи, только в Красном море, а рептилии — зелеными морскими черепахами из рода хелоний, которые пополнили наш рацион полезными и вкусными блюдами.

Среди великого множества рыб зачастую попадались весьма примечательные экземпляры. Вот из чего обычно состоял в те дни улов «Наутилуса»: скаты, в том числе лиммы[145] с овальным телом кирпичного оттенка и россыпью неровных синих пятен, легко узнаваемые по двойному шипу с зазубринами; широкохвостые хвостоколы с серебристой спиной; шиповатый скат с крапчатым хвостом; прочие гигантские скаты, похожие на широкие двухметровые мантии; начисто лишенные зубов аодоны — разновидность хрящевых рыб, родственных акулам; кузовки-дромадеры длиной полтора фута с загнутым шипом на горбатой спине; ошибни — настоящие мурены с серебристым хвостом, голубоватой

[145] Сноски: 145
Синепятнистый скат-хвостокол (Taeniura lymma).

спиной и коричневыми грудными плавниками с серой каймой; фиатолы, раскрашенные в цвета французского флага — разновидность строматеев с тонкими золотыми полосками; гурами длиной сорок сантиметров; великолепные каранксы с желто-голубыми плавниками, семью поперечными полосами насыщенного черного цвета и золотисто-серебристой чешуей; центроподы, золотополосые барабули с желтой головой, рыбы-попугаи, губаны, спинороги, гоби и тысячи других рыб, обитающих во всех океанах планеты, которых мы уже не раз встречали.



Сбор морских губок.

Девятого февраля «Наутилус» шел в самой широкой части Красного моря, между Суакином на западном берегу и Кунфудой на восточном, удаленными друг от друга на расстояние в сто девяносто миль. В полдень тоже дня, после определения координат, капитан Немо поднялся на палубу. Я уже находился там, полный решимости не отпускать его, пока он не расскажет хотя бы в общих чертах о своих дальнейших планах. Заметив меня, он тотчас подошел, любезно угостил меня сигарой и сказал:

— Ну что, господин профессор, как вам понравилось Красное море? Удалось ли наблюдать скрытые в его глубинах чудеса? Рыб, зоофитов, лужайки губок и коралловые рощи? Видели ли вы города, разбросанные вдоль его берегов?

— О да, капитан! — ответил я. — «Наутилус» как нельзя лучше приспособлен для таких наблюдений! Удивительно умное судно!

— Вы правы, сударь. Умное, отважное и неуязвимое! Ему не страшны ни шторма, ни течения, ни рифы Красного моря.

— Это море действительно считается одним из самых коварных, — сказал я. — Если не ошибаюсь, у древних мореплавателей оно пользовалось

дурной славой.

— Дурной, господин Аронакс. Греческие и римские историки были о нем весьма нелестного мнения. По словам Страбона[146], оно становится особенно неприятным в период пассатных ветров и в сезон дождей. Араб аль-Идриси, в трудах которого Красное море называется Кулзумским заливом, рассказывает, что огромное количество судов потерпели крушение на его песчаных отмелях, и что ни один моряк не отваживался плыть по нему ночью. Он утверждает, что это море подвержено злым ураганам, усеяно неприглядными островками, и что здесь «нет ничего хорошего» — ни в глубинах, ни на поверхности. Примерно так же отзываются о Красном море древнегреческие историки Арриан, Агатархид и Артемидор.

— Сразу видно, что эти историки не плавали на борту «Наутилуса»!

— Действительно, — улыбнулся капитан. — Однако в этом отношении наши современники недалеко ушли от древних людей. Понадобились века, чтобы открыть механическую мощность пара! Как знать, появится ли через сто лет второй

[146] Сноски: 146

Античный историк и географ Римской Греции (ок. 64/63 годов до н. э. — ок. 23/24 годов н. э.).

«Наутилус»! Прогресс идет неспешным темпом, господин Аронакс.

— Ваш корабль действительно опередил время на целое столетие, а то и на несколько. Как жаль, что подобное изобретение должно погибнуть вместе со своим создателем!

Ничего не ответив, капитан Немо надолго замолчал.

— Насколько я помню, мы говорили об опасностях, подстерегающих мореплавателей в Красном море, по мнению древних историков? — произнес он наконец несколько минут спустя.

— Верно, — ответил я. — А вам не кажется, что их страхи были слегка преувеличены?

— И да, и нет, господин Аронакс, — ответил капитан Немо, который, похоже, считал себя полновластным хозяином Красного моря. — То, что не представляет никакой угрозы для современных кораблей — прекрасно оснащенных, надежно сконструированных и способных легко менять курс благодаря послушному пару, — было крайне опасным для любого древнего судна. Не надо забывать, что первые моряки отправлялись в плавание на утлых лодчонках из досок, скрепленных веревками, законопаченных смолой и пропитанных акульим жиром. Не имея

никаких приборов, они не могли определить курс корабля и плавали по воле малоисследованных морских течений. В подобных условиях неизбежные кораблекрушения были обычным явлением. Но в наше время пароходам, курсирующим между Суэцем и Южными морями, нечего бояться: им не страшны ни вспышки гнева этого залива, ни коварные муссоны. Капитаны и пассажиры больше не совершают жертвоприношения перед каждым выходом в море, а по возвращении не спешат, украшенные гирляндами и лентами, возблагодарить богов в ближайшем храме.

— Согласен с вами, капитан, — признал я. — Причем, на мой взгляд, пар убил в сердцах моряков чувство благодарности. Похоже, капитан, вы изучили это море вдоль и поперек! А не скажете ли вы, почему оно называется Красным?

— Существует много различных гипотез, господин Аронакс. Хотите узнать версию одного летописца четырнадцатого века?

— Конечно!

— Этот фантазер уверяет, что Красное море получило свое название после прохода израильтян, когда расступившиеся перед ними воды снова сомкнулись, погребя под собой фараона. И Моисей якобы произнес тогда такие слова:

В знак того, что здесь чудо свершилось,
Море тотчас в багрец обратилось.
И отныне, Творца поминая,
Красным море сие называют.

— Это толкование поэта, — отметил я. — И меня оно не убеждает. Хотелось бы узнать ваше личное мнение.

— Извольте, господин Аронакс. Я считаю, что это название — не что иное, как перевод еврейского слова «адóм»[147]. Должно быть, древние иудеи окрестили море именно так из-за характерной окраски.

— Однако, по-моему, его воды совершенно бесцветны и не имеют никакого оттенка!

— Пока да. Но как только мы опустимся глубже, вы заметите удивительное явление. Однажды мне довелось видеть, как вода в бухте Тор стала алой, словно передо мною кровавое озеро.

— Думаете, такая окраска объясняется присутствием микроскопических водорослей?

— Да. Причина — в крошечном растении под названием триходесмиум. Оно выделяет слизистое вещество пурпурного цвета. В одном

---

[147] Сноски: 147
Красный (*иврит*).

кубическом миллиметре воды содержится около сорока тысяч этих водорослей. Возможно, вы их еще увидите, когда прибудем в Тор.

— Стало быть, капитан, вы уже не впервые пересекаете Красное море на борту «Наутилуса»?

— Верно, сударь.

— В таком случае, поскольку вы упомянули об Исходе евреев и печальной участи египтян, я хотел бы спросить: не попадались ли вам в морских глубинах следы этого грандиозного исторического события?

— Нет, господин профессор, — и тому есть веская причина.

— Какая же?

— Видите ли, то самое место, где прошел Моисей со всем своим народом, теперь настолько обмелело, что вода там едва доходит верблюдам до колен. Как вы понимаете, такой глубины явно недостаточно для моего «Наутилуса».

— А где находится это место? — спросил я.

— Чуть выше Суэца, в проливе, который в давние времена образовывал глубокий лиман. Красное море простиралось тогда до Горьких озер. Уж не знаю, насколько чудесным было это событие, но израильтяне действительно прошли по этому самому проливу в поисках Земли обе-

тованной, а войско фараона встретило там свою смерть. Думаю, археологические раскопки позволили бы обнаружить в этих песках огромное количество оружия и инструментов египетского происхождения.

— Несомненно! — согласился я. — Надеюсь, рано или поздно археологи проведут там раскопки, когда строительство канала завершится, и на Суэцком перешейке начнут возводить новые города. Хотя для такого корабля, как «Наутилус», этот канал совершенно бесполезен!

— Зато он принесет пользу всему миру, — возразил капитан Немо. — Уже в далекой древности люди прекрасно понимали, что для успешной торговли необходимо наладить сообщение между Красным и Средиземным морями. Однако им не приходило в голову прорыть канал напрямую, поэтому они использовали Нил в качестве посредника. Принято считать, что первые попытки строительства канала, соединяющего Нил с Красным морем, были предприняты еще при Сесострисе[148]. Вероятно, так оно и было.

---

[148] Сноски: 148

Упоминаемый Геродотом и другими античными авторами египетский царь, совершивший поход на раннюю Скифию. Многие исследователи связывают этот образ с Сенусертом III (*греч.* Сесострис) — могущественным фараоном Среднего царства, правившим между 1878 и 1839 до н. э.

Но вот что нам известно с полной достоверностью: в шестьсот пятнадцатом году до нашей эры Нехо[149] приказал прорыть канал от Нила через Египетскую равнину — с той стороны, что обращена к Аравийскому полуострову. Этот канал можно было проплыть за четыре дня, а его ширина позволяла свободно разойтись двум триремам[150]. Строительство продолжил Дарий, сын Гистаспа, а завершил, по всей видимости, Птолемей Второй. Страбон застал те времена, когда канал еще был судоходным; однако из-за недостаточного уклона на всем протяжении пути, от отправной точки неподалеку от Бубастиса и до самого Красного моря, навигация была возможна лишь несколько месяцев в году. Канал имел большое значение для торговли вплоть до эпохи правления Антонинов; заброшенный, занесенный песком, а после ненадолго восстановленный по приказу калифа Омара, он был окончательно засыпан в семьсот шестьдесят первом или семьсот шестьдесят втором году

[149] Сноски: 149

Нехо II — фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 610–595 годах до н. э., из XXVI (Саисской) династии.

[150] Сноски: 150

В античном Средиземноморье — боевое гребное (обычно с парусом) судно с тремя рядами вёсел, расположенных один над другим в шахматном порядке.

калифом аль-Мансуром, который хотел помешать доставке провианта мятежнику Мухаммаду ибн Абдуллаху. Во время Египетской кампании ваш генерал Бонапарт нашел следы этих работ в Суэцкой пустыне и, застигнутый врасплох приливом, едва не погиб здесь, в нескольких часах пути от Гахирофа[151]! На том самом месте, где стоял лагерем Моисей за три тысячи триста лет до него!

— Что ж, капитан! Нашим далеким предкам так и не удалось соединить два моря и тем самым сократить путь из Кадиса в Индию на девять тысяч километров. Зато это сделал Лессепс — и в скором времени Африка превратится в гигантский остров!

— Да, господин Аронакс, вы вправе гордиться своим соотечественником. Этот человек сделал для своей страны больше, чем самые знаменитые капитаны! Как и многие другие, он начал с треволнений и неудач, но в конце концов добился успеха благодаря собственному таланту и упорству. Печально осознавать, что великий проект, которому надлежало бы стать международным, который мог бы прославить любого монарха,

---

[151] Сноски: 151
Более распространенное название — Пи-Гахироф.

в итоге был осуществлен усилиями одного-единственного человека. Поэтому — честь и слава господину Лессепсу!

— Честь и слава великому гражданину! — эхом откликнулся я, удивленный столь пылкой речью капитана Немо.

— К сожалению, — продолжал он, — провезти вас по Суэцкому каналу я не могу. Однако вы непременно увидите длинные причалы Порт-Саида — послезавтра, когда мы будем в Средиземном море.

— В Средиземном море? — воскликнул я.

— Да, господин профессор. Вас это удивляет?

— Сама мысль о том, что мы будет там послезавтра, кажется мне удивительной!

— В самом деле?

— Да, капитан. Хотя мне давно пора привыкнуть к чудесам, происходящим на борту «Наутилуса»!

— Но что именно вас так удивило?

— Невероятная скорость, которую придется развить «Наутилусу», чтобы уже послезавтра попасть в Средиземное море, пройдя вокруг Африки и обогнув мыс Доброй Надежды!

— Кто вам сказал, господин профессор, что мы пойдем вокруг Африки? Или будем огибать мыс Доброй Надежды?

— А как иначе? Если только «Наутилус» не поплывет по суше и не перенесется по воздуху над перешейком…

— Или пройдет под ним, господин Аронакс.

— Под перешейком?

— Разумеется, — невозмутимо ответил капитан Немо. — Природа давным-давно создала под этой полоской земли то, что люди строят сейчас на ее поверхности.

— Неужели там есть проход?

— Да. Подземный проход, который я назвал Аравийским туннелем.

— Но ведь Суэцкий перешеек состоит из наносных песков!

— Только до некоторой степени. Уже на глубине пятидесяти метров начинается слой несокрушимой скальной породы.

— Как же вам удалось обнаружить этот проход? Невероятная удача! — продолжал изумляться я.

— Удача и логика, господин профессор. Причем скорее логика, чем удача.

— Слушаю вас, капитан, и не верю собственным ушам!

— Ах, сударь! Aures habent et non audient[152] —

---

[152] Сноски: 152

Букв. *лат.* «Имеют уши — и не слышат» (Псалтырь, 113.5).

вечная истина. Этот проход не только существует — я им неоднократно пользовался! Иначе не отважился бы заплыть в тупиковое Красное море.

— Простите за любопытство, но как вы все-таки обнаружили этот туннель?

— Сударь, — ответил капитан, — у людей, которым предстоит оставаться рядом до конца дней, не может быть друг от друга секретов!

Я оставил без внимания содержащийся в его словах намек и приготовился слушать.

— Господин профессор! — начал он свой рассказ. — Обнаружить этот проход, о котором не знает ни одна живая душа, мне помогла простая логика ученого. Я заметил, что некоторые виды рыб водятся как в Красном, так и в Средиземном морях, как то: ошибни, фиатолы, радужные губаны, терапоны, ставриды, летучие рыбы. Установив этот факт, я предположил, что два моря каким-то образом сообщаются между собой. А значит, подземные воды должны непременно устремляться из Красного моря в Средиземное — по той простой причине, что они расположены на разном уровне. Тогда я поймал в окрестностях Суэца огромное число рыб, надел им на хвост медное кольцо и снова

отпустил в море. А через несколько месяцев выловил множество окольцованных мной особей у берегов Сирии. Это доказывало, что проход между двумя морями действительно существует. Я стал искать его с помощью «Наутилуса», нашел и обследовал. Вскоре и вы, господин профессор, проплывете по моему Аравийскому туннелю!

Глава пятая
Аравийский туннель

В тот же день я пересказал Конселю и Неду Ленду часть этого разговора, которая их особенно интересовала. Услышав, что через два дня мы уже будем в Средиземном море, Консель захлопал в ладоши, а канадец лишь пожал плечами.

— Подводный туннель? Проход между двумя морями? — воскликнул он. — Слыхано ли это?

— Друг Нед, — ответил Консель, — а вы когда-нибудь слышали о «Наутилусе»? Нет! Однако он существует! Так что не стоит пожимать плечами и считать вздором все, о чем вы не слышали!

— Поживем — увидим! — Нед с сомнением покачал головой. — Впрочем, я буду только рад, если туннель, о котором говорит капитан, и впрямь существует! И хвала небесам, если он и в самом деле приведет нас в Средиземное море!

Вечером того же дня, скользя по волнам на 21°30’ северной широты, «Наутилус» приблизился к арабским берегам. Впереди показалась Джедда, крупный торговый центр для Египта, Сирии, Турции и всей Индии. Я отчетливо видел

городские постройки, пришвартованные вдоль длинных причалов корабли, а также огромные суда, вынужденные оставаться на рейде из-за слишком большого тоннажа. Предзакатное солнце бросало последние лучи на стены домов, подчеркивая их слепящую белизну. Чуть поодаль виднелись деревянные или тростниковые хижины оседлых бедуинов, населявших этот квартал.

Вскоре Джедда исчезла в вечерней дымке, и «Наутилус» вернулся под воду, слегка фосфоресцирующую в ночной тьме.

Следующим утром, 10 февраля, на горизонте появилось много судов, идущих во встречном направлении. «Наутилус» поспешил уйти на глубину; однако в полдень, когда пришло время делать замеры, горизонт вновь опустел, и наш корабль всплыл до ватерлинии.

Мы с Недом и Конселем расположились на палубе. Восточный берег бесформенной массой проступал сквозь влажную пелену тумана.

Опершись о борт шлюпки, мы болтали о том о сем, как вдруг Нед, указывая на какую-то точку в море, сказал:

— Смотрите, профессор, там что-то есть!

— Где? Вы же знаете, Нед, у меня не такое острое зрение, как у вас!

— Присмотритесь хорошенько! — настаивал Нед. — Вон там, впереди, по левому борту, почти вровень с прожектором! Видите? Там что-то движется!

— Вы правы! — сказал я, внимательно приглядевшись. — Я вижу на поверхности воды что-то длинное и черное.

— Еще один «Наутилус»? — спросил Консель.

— Нет! — ответил канадец. — Если не ошибаюсь, это какое-то морское животное.

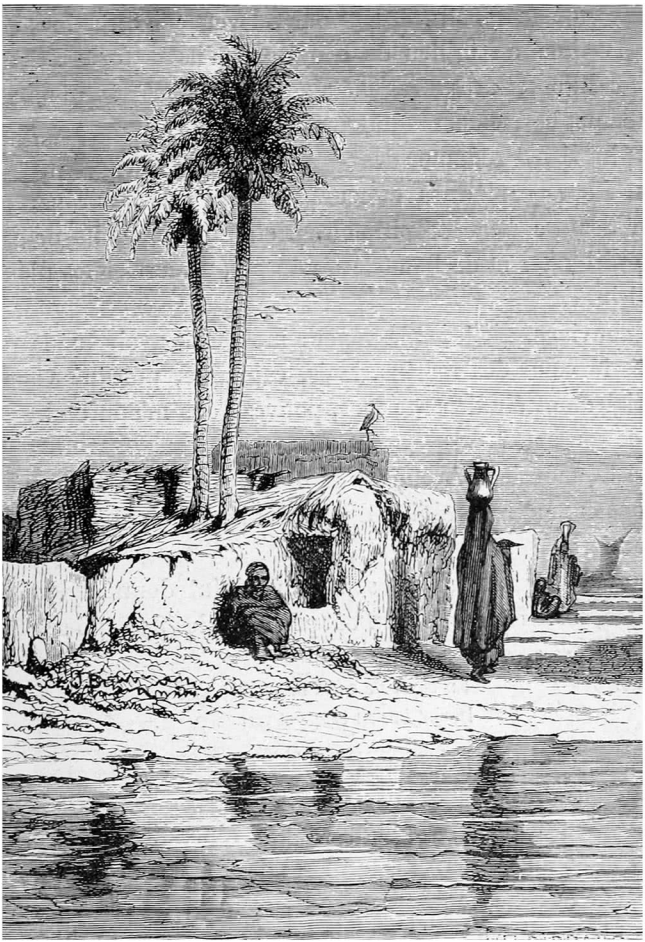
— Разве в Красном море водятся киты? — удивился Консель.

— Да, мой друг, — ответил я. — Иногда они сюда заплывают.

— Это не кит! — возразил Нед Ленд, не выпускавший из виду таинственный объект. — Мы с китами давние приятели, я бы сразу узнал одного из них!

— Подождем немного, — сказал Консель. — «Наутилус» как раз движется в ту сторону, так что скоро узнаем, с чем имеем дело!

И правда: до загадочного черного объекта оставалось не больше мили. Он напоминал огромный риф, выступающий из воды посреди моря. Что это было? Я терялся в догадках.



Чуть поодаль виднелись деревянные или тростниковые хижины.

Смотрите, там что-то есть!

— Гляньте! Да оно плывет! Оно ныряет! — воскликнул Нед Ленд. — Тысяча чертей! Что за зверь? Хвост у него не раздвоен, как у китов и кашалотов, а плавники похожи на обрубки конечностей.

— Загадка… — пробормотал я.

— Ух ты! Оно перевернулось на спину! Вот те на! Да у него сосцы на груди! — вскричал канадец.

— Это сирена! — воскликнул Консель. — Настоящая сирена! При всем моем уважении к господину профессору.

Слово «сирена» натолкнуло меня на верную мысль. Я понял, что мы встретили животное, которого людское воображение превратило в сирену — полуженщину-полурыбу.

— Нет! — сказал я Конселю. — Это не сирена, но тоже весьма необычное существо. В Красном море их осталось всего несколько особей. Это дюгонь.

— Отряд сиреновых, группа рыбообразных, подкласс монодельфиновых, класс млекопитающих, тип хордовых, — перечислил Консель.

После исчерпывающего описания Конселя добавить было нечего.

Однако Нед Ленд продолжал наблюдать. При виде удивительного зверя у него разгорелись глаза, а рука как будто потянулась за гарпуном. Казалось, он вот-вот бросится в море, чтобы сразить животное в его родной стихии.

— Ох, сударь! — сказал он дрожащим от волнения голосом. — Таких я еще не бил!

В этих словах заключалась вся суть его натуры.

В этот момент на палубе появился капитан Немо. Он тоже заметил дюгоня и, угадав чувства канадца, обратился прямо к нему:

— Полагаю, мистер Ленд, вы бы тотчас пустили в ход гарпун, окажись он у вас в руке!

— Вы очень проницательны, сударь!

— Значит, вы были бы не прочь вернуться на денек к профессии рыбака и добавить это китообразное к списку ваших охотничьих трофеев?

— Еще бы!

— В таком случае, можете попытать удачи.

— Благодарю вас, сударь! — ответил Нед Ленд с горящим взором.

— Только не промахнитесь, — добавил капитан. — Иначе вам несдобровать.

— Разве дюгони опасны для охотников? — спросил я, не обращая внимания на презрительное фырканье канадца.

— Иногда, — ответил капитан. — Эти животные могут наброситься на обидчиков и опрокинуть их лодку. Но господину Ленду нечего опасаться. У него зоркий глаз и твердая рука. Я пожелал не промахнуться лишь потому, что дюгонь — превосходная дичь, и господин Ленд будет определенно рад отведать пару кусочков.

— Как? — ахнул канадец. — Этот роскошный зверь еще и съедобен?

— Да, мистер Ленд. Мясо дюгоня очень ценится за великолепный вкус — в Малайе его подают на стол королям. За этими животными ведется такая ожесточенная охота, что теперь они встречаются все реже и реже — как родственные им ламантины.

— Господин капитан, — серьезно сказал Консель. — А вдруг это последний представитель вида? Разве не лучше было бы его пощадить в интересах науки?

— Возможно, — ответил канадец. — Но в интересах кулинарии лучше его изловить!

— Дерзайте, мэтр Ленд! — кивнул капитан Немо.

Тут же на платформу поднялись семь человек из команды, как всегда безмолвные и невозмутимые. Один из них держал в руке гарпун и леску

вроде той, что используется в охоте на китов. Шлюпку раскрыли, вынули из отсека и спустили на воду. Шестеро гребцов заняли места на скамьях, а рулевой стал у штурвала. Нед, Консель и я сели на корме.

— Вы с нами не идете, капитан? — спросил я.

— Нет, сударь, но желаю вам хорошей охоты.

Шлюпка отчалила и, подталкивая гребками шести весел, стремительно направилась к дюгоню, который скользил по волнам в двух милях от «Наутилуса».

Подойдя к животному на расстояние в несколько кабельтовых, лодка замедлила ход, и весла бесшумно опускались в спокойную воду. Нед Ленд встал на носу с гарпуном в руке. Обычно китобойные гарпуны привязаны к очень длинной веревке, которая начинает быстро разматываться, когда раненое животное тянет ее за собой. Однако сейчас длина веревки не превышала десяти морских саженей, а ее конец крепился на маленьком бочонке — плавая на поверхности, он должен был указывать на местонахождение дюгоня под водой.

Привстав, я внимательно разглядывал противника канадца. Дюгонь, известный также под именем морской коровы, очень похож на ла-

мантина. Его овальное туловище оканчивается длинным хвостовым плавником, а брюшные плавники — настоящими пальцами. В отличие от ламантина его верхняя челюсть снабжена двумя длинными и острыми зубами, направленными в разные стороны и представлявшими собой грозное оружие.

Дюгонь, которого собирался атаковать Нед Ленд, был колоссальных размеров: его длина превышала семь метров. Он неподвижно лежал на поверхности воды и казался спящим, что делало его легкой добычей.

Шлюпка бесшумно подошла на три сажени к животному и остановилась. Весла замерли в уключинах. Я привстал с места. Слегка отклонившись назад, Нед Ленд занес гарпун уверенной рукой.

Гигантское животное приподняло шлюпку.

Послышался тонкий свист, и дюгонь исчез под водой. Пущенный с большой силой гарпун ушел под воду — очевидно, никого не задев.

— Тысяча чертей! — взревел канадец. — Я промахнулся!

— Нет, — возразил я. — Животное ранено. Видите следы крови на воде? Просто ваше орудие не застряло в его теле.

— Мой гарпун! Мой гарпун! — прокричал Нед Ленд.

Матросы налегли на весла, и рулевой направил шлюпку к качавшемуся на волнах бочонку. Выловив гарпун, мы бросились в погоню.

Время от времени дюгонь поднимался на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха. Рана не причинила ему серьезного вреда, поскольку он продолжал двигаться с невероятной быстротой. Шлюпка, управляемая сильными руками, летела за ним по пятам. То и дело мы оказывались в паре морских саженей от животного, и канадец замахивался для броска; но всякий раз дюгонь внезапно нырял, исчезая из виду и становясь недосягаемым.

И тогда, взрываясь от ярости, нетерпеливый Нед Ленд переходил на английский и осыпал бед-

ное животное самыми ужасными проклятиями. Что до меня, то я испытывал лишь некоторую досаду, видя, как дюгонь обходит все наши уловки.

Погоня продолжалась целый час, и я уже начал было сомневаться в успехе, как вдруг дюгонь совершил роковую ошибку, задумав отомстить преследователям. Он повернул назад и ринулся прямо на шлюпку.

Этот маневр не укрылся от внимания канадца.

— Берегись! — крикнул он.

Рулевой произнес несколько слов на своем непонятном наречии — очевидно, предупреждая матросов об опасности.

Подплыв к шлюпке на расстояние двадцати футов, дюгонь остановился и резко втянул в себя воздух широкими ноздрями, расположенными не на конце, а в верхней части его морды. После чего, разогнавшись, бросился на нас.

Столкновение было неизбежным; опасно накренившись, шлюпка набрала тонну или две воды, которую потом пришлось вычерпывать. К счастью, удар пришелся по касательной, и, благодаря мастерству рулевого, лодка не перевернулась.

Ухватившись за форштевень, Нед Ленд снова и снова вонзал гарпун в тело исполинского зве-

ря, — а тот вдруг вцепился зубами в фальшборт и приподнял лодку над водой, словно лев раненую косулю. Мы повалились друг на друга, и я не знаю, чем это могло бы закончиться, если бы разъяренный канадец не поразил наконец дюгоня в самое сердце.

Гигантские зубы проскрежетали по стальной обшивке, и зверь исчез под водой, увлекая за собой гарпун. Однако вскоре на поверхности появился бочонок, а следом кверху брюхом всплыл дюгонь. Подплыв к мертвому зверю, мы взяли его на буксир, а потом поплыли назад к «Наутилусу».

Пришлось использовать самые мощные лебедки, чтобы втащить дюгоня на палубу. Он весил пять тонн. Тушу разделали на глазах у канадца, который хотел наблюдать за процессом, не упуская ни единой детали. В тот же вечер стюард подал мне на ужин несколько кусков дюгоньего мяса, мастерски приготовленного корабельным поваром.

На следующий день, 11 февраля, провизионная кладовая «Наутилуса» пополнилась другой изысканной дичью. На палубу опустилась стая

крачек, принадлежащих к виду sterna nilotica[153], который встречается в Египте. Это были птицы с черным клювом, серой заостренной головой, белыми пятнышками вокруг глаз, сероватыми крыльями, спиной и хвостом, белым горлом и животом и красными лапками. Также мы поймали несколько дюжин нильских гусей. У этих диких птиц белые шея и макушка с темными пятнами и очень вкусное мясо.

«Наутилус» замедлил ход. Теперь он неспешно фланировал по волнам. Я заметил, что по мере приближения к Суэцу вода в Красном море становилась все менее соленой.

Около пяти часов вечера на севере показался мыс Рас-Мохаммед — тот самый, что образует южную оконечность Аравии Петрейской, расположенной между Суэцким и Акабским заливами.

«Наутилус» вошел в Джубальский пролив, ведущий к заливу Суэца. Я отчетливо разглядел огромную гору, которая возвышалась меж двух заливов Рас-Мохаммеда. Это была гора Хорив — известная всем Синай, на сияющей вершине которой Моисею явился Господь.

В шесть часов «Наутилус», то погружаясь, то

---

[153] Сноски: 153
Чайконосая крачка.

всплывая, прошел близ города Тор, расположенного в бухте, чьи воды имели красноватый оттенок — капитан Немо уже упоминал об этой их особенности. Затем наступила глухая ночь, тишину которой изредка нарушали крики пеликанов и каких-то ночных птиц, шум прибоя, да отдаленное пыхтение парохода, с гулким плеском взбивающего волны залива лопастями винтов.

С восьми до девяти часов «Наутилус» шел на глубине нескольких метров от поверхности. По моим подсчетам, мы должны были находиться совсем недалеко от Суэца. Через хрустальные стекла салона я разглядывал подножия скал в ярком электрическом свете нашего прожектора. Мне показалось, что пролив постепенно сужается.

В четверть десятого, когда корабль снова всплыл, я поднялся наверх. Мне не терпелось поскорее пройти по туннелю капитана Немо, и, не в силах усидеть на месте, я вышел подышать свежим ночным воздухом.

Вдруг я заметил бледное пламя, озарявшее туманную мглу в миле от нас.

— Плавучий маяк, — раздался рядом чей-то голос.

Обернувшись, я увидел капитана.

— Это плавучий маяк Суэца, — пояснил он. — Скоро мы войдем в устье туннеля.

— Должно быть, попасть туда не так-то просто?

— Да, сударь. Поэтому, когда мы используем этот проход, я обычно поднимаюсь в рубку рулевого и беру управление на себя. А сейчас, господин Аронакс, будьте любезны спуститься: «Наутилус» готов к погружению и всплывет лишь по ту сторону Аравийского туннеля.

Я последовал за капитаном Немо. Люк закрылся, резервуары наполнились водой, и корабль погрузился примерно на десять метров.

Я уже собирался вернуться к себе в каюту, но капитан меня задержал.

— Господин профессор, — сказал он, — не хотели бы вы присоединиться ко мне в штурманской рубке?

— Я не осмеливался вас об этом просить, — ответил я.

— Тогда идемте со мной. И вы увидите все, что только можно увидеть на этом отрезке плавания — одновременно подземного и подводного.

Капитан Немо повел меня к центральному трапу. Поднявшись до середины, он открыл

неприметную дверь, прошел верхними коридорами и попал в штурманскую рубку, которая, как известно, находилась на самом конце палубы.

Это была небольшая квадратная кабина шести футов в длину — вроде тех, что используются рулевыми на пароходах, курсирующих по Миссисипи или Гудзону. В центре был установлен штурвал, соединенный штуртросом с находившимся на корме рулем. Четыре расположенных по стенам иллюминатора с лентикулярными стеклами позволяли рулевому смотреть во все стороны.

Внутри было темно. Вскоре мои глаза попривыкли, и я различил штурмана — крепкого мужчину, который стоял, положив руки на обод рулевого колеса. Море снаружи было ярко освещено лучом прожектора, закрепленного на корме, на другом конце палубы.

— Ну а теперь, — сказал капитан Немо, — поищем вход в наш туннель.

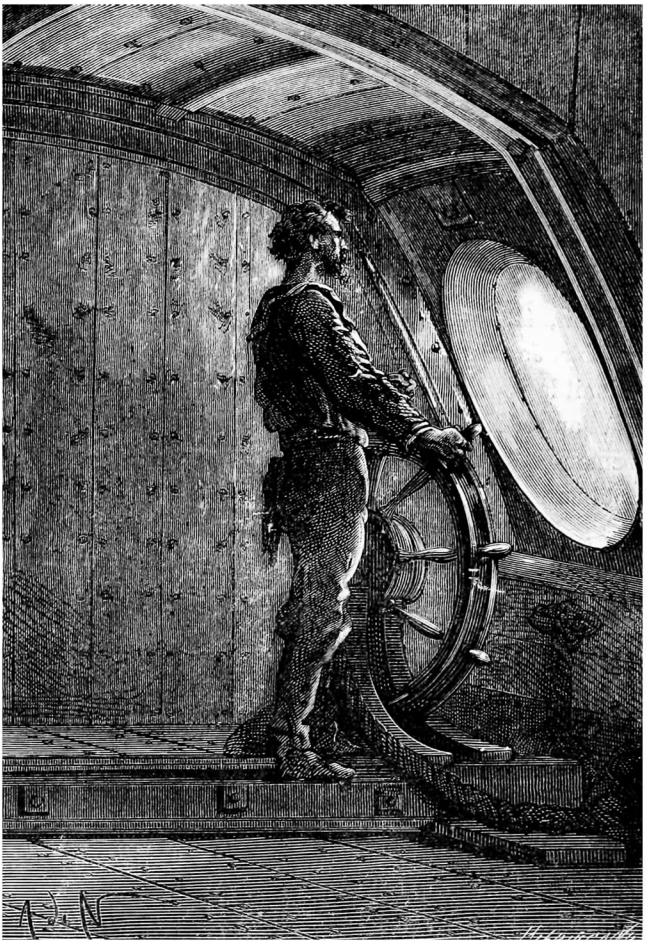
Электрические провода соединяли рулевую рубку с машинным отделением, что позволяло капитану Немо задавать «Наутилусу» направление и режим хода. Он нажал металлическую кнопку, и скорость вращения винта заметно

снизилась.

Я молча смотрел на высокую, почти отвесную стену, вдоль которой мы проходили, — нерушимый фундамент прибрежного песчаного массива. Мы шли так целый час, держась на расстоянии нескольких метров. Капитан Немо не сводил глаз с компаса, подвешенного в двух концентрических кольцах. Рулевой ежеминутно менял курс «Наутилуса» чуть заметным движением руки.

Стоя у иллюминатора левого борта, я разглядывал великолепные кораллы, зоофиты, водоросли и ракообразных, тянувших свои огромные лапы из расселин скалы.

В четверть одиннадцатого капитан Немо встал к штурвалу. Перед нами открылся вход в глубокую темную галерею. «Наутилус» отважно нырнул в зияющую черноту. Со стороны бортов послышалось непривычное журчание. Это были воды Красного моря, которые неслись в Средиземное по идущему под уклон туннелю. «Наутилус» с быстротой стрелы мчался в стремительном потоке, тщетно пытаясь замедлить ход. Я прижал руку к груди, чтобы унять колотившееся сердце.



Капитан Немо встал к штурвалу.

Теперь из-за безумной скорости я не видел на узких стенах ничего, кроме сверкающих полос, прямых линий и огненных бороздок от электрических лучей.

В десять часов тридцать пять минут капитан Немо отпустил штурвал и повернулся ко мне.

— Средиземное море, — объявил он.

Не прошло и двадцати минут, как «Наутилус», увлекаемый течением, пересек Суэцкий перешеек.

Глава шестая
Греческий архипелаг

На рассвете следующего дня, 12 февраля, «Наутилус» всплыл на поверхность воды. Я поспешил наверх. В трех милях к югу вырисовывался неясный силуэт древней крепости Пелузиум. Поток вынес нас из одного моря в другое. Благодаря естественному уклону спуститься по туннелю было довольно легко, а вот подняться — совершенно невозможно.

Около семи часов ко мне присоединились Нед и Консель. Всю ночь неразлучные друзья спокойно спали, не ведая о подвигах «Наутилуса».

— Ну и где же ваше Средиземное море, господин натуралист? — насмешливо спросил канадец.

— Мы плывем по нему, мой дорогой Нед.

— Как? — ахнул Консель. — Значит, в эту самую ночь?..

— Да, в эту самую ночь мы за несколько минут прошли через непроходимый перешеек.

— Быть того не может! — отрезал канадец.

— Ошибаетесь, мистер Ленд, — ответил я. — Ви-

дите низкий берег, что закругляется к юго-востоку? Это египетские земли.

– *Расскажите это кому-нибудь другому!* — отмахнулся упрямый канадец.

— Если господин утверждает, что это правда, — сказал ему Консель, — надо ему верить!

— К тому же капитан Немо любезно показал мне свой туннель. Я был рядом с ним в рулевой рубке, когда он собственноручно вел «Наутилус» по этому узкому проходу.

— Слышите, Нед? — сказал Консель.

— У вас орлиное зрение, Нед, — добавил я, — и вы без труда различите выдающиеся в море причалы Порт-Саида.

Канадец пригляделся.

— И в самом деле! — удивился он. — Вы правы, господин профессор, а ваш капитан — великий мастер своего дела! Мы действительно в Средиземном море. Что ж! В таком случае, не пора ли нам кое-что обсудить? Только без посторонних ушей.

Я прекрасно понимал, к чему он клонит. И решил, что лучше нам и впрямь поговорить, раз уж Нед настаивает. Мы втроем прошли на корму и сели около прожектора, где нас не так обдавало летящими с моря брызгами.

— Итак, Нед, мы вас слушаем, — начал я. — Что вы хотели сказать?

— Я хотел сказать одну очень простую вещь, — ответил канадец. — Мы в Европе. И пока капитану Немо не взбрело в голову погрузиться в глубины полярных морей или поплыть обратно в Океанию, надо удирать с «Наутилуса»!

Признаться, мне всегда было не по себе, когда канадец заводил этот разговор. Я не хотел никоим образом ущемлять свободу своих товарищей и в то же время не испытывал ни малейшего желания покидать капитана Немо. Благодаря ему и его удивительному кораблю я каждый день занимался подводными исследованиями и переписывал свою книгу о морских глубинах, находясь внутри этой самой стихии. Представится ли мне еще случай увидеть чудеса океана? Конечно же нет! Поэтому я не мог поддержать идею побега до завершения нашего цикла исследований.

— Мой дорогой Нед, скажите начистоту: вам здесь скучно? — спросил я. — Жалеете ли вы, что волею судеб попали в руки капитана Немо?

Немного помолчав, канадец скрестил руки на груди и ответил:

— Честно говоря, я не жалею об этом подвод-

ном путешествии. Мне будет приятно о нем вспоминать. Но чтобы я мог думать о нем в прошедшем времени, оно должно закончиться. Вот мое мнение.

— Оно непременно закончится, Нед.

— Где и когда?

— Где? Не знаю. Когда? Трудно сказать. Полагаю, оно закончится, когда моря раскроют нам все свои тайны. У всего в этом мире обязательно есть начало и конец.

— Я согласен с господином, — произнес Консель. — Вполне вероятно, что после того, как мы побываем в каждом из морей земного шара, капитан Немо отпустит нас на волю.

— Отпустит на волю? — воскликнул канадец. — Оставит в неволе, вы хотите сказать?

— Не горячитесь, мистер Ленд, — успокоил его я. — Капитана нам бояться нечего, хотя оптимизма Конселя я тоже не разделяю. Мы случайно проникли в тайны капитана Немо, и теперь он вряд ли позволит, чтобы мы раструбили о его «Наутилусе» по всему миру. Если честно, я даже не надеюсь, что он нас отпустит.

— На что же вы тогда надеетесь? — спросил канадец.

— Надеюсь, что когда-нибудь возникнут обсто-

ятельства, которыми мы сможем — и должны будем! — воспользоваться. И неважно, произойдет ли это завтра или через полгода.

— Неважно? — хмыкнул Нед Ленд. — И где мы, по-вашему, будем через полгода, господин натуралист?

— Может, здесь же, а может — в Китае. Вы знаете, какой «Наутилус» быстроходный корабль! Он пересекает океаны, как ласточка — небеса или как скорый поезд — континенты. Он не боится заходить в моря, по которым курсируют сотни судов. А вдруг мы окажемся у берегов Франции, Англии или Америки, где шансы на успешный побег еще выше?

— Господин Аронакс, — ответил канадец, — это всего лишь домыслы. Вы говорите о будущем: «Мы будем там! Мы будем сям!» Я же говорю о настоящем: «Мы сейчас здесь, и надо пользоваться случаем!».

Своими логичными доводами Нед Ленд припер меня к стенке. Я понятия не имел, какие еще аргументы можно привести в пользу моей точки зрения.

— Сударь, — продолжил Нед. — Допустим, случится невозможное, и капитан Немо предложит вам свободу уже сегодня. Согласитесь ли вы?

— Не знаю, — ответил я.

— А если он при этом добавит, что повторного предложения не будет, согласитесь ли вы тогда?

Я промолчал.

— А что на это скажет дружище Консель? — спросил Нед Ленд.

— Дружище Консель, — спокойно ответил славный юноша, — дружище Консель ничего не скажет. Ему совершенно безразлично, что будет дальше. Он холост — как и его хозяин, как и его приятель Нед. Никто не ждет его на родине — ни жена, ни родители, ни дети. Он служит господину, он думает, как господин, он говорит, как господин, и поэтому — увы! — его мнение нельзя учитывать при голосовании. Так что здесь только две стороны: господин профессор и Нед Ленд. Этим все сказано! Ну а теперь дружище Консель готов слушать и вести подсчет очков.

Я не удержался от улыбки при виде столь решительного самоуничижения. Думаю, в глубине души канадец был рад избавиться от лишнего противника в лице Конселя.

— Итак, сударь, — подытожил Нед Ленд, — поскольку Консель вне игры, придется нам с вами сразиться один на один. Мое мнение вы уже выслушали. Каков будет ваш ответ?

Очевидно, настало время принять решение, и я не собирался кривить душой.

— Вот что я скажу, друг Нед. Ваши упреки справедливы, и мои доводы куда слабее. Не стоит полагаться на добрую волю капитана Немо. Он не отпустит нас хотя бы из чувства самосохранения. И из того же чувства самосохранения мы должны при первой же возможности покинуть «Наутилус».

— Что ж, господин Аронакс, это мудрые слова!

— Но у меня есть маленькое замечание, — сказал я. — Всего одно. Возможность должна быть реальной. Первая же наша попытка побега должна увенчаться успехом, ведь в случае провала второго шанса уже не будет, и капитан Немо нас не простит.

— Верно, — ответил канадец. — Только ваше замечание относится к любой попытке побега — произойдет ли она через десять лет или через десять дней. Так что вывод остается неизменным: если подвернется благоприятная возможность, надо за нее хвататься.

— Согласен. А теперь, Нед, не могли бы вы пояснить, какую возможность следует считать «благоприятной»?

— Ту, которая однажды темной ночью при-

вела бы «Наутилус» поближе к европейским берегам.

— И тогда вы попытаетесь спастись вплавь?

— Конечно! Если земля будет близко, а «Наутилус» будет идти по поверхности моря. Но если до земли будет далеко, а судно погрузится в воду…

— Что тогда?

— Тогда я попробую захватить шлюпку. Я знаю, как ею управлять. Мы проберемся внутрь, отвинтим болты и всплывем на поверхность! Штурман не заметит нас из своей рубки на носу корабля.

— Ну что ж, Нед, ждите удобного случая! Только не забывайте, что провал нас погубит.

— Не забуду, профессор.

— А теперь, Нед, хотите узнать, что я думаю о вашей затее?

— Конечно, господин Аронакс.

— Так вот, я думаю, — заметьте, я не сказал «надеюсь»! — я думаю, что такой благоприятной возможности никогда не представится.

— Почему?

— Потому что капитан Немо прекрасно понимает, что мы не отказались от надежды обрести свободу. Поэтому будет нас стеречь, особенно близ европейских берегов.

— Я согласен с господином, — сказал Консель.

— Это мы еще посмотрим, — ответил Нед Ленд, упрямо качая головой.

— Ну а пока, — добавил я, — пускай все остается как есть. Больше об этом ни слова. Когда наступит подходящий день, дайте нам знать, и мы последуем за вами. В этом деле я всецело полагаюсь на вас.

Так закончился разговор, который должен был повлечь за собой самые серьезные последствия. Надо сказать, что мои опасения вскоре подтвердились, к великому разочарованию канадца. Перестал ли капитан Немо нам доверять, оказавшись в европейских морях, или всего лишь не хотел показываться на глаза многочисленным кораблям из разных стран, бороздившим просторы Средиземного моря? Так или иначе, чаще всего он оставался под водой, держась подальше от берегов. Порой «Наутилус» всплывал, так, чтобы над поверхностью виднелась только рулевая рубка, а порой уходил на огромную глубину, поскольку уровень дна между греческим архипелагом и Малой Азией опускался до двух тысяч миль.

Поэтому мне так и не довелось увидеть Карпа-

тос[154] — один из островов архипелага Южные Спорады, о котором упоминал еще Вергилий. Капитан Немо процитировал мне однажды слова из его поэмы, ткнув пальцем в точку на карте:

Est in Carpathio Neptuni gurgite vates
Cæruleus Proteus[155]*…*

Согласно античным мифам, здесь жил Протей, пастух Нептуна; теперь этот остров, расположенный между Родосом и Критом, носит название Скарпанто. Я увидел лишь его гранитное подножие через хрустальное стекло в салоне.

На другой день, 14 февраля, я решил посвятить несколько часов изучению рыб этого архипелага; однако по неизвестной мне причине железные ставни оказались плотно закрыты. Определив курс «Наутилуса», я заметил, что он движется в направлении Кандии[156] — так раньше назывался остров Крит. Когда я взошел на борт

---

[154] Сноски: 154

Принадлежащий Греции остров в Эгейском море (другие названия — Скарпанто, Карпаф).

[155] Сноски: 155

В пучине Карпатосских вод живет прорицатель Нептуна, лазорево-синий Протей… (*лат.*; Вергилий, «Георгики», кн. IV).

[156] Сноски: 156

Королевство Кандия — официальное название Крита в период, когда остров был колонией Венецианской республики (примерно с 1212 по 1669 г.).

«Авраама Линкольна», на острове как раз вспыхнуло восстание против турецкого гнета[157]. Правда, я понятия не имел, чем оно закончилось, и капитан Немо, оборвавший все связи с цивилизацией, не мог бы меня просветить.

Поэтому вечером, оставшись с ним наедине в салоне, я не стал упоминать об этом событии. К тому же капитан выглядел задумчивым и сосредоточенным. Затем он вопреки обыкновению приказал раздвинуть ставни обоих окон и, переходя от одного к другому, пристально вглядывался в толщу воды. С какой целью? Это так и осталось для меня загадкой. В свою очередь, я с пользой провел время, наблюдая за проплывающими перед моими глазами рыбами.

Среди прочих, тут были бычки-афизы, упоминаемые еще Аристотелем и известные в народе под названием морских налимов, которые часто встречаются в соленых водах по соседству с дельтой Нила. Рядом с ними резвились слегка фосфоресцирующие пагры — рыбы из семейства спаровых, которых египтяне считали священными, а их появление в реке предвещало долгожданное половодье и сопровождалось

[157] Сноски: 157

Критское восстание против Османской империи вспыхнуло в 1866 году и продолжалось до 1869 года.

празднествами и религиозными церемониями. Также я заметил хейлинов длиной тридцать сантиметров, с прозрачной чешуей и красными пятнышками на голубоватой коже; эти костные рыбы поглощают водоросли в огромных количествах, благодаря чему их мясо приобретает изысканный вкус. Гурманы Древнего Рима высоко ценили хейлинов, чьи внутренности, наряду с молоками мурен, мозгом павлинов и язычками фламинго, были одним из ингредиентов божественного блюда, которым так восхищался Вителлий[158].

Затем мое внимание привлек другой обитатель здешних вод, воскресив в памяти античные легенды. Это была ремора, которая путешествует, прицепляясь к акульему брюху. Как гласят древние легенды, эта небольшая рыба, прилепившись к корпусу судна, могла остановить его на полном ходу; одна из ремор якобы задержала корабль Марка Антония во время сражения при Акциуме, ускорив тем самым победу Октавиана Августа. Подумать только, от какой малости порой зависят судьбы государств! Также я любовался

---

[158] Сноски: 158

Авл Вителлий (около 12–69 г.) — римский император в апреле — декабре 69 года. По свидетельству современников, отличался редкостным чревоугодием.

восхитительными антиасами из семейства луциановых — древние греки считали их священными и верили, что эти рыбы способны изгонять морских чудовищ одним лишь своим появлением. Антиасы полностью оправдывают свое название, означающее в переводе с древнегреческого «цветок»: их сверкающие тела переливаются всеми оттенками красного, от бледно-розового до ярко-рубинового, а на спинных плавниках играют муаровые отблески.

Я любовался чудесами моря, как вдруг меня потрясло новое неожиданное зрелище. Откуда ни возьмись в морской пучине появился человек — ныряльщик с кожаным мешком на поясе. Причем не утопленник, а живой человек, который плавал, рассекая толщу воды мощными гребками. Порой он исчезал, чтобы подняться на поверхность за очередным глотком воздуха, но вскоре погружался вновь.

Охваченный волнением, я повернулся к капитану Немо и воскликнул:

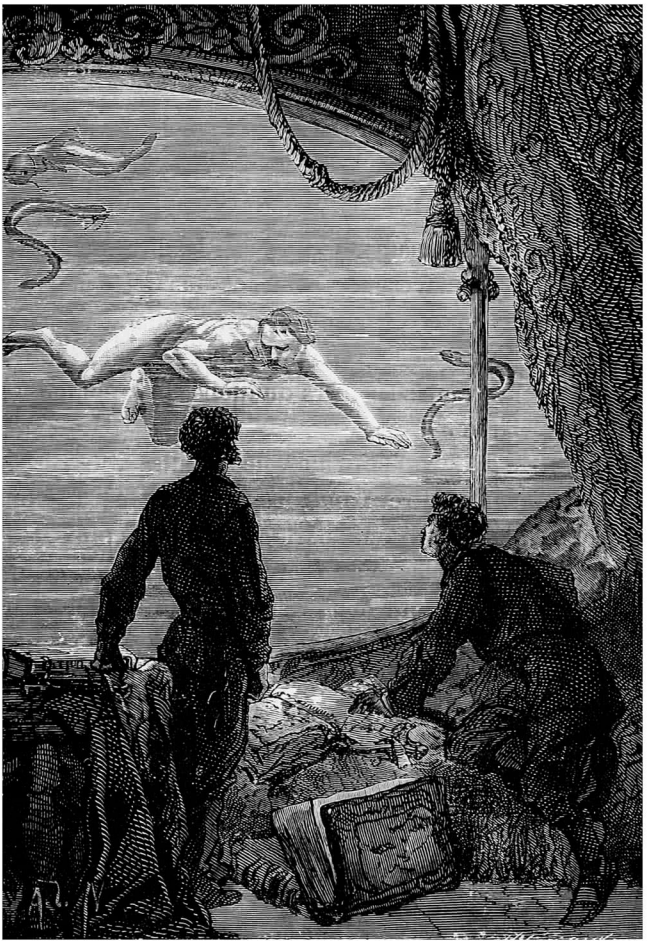
— Там человек! Он тонет! Мы должны его спасти! Во что бы то ни стало!

Капитан молча подошел и облокотился на раму хрустального окна.

Человек подплыл ближе и смотрел теперь пря-

мо на нас, прижавшись лицом к стеклу.

К моему глубокому изумлению, капитан Немо сделал ему знак рукой. Человек помахал в ответ, после чего тут же всплыл на поверхность и больше не появлялся.



— Там человек! Он тонет! — воскликнул я.

— Не беспокойтесь, — сказал капитан. — Это Николаос по прозвищу Pesce[159] с мыса Матапан[160]. Его знают на всех Кикладских островах. Непревзойденный пловец! Вода — его родная стихия. Он чаще бывает в воде, чем на суше. Вся его жизнь — вечное плавание! Он переплывает с одного острова на другой, и так до самого Крита.

— Так вы знакомы с ним, капитан?

— Почему вас это так удивляет, господин Аронакс?

Капитан Немо направился к шкафу по левую сторону от окна. Возле шкафа стоял окованный железом сундук, на крышке которого я заметил медную табличку с вензелем «Наутилуса» и девизом «Mobilis in mobile». Не обращая на меня внимания, капитан открыл шкаф, представлявший собой некое подобие сейфа, набитого слитками.

Это были слитки золота. Откуда здесь взялся столь драгоценный металл да еще и на такую баснословную сумму? Где капитан раздобыл это

---

[159] Сноски: 159
Рыба (*ит.*).

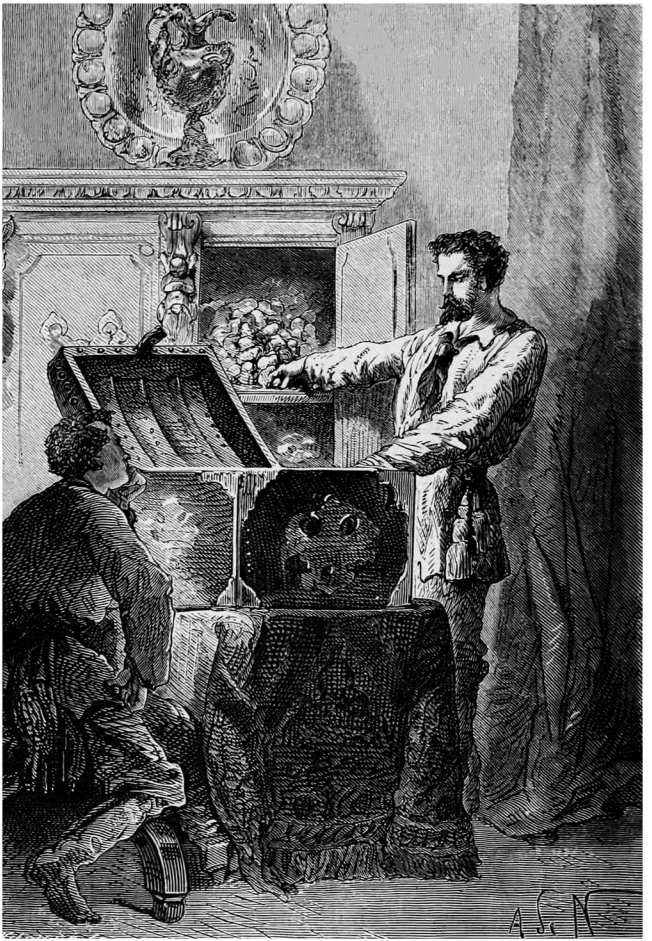
[160] Сноски: 160
Крайняя южная точка материковой Греции.

золото и как собирался его использовать?

Я не проронил ни звука и смотрел во все глаза. Капитан Немо вынимал слитки один за другим и методично перекладывал их в сундук, пока тот не наполнился доверху. По-моему, там было не менее тонны золота, то есть около пяти миллионов франков.

Плотно закрыв сундук, капитан надписал на крышке адрес непонятными мне буквами — принадлежавшими, должно быть, современному греческому алфавиту.

Покончив с этим делом, капитан Немо нажал на кнопку, которая соединялась посредством электрического провода с кают-компанией. Вошли четверо матросов и, хотя и не без труда, выволокли сундук из комнаты. Через некоторое время я услышал, как они поднимают его по железной лестнице с помощью лебедки.



Капитан Немо открыл шкаф.

Капитан Немо повернулся ко мне и спросил:

— Вы что-то говорили, господин профессор?

— Нет, капитан.

— В таком случае, сударь, позвольте пожелать вам хорошего вечера.

И с этими словами капитан Немо вышел из салона.

Как вы понимаете, я вернулся к себе в каюту крайне заинтригованный. Заснуть мне не удалось. Я тщетно пытался найти связь между появлением ныряльщика и сундуком золота. По начавшейся вскоре бортовой и килевой качке я догадался, что «Наутилус» покидает глубинные слои моря и возвращается на поверхность.

Затем раздался звук шагов по палубе. Очевидно, матросы открепили шлюпку и спустили на воду. Шлюпка легонько стукнулась о борт «Наутилуса», а потом все смолкло.

Через два часа тот же шум и те же действия повторились. Шлюпку подняли на борт и вернули в отведенный для нее отсек, после чего «Наутилус» вновь ушел под воду.

Таким образом миллионы были отправлены получателю. В какую точку континента? Кем был

таинственный адресат капитана Немо?

На следующий день я рассказал Конселю и Неду о событиях прошедшей ночи, чрезвычайно возбудивших мое любопытства. Мои товарищи удивились не меньше.

— Откуда у него столько золота? — спросил Нед Ленд.

Ответить на этот вопрос было невозможно. Позавтракав, я отправился в салон и сел за работу. До пяти часов вечера я редактировал свои записи. И вдруг мне стало так жарко, что пришлось даже сбросить с плеч виссоновую куртку. Это ощущение казалось необъяснимым, поскольку мы давно покинули тропические широты, — к тому же «Наутилус» шел под водой, что исключало повышение температуры на борту. Возможно, мне просто нездоровилось? Я глянул на манометр. Шестьдесят футов! Жар от раскаленного воздуха никак не мог проникнуть на такую глубину.

Я продолжал работать, однако вскоре температура в салоне стала нестерпимой.

— Неужели на борту пожар? — спрашивал я себя.

И только я собрался уходить, как на пороге появился капитан Немо. Он подошел к термометру, взглянул на показания и, повернувшись ко мне,

сказал:

— Сорок два градуса.

— Я заметил, капитан, — ответил я. — Если температура повысится еще хотя бы на градус, мы физически не сможем ее выносить.

— Не бойтесь, господин профессор! Температура больше не повысится — разве что мы сами этого захотим.

— Вы можете изменять ее по собственному желанию?

— Нет. Зато я могу удалиться от ее источника.

— Так значит, этот жар идет снаружи?

— Разумеется. Мы плывем в потоке кипящей воды.

— Как такое возможно? — воскликнул я.

— Взгляните сами.

Ставни раздвинулись, и я увидел, что море вокруг «Наутилуса» побелело. От кипящей, словно в котле, воды исходили сернистые испарения. Я коснулся стекла, но тут же отдернул руку — таким оно было горячим.

— Где мы? — спросил я.

— Возле острова Санторин, господин профессор, — ответил капитан. — В том самом проливе, что разделяет острова Неа-Камени и Палеа-Камени. Я хотел показать вам забавный спектакль —

извержение подводного вулкана.

— Я думал, что процесс формирования этих островов давно окончен! — удивился я.

— Там, где есть вулкан, завершенности не бывает, — сказал капитан Немо, — и подземный огонь не прекращает подтачивать планету изнутри. По свидетельству Кассиодора и Плиния, уже в девятнадцатом году нашей эры, вскоре после образования этого архипелага, здесь возник новый остров — божественная Тейя. Через некоторое время он ушел под воду, чтобы подняться на поверхность в шестьдесят девятом году, а затем исчезнуть вновь. С тех пор вулканическая деятельность приостановилась. Однако третьего февраля тысяча восемьсот шестьдесят шестого года, среди сернистых испарений возле Неа-Камени появился и шестого числа того же месяца примкнул к нему новый островок, названный в честь греческого короля Георга. Семь дней спустя, тринадцатого февраля, появился остров Афроесса, разделенный с Неа-Камени проливом шириной в десять метров. Я как раз находился в этих краях, когда происходило это природное явление, и наблюдал все стадии его развития. Афроесса — небольшой круглый островок диаметром в триста футов и высотой в тридцать. Он

состоит из смеси остекленевшей черной лавы и обломков полевого шпата. Наконец, десятого марта возле Неа-Камени вырос еще один крошечный островок, названный Рекка. Эти три островка слились и ныне образуют одно целое.

— А как же пролив, где мы сейчас находимся? — спросил я.

— Вот он. — Капитан Немо показал мне карту архипелага. — Видите, я отметил здесь новые острова.

— Значит, этот пролив когда-нибудь исчезнет, заполнившись землей?

— Возможно, господин Аронакс, поскольку начиная с тысяча восемьсот шестьдесят шестого года в море напротив порта Святого Николая появилось восемь островков вулканического происхождения. Очевидно, в скором времени Неа и Палеа соединятся. Если в Тихом океане континенты образуются благодаря кораллам, то здесь эту роль выполняют вулканические извержения. Смотрите, профессор! Смотрите, какая работа вершится на дне морском!

Я снова подошел к окну. «Наутилус» не двигался. Жар стал нестерпимым. Море из белого сделалось красным из-за присутствия в воде солей железа. Несмотря на герметичность корпуса,

в салон проникал зловонный сернистый запах; а вспыхивающие то и дело языки пламени затмевали своей яркостью электрический свет.

Я обливался потом, задыхался, я почти плавился. Мне казалось, я вот-вот изжарюсь!

— Мы больше не можем оставаться в кипящей воде! — сказал я капитану.

— Вы правы, это было бы неблагоразумно, — ответил невозмутимый Немо.

Он отдал приказ. «Наутилус» развернулся и поплыл прочь от этой раскаленной печи, находиться возле которой было опасно даже для него. Четверть часа спустя мы всплыли на поверхность, чтобы полной грудью вдохнуть живительную прохладу.

И вдруг я подумал, что если бы Нед Ленд выбрал для побега здешние воды, мы не выбрались бы живыми из этого огненного моря!

На следующий день, 16 февраля, мы покинули расположенный между Родосом и Александрией бассейн, глубина которого достигает трех тысяч метров, и «Наутилус», миновав остров Чериго и обойдя мыс Матапан, оставил Греческий архипелаг позади.

Глава седьмая
Средиземное море за сорок восемь часов

Средиземное море — безупречно синее, «Великое море» евреев, море греков, mare nostrum[161] римлян, обрамленное апельсиновыми рощами, алоэ, кактусами и приморскими соснами, овеваемое ароматами миртов, окруженное скалистыми горами, насыщаемое чистым и прозрачным воздухом, но беспрестанно терзаемое подводными извержениями, — настоящее поле битвы, где Нептун и Плутон продолжают сражаться за мировое господство. По словам Мишле[162], именно здесь, на этих берегах и в этих водах, человек окунается в самый благодатный климат земного шара.

К сожалению, красоты этого водного бассейна площадью два миллиона квадратных километров промелькнули мимо так быстро, что мне

[161] Сноски: 161
Наше море (*лат.*).

[162] Сноски: 162
Жюль Мишлé (1798–1874) — французский историк и публицист, представитель романтической историографии, автор глубоко субъективных трактатов об истории, обществе и природе, написанных ярким, взволнованным языком. Автор термина «Ренессанс».

не удалось их толком рассмотреть. Я даже не мог обратиться с расспросами к капитану Немо — этот таинственный человек ни разу не появился во время нашего стремительного прохождения Средиземного моря. По моим оценкам, «Наутилус» прошел тогда под водой около шестисот лье, проделав этот путь за двое суток. Покинув утром 16 февраля пределы Греции, на рассвете 18 числа мы достигли Гибралтарского пролива.

Я понимал, почему капитан Немо так не жаловал Средиземное море, окруженное землями, от которых он бежал. Бирюзовые волны и ласковые ветры будили в нем слишком много воспоминаний, если не сожалений. Здесь у него не было той свободы в выборе пути и независимости, какую он обретал в океанских просторах. Здесь его «Наутилус» чувствовал себя, как в тисках, зажатый между сблизившимися берегами Африки и Европы.

Мы шли со скоростью двадцати пяти миль в час. Разумеется, Неду Ленду, к его величайшей досаде, пришлось на время отказаться от мыслей о побеге. Покинуть «Наутилус» в подобных условиях было бы верхом безумия — все равно, что спрыгнуть на ходу с курьерского поезда. К тому же наш корабль всплывал на поверх-

ность только по ночам, чтобы пополнить запасы воздуха, а остальное время шел, следуя лишь показаниям компаса и лага.

Поэтому глубины Средиземного моря промелькнули передо мной, как проносится пейзаж перед глазами пассажира скорого поезда, — я видел лишь далекие горизонты, а не передние планы. Тем не менее нам с Конселем удалось наблюдать некоторых средиземноморских рыб, мощные плавники которых позволяли им пару мгновений плыть вровень с «Наутилусом». Боясь что-либо упустить, мы часами сидели перед окнами салона, и теперь, благодаря нашим заметкам, я могу сделать краткий ихтиологический обзор этого моря.

Некоторых из обитающих здесь рыб я разглядел довольно хорошо, других увидел лишь мельком, а большая часть ускользнула от моего внимания из-за скорости «Наутилуса». Поэтому позвольте мне классифицировать их по такому весьма условному принципу. Это поможет наилучшим образом передать мои беглые наблюдения.

В самой толще воды, ярко освещенной электрическими лучами, извивались метровые миноги, которых можно встретить почти во всех климатических зонах. Длиннорылые скаты шириной

до пяти футов, с белым брюхом и пятнами на пепельно-серой спине, колыхались в воде, словно легкие шали, унесенные течением. Другие разновидности скатов проносились так быстро, что я не мог оценить, оправдывают ли они свое название морских орлов, полученное от древних греков, или же им больше подходят прозвища «крысы», «жабы», «летучие мыши», которыми их наделили современные рыбаки. Собачьи акулы длиной двенадцать футов, особенно опасные для ныряльщиков, мчались наперегонки. Морские лисицы около восьми футов в длину, наделенные необычайно тонким нюхом, проносились мимо синеватыми тенями. Дорады из семейства морских карасей, достигавшие ста тридцати сантиметров в длину, красовались в своих серебристо-лазоревых нарядах с поперечными полосками, которые отчетливо выделялись на темном фоне плавников. Эта удивительная рыба с золотистыми «бровями», посвященная некогда богине Венере, одинаково хорошо чувствует себя в соленых и пресных водах. Она обитает в реках, озерах и океанах, выносит любую температуру и приживается во всех климатах. Этот вид, восходящий к древним геологическим эпохам, по сей день сохраняет свою

первозданную красоту.

Следом стремительно проносились великолепные осетры длиной от восьми до девяти метров, ударяя могучими хвостами по хрустальным стеклам и показывая нам голубоватые спины с коричневыми пятнышками. Осетры похожи на акул, хотя уступают им в силе, и встречаются во всех морях; весной они частенько заходят в крупные реки, борясь с течениями Волги, Дуная, По, Рейна, Луары и Одера, и питаются сельдью, семгой и треской[163]. Несмотря на принадлежность осетров к классу хрящевых рыб, их мясо очень нежное. Как правило, их едят в сыром, сушеном, маринованном или соленом виде; когда-то их с большой торжественностью подавали к столу Лукулла[164].

Однако из всех обитателей Средиземного моря лучше всего мне удалось разглядеть (поскольку «Наутилус» как раз всплывал на поверхность)

---

[163] Сноски: 163

Согласно данным современной науки, осетры редко достигают длины более четырех метров (самая крупная пойманная особь была 7,2 метра в длину), а питаются в основном мелкой рыбой, моллюсками, червями и насекомыми.

[164] Сноски: 164

Луций Лициний Лукулл — римский военачальник и политический деятель, консул 74 года до н. э. Запомнился за победы над Понтийским царством и Великой Арменией в Третьей Митридатовой войне, а также за расточительные «лукулловы пиры».

представителей шестьдесят третьего рода костистых рыб. Это были тунцы, спина у которых иссиня-черного цвета, брюхо покрыто серебристой чешуей, а спинные плавники отливают золотом. Говорят, тунцы часто следуют за судами, прячась в их прохладной тени от палящего тропического солнца; и, в подтверждение молвы, они сопровождали «Наутилус», как давным-давно сопровождали корабли Лаперуза. Долгие часы они состязались в скорости с нашим судном. Я не мог налюбоваться этими животными, идеально приспособленными для быстрого передвижения: у них маленькая голова, гладкое веретенообразное тело, причем у некоторых особей оно достигает трех метров в длину; также у них необычайно сильные грудные плавники, а хвостовой плавник раздвоен. Тунцы плыли клином, как иные перелетные птицы, которым они не уступают в быстроте, из-за чего древние говорили, будто бы этим рыбам известны правила геометрии и стратегии. Но это не помогает им избежать сетей провансальцев, которые ценят тунца не меньше, чем ценили его жители Пропонтиды[165] и Древнего Рима, и драгоценные

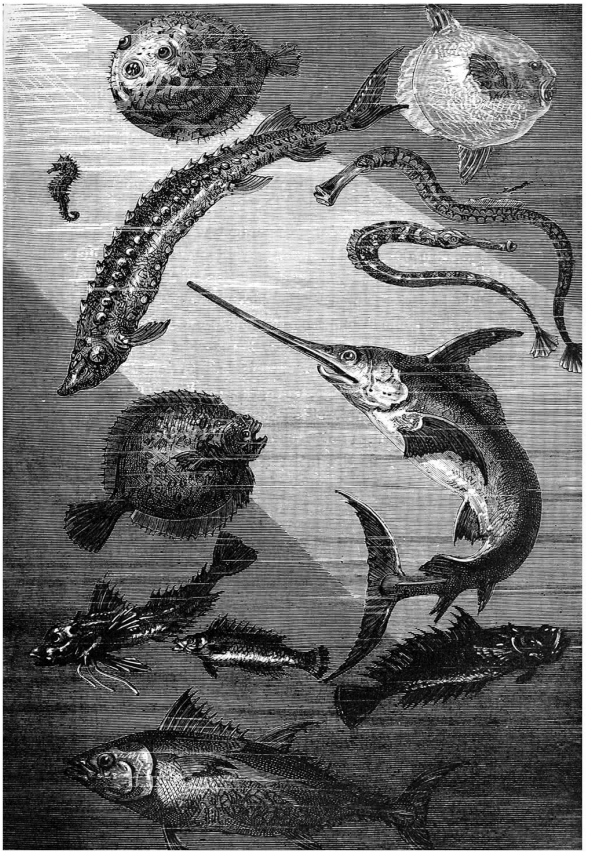
[165] Сноски: 165
Древнее название Мраморного моря.

животные тысячами погибают в неводах марсельских рыбаков.

Упомяну, для сведения, тех рыб Средиземного моря, которых нам с Конселем довелось наблюдать лишь мельком. Мимо нас скользили, точно призраки, полупрозрачные белесые карапусы; извивались змееподобные мурены длиной в три-четыре метра, ярко раскрашенные в зеленые, голубые и желтые цвета; проплывали мерлузы длиной в три фута, печень которых считается изысканным блюдом; лентовидные цеполы, похожие на стебли водорослей; триглы, которых моряки прозвали «морскими петухами», а поэты — «рыбами-лирами», так как у них на жабрах возле глаз имеются защитные пластинки с острыми закругленными концами, напоминающие формой лиру древнего Гомера; триглы-ласточки проносились с быстротой птиц, которым обязаны своим названием; плыли рыбы-белки с красной головой и шиповидными отростками на высоком спинном плавнике; алозы из семейства сельдевых, сельдь-железница, украшенные черными, серыми, коричневыми, голубыми, желтыми, зелеными пятнами, и чувствительные к серебряному звону колокольчиков; великолепные камбалы-тюрбо, или морские фазаны, похожие

на ромбы с желтоватыми плавниками в коричневую крапинку, у которых верхняя левая часть тела усеяна желто-коричневыми пятнышками, что придает им вид мрамора. И наконец, стаи восхитительных султанок, настоящих райских птиц океана; богатые римляне платили за одну такую рыбу по десять тысяч сестерций и с удовольствием наблюдали, как султанка умирает прямо у них на столе, постепенно теряя свои яркие оттенки красной киновари и становясь мертвенно-бледной.

И если мне не удалось наблюдать зеркальных скатов, спинорогов, тетрадонов, морских коньков, драгоценных цихлид, флейторылов, морских собачек, барабулек, губанов, корюшек, летучих рыб, анчоусов, пагелл, большеглазых боопсов, сарганов, а также лиманду, палтус, морской язык и прочих представителей семейства камбаловых, населяющих Атлантический океан и Средиземное море, — тому виной головокружительная скорость, которую развил «Наутилус», проходя по водам самого продуктивного водоема в мире.



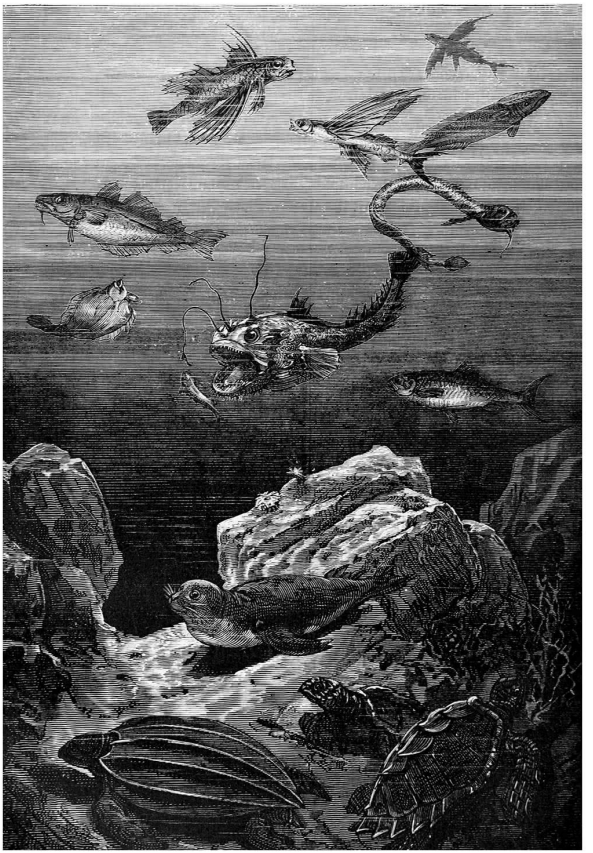
Что до морских млекопитающих, то, полагаю, в районе Адриатического моря я заметил краем глаза двух или трех кашалотов из семейства кашалотовых, наделенных спинными плавниками; нескольких средиземноморских дельфинов из рода глобицефаловых, с тонкими светлыми полосками на передней части головы; а также дюжину трехметровых тюленей с белым животом и черной шерстью, которых еще называют монахами за удивительное сходство с монахами-доминиканцами, облаченными в белую тунику с черным плащом.

Консель в свою очередь полагает, что заметил шестифутовую морскую черепаху с тремя продольными гребнями на панцире. Жаль, я не успел взглянуть на эту рептилию! Судя по описанию, Конселю повезло увидеть кожистую черепаху — очень редкий вид. Я же заметил только несколько головастых черепах-логгерхедов с удлиненным панцирем.

Зоофитов я почти не видел, лишь несколько мгновений любовался восхитительной оранжевой галеолярией, прилипшей к оконному стеклу левого борта; она представляла собой длинную вытянутую нить со множеством щупалец-ответвлений, увенчанную тончайшими

кружевами, какие могла бы сплести разве что сама Арахна. К сожалению, у меня не было возможности выловить этот великолепный образец. Вероятно, я даже не увидел бы других средиземноморских зоофитов, если бы вечером 16 февраля «Наутилус» не замедлил ход. Вот при каких обстоятельствах это произошло.

Мы шли между Сицилией и побережьем Туниса. В узком пространстве между мысом Бон и Мессинским проливом дно довольно резко поднимается, образуя нечто вроде горного хребта, от которого остается не более семнадцати метров до поверхности воды. При этом глубина по обе стороны от хребта составляет около ста семидесяти метров. И «Наутилусу» приходилось двигаться крайне осторожно, чтобы не натолкнуться на эту подводную преграду.



Взяв карту Средиземного моря, я показал Конселю, где именно проходит рифовая гряда.

— С позволения господина профессора, — заметил Консель, — это же самый настоящий перешеек, соединяющий Европу и Африку!

— Ты прав, мой друг, — ответил я. — Он полностью перегораживает Ливийский пролив[166], а исследования Смита доказали, что когда-то два континента соединялись между мысами Боэо и Фарина.

— Охотно верю, — сказал Консель.

— Кстати, — добавил я, — между Гибралтаром и Сеутой существует похожий барьер, который полностью перекрывал Средиземное море в более ранние геологические эпохи.

— А что если оба барьера в один прекрасный день опять поднимутся из глубин в результате вулканического извержения?

— Это маловероятно, Консель.

— Пусть господин профессор позволит мне закончить мысль. Осмелюсь предположить, что, случись нечто подобное, де Лессепс бы крайне огорчился. Ведь он тратит столько усилий, чтобы

---

[166] Сноски: 166

Судя по описанию, речь идет о Сицилийском (Тунисском) проливе. Мыс Боэо — крайняя западная точка Сицилии, а мыс Фарина образует северо-западную оконечность Тунисского залива.

прорыть Суэцкий перешеек!

— Пожалуй, — согласился я. — Но повторяю, Консель, этого не произойдет. Мощность подземных процессов постепенно уменьшается. Вулканы, столь многочисленные в первые дни мироздания, постепенно гаснут, внутренний жар Земли ослабевает, температура в ее недрах заметно понижается с каждым столетием. Что крайне печально для нашей планеты, ведь тепло — источник жизни!

— А как же Солнце?..

— Солнца недостаточно, Консель. Разве может оно вернуть тепло мертвому телу?

— Нет, насколько мне известно.

— Так вот, мой друг: когда-нибудь Земля тоже превратится в мертвое тело. Она станет непригодной для жизни и необитаемой — как Луна, давно утратившая свое живительное тепло.

— И через сколько веков это произойдет? — спросил Консель.

— Через сотни тысячелетий, мой мальчик!

— Ну, в таком случае мы еще успеем закончить наше путешествие! Если, конечно, Нед Ленд не наломает дров.

И успокоенный Консель вновь принялся изучать необычную отмель, над которой на уме-

ренной скорости скользил «Наутилус».

Там, на каменистой вулканической почве, буйно росли всевозможные разновидности живой флоры: губки, голотурии, прозрачные и слегка фосфоресцирующие ктенофоры цидиппе с красноватыми щупальцами; ктенофоры бероэ, известные в народе как морские огурцы и переливающиеся всеми цветами солнечного спектра; способные передвигаться морские лилии коматулиды высотой до одного метра — от их яркой пурпурной окраски даже вода вокруг казалась багровой; древовидные морские лилии-эвриалии необычайной красоты; павонии на длинных стеблях; множество видов съедобных морских ежей, а также зеленые актинии с сероватым стволом и коричневым диском, утопавшим в оливковой шевелюре из тонких щупалец.

Консель сосредоточил свое внимание на моллюсках и членистоногих, и хотя их долгое перечисление может показаться утомительным, было бы несправедливо по отношению к славному малому не привести здесь результаты его личных наблюдений.

Из представителей типа моллюсков в отчетах Конселя упоминаются многочисленные морские гребешки; громоздящиеся друг на друга спонди-

люсы, называемые также «ослиными копытами»; треугольные донаксы; трехзубчатые стеклушки с желтыми ребрами и прозрачными раковинами; оранжевые плевробранхусы; испещренные зеленоватыми полосками или пятнышками овулиды; аплизии, известные также под названием морские зайцы; долабеллы; мясистые ацеры; похожие на зонтики умбрелии, характерные для Средиземного моря; морские ушки-галиотисы, раковины которых производят ценнейший жемчуг; огненные гребешки; аномии, которых, как говорят, жители Лангедока предпочитают устрицам; кловисы, столь любимые марсельцами; двустворчатые венерки с жирным белым мясом; несколько разновидностей ракушек, широко распространенных на побережье Северной Америки и в огромных количествах поставляемых на рынки Нью-Йорка; оперкулярные гребни всевозможных цветов; прячущиеся в своих раковинах литодомы, обладающие ярко выраженным пряным вкусом; ребристые сердцевидки, чьи выпуклые у основания раковины имеют сильно выступающие ребра; цинтии, покрытые алыми бугорками; похожие на хрупкие гондолы каринарии с загнутыми кончиками; венценосные феролы; атланты со спиралевидными раковина-

ми; серые тетисы с белыми пятнами, завернутые в свою бахромчатую мантию; эолиды, напоминающие маленьких слизней; каволины, ползающие на спине; улитки аурикулы, в том числе аурикулы-неретины с овальным панцирем; рыжеватые скалярии; литторины; янтины; пепельно-серые гиббулы; цинерарии, камнеточцы, ламеллярии, кабошоны, пандоры и другие.

Членистоногих Консель в своих заметках совершенно правильно разделил на шесть классов, три из которых принадлежат к морскому миру: ракообразные, усоногие и кольчатые черви[167].

Ракообразные подразделяются на девять отрядов. Первый отряд включает в себя десятиногих, то есть животных, голова у которых спаяна с туловищем в головогрудь, а ротовой орган состоит из нескольких пар ногочелюстей. Также у них имеется четыре, пять или шесть пар грудных или ходильных конечностей. Консель следовал в своей классификации нашему учителю Мильну-Эдвардсу, который делит десятиногих на три группы: короткохвостые, длиннохвостые и неполнохвостые. Возможно, эти названия звучат немного дико, зато весьма точно и спра-

[167] Сноски: 167

Современная наука причисляет усоногих к ракообразным, а кольчатых червей рассматривает как отдельную группу.

ведливо отражают суть. Среди длиннохвостых Консель упоминает крабов-аматиев, лоб которых вооружен двумя огромными разнонаправленными шипами; краба-скорпиона, или инахуса, который — уж не знаю почему — считался у греков символом мудрости; крабов-ламбров, по-видимому, случайно забредших на эту отмель — как правило, они обитают на больших глубинах; ксантидов; волосатых крабов-пилумнидов; ромбусов; зернистых калапп из семейства стыдливых крабов, которые, по словам Конселя, отлично перевариваются; беззубых користид; эбалий, стригунов, ворсистых крабов-дориппе, называемых также носильщиками, и прочих.

Среди длиннохвостых, которые подразделяются на пять семейств — панцирные, роющие, астациды, креветки и равноногие — Консель перечисляет обыкновенных лангустов (особенно ценится мясо их самок); раков-медведей, или морских цикад; упогебий, или грязевых креветок, и прочие виды съедобных ракообразных. Однако ничего не говорит об астацидовых, к которым также относятся омары, поскольку в Средиземном море встречается лишь один вид

омаров — лангусты[168]. Наконец, среди неполнохвостых он наблюдал здесь обыкновенных дроцин, которые селятся в пустых раковинах моллюсков; крабов-литодид с колючками на лбу, раков-отшельников, фарфоровых крабов и так далее.

На этом записи Конселя обрываются. Ему не хватило времени на изучение всех ракообразных, поэтому в его перечень не вошли ротоногие, бокоплавы, равноногие, трилобиты[169], жаброногие, остракоды и другие низшие ракообразные. Чтобы завершить обзор морских членистоногих, Конселю следовало еще упомянуть класс усоногих, к которым относятся циклопы и аргулюсы, а также класс кольчатых червей, которых мой помощник не преминул бы разделить на сидящих в трубках и свободноживущих аннелид. Но вскоре «Наутилус» миновал горный хребет Ливийского пролива и, выйдя в открытое море, вновь пошел полным ходом. С тех пор мы больше не видели ни моллюсков, ни членистоногих, ни зоофитов. Лишь несколько крупных рыб про-

[168] Сноски: 168

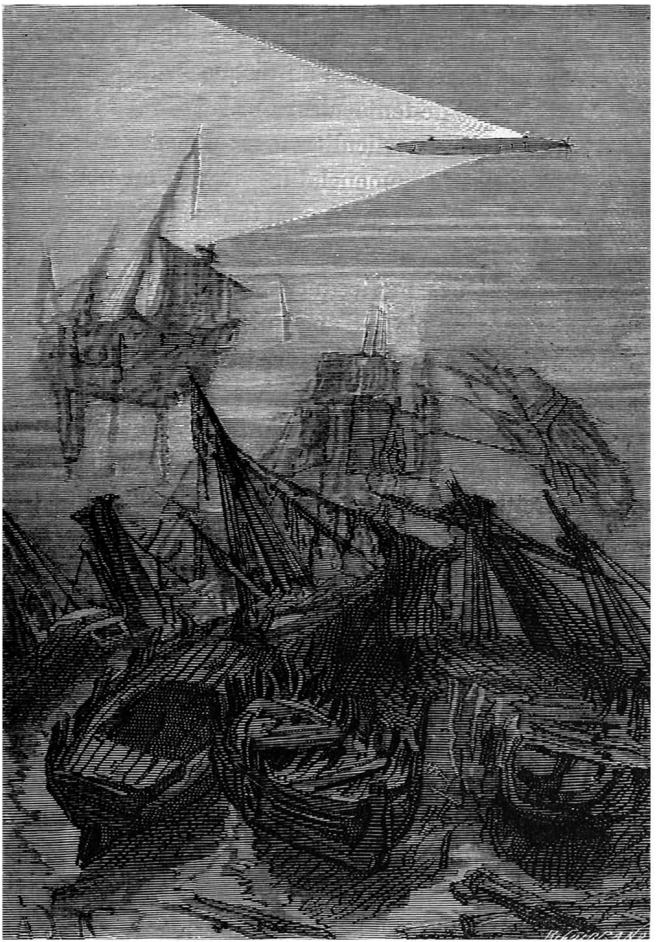
В настоящее время лангустов и омаров причисляют к разным семействам отряда десятиногих раков.

[169] Сноски: 169

Вымерший вид морских членистоногих палеозойской эры.

мелькнули, словно тени, мимо нас.

В ночь с 16 на 17 февраля мы вошли во второй средиземноморский бассейн, глубина которого достигала в некоторых местах трех тысяч метров. Благодаря мощному винту «Наутилус» быстро скользил по диагонали, погружаясь в самые глубинные слои океана.



Дно было усеяно зловещими обломками затонувших кораблей.

Там, взамен чудес природы, моему взору предстали волнующие и жуткие картины. Мы как раз пересекали ту часть Средиземного моря между побережьями Алжира и Прованса, где произошло огромное число катастроф. Сколько судов потерпели здесь крушение, сколько здесь сгинуло кораблей! Да, по сравнению с огромными водными равнинами Тихого океана Средиземное море — всего лишь озеро, но озеро своенравное, переменчивое. Сегодня оно приветливое и ласковое даже к хрупкой тартане[170], которая плывет между двойной лазурью волн и небес; а завтра — яростное, бурное, с ветрами, оно разбивает в щепки самые большие суда, обрушивая на них короткие и частые удары своих валов.

Сколько обломков затонувших кораблей увидел я на дне во время этой стремительной прогулки по морским глубинам! Одни были сплошь покрыты отложениями кораллов, другие только ржавчиной. Здесь покоились якоря, пушки, ядра, железная оковка, лопасти гребного винта, части

[170] Сноски: 170

Небольшое средиземноморское судно XVI–XIX веков с косым парусным вооружением.

машин, треснувшие цилиндры, пробитые котлы. Останки корпусов неподвижно висели в толще воды — иные прямо, а иные вверх тормашками.

Некоторые из затонувших кораблей стали жертвой столкновения, другие напоролись на подводную скалу из гранита. Я видел суда, которые пошли ко дну отвесно, с целыми мачтами и такелажем, затвердевшим от морской воды. Они как будто стояли на открытом рейде посреди необозримых океанских просторов, готовые в любой момент сняться с якоря. Когда «Наутилус» проходил мимо, обдавая их светом электрических лучей, казалось, что подводная флотилия вот-вот приспустит флаги в знак приветствия и сообщит свои порядковые номера!.. Увы, в этом гиблом месте царили лишь безмолвие и смерть!

По мере приближения «Наутилуса» к Гибралтарскому проливу гнетущие останки, погребенные на дне Средиземного моря, встречалось все чаще. Здесь берега Африки и Европы сближаются, образуя довольно узкий коридор, в котором сложно разминуться многочисленным судам. Я увидел множество железных корпусов и фантастических развалин пароходов — некоторые завалились на бок, другие стояли прямо, напоминая грозных животных. Я заметил судно

с пробоиной в боку, погнутой трубой и одними ступицами вместо гребных колес; руль отделился от ахтерштевня и болтался на железной цепи, а крепившаяся на корме табличка с названием была изъедена морской солью. Жуткое зрелище! Сколько жизней оборвалось из-за этого крушения! Сколько невинных жертв погибло в морской пучине! Выжил ли хоть один матрос, чтобы рассказать об ужасной трагедии? Или море по-прежнему хранит эту мрачную тайну? Мне вдруг подумалось: а что если это тот самый «Атлас», который пропал с командой и грузом лет двадцать назад, и с тех пор о нем никто не слышал? О, сколько жутких историй могли бы поведать нам средиземноморские глубины! Сколько сокровищ погребено на этом подводном кладбище! Сколько людей нашли здесь свою смерть!

Между тем безучастный «Наутилус» стремительно плыл среди руин и около трех часов утра 18 февраля оказался у входа в Гибралтарский пролив.

Там существуют два течения: верхнее, известное с давних времен и несущее океанские воды в бассейн Средиземного моря, и нижнее, встречное, существование которого было доказано учеными. В самом деле, уровень Средиземного

моря, чьи воды беспрестанно пополняются впадающими в него реками и Атлантикой, должен был бы ежегодно повышаться, ведь одного испарения недостаточно для поддержания водного равновесия. Однако ничего подобного не происходит. Ученые выдвинули логичную гипотезу: существует нижнее противотечение, которое через Гибралтарский пролив несет излишек вод Средиземного моря в Атлантический океан.

Храм Геракла.

Гипотеза подтвердилась. Именно этим попутным течением воспользовался «Наутилус» и быстро прошел через узкий пролив. На мгновение внизу промелькнули великолепные развалины храма Геракла — по словам Плиния и Авиена[171], древнее святилище ушло под воду вместе с низким островком, на котором его возвели, — и уже через несколько минут мы скользили по волнам Атлантики.

[171] Сноски: 171

Постумий Руф Фест Авиен — древнеримский поэт, писатель и переводчик второй половины IV века.

Глава восьмая
Бухта Виго

Атлантика! Необозримое водное пространство, которое занимает площадь в двадцать пять миллионов квадратных миль и имеет длину в девять тысяч миль при средней ширине в две тысячи семьсот. Просторы, почти неведомые нашим далеким предкам, за исключением карфагенян, этих голландцев античности, исследовавших западные берега Европы и Африки во время своих торговых странствий. Океан, чьи извилистые побережья охватывают гигантскую акваторию, куда впадают крупнейшие реки мира — Святого Лаврентия, Миссисипи, Амазонка, Ла-Плата, Ориноко, Нигер, Сенегал, Эльба, Луара, Рейн, — орошающие как самые цивилизованные, так и самые дикие уголки планеты! Величественная равнина, которую днем и ночью бороздят корабли со всего света, под флагами всех государств, и которая оканчивается двумя опасными выступами, внушающими мореплавателям ужас, — мысом Горн и мысом Бурь![172]

---

[172] Сноски: 172
Первоначальное название мыса Доброй Надежды.

«Наутилус» разрезал своим форштевнем воды Атлантики, пройдя за три с половиной месяца почти десять тысяч лье! То есть пройденное им расстояние превышало длину экватора! Куда лежал наш курс? Что сулило нам будущее?

Миновав Гибралтарский пролив, «Наутилус» вышел в открытое море. Он снова вернулся на поверхность, и наши ежедневные прогулки по палубе возобновились.

При первой же возможности я поднялся на палубу в сопровождении Неда Ленда и Конселя. На горизонте, в двенадцати милях от нас, смутно вырисовывались очертания мыса Святого Викентия, образующего юго-западную оконечность Пиренейского полуострова. С юга дул довольно сильный ветер. Море было бурным и неприветливым. Яростные волны ударялись о борт, раскачивая «Наутилус» из стороны в сторону. Удержаться на ногах было почти невозможно, поскольку каждую секунду на палубу обрушивались потоки морской воды. Поэтому, сделав несколько глотков свежего воздуха, мы решили спуститься.

Я вернулся к себе в каюту. Консель тоже отправился в свою, но канадец с крайне озабоченным видом последовал за мной. Наша стремительная

переправа через Средиземное море помешала ему осуществить задуманное, и он не скрывал разочарования.

Как только дверь за нами закрылась, он сел и молча посмотрел на меня.

— Друг Нед, — сказал я, — вам не за что себя корить. Бежать с «Наутилуса», когда он мчал с такой скоростью, было бы безумием!

Нед Ленд ничего не ответил. Упрямо сжатые губы и нахмуренные брови говорили о том, что он по-прежнему одержим своей идеей.

— Послушайте, еще не все потеряно! — приободрил я его. — Мы поплывем к берегам Португалии. А оттуда рукой подать до Франции или Англии, где мы легко найдем убежище. Вот если бы «Наутилус», выйдя из Гибралтарского пролива, направился в сторону южного мыса, если бы он увез нас в края, где нет континентов, я разделил бы ваше беспокойство. Но теперь мы убедились, что капитан Немо вовсе не избегает европейских морей. А значит, уже через несколько дней вы сможете действовать, приняв некоторые меры предосторожности.

Нед Ленд посмотрел на меня еще пристальнее и, разжав наконец-таки губы, произнес:

— Сегодня же вечером.

Я вскочил на ноги. Признаться, это сообщение застало меня врасплох. Я хотел ответить канадцу, но слова застряли в горле.

— Мы условились дождаться подходящего случая, — продолжал Нед Ленд. — И вот он представился! Сегодня вечером мы окажемся всего в нескольких милях от берегов Испании. Ночь темная. Ветер с моря. Вы дали слово, господин Аронакс, и я на вас рассчитываю.

Поскольку я по-прежнему молчал, канадец поднялся и подошел ко мне.

— Сегодня вечером, в девять часов! — сказал он. — Конселя я предупредил. В это время капитан Немо запрется у себя в каюте и, скорее всего, ляжет спать. Ни механики, ни матросы за нами не следят. Мы с Конселем проберемся к центральной лестнице. Вы, господин Аронакс, будете ждать моего сигнала в библиотеке, в двух шагах от нас. Весла, мачта и парус уже в шлюпке. Мне даже удалось перенести туда кое-какие припасы. Я раздобыл английский ключ, чтобы открутить болты, которыми шлюпка крепится к «Наутилусу». Так что все готово. До вечера!

— Море сегодня неспокойное, — заметил я.

— Знаю, — ответил канадец. — Придется рискнуть. Свобода стоит того! К тому же шлюпка

довольно прочная, и одолеть несколько миль при попутном ветре не составит труда. Как знать, не окажемся ли мы завтра в открытом море за сотню лье от материка? Если удача будет на нашей стороне, то между десятью и одиннадцатью часами мы высадимся где-нибудь на побережье… или погибнем. Итак, да поможет нам бог! И до вечера!

С этими словами канадец удалился, оставив меня в совершеннейшем потрясении. Я-то воображал, что, если подходящий случай все же подвернется, у меня будет время все обдумать, обсудить. Но мой упрямый товарищ лишил меня этой возможности. Да и что я мог ему сказать? Нед Ленд был тысячу раз прав! Возможность представляется почти идеальная, и он готов ею воспользовался. Разве мог я взять свое слово назад и обречь товарищей на страдания в угоду собственным интересам? Ведь уже завтра капитан Немо увезет нас за сотни миль от всякой земли!

В этот момент раздался громкий свист, оповещая о том, что резервуары заполняются водой и «Наутилус» погружается в глубины Атлантики.

Я оставался в каюте. Мне не хотелось встречаться с капитаном, чтобы не выдать своего волнения. Так я провел этот тревожный день,

разрываясь между желанием вновь обрести свободу и сожалением из-за того, что мне придется покинуть чудесный «Наутилус», так и не завершив подводные исследования! Покинуть этот океан — «мою Атлантику», как я любил его называть, — так и не увидев его пучины, не разгадав его тайны, хотя и Тихий, и Индийский океаны открыли мне свои секреты! Мой захватывающий роман ускользал из рук после первого тома, мой прекрасный сон обрывался на самом интересном месте! Сколько часов просидел я так в горьких раздумьях — то представляя себя со своими товарищами на суше, в полной безопасности, то невольно мечтая, чтобы какое-нибудь непредвиденное обстоятельство помешало планам Неда Ленда!

Два раза я заходил в салон. Хотелось взглянуть на компас. Хотелось проверить, куда нас несет «Наутилус»: к берегу или от него. Увы! Мы по-прежнему находились в португальских водах. «Наутилус» уверенно держал курс на север, продвигаясь вдоль побережья Атлантики.

Оставалось лишь принять свою участь и готовиться к побегу. Багажа у меня не было. Мои записи — только и всего.

Я думал о капитане Немо. Как отнесется он

к нашему побегу? Какое беспокойство, какой вред это ему причинит? Как он с нами поступит, если наша попытка окончится провалом? Спору нет, жаловаться на плохое обращение с его стороны мне не приходилось. Напротив! Он проявлял ко мне самое искреннее гостеприимство. Однако меня нельзя будет обвинить в неблагодарности из-за побега с его судна. Мы не были связаны клятвой. Чтобы навсегда нас удерживать рядом с собой, он мог рассчитывать лишь на силу обстоятельств, а вовсе не наше слово. Более того, его открытые заявления, что мы навеки останемся пленниками «Наутилуса», оправдывали любые попытки бегства.

Я не видел капитана с тех пор, как мы посетили остров Санторин. Увижу ли я его до побега? Я и желал встречи, и в то же время страшился ее. Я прислушивался, не донесется ли звук шагов из его каюты, которая примыкала к моей. Однако мое ухо не улавливало ни единого звука. Вероятно, в комнате никого не было.

Внезапная мысль посетила меня: а что если этого загадочного субъекта вообще нет на борту? С той самой ночи, когда шлюпка отчалила от «Наутилуса» с неведомой целью, мое мнение о капитане Немо слегка изменилось. Я стал по-

дозревать, что он, вопреки своим заверениям, все же сохранил кое-какие связи с материками. Действительно ли он никогда не покидал «Наутилус»? Порой я не видел его по несколько недель кряду. Что он делал тогда? Я-то думал, он страдает приступами мизантропии. А если на самом деле он выполнял некую секретную миссию, в подробности которой не собирался меня посвящать?

Все эти мысли, а также тысячи других, не давали мне покоя. Необычность нашего положения открывала безграничное поле для предположений. Меня охватила невыносимая тревога. Казалось, часы ожидания никогда не закончатся. Время тянулось слишком медленно.

Ужин мне, как обычно, принесли в каюту. От волнения я почти ничего не ел и в семь часов вышел из-за стола. Сто двадцать минут — я их считал! — отделяли меня от момента условленной встречи с Недом Лендом. Мое беспокойство усиливалось. Сердце стучало в висках. Я не мог усидеть на месте. Ходил взад и вперед по каюте, надеясь при помощи движения унять душевную тревогу. Перспектива погибнуть во время этой безрассудной вылазки страшила меня меньше всего; но при мысли, что наш план раскроют, прежде чем мы покинем «Наутилус», при мысли,

что нас схватят и приведут к капитану Немо, разгневанному или, что еще хуже, огорченному моим побегом, у меня щемило в груди.

Мне захотелось в последний раз заглянуть в салон. Пройдя узким коридором, я зашел в этот музей, где провел так много приятных и полезных часов. Смотрел на несметные сокровища глазами человека, которому предстоит навеки покинуть любимые места. Мысленно прощался с этими чудесными экспонатами природы и шедеврами искусства, ставшими за долгие месяцы средоточием моей жизни. Всем сердцем желал напоследок окинуть взором воды Атлантики по ту сторону хрустального окна! Увы, ставни были наглухо закрыты, и стальное полотно скрывало от меня океан, который я так и не успел исследовать.

Обходя салон, я подошел к потайной двери, ведущей в каюту капитана. К моему огромному изумлению, дверь была приоткрыта. Я невольно попятился. Окажись капитан внутри, он бы меня увидел. Не услышав ни единого шороха, я снова приблизился. Каюта была пуста. Я толкнул дверь и сделал несколько шагов по комнате. Все та же аскетичная, почти монашеская обстановка.

И тут мое внимание привлекли офорты

на стене — в прошлый раз я их не заметил. То были портреты видных исторических личностей, посвятивших себя идеям гуманизма: Костюшко[173] — польского героя, павшего с криком «Finis Poloniœ!»[174]; Боцариса[175] — этого Леонида современной Греции; О'Коннелла — защитника Ирландии; Вашингтона — основателя Северо-Американского союза; Манина — итальянского патриота; Линкольна, погибшего от пули рабовладельца; и, наконец, — мученика и борца за освобождение черной расы Джона Брауна, вздернутого на виселице (оттиск с жуткого карандашного рисунка Виктора Гюго[176]).

Что связывало эти героические души с душой капитана Немо? Не помогут ли они разгадать тайну его жизни? Не был ли он защитником угне-

---

[173] Сноски: 173

Тадеуш Костюшко (1746–1817) — военный и политический деятель Речи Посполитой и США, участник Войны за независимость США, руководитель польского восстания 1794 года, национальный герой Белоруссии, Польши, США, почетный гражданин Франции.

[174] Сноски: 174

Конец Польше! (*лат.*).

[175] Сноски: 175

Маркос Боцарис (1790–1823) — греческий военачальник, герой Освободительной войны 1821–1829 гг.

[176] Сноски: 176

Узнав о смерти Брауна, В. Гюго сделал рисунок «Повешенный» и стал продавать оттиски с него, чтобы передать вырученные средства благотворительным организациям, выступающим за отмену рабства.

тенного народа, освободителем порабощенных племен? Не участвовал ли в последних политических или социальных потрясениях нашего столетия? Не сражался ли бок о бок с героями кровопролитной гражданской войны между американскими штатами, войны трагичной и в то же время памятной?..

Часы пробили восемь. Первый же удар молоточка по часовому гонгу вывел меня из задумчивости. Я вздрогнул, словно чей-то невидимый взор проник в мои самые сокровенные мысли, и поспешил выйти из каюты.

В салоне я бросил последний взгляд на компас. «Наутилус» по-прежнему шел в направлении севера. Лаг показывал умеренную скорость, манометр — глубину приблизительно в шестьдесят футов. Внешние обстоятельства благоприятствовали планам канадца.

Я вернулся к себе в каюту. Надел теплую одежду: морские сапоги, шапку из меха выдры и казак[177] из биссуса, подбитый тюленьими шкурами. Я был готов. Я ждал. На борту царила глубокая тишина, нарушаемая лишь стуком винта. Я весь обратился в слух. Не раздастся ли

---

[177] Сноски: 177

Верхняя мужская одежда, род плаща. Появился в XVII веке во Франции как часть облачения мушкетеров; использовался в армии до XIX в.

неожиданный крик, возвещая о том, что Неда Ленда поймали? Меня охватило смертельное беспокойство. Я тщетно пытался сохранять хладнокровие.

Без четверти девять я приложил ухо к двери капитана. Ни звука. Я вышел из каюты и вернулся в пустой салон, погруженный в полумрак.

Я открыл дверь, ведущую в библиотеку. Тот же полумрак и пустота. Я притаился у двери, ведущей к центральной лестнице, и стал ждать сигнала Неда Ленда.

В эту минуту дрожание корпуса судна от ударов винта значительно уменьшилось, а потом и вовсе прекратилось. Винт затих. Почему «Наутилус» вдруг изменил скорость хода? Как знать, поможет ли неожиданная остановка замыслам Неда Ленда или навредит им?

Теперь тишину нарушало лишь биение моего сердца.

Вдруг я почувствовал легкий толчок. Я понял, что «Наутилус» опустился на дно. Моя тревога возросла. Сигнала от канадца все не было. Меня так и подмывало броситься к Неду Ленду и уговорить его перенести побег. Я чувствовал, что условия, в которых проходило наше плавание, теперь изменились…

Но тут дверь в салон отворилась, и на пороге показался капитан Немо. Заметив меня, он без всяких предисловий произнес самым любезным тоном:

— Господин профессор! А я вас искал. Вы знакомы с историей Испании?

Даже если бы он спросил меня об истории Франции, я не сумел бы ответить в своем состоянии тревоги и растерянности.

— Ну так что? Вы слышали мой вопрос? Вы знакомы с историей Испании? — повторил капитан Немо.

— Очень плохо, — ответил я.

— Ох уж эти ученые! — сказал капитан. — Ничего-то они не знают! Ну что ж, тогда садитесь-ка, и я расскажу вам об одном любопытном эпизоде испанской истории.

Капитан расположился на диване, и я машинально сел рядом с ним в полумраке каюты.

— Слушайте внимательно, господин профессор, — добавил он. — Некоторые детали истории будут вам особенно интересны, поскольку вы наконец получите ответ на давно занимающий вас вопрос.

— Я весь внимание, — сказал я, теряясь в догадках: к чему клонит мой собеседник и нет ли здесь

связи с нашими планами побега.

— Итак, господин профессор, — начал капитан Немо, — давайте на время перенесемся в тысяча семьсот второй год. Как вам известно, в ту пору французский король Людовик Четырнадцатый, возомнив, что по одному лишь мановению его руки Пиренеи могут исчезнуть с лица земли, посадил на испанский трон своего внука, герцога Анжуйского. Новоявленному властителю, худобедно правившему страной под именем Филиппа Пятого, пришлось вступить в борьбу с сильными внешними врагами.

Годом ранее королевские дома Голландии, Австрии и Англии заключили в Гааге союз с целью забрать испанскую корону у Филиппа Пятого и водрузить ее на голову некоего эрцгерцога, которого они заранее нарекли Карлом Третьим.

Испания была вынуждена противостоять этой коалиции — почти без армии и без флота. Зато она не нуждалась в деньгах — правда, при условии, что ее галеоны, груженные американским золотом и серебром, могли беспрепятственно заходить в испанские порты. В конце тысяча семьсот второго года Испания как раз ожидала богатый торговый караван, сопровождаемый флотилией из двадцати трех французских судов

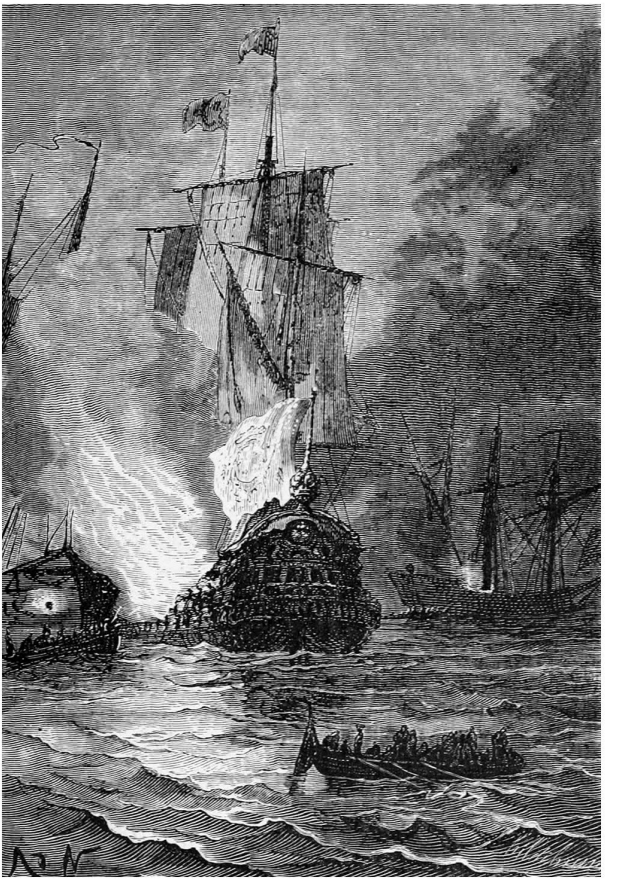
под командованием адмирала Шато-Рено. Эскорт предоставлялся для защиты от объединенного флота коалиции, который присутствовал в водах Атлантики.

Караван должен был прибыть в Кадикс[178], но адмирал, узнав о нахождении в тех краях английских кораблей, решил повернуть в один из портов Франции.

Командиры испанских судов отказались исполнять приказ адмирала. Они потребовали, чтобы их непременно сопроводили в испанский порт, и предложили отправиться вместо Кадикса в расположенную на северо-западе Испании бухту Виго, которая еще не была блокирована союзниками.

---

[178] Сноски: 178
В нынешней транскрипции — Кадис.



Адмирал поджег и затопил галеоны.

Адмирал Шато-Рено проявил слабость, поддавшись на уговоры, и вскоре галеоны вошли в бухту Виго.

К несчастью, эта бухта представляла собой открытый рейд, где невозможно укрыться от нападения. Поэтому испанцам нужно было как можно скорее разгрузить галеоны до прихода союзного флота. И они вполне успели бы это сделать, если бы не пресловутое торговое соперничество.

— Вы следите за ходом событий? — спросил капитан Немо.

— Разумеется, — подтвердил я, все еще не догадываясь о цели этого урока истории.

— Тогда я продолжу. Вот что случилось дальше. Торговцы Кадикса пользовались особой привилегией, согласно которой все идущие из Вест-Индии торговые суда попадали в Европу через их порт. Таким образом, выгрузить слитки золота и серебра в порте Виго означало бы грубо попрать это неотъемлемое право. Оскорбленные купцы направили жалобу в Мадрид; мягкотелый Филипп Пятый уступил их требованиям и приказал каравану оставаться на рейде в бухте Виго, не разгружаясь, пока вражеский флот не отойдет на безопасное расстояние.

А между тем, двадцать второго октября тыся-

ча семьсот второго года в бухту Виго прибыли английские суда. Адмирал Шато-Рено, несмотря на превосходящие силы противника, отважно вступил в бой. Но увидев, что бесценные грузы вот-вот окажутся в руках врагов, он поджег и затопил галеоны, которые пошли ко дну со всеми несметными сокровищами, находившимися на борту.

Капитан Немо умолк. Признаться, я все еще не понимал, что особенного в этой истории и почему она должна представлять для меня особый интерес.

— Ну, а дальше? — спросил я его.

— Дальше? Дело в том, господин Аронакс, — ответил капитан Немо, — что мы сейчас находимся в той самой бухте Виго. Стоит вам лишь захотеть, и вы проникнете в ее тайны.

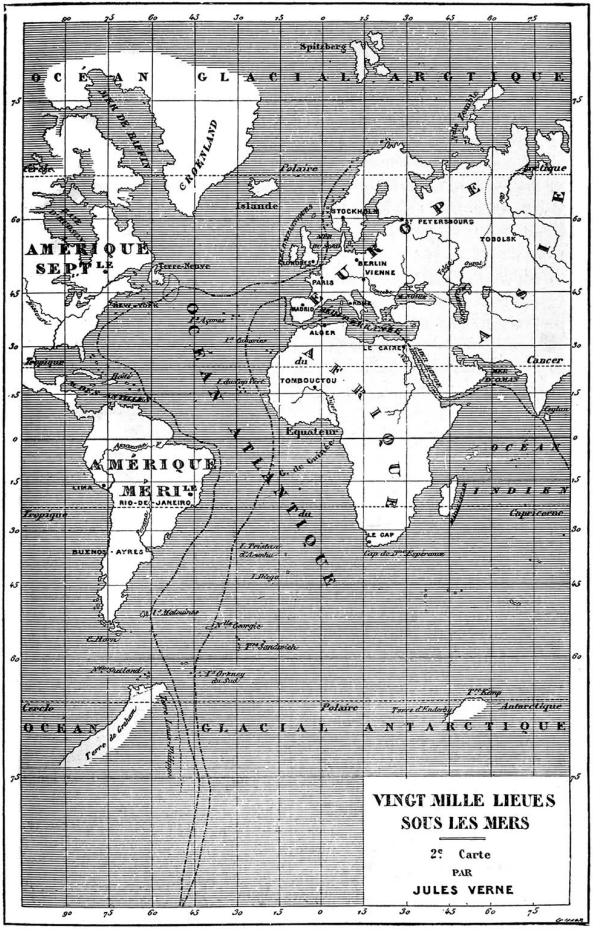
Капитан встал и пригласил меня следовать за собой. К счастью, за время нашего разговора мне удалось взять себя в руки. Я повиновался. В салоне было темно, сквозь хрустальные стекла мерцали морские глубины. Я подошел к окну.

Море на полмили вокруг «Наутилуса» казалось пронизанным электрическим светом. Внизу отчетливо виднелось чистое песчаное дно. Одетые в скафандры матросы вытаскивали из груды по-

черневших обломков полусгнившие бочки и искореженные сундуки. Из этих бочек и сундуков сыпались золотые и серебряные слитки, целые водопады пиастров и драгоценных камней. Весь песок был буквально усеян сокровищами. Затем нагруженные трофеями матросы возвращались на «Наутилус», сбрасывали свою ношу и вновь шли выуживать добычу из неисчерпаемых залежей серебра и золота.

И тут я понял. Здесь было поле сражения 22 октября 1702 года. Здесь затонули галеоны с золотом для испанской казны. Сюда приходил капитан Немо, когда ему требовалось пополнить денежные закрома «Наутилуса» на очередные несколько миллионов. Он и никто другой стал получателем отправленного из Южной Америки драгоценного груза. Он был прямым и единственным наследником сокровищ, которые Фернанд Кортес отнял у инков и других покоренных им племен!

— Могли ли вы себе представить, господин профессор, — спросил он с улыбкой, — что океан таит в себе столько богатств?


Spitzberg
OCEAN GLACIAL ARCTIQUE
Mer de Baffin
Cap Farewell
Islande
Polaire
Arctique
STOCKHALM
PETERSBOURG
TOBOLSK
AMÉRIQUE SEPTLE
Terre-Neuve
NEW-YORK
EUROPE
COPENHAGUE
BERLIN
VIENNE
PARIS
MADRID
ALGER
LE CAIRE
Cancer
TOMBOUCTOU
Equateur
OCEAN ATLANTIQUE
AMÉRIQUE MERIDLE
RIO-DE-JANEIRO
LIMA
OCÉAN INDIEN
Capricorne
LE CAP
BUENOS-AYRES
Cercle Polaire Antarctique
OCEAN GLACIAL ANTARCTIQUE
Terre de Graham
Terre de Coats
VINGT MILLE LIEUES SOUS LES MERS
2e Carte
PAR
JULES VERNE

Карта Атлантики, рис. Жюля Верна.

— Я знал, что в морской воде содержится в растворенном виде около двух миллионов тонн серебра, — ответил я.

— Верно! Вот только расходы по его извлечению превысили бы возможную прибыль. Мне же нужно лишь подобрать то, что обронили люди. Причем не только в бухте Виго, но и в тысяче других мест, где случались кораблекрушения. Все эти места отмечены на моей карте морского дна. Теперь вы понимаете, что мое состояние исчисляется миллиардами?

— Понимаю, капитан. Тем не менее, позвольте заметить, что, начав разрабатывать копи бухты Виго, вы лишь ненамного опередили одно акционерное общество.

— Вот как?

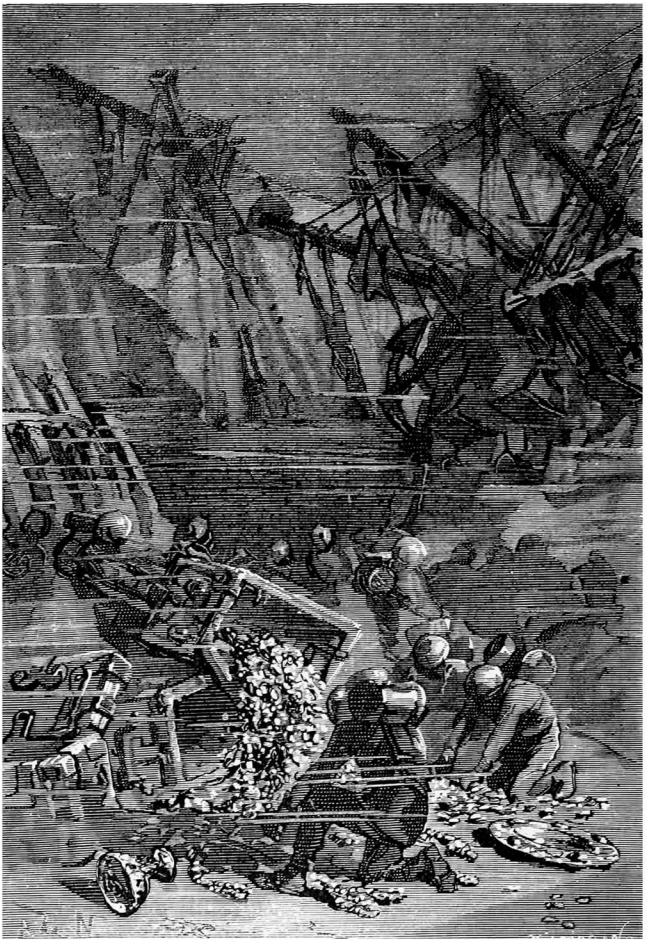
— Да! Компанию, получившую от испанского правительства особое разрешение на поиск затонувших галеонов. Акционеров прельстила возможность сказочных барышей, ведь стоимость лежащих на дне сокровищ оценивают в пятьсот миллионов.

— Пятьсот миллионов! — воскликнул капитан Немо. — Они тут были. Но их тут больше нет!

— В таком случае, — сказал я, — следовало бы

в качестве акта милосердия предупредить этих самых акционеров об этом печальном обстоятельстве! Впрочем, еще неизвестно, как бы они отнеслись к такому сообщению. Больше всего на свете игрок сожалеет не о проигрыше, а о разбитых надеждах на выигрыш. Я не испытываю к ним особого сочувствия: ведь эти богатства, если распределить их по справедливости, могли бы облегчить жизнь тысячам обездоленных! А теперь они для них потеряны…

Я не стал бы высказывать свое мнение, если бы знал, что мои слова заденут капитана Немо.



Из сундуков сыпались золотые и серебряные слитки.

— «Потеряны»? — взволнованно воскликнул он. — Так вы полагаете, сударь, что если эти богатства попали в мои руки, то они потеряны навсегда? По-вашему, я трачу время и силы на их поиски исключительно ради собственной выгоды? Думаете, мне не известно о людских страданиях, об угнетенных народах, о несчастных, которые нуждаются в утешении, о жертвах, требующих отмщения? Неужто вы не понимаете, что…

Капитан Немо осекся на полуслове. Возможно, он сожалел, что сказал лишнее. Но я и так все понял. Какими бы ни были мотивы, вынудившие его искать независимости в морских глубинах, он прежде всего оставался человеком! Его душа по-прежнему болела при мысли о людских страданиях, и он щедрой рукой оказывал помощь угнетенным!

Теперь я понял, кому предназначались миллионы, отправленные капитаном Немо в тот день, когда «Наутилус» заплыл в воды охваченного восстанием Крита!

Глава девятая
Исчезнувший континент

На следующее утро, 19 февраля, ко мне в каюту зашел канадец. Я ожидал его визита. Вид у него был крайне удрученный.

— Ну что, господин профессор, — вздохнул он.

— Ну что, Нед, — отвечал я. — Обстоятельства вчера сложились против нас…

— Эх! Надо же было этому треклятому капитану остановить судно именно в тот момент, когда мы собрались бежать! — возмутился канадец.

— Да, Нед. Ему нужно было встретиться со своим банкиром.

— У него есть свой банкир?

— Скорее, свой банк. Я имею в виду океан, где его богатства находятся в гораздо большей сохранности, чем в сберегательных кассах любого государства.

И я рассказал канадцу о том, что произошло накануне, втайне надеясь, что это заставит его отказаться от идеи побега; однако, выслушав мой рассказ, Нед лишь выразил искреннее сожаление, что ему самому не довелось прогуляться

по полю битвы бухты Виго.

— Ну ничего, — заявил он, — еще не все потеряно! Только один удар гарпуна пришелся мимо цели! В следующий раз будем бить без промаха! Может, уже сегодня вечером…

— Куда сейчас держит курс «Наутилус»? — спросил я.

— Даже не представляю, — ответил Нед.

— Что ж, в полдень узнаем!

Канадец вернулся в каюту к Конселю, а я, одевшись, направился в салон. Стрелка компаса не внушала оптимизма. Курс «Наутилуса» лежал на юго-юго-запад. Мы повернулись к Европе спиной.

Я с нетерпением ждал, когда на карту нанесут новые координаты. Примерно за полчаса до полудня из резервуаров спустили воду, и «Наутилус» всплыл на поверхность океана. Я бросился на палубу. Нед Ленд меня опередил.

Ни единого клочка земли вокруг. Ничего, кроме безбрежного моря. Лишь несколько парусников на горизонте. Вероятно, из тех, что заплывают до самого мыса Сан-Роке в поисках попутного ветра, чтобы обогнуть затем мыс Доброй Надежды. Небо было затянуто тучами. Надвигался шторм.

Нед неистово ярости буравил взглядом пасмур-

ный горизонт. Он все еще надеялся, что вдали за туманной дымкой покажется вожделенная земля.

В полдень на мгновение выглянуло солнце. Старший помощник замерил его высоту, воспользовавшись этим кратким просветлением. Затем волнение на море усилилось, и нам пришлось спуститься; люк на палубу снова задраили.

Час спустя, сверившись с картой, я увидел, что «Наутилус» находится в точке с координатами 16°17’ западной долготы и 33°22’ северной широты, в ста пятидесяти лье от ближайшего берега. О побеге нечего было и думать. Можете представить, как разозлился канадец, когда я сообщил ему о нашем положении!

Что касается меня, то я не слишком огорчился. У меня словно камень с души упал. Теперь, обретя относительное душевное равновесие, я мог вернуться к привычным занятиям.

Тем же вечером, около одиннадцати часов, ко мне в каюту неожиданно нагрянул капитан Немо. Он любезно поинтересовался, не чувствую ли я себя разбитым после бессонной ночи. Я ответил отрицательно.

— В таком случае, господин Аронакс, я хотел бы предложить вам одну интересную экскурсию.

— Что ж, капитан, предлагайте!

— До сих пор вы гуляли под водой только днем, при солнечном свете. Не желаете ли увидеть морские глубины под покровом ночной темноты?

— С удовольствием!

— Должен вас предупредить: прогулка будет утомительной. Нам предстоит проделать долгий путь и взобраться на гору. А дороги здесь не в лучшем состоянии.

— Ваши слова, капитан, лишь подстегнули мое любопытство! Я готов пойти с вами!

— Тогда идемте, господин профессор. Нам нужно надеть скафандры.

Придя в гардеробную, я понял, что ни мои спутники, ни члены экипажа не будут сопровождать нас во время этой прогулки. Капитан Немо даже не предложил мне позвать Неда или Конселя.

Через несколько минут мы облачились в скафандры. Наполненные воздухом резервуары висели у нас на спине, однако электрических ламп среди снаряжения не оказалось. Я обратил внимание капитана на эту деталь.

— Они нам ни к чему, — ответил капитан.

Я подумал, что неправильно расслышал, однако переспросить не успел: голова капитана уже скрылась под металлическим куполом. Когда

я оделся, мне в руку вложили какую-то железную палку. Несколько минут спустя, после всех необходимых церемоний, мы уже шагали по дну Атлантики, на глубине трехсот метров.

Близилась полночь. Нас окружала глубокая тьма, но капитан Немо указал мне на красноватое пятно в двух милях от «Наутилуса», похожее на далекое зарево. Неужели огонь? Где же его источник? И как он может гореть среди водной стихии? Я терялся в догадках. В любом случае, огонек освещал нам путь, хотя и очень слабо, так что вскоре мои глаза привыкли к красноватому полумраку. Теперь я понял, почему мы не взяли аппараты Румкорфа: в этих условиях они и впрямь были бы бесполезны.

Мы с капитаном Немо шли бок о бок на свет путеводного огня. Дно, вначале ровное, постепенно повышалось. Мы шли большими шагами, опираясь на палку, как на посох, и все же продвигались очень медленно, поскольку ноги увязали в илистом месиве из водорослей и мелкой гальки.

Шагая вперед, я постоянно слышал над головой странный шорох. Иногда он усиливался, переходя в непрерывный треск. Вскоре я понял причину необычного звука. Это был шум дождя, яростно лупившего по волнам. Я невольно подумал, что

сейчас промокну до нитки! Это в воде-то промокну от дождя! Я тут же рассмеялся от этой нелепой мысли. Надо сказать, что под толстой оболочкой скафандра вовсе не чувствуешь, что находишься в водной стихии, только замечаешь, что окружающая среда чуть плотнее воздуха.

Через полчаса дно стало каменистым. Медузы, микроскопические ракообразные и морские перья излучали слабый фосфоресцирующий свет. Под ноги все время подворачивались груды камней, поросшие водорослями и усеянные бесчисленными зоофитами. То и дело поскальзываясь на этом вязком ковре, я спасался палкой, иначе не раз бы упал. Белесый свет прожектора «Наутилуса» еще можно было различить, если обернуться, но с каждым шагом он становился все бледнее.

В том, как груды камней располагались на дне океана, прослеживалась странная упорядоченность. Гигантские борозды, длину которых не измерить, терялись в мглистой дали. Заметил я и другие особенности. При каждом шаге под моими тяжелыми свинцовыми подошвами что-то хрустело — казалось, я ступаю по полю, усеянному высохшими костями. Что же находилось на этой просторной равнине? Я хотел спросить

у капитана, но, к сожалению, язык условных знаков, которыми он обменивался со своими людьми во время подводных прогулок, был мне пока незнаком.

Красноватое зарево, служившее нам маяком, все больше разрасталось, озаряя горизонт. Подводный огонь чрезвычайно возбуждал мое любопытство. Чем объяснялось загадочное свечение? Действием электрической энергии? Или же впереди меня ждал природный феномен, до сих пор не известный ученым Земли? У меня даже мелькнула мысль, что этот костер — дело рук человека. Ведь кто-то его разжег? Быть может, я встречу в глубинах океана друзей или приятелей капитана Немо, живущих такой же необычной жизнью, как и он? Или обнаружу целую колонию изгнанников, которые, устав от земных невзгод, предпочли укрыться в морской пучине? Самые безумные, невероятные гипотезы крутились у меня в голове. Впрочем, при виде бесконечных чудес, расстилающихся перед моими глазами, я пришел в такое восторженное состояние, что ничуть не удивился бы, увидев в глубинах Атлантики один из подводных городов, о которых мечтал капитан Немо!

Дорога освещалась все ярче. Беловатое сияние

исходило от вершины горы высотой около восьмисот футов. Однако то было лишь отражение преломленных в кристально-прозрачной воде световых лучей. Их источник находился по ту сторону горы, на ее противоположном склоне.

Капитан Немо уверенно шагал по каменному лабиринту, пролегавшему по дну Атлантики. Очевидно, он не раз здесь бывал и не боялся заблудиться. Я шел за ним совершенно спокойно. Он казался мне одним из морских духов, и я восхищенно смотрел на его статную фигуру, что вырисовывалась черным силуэтом на фоне сияющего горизонта.

К часу ночи мы подошли к подножию горы. Чтобы достичь вершины, предстояло взобраться по опасным тропинкам сквозь непролазную чащу.

Да! Впереди простирался лес из мертвых, без листьев и растительных соков, деревьев, которые минерализовались под воздействием морской воды. Над каменной чащей тут и там высились гигантские сосны. Это было настоящее месторождение ископаемого угля, еще не слежавшегося пластами: окаменевшие стволы по-прежнему стояли, цепляясь корнями за оплывшую почву, а черные, словно вырезанные из бумаги ветки

отчетливо проступали на фоне водяных сводов. Представьте себе лесистые склоны Гарца[179], вдруг оказавшиеся на дне морском! Тропинки этого леса, поросшие фукусом и морской травой, кишели полчищами ракообразных. Я шел, карабкаясь по камням, перешагивая через поваленные стволы, обрывая лианы из водорослей и распугивая рыб, что порхали с ветки на ветку точно птицы. Увлекшись, я забыл об усталости и следовал за своим неутомимым проводником.

[179] Сноски: 179
Горы на севере Германии.

Лес из мертвых деревьев.

Невероятное зрелище! Как передать его словами? Как описать этот лес и эти подводные скалы, их погруженные во мрак подножия, их макушки, окрашенные в багрянец таинственным заревом далеких, отраженных в воде огней? Мы взбирались на валуны, которые потом обрушивались у нас за спиной с глухим рокотом лавины. Справа и слева уходили в необозримую даль сумрачные галереи. То и дело на пути у нас возникали широкие поляны, словно расчищенные рукой человека, — порой я задавался вопросом, не появится ли сейчас передо мной один из обитателей этих мест.

Капитан Немо продолжал взбираться на гору. Я следовал за ним по пятам, не желая отстать. Железный посох не раз выручал меня на узких тропках. Один неверный шаг грозил гибелью: тропинка была проложена по самому краю зияющей бездны. Но я уверенно шел, не чувствуя головокружения. Я перепрыгивал через расщелины, глубина которых заставила бы меня отступить, случись это на обледеневших вершинах земных гор. Не глядя под ноги, я отважно переходил по шатким стволам деревьев через пропасти, любуясь первобытной красотой этих мест. Исполинские скалы громоздились на хлип-

ких, неровных основаниях, словно опровергая законы равновесия. Меж их острых каменных колен, словно струи воды, пущенные под большим напором, пробивались стволы деревьев, поддерживая тех, кто должен был служить им опорой. А тут вырастали башни, воздвигнутые самой природой и срезанные под углом, немыслимым в условиях земного тяготения!

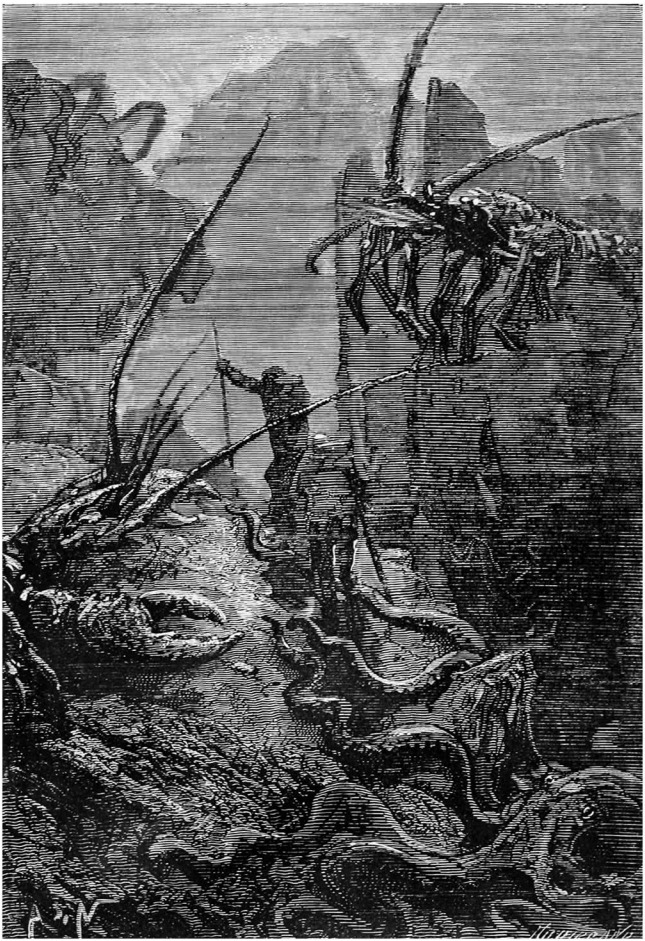
Да и сам я ощущал влияние плотности водной среды: ведь, несмотря на тяжелую одежду, медный шлем и железные подошвы я взбирался на неприступные кручи с легкостью серны или антилопы!

Я прекрасно понимаю, что мой рассказ об этой подводной экскурсии может показаться неправдоподобным. Но я описываю вещи и явления, которые только выглядят фантастическими, однако они реальны, бесспорны! Нет, мне не приснилось, я все это видел и чувствовал!

Прошло два часа с тех пор, как мы покинули «Наутилус». Полоса леса осталась позади. В сотне футов над нами высилась остроконечная вершина горы, отбрасывая тень на ярко освещенный противоположный склон. Тут и там тянулись скорбными зигзагами вереницы окаменевших кустарников. Косяки рыб поднимались у нас

из-под ног, словно вспугнутые птицы из высокой травы. Каменная поверхность была изрыта непроходимыми оврагами, глубокими пещерами, зияющими ямами, со дна которых доносились жуткие шорохи. Кровь застывала в жилах, когда путь мне преграждало гигантское щупальце, или когда из темных впадин доносилось зловещее клацанье! Тысячи светящихся точек сверкали во мраке. Это были глаза огромных ракообразных, притаившихся в своем логове, исполинских омаров, которые поднимались из темноты, бряцая своими клешнями, словно железными алебардами, крабов-титанов, которые поворачивались в нашу сторону, как пушки на лафетах, и чудовищные осьминоги, чьи жуткие щупальца извивались, точно клубок змей.

Я словно попал в чудовищный, неведомый мир! К какому отряду принадлежали эти членистоногие, которым скала служила как бы вторым панцирем? Как отыскала природа секрет их растительного существования? Сколько веков населяли они глубинные слои океана?



Гигантские омары, исполинские крабы.

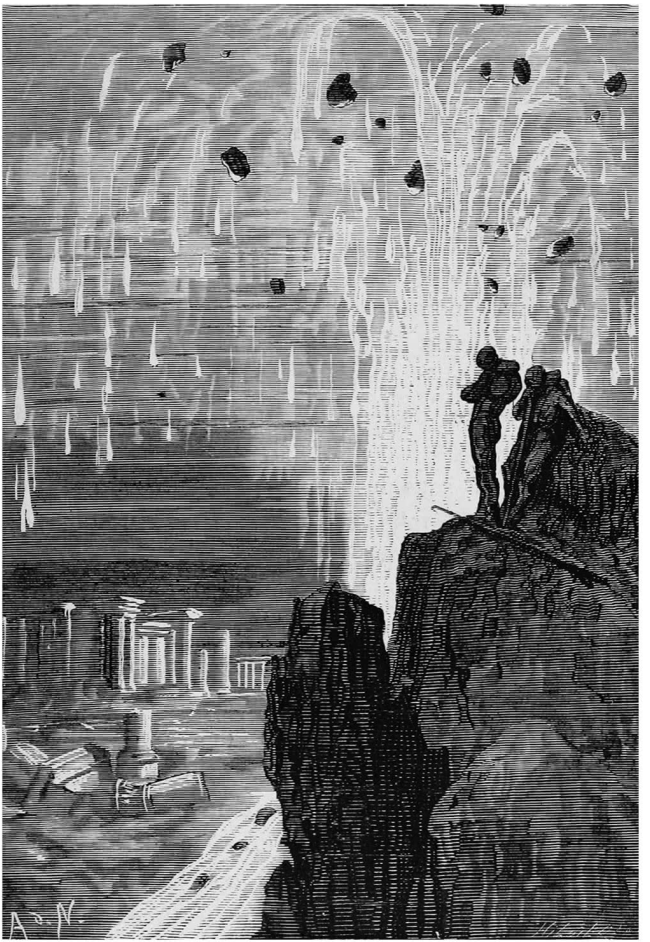
Капитан Немо, не раз видевший этих страшных животных, не обращал на них внимания. Вскоре мы взошли на первое плато, где нас ждали новые сюрпризы. Моему взору представились живописные руины, которые явно были творением рук человеческих, а не Всевышнего. В бесформенном нагромождении камней, покрытых пестрым ковром из цветущих зоофитов и укутанных, словно плющом, одеялом из фукусов и ламинарий, угадывались смутные очертания зданий, дворцов и храмов.

Быть может, передо мной страна, ушедшая под воду во время доисторического потопа? Кто создал эти огромные каменные сооружения, похожие на древние дольмены? Куда завела меня фантазия капитана Немо?

Как бы я хотел задать ему эти вопросы! Но, не имея такой возможности, я просто остановил его, тронув за плечо. Однако он покачал головой и показал на самую вершину горы, словно говоря: «Иди! Иди выше! Мы еще не пришли!»

Собрав последние силы, я устремился за ним и через несколько минут взошел на пик, вздымавшийся над скалистым массивом примерно на десять метров.

Там я обернулся. Высота склона, по которому мы пришли, не превышала семисот-восьмисот футов. Однако с противоположной стороны гора была вдвое выше: ее склон отвесно уходил вниз до самого дна глубокой впадины. Моему взгляду открылось широкое пространство, освещаемое неистовым заревом. Гора, на которой мы стояли, оказалась вулканом. В пятидесяти футах от вершины, среди ливня камней и шлака, из широкого кратера извергались потоки лавы, которые огненным водопадом сползали по склону и рассеивались в лоне вод. Вулкан, словно гигантский факел, освещал простиравшуюся внизу равнину до самого горизонта.



Там, внизу, я увидел разрушенный город.

Как я уже говорил, подводный кратер выбрасывал лаву, но не пламя. Для пламени необходим воздух, поэтому огонь не может разгореться в воде; однако раскаленные добела струйки лавы при соприкосновении с водой образуют водные пары, которые быстро рассеиваются. Потоки лавы стекали до самого подножия горы — как исторгнутые Везувием огненные реки изливались когда-то на Торре-дель-Греко[180].

Тут я опустил глаза и увидел внизу мертвый город — опустошенный, разрушенный, низвергнутый в пропасть. Обвалившиеся крыши, руины храмов, просевшие арки, поверженные на землю колонны все еще хранили монументальные пропорции тосканской архитектуры. Поодаль виднелись остовы гигантского водопровода; ближе к подножию вулкана, под слоем ила — останки акрополя, превосходившего размерами Парфенон; чуть в стороне — следы набережной древнего порта, где находили убежище торговые суда и военные триремы; а еще дальше — длинные ряды обрушенных зданий и призрачные

[180] Сноски: 180

Приморский город в итальянской провинции Неаполь, на юго-западной подошве Везувия; построен на лаве извержения 1631 г. Сильно пострадал во время извержений 1737, 1794 и 1861 гг.

контуры широких пустынных улиц. Настоящая Помпея, спрятанная под океанскими водами! И капитан Немо словно воскресил ее, открыв моему взору!

Где я? Где? Я хотел узнать это любой ценой, я хотел спросить об этом, я хотел сорвать сковавший мою голову медный шлем.

Но капитан Немо подошел и жестом остановил меня. Подняв кусок известняка, он направился к черной базальтовой скале и начертил одно-единственное слово:

АТЛАНТИДА

Словно молния пронзила все мое существо! Атлантида, древняя Меропия Феопомпа! Атлантида Платона! Континент, существование которого отрицали Ориген, Порфирий, Ямвлих, д'Анвиль, Мальт-Брюн и Гумбольдт, относившие историю его исчезновения в область легенд. Зато его существование признавали Посидоний, Плиний, Аммиан Марцеллин, Тертуллиан, Энгель, Шерер, Турнефор, Бюффон и д'Авезак. И вот теперь она лежит перед моими глазами, как неопровержимое доказательство постигшей ее катастрофы! Загадочная страна, что простиралась за пределами Европы, Азии, Ливии, по ту сторону

Геркулесовых столбов[181], населенная могучими атлантами, против которых затевались первые войны Древней Греции!

Сам Платон описывал события той героической эпохи в своих диалогах «Тимей» и «Критиас», вдохновившись трудами поэта и законодателя Солона.

Однажды Солон повстречал мудрых старцев из Саиса — древнего города, основанного восемь веков назад, как свидетельствуют анналы, высеченные на священных стенах его храмов. Один из старцев рассказал о другом городе, который появился на тысячу лет ранее. Так вот, когда история более древнего города насчитывала девятьсот лет, он был захвачен и наполовину разрушен атлантами. Эти атланты, по словам мудреца, населяли огромный континент, превосходивший размерами Африку и Азию, вместе взятых, и расположенный между двенадцатым и сороковым градусами северной широты. Их владения простирались до самого Египта. Они хотели захватить и Грецию, но были вынуждены отступить перед яростным сопротивлением эллинов. Миновали столетия. И вот однажды

[181] Сноски: 181

Название, использовавшееся в Античности для обозначения высот, обрамляющих вход в Гибралтарский пролив (*лат.* Columnae Herculis).

произошло стихийное бедствие, сопровождавшееся потопами и землетрясениями. В течение суток Атлантида затонула, хотя ее самые высокие горы — Мадера, Азоры, Канары и острова Зеленого мыса — до сих пор выступают над водой.

Все эти исторические сведения всплыли у меня в голове при виде сделанной капитаном надписи. Так вот где я очутился по странной прихоти судьбы — на одной из горных вершин легендарного континента! Я касался тысячелетних руин — свидетельниц древнейших геологических эпох! Я ходил по тем же местам, где ходили современники первобытных людей! Я давил тяжелыми подошвами скелеты доисторических животных, которые прятались когда-то в тени ныне окаменевших деревьев!

Ах, почему у меня не было достаточно времени! Как бы я хотел спуститься по крутым склонам этой горы, обойти целиком этот бескрайний континент, несомненно, соединявший когда-то Африку с Америкой, посетить эти великие допотопные города! Возможно, где-то там простирался воинственный Махимос и благочестивый Эвсебий, где веками жили могучие исполины, которые без труда ворочали каменные глыбы, до сих пор не разрушенные морской водой.

Возможно, настанет день, когда какое-нибудь извержение вновь подымет на поверхность эти затопленные руины! В этой части океана находится немало подводных вулканов — многие суда, проходя над этими опасными глубинами, ощущали необычные толчки. Некоторые слышали приглушенный рев, который свидетельствовал о происходившей в морской пучине борьбе стихий; другие наблюдали, как из моря выбрасываются фонтаны вулканического пепла. Вся эта область до самого экватора до сих пор подвергается воздействию глубинных сил Земли. Как знать, быть может, в отдаленном будущем из-за постоянных извержений и многочисленных слоев лавы над Атлантикой покажутся макушки огнедышащих гор!

Пока я предавался грезам, стараясь запечатлеть в памяти все мельчайшие детали величественного пейзажа, капитан Немо замер в немом восторге, облокотившись на поросшую мхом стелу. Думал ли он об исчезнувших поколениях этого народа, мысленно расспрашивая их о судьбах рода людского? А может, этот странный человек приходил сюда, чтобы вновь погрузиться в прошлое, оживить в воображении картины давно минувших дней, поскольку современная

действительность ему претила? Я отдал бы что угодно, лишь бы узнать, разделить, понять его мысли!

Мы провели там целый час, созерцая обширную равнину, подсвеченную всполохами лавы, которые приобретали порой удивительную яркость. По поверхности горы то и дело пробегала дрожь от бурлящего внутри огня. Глухой рокот, молниеносно распространяясь в воде, величественно катился по округе.

И тут сквозь водную толщу на мгновение проглянула луна, бросив несколько бледных лучиков на затопленный континент. Слабое мерцание, — но оно произвело неописуемый эффект. Капитан встал на ноги и в последний раз окинул взглядом бескрайнюю подводную равнину, а затем подал мне знак идти за ним.

Мы быстро спустились с горы. Как только каменноугольный лес остался у нас за спиной, я заметил вдали прожектор «Наутилуса», сиявший, словно звезда. Капитан направился прямо к нему, и вскоре мы взошли на борт, одновременно с первыми проблесками рассвета, осветившими поверхность океана.

Глава десятая
Подводный каменноугольный рудник

На следующий день, 20 февраля, я встал довольно поздно — из-за утомительной ночной прогулки проспал до одиннадцати часов. Быстро одевшись, я поспешил в салон, чтобы узнать курс «Наутилуса». Навигационные приборы показывали, что мы по-прежнему движемся к югу со скоростью двадцать миль в час на глубине ста метров.

Вошел Консель. Я рассказал ему о нашем ночном походе, и, поскольку ставни салона были открыты, он смог увидеть часть затопленного континента.

«Наутилус» плыл над равниной Атлантиды в каких-нибудь десяти метрах от поверхности. Словно воздушный шар, гонимый ветром над земными лугами; вернее сказать, в этом салоне мы чувствовали себя как в вагоне курьерского поезда. Мимо проносились удивительные пейзажи. На переднем плане — фантастические скалы, леса из деревьев, перешедших из царства растительного в минеральное, чьи черные

силуэты искажались в волнах. Груды камней, покрытые ковром из аксидий и анемонов и ощетиненные длинными вертикальными стеблями гидрофитов; причудливые наплывы застывшей лавы — все свидетельствовало о разрушительной ярости плутонических извержений.

Пока все эти необычные картины открывались нашему взору в свете электрических огней, я поведал Конселю историю атлантов, которая поразила воображение Байи[182] и вдохновила его на написание стольких чарующих страниц. Я рассказал ему о войнах этого героического народа. Я говорил, что теперь отпали последние сомнения в существовании Атлантиды. Но Консель меня почти не слушал, и вскоре я понял причину такого равнодушия к обсуждаемым историческим событиям.

Его внимание отвлекали многочисленные рыбы: как только они проплывали мимо, Консель уносился в дебри классификации, выпадая из реального мира. И тогда мне ничего не оставалось, кроме как следовать его примеру и возобновлять наши ихтиологические исследования.

Впрочем, рыбы Атлантики почти ничем не от-

---

[182] Сноски: 182

Жан Сильвен Байи (1736–1793) — астроном и деятель Великой французской революции.

личались от тех, что мы уже видели. Тут были гигантские пятиметровые скаты, наделенные огромной мускульной силой, которая позволяла им выпрыгивать из воды и парить над волнами; различные виды акул, в том числе большая голубая акула, или мокой, длиной пятнадцать футов, с острыми треугольными зубами и прозрачной кожей, делавшей ее практически невидимой в толще воды; черные колючие акулы; карибские центрины с призмовидным телом и бугристой кожей; атлантические осетры, похожие на своих средиземноморских собратьев, морские иглы длиной полтора фута — желто-коричневые рыбы с маленькими серыми плавниками, лишенные зубов и языка, которые извивались в воде, как тонкие, гибкие змеи.

Среди костных рыб Консель отметил трехметровых марлинов с верхней челюстью в форме острого копья и разноцветных трахинов, которые известны еще со времен Аристотеля под именем морских драконов и вооружены опасными шипами на спинном плавнике. Далее, корифены с коричневой спиной и маленькими голубыми полосками с золотым ореолом; прекрасные дорадо; луновидные хризостомы, похожие на блестящие лазурные диски, которые сереб-

рились под лучами солнца; и, наконец, целые стаи восьмиметровых меченосов с желтоватыми серповидными плавниками и мечевидными выростами длиной шесть футов — бесстрашные животные, скорее, травоядные, чем рыбоядные, которые беспрекословно повиновались своим самочкам, как идеально вышколенные мужья.

И все же, наблюдая за разнообразными представителями морской фауны, я не переставал рассматривать бескрайние равнины Атлантиды. Иногда причудливые изгибы рельефа вынуждали «Наутилус» замедлять скорость, и тогда он с китовьей грацией скользил в хитросплетении узких расселин. Если лабиринт становился непроходимым, то корабль поднимался над скалами, словно аэростат, и, обойдя препятствие, продолжал свой стремительный полет на высоте нескольких метров от океанского дна. Это восхитительное и приятное плавание и впрямь напоминало своими маневрами прогулку на летательном аппарате, с той лишь разницей, что «Наутилус» послушно подчинялся рулевому.

К четырем часам пополудни характер грунта, который представлял собой в основном толстый слой ила, смешанного с окаменелыми ветками, постепенно изменился и стал более каменистым

и будто усеянным обломками конгломерата и базальтового туфа, с вкраплениями лавы и серного обсидиана. Я подумал, что обширная равнина скоро уступит гористой местности. И действительно: во время некоторых маневров «Наутилуса» я замечал на юге высокую стену, словно преграждавшую путь. Ее вершина, судя по всему, выступала над поверхностью океана. Похоже, это был континент или, по крайней мере, остров, — один из Канарских островов или островов Зеленого Мыса. Определение координат в тот день не производилось, — возможно, с умыслом, — и я не знал, где мы находимся. Так или иначе, стена, по-видимому, обозначала границу Атлантиды. В общей сложности нам довелось увидеть лишь незначительную часть легендарного континента.

С наступлением ночи наблюдения пришлось прервать. Я остался один. Консель вернулся к себе в каюту. Замедлив ход, «Наутилус» парил над темнеющим внизу дном, — то слегка задевая его килем и как будто намереваясь встать на якорь, то ни с того ни с сего взмывая к поверхности волн. И тогда сквозь кристально-прозрачную воду проглядывали яркие созвездия, — к примеру, пять или шесть звезд, образующие хвост

созвездия Ориона.

Я еще долго сидел бы у окна, любуясь красотами моря и неба, но тут ставни задвинулись. Это произошло как раз в тот момент, когда «Наутилус» достиг высокой отвесной стены. Предугадать его дальнейшие маневры было невозможно. Я вернулся в каюту. «Наутилус» стоял на месте. Я заснул с твердым намерением поспать всего пару часов.

Но когда я вошел в салон следующим утром, было уже восемь часов. Я глянул на манометр. Он показывал, что «Наутилус» идет по поверхности океана. С палубы доносился звук шагов. Качки не наблюдалось — значит, море было спокойным.

Я поднялся по трапу до верхнего люка. Он оказался открыт. Однако вместо ясного дня меня окутала кромешная тьма. Где мы? Или я ошибся? Неужели еще ночь? Но нет! На небе — ни единой звездочки, к тому же ночью не бывает такого абсолютного мрака.

Я не знал, что и думать, как вдруг раздался голос:

— Это вы, господин профессор?

— А, капитан Немо! Где это мы?

— Под землей, господин профессор.

— Под землей? — воскликнул я. — И «Наутилус» по-прежнему плывет?

— Да, он по-прежнему плывет.

— Но как это возможно? Не понимаю…

— Подождите немного. Через несколько секунд зажжется прожектор, и, если вы любите полную ясность во всем, то останетесь довольны.

Я вышел на палубу и стал ждать. Было так темно, что я даже не мог разглядеть капитана Немо. Хотя, подняв голову, увидел в самом зените смутный проблеск сумеречного света, который поступал из маленького круглого отверстия. И тут неожиданно зажегся прожектор, заглушив это робкое свечение своим ярким лучом.

На мгновение я зажмурился, ослепленный электрическим светом. А потом открыл глаза и посмотрел вокруг. Гребной винт замер. «Наутилус» дрейфовал вдоль крутого берега, напоминающего причальную стенку. Море, по которому мы плыли, оказалось озером, заключенным в кольцо скал диаметром в две и окружностью в шесть миль. Уровень воды, согласно показаниям манометра, был одинаковым внутри и снаружи, так как море и озеро явно сообщались между собой. Гигантские наклонные стены смыкались, образуя нечто вроде огромной перевернутой воронки

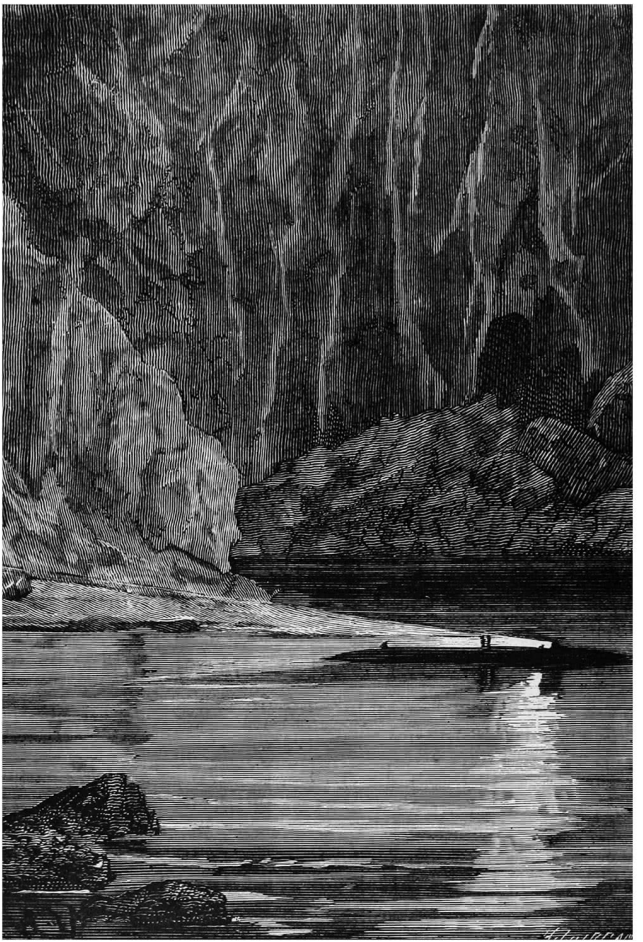
высотой пятьсот или шестьсот метров. На самом верху, в центре, зияло круглое отверстие, через которое и проникал удививший меня призрачный свет — очевидно, дневной.

Прежде чем внимательно рассмотреть изнутри эту гигантскую пещеру, прежде чем задаться вопросом, кто ее создал — природа или человек, — я направился к капитану Немо.

— Где мы? — спросил я.

— Во чреве потухшего вулкана, — ответил капитан. — Вулкана, затопленного морской водой вследствие какого-нибудь землетрясения. Пока вы спали, господин профессор, «Наутилус» проник в эту лагуну через естественный канал, расположенный в десяти метрах под поверхностью океана. Здесь находится его порт приписки, порт безопасный, удобный, скрытый от всех глаз, защищенный от всех ветров! Укажите мне на побережьях земных материков и островов хоть один рейд, который мог бы столь надежно укрыть судно от бушующих ураганов!

— Вы правы, капитан, — ответил я. — Здесь вы с «Наутилусом» в безопасности. Да и что может грозить вам в недрах вулкана? Однако в его вершине я заметил какое-то отверстие.



«Наутилус» дрейфовал вдоль крутого берега.

— Да, это кратер! Когда-то он извергал потоки лавы, серные пары и огонь, а теперь снабжает нас чистым воздухом.

— Что это за гора? — спросил я.

— Здешние воды усеяны островками, и таких огнедышащих гор тут множество. Для кораблей это всего лишь риф, а для нас — огромная пещера. Я обнаружил ее случайно, и этот случай сослужил мне хорошую службу.

— А нельзя ли спуститься сюда через жерло вулкана?

— Нет. Ни спуститься, ни подняться. Можно взобраться футов на сто от основания горы, но далее стены начинают отклоняться к центру пещеры, образуя купол, и становятся совершенно неприступными.

— Я вижу, капитан, что природа служит вам всегда и везде. На этом озере вы в полной безопасности, и никто другой не в состоянии проникнуть в эти воды. Но зачем вам такое убежище? Ведь «Наутилусу» не нужен порт.

— Вы правы, господин профессор, однако ему нужно электричество — чтобы двигаться, химические элементы — чтобы вырабатывать электричество, натрий — чтобы питать эти

элементы, уголь — чтобы получать натрий, и угольные месторождения — чтобы уголь добывать. Здесь, под толщей морской воды, лежат целые леса, увязшие в песке еще на заре геологической истории планеты; превратившись в уголь, эти окаменелые деревья стали для меня неисчерпаемым рудником.

— Стало быть, капитан, ваши матросы осваивают профессию рудокопа?

— Совершенно верно. Подводные рудники тянутся на сотни метров, как угольные шахты Ньюкасла. Именно здесь, надев скафандр и вооружившись киркой и молотком, мои люди добывают каменный уголь, поэтому мне не приходится заимствовать его у земных недр. Когда я сжигаю добытое топливо, чтобы получить натрий, то из кратера валит дым, и все принимают эту гору за действующий вулкан.

— Увидим ли мы ваших матросов за работой?

— Нет. По крайней мере, не в этот раз. Сейчас я спешу поскорее продолжить плавание. Поэтому решил ограничиться пополнением запасов натрия из моих собственных хранилищ. Останется лишь погрузить их на борт, что не займет более одного дня, и мы снова отправимся в путь. Так что если желаете прогуляться по пещере и обой-

ти всю лагуну, воспользуйтесь сегодняшним днем, господин Аронакс.

Поблагодарив капитана, я отправился за Недом и Конселем, которые еще не покидали своей каюты. И пригласил их следовать за мной, не говоря, где мы находимся.

Они поднялись на палубу. Консель, который никогда ничему не удивлялся, равнодушно посмотрел вокруг, словно для него было совершенно естественно засыпать под водой, а просыпаться во чреве горы. Зато Нед Ленд тут же загорелся идеей поискать выход из этой пещеры.

После завтрака, около десяти часов, мы спустились на берег.

— Вот мы и снова на земле! — сказал Консель.

— Какая же это «земля»? — фыркнул канадец. — К тому же мы не на ней, а под ней.

Между подножием горы и кромкой озера тянулся песчаный пляж, максимальная ширина которого не превышала пятисот футов. По этой узкой полоске можно было обойти вокруг озера. Но подножия горных склонов были завалены извергнутыми вулканическими глыбами и огромными кусками пемзы. Все эти разбросанные массы, покрывшиеся от воздействия подземного огня гладким слоем эмали, поблески-

вали в электрическом свете прожектора. Мы шли по песчаному берегу, взметая искристые облачка слюдяной пыли.

По мере удаления от воды уровень почвы заметно поднимался, и вскоре мы шагали по длинным, извилистым уступам, которые тянулись вдоль стен наподобие лестницы, уводя нас все выше и выше. Приходилось соблюдать осторожность, пробираясь среди обломков горных пород, ничем не скрепленных между собой; ноги то и дело оскальзывались на кусках стекловидного трахита, состоящего из полевого шпата и кварца.

Вулканическая природа этой гигантской пещеры проявлялась во всем. Я поделился своими наблюдениями со спутниками.

— Представляете, как выглядела эта огромная воронка, когда ее заполняла кипящая лава! И когда раскаленная добела масса поднималась до самого жерла, словно расплавленный чугун по стенкам печи!

— Я прекрасно себе это представляю, — ответил Консель. — Но может, господин объяснит мне, почему столь могучий литейщик вдруг приостановил работу и каким образом плавильная печь превратилась в безмятежное озеро?

— Вероятнее всего, Консель, здесь произошло

подводное землетрясение. В результате образовалась дыра, которая послужила проходом для «Наутилуса». Воды Атлантики устремились через это отверстие внутрь горы. Две стихии столкнулись в жестокой схватке, которая окончилась победой Нептуна. С тех пор миновали столетия, и затопленный вулкан превратился в мирный грот.

— Отличное объяснение! — ответил Нед Ленд. — Звучит правдоподобно. Жаль только, что отверстие, о котором говорит профессор, образовалось не над уровнем моря.

— Друг Нед, — возразил Консель, — если бы этот проход не был подводным, «Наутилус» не смог бы сюда попасть!

— К тому же, мистер Ленд, в этом случае вода не устремилась бы внутрь горы, и вулкан остался бы вулканом. Так что ваши сожаления напрасны.

Наше восхождение продолжалось. Уступы становились все более крутыми и узкими. Иногда нам приходилось перепрыгивать через глубокие ямы, преграждавшие путь. Или обходить нависающие каменные глыбы. Мы скользили на четвереньках, ползли на животе. Но благодаря находчивости Конселя и физической силе

канадца все препятствия были преодолены.

На высоте около тридцати метров характер грунта изменился, хотя легче идти не стало. Осадочные породы и трахит уступили место черному базальту; некоторые его куски, похожие на запекшуюся пену, устилали поверхность склона; другие, имеющие форму правильной призмы, представляли собой колоннаду, которая поддерживала гигантские своды — восхитительный образчик природной архитектуры. Между обломков базальта змеились длинные струйки застывшей лавы, перемежавшиеся полосками битума; кое-где виднелись широкие лужайки серы. Дневной свет, проникавший из кратера, озарял призрачным сиянием эти вулканические выбросы, навеки погребенные во чреве мертвой горы.

Вскоре мы были вынуждены остановиться, встретив на высоте около двухсот пятидесяти футов непредвиденное препятствие. Стены здесь отклонялись от отвесной линии, переходя в свод, так что нам оставалось только ограничиться прогулкой вокруг озера. На этом последнем ярусе царство растений начинало постепенно отвоевывать территорию у царства минералов. Кое-где из расселин скалы торчали кусты и даже неболь-

шие деревца. Я узнал эуфории, сочившиеся едким соком. Рядом печально понурились гелиотропы[183], опровергающие собственное имя, — ведь солнечные лучи никогда не касались их наполовину увядших цветочных гроздьев, блеклых и почти лишенных запаха. Тут и там из-под кустов алоэ с поникшими болезненными листьями робко пробивались хризантемы. Однако меж ручейков застывшей лавы я заметил маленькие пучки фиалок, по-прежнему источавших слабый аромат, который я с наслаждением вдыхал. Аромат — душа цветка, однако морские цветы, великолепные гидрофиты, не имеют души!

Мы подходили к небольшой группе мощных драцен, раздвигавших скалистый грунт могучими корнями, как вдруг Нед Ленд воскликнул:

— Вот это да! Глядите, господин профессор, улей!

— Улей? — недоверчиво переспросил я.

— Ей-богу, улей! — подтвердил канадец. — А вокруг него жужжат пчелы.

Подойдя ближе, я был вынужден признать его правоту. Возле дупла в стволе одного из деревьев роились тысячи этих умнейших насекомых, по-

---

[183] Сноски: 183
Гелиос — бог *солнца* в античной мифологии.

всеместно распространенных на всех Канарских островах, где особо ценятся продукты их жизнедеятельности.

Естественно, канадец захотел раздобыть меда, и я не стал его отговаривать. Собрав немного сухих листьев, он поджег их с помощью огнива и принялся окуривать пчел. Жужжание постепенно смолкло, и нам удалось извлечь из потревоженного улья несколько фунтов ароматного меда. Нед Ленд до краев наполнил сладким трофеем свою сумку.

— Добавлю мед в тесто хлебного дерева, — сказал он нам, — и угощу вас вкуснейшим пирогом.

— Чудесно! — воскликнул Консель. — Получится настоящий пряник!

— Пряник это хорошо, — согласился я. — И все же давайте продолжим нашу увлекательную прогулку!

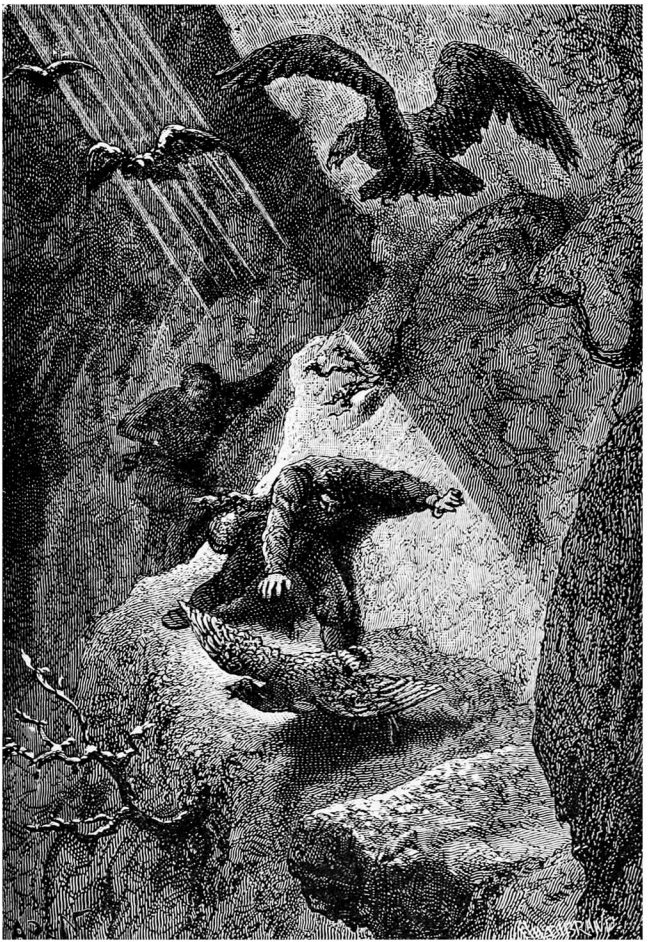
Тропа, по которой мы шли, то и дело виляла, так что порой на поворотах можно было увидеть все озеро целиком. Луч прожектора освещал его зеркальную гладь, не знающую ни волнения, ни ряби. «Наутилус» стоял не шелохнувшись. На палубе и на берегу суетились матросы, отбрасывая черные тени на освещенные скалы.

Когда мы огибали хребет верхнего яруса усту-

пов, поддерживающих своды горы, я заметил, что пчелы были не единственными представителями царства животных в недрах потухшего вулкана. Хищные птицы кружились и парили в полумраке пещеры или с шумом вылетали из гнезд, примостившихся на верхушках острых скал. Это были ястребы с белым оперением на животе и крикливые пустельги. Великолепные толстые дрофы проворно улепетывали от нас по горным склонам на длинных тонких ножках. Можете себе представить, как загорелись глаза канадца при виде столь аппетитной дичи, и как он досадовал, что при нем нет ружья! Он попытался заменить свинцовые пули камнями, и после множества бесплодных попыток сумел-таки ранить одну дрофу. Раз двадцать он рисковал своей жизнью, чтобы ее схватить, — и это чистая правда! В конце концов поверженная птица отправилась в его сумку к будущему медовому пирогу.

Вскоре тропа стала совершенно непроходимой, и нам пришлось спуститься на берег. Зияющий над головой кратер напоминал отверстие колодца. С того места, где мы стояли, отчетливо виднелось небо, по которому бежали облака, подгоняемые западным ветром. Их туманные космы окутывали гору до самой вершины. Было

очевидно, что вулкан этот — среднего размера, поскольку возвышался не более чем на восемьсот футов над уровнем океана.



Раз двадцать он рисковал своей жизнью.

Минут через тридцать после последнего подвига канадца мы добрались до берега. Местная флора была представлена морским критмумом, заросли которого устилали скалистый грунт. Это небольшое зонтичное растение, которое хорошо идет при консервировании и также известное как камнеломка и морской укроп. Консель сорвал несколько пучков. Из фауны здесь присутствовали тысячи членистоногих всевозможных видов, омары, крабы турто, розовые креветки, мизиды, акулы-лисицы, галатеи, а также невероятное количество ракушек, фарфоровых улиток, мурексов и пателл.

Мы обнаружили чудесный грот и с наслаждением растянулись на мягком песке. Огонь отполировал его сверкающие, будто эмалированные своды, припудренные слюдяной пылью. Нед Ленд простукал стены, пытаясь определить их толщину. Я невольно улыбнулся. Разговор неизбежно вернулся к планам побега. Не вдаваясь в подробности, я счел возможным обнадежить Неда и предположил, что капитан Немо повернул на юг лишь для пополнения запасов натрия. И теперь, как я надеялся, «Наутилус» вернется к берегам Европы и Америки, что позволит ка-

надцу вновь попытать удачи.

Целый час провели мы в этом очаровательном гроте. Оживленная поначалу беседа постепенно иссякла. Нас одолела дремота. Поскольку бороться со сном не было необходимости, я погрузился в глубокое забытье. Мне снилось — как известно, сновидения нам не подвластны, — что я превратился в самого обыкновенного моллюска. И что стены грота — это створки моей раковины…

Внезапно меня разбудил голос Конселя.

— Вставайте! Скорее! — кричал он.

— Что случилось? — спросил я, приподнявшись на локте.

— Вода! Вода прибывает!

Море хлынуло бурным потоком.

Я вскочил на ноги. Море бурным потоком хлынуло в наше убежище. Поскольку мы не были моллюсками, пришлось спасаться бегством.

Через несколько мгновений мы благополучно добрались до вершины грота.

— Что происходит? — спросил Консель. — Какое-то неизвестное явление природы?

— Нет, друзья мои, — ответил я. — Это всего лишь прилив, который едва не настиг нас, как одного из героев Вальтера Скотта[184]! Снаружи уровень океана повышается, и вслед за ним, по естественному закону равновесия жидкостей в сообщающихся сосудах, поднимается и уровень воды в озере. Так что мы с вами отделались ножной ванной. А теперь скорей к «Наутилусу», чтобы переодеться!

Через три четверти часа, завершив прогулку вокруг озера, мы вернулись на борт. Матросы как раз заканчивали погрузку, и с минуты на минуту «Наутилус» мог сняться с якоря. Однако капитан Немо не отдавал приказа к отплытию. Не хотел ли он дождаться ночи, чтобы незамечен-

---

[184] Сноски: 184

Вероятно, речь идет о Дарси Латимере, главном герое исторического романа «Редгонтлет». Однажды его едва не отрезало приливом в Солуэй-Ферт.

ным выйти из подводного прохода? Возможно.

Так или иначе, на следующий день, покинув порт приписки, «Наутилус» уже бороздил морские просторы вдали от любых земель, на глубине нескольких метров от поверхности Атлантики.

Глава одиннадцатая
Саргассово море

Курс «Наутилуса» не изменился, поэтому нам пришлось временно отказаться от надежды вернуться в европейские моря. Капитан Немо вел судно на юг. Куда именно? Я не осмеливался даже предполагать.

В тот день «Наутилус» пересекал единственную в своем роде область Атлантического океана. Всем известно о существовании теплого течения Гольфстрим. Зарождаясь у берегов Флориды, оно направляется к Шпицбергену. Но прежде чем попасть в Мексиканский залив, примерно на сорок четвертом градусе северной широты, Гольфстрим делится на два рукава. Главный поток устремляется к берегам Ирландии и Норвегии, а второй сворачивает к югу на широте Азорских островов. Достигнув африканского побережья, южное течение описывает длинный овал и возвращается к Антильским островам.

Так вот, второй рукав — хотя это, скорее, не рукав, а манжет, — окружает кольцом теплых вод ту холодную, спокойную, неподвижную часть

Атлантики, что зовется Саргассовым морем. Настоящее озеро посреди океана! Воды большого течения обходят его по кругу не менее чем за три года.

Собственно говоря, Саргассово море покрывает всю затопленную часть Атлантиды. Некоторые ученые даже предполагали, что многочисленные травы, устилающие его поверхность, когда-то росли на полях легендарного континента. Однако, вероятнее всего, водоросли и морские травы приносятся сюда с побережий Европы и Америки течением Гольфстрим. Эти плавающие водоросли, среди прочих признаков, натолкнули Колумба на мысль о существовании Нового Света. Когда корабли отважного исследователя заплыли в Саргассово море, их командам пришлось нелегко: к великому ужасу моряков, плотная масса водорослей настолько затруднила продвижение, что понадобилось три долгих недели, чтобы вырваться из травяного плена.

Именно здесь и находился сейчас «Наутилус». Это был настоящий луг, огромный ковер, сотканный из саргасса — разновидности фукуса, также известной как «морской виноград»; ковер настолько толстый и плотный, что корпус судна мог с трудом его разорвать. Капитан Немо,

не желая повредить винт, держался на глубине нескольких метров от поверхности волн.

Название «саргасс» происходит от испанского слова sargazzo, что означает «бурая водоросль». Плавающие на поверхности волн бурые водоросли составляет основу этой гигантской отмели. Мори, автор «Физической географии земного шара», объясняет скопление гидрофитов в этой тихой заводи Атлантического океана следующим образом:

«На мой взгляд, — говорит он, — объяснить это явление можно с помощью всем известного эксперимента. Если поместить в вазу с водой кусочки пробки или любые другие плавающие тела, а затем придать ей вращательное движение, то увидим, что разрозненные фрагменты соберутся в центре жидкой поверхности, иначе говоря, в самой неподвижной точке. В рассматриваемом нами примере Атлантика — это ваза, Гольфстрим — вращательное движение, а Саргассово море — центральная точка, где скапливаются плавающие тела».

Я разделяю мнение Мори, и мне довелось изучить это явление в условиях среды, недоступной для других кораблей. У нас над головой, в буроватом травяном месиве плавали тела самого раз-

ного происхождения: стволы деревьев, упавших в Андах или Скалистых горах и принесенных водами Амазонки или Миссисипи, обломки кораблекрушений, разбитые кили, части оснастки, оторванные доски обшивки, до того отяжелевшие от раковин моллюсков и усоногих, что уже не могли всплыть на поверхность океана. Со временем подтвердится и другое предположение Мори: что все эти предметы, веками копившиеся в одном месте, минерализуются под воздействием морской воды и превратятся в неистощимые залежи каменного угля. Бесценные запасы топлива, которые заботливая природа сберегает к тому сроку, когда человечество исчерпает каменноугольные копи материков.

В этом хаосе морских трав и фукусов попадались очаровательные звездчатые кораллы розовых оттенков; актинии с пышной копной длинных щупалец; зеленые, красные, голубые медузы — в частности, описанные Кювье ризостомы, чей голубоватый зонтик оторочен фиолетовой каймой.

Весь день 22 февраля прошел в Саргассовом море, где рыбы — любители водорослей и ракообразных — всегда найдут, чем поживиться. На следующее утро океан вновь обрел привыч-

ный вид.

После чего девятнадцать дней — с 23 февраля по 12 марта — «Наутилус» бороздил воды Атлантики, неизменно делая по сто лье в сутки. Судя по всему, капитан Немо хотел осуществить свою задумку о кругосветном плавании под водой, и я был уверен, что, обойдя мыс Горн, он вернется в южные моря Тихого океана.

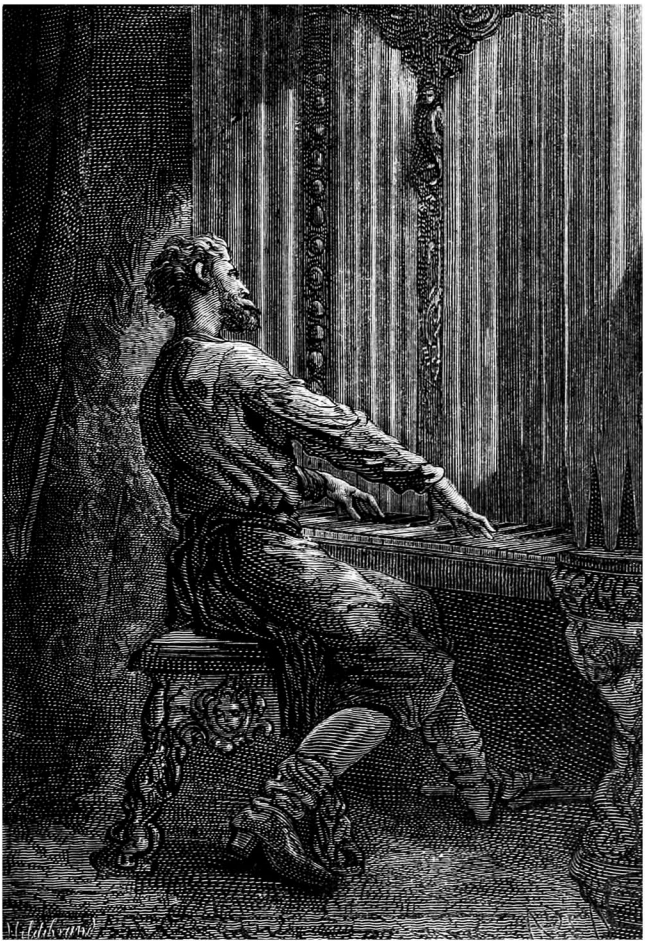
Опасения Нед Ленда оправдались. В этих обширных морях, где нет ни единого островка, нечего было и думать о побеге. Пойти против воли капитана мы тоже не могли. Оставалось лишь подчиниться судьбе; однако я надеялся получить то, чего нельзя добиться силой или хитростью, с помощью убеждения. Может, по окончании путешествия капитан Немо согласится нас отпустить, если мы поклянемся сохранить его тайну? Дадим нерушимое слово чести? Нужно было обсудить этот щекотливый вопрос с капитаном. Но отнесется ли он благосклонно к моим требованиям? Ведь он сразу же заявил, что соображения секретности требуют нашего пожизненного заключения на борту «Наутилуса». Все эти четыре месяца я ни разу не заговаривал с ним о свободе. Не принял ли он мое молчание за согласие с положением вещей?

И если я снова подниму эту тему, не вызову ли тем самым подозрений, которые могут помешать осуществлению наших планов? Я взвешивал все эти доводы, прокручивал их в голове, обсуждал их с Конселем, который был растерян не меньше моего. И хотя меня не так-то просто повергнуть в уныние, я понимал, что шансы когда-либо вернуться в человеческое общество таяли с каждым днем. Особенно теперь, когда капитан Немо стремительно мчался в южные регионы Атлантики!

В течение вышеупомянутых девятнадцати дней ничего примечательного не происходило. Я почти не видел капитана. Я часто находил в библиотеке недочитанные им книги, в частности, труды по естественной истории. Он просмотрел мои записи о подводных глубинах, оставив на полях пометки, которые порой противоречили моим теориям и классификациям. Однако капитан ограничивался тем, что подправлял таким образом мою работу, но редко обсуждал ее со мной. Иногда до меня доносились печальные органные мелодии, которые он исполнял с большой выразительностью. Но это случалось только в самые темные ночи, когда мрак окутывал воды, а «Наутилус» спокойно дремал в пустыне океана.

Все эти дни мы шли по поверхности. Море было

пустынным. Лишь изредка встречались парусники с грузом для Индии, направлявшиеся к мысу Доброй Надежды. В один из дней нас преследовали шлюпки китобойного судна — очевидно, они приняли «Наутилус» за огромного и невероятно ценного кита. Но капитан Немо не захотел тратить ни время, ни силы своих отважных людей и положил конец погоне, уйдя на глубину. Этот случай вызвал у Нед Ленда живейший интерес. Канадец явно сожалел, что рыбаки не могут сразить гарпуном нашего стального кита.



До меня доносились звуки органа.

Рыбы, которых мы с Конселем наблюдали в тот период времени, мало отличались от тех, что мы видели на других широтах. Чаще всего нам встречались представители грозного рода хрящевых рыб, который делится на три подрода, включающих в себя не менее тридцати двух видов: например, пятиметровые головастые акулы с плоской крупной головой, закругленным хвостовым плавником и семью черными продольными полосками на спине; или пепельно-серые семижаберные акулы с единственным спинным плавником, расположенным ближе к центру тела.

Также нам встречались огромные морские собаки, которые считаются самыми прожорливыми рыбами в мире. Рыбаки рассказывают, что в брюхе у одной из них однажды нашли голову буйвола и целого теленка, у другой — двух тунцов и матроса в форменной одежде, у третьей — солдата с саблей, а еще у одной — коня со всадником. Честно говоря, эти истории не внушают доверия. К сожалению, ни одна из этих рыб так и не попалась в сети «Наутилуса», поэтому я не смог оценить их прожорливость.

Целые дни напролет нас сопровождали стаи

изящных и резвых дельфинов. Они держались группами по пять или шесть особей — как волки, совершающие набеги на деревни, — и не уступали прожорливостью морским собакам. Если верить одному профессору из Копенгагена, однажды он извлек из желудка дельфина тринадцать морских свиней и пятнадцать тюленей. Правда, это животное принадлежало к виду косаток, длина которых достигает порой двадцати четырех футов — это самые крупные из дельфинов. Семейство дельфиновых насчитывает десять родов; те особи, которых я наблюдал, принадлежали к роду длинноносых дельфинов с необычайно узкой мордой — в четыре раза длиннее черепа. У них было трехметровое тело с черной спиной и беловато-розовым брюхом, усыпанным меленькими редкими пятнышками.

Я также упомяну любопытные разновидности рыб из отряда окунеобразных и семейства горбылевых. Некоторые исследователи — скорее поэты, чем натуралисты — предполагают, что эти рыбы умеют мелодично петь, причем их голоса, объединившись, превзойдут любой человеческий хор. Я не исключаю такой возможности, хотя в нашу честь никакие серенады не звучали — к моему огромному сожалению.

Наконец Консель увидел и описал великое множество летучих рыб, на которых с удивительной ловкостью охотились дельфины. Это было прелюбопытное зрелище! Независимо от дальности полета или описываемой траектории — порой даже над «Наутилусом»! — бедная рыба неизменно попадала в раскрытый дельфиний рот. Чаще всего добычей становились либо пирапеды, либо морские петухи с фосфоресцирующей пастью — пропитавшись растворенным в атмосфере светом, по ночам они ныряли в темные воды, словно падающие звезды.

При таких условиях протекало наше плавание до 13 марта. В этот день «Наутилус» занимался измерениями глубины, что вызвало у меня живейший интерес.

К тому моменту мы прошли около тринадцати тысяч лье после выхода из открытых морей Тихого океана. Очередное определение координат показало, что мы находимся на 45°37’ южной широты и 37°53’ западной долготы. Именно в этих краях Денем, капитан «Геральда», погрузил зонд на глубину четырнадцати тысяч метров, однако так и не обнаружил дна! Там же не сумел достичь подводного грунта лейтенант Паркер с американского корвета «Конгресс», опустив

зонд до пятнадцати тысяч четырехсот метров.

Капитан Немо решил опустить «Наутилус» на предельную глубину, чтобы проверить точность этих замеров. Я приготовился записывать результаты эксперимента. Ставни в салоне открыли, и корабль начал готовиться к погружению в самые нижние слои океана.

Конечно, о том, чтобы погружаться с помощью заполнения резервуаров, не было и речи. Вряд ли бы это помогло значительно увеличить вес судна. К тому же для всплытия необходимо избавляться от лишней воды, и на преодоление внешнего давления у насосов не хватит мощности.

Капитан Немо решил снижаться по довольно длинной диагонали, установив боковые панели «Наутилуса» под углом в сорок пять градусов к ватерлинии. Гребной винт вращался с предельной скоростью, и его четыре лопасти с неистовой силой взрезывали в воду.

Под этим мощным напором корпус «Наутилуса» задрожал, как натянутая струна, и послушно ушел под воду. Мы с капитаном, расположившись в салоне, следили за быстрым движением стрелки манометра. Вскоре мы миновали слои океана, где обитает большая часть рыб. Неко-

торые из этих животных могут существовать только у поверхности морей или рек; другие, менее многочисленные, предпочитают держаться на значительных глубинах. Среди последних я заметил шестижаберную акулу — разновидность морской собаки с шестью дыхательными щелями; рыбу-телескоп с парой огромных выпуклых глаз; панцирную триглу с серыми брюшными и черными грудными плавниками, покрытую защитным костным панцирем из бледно-красных пластин, и наконец, рыбу-белку, которая, обитая на глубине в тысячу двести метров, могла выдерживать давление в сто двадцать атмосфер.

Я спросил у капитана Немо, доводилось ли ему встречать рыб на более значительных глубинах.

— Рыб? Очень редко, — ответил он. — А что говорит на этот счет современная наука? Что известно ученым?

— Охотно отвечу вам, капитан. Ученые установили, что по мере погружения в нижние слои океана растительная жизнь исчезает быстрее, чем животная. Также ученым известно, что живых существ можно встретить даже там, где нет ни единого гидрофита. Установлено, что морские гребешки и устрицы обитают на глубине до двух тысяч метров и что Макклинток, герой полярных

морей, достал однажды живую звезду с глубины двух тысяч пятисот метров. Также установлено, что экипаж «Бульдога», фрегата британского королевского флота, выловил астерию на глубине двух тысяч шестисот двадцати морских саженей, то есть более одного лье. Полагаю, капитан, вы скажете, что в действительности мы не знаем ничего?

— Ну что вы, господин профессор! — ответил капитан. — Это было бы крайне невежливо с моей стороны. И все же позвольте спросить: как, по-вашему, живые существа могут жить на таких глубинах?

— Благодаря двум явлениям. Во-первых, из-за разницы в солености и плотности воды образуются вертикальные течения. Они способствуют распространению организмов в донных слоях — к примеру, морских лилий и астерий.

— Верно, — кивнул капитан.

— Во-вторых, с глубиной количество растворенного в воде кислорода не снижается, а напротив, возрастает! В том числе из-за давления водных масс, которые его спрессовывают.

— Как? И это известно? — В голосе капитана Немо слышалось легкое удивление. — Что ж, господин профессор, истина одна для всех. Позволь-

те лишь добавить, что в плавательном пузыре у рыб содержится больше азота, чем кислорода, когда их ловят недалеко от поверхности воды, а когда их достают с больших глубин — наоборот, больше кислорода, чем азота. Это подтверждает ваши выводы. Ну а теперь давайте займемся наблюдениями!

Я перевел взгляд на манометр. Прибор показывал глубину в шесть тысяч метров. Погружение длилось около часа. «Наутилус» продолжал опускаться все ниже и ниже. Пустынные глубины поражали восхитительной чистотой и прозрачностью. Еще одним часом позже мы достигли тринадцати тысяч метров — около трех с четвертью лье, — однако дна по-прежнему не было видно.

На отметке в четырнадцати тысяч метров я заметил темнеющие в воде очертания горных вершин. Возможно, сами горы были высотой с Гималаями или Монбланом, и даже выше, — ведь глубина этой бездны оставалась неведомой.

«Наутилус» продолжал опускаться, несмотря на чудовищное давление внешней среды. Я чувствовал, как дрожат стальные листы обшивки, скрепленные болтами; как проседают распорки; как стонут переборки, а стекла в окнах салона

как будто выгибаются внутрь под гнетом водной массы. И даже такой прочный корабль, несомненно, уступил бы в этой неравной схватке, не обладай он сопротивляемостью стального монолита, как говорил его капитан.

Когда мы скользили вдоль горных хребтов, затерянных в глубинах океана, я заметил несколько раковин, представителей двух семейств кольчатых червей — серпул и спинорбисов, а также несколько разновидностей астерий. Но вскоре последние представители царства животных исчезли, и, преодолев отметку в три лье, «Наутилус» оказался за пределами обитаемой зоны, — как воздушный шар, поднявшийся выше биосферы. Когда мы достигли глубины в шестнадцать тысяч метров — четырех лье — корпус «Наутилуса» выдерживал давление в тысячу шестьсот атмосфер, то есть тысячу шестьсот килограммов на квадратный сантиметр своей поверхности!

— Невероятно! — воскликнул я. — Очутиться в глубинах, куда не удавалось проникнуть ни одному человеку! Вы только посмотрите, капитан! Посмотрите на эти величественные скалы, необитаемые гроты, последние вместилища планеты, где уже невозможна жизнь! Какие

удивительные, неизведанные места! Как жаль, что, побывав здесь, мы унесем с собой одни лишь воспоминания!

— А вы хотели бы, — спросил капитан, — унести отсюда нечто более существенное, чем воспоминания?

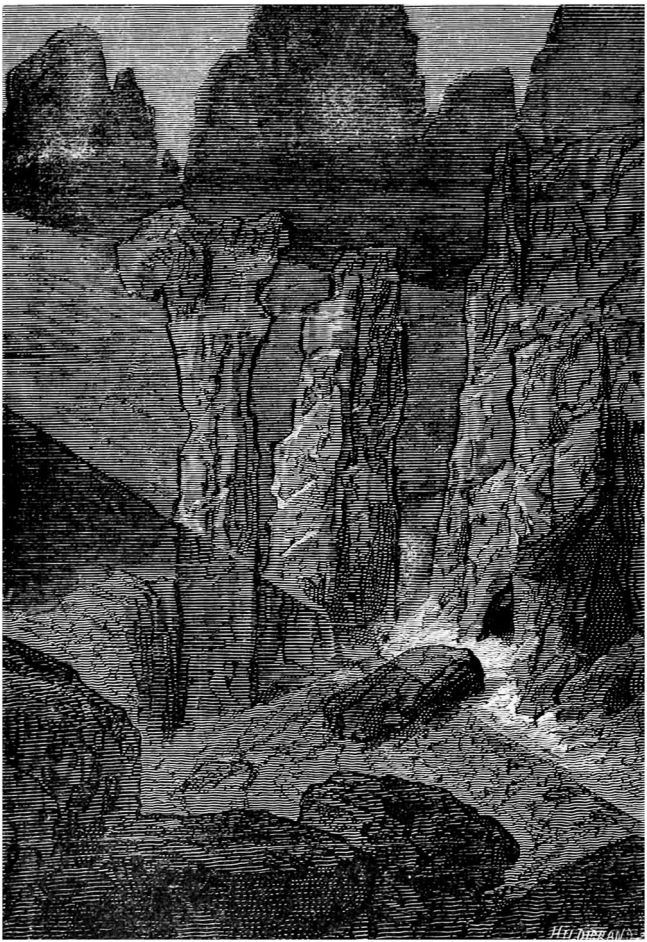
— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что нет ничего проще, чем запечатлеть этот подводный край на фотографическом снимке!

Не успел я выразить свое удивление, как, по приказу капитана Немо, в салон внесли фотографический аппарат. Ставни в салоне были широко раздвинуты, и освещенная электричеством водная среда предстала перед нами со всей отчетливостью. Ни бликов, ни светотени! Даже солнце не смогло бы создать лучшие условия для съемки, чем наше искусственное светило! Сдерживая натиск винта с помощью наклонных плоскостей, «Наутилус» замер на месте. Направив объектив аппарата на пейзаж океанского дна, уже через несколько секунд мы получили негатив превосходного качества.

Привожу здесь полученный снимок. На нем видны первозданные скалы, не знавшие солнечного света; гранитные пласты, образующие

могучий фундамент земного шара; глубокие гроты, зияющие в каменных стенах; непревзойденные по четкости рисунка контуры горных вершин на черном фоне, словно вышедшие из-под кисти фламандских мастеров. А дальше, на горизонте, тянется волнистая линия гор, которые составляют задний план пейзажа. У меня не хватает слов, чтобы описать эти скалы, — гладкие, черные, будто отполированные, без мха, без единого пятнышка. Скалы самых причудливых форм, надежно укрепленные на песчаном ковре, сверкавшем в лучах электрического света.



Привожу здесь полученный снимок.

Между тем, сделав снимок, капитан Немо сказал:

— Ну а теперь нам пора всплывать, господин профессор. Не стоит злоупотреблять нашими возможностями и слишком долго подвергать «Наутилус» воздействию такого давления.

— Тогда всплываем! — ответил я.

— Держитесь крепче.

Но не успел я понять смысл этого совета, как меня свалило с ног.

По команде капитана винт снова запустили, наклонные плоскости привели в вертикальное положение, и «Наутилус» со скоростью молнии рванул наверх, словно отпущенный в небо воздушный шар. Гулко вибрируя, он стремительно разрезал водные массы. Снаружи ничего не было видно. За четыре минуты корабль преодолел четыре лье, отделявших его от поверхности океана, и, выпрыгнув из волн, подобно летучей рыбе, снова плюхнулся в воду, подняв исполинские фонтаны брызг.

Глава двенадцатая
Кашалоты и киты

В ночь с 13 на 14 марта «Наутилус» продолжил двигаться в южном направлении. Я думал, что на широте мыса Горн он повернет на запад, чтобы вернуться в воды Тихого океана и тем самым завершить кругосветное плавание. Однако наш корабль по-прежнему шел на юг, приближаясь к полярным морям. Куда лежал его путь? На полюс? Это казалось безумием. Я уже начинал думать, что безрассудные поступки капитана вполне оправдывали опасения Неда Ленда.

С некоторых пор канадец больше не обсуждал со мной планы побега. Он стал сдержаннее и почти все время молчал. Я видел, насколько его угнетает затянувшееся пленение, и чувствовал, как в его душе закипает гнев. При встрече с капитаном глаза канадца вспыхивали мрачным огнем, и я всегда боялся, что необузданная натура толкнет его на какую-нибудь крайность.

В тот день, 14 марта, Нед с Конселем пришли ко мне в каюту. Я спросил их о причине визита.

— Хотим задать вам один простой вопрос, про-

фессор, — ответил канадец.

— Слушаю вас, Нед.

— Как вы думаете, сколько всего людей находятся на борту «Наутилуса»?

— Не знаю, мой друг.

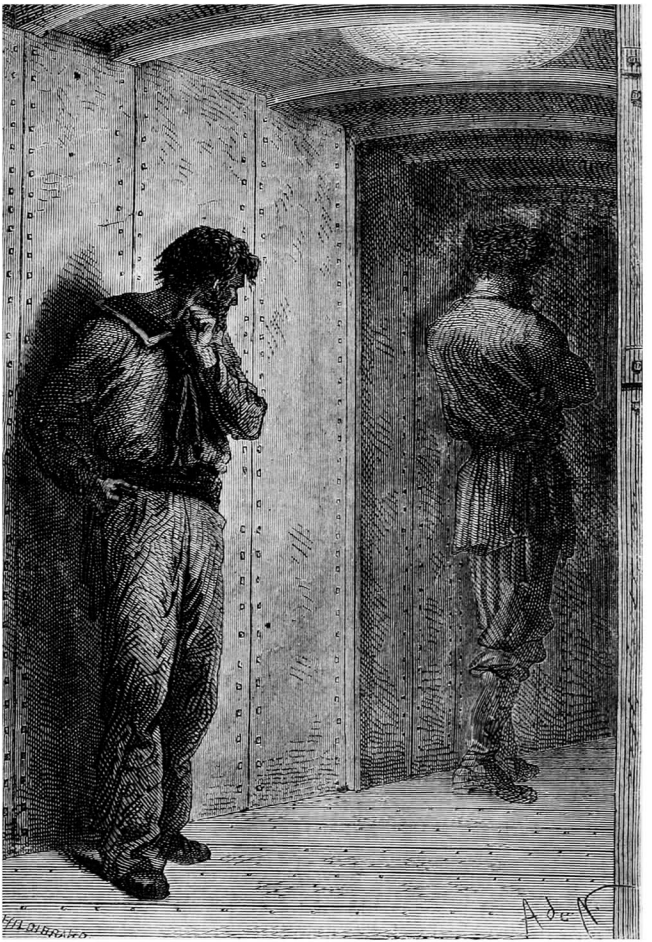
— По-моему, — продолжил Нед Ленд, — для управления подобным судном большая команда не нужна.

— Пожалуй, — согласился я. — Учитывая особенности среды, в которой он находится, десяти человек должно быть вполне достаточно.

— Вот именно! — сказал Нед. — Так почему же их тут больше?

— Почему? — удивился я и пристально посмотрел на Неда Ленда, прекрасно понимая, к чему он клонит. — Потому что, — ответил я, — если мои догадки верны и я правильно понял, в чем смысл жизни капитана Немо, то «Наутилус» — не просто корабль. Он также служит убежищем для тех, кто, подобно его командиру, порвал все связи с землей.

— Возможно, — кивнул Консель. — Но ведь «Наутилус» вмещает ограниченное число людей! Не мог бы господин профессор определить, какое максимальное число людей он может вместить?



Когда Нед встречал капитана…

— Каким образом, Консель?

— С помощью вычислений. Господину известно водоизмещение судна и, соответственно, объем содержащегося в нем воздуха; зная, какое количество воздуха требуется одному человеку для дыхания, и, принимая во внимание, что «Наутилусу» необходимо всплывать каждые двадцать четыре часа…

Не дослушав окончание фразы, я угадал ход мыслей Конселя.

— Понимаю, о чем ты. Этот расчет, хотя и несложный, может дать лишь весьма приблизительный результат.

— Не важно, — упрямо заявил Нед Ленд.

— Что ж, давайте подсчитаем, — ответил я. — Каждый человек за один час расходует кислород, содержащийся в ста литрах воздуха, то есть за двадцать четыре часа он израсходует весь кислород, содержащийся в двух тысячах четырехстах литрах. Следовательно, надо разделить водоизмещение судна на две тысячи четыреста.

— Верно! — подтвердил Консель.

— Поскольку, — продолжил я, — водоизмещение «Наутилуса» составляет полторы тысячи тонн, а в каждой тонне тысяча литров воздуха,

то «Наутилус» вмещает полтора миллиона литров воздуха. Таким образом, разделив это число на две тысячи четыреста…

Я взял карандаш и быстро подсчитал:

— …мы получим шестьсот двадцать пять. А это означает, что суточного запаса воздуха внутри «Наутилуса» с лихвой хватило бы на шестьсот двадцать пять человек.

— Шестьсот двадцать пять! — потрясенно воскликнул Нед.

— Однако смею вас заверить, — добавил я, — что все находящиеся на борту пассажиры, матросы и офицеры вместе взятые не составят и десятую часть этого количества.

— И все равно их слишком много для троих, — пробормотал Консель.

— Так что, мой дорогой Нед, советую вам запастись терпением.

— А еще лучше — смириться, — прибавил Консель.

Консель подобрал идеально подходящее слово.

— В конце концов, — продолжил он, — не может же капитан Немо вечно плыть на север! Рано или поздно ему придется остановиться — к примеру, перед ледовыми полями — и повернуть назад, к более цивилизованным морям! И тогда

мы снова попытаемся воплотить планы Неда.

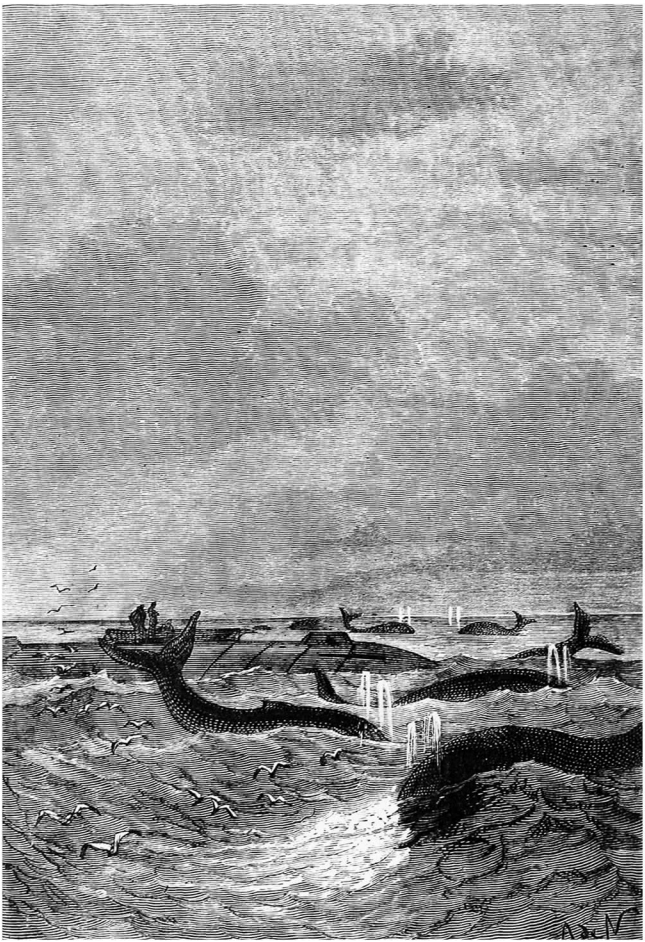
Канадец покачал головой, провел рукой по лбу и молча удалился.

— С позволения господина я хотел бы поделиться одним наблюдением, — сказал Консель. — Бедняга Нед думает о том, чего не может получить. Он тоскует по прошлой жизни. Сожалеет о том, чего мы лишились. Эти воспоминания гнетут его и разрывают сердце. Нужно его понять! Чем ему здесь заняться? Ничем. Он не ученый, как господин профессор, и не способен разделить наше восхищение красотами морских глубин. Он рискнул бы всем ради возможности посидеть в таверне у себя на родине!

Очевидно, однообразная жизнь на борту судна казалась невыносимой канадцу, привыкшему к жизни свободной и активной. События, которые могли бы его увлечь, происходили здесь крайне редко. Однако в тот день случилось происшествие, которое напомнило ему счастливые времена, когда он был гарпунером.

Около одиннадцати часов утра, находясь на поверхности океана, «Наутилус» очутился среди целого стада китов. Подобная встреча ничуть меня не удивила — я знал, что эти животные, на которых ведется безжалостная охота, находят

убежище в акваториях высоких широт.



«Наутилус» очутился среди целого стада китов.

Роль китов в жизни океанов и их влияние на географические открытия огромны. Именно они, увлекая за собой сначала басков, а затем астурийцев, англичан и голландцев, научили людей противостоять опасностям океана и показали им путь с одного конца земли на другой. Киты любят заплывать в южные и северные полярные моря. Древние легенды гласят, что в погоне за китами рыбаки порой оказывались всего в семи лье от северного полюса! Даже если эти истории лживы, то когда-нибудь они станут правдой. Быть может, преследуя китов в арктических и антарктических морях, люди достигнут наконец этих неизведанных окраин земного шара.

Мы сидели на палубе, глядя на безмятежное море. Погода радовала нас солнечными осенними деньками — в этих широтах как раз был октябрь. И тут канадец — а он не мог ошибиться! — заметил в восточной части горизонта кита. Присмотревшись, мы увидели в пяти милях от «Наутилуса» черную спину животного, которая то поднималась над волнами, то вновь уходила под воду.

— Эх! Будь я сейчас на борту китобоя, отвел бы

душу! — воскликнул Нед Ленд. — Вот это кит! Настоящий гигант! Глядите, какой столб воды он выбрасывает! Тысяча чертей! Ну почему я должен торчать, как прикованный, на этой железяке!

— Что я слышу? Нед, неужели вы еще не оставили всякую мысль о рыбалке? — удивился я.

— Сударь, разве может гарпунщик забыть о своем ремесле? Разве может ему когда-либо наскучить охота на китов?

— Приходилось ли вам охотиться в этих морях?

— Ни разу, сударь! Только в северных морях — в проливах Беринга и Дейвиса.

— Значит, вы еще не знакомы с южным китом. Прежде вы охотились на гренландских китов, которые не рискнули бы перейти теплых вод экватора.

— Что вы такое говорите, господин профессор? — недоверчиво сказал канадец.

— Я говорю, как есть.

— Но позвольте! В шестьдесят пятом году, два с половиной года назад, у берегов Гренландии я собственноручно загарпунил кита, в теле которого еще торчал гарпун, пущенный каким-то китобоем в Беринговом проливе. Как тогда, скажите на милость, животное, раненное на западе

Америки, могло быть убито на востоке этого континента? Ведь для того, чтобы обогнуть мыс Горн или мыс Доброй Надежды, ему пришлось бы пересечь экватор!

— Я думаю так же, как Нед, — сказал Консель, — и жду, что нам ответит господин профессор.

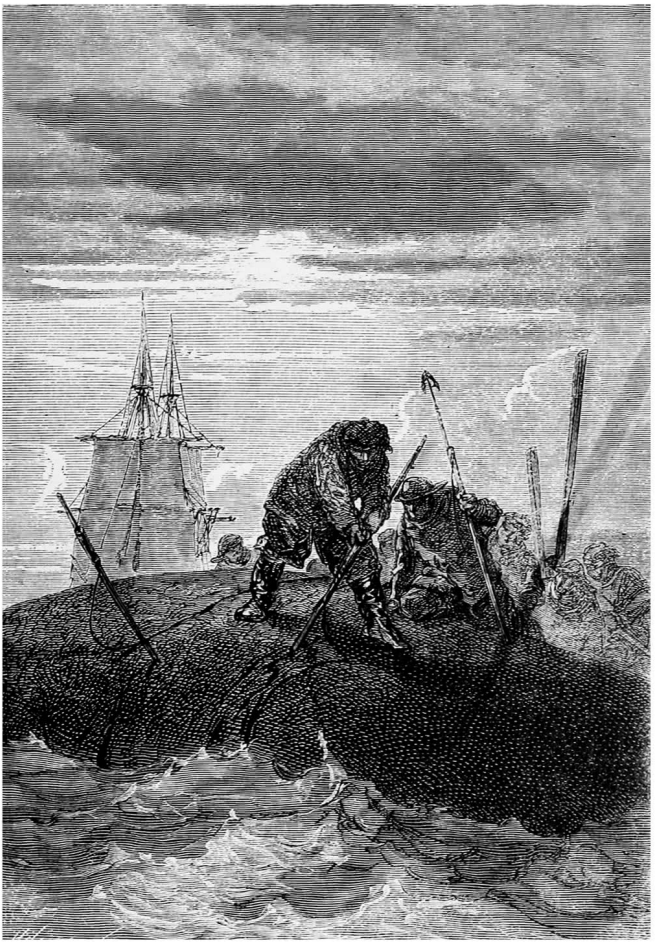
— Господин профессор вам ответит, друзья мои, что каждый вид китов обитает в строго определенном ареале и никогда не покидает своих морей. И если некий кит попал из Берингова пролива в пролив Дейвиса, то лишь потому, что существует проход между двумя морями — либо у берегов Америки, либо у берегов Азии.

— И я должен вам верить? — спросил канадец, прищурившись.

— Господин профессор никогда не обманывает! — заявил Консель.

— Хотите сказать, — продолжал канадец, — если я никогда не охотился в этих краях, то ни разу не встречал обитающих здесь китов?

— Я так и сказал, Нед.



Я загарпунил кита у берегов Гренландии.

— Вот еще одна причина с ними познакомиться! — прибавил Консель.

— Глядите! Глядите! — взволнованно воскликнул канадец. — Кит приближается! Он идет прямо на нас! Будто дразнится, ей-богу! Чует, что я ничего не могу ему сделать!

Нед топнул ногой и потряс воображаемым гарпуном.

— А эти киты, — спросил он, — такого же размера, как и те, что живут в северных морях?

— Почти.

— Между прочим, профессор, мне доводилось видеть здоровенных китов, не меньше ста футов в длину! Я даже как-то слышал, что киты Алеутских островов бывают длиннее ста пятидесяти футов!

— Полагаю, эти цифры несколько преувеличены. Животные, которых вы упомянули, — не настоящие киты, а полосатики, наделенные спинным плавником. Подобно кашалотам, они, как правило, меньше южных китов.

— Эй, гляньте! — закричал канадец, не отводивший взгляд от океана. — Он уже близко! Идет в кильватере «Наутилуса»!

Затем Нед вернулся к прерванному разговору:

— Вас послушать, так кашалоты — совсем небольшие животные. А они бывают настоящими гигантами! И очень умные! Говорят, иногда кашалоты прячутся, покрывая себя водорослями, так что люди принимают их за островки. К ним причаливают, высаживаются, разводят костер…

— …строят дома, — вставил Консель.

— Да, шутник! — ответил Нед. — А потом в один прекрасный день животное погружается в воду, увлекая за собой на глубину всех своих обитателей.

— Вот это кашалоты! Прямо как в «Приключениях Синдбада-морехода»! — рассмеялся я. — Надеюсь, вы не верите в эти сказки?

— Господин натуралист, — ответил канадец серьезно, — когда речь идет о китах, нужно верить всему!.. Вы только посмотрите, как он плывет! Как ныряет!.. Говорят, эти животные могут обойти вокруг света за пятнадцать дней!

— Не стану спорить.

— Однако вы наверняка не знаете, господин Аронакс, что давным-давно, в начале сотворения мира, киты плавали еще быстрее!

— Вот как? Это почему же, Нед?

— Потому что раньше хвост у них располагался вертикально, как у рыб. То есть этот сжатый

с боков хвост бил по воде слева направо и справа налево. Но потом Создатель заметил, что они передвигаются слишком быстро, и вывернул им хвост. С тех пор они бьют по волнам сверху вниз, в ущерб скорости.

— Допустим, Нед. И я должен вам верить? — спросил я, вернув канадцу его недавний вопрос.

— Как хотите, — пожал плечами Нед. — Не больше, чем моим словам о китах длиной триста футов и весом сто тысяч фунтов.

— Это и в самом деле многовато, — сказал я. — Хотя, надо признать, некоторые киты действительно достигают значительных размеров. Говорят, из одного кита порой получают до ста двадцати тонн жира!

— Ей-богу, я видал таких своими глазами!

— Охотно верю, Нед. Как и в то, что некоторые киты равны по размеру ста слонам. Только представьте подобную громадину на полной скорости!

— А правда, что они могут потопить корабль? — спросил Консель.

— Сомневаюсь, — ответил я. — Однако я слышал, что в тысяча восемьсот двадцатом году, как раз в этих южных морях, кит набросился на китобойное судно «Эссекс» и начал толкать

его задом наперед со скоростью четыре метра в секунду. Волны захлестнули корму, и «Эссекс» затонул практически мгновенно.

Нед лукаво на меня посмотрел.

— Я, профессор, однажды тоже испытал на себе удар китовьего хвоста — разумеется, находясь в лодке. Нас с товарищами подбросило на шесть метров вверх. Хотя, по сравнению с вашим китом, мой был всего лишь детенышем.

— А киты долго живут? — спросил Консель.

— Тысячу лет, — уверенно заявил канадец.

— Откуда вы знаете, Нед?

— Так говорят.

— А почему так говорят?

— Потому что знают.

— Не знают, а предполагают, и сейчас я вам это докажу. Четыреста лет назад, когда китобойный промысел только зарождался, эти животные были куда крупнее своих отдаленных потомков. Отсюда и возник логичный вывод: современные киты мельче только потому, что не успевают вырасти до своего настоящего размера. Именно этим соображением руководствовался Бюффон, говоря о том, что киты могут и даже должны жить тысячу лет. Вы меня слышите?

Нед Ленд не слышал. И не слушал. Кит подплы-

вал все ближе. Гарпунщик пожирал его глазами.

— Ого! — воскликнул он. — Теперь это не один кит, а десять, двадцать… целое стадо! А я ничего не могу поделать! Я связан по рукам и ногам!

— Друг Нед, — сказал Консель. — Почему бы вам не попросить у капитана Немо разрешения поохотиться?..

Не успел Консель договорить, как Нед нырнул в люк и бросился на поиски капитана. Через несколько секунд они оба появились на палубе.

Какое-то время капитан Немо внимательно наблюдал за китами, которые резвились в волнах на расстоянии мили от «Наутилуса».

— Это южные киты, — сказал он. — Такого стада хватило бы на целую флотилию китобоев.

— Сударь! — обратился к нему канадец. — Не позволите ли мне на них поохотиться? Иначе скоро я совсем разучусь метать гарпун!

— Ни к чему убивать китов ради забавы, — ответил капитан Немо. — На борту предостаточно запасов китового жира.

— Вы ведь разрешили нам поохотиться на дюгоня в Красном море! — не унимался канадец.

— Тогда мне нужно было добыть свежего мяса для команды. А сейчас… убийство ради убийства? Я знаю, что человек считает это своей законной

привилегией, но не одобряю такие кровожадные развлечения. Истребляя как южных, так и гибралтарских китов, этих добрых и безобидных созданий, ваши товарищи-гарпунеры, мистер Ленд, совершают настоящее злодеяние. Они уже перебили всех китов в Баффиновом заливе и скоро истребят весь класс этих полезных животных. Так что оставьте несчастных китов в покое. Им и без вас хватает естественных врагов — кашалотов, меченосов и других хищников.

Можете себе представить, какое выражение лица было у канадца во время этой отповеди! Взывать таким образом к милосердию охотника по отношению к дичи — только попусту тратить слова. Нед Ленд смотрел на капитана Немо, явно не понимая, о чем он толкует. Хотя капитан был прав. Варварские и необдуманные действия рыбаков рано или поздно приведут к полному истреблению китов в Мировом океане.

Нед Ленд сунул руки в карманы, повернулся к нам спиной и ушел, насвистывая сквозь зубы свою любимую песенку Yankee Doodle[185].

---

[185] Сноски: 185

«Янки-дудл», или «Янки Дудль» — одна из популярнейших американских патриотических песен, а также гимн штата Коннектикут, но изначально песня эта была насмешкой над американскими войсками. Ее придумали англичане, но в годы Американской революции песня стала патриотическим гимном американской стороны.

Продолжая наблюдать за стадом китов, капитан Немо сказал мне:

— Ну вот, что я говорил! У китов хватает естественных врагов, помимо человека. Им вот, к примеру, скоро предстоит встреча с грозным противником. Господин Аронакс, видите на горизонте, в восьми милях под ветром, движущиеся черные точки?

— Вижу, капитан, — ответил я.

— Это кашалоты, крайне опасные животные. Мне доводилось встречать стаи по двести или триста особей! Вот такие жестокие и зловредные создания, напротив, заслуживают истребления.

Канадец живо обернулся, услышав последние слова.

— В таком случае, капитан, — сказал я, — не стоит ли нам вмешаться? Ради китов…

— Нет смысла рисковать понапрасну, господин профессор. «Наутилус» способен разогнать кашалотов и без нашей помощи. Полагаю, его стальной таран справится с этим не хуже гарпуна господина Ленда.

Канадец выразительно пожал плечами, как бы говоря: «Бить кашалотов судовым тараном? Где это слыхано?».

— Погодите, господин Аронакс, — сказал капитан Немо. — Мы покажем вам охоту, какую вам еще не доводилось видеть. Эти чудовища не заслуживают жалости. Кашалот — всего лишь огромная зубастая пасть!

Огромная зубастая пасть! Идеальное описание кашалота, длина которого порой превышает двадцать пять метров. Исполинская голова этого млекопитающего занимает около трети всего тела. В отличие от китов, чья верхняя челюсть оснащена только роговыми пластинами, кашалоты вооружены двадцатью пятью большущими зубами высотой двадцать сантиметров, которые имеют форму заостренного цилиндра и весят два фунта каждый. Именно в верхней части этой гигантской головы, в огромных полостях, разделенных хрящами, содержится от трехсот до четырехсот килограммов бесценного маслянистого вещества — так называемого «китового жира». Кашалот — довольно неуклюжее животное, скорее головастик, чем рыба, по меткому выражению Фредоля[186]. Он не отличается изящным сложением, левая половина его тела

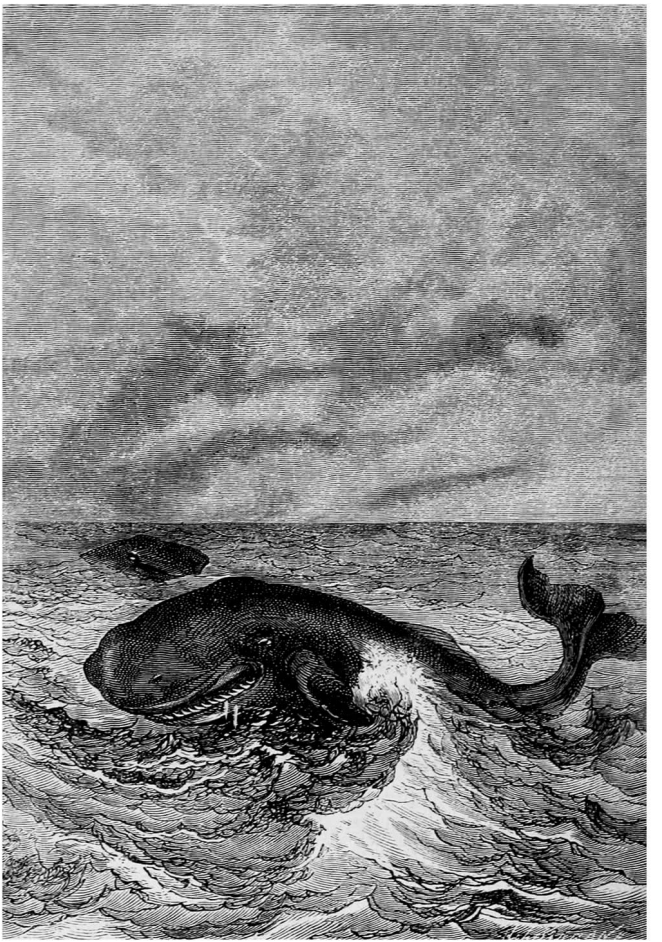
[186] Сноски: 186

Альфред Фредоль — литературный псевдоним профессора Альфреда Мокен-Тандона (1804–1863), французского биолога, ботаника и зоолога, опубликовавшего в 1863 году книгу «Морской мир».

непропорциональна по отношению к правой, да и видит кашалот только правым глазом.

Тем временем чудовищная стая все приближалась. Кашалоты заметили китов и приготовились к атаке. Участь китов была практически предрешена — не только потому, что кашалоты лучше приспособлены к сражениям, чем их безобидные соперники, но и потому, что они могут гораздо дольше находиться под водой, не всплывая на поверхность для дыхания.

Настал момент прийти китам на помощь. «Наутилус» погрузился в воду. Консель, Нед и я расположились у хрустальных окон салона. Капитан Немо прошел в штурманскую рубку и встал у руля, чтобы лично управлять кораблем, превратившимся в грозное оружие. Лопасти винта заработали с удвоенной силой, и наша скорость резко возросла.



Кашалот — всего лишь огромная зубастая пасть!

Когда «Наутилус» приблизился к животным, схватка уже началась. Он двинулся наперерез стае кашалотов. Те поначалу не обратили внимания на нового участника битвы. Но вскоре им пришлось уворачиваться от ударов стального чудовища.

Это была битва не на жизнь, а на смерть! Даже Нед Ленд в конце концов сменил гнев на милость и захлопал в ладоши от восторга. «Наутилус» превратился в гигантский гарпун, направляемый рукой капитана. Он устремлялся в самую гущу китообразных и пересекал ее от края до края, оставляя после себя разрезанные надвое трепещущие тела. Страшные удары исполинских хвостов были ему нипочем. А вызванные ими толчки — и подавно. Уничтожив очередного кашалота, корабль мчался к следующему, разил спереди, сзади, беспрекословно слушаясь руля, уходя на глубину в погоне за нырнувшим зверем, поднимаясь вслед за ним на поверхность, ударяя наотмашь или вскользь, пропарывая или разрывая на части, со всех сторон и всеми возможными способами, пронзая его своим жутким стальным бивнем.

Какая шла бойня! Какой шум стоял над волнами! Какой пронзительный свист, какой рев вырывался из глоток разъяренных кашалотов! Прежде спокойные океанские воды теперь бурлили, взбаламученные ударами мощных хвостов!

Целый час длилось это гомерическое побоище, которого большеголовые хищники не могли избежать. Несколько раз десяток или дюжина особей объединялись в отряды, чтобы вместе сокрушить «Наутилус», раздавив его своими тушами. Мы видели через стекло их огромные зубастые пасти и страшные глаза. Нед Ленд, потеряв остатки самообладания, осыпал их проклятиями и в ярости грозил кулаком. Кашалоты пытались вцепиться в наш корабль, словно шавки, преследующие дикого кабана. Но «Наутилус», увеличивая обороты винта, то утаскивал их на глубину, то вел за собой к поверхности, не страшась ни их гигантских размеров, ни удушающих объятий.

Наконец стадо кашалотов поредело. Волнение на море улеглось. Я почувствовал, что мы поднимаемся на поверхность. Как только люк открылся, мы бросились на палубу.

Море было усеяно обезображенными трупами. Даже самый ужасный взрыв не смог бы с такой яростью разорвать, искромсать и разметать эти

мясистые туши. Мы находились среди гигантских тел с голубоватой спиной, белесым брюхом и уродливыми горбами на хребте. Несколько кашалотов в панике скрылись за горизонтом. Вода на многие мили вокруг стала багровой, и «Наутилус» плыл по морю крови.

Вскоре к нам присоединился капитан Немо.

— Что скажете, мистер Ленд? — спросил он.

— Скажу, сударь, что это было поистине жуткое зрелище, — ответил канадец, азарт которого заметно поутих. — Я ведь охотник, не мясник. А это настоящая бойня.

— Не бойня, а уничтожение опасных хищников, — возразил капитан. — «Наутилус» — не нож мясника.

— Я предпочитаю старый добрый гарпун, — произнес канадец.

— Каждому свое оружие, — сказал капитан, пристально глядя на Неда Ленда.

Я боялся, как бы гарпунер не выкинул в запальчивости чего-нибудь такого, что могло привести к печальным последствиям. К счастью, его внимание переключилось на кита, к которому в тот момент подплывал «Наутилус».

Бедняге не удалось избежать зубастой пасти кашалотов. Я узнал южного кита — с плоской

головой и абсолютно черной кожей. Этот вид анатомически отличается от белого и от нордкапского китов сросшимися шейными позвонками, а также наличием дополнительной пары ребер. Лежавшее на боку несчастное животное с продырявленным брюхом было мертво. На конце покалеченного плавника у него болтался маленький китенок, которого он не сумел уберечь от кровавой расправы. Из раскрытой пасти вытекала вода, которая просачивалась между роговыми пластинами с тихим шелестом, напоминающим шум прибоя.

Капитан Немо подвел «Наутилус» к трупу поверженного гиганта. Двое матросов взобрались на кита и, к моему изумлению, начали выцеживать из его молочных желез молоко. Набралось две или три бочки!

Капитан любезно предложил мне чашку еще теплого молока. Я не сумел скрыть своего отвращения к этому напитку. Однако он заверил меня, что молоко кита обладает превосходным вкусом и ничем не отличается от коровьего.

Сделав глоток, я признал его правоту. Итак, мы запаслись полезным продуктом, поскольку китовье молоко, в виде подсоленного масла или сыра, должно было внести приятное разнообразие

в наш повседневный рацион.

С этого дня я начал с тревогой замечать, что отношение Неда Ленда к капитану Немо с каждым днем становится все хуже, и решил внимательнее следить за действиями и поступками канадца.

Глава тринадцатая
Во льдах

«Наутилус» неизменно держал курс на юг и шел вдоль пятидесятого меридиана на значительной скорости. Неужели он мчал к Южному полюсу? Вряд ли! Как известно, все предыдущие попытки попасть в эту точку земного шара оканчивались провалом. Впрочем, благоприятный сезон для антарктической экспедиции уже подходил к концу — 13 марта в Южном полушарии соответствует 13 сентября в Северном, когда продолжительность светового дня начинает постепенно уменьшаться.

Четырнадцатого марта, на пятьдесят пятом градусе южной широты, я заметил плавающие в море льдины: полупрозрачные бледные глыбы высотой от двадцати до двадцати пяти футов, о которые разбивались волны. «Наутилус» держался на поверхности океана. Неду Ленду, не раз рыбачившему в арктических морях, уже доводилось видеть айсберги. Однако мы с Конселем любовались этим зрелищем впервые.

На небе, в южной части горизонта, тянулась

длинная ослепительно-белая полоса. Английские китобои называют ее ice-blink[187]. Даже самые плотные облака не способны затмить эту сияющую белизну. Появление такой полосы возвещает о близости дрейфующих льдов или ледяного поля.

И действительно, вскоре показались еще более внушительные скопления льдов. Их блеск становился то ярче, то слабее в зависимости от капризов тумана. Некоторые льдины были покрыты волнистыми зелеными прожилками, будто начерченными сернокислой медью. Иные просвечивали насквозь, как огромные аметисты. Одни отражали солнечные лучи тысячами граней своих кристаллов. Другие искрились кальцитовыми бликами, словно залежи мрамора, которых хватило бы на строительство целого города.

Чем дальше мы шли на юг, тем чаще встречались эти плавучие острова, тем выше становились ледовые глыбы. Полярные птицы гнездились на них тысячами. Буревестники, качурки и поморники оглушали нас пронзительными криками; некоторые, приняв «Наутилус»

---

[187] Сноски: 187

Англ. «ледовое небо» (отблеск льда на облачном небе).

за мертвого кита, подлетали и садились, звонко постукивая клювами по стальной обшивке.

Во время нашего плавания среди льдов капитан Немо часто выходил на палубу и внимательно озирал пустынный пейзаж. Порой его спокойный взгляд оживлялся. О чем же думал капитан в такие минуты? Не о том ли, что здесь, в этих полярных морях, недоступных простому смертному, он — дома? Не чувствовал ли себя полновластным хозяином этих бескрайних просторов? Возможно. Но он хранил молчание, стоя совершенно неподвижно, лишь изредка возвращаясь к действительности, когда его инстинкт морехода одерживал верх. И тогда капитан вставал к штурвалу и вел «Наутилус» с привычной сноровкой, ловко избегая столкновения с ледяными глыбами. Некоторые из них тянулись на многие мили и достигали семидесяти-восьмидесяти метров в высоту. Зачастую они, казалось, преграждали нам путь. На уровне шестидесятой параллели льды сковали все море, не оставив ни единого прохода. И все же капитан Немо неизменно находил какую-нибудь узкую щель и отважно проскальзывал между льдов, понимая, что они тут же сомкнутся у нас за спиной.

Так «Наутилус», направляемый уверенной

рукой, обходил льды, чья точная классификация в зависимости от формы и размера привела Конселя в восторг: айсберги, или ледяные горы; ледяные поля, представляющие собой единые бескрайние массивы; дрейфующие, или плавучие, льды; и паковые льды, или раздробленные поля, называемые «лоскутами», если они имеют округлую форму, и «цепочками», когда они составлены из нескольких продолговатых сегментов.

Температура снаружи была довольно низкой. Термометр показывал около двух-трех градусов ниже нуля. Однако мы не чувствовали холода благодаря теплым одеждам из меха тюленей и морских львов. Тепло внутри судна регулярно поддерживалось за счет электрических аппаратов, которые могли противостоять даже самым лютым морозам. Впрочем, «Наутилусу» было достаточно уйти на несколько метров под воду, чтобы оказаться в среде с более приемлемой температурой.

Если бы мы зашли в эти широты двумя месяцами ранее, то застали бы вечный полярный день; теперь ночь на три-четыре часа уже вступала в свои права, а чуть позже все околополярные регионы должны были на долгие шесть месяцев

погрузиться во тьму.

Пятнадцатого марта мы миновали широту Южных Шетландских и Южных Оркнейских островов. Капитан рассказал мне, что когда-то эти земли населяли многочисленные стада тюленей; но английские и американские китобои, обуреваемые жаждой наживы, истребили всех взрослых самцов и самок, то есть самый источник жизни, оставив после себя лишь мертвое безмолвие.

Шестнадцатого марта, около восьми часов утра, «Наутилус», следуя вдоль пятьдесят пятого меридиана, пересек полярный круг. Со всех сторон нас окружали льды, закрывая горизонт. Тем не менее капитан Немо выискивал все новые проходы, продолжая двигаться на юг.

— Куда же он идет? — недоумевал я.

— Вперед, — отвечал Консель. — Хотя рано или поздно плыть станет некуда, и ему придется остановиться.

— А вот за это я не поручусь!

И, честно говоря, опасная авантюра капитана была мне по душе. Не передать словами, какой восторг вызывала у меня красота этого неизведанного края! Льды принимали самые причудливые формы. Порой их скопление напоминало восточный город с бесчисленными

мечетями и минаретами. Или руины крепости, разрушенной землетрясением. Ландшафт преображался в зависимости от угла падения лучей низкого солнца; а иногда вдруг наползал туман, и все исчезало в вихрях снежного бурана. Вокруг то и дело с адским грохотом сталкивались, обрушивались, переворачивались айсберги — и декорация менялась, словно пейзаж в диораме!

Порой хрупкое ледовое равновесие нарушалось, когда «Наутилус» был на глубине. Шум распространялся под водой с пугающей интенсивностью, и падающие глыбы создавали жуткие водовороты, которые доходили до самых нижних слоев океана. И тогда «Наутилус» швыряло из стороны в сторону, он переваливался с боку на бок и с носа на корму, словно парусник, застигнутый безжалостным штормом.

Часто, не видя никакого выхода, я думал, что мы попали в западню; но капитан Немо, полагаясь на чутье, по малейшим признакам находил все новые и новые проходы. Выискивая в ледовых полях путеводные ручейки голубоватой воды, он никогда не ошибался в выборе пути. Наверняка ему уже доводилось плавать среди льдов антарктических морей.

Однако 16 марта ледовые поля окончательно

преградили нам путь. Это был еще не сплошной лед, а обширные скопления льдин, намертво скрепленных морозом. Капитан Немо не отступил перед очередным препятствием и бесстрашно ринулся вперед. Словно железный клин, «Наутилус» вонзился в массу ломкого льда, круша ее с чудовищным треском. Он уподобился древнему тарану, пущенному с невероятной силой. Обломки льдин взлетали в воздух и градом сыпались вокруг. Благодаря одной лишь инерции своего мощного рывка наш корабль пробивал себе дорогу. Порой «Наутилус» выскакивал на поверхность ледяного поля, раздавливая его собственным весом, а иногда, поднырнув под толщу льда, вспарывал его корпусом, и мы шли по образовавшейся трещине.

Погода в те дни стояла ненастная. Временами из-за густого тумана мы не видели противоположный конец палубы. То и дело со всех сторон налетал пронзительный ветер. Слежавшийся снег был настолько плотным, что приходилось пробивать его киркой. Едва температура достигала пяти градусов ниже нуля, внешняя обшивка «Наутилуса» покрывалась коркой льда. Никакой парусник не смог бы здесь пройти, поскольку все такелажные тросы примерзли бы к шкивам.

Только судно без парусов, приводимое в движение электричеством и обходящееся без угля, было способно противостоять суровым условиям таких высоких широт.

Атмосферное давление оставалось довольно низким. Иногда барометр падал даже до семидесяти трех с половиной сантиметров! Полагаться на компас было теперь нельзя. По мере приближения к магнитному полюсу Земли, который не совпадает с самой южной точкой планеты, его обезумевшие стрелки начали показывать в противоположные стороны. В действительности, согласно исследованиям Ханстена[188], южный магнитный полюс находится примерно на 70° широты и 130° долготы, а по наблюдениям Дюперре[189] — на 135° долготы и 70°30’ широты. Поэтому приходилось сверять показания компасов в разных частях корабля и выводить среднее значение. Однако зачастую мы определяли направление на глазок, чтобы рассчитать пройденный путь, хотя это был не самый надежный

---

[188] Сноски: 188

Кристофер Ханстен (1784–1873) — норвежский астроном, физик и геофизик. Изучал земной магнетизм.

[189] Сноски: 189

Луи Исидор Дюперре (1786–1865) — французский путешественник, мореплаватель, океанограф, офицер военно-морского флота, ученый.

метод: извилистые проходы постоянно петляли, лишая нас ориентиров.

Наконец, 18 марта, после десятков бесплодных попыток продвинуться дальше, «Наутилус» оказался в тупике. Теперь у него на пути встали не «лоскуты», не «цепочки», не ледовые поля, а бескрайняя и неподвижная стена из намертво спаянных друг с другом глыб.

— Сплошные льды, — сказал мне канадец.

Очевидно, Нед Ленд, как и все прежние полярные мореходы, считал эту преграду непреодолимой. Когда около полудня на мгновение выглянуло солнце, капитан Немо установил координаты: мы находились на 51°30’ долготы и 67°39’ южной широты. Мы уже довольно далеко продвинулись в глубь Антарктики.

Ни моря, ни единого признака свободной воды не осталось. Под килем «Наутилуса» простиралась обширная равнина, сплошь покрытая ледяными торосами, словно гигантская река незадолго до весеннего ледохода. Тут и там торчали острые пики, вздымаясь на высоту до двухсот футов; чуть дальше виднелись крутые утесы сероватых оттенков — подобно исполинским зеркалам, они отражали редкие солнечные лучи, тонувшие в тумане. И над всей этой пусты-

ней царило зловещее молчание, лишь изредка нарушаемое хлопаньем крыльев залетных буревестников и поморников. Все вокруг заледенело, даже звуки.

«Наутилусу» пришлось остановиться, прервав свое рискованное плавание среди ледяных полей.

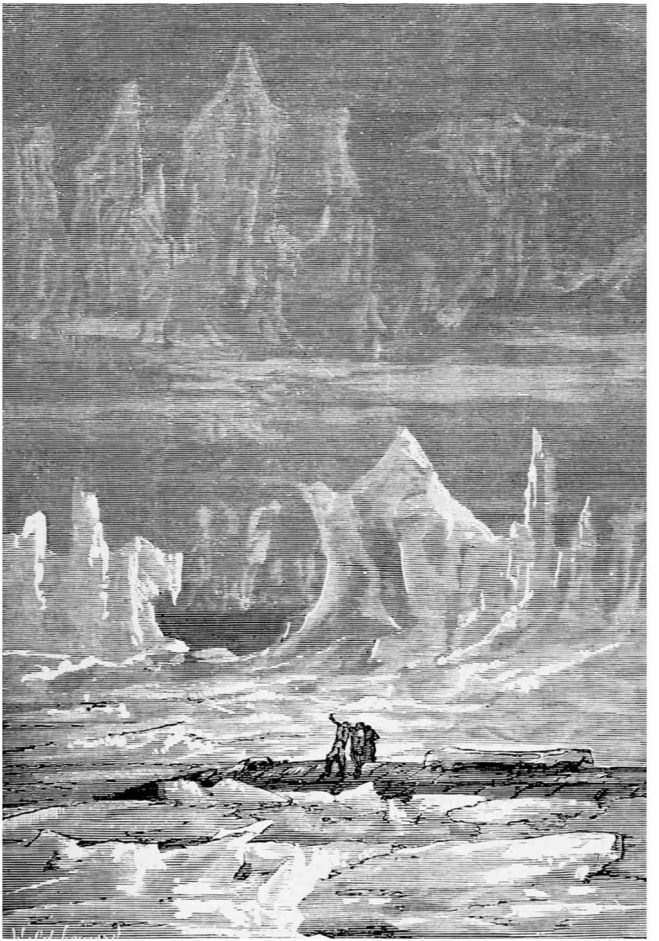
— Профессор, — сказал мне в тот день Нед Ленд, — если ваш капитан пойдет дальше…

— То что?

— То он будет сверхчеловеком!

— Почему, Нед?

— Потому что никому еще не удавалось преодолеть сплошные льды. Конечно, он на многое способен, ваш капитан; но, тысяча чертей! — даже ему не под силу победить природу. Так что хочешь не хочешь, а приходится останавливаться перед ее преградами.



— Сплошные льды, — сказал Нед Ленд.

— Верно, Нед, и все же было бы здорово узнать, что там, за льдами! Эта сплошная стена выводит меня из себя!

— Господин прав, — сказал Консель. — Стены для того и существуют, чтобы досаждать ученым. В мире вовсе не должно быть никаких стен.

— Тоже мне загадка! — фыркнул канадец. — Все прекрасно знают, что находится за этим ледником.

— И что же? — полюбопытствовал я.

— Лед! И ничего, кроме льда!

— Я не разделяю вашей уверенности, Нед. Поэтому и хочу увидеть все собственными глазами.

— Советую вам отказаться от этой затеи, профессор, — ответил канадец. — Достаточно того, что вы добрались до сплошных льдов. Дальше никому не пройти — ни вам, ни вашему капитану Немо, ни его «Наутилусу». Нравится ему или нет, мы вернемся обратно на север, то есть в края, где живут честные люди.

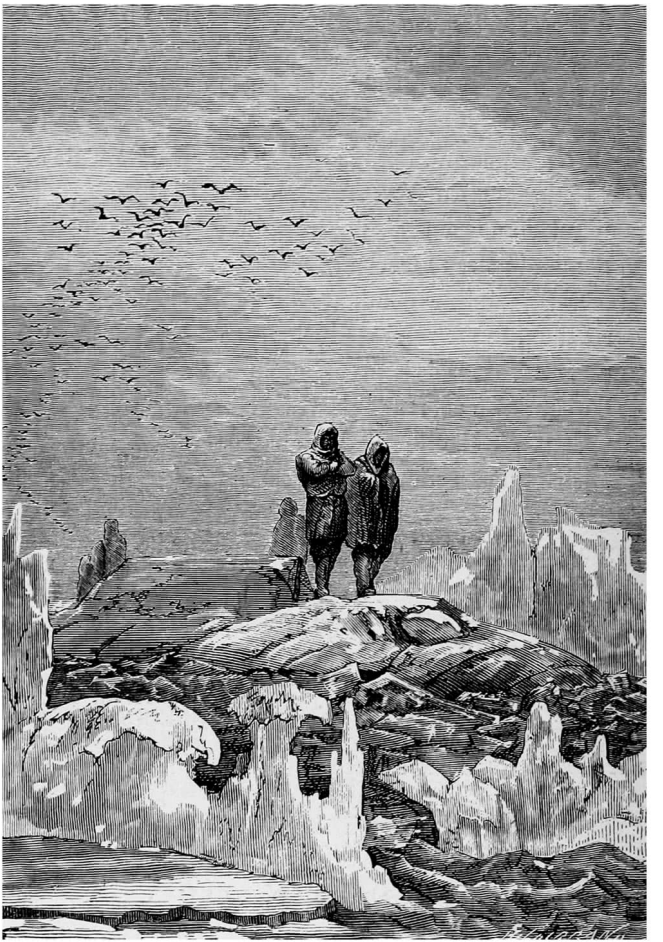
Как ни крути, а Нед был прав: поскольку суда не созданы для того, чтобы ходить по ледовым полям, они вынуждены останавливаться перед сплошными льдами.

И действительно, несмотря на отчаянные по-

пытки вырваться из ледяного плена, «Наутилус» не сдвинулся с места. Как правило, столкнувшись с непреодолимой преградой, мы поворачиваем назад. Однако в нашем случае вернуться было столь же невозможно, как и продвинуться вперед: все трещины тут же смыкались у нас за спиной, и, стоило нашему кораблю остановиться, его неизбежно сковало бы льдом. Так и произошло около двух часов пополудни, причем борта «Наутилуса» покрывались ледовой коростой с невероятной скоростью. Признаться, поведение капитана Немо казалось более чем неразумным.

Я был на палубе, когда это случилось. Капитан, понаблюдав некоторое время за происходящим, сказал мне:

— Ну, господин профессор, что вы об этом думаете?



«Наутилус» оказался в ледяном плену.

— Думаю, что мы в западне, капитан.

— В западне? Почему вы так решили?

— Потому что мы не можем двинуться ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево. Полагаю, это и называется «попасть в западню», — по крайней мере, на обитаемых континентах.

— Стало быть, господин профессор, вы считаете, что «Наутилус» не сможет выбраться?

— Разве что с большим трудом, капитан. Ведь совсем скоро в Южном полушарии начнется зима, и рассчитывать на ледоход не приходится.

— Ах, опять вы за свое, господин профессор! — насмешливо ответил капитан Немо. — Не видите ничего, кроме помех и препятствий! Ну а я вас уверяю, что «Наутилус» не только выберется, но и пойдет еще дальше!

— Еще дальше на юг? — спросил я, удивленно глядя на капитана.

— Да, сударь. К самому полюсу.

— К полюсу? — воскликнул я, даже не пытаясь скрыть недоверия в голосе.

— Да, — холодно ответил капитан. — К Южному полюсу, этой неизведанной точке на карте Антарктики, где встречаются земные меридианы. Вы же знаете, с «Наутилусом» мне доступно

все, что пожелаю.

Да! Я знал. Знал, что этот отважный человек способен на любое безрассудство! Но штурмовать ледяные крепости, охраняющие подступы к Южному полюсу — гораздо более недосягаемому, чем Северный, хотя и туда еще не добрались даже самые отважные мореплаватели, — разве это не совершенно безумная затея, которая может прийти в голову только умалишенному?

Тогда я подумал, что капитан Немо, возможно, уже бывал на Южном полюсе, куда до него не ступала нога человека.

— Нет, сударь, — ответил он, когда я об этом спросил. — Мы откроем его вместе. Там, где другие потерпели неудачу, нас ждет успех. Никогда прежде мой «Наутилус» не заплывал так далеко на юг; но, повторяю, он пойдет еще дальше.

— Хотел бы я верить вам, капитан, — сказал я с едва заметной иронией. — И я вам верю! Так что вперед! Для нас не существует препятствий! Разобьем этот ледник! Взорвем его! А если он заупрямится, приделаем «Наутилусу» крылья и пронесемся поверху!

— Поверху? Господин профессор, — невозмутимо ответил капитан Немо, — Мы пройдем не над, а подо льдами.

— Подо льдами! — воскликнул я.

Внезапная догадка поразила меня. Я понял, что он хотел сделать. Чудесные свойства «Наутилуса» вновь помогут его капитану совершить нечто невероятное!

— Я вижу, мы с вами начинаем понимать друг друга, господин профессор, — сказал капитан с легкой полуулыбкой. — Вы уже предвидите возможность, хотя я сказал бы — успех, этого предприятия. То, что немыслимо для обычного корабля, не составляет труда для «Наутилуса». Если на полюсе обнаружится континент, мы остановимся перед этим континентом. Но если, напротив, там будет свободное море, мы дойдем до самого полюса!

— Вы правы, — согласился я, вдохновленный доводами капитана. — Ведь даже если поверхность моря скована льдом, его нижние слои свободны! На наше счастье, из-за большей плотности воды в морских глубинах температура ее замерзания на один градус выше. Насколько я помню, соотношение подводной и надводной частей ледника составляет четыре к одному?

— Примерно так, господин профессор. На каждый фут видимой части айсберга приходится три фута части, погруженной в воду. В любом

случае, эти ледяные горы явно не превышают ста метров, а значит, уходят вглубь не более чем на триста. Но что такое жалкие триста метров для «Наутилуса»?

— Сущий пустяк, капитан!

— Он мог бы даже опуститься еще ниже — в те слои, где температура одинакова по всему земному шару. Там нам были бы нипочем свирепствующие наверху морозы в тридцать или сорок градусов.

— Верно, сударь, совершенно верно! — воскликнул я.

— Единственная сложность в том, — продолжал капитан Немо, — что нам придется оставаться под водой много дней подряд, не пополняя запасы воздуха.

— Только и всего? — сказал я. — У «Наутилуса» огромные резервуары. Если их заполнить до предела, они смогут обеспечить нас необходимым количеством кислорода.

— Отличный план, господин Аронакс, — улыбнулся капитан Немо. — И все же, чтобы вы не обвинили меня в безрассудстве, я хочу заранее представить вам все свои опасения.

— И много их у вас еще?

— Всего одно. Существует вероятность, что, если

на Южном полюсе есть море, то оно полностью сковано льдом, а значит, мы не сможем всплыть на поверхность!

— Позвольте, сударь! Неужто вы забыли, что «Наутилус» вооружен могучим тараном? Разве нельзя с его помощью пробить эти ледовые поля снизу по диагонали, так чтобы они раскололись от удара?

— Надо же, господин профессор! Сегодня вы полны идей!

— Впрочем, как знать, — добавил я, воодушевленный одобрением капитана, — возможно, на Южном полюсе, как и на Северном, тоже есть открытое море! Ведь полюса холода не совпадают с географическими полюсами в обоих полушариях. И пока не будет доказано обратного, можно смело предполагать, что в этих точках планеты находится либо континент, либо свободный от льдов океан.

— Я тоже так считаю, господин Аронакс, — ответил капитан Немо. — Однако позвольте заметить, что, раскритиковав мой проект в пух и прах, вы теперь забрасываете меня доводами в его пользу.

Капитан Немо был прав. Я действительно превзошел его в безрассудстве! Теперь мне самому

не терпелось отправиться на Южный полюс! Я забегал вперед, я его обгонял… Несчастный глупец! Капитан Немо куда лучше знал все «за» и «против» этой экспедиции, он просто забавлялся, наблюдая, как меня увлекают несбыточные фантазии!

Капитан не терял времени. По первому зову явился старший помощник. Двое мужчин тут же принялись что-то обсуждать на своем непонятном языке, причем помощник вовсе не выглядел удивленным — то ли его уже предупредили о ближайших планах капитана, то ли он считал их вполне осуществимыми.

Однако даже его невозмутимость уступала абсолютной невозмутимости, которую проявил Консель, когда я сообщил ему о нашем намерении достичь Южного полюса. В ответ я услышал скупое «как будет угодно господину», которым был вынужден удовольствоваться. Что касается Нед Ленда, никогда еще мне не приходилось видеть, чтобы недоуменно поднятые брови взмывали так высоко.

— Мне вас искренне жаль, — заявил он. — Вас и вашего капитана Немо.

— Зато мы увидим полюс, мистер Ленд!

— Возможно. Но вы оттуда не вернетесь!

И Нед Ленд удалился к себе в каюту, «чтобы чего-нибудь не натворить», как он сказал на прощание.

Так или иначе, на борту начались приготовления к смелой авантюре. Могучие насосы «Наутилуса» до отказа заполнили резервуары сжатым воздухом. Около четырех часов капитан Немо сообщил мне, что ведущие на палубу люки вскоре будут задраены. Я бросил последний взгляд на обширный ледник, который нам предстояло одолеть. Стояла ясная, безоблачная, морозная погода. Термометр показывал двенадцать градусов ниже нуля, но, поскольку ветер стих, холод уже не казался невыносимым.

Вооружившись кирками, на борта «Наутилуса» поднялись дюжина матросов и начали освобождать корпус ото льда. Это не заняло много времени, так как молодой лед был довольно тонким. Затем мы все спустились внутрь. Резервуары заполнили водой, которая плескалась у ватерлинии, и «Наутилус» начал погружаться.

Я расположился в салоне рядом с Конселем. Через хрустальные стекла мы созерцали нижние слои Южного океана. Температура повышалась. Стрелка манометра подрагивала, смещаясь вправо.

Как и предполагал капитан Немо, на глубине около трехсот метров мы оказались под неровной поверхностью сплошных льдов. Однако «Наутилус» продолжал опускаться все ниже. Вскоре он достиг отметки в восемьсот метров. Температура воды, которая составляла двенадцать градусов у поверхности, теперь не доходила и до одиннадцати. Мы отыграли почти два градуса. Разумеется, температура внутри «Наутилуса» была гораздо выше благодаря электрическим нагревателям. Все маневры совершались с безупречной точностью.

— Если господину угодно знать мое мнение, — сказал Консель, — мы все-таки пройдем.

— Очень на это рассчитываю! — с глубокой убежденностью ответил я.

Опустившись на глубину, «Наутилус» взял курс на Южный полюс, двигаясь вдоль пятьдесят второго меридиана. Нам предстояло преодолеть двадцать два с половиной градуса южной широты, с 67°30’ до 90°, то есть немногим более пятисот лье. «Наутилус» шел со средней скоростью в двадцать шесть миль в час, что соответствует скорости курьерского поезда. Сохраняя выбранный темп, наш корабль добрался бы до полюса за какие-нибудь сорок часов.

Часть ночи мы с Конселем провели у окна в салоне, привлеченные новизной обстановки. Море освещалось яркими лучами прожектора. Однако вокруг было пустынно. Рыбы не задерживались в этих скованных льдами водах. Они лишь использовали их как проход из Антарктического океана в полярное море. «Наутилус» шел на предельной скорости. Это чувствовалось по дрожанию длинного стального корпуса.

Около двух часов ночи я пошел немного вздремнуть. Консель последовал моему примеру. Шагая по узким проходам, я нигде не встретил капитана Немо. Очевидно, он находился в штурманской рубке.

На следующий день, 19 марта в пять часов утра, я вновь занял свой наблюдательный пост в салоне. Электрический лаг показал, что «Наутилус» слегка замедлил ход. Значит, он начал всплывать, хотя и с осторожностью, благоразумно экономя запасы воздуха.

Мое сердце тревожно забилось. Удастся ли нам подняться на поверхность и вдохнуть свежий воздух полюса?

Увы! Последовал удар, означавший, что «Наутилус» наткнулся на нижнюю поверхность ледового слоя, все еще довольно толстого, судя по приглу-

шенности звука. Пользуясь морской терминологией, мы, так сказать, «сели на мель», — правда, вверх тормашками и на глубине в тысячу футов. Следовательно, толщина льда у нас над головой составляла еще две тысячи футов, из которых одна тысяча выступала над уровнем моря. Таким образом, ледяной покров здесь оказался толще, чем в месте погружения. Малоутешительное обстоятельство!

В течение дня «Наутилус» много раз проделывал тот же маневр, но неизменно ударялся о глухую плиту, перекрывавшую путь наверх. Иногда плита пролегала на глубине девятисот метров, что свидетельствовало о толщине в тысячу двести метров, из которых двести возвышались над поверхностью океана. Это вдвое превышало ее первоначальную высоту там, где «Наутилус» погрузился в морскую пучину.

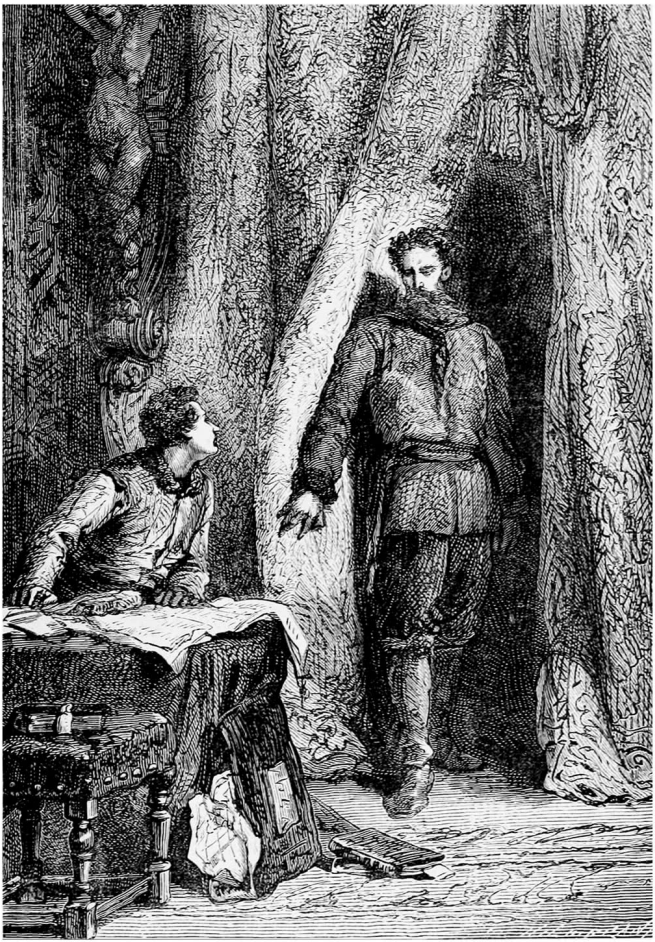
Я тщательно отметил все результаты замеров глубин и получил таким образом рельеф подводной части ледяного покрова.

К вечеру наше положение ничуть не изменилось. Над нами по-прежнему простиралась ледовая плита толщиной четыреста-пятьсот метров. Заметное уменьшение, но какое огромное расстояние все еще отделяло нас от поверхности

океана!

Было уже восемь часов. Мы должны были обновить воздух внутри «Наутилуса» еще четыре часа назад, следуя установленному на борту ежедневному ритуалу. Однако я пока не слишком страдал от недостатка кислорода, хотя капитан Немо даже не отдавал приказа использовать хранящиеся в резервуарах запасы.

В ту ночь я почти не сомкнул глаз. Надежда и страх овладевали мной попеременно. Я то и дело вскакивал с кровати. «Наутилус» продолжал свои попытки. Около трех часов ночи я заметил, что нижняя поверхность ледника находится на глубине каких-нибудь пятидесяти метров. Всего пятьдесят метров отделяли нас от поверхности воды. Сплошные льды постепенно превращались в ледовое поле. Горы переходили в равнину.



Вошел капитан Немо.

Я не сводил глаз с манометра. Мы продолжали всплывать, двигаясь по диагонали вдоль сверкающей поверхности, что искрилась в электрических лучах. Ледяной покров истончался и над, и под нами. С каждой милей он становился все тоньше.

Наконец, в шесть часов того памятного утра 19 марта, дверь в салон отворилась. Вошел капитан Немо.

— Свободное море! — объявил он.

Глава четырнадцатая
Южный полюс

Я бросился на палубу. Да! Море свободно! Лишь кое-где разбросано несколько айсбергов и отдельных льдин; кругом необозримые морские просторы; несметные стаи птиц в воздухе и мириады рыб в водах, цвет которых менялся от ярко-синего до оливково-зеленого, в зависимости от характера дна. Термометр Цельсия показывал три градуса ниже нуля. Миновав полосу сплошных льдов, что вырисовывались далеко позади на северной стороне горизонта, мы будто почувствовали дыхание ранней весны.

— Мы на полюсе? — с замирающим сердцем спросил я у капитана.

— Не знаю, — ответил он. — В полдень установим координаты.

— Пробьется ли солнце сквозь пелену тумана? — усомнился я, глядя на серое небо.

— Пусть выглянет хоть на минуту, и этого будет достаточно, — ответил капитан.

В десяти милях к югу от «Наутилуса» виднелся небольшой островок, возвышавшийся

над уровнем моря примерно на двести метров. Мы направились прямо к нему, но благоразумно замедлили ход, предполагая, что здесь могут встретиться подводные рифы.

Спустя час мы подошли к острову. А еще двумя часами позже его обогнули. Окружность береговой линии составляла от четырех до пяти миль. Узкий пролив отделял островок от большого массива суши, возможно, даже материка, границы которого уходили за горизонт. Существование этой земли, казалось, подтверждает гипотезы Мори. Гениальный американец заметил, что море между Южным полюсом и шестидесятой параллелью покрыто гигантскими плавающими льдинами, чего никогда не встречается на севере Атлантики. Основываясь на этом наблюдении, он заключил, что внутри Южного полярного круга находится континент, так как сплошные льды образуются не в открытом море, а только у побережий. По его расчетам, Южный полюс окружен широким кольцом ледников, диаметр которого составляет около четырех тысяч километров.

Чтобы не сесть на мель, «Наутилус» остановился в трех кабельтовых от берега, где высилось великолепное нагромождение скал. Шлюпку спустили на воду. В ней расположились капитан,

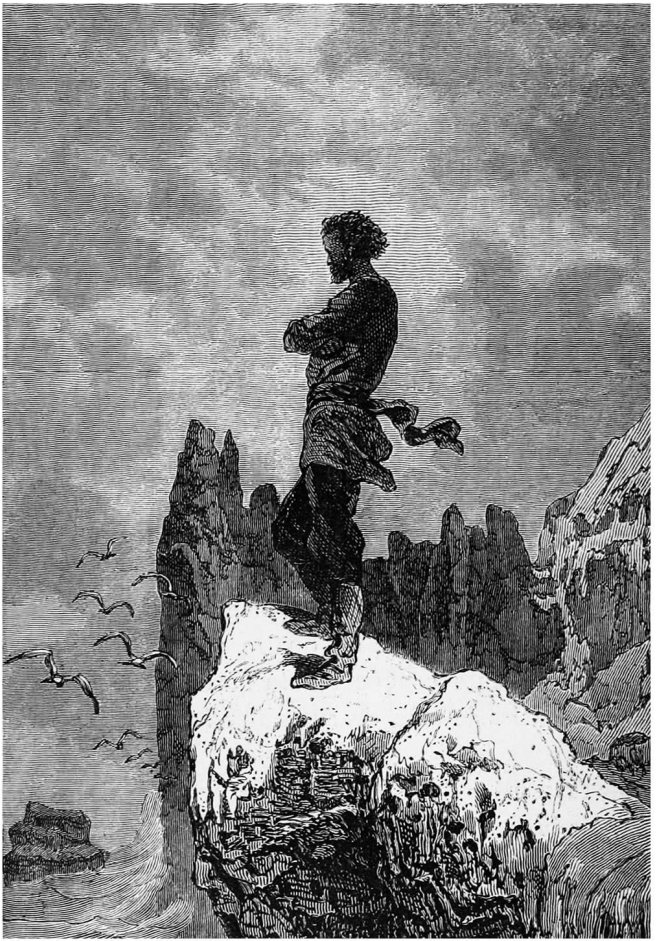
двое матросов с измерительными приборами, и мы с Конселем. Было десять часов утра. Нед Ленд не появлялся; вероятно, канадец не хотел признавать свое поражение, оказавшись-таки на Южном полюсе.

Всего несколько ударов весла — и шлюпка зарылась носом в прибрежный песок. Консель уже собирался спрыгнуть на сушу, когда я его остановил.

— Сударь, — обратился я к капитану Немо, — именно вам принадлежит честь первым ступить на эту землю.

— Благодарю вас, сударь, — ответил капитан. — Я не колеблясь ступлю на полярную землю, где ни одно человеческое существо еще не оставило следов своих ног!

С этими словами он ловко соскочил на песок. Должно быть, его сердце гулко билось от волнения! Он взобрался на утес, который возвышался на оконечности небольшого мыса, и застыл там, с горящим восторженным взором и скрещенными на груди руками, словно вступая во владение этими южными землями. Простояв так около пяти минут, капитан повернулся к нам.



Капитан Немо взобрался на утес.

— Ваша очередь, сударь! — крикнул он мне.

Я сошел на берег, Консель последовал за мной, а двое матросов остались в шлюпке.

Местная почва состояла из красноватого туфа, напоминающего кирпичную крошку. Повсюду виднелись обломки шлака, ручейки застывшей лавы и куски пемзы. Все указывало на вулканическое происхождение острова. Кое-где из трещин в земле пробивались легкие струйки дыма с сернистым запахом, — а значит, огненные недра еще не утратили своего могущества. Однако, поднявшись на крутую скалу, я не увидел никакого вулкана в радиусе нескольких миль. Хотя, как известно, Джеймс Росс[190] обнаружил в Антарктике, на сто шестьдесят седьмом меридиане и 77°32’ южной широты, два активных вулкана: Эребус и Террор.

Растительность этой унылой местности показалась мне крайне скудной. Черные скалы были покрыты лишайником вида Unsnea melanoxantha. Несколько видов микроскопических росточков,

[190] Сноски: 190

Сэр Джеймс Кларк Росс (1800–1862) — британский военный моряк, исследователь полярных районов. Вулканы Эребус и Террор получили название в честь военных кораблей, на которых Джеймс Росс отправился в антарктическую экспедицию.

примитивные диатомеи, нечто вроде одноклеточных водорослей, расположенных между двумя кальциевыми створками, длинные фукусы пурпурных и малиновых оттенков, держащиеся на воде благодаря плавательным пузырям и выносимые на берег прибойной волной, — вот и все представители скромной флоры этого региона.

Берег был усеян моллюсками, маленькими мидиями, пателлами, сердцевидками, но, главным образом, многочисленными клионами с продолговатым перепончатым телом и головой в виде двух закругленных лопастей. Мне уже доводилось видеть трехсантиметровых клионов северных морей, которых киты поглощают тысячами в один присест. Эти очаровательные крылоногие моллюски, настоящие морские бабочки, оживляли прибрежные воды.

Среди прочих зоофитов на здешних отмелях попадались заросли древовидных кораллов, которые, согласно исследованиям Джеймса Росса, обитают в антарктических морях на глубине до тысячи метров; затем — небольшого размера мягкие кораллы, принадлежащие к виду Procellaria pelagica, огромное количество астерий, характерных для этих климатических зон, и устилающие дно морские звезды.

Зато в воздухе жизнь била ключом. У нас над головой с оглушительными криками порхали и резвились тысячи всевозможных птиц. Другие пернатые облепили скалы, без малейшего страха наблюдая за нами и путаясь под ногами. Бескрылые гагарки[191], ловкие и проворные в воде, где их часто принимают за стремительных тунцов-бонито, на суше становятся неуклюжими и медлительными; они испускали забавные крики и сбивались в многочисленные группки, компенсируя свою неповоротливость шумными воплями.

Между стайками гагарок я заметил белых ржанок из семейства голенастых — птиц не крупнее голубей, с белым окрасом, коротким коническим клювом и красным ободком вокруг глаз. Консель добыл изрядное число этих пернатых, поскольку их мясо, должным образом приготовленное, весьма приятно на вкус. В вышине пролетали светлоспинные дымчатые альбатросы с размахом крыльев около четырех метров, которых не зря называют океанскими ястребами; гигантские буревестники с дугообразными

[191] Сноски: 191

Вымерший вид крупных нелетающих птиц, обитавших на островах и побережьях Северной Атлантики и полностью истребленных человеком в середине XIX века.

крыльями, в том числе известные пожиратели тюленей quebrante-huesos[192]; чернозобые гагары[193], похожие на небольших уток с черно-белым оперением; и наконец, множество видов буревестниковых — одни беловатые, с коричневой каймой на крыльях, другие голубые, которые встречаются только в Антарктике и, как я сказал Конселю, «такие жирные, что обитатели Фарерских островов используют их вместо светильников, вставляя в убитую птицу фитиль».

— Еще немного, и из них получились бы идеальные лампы! — кивнул Консель. — Хотя природа не настолько предусмотрительна, чтобы заранее снабжать их фитилями!

Отойдя еще на полмили от берега, мы заметили, что вся земля изрыта пингвиньими гнездами, напоминающими норы, — оттуда выскакивало множество птиц. Чуть позже капитан Немо устроил на них охоту, и в конце концов удалось изловить несколько сотен этих пернатых с темным, но очень вкусным мясом. Крики пингвинов

---

[192] Сноски: 192

Бородачи (ягнятники, костоломы) — птицы из семейства ястребиных (*исп.*). Не встречаются в Антарктике.

[193] Сноски: 193

Согласно данным современной науки, эти птицы обитают лишь в арктической и субарктической зонах.

напоминали ослиный рев. Эти птицы размером с гуся, с аспидно-черной спиной, белым брюшком и желтым ободком вокруг шеи. Они даже не пытались убежать и падали замертво от удара камнем.

Туман все не рассеивался, и к одиннадцати часам солнце так и не появилось. Это меня очень тревожило. Без солнца о каких-либо наблюдениях не могло быть и речи! И как тогда установить, достигли мы Южного полюса или нет?

Тысячи птиц.

Капитан Немо стоял, облокотившись о выступ утеса, и смотрел на небо. Казалось, он был взволнован и раздосадован. Но что поделаешь? Даже этот отважный и могущественный человек, покоривший море, не имел власти над солнцем.

Наступил полдень, однако дневное светило так ни на миг и не выглянуло. Из-за туманной завесы мы даже не могли определить его местоположение. Вскоре повалил снег.

— До завтра, — бросил мне капитан, и мы вернулись на борт «Наутилуса» в снежную бурю.

За время нашего отсутствия моряки поставили сети, и теперь я с интересом разглядывал свежий улов. Антарктические моря служат убежищем для огромного количества мигрирующих видов, которые устремляются сюда, ища спасения от штормов, бушующих на более низких широтах, и попадают прямо в зубы морским свиньям и тюленям. Я заметил несколько коттункулов длиной десять сантиметров — хрящевых рыб с бледной кожей, испещренной синеватыми полосками, и острыми шипами на голове; затем антарктических химер длиной три фута, с продолговатым телом, гладкой белой кожей, отливающей серебром, круглой головой, тремя

спинными плавниками и мордой с загнутым книзу хоботком на конце. Я пробовал их мясо; мне оно показалось безвкусным, а вот Конселю, напротив, очень понравилось.

Снежный буран продолжался весь день и всю ночь. Находиться на палубе было невозможно. Расположившись в салоне, я записывал подробности нашей экспедиции к полярному континенту. Снаружи доносились крики буревестников и альбатросов, резвящихся посреди бури. «Наутилус» не стоял на месте; продолжая идти вдоль берега, он продвинулся еще на десяток миль к югу в царящем вокруг полумраке. Единственным источником света была тонкая полоска на краю горизонта, там, где солнце пыталось пробиться сквозь тучи.

Утром 20 марта снег прекратился. Снаружи похолодало. Термометр показывал два градуса ниже нуля. Небо было ясным, и я надеялся, что в этот день нам наконец удастся сделать замеры.

Не дожидаясь капитана Немо, мы с Конселем взяли шлюпку и переправились на берег. Характер почвы и тут был вулканическим. Повсюду виднелись следы лавы, шлака и базальта, хотя мне так и не удалось обнаружить исторгнувший их кратер. Эту часть полярного континента то-

же населяли мириады птиц. Однако здесь им приходилось соседствовать с огромными стадами морских млекопитающих, которые взирали на нас своими ласковыми глазами. В основном это были тюлени всевозможных видов — одни растянулись на берегу, другие отдыхали на дрейфующих льдинах, третьи вылезали из воды или ныряли в море. Они не пытались скрыться при нашем появлении, поскольку никогда прежде не имели дела с человеком. По моим подсчетам, такого количества животных хватило бы, чтобы обеспечить провизией несколько сотен кораблей!

— Какое счастье, — сказал Консель, — что Нед Ленд не отправился с нами!

— Почему?

— Потому что в охотничьем азарте он бы их всех перебил!

— Всех — вряд ли. Хотя, думаю, мы действительно не смогли бы помешать нашему бравому канадцу загарпунить парочку этих великолепных ластоногих. Что крайне огорчило бы капитана Немо, который никогда не проливает понапрасну кровь безобидных животных.

— Он прав.

— Несомненно, Консель. Но, скажи-ка мне,

успел ли ты классифицировать представленные здесь разновидности морской фауны?

— Господин профессор прекрасно знает, — ответил Консель, — что я не очень-то силен в практической стороне дела. Вот если бы господин профессор изволил сообщить мне названия этих животных…

— Тюлени и моржи[194].

— Два рода из отряда ластоногих, — с ходу выпалил ученый Консель, — типа позвоночных, класса млекопитающих.

— Отлично, Консель! — похвалил я. — Но эти два рода, тюлени и моржи, делятся на виды, и, если не ошибаюсь, нам представляется случай их наблюдать. Идем!

Было восемь часов утра. Оставалось еще четыре часа до полудня — то есть до момента установления координат по высоте солнца. Я зашагал к просторной бухте, глубоко врезавшейся в гранитные скалы побережья.

Вокруг, насколько хватало глаз, земля и льдины были сплошь покрыты морскими млекопитающими. Я невольно искал взглядом старика Протея, мифологического пастуха, охранявше-

---

[194] Сноски: 194
Моржи обитают только в арктических регионах.

го бесчисленные стада Нептуна. В основном здесь были тюлени. Они сбивались в отдельные группы из самок и самцов: отец оберегал свое семейство, мать кормила малышей, несколько молодых животных, уже достаточно окрепших, вырвались из-под родительской опеки и резвились чуть поодаль. Тюлени передвигались по земле маленькими неуклюжими скачками, резко напрягая мышцы и отталкиваясь плохо развитыми плавниками, которые у их сородичей ламантинов образуют настоящее предплечье. Должен сказать, что эти животные с гибким позвоночником, узким тазом, плотной жесткой шерстью и перепончатыми лапами — отличные пловцы и прекрасно чувствуют себя в воде, своей родной стихии. Отдыхая на берегу, они принимают на удивление грациозные позы. Недаром наши далекие предки, отмечая их миролюбивый нрав, выразительный взгляд, с которым не сравнится взор прекраснейшей из женщин, их ясные бархатистые глаза и очаровательные повадки, поэтизировали этих животных, превращая самцов в тритонов, а самок — в сирен.

Я обратил внимание Конселя на необычайно развитые мозговые полушария этих смышленых созданий. Ни у одного млекопитающего, за ис-

ключением человека, нет такого количества мозгового вещества. К тому же тюлени имеют неплохие способности к обучению; они легко приручаются, и я согласен с мнением некоторых ученых, которые утверждают, что после должной дрессировки тюленей можно было бы с успехом использовать в качестве помощников для рыбалки — вместо собак.

Большинство животных спали, развалившись на камнях или на песке. Помимо обыкновенных тюленей, не имеющих ушных раковин, — в отличие от морских львов, наделенных явно выраженными ушами, — я заметил множество разновидностей трехметровых тюленей-крабоедов с белой шерстью, бульдожьей головой и десятком зубов в каждой челюсти, включая четыре резца вверху и внизу, а также два клыка с неровными краями в форме лилии. Между ними скользили морские слоны с коротким подвижным «хоботом», — гигантские представители вида тюленей, достигающие двадцати футов в обхвате и десяти метров в длину. Животные даже не шевельнулись при нашем приближении.

— А они не опасны? — спросил Консель.

— Нет, — ответил я. — По крайней мере, если на них не нападать. Но когда тюлени защищают

своих детенышей, их ярость поистине страшна. Случается, они разносит в щепки рыбацкую лодку.

— Их можно понять, — ответил Консель.

— Не спорю.

Через две мили путь нам преградил скалистый мыс, укрывавший бухту от южных ветров. Скалы отвесно уходили в море, и волны прибоя окутывали их пенными брызгами. Из-за мыса доносился грозный рев, будто там паслось целое стадо жвачных животных.

— Это что, хор быков? — предположил Консель.

— Нет, — ответил я. — Это хор моржей.

— Они дерутся?

— Дерутся или играют.

— Думаю, стоит на них взглянуть, если господин профессор не возражает.

— Определенно стоит, Консель.

Поскальзываясь на обледенелых камнях, мы принялись карабкаться по черным базальтовым скалам, которые то и дело осыпались. Я не раз падал и скатывался вниз, обдирая бока. Консель, более осмотрительный или более твердо стоящий на ногах, не спотыкался и, поднимая меня, говорил:

— Если господин профессор изволит ставить ноги чуть шире, это поможет ему лучше удерживать равновесие.

Взобравшись на вершину мыса, я увидел огромную снежную равнину, оккупированную моржами.

Моржи похожи на тюленей формой тела и расположением конечностей. Однако у них нет резцов и клыков в нижней челюсти, а клыки верхней в процессе эволюции превратились в бивни длиной восемьдесят сантиметров и окружностью у основания в тридцать три сантиметра. Эти видоизмененные зубы, состоящие из плотной и гладкой костной ткани — более твердой, чем у слонов, и менее склонной к пожелтению, — пользуются огромным спросом. К сожалению, из-за варварского истребления скоро не останется ни одного моржа: охотники убивают их без разбора, включая самок и детенышей, ежегодно уничтожая более четырех тысяч особей.

Проходя мимо этих любопытных животных, я мог разглядывать их сколько угодно, так как они не проявляли ни малейшего беспокойства. У них была толстая, грубая шкура рыжеватого окраса, покрытая короткой, негустой шерстью. Некото-

рые особи достигали четырех метров в длину. Более спокойные и менее пугливые, чем их северные собратья, они даже не выставляли дозорных для охраны подступов к своему лежбищу.

Вдоволь понаблюдав за моржами, я решил вернуться. Было уже одиннадцать часов — в случае благоприятных погодных условий капитан Немо готовился произвести замеры, и я хотел присутствовать при этой операции. Хотя и не питал надежды на появление солнца. В тот день тучи обложили все небо до самого горизонта. Казалось, ревнивое светило не желает показывать людям этот неприступный уголок планеты.

Итак, я решил повернуть назад к «Наутилусу». Мы зашагали по узкой крутой тропинке, огибавшей вершину прибрежной скалы. В половине двенадцатого мы дошли до того места, куда причалили утром. Вытащенная на берег шлюпка, очевидно, успела доставить сюда капитана за время нашего отсутствия. Я заметил его на базальтовой скале. Рядом находились астрономические приборы. Капитан Немо стоял, не отводя взгляда от северной части горизонта, где описывало длинную дугу полярное солнце.

Я молча встал возле капитана. Наступил полдень; увы, солнце так и не выглянуло.

Над нами довлел злой рок. Мы опять не смогли установить координаты! Если и завтра не увидим солнце, придется отказаться от идеи установить наше местоположение.

Дело в том, что было уже 20 марта. Завтра, 21 числа, в день весеннего равноденствия, если не принимать во внимание преломление лучей, солнце исчезло бы за горизонтом на целых шесть месяцев, знаменуя начало долгой полярной ночи. Начиная с осеннего равноденствия, оно появлялось в северной части горизонта, описывая в небе длинные дуги вплоть до 21 декабря, когда в южных широтах наступает летнее солнцестояние. После этой даты солнце ежедневно снижалось и как раз завтра должно было в последний раз озарить своими лучами пейзажи Антарктики.

Я поделился с капитаном Немо своими выводами и опасениями.

— Вы правы, господин Аронакс, — сказал он. — Если завтра мне не удастся измерить высоту солнца, то я не смогу повторить эту операцию в ближайшие полгода. К счастью, случай привел нас в эти края как раз накануне равноденствия, и если завтра в полдень солнце все же выглянет, определить его высоту будет особенно легко.

— Почему, капитан?

— Потому что, когда дневное светило описывает удлиненную спираль, измерить его точную высоту над горизонтом довольно сложно, и приборы могут показать неверный результат.

— И как же вы думаете поступить?

— Я воспользуюсь только хронометром, — ответил капитан Немо. — Если завтра, 21 марта, ровно в полдень, солнечный диск, с учетом преломления, встанет точно над северным горизонтом — значит, мы находимся на Южном полюсе.

— Вот как? — сказал я. — Но ведь этот метод нельзя считать абсолютно верным с математической точки зрения, так как равноденствие не всегда наступает в полдень.

— Разумеется, сударь, однако погрешность в вычислениях составит не более сотни метров. Так что до завтра!

И капитан Немо вернулся на борт. А мы с Конселем до пяти часов бродили по берегу, исследуя и наблюдая. Я не собрал никаких любопытных образцов, кроме необычайно огромного яйца гагарки, за которое натуралист-любитель заплатил бы не менее тысячи франков. Светло-коричневое, испещренное похожими на иероглифы штрихами и закорючками, оно представляло

собой настоящую диковину. Я передал трофей в надежные руки Конселя, и славный юноша бережно, точно бесценный китайский фарфор, доставил его на борт «Наутилуса» в целости и сохранности.

Я поместил редкое яйцо под стекло одной из витрин музея. Затем с аппетитом поужинал превосходным куском тюленьей печени, напоминавшей по вкусу свинину. После чего лег спать, мысленно взывая, по примеру индусов, к милости лучезарного светила.

На следующий день, 21 марта, едва склянки пробили пять утра, я поднялся на палубу. Капитан Немо уже был там.

— Погода немного проясняется, — сказал он. — Я не теряю надежды. После завтрака мы отправимся на берег, чтобы выбрать место для наблюдения.

Условившись с капитаном, я пошел искать Нед Ленда, планируя взять его с собой. Но упрямый канадец отказался; я не мог не заметить, что с каждым днем он становится все более мрачным и раздражительным. Впрочем, в сложившихся обстоятельствах его отказ меня нисколько не расстроил. Право же, здесь было слишком много тюленей — не стоило ввергать этого страстного

рыбака и охотника в такое искушение.

Покончив с завтраком, я отправился на сушу. За ночь «Наутилус» продвинулся еще на несколько миль к югу. Он стоял на рейде примерно в одном лье от берега, над которым возвышался горный пик. Помимо меня в шлюпке находились капитан Немо, два члена команды и измерительные приборы: хронометр, подзорная труба и барометр.

Пока мы плыли к берегу, я видел множество китов, причем трех видов, свойственных антарктическим морям, а именно: не имеющий спинного плавника южный кит, или right-whale, как его называют англичане, горбатый кит из семейства полосатиковых, с продольными бороздами на брюхе и очень длинными грудными плавниками беловатого оттенка, похожими на крылья, а также fin whale[195] желтовато-коричневого цвета, самый быстрый из китообразных. Это могучее животное можно услышать издалека, когда оно выбрасывает на огромную высоту столбы воздуха и пара, напоминающие дымовые

[195] Сноски: 195

Англ. — финвал, или сельдяной кит, или обыкновенный полосатик, или сельдяной полосатик, или настоящий полосатик, — вид китов из семейства полосатиковых. Является близким родственником синего кита и вторым по величине животным планеты.

вихри. Целые стада гигантских млекопитающих резвились в безмятежных водах — очевидно, полярный бассейн Антарктики служил убежищем для всех китообразных, нещадно истребляемых охотниками.

Также я заметил длинные белесые вереницы сальпов — свободноплавающих моллюсков, которые объединяются в большие колонии, — и огромных медуз, что колыхались на волнах.

В девять часов мы причалили к берегу. Небо прояснилось. Облака убежали за южный горизонт. Туман над ледяной водой развеялся. Капитан Немо направился к вершине горы, которую, очевидно, выбрал в качестве наблюдательного пункта. Это было опасное восхождение: приходилось карабкаться по острым обломкам пемзы и застывшей лавы, то и дело вдыхая зловонные сернистые испарения. Для человека, давно отвыкшего ступать по земле, капитан обладал удивительным проворством, какому позавидовал бы любой охотник на серн, и с легкостью взбирался на самые крутые склоны. Я едва за ним поспевал.

Спустя два часа мы взошли на вершину горы по уступам скалы из порфира и базальта. Перед нами расстилалось открытое море — до самой

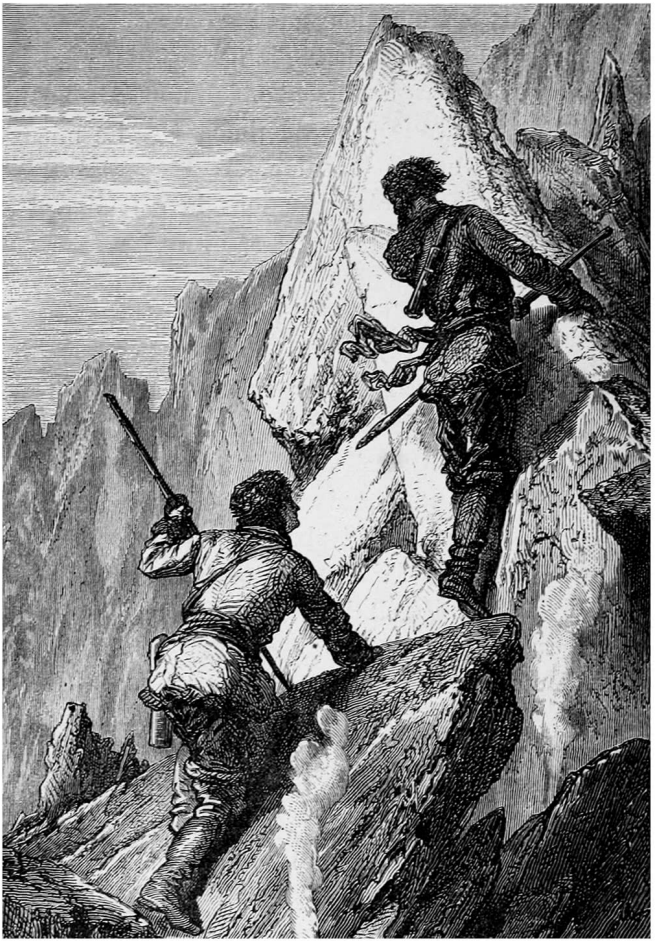
линии горизонта, резко очерченной с северной стороны кромкой сплошных льдов. Внизу — поля слепящей белизны. Над головой — безоблачная лазурь. На севере — диск солнца, похожий на огненный шар, срезанный лезвием горизонта. Из водных глубин вздымались сотни восхитительных фонтанов. Вдалеке, словно спящий кит, покачивался на волнах «Наутилус». Позади, на юге и на востоке, раскинулся огромный материк, хаотичное нагромождение льдин и камней без конца и края.

Взобравшись на вершину горного пика, капитан Немо тщательно измерил его высоту с помощью барометра, чтобы потом использовать эту величину при расчетах.

Без четверти двенадцать полуденное солнце, которое мы видели только благодаря рефракции, поднялось над водой, в последний раз озарив лучами пустынный материк, омываемый водами, которые не бороздило еще ни одно судно.

Вооружившись подзорной трубой с зеркалом, позволяющим скорректировать преломление лучей, капитан Немо наблюдал за светилом. Солнце постепенно уходило за горизонт, описывая по диагонали очень длинную дугу. Я держал в руках хронометр. Мое сердце выпрыгивало

из груди. Если в полдень солнечный диск скроется ровно наполовину, значит, мы на Южном полюсе.



Это было опасное восхождение.

— Полдень! — воскликнул я.

— Южный полюс! — торжественно сказал капитан Немо, передавая мне подзорную трубу.

Я взглянул и отчетливо увидел дневное светило, разделенное линией горизонта на две равные половины.

Последние лучи солнца еще золотили вершину горы, а ее склоны уже погружались во мрак.

И тут капитан Немо сказал, положив руку мне на плечо:

— В тысяча шестисотом году голландец Герритс попал в шторм, и его отнесло течением к шестьдесят четвертой параллели южной широты, в результате чего он открыл Южные Шетландские острова. В тысяча семьсот семьдесят третьем году, семнадцатого января, прославленный Джеймс Кук, двигаясь вдоль тридцать восьмого меридиана, дошел до шестьдесят седьмого градуса тридцать седьмой минуты широты, а в тысяча семьсот семьдесят четвертом году, тридцатого января, на сто девятом меридиане он достиг семьдесят первого градуса пятнадцатой минуты широты. В тысяча восемьсот девятнадцатом году русский мореплаватель Беллинсгаузен смог дойти до шестьдесят девятой параллели, а в тысяча

восемьсот двадцать первом году — до шестьдесят шестой под сто одиннадцатым градусом западной долготы. В тысяча восемьсот двадцатом году англичанин Брансфилд достиг шестьдесят пятого градуса. В тот же год американец Моррел, рассказы которого не всегда правдивы, поднимаясь по сорок второму меридиану, обнаружил открытое море на семидесятым градусом четырнадцатой минутой широты. В тысяча восемьсот двадцать пятом году англичанин Пауэлл не смог преодолеть шестьдесят вторую параллель. В тот же год англичанин Уэддел, обычный охотник на тюленей, поднялся до семьдесят второго градуса четырнадцатой минуты широты по тридцать пятому меридиану и до семьдесят четвертого градуса пятнадцатой минуты широты по тридцать шестому. В тысяча восемьсот двадцать девятом году англичанин Форстер, капитан «Шантеклера», открыл антарктический материк на шестьдесят третьем градусе двадцать шестой минуте широты и на шестьдесят шестом градусе двадцать шестой минуте долготы. Первого февраля тысяча восемьсот тридцать первого года англичанин Биско открыл первого февраля Землю Эндерби на шестьдесят восьмом градусе пятидесятой минуте широты, пятого

февраля тысяча восемьсот тридцать второго года землю Аделаиды на шестьдесят седьмом градусе широты и двадцать первого февраля землю Грейама на шестьдесят четвертом градусе сорок пятой минуте широты. В тысяча восемьсот тридцать восьмом году француз Дюмон-Дюрвиль, оказавшись перед сплошными льдами на шестьдесят втором градусе пятьдесят седьмой минуте широты, открыл Землю Луи-Филиппа; два года спустя, двадцать первого января, он же открыл в другом районе Антарктики на шестьдесят шестом градусе тридцатой минуте южной широты Землю Адели, а еще через восемь дней, уже на шестьдесят четвертом градусе сороковой минуте широты — Берег Клари. В тысяча восемьсот тридцать восьмом году англичанин Уилкис продвинулся по сотому меридиану до шестьдесят девятой параллели. В тысяча восемьсот тридцать девятом году англичанин Баллени открыл Землю Сабрины на границе полярного круга. Наконец, двенадцатого января тысяча восемьсот сорок второго года, англичанин Джеймс Росс, командующий «Эребусом» и «Террором», открыл Землю Виктории на семьдесят шестом градусе пятьдесят шестой минуте широты и сто семьдесят первом градусе седьмой минуте долготы; два-

дцать третьего числа того же месяца он поднялся до семьдесят четвертой параллели — дальше, чем кто-либо до него; двадцать седьмого числа он достиг семьдесят шестого градуса восьмой минуты; двадцать восьмого числа — семьдесят седьмого градуса тридцать второй минуты; второго февраля — семьдесят восьмого градуса четвертой минуты. В тысяча восемьсот сорок втором году он вернулся в Антарктику, но так и не сумел пройти дальше семьдесят первой параллели. Я, капитан Немо, в этот самый день, двадцать первого марта тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года, достиг Южного полюса на девяностом градусе широты и заявляю права на эту часть земного шара, равную по площади одной шестой всех известных материков.

— И чьим именем вы ее назовете, капитан?

— Моим собственным, профессор!

С этими словами капитан Немо развернул черный флаг с вышитой золотыми нитками буквой N на полотне и повернулся к дневному светилу, последние лучи которого ласкали волны у самого горизонта.

— Прощай, солнце! — воскликнул он. — Скройся, сияющая звезда! Усни на долгие шесть месяцев под толщей этих вод и позволь ночи слушать

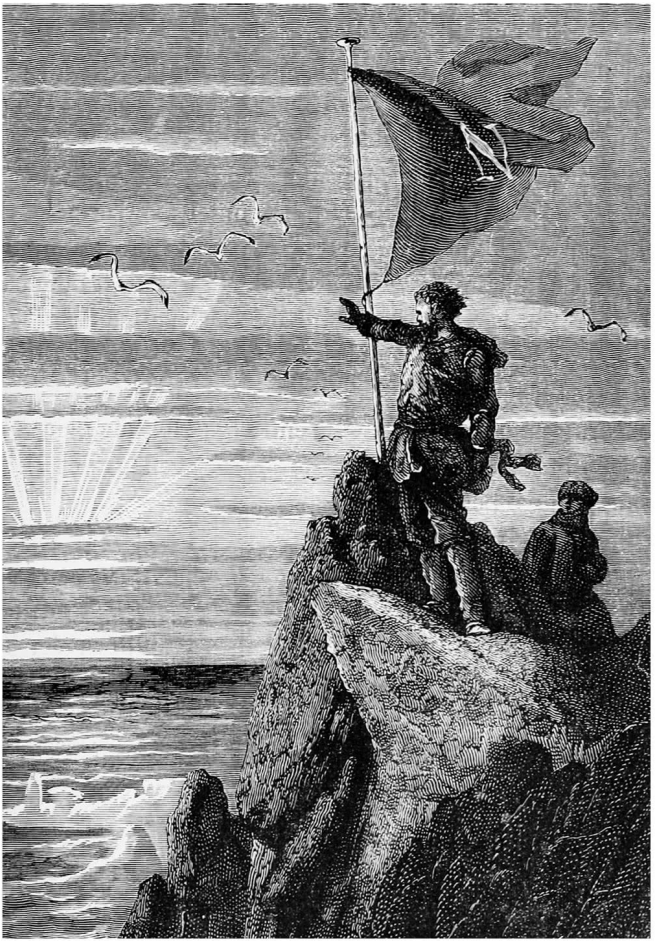
шепот ее теней над моими новыми владениями!

Глава пятнадцатая
Досадная случайность или несчастный случай?

На следующий день, 22 марта, в шесть часов утра начались приготовления к отплытию. Сумерки растаяли в ночи, мороз усилился. Созвездия сверкали с удивительной яркостью. Над головой сиял восхитительный Южный Крест — полярная звезда Антарктики.

Термометр показывал двенадцать градусов ниже нуля, и порывы холодного ветра пронизывали насквозь. На поверхности воды множились льдины. Море всюду сдавало свои позиции. Тут и там чернели полупрозрачные заплатки, предвещая появление молодого льда. Очевидно, бассейн Южного полюса замерзал на долгие шесть месяцев зимы, становясь совершенно непроходимым. Что происходило с китами в этот период? Разумеется, они ныряли под ледник и отправлялись на поиски более удобных морей. Однако тюлени и моржи, привыкшие к самым суровым климатическим условиям, не покидали скованных льдом побережий. Следуя врожденному инстинк-

ту, эти животные пробивают в ледовых полях полыньи, не давая им снова затянуться. Именно к таким полыньям они приплывают, чтобы подышать, и когда птицы с наступлением холодов мигрируют к северу, тюлени и моржи остаются единственными хозяевами южнополярного континента.



— Прощай, солнце! — воскликнул он.

Тем временем резервуары «Наутилуса» заполнились водой, и корабль начал медленно погружаться. На глубине в тысячу футов он остановился. А затем, взрезая толщу воды винтом, двинулся прямо на север со скоростью пятнадцать миль в час. К вечеру он уже плыл под гигантским панцирем ледника.

Из предосторожности окна салона были закрыты ставнями, так как «Наутилус» мог случайную напороться на какую-нибудь ледяную глыбу. Поэтому я провел этот день, переписывая набело свои заметки. Воспоминания о полюсе целиком захватили мой разум. Мы достигли этой неприступной точки — без риска, без утомления, словно наш плавучий вагон скользил по рельсам подводной железной дороги. И вот мы тронулись в обратный путь. Ждут ли меня новые удивительные неожиданности? Я в этом не сомневался — ведь чудеса морских глубин неисчерпаемы! С тех пор, как пять с половиной месяцев назад судьба забросила нас на борт «Наутилуса», мы прошли четырнадцать тысяч лье — больше, чем протяженность земного экватора! Сколько приключений, и страшных, и любопытных разнообразили наше путешествие: охота

в лесах Креспо, коварные рифы в проливе Торреса, коралловое кладбище, жемчужные отмели Цейлона, Аравийский туннель, огни Санторина, сокровища бухты Виго, Атлантида, Южный полюс! По ночам все эти воспоминания приходили ко мне во снах, ни на минуту не оставляя мой ум в покое.

В три часа ночи я проснулся от мощного толчка. Я сидел на кровати в кромешной тьме и прислушивался, как вдруг меня отбросило на середину каюты. Очевидно, «Наутилус» дал сильный крен после столкновения с каким-то препятствием.

Держась за стены, я пробрался узкими коридорами до салона, озаренного льющимся с потолка электрическим светом. Вся мебель опрокинулась. К счастью, надежно прикрученные к полу витрины устояли. Картины, висевшие по правому борту, отклонились по вертикальной линии и плотно прилегли к гобеленам, а картины по левому борту отошли нижним краем от стенки на добрый фут. Стало быть, «Наутилус» завалился на правый борт и замер.

До меня доносился шум шагов и неясные голоса. Однако капитан Немо так и не появился. Я уже собирался покинуть салон, когда вошли Нед Ленд и Консель.

— Что произошло? — спросил я у них.

— Я как раз хотел спросить у господина, — ответил Консель.

— Тысяча чертей! — проревел канадец. — Уж я-то знаю, в чем дело! «Наутилус» на что-то напоролся и сел на мель. Но, судя по углу крена, едва ли выберется так же легко, как тогда, в Торресовом проливе.

— Он хотя бы успел всплыть на поверхность? — спросил я.

— Мы не знаем, — ответил Консель.

— Это легко проверить, — сказал я.

И глянул на манометр. К моему огромному удивлению, прибор показывал, что мы находимся на глубине трехсот шестидесяти метров.

— Надо спросить у капитана Немо, — заявил Консель.

— Да кто ж знает, где его черти носят? — пожал плечами Нед Ленд.

— Идите за мной, — сказал я своим товарищам.

Мы вышли из салона. В библиотеке — ни души. На центральной лестнице, в кают-компании — никого. Я предположил, что капитан Немо находится в штурманской рубке. Самое лучшее было подождать. Мы все трое вернулись в салон.

Я обойду молчанием гневные сетования канадца. Он всегда отличался вспыльчивым нравом. Ничего не отвечая, я позволил ему свободно изливать недовольство.

Мы просидели так двадцать минут, пытаясь уловить малейшие звуки, раздававшиеся на борту «Наутилуса», когда на пороге появился капитан Немо. Похоже, он нас не заметил. Его лицо, обычно столь непроницаемое, выражало некоторое беспокойство. Он молча посмотрел на компас, на манометр, а затем приложил палец к тому месту на карте полушарий, где изображались южные полярные моря.

Я не хотел ему мешать. Однако пару мгновений спустя, когда он ко мне обернулся, не преминул спросить, памятуя о проливе Торреса:

— Досадная случайность, капитан?

— Нет, сударь, — ответил он. — На этот раз — несчастный случай.

— Серьезный?

— Возможно.

— Что-то срочно требуется предпринять?

— Нет.

— «Наутилус» сел на мель?

— Да.

— И из-за чего это произошло?

— Из-за каприза природы. Экипаж здесь ни при чем. Мы не допустили ни единой ошибки во время маневров. Но не в наших силах помешать действию закона равновесия. Можно игнорировать человеческие законы, однако противостоять силам природы не дано никому.

Сейчас, разумеется, самое время пускаться в философские рассуждения! В сущности, его ответ так ничего и не прояснил.

— Сударь, могу я узнать причину несчастного случая? — спросил я.

— Перевернулась огромная ледяная глыба величиной с гору, — ответил он. — Когда основание айсбергов подтачивается теплыми слоями воды или многократными ударами о другие льдины, его центр тяжести смещается. И тогда ледяные горы переворачиваются со всего маху, делая кувырок. Вот что произошло. Одна из глыб, перевернувшись, задела «Наутилус», который шел на глубине. Затем скользнула ему под корпус, приподняла и с неодолимой силой вытолкнула в менее плотные слои воды, где он теперь и лежит, накренившись на бок.

— Разве нельзя снять «Наутилус» с мели, опорожнив резервуары, чтобы вернуть ему равновесие?

— Именно этим мы сейчас и занимаемся, профессор. Слышите, как работают насосы? Взгляните на стрелку манометра. Она показывает, что «Наутилус» поднимается, но ледяная глыба поднимается вместе с ним, и пока какое-нибудь препятствие не остановит ее восходящее движение, мы не тронемся с места.

И действительно, «Наутилус» по-прежнему кренился на правый борт. Несомненно, он вернулся бы в исходное положение, если бы айсберг остановился. Ну а пока — как знать, не ударимся ли мы снизу о ледник? Не окажемся ли по воле рока зажаты меж двух ледовых массивов?

Я размышлял обо всех возможных последствиях такого поворота событий. Тем временем капитан Немо не сводил глаз с манометра. С того момента, как айсберг обрушился, «Наутилус» поднялся примерно на сто пятьдесят футов, оставаясь под тем же углом крена.

Неожиданно мы ощутили легкое движение корпуса. Очевидно, «Наутилус» начал выравниваться. Висевшие в салоне предметы мало-помалу принимали нормальное положение, а стены приближались к вертикали. Никто из нас не проронил ни слова. С замиранием сердца мы видели, мы чувствовали, как судно медленно возвраща-

ется в прежнее положение. Пол вновь становился горизонтальным. Так прошло десять минут.

— Наконец-то мы выпрямились! — воскликнул я.

— Да, — сказал капитан Немо, направляясь к двери.

— Но удастся ли нам всплыть? — спросил я его.

— Разумеется, — ответил капитан. — Как только резервуары сольют лишнюю воду, «Наутилус» поднимется на поверхность океана.

Капитан вышел, и вскоре по его приказу «Наутилус» прекратил восходящее движение — иначе судно могло вскоре удариться о нижнюю часть ледника. Куда благоразумнее было держаться в слое воды меж двух льдов.

— Нам здорово повезло! — сказал Консель.

— Да. Ледяные глыбы могли нас попросту раздавить или сделать своими пленниками. И тогда, лишившись доступа к свежему воздуху… Так что да! Нам здорово повезло!

— А что если это еще не конец? — пробормотал Нед Ленд.

Я не хотел вступать с канадцем в бессмысленный спор, поэтому оставил его вопрос без ответа. К тому же ставни на окнах раздвинулись, и в салон проник свет извне.

Как я и предполагал, мы находились в толще воды; однако слева и справа от «Наутилуса», в десяти метрах от бортов, высилась сверкающая ледяная стена. Та же стена шла внизу и вверху. Вверху, словно бескрайний потолок, тянулась нижняя поверхность ледника. Внизу белел перевернувшийся айсберг — понемногу сползая, он уперся в боковые стенки, которые удерживали его в этом положении. «Наутилус» оказался в настоящем ледяном туннеле шириной в двадцать метров, заполненном неподвижной водой. Таким образом, он мог легко выбраться наружу, двигаясь вперед или назад, чтобы потом, опустившись на несколько сотен метров, отыскать проход подо льдами.

Светящийся потолок погас, однако в салоне было на удивление светло. И все благодаря отражающей способности льда: стены туннеля с неистовой силой отбрасывали внутрь «Наутилуса» яркий свет его фонаря. Попадая на огромные, причудливо выкроенные глыбы, электрические лучи производили неописуемый эффект: каждый угол, каждая грань, каждая неровность сияли разноцветными переливами, в зависимости от характера льдин. Мы словно попали в ослепительный рудник самоцветов, в особенности

сапфиров, чьи синие лучи сливались с зеленым блеском изумрудов. Тут и там среди сверкающих алмазных россыпей мерцали искорки опалов самых нежных оттенков. Глаза не выносили столь яркого сияния! Осветительная мощь прожектора усиливалась стократно, подобно свету лампы сквозь чичевицевидные стекла маяка.

— О, как красиво! Как красиво! — восторгался Консель.

— Да! — кивнул я. — Удивительное зрелище. Вы согласны, Нед?

— Еще бы, черт побери! — воскликнул Нед Ленд. — Просто восхитительно! Хоть я и злюсь, что вынужден это признать! Я никогда не видел ничего подобного! Однако это удивительное зрелище может дорого нам обойтись. Если уж говорить начистоту, то, сдается мне, Господь Бог хотел скрыть все эти чудеса от человеческих глаз!

Нед был прав. Это было слишком красиво. Внезапный крик Конселя заставил меня обернуться.

— Что случилось? — спросил я.

— Пусть господин зажмурится! Пусть не смотрит туда! — сказал Консель, плотно прижимая ладони к глазам.

— Да что с тобой, Консель?

— Я ослеп! Я ничего не вижу!

Мой взгляд невольно обратился к окну, но льющийся снаружи поток света оказался непереносимым.

Я понял, что произошло. «Наутилус» увеличил скорость. И тогда сверкающие на ледяных стенах искры превратились в ослепительно-яркие полосы. Огни бесчисленных алмазов слились воедино. «Наутилус», подталкиваемый своим винтом, мчался словно в трубе из молний.

Ставни задвинулись. Мы не отнимали ладоней от пострадавших глаз: пульсирующие световые круги плясали у нас на сетчатке, как бывает, когда посмотришь на солнце. Прошло немало времени, прежде чем зрение восстановилось.

Наконец мы опустили руки.

— Ей-богу, никогда бы не поверил, что такое возможно! — сказал Консель.

— А я и сейчас не верю! — подал голос канадец.

— Когда мы вернемся на землю, — добавил Консель, — увидав столько чудес природы, какими жалкими и ничтожными, верно, покажутся нам ее континенты и все, что создано рукой человека! Нет! Цивилизованный мир нас больше не достоин!

Столь пылкие слова из уст невозмутимого фламандца ясно показывают степень нашего восторга. Хотя канадец не обошелся без ложки дегтя.

— Цивилизованный мир! — усмехнулся он, качая головой. — Можете быть спокойны, дружище Консель, мы туда уже все равно не вернемся!

Было пять часов утра, когда внезапный удар сотряс носовую часть корабля. Я догадался, что «Наутилус» задел тараном ледяную глыбу. Очевидно, это произошло из-за ошибки маневрирования — не так-то просто управлять судном в загроможденном льдами подводном туннеле! Вероятно, ежеминутно меняя курс, капитан Немо обходил препятствия или следовал излучинам туннеля. В любом случае, вряд ли что-то могло серьезно помешать его продвижению. Однако вопреки моим ожиданиям, «Наутилус» вдруг дал задний ход.

— Мы пятимся назад? — спросил Консель.

— Да, — ответил я. — Видимо, с этой стороны туннель не имеет выхода.

— И что теперь?..

— Теперь, — сказал я, — нам ничего не остается, кроме как повернуть назад и выйти через южное отверстие. Только и всего.

Говоря так, я старался казаться более уверенным, чем на самом деле. Между тем винт «Наутилуса» все быстрее вращался в обратную сторону, стремительно увлекая нас с собой.

— Но тогда мы опоздаем! — сказал Нед.

— Пара часов роли не сыграют. Только бы выбраться!

— Да, только бы выбраться! — повторил Нед Ленд.

В течение нескольких минут я мерил шагами пространство между салоном и библиотекой. Мои товарищи сидели молча. Вскоре я тоже сел на диван, взял первую попавшуюся книгу и попытался читать, машинально пробегая строчки глазами.

Спустя четверть часа Консель подошел ко мне и спросил:

— Господину нравится эта книга?

— Да, очень интересная, — ответил я.

— Я так и думал. Ведь господин читает книгу, написанную им самим!

— Так это моя книга?

И действительно, я держал в руках свою собственную монографию «Тайны морских глубин». А я и не заметил! Захлопнув книгу, я снова принялся ходить по комнате. Нед с Конселем

поднялись, чтобы уйти к себе.

— Не уходите, друзья! — удержал я их. — Останемся вместе, пока не выберемся из этой ловушки!

— Как господин пожелает, — ответил Консель.

Прошло еще несколько часов. Я то и дело бросал взгляд на висевшие на стенах приборы. Манометр показывал, что «Наутилус» неизменно держится на глубине трехсот метров, компас — что он продолжает двигаться на юг, а лаг — что он идет со скоростью двадцати миль в час, чрезмерной для столь тесного пространства. Однако капитан Немо знал, что промедление смерти подобно и что каждая минута на счету.

В восемь часов двадцать пять минут последовал второй удар. На этот раз по корме. Мои товарищи подошли ко мне. Я схватил Конселя за руку. Мы обменялись вопросительными взглядами, которые куда яснее слов выражали наши мысли.

И тут на пороге появился капитан. Я бросился к нему.

— Путь на юг тоже отрезан? — спросил я.

— Да, сударь. Перевернувшись, айсберг заблокировал все выходы.

— Мы заперты?

— Да.

Глава шестнадцатая
Недостаток воздуха

Итак, сверху, снизу, со всех сторон «Наутилус» был окружен непроницаемыми ледяными стенами. Мы стали пленниками льдов! Канадец стукнул по столу своим огромным кулачищем. Консель молчал. Я смотрел на капитана. Его лицо вновь обрело привычную непроницаемость. Он стоял, скрестив руки на груди. Он что-то обдумывал. «Наутилус» не двигался.

Наконец капитан спокойно произнес:

— Господа! В нашем положении мы можем умереть двумя способами.

Этот непостижимый человек говорил с видом профессора математики, объясняющего ученикам новую тему.

— Первый, — продолжал он, — быть раздавленными. Второй — умереть от недостатка воздуха. Зато голодная смерть нам точно не грозит, так как запасы провианта явно нас переживут. Поэтому предлагаю рассмотреть лишь две вероятности: расплющиться или задохнуться.

— Что касается вероятности задохнуться, —

заметил я, — то здесь нам нечего опасаться, поскольку воздушные резервуары «Наутилуса» до отказа заполнены свежим воздухом.

— Так-то оно так, — ответил капитан Немо, — только хватит его всего на двое суток. Однако мы находимся под водой уже тридцать два часа, и воздух на борту «Наутилуса» давно следует обновить. Через сорок восемь часов запасы воздуха иссякнут.

— Тогда, капитан, давайте выбираться раньше двух суток!

— По крайней мере, мы попытаемся это сделать, пробив ледяную стену.

— С какой стороны? — спросил я.

— Это нам подскажет зонд. Я посажу «Наутилус» на нижнюю ледовую отмель, а мои люди, надев скафандры, пробьют стену льда в самой тонкой ее части.

— Можно ли будет раздвинуть ставни на окнах салона?

— Разумеется. Мы ведь теперь не находимся в движении.

Капитан Немо вышел. Вскоре по характерному свисту я догадался, что резервуары заполняются водой. «Наутилус» медленно опустился на ледяное дно, уйдя вниз на триста пятьдесят

метров — именно на эту глубину погрузился затонувший айсберг.

— Друзья! — сказал я. — Положение очень серьезное, но я рассчитываю на вашу смелость и энергию.

— Сударь! — ответил канадец. — Не стану утомлять вас своими упреками в такую минуту. Я готов сделать что угодно ради всеобщего спасения!

— Спасибо, Нед, — произнес я, протягивая канадцу руку.

— Хотел бы добавить, — продолжил он, — что владею киркой не хуже, чем гарпуном, и если я могу быть чем-то полезен капитану, то я в его полном расположении.

— Думаю, он не откажется от вашей помощи. Идемте, Нед!

Я проводил канадца в комнату, где члены экипажа «Наутилуса» переодевались в скафандры. Я рассказал капитану о предложении Неда, и оно было принято. Канадец облачился в водолазный костюм и вскоре присоединился к своим товарищам по работе. На спине у каждого из них висел аппарат Рукейроля, в резервуарах которого содержалось большое количество чистого воздуха — существенное, но необходимое заим-

ствование из запасов «Наутилуса». Что касается ламп Румкорфа, то в этих сияющих водах, пронизанных электрическими лучами, они были не нужны.

Как только Нед оделся, я поспешил вернуться в салон, где ставни уже были раздвинуты, и, встав рядом с Конселем, принялся разглядывать окружающие «Наутилус» льды.

Несколько мгновений спустя мы увидели, как двенадцать человек экипажа выходят на ледяную отмель, и среди них — Нед Ленд, легко узнаваемый по высокому росту. Капитан Немо был с ними.

Прежде чем начать крушить ледяную глыбу, он приказал замерить ее толщину, чтобы выбрать направление, в котором следовало продвигаться. Длинные зонды вколачивали в боковые стенки, но даже на пятнадцатиметровой глубине они упирались в непробиваемый лед. Браться за потолок было затеей бессмысленной, поскольку наверху располагался массив сплошных льдов, уходящий на четыреста метров. Тогда капитан Немо распорядился проверить, насколько податлив пол. Оказалось, что внизу нас отделяет от воды лишь десять метров. Такова была толщина айсберга. Значит, нам предстояло вырезать

из него кусок, по площади равный площади «Наутилуса». И чтобы опуститься ниже ледяного поля, нужно было продолбить в нем огромную дыру, а для этого вынуть примерно шесть с половиной тысяч кубических метров льда.

К работе приступили немедленно и вели ее с неутомимым упорством. Вместо того чтобы разбивать лед вокруг «Наутилуса», что потребовало бы куда больше усилий, капитан Немо приказал наметить огромную канаву со стороны левого борта, в восьми метрах от кормы. Затем его люди принялись буравить ее по окружности в нескольких местах одновременно. Острые кирки энергично вгрызались в плотную массу льда, откалывая от нее крупные глыбы. Из-за необычного эффекта, вызванного разницей в удельном весе, эти глыбы, оказавшиеся легче воды, «взлетали» к сводам туннеля, который из-за этого становился все толще сверху и все тоньше снизу на ту же величину. Но это не имело значения, раз нижняя поверхность постепенно истончалась.

Через два часа упорной работы вернулся изнуренный Нед Ленд. Их с товарищами сменила новая группа работников, к которым присоединились и мы с Конселем. Руководил нашим отрядом старший помощник «Наутилуса».

Вода показалась мне необычайно холодной, но я быстро согрелся, орудуя киркой. Двигаться было легко, несмотря на давление в тридцать атмосфер.

Когда я вернулся на борт после двух часов работы, чтобы немного подкрепиться и перевести дух, то сразу заметил, что воздух в аппарате Рукейроля существенно отличается от перенасыщенной углекислым газом атмосферы внутри «Наутилуса». Воздух не обновлялся уже двадцать восемь часов, и его животворные свойства значительно ухудшились. Между тем за прошедшие двенадцать часов мы смогли отколоть от намеченной площади лишь один пласт льда в метр толщиной, то есть около шестисот кубических метров в объеме. Если так пойдет и дальше, то нам понадобится еще пять ночей и четыре дня, чтобы осуществить задуманное.

— Пять ночей и четыре дня! — сказал я своим товарищам. — Однако запасов воздуха в резервуарах «Наутилуса» хватит всего на двое суток!

— Не говоря уже о том, — добавил Нед, — что, как только мы выберемся из этой треклятой тюрьмы, то сразу же попадем в новый плен, оказавшись под ледником без доступа к свежему воздуху!

Канадец был прав. Неизвестно, сколько времени нам понадобится для освобождения. Не задохнемся ли мы от недостатка кислорода, прежде чем «Наутилус» всплывет на поверхность? Что если ему суждено сгинуть в этой ледяной гробнице вместе со всеми, кто находится на борту? Опасность казалась смертельной. Но все мы смотрели ей прямо в глаза, и все собирались исполнить свой долг до конца.

Как я и предполагал, за ночь удалось отколоть от гигантского оврага еще одну ледяную глыбу метровой толщины. Но утром, когда я, надев скафандр, вышел наружу и оказался в воде, температура которой достигала шести-семи градусов ниже нуля[196], то заметил, что боковые стены начали постепенно сближаться. Водные слои, находившиеся далеко от ямы, начинали замерзать, так как не разогревались от присутствия людей и работы инструментов. Что станет с нашими надеждами на спасение перед лицом этой новой неотвратимой опасности? Как помешать превращению жидкой среды в твердую, которая грозила раздавить корпус «Наутилуса», словно яичную скорлупу?

---

[196] Сноски: 196

Фантастическое допущение (на самом деле морская вода замерзает при температуре около –1,8 °C).

Я ничего не сказал товарищам о новой угрозе. К чему охлаждать их пыл? Уж лучше пусть они используют его на изнурительную работу во имя спасения. Однако, вернувшись на борт, я сообщил об этом серьезном положении капитану Немо.

— Знаю, — ответил он спокойным тоном, который не изменял ему даже в самых трагичных обстоятельствах. — Теперь у нас еще одной угрозой больше. Однако я пока не вижу способа ее устранить. Единственная возможность для спасения — работать быстрее, чем замерзает вода. Прийти первыми. Только и всего.

Прийти первыми! Пора бы мне уже привыкнуть к его своеобразной манере изъясняться!

В тот день, на протяжении долгих часов, я без устали орудовал киркой. Работа не давала мне пасть духом. К тому же работать — значило покинуть на время «Наутилус», дышать свежим воздухом, позаимствованным из резервуаров и поступающим в легкие из аппаратов у нас за спиной. Это значило вырваться из спертой, отравленной атмосферы.

Боковые стены начали постепенно сближаться.

К вечеру яма стала еще на один метр глубже. Когда я вернулся на борт, то чуть не задохнулся от перенасыщенного углекислотой воздуха. Эх! Как жаль, что у нас не было возможности устранить этот ядовитый газ химическим способом! Ведь недостатка в кислороде мы не испытывали. Значительное его количество содержалось в морской воде, и, выделенный из нее при помощи мощных батарей «Наутилуса», мог бы восстановить животворные свойства воздуха. Хорошенько поразмыслив, я отбросил эту идею. Какой смысл? Углекислый газ, производимый нашими легкими, заполнял все внутреннее пространство корабля. Чтобы его поглощать, пришлось бы наполнить емкости батарей гидроксидом калия и заставить их работать беспрерывно. Однако гидроксида калия на борту не было, а никакое другое вещество не могло его заменить.

В тот вечер капитан Немо был вынужден открыть все краны резервуаров и впустить несколько струй чистого воздуха внутрь «Наутилуса». Иначе мы не дожили бы до утра.

На следующий день, 26 марта, я возобновил работу на ледовом руднике, приступив к разра-

ботке пятого метрового пласта. Стены и нижняя поверхность ледника заметно утолщились. Стало очевидно, что они сомкнутся, прежде чем «Наутилус» выберется из западни. На миг меня охватило отчаяние. Я едва не выронил кирку из рук. Зачем стараться, если нам суждено задохнуться или быть раздавленными этой водой, которая на глазах превращалась в камень! Даже кровожадные дикари не сумели бы изобрести такую пытку! Мне казалось, что я нахожусь в пасти огромного чудовища, готового сжать свои жуткие челюсти.

В этот момент мимо проходил капитан Немо, руководивший работами и сам принимавший в них участие. Я коснулся его руки и показал на стены нашей тюрьмы. Стена напротив левого борта приблизилась к корпусу «Наутилуса» по меньшей мере на четыре метра.

Капитан понял, что я хочу сказать, и сделал знак следовать за ним. Мы вернулись на борт. Сняв скафандры, мы прошли в салон.

— Господин Аронакс, — заговорил он, — нам нужно предпринять нечто героическое, иначе мы окажемся замурованными в этой отвердевшей воде, словно в цементе.

— Согласен, — кивнул я. — Но что мы можем

сделать?

— Эх, знать бы наверняка, выдержит ли мой «Наутилус» такое давление! — воскликнул капитан.

— И что тогда? — спросил я, не догадываясь, к чему он клонит.

— Неужели вы не понимаете, — продолжил он, — что замерзание воды нам только на руку? Неужели не видите, что, застывая, она могла бы разрушить пленившие нас ледяные поля — как лед порой раскалывает самые твердые камни? Неужели не чувствуете, что она могла бы стать средством спасения, а не разрушения?

— Возможно, вы правы, капитан. Однако несмотря на всю свою прочность, корпус «Наутилуса» не сумел бы противостоять такому чудовищному давлению и расплющился бы, как лист железа.

— И я это понимаю, сударь. Поэтому мы должны не ждать милостей от природы, а рассчитывать на себя. Нужно противостоять этому отвердеванию. Нужно его остановить. Ведь не только стены грозят сомкнуться! Перед «Наутилусом» и позади него тоже остается не более десяти футов воды. Лед окружает нас со всех сторон.

— Надолго ли нам хватит запасов воздуха? —

спросил я.

Капитан посмотрел мне прямо в глаза.

— Послезавтра резервуары опустеют, — ответил он.

Меня прошиб холодный пот. Впрочем, чего еще стоило ожидать? Двадцать второго марта «Наутилус» погрузился в глубины полярного моря. Сейчас было двадцать шестое. Уже пять дней мы жили на корабельных запасах! Остатки пригодного для дыхания воздуха необходимо было сохранить для рабочих. Когда я пишу эти строки, воспоминания еще настолько свежи, что невольный ужас охватывает все мое существо, и мне кажется, будто легким не хватает воздуха!

Тем временем капитан Немо застыл в молчаливом раздумье. Очевидно, ему в голову пришла какая-то идея. Но он колебался. Спорил с самим с собой.

— Кипящая вода! — вырвалось у него наконец.

— Кипящая вода? — изумленно воскликнул я.

— Да, сударь. Мы застряли в довольно тесном пространстве. Если насосы «Наутилуса» будут постоянно выбрасывать наружу струи кипятка, разве это не повысит температуру воды за бортом и не остановит процесс ее замерзания?

— Стоит попытаться! — сказал я.

— Так давайте попытаемся, господин профессор.

Термометр показывал, что в тот момент внешняя температура опустилась до семи градусов ниже нуля. Капитан Немо привел меня на камбуз, где работали огромные дистилляционные аппараты, которые обеспечивали «Наутилус» питьевой водой посредством выпаривания. Они набирали воду, и погруженные в нее спирали гальванических элементов начинали раскаляться под воздействием электричества. Через несколько минут, нагревшись до ста градусов, эта вода устремлялась к насосам, в то время как на ее место поступали все новые порции воды. Гальванические батареи источали такой жар, что забранная из моря холодная вода, пройдя через аппарат, заливалась в насос уже кипящей.

Эксперимент начался, и спустя три часа температура снаружи повысилась до шести градусов. Мы отвоевали один градус! Еще через два часа вода прогрелась до четырех градусов ниже нуля.

— У нас получится! — сказал я капитану, внимательно понаблюдав за ходом опыта и убедившись, что идея сработала.

— Я тоже так думаю, — ответил он. — Нас не раздавят льды. Теперь нам грозит лишь уду-

шье.

За ночь температура поднялась до одного градуса ниже нуля. И больше уже не повышалась, хотя мы продолжали разбавлять окружающую воду кипятком. Но поскольку морская вода начинает замерзать только при понижении температуры до двух градусов, я наконец перестал беспокоиться, что нас раздавят льды.

На следующий день, 27 марта, глубина котлована составляла шесть метров. Оставалось извлечь еще четыре метра льда. Это означало сорок восемь часов непрерывной работы. Обновить воздух внутри «Наутилуса» было уже невозможно. С каждой минутой обстановка продолжала ухудшаться.

Я чувствовал невыносимую тяжесть в теле. К трем часам пополудни меня обуял безумный страх. От постоянной зевоты сводило челюсти. Дыхание стало частым и прерывистым: легкие безуспешно пытались уловить в разреженном воздухе необходимый для жизни кислород, содержание которого стремительно уменьшалось. Мной овладело полное душевное оцепенение. Я лежал пластом, почти теряя сознание. Верный Консель, испытывая те же симптомы и те же страдания, больше не покидал моего изголовья.

Он держал меня за руку и подбадривал. Выныривая из забытья, я слышал его шепот:

— Ах, если бы я мог перестать дышать, чтобы господину досталось больше воздуха!

Слезы наворачивались мне на глаза от таких его слов.

Находиться на борту стало невыносимо, зато с какой поспешностью, с каким ликованием мы облачались в скафандры, когда наступал наш черед работать! Кирки со звоном вгрызались в лед. Руки уставали, стертые в кровь ладони саднили, но мы не замечали ни усталости, ни боли! Живительный воздух поступал в наши легкие! Мы дышали! Дышали!

Однако ни один человек не продолжал работу дольше отведенного срока. Выполнив свою задачу, каждый из нас передавал резервуар товарищам, чтобы влить в них жизнь. Капитан Немо сам подавал пример, неукоснительно соблюдая установленный порядок. В назначенное время он уступал свой аппарат другому и возвращался в ядовитую атмосферу «Наутилуса» — всегда спокойный, не позволяющий себе ни слабости, ни жалоб.

В тот день привычная работа выполнялась с еще большим рвением. Когда мы закончили,

оставалось извлечь всего два метра льда. Всего два метра отделяли нас от свободной воды! Только вот запасы воздуха в резервуарах почти иссякли. Жалкие его остатки предназначались для работников. Ни единого атома для самого «Наутилуса»!

Вернувшись на борт, я уже почти задыхался. Какая ночь! Я не в силах ее описать. Подобные страдания невозможно выразить словами. На следующий день дышать стало еще тяжелее. К головным болям добавились мучительные головокружения, из-за которых я был словно пьяный. Мои товарищи испытывали те же страдания. Несколько человек из экипажа только хрипели.

В тот день, на шестые сутки ледового плена, капитан Немо, посчитав кирку и молоток слишком медленными орудиями, решил найти другой способ, чтобы проломить ледяной пласт, отделявший нас от воды. Этот человек неизменно сохранял и хладнокровие, и энергию. Благодаря своей силе духа он подавлял физические страдания. Он думал, анализировал и действовал.

По приказу капитана «Наутилус» приподняли с ледового ложа, избавив его от лишнего груза и изменив тем самым удельный вес. А когда

корабль всплыл, его подтянули канатами — так, чтобы он оказался аккурат над огромной ямой, контуры которой повторяли очертания ватерлинии. Как только водные резервуары достаточно наполнились, «Наутилус» опустился в прорубленную выемку.

В ту же минуту все члены экипажа вернулись на борт, плотно задраив двойные люки. Теперь «Наутилус» покоился на метровом слое льда, в котором мы заранее пробурили тысячи отверстий.

Затем краны открыли до конца, и в резервуары хлынули сотни кубических метров воды, увеличивая вес «Наутилуса» на сто тысяч килограммов.

Мы ждали, мы прислушивались, забыв о страданиях и отчаянно надеясь. Мы разыграли последнюю карту своего спасения.

Несмотря на пронзительный звон в ушах, я отчетливо слышал доносившийся из-под киля скрежет. Судно будто стало проседать. Лед раскалывался с необычным треском, напоминавшим звук рвущейся бумаги, и «Наутилус» заскользил вниз.

— Проходим! — шепнул Консель мне на ухо.

Я был не в силах ответить. Я лишь схватил его руку и судорожно сжал ее.

Вдруг, увлекаемый собственным весом, Наутилус ухнул под воду со скоростью пушечного ядра, словно находился не в толще воды, а в вакууме!

Задействовав всю мощь электричества, насосы тут же принялись откачивать воду из резервуаров. Через несколько минут падение удалось остановить. Вскоре, судя по показаниям манометра, мы даже начали снова двигаться вверх. Весь корпус стальной махины до последнего болтика дрожал от бешеного вращения винта, который увлекал нас к северу.

Сколько еще предстояло нам плыть подо льдами до открытого моря? День? Но я до этого умру!

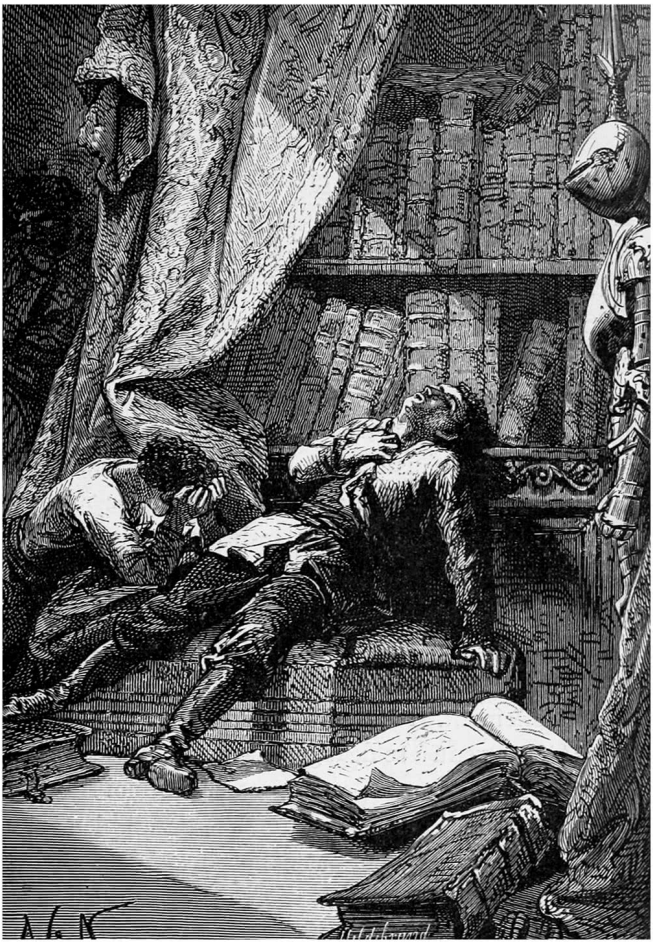
Полулежа на диване в библиотеке, я задыхался. Лицо мое стало лиловым, губы посинели, тело обмякло. Я больше ничего не видел и не слышал. Само понятие времени перестало для меня существовать. Мышцы потеряли способность сокращаться.

Не знаю, сколько часов провел я в таком состоянии. Но прекрасно осознавал, что агония уже близка. Я понял, что умираю…

Внезапно сознание ко мне вернулось. Несколько глотков свежего воздуха проникли в легкие. Неужели мы всплыли на поверхность? Неужели ледник остался позади?

Увы! Это были всего лишь Нед и Консель, два моих верных друга, которые решили спасти меня ценой собственной жизни. На дне дыхательного аппарата оставалось несколько молекул воздуха. Вместо того чтобы воспользоваться ими, они пожертвовали их мне. Задыхаясь, они вливали в меня жизнь капля по капле! Я хотел отпихнуть аппарат. Но они держали меня за руки, и в течение нескольких минут я жадно дышал.

Мой взгляд упал на стенные часы. Было одиннадцать утра. Наступило 28 марта. «Наутилус» шел с безумной скоростью в сорок миль в час. Он словно ввинчивался в толщу воды.



Полулежа на диване, я задыхался.

Где же капитан Немо? Жив ли он? Или погиб вместе со своими товарищами?

И тут манометр показал, что мы находимся всего в двадцати футах от поверхности. От спасительного воздуха нас отделяло лишь обычное ледяное поле. Сумеем ли мы его пробить?

А вдруг?!! В любом случае, «Наутилус» собирался это проверить. И действительно: я почувствовал, что корабль принял наклонное положение, опустив корму и задрав кверху форштевень. Для этого ему было достаточно наполнить водой часть резервуаров. Затем, подталкиваемый мощным винтом, он ударил айсберг снизу, словно гигантский таран. Проделав во льду небольшую трещину, он сдал назад, разогнался и на полном ходу врезался в ледяной покров, разорвав его. Наконец, вынесенный силой инерции из воды, «Наутилус» рухнул на лед, который тут же провалился под его весом.

Люк отворили, едва не сорвав его с петель, и поток свежего воздуха хлынул внутрь, заполняя собой все пространство.

Глава семнадцатая
От мыса Горн до Амазонки

Не помню, как очутился на палубе. Возможно, меня туда перенес канадец. Но я наконец дышал, я втягивал в себя живительный морской воздух. Рядом со мной упивались его освежающими молекулами оба моих товарища. Несчастным, которые слишком долго оставались без еды, нельзя сразу же набрасываться на пищу и поглощать ее в неумеренных количествах. Нам же, напротив, не было необходимости себя ограничивать — мы могли полной грудью вдыхать атомы окружающей атмосферы, наслаждаясь щедрыми потоками пьянящего бриза!

— Ах! — восклицал Консель. — Как прекрасен кислород! Пусть господин дышит вволю. Здесь на всех хватит!

Нед Ленд сидел молча, но как дышал! Рот открывал так широко, что любая акула вздрогнула бы от страха. Надо было видеть, как вздымается его грудь от глубоких шумных вдохов! Такой «тяге» позавидовала бы даже жарко натопленная печь.

Силы вернулись к нам очень быстро. Оглядев-

шись, я увидел, что на палубе, кроме нас, никого нет. Ни единого члена команды. Ни самого капитана Немо. Таинственные моряки «Наутилуса» довольствовались воздухом, циркулирующим внутри корабля. Никто из них не поднялся сюда, чтобы насладиться свежим морским бризом.

Вновь обретя дар речи, я прежде всего поблагодарил своих дорогих друзей. Нед и Консель поддерживали во мне жизнь на протяжении долгих часов агонии. Всей моей признательности не хватило бы, чтобы отплатить им за такую самоотверженность.

— Право же, господин профессор, не стоит об этом и говорить! — ответил Нед Ленд. — В чем здесь наша заслуга? Ни в чем. Это всего лишь вопрос арифметики. Ваша жизнь ценнее нашей. А значит, ее и нужно было сохранить.

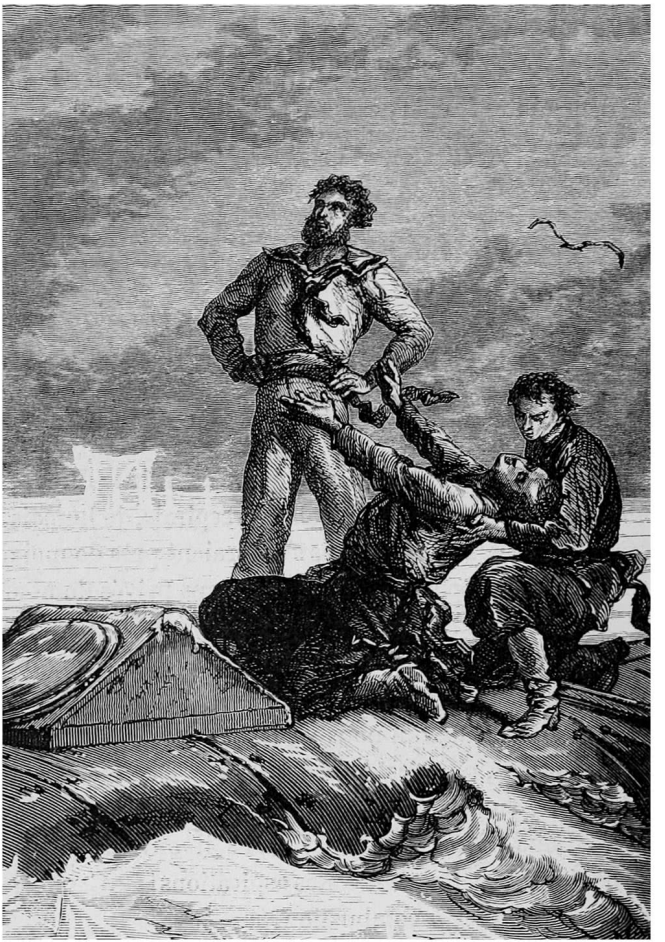
— Ничего подобного, Нед! — возразил я. — Ваши жизни не менее ценны! Лучшие люди — те, что наделены бескорыстием и добротой, а вы таковые и есть!

— Ладно, ладно! — повторял смущенный канадец.

— А ты, мой верный Консель? Ты, должно быть, ужасно страдал!

— Сказать по правде, не особенно. Конечно,

я бы не отказался тогда от пары глотков свежего воздуха, но, думаю, вполне мог бы и обойтись. К тому же, глядя на бесчувственного господина, я не испытывал ни малейшего желания дышать. Как говорится, у меня перехватило дыха…



Я дышал!

Смутившись, Консель осекся на полуслове, решив, очевидно, что перешел на банальности.

— Друзья мои! — взволнованно ответил я. — Теперь мы с вами навеки связаны неразрывными узами, и отныне вы имеете в отношении меня права…

— Которыми я не премину воспользоваться! — выпалил канадец.

— Что? — удивился Консель.

— Да! — продолжил Нед Ленд. — Я воспользуюсь правом взять вас с собой, когда буду покидать этот дьявольский «Наутилус».

— Кстати, — сказал Консель, — а сейчас мы идем в нужную сторону?

— Да, — ответил я. — Потому что мы идем в направлении солнца. А в здешних краях солнце — это север.

— Так и есть, — согласился Нед Ленд. — Осталось только выяснить, в какой из океанов мы вернулись — Тихий или Атлантический. Словом, какие нас ждут моря — судоходные или пустынные.

На этот вопрос я ответить не мог и в глубине души опасался, что капитан Немо предпочтет увезти нас в обширный океан, который омывает

берега как Азии, так и Америки. В таком случае он завершил бы свое подводное плавание вокруг света и возвратился бы в те моря, где «Наутилус» имел наибольшую свободу действий. Но если мы вновь окажемся в Тихом океане, вдали от всех обитаемых земель, что будет с планами Неда Ленда?

Нужно было прояснить этот важный вопрос в самое ближайшее время. «Наутилус» шел очень быстро. Вскоре мы оставили позади Южный полярный круг и взяли курс на мыс Горн. В семь часов вечера 31 марта мы находились на траверзе южной оконечности американского континента.

Пережитые страдания были забыты. Воспоминания о ледовой тюрьме стерлись из памяти. Мы думали только о будущем. Капитан Немо больше не показывался ни в салоне, ни на палубе. Старший помощник ежедневно устанавливал координаты и наносил их на карту, благодаря чему я знал точное местоположение «Наутилуса». Однако в тот вечер, к своему глубокому удовлетворению, я убедился, что мы возвращаемся на север через Атлантику.

Я сообщил о своих выводах Неду Ленду и Конселю.

— Прекрасная новость! — ответил канадец. —

Но куда именно идет «Наутилус»?

— Ума не приложу, Нед.

— Что если, побывав на Южном полюсе, капитан захочет покорить Северный, и вернуться в Тихий океан по знаменитому Северо-Западному проходу[197]?

— И такое может быть, — ответил Консель.

— Ну что ж, — сказал канадец, — тогда мы уйдем по-английски, не дожидаясь конца плавания.

— В любом случае, — добавил Консель, — капитан Немо — выдающийся человек, и мы не будем сожалеть о знакомстве с ним.

— Особенно, когда мы с ним расстанемся, — пробурчал Нед Ленд.

На следующий день, первого апреля, когда за пару минут до полудня «Наутилус» всплыл на поверхность, мы разглядели на западе очертания берега. Это была Огненная Земля — так ее назвали первые мореплаватели, увидев многочисленные струи дыма, поднимавшиеся над хижинами аборигенов. Огненная Земля представляет собой огромное скопление островов

---

[197] Сноски: 197

Морской путь через Северный Ледовитый океан вдоль северного берега Северной Америки через Канадский Арктический архипелаг. Соединяет Атлантический и Тихий океаны.

протяженностью в тридцать и шириной в восемьдесят лье, между 53° и 56° южной широты и 67°50’ и 77°15’ западной долготы. Берег был довольно низким, хотя вдалеке вырисовывались силуэты высоких гор. Мне показалось, я даже заметил остроконечную вершину Монте-Сармьенто — пирамидальной сланцевой глыбы, которая вздымалась на две тысячи семьдесят метров над уровнем моря. Как сказал мне Нед Ленд, в зависимости от того, видна она или скрыта за облаками, моряки определяют, «ждет ли их шторм или ясная погода».

— Отличный барометр, мой друг!

— Да, господин профессор! Причем этот природный барометр никогда не подводил меня, когда я шел проливом Магеллана.

И тут горный пик отчетливо проступил на фоне неба, предвещая чудесную погоду.

Вернувшись под воду, «Наутилус» приблизился к берегу, следуя вдоль него на расстоянии всего нескольких миль. Сквозь стекла окон салона я видел длинные лианы и гигантские фукусы, или макроцистисы грушевидные, представленные несколькими видами в свободных морях Южного полюса; их липкие, гладкие слоевища достигали трехсот метров в длину. Настоящие

канаты толщиной в большой палец и очень крепкие, они нередко служат вместо швартовых. Другая морская трава под названием Velpeaulia, с листьями длиной четыре фута, покрытыми коралловыми наростами, устилала дно. Она служила домом и пищей мириадам членистоногих и моллюсков, включая крабов и каракатиц. Тюлени и морские бобры устраивали здесь пиршества, соединяя рыбу с зеленью, по примеру англичан.

«Наутилус» с огромной скоростью пронесся над этими густыми, изобильными лугами. К вечеру он приблизился к Мальвинским[198] островам, чьи горные вершины я увидел на следующее утро. Море здесь было не очень глубоким. Поэтому я не без основания предположил, что оба эти острова, окруженные множеством мелких островков, когда-то образовывали часть Магеллановых земель. Вероятнее всего, Мальвинские острова были открыты знаменитым Джоном Дейвисом[199], который дал им название Южных Дейвисовых островов. Впоследствии Ричард Хокинс переименовал их в Maiden-Islands,

[198] Сноски: 198

Альтернативное название Фолклендских островов.

[199] Сноски: 199

Джон Дейвис (ок. 1550–1605) — английский мореплаватель времен королевы Елизаветы I.

или острова Девы Марии. Затем, в начале восемнадцатого столетия, рыбаки из Сен-Мало окрестили их Мальвинскими. В конце концов эти острова стали именоваться Фолклендскими благодаря англичанам, которым они принадлежат по сей день.

У их берегов наши сети захватили великолепные разновидности водорослей, в том числе фукусов, корни которых были облеплены самыми вкусными в мире мидиями. Дюжины гусей и уток слетались на палубу, так что вскоре наш рацион пополнился свежей дичью. Что касается рыб, то я обратил внимание на представителей класса костных, принадлежащих к роду бычков. В особенности меня заинтересовал один вид бычка длиной двадцать сантиметров, сплошь усеянный беловатыми и желтыми крапинками.

Также я любовался многочисленными медузами, в том числе самыми красивыми представителями этих животных — хризаорами, которые обитают в водах Мальвинских островов. Некоторые из них напоминали полусферические зонтики с красновато-бурыми полосками на совершенно гладкой поверхности и дюжиной симметричных фестонов; другие имели вид перевернутой корзинки, из которой грациозно

свешивались крупные листья и длинные красные веточки. Хризаоры парили в воде, гребя четырьмя листовидными «руками» и волоча за собой роскошную шевелюру из щупалец. Мне очень хотелось сохранить несколько образцов этих хрупких зоофитов; но они, к сожалению, не более чем облака, тени, видения, которые вне родной стихии тают и испаряются.

Когда последние вершины Мальвинских островов скрылись за горизонтом, «Наутилус» погрузился на глубину двадцати — двадцати пяти метров и двинулся вдоль американского побережья. Капитан Немо не появлялся.

До 3 апреля мы не покидали окрестностей Патагонии, находясь то под водой, то на воде. «Наутилус» пересек широкую дельту, образованную устьем Ла Платы, и уже 4 апреля оказался напротив Уругвая, в пятидесяти милях от суши. Неизменно держа курс на север, он шел вдоль извилистой береговой линии южноамериканского континента. Таким образом, мы преодолели в общей сложности шестнадцать тысяч миль с тех пор как вышли из отправной точки нашего плавания в Японском море.

Около одиннадцати часов утра мы пересекли тропик Козерога на тридцать седьмом меридиане

и обогнули мыс Фрио. Капитану Немо, к огромному неудовольствию Неда Ленда, не нравилось соседство с обитаемыми землями Бразилии и потому «Наутилус» мчался с головокружительной скоростью. Ни рыбы, ни птицы, даже самые быстрые, не могли за нами угнаться, так что осмотреть природные достопримечательности здешних морей не было никакой возможности.

Скорость хода не снижалась в течение нескольких дней, и вечером 9 апреля мы увидели по левому борту самую восточную точку Южной Америки — мыс Сан-Роке[200]. Но затем «Наутилус» вновь ушел на глубину, направляясь в подводную долину, что простирается между этим мысом и побережьем Сьерра-Леоне на западе Африки. На широте Антильских островов эта долина расходится в разные стороны, оканчиваясь на севере огромной впадиной в девять тысяч метров глубиной. Здесь и до Малых Антильских островов геологический профиль океанского дна представляет собой отвесную скалу высотой в шесть километров, а на широте островов Зеленого Мыса возвышается еще одна, не менее значительная скала, и меж этих двух стен лежит затонувший

[200] Сноски: 200

Мыс Ран-Роке (Бразилия) — ближайшая к Африке точка Южной Америки, однако не самая восточная.

континент Атлантида. По дну долины тут и там разбросаны редкие горы, придающие подводному ландшафту весьма живописный вид. Все эти сведения я почерпнул из карт, хранящихся в библиотеке «Наутилуса», — карт, без сомнения, вычерченных рукой капитана Немо на основе его собственных наблюдений.

В течение двух дней мы обследовали эти пустынные низины океана, изменяя угол наклонных плоскостей. «Наутилус» шел длинными диагональными галсами, то опускаясь, то поднимаясь на любую глубину. Однако 11 апреля он вдруг резко всплыл, и мы увидели землю в окрестностях Амазонки, чья дельта настолько широка, что ее стоки опресняют морскую воду на многие лье вокруг.

Мы пересекли экватор. В двадцати милях к западу остались берега Гвианы — французской земли, где мы легко нашли бы убежище. Но в тот день дул сильный ветер, и на море бушевали волны, с которыми не справиться было маленькой шлюпке. Конечно же, Нед Ленд это понимал, поскольку ничего не стал мне говорить. Я, в свою очередь, решил не напоминать ему о планах побега, так как не хотел толкать его на безрассудную попытку, обреченную на неудачу.

Очередная задержка не слишком меня огорчила: не теряя времени даром, я с головой погрузился в интересную научную работу. В течение двух дней, 11 и 12 апреля, «Наутилус» не поднимался на поверхность, и его траловые сети принесли чудесный улов из зоофитов, рыб и пресмыкающихся.

Драги захватили несколько разновидностей зоофитов. В основном это были прекрасные фикталины из семейства актиний, а среди прочих видов — Phyllactis protexta, что встречается только в этой части океана; она представляет собой маленький цилиндр, украшенный продольными линиями и красными точками, с очаровательным венчиком из щупалец на макушке. Что касается моллюсков, то они были представлены экземплярами, которые мне уже доводилось наблюдать: турителлы, порфировые оливы с равномерно перекрещивающимися линиями и рыжими пятнышками, явственно проступающими на телесном фоне; фантастические птероцеры, похожие на окаменелых скорпионов; прозрачные хиалы, аргонавты, вкуснейшие каракатицы, а также несколько видов кальмаров, которых древние натуралисты причисляли к летучим рыбам и которые в основном служат

наживкой при ловле трески.

Из ранее неизученных мною рыб я заметил здесь несколько любопытных экземпляров. Среди хрящевых: петромизоны-прикка, вид угрей длиной пятнадцать дюймов, с зеленоватой головой, фиолетовыми плавниками, серо-голубой спиной, серебристо-коричневым пятнистым брюхом и золотыми ободками вокруг радужной оболочки глаз — весьма интересное животное, вероятно, занесенное в море течением Амазонки, так как обычно живет в пресных водах; бугорчатые скаты с острой мордой и длинным, гибким хвостом, вооруженным длинным зазубренным шипом; маленькие метровые акулы с серой или беловатой кожей и несколькими рядами загнутых внутрь зубов — в народе этот вид часто называют молот-рыбой; затем морская летучая мышь, напоминающая красноватый равнобедренный треугольник длиной в полметра, — ее грудные плавники крепятся на удлиненных мясистых лопастях, придавая этим рыбам сходство с летучими мышами, однако из-за расположенного возле ноздрей роговидного нароста их прозвали морскими единорогами; и, наконец, два вида спинорогов — желтопятнистый, чьи крапчатые бока сверкают золотом, и серый —

с переливчатой, словно голубиная шея, чешуей и светло-фиолетовой спинкой.

Я заканчиваю свое несколько сухое, зато очень точное описание рядом костных рыб, которых мне довелось наблюдать: хвостоперые ножетелки из семейства аптеронотовых, с тупоконечной белоснежной мордой и туловищем красивого черного оттенка, а также очень мясистым нижним плавником, напоминающим длинную тонкую ленту; колючие одонтогнаты; сардины длиной тридцать сантиметров, отливающие ярким серебристым блеском; скумбрещуки с двумя анальными плавниками; двухметровые черные центроноты темных оттенков, которых ловят при свете факелов, — их плотное, жирное, белое мясо, если есть его свежевыловленным, неотличимо по вкусу от угря, а в сушеном виде напоминает копченый лосось; далее светло-красные губаны, покрытые чешуей только у основания спинных и анальных плавников; хризоптеры, имеющие золотистую и серебряную окраску с оттенками рубина и топаза; золотохвостые морские караси с нежнейшим мясом — способность этих рыб к фосфоресценции немедленно выдает их присутствие в воде; оранжевые спары с тонким языком; горбыли с золотистыми

хвостовыми плавниками, черные рыбы-хирурги с золотой каймой, суринамские четырехглазки, и так далее.

Впрочем, сказав «и так далее», я не могу не упомянуть еще одну рыбу, которую надолго запомнит Консель, и по довольно веской причине.

В одну из сетей попался очень плоский скат, который, если отрубить ему хвост, имел бы форму идеального диска; весил он около двадцати килограммов. У него было белое брюхо, красноватая спина, усеянная большими круглыми пятнами темно-синего цвета с черными ободками, очень гладкая кожа и раздвоенный на конце плавник. Когда его выложили на палубу, он бился, пытаясь перевернуться с помощью судорожных движений, и его усилия почти увенчались успехом — еще один рывок, и он оказался бы в море. Но Консель, не желая упускать добычу, бросился к скату, и, прежде чем я успел этому помешать, схватил его обеими руками.

И в тот же миг полетел вверх тормашками, до пояса парализованный, отчаянно крича:

— Профессор! Профессор! На помощь!

Впервые в жизни бедолага обратился ко мне не в третьем лице.

Мы с канадцем подняли его и принялись

растирать, засучив рукава. Придя в себя, этот неутомимый классификатор пробормотал дрожащим голосом:

— Класс хрящевых, отряд хрящеперых с неподвижными жабрами, подотряд пластиножаберных, семейство скатов, род — электрический скат.

— Да, мой друг! — подтвердил я. — Именно электрический скат поверг тебя в столь плачевное состояние.

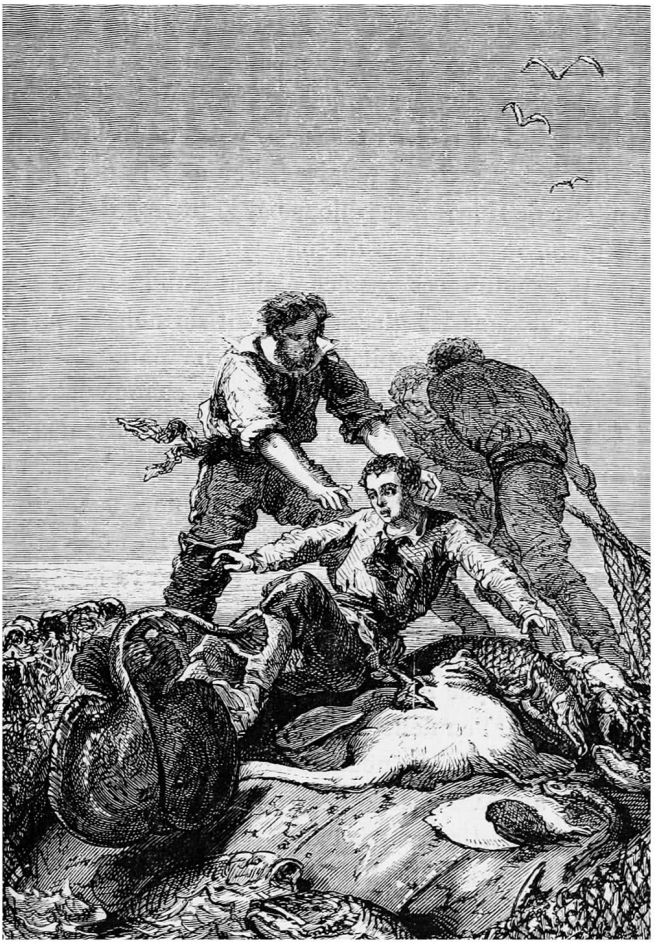
— Ничего, я с ним еще поквитаюсь! Господин может не сомневаться! — заявил Консель.

— Каким образом?

— Я его съем!

Что и было сделано в тот же вечер — исключительно в качестве наказания, поскольку мясо оказалось отвратительно жестким.

Бедного Конселя атаковал самый ядовитый из электрических скатов — куман. Благодаря высокой проводимости воды это удивительное морское животное поражает рыб на расстоянии нескольких метров, — такова мощность разряда его электрических органов, из которых два основных имеют площадь не менее двадцати семи квадратных футов.



В тот же миг Консель полетел вверх тормашками.

На следующий день, 12 апреля, «Наутилус» приблизился к голландскому берегу[201] неподалеку от устья реки Марони. Здесь обитало несколько групп ламантинов. Подобно дюгоням и стеллеровым коровам, ламантины принадлежат к отряду сирен. Эти прекрасные животные, мирные и безобидные, длиной от шести до семи метров, весили не менее четырех тысяч килограммов[202]. Я рассказал Неду Ленду и Конселю, что предусмотрительная природа отвела ламантинам очень важную роль. Как и тюлени, они пасутся на подводных лугах, освобождая устья тропических рек от скоплений морской травы.

— Кстати, знаете ли вы, — добавил я, — к чему привело практически полное истребление человеком этих полезных существ? Гниющие водоросли отравили воздух, а отравленный воздух — это желтая лихорадка, которая свирепствует в этих

[201] Сноски: 201

Речь идет о Суринаме, ранее известном как Нидерландская Гвиана. Это государство на северо-востоке Южной Америки в течение трех веков, до 1922 года, принадлежало Голландии.

[202] Сноски: 202

В действительности максимальная длина ламантинов — около 5 метров, а вес — 700 кг. Причем ламантины никогда не выходят из воды.

живописных краях. Ядовитая растительность скапливается на дне этих знойных морей, и в результате зараза распространяется от устья Ла Платы до самой Флориды!

Причем, если верить Туссенелю[203], эта напасть — ничто в сравнении с катастрофой, которая постигнет наших потомков, когда вымрут все киты и тюлени. И тогда океаны, перенаселенные осьминогами, медузами и кальмарами, станут обширными очагами инфекции, ибо лишатся «объемных желудков, которым сам Господь повелел бороздить поверхность морей».

Однако, не ставя под сомнение правдивость этих теорий, экипаж «Наутилуса» все же добыл с полдюжины ламантинов, — но только лишь для того, чтобы запастись отменным мясом, по вкусу превосходящим говядину и телятину. Подобная охота не представляла никакого интереса. Ламантины позволяли себя забивать, даже не пытаясь защищаться. Несколько тысяч килограммов мяса, предназначенного для сушки, пополнили наши кладовые.

Здешние моря настолько изобиловали всевоз-

---

[203] Сноски: 203

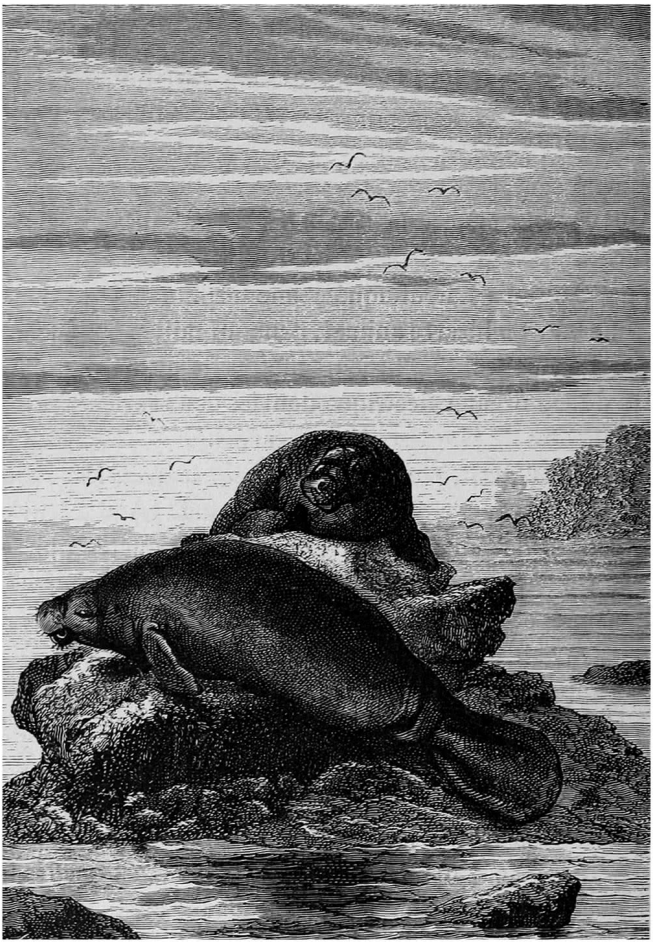
Альфонс Туссенель (1803–1885) — французский натуралист, журналист и писатель.

можной дичью, что в тот же день, после весьма необычной рыбалки, запасы провизии «Наутилуса» увеличились еще больше. Шлюпка поймала в свои сети некоторое количество рыб, на голове у которых имелась овальная пластинка с мясистыми краями. Это были рыбы-прилипалы из третьего семейства мягкоперых. Их плоский овальный диск состоит из подвижных поперечных хрящевых пластинок, и рыбы обладают способностью создавать между ними пустоту, что позволяет им прикрепляться к другим объектам на манер присоски.

К тому же роду принадлежит и акулья ремора, которую я наблюдал в Средиземном море. Однако теперь нам попалась марлиновая прилипала, обитающая только в здешних водах. Вытаскивая этих рыб из сетей, наши моряки опускали их в чаны с морской водой.

Когда рыбалка была окончена, «Наутилус» приблизился к берегу. Здесь спали, покачиваясь на волнах, морские черепахи. Поймать этих ценных рептилий было бы непросто, так как они пробуждаются от малейшего шума, а прочный панцирь делает их неуязвимыми для гарпуна. Зато рыбы-прилипалы должны были выполнить эту задачу с невероятной точностью и сноров-

кой. По сути, прилипала — живой рыболовный крючок, который осчастливил бы любого рыбака-удильщика.



Здесь обитало несколько групп ламантинов.

Моряки «Наутилуса» привязали к хвосту этих рыб кольцо, достаточно широкое, чтобы не стеснять их движений, а к кольцу — длинную веревку, зачаленную другим концом к борту.

Выброшенные в море, рыбы-прилипалы тут же принялись за работу, подплывая к черепахам и присасываясь к их панцирям. Причем с такой цепкостью, что скорее разорвались бы, чем выпустили добычу. Затем их снова подтянули к борту — вместе с черепахами, к которым они присосались.

Таким способом мы выловили нескольких головастых черепах длиной в метр и весом в двести килограммов. Их панцирь, покрытый крупными ороговевшими пластинками — тонкими, полупрозрачными, коричневыми, с белыми и желтыми крапинками, представляет большую ценность. Кроме того, они и для кулинарии весьма интересны, как и превосходные на вкус морские черепахи.

Этой рыбалкой окончилось наше пребывание в окрестностях Амазонки, и с наступлением ночи «Наутилус» снова вышел в открытое море.

Глава восемнадцатая
Гигантские кальмары

В течение нескольких дней «Наутилус» продолжал удаляться от американских берегов. Очевидно, он не хотел заплывать ни в Мексиканский залив, ни в Антильское море[204]. Хотя воды под килем было и без того предостаточно, так как средняя глубина здесь составляет тысячу восемьсот метров. Но здешние воды, усеянные островами и пересекаемые пароходами, были капитану не по нраву.

Шестнадцатого апреля, примерно в тридцати милях от нас показались очертания Мартиники и Гваделупы. Но я лишь на минуту увидел их высокие горные пики.

Канадец, который рассчитывал осуществить свои планы в Мексиканском заливе, — либо добравшись до суши, либо попросив помощи у одного из многочисленных каботажных судов, курсировавших между островами, — весьма огор-

---

[204] Сноски: 204

Карибское море (полузамкнутое море Атлантического океана, расположеное между Центральной и Южной Америкой, а также Большими и Малыми Антильскими островами).

чался. Побег вполне мог осуществиться, если бы Неду Ленду удалось захватить шлюпку тайком от капитана. Однако посреди океана об этом нечего было и думать.

По этому поводу у нас с канадцем и Конселем состоялся довольно долгий разговор. На протяжении шести месяцев мы оставались пленниками «Наутилуса». Мы прошли уже семнадцать тысяч лье, и, как правильно заметил Нед Ленд, конца нашему плаванию не предвиделось. Тогда гарпунер обратился ко мне с неожиданным предложением: пойти и спросить у капитана Немо напрямик, не собирается ли он держать нас на борту вечно.

Подобная идея мне решительно не нравилась. Я считал, что она ни к чему не приведет. Нам следовало не ждать милостей от командира «Наутилуса», а рассчитывать только на себя. К тому же в последнее время капитан с каждым днем становился все более мрачным, отстраненным и неразговорчивым. Казалось, он меня избегает. Я встречал его лишь изредка. Раньше он с удовольствием рассказывал мне о чудесах подводного мира; теперь же оставлял меня один на один с моими исследованиями и перестал бывать в салоне.

Что за перемена в нем произошла? И по какой причине? Мне было не в чем себя упрекнуть. Возможно, наше присутствие на борту стало его тяготить? Однако надеяться на то, что он отпустит нас на свободу, не приходилось.

Поэтому я попросил Неда дать мне время все обдумать. Даже если бы мои расспросы не имели результата, они могли возбудить у капитана подозрения, сделать наше пребывание здесь невыносимым и повредить планам канадца. Кроме того, ссылаться в разговоре на ухудшение здоровья я тоже не мог. Не считая сурового испытания подо льдами Южного полюса, мы — Нед, Консель и я — никогда еще не чувствовали себя лучше. Здоровая пища, благодатный морской воздух, размеренная жизнь, постоянство температуры делали нас невосприимчивыми к болезням. Подобное существование вполне подходило для такого человека, как капитан Немо, — которого ничто не держит на земле, который чувствует себя в море как дома, который идет, куда хочет, который шагает к своей цели по таинственным, одному ему ведомым дорогам. Но мы, в отличие от него, еще не порвали все связи с человечеством. Что до меня, то я вовсе не желал, чтобы мои исследования, такие новые

и интересные, сгинули вместе со мной. Теперь у меня было полное право написать настоящую книгу о море, и я хотел, чтобы эта книга рано или поздно увидела свет.

К примеру в этих водах, у Антильских островов, на глубине десяти метров под поверхностью волн, сколько интересных произведений природы я мог отметить в своих записях, глядя сквозь хрустальные стекла! Среди прочих зоофитов, здесь были португальские кораблики, известные под именем «морские физалии», похожие на большие продолговатые пузыри с перламутровым отблеском, которые подставляют ветру свой гребень, распуская в воде нитевидные лазоревые щупальца; с виду — очаровательные медузы, а по сути — зловредные кусты крапивы, выделяющие при прикосновении едкую жидкость. Среди членистых попадались кольчатые черви-аннелиды полутораметровой длины, с розовым туловищем и семнадцатью сотнями двигательных органов; они извивались в толще воды, переливаясь всеми цветами радуги. Среди хрящевых рыб — гигантские скаты-мобулы длиной десять футов и весом шестьсот фунтов, с треугольным грудным плавником, слегка выпуклой спиной и глазами, и глазами, расположенными по бокам передней

части головы; похожие на обломки кораблекрушения, они дрейфовали в глубинах океана, то и дело прилепляясь к нашему окну, словно темные ставни. Также там были американские спинороги, которым природа выделила только две краски — черную и белую; продолговатые и мясистые длинноперые бычки с желтыми плавниками и выдающейся вперед челюстью; скумбрии из вида белых тунцов-альбакоров длиной сто шестьдесят сантиметров, с короткими острыми зубами и мелкой чешуей. Помахивая сверкающими плавниками, проносились стайками барабули с золотыми полосками от головы до хвоста — когда-то эти природные шедевры ювелирного искусства были посвящены богине Диане и особенно ценились римскими богачами, а для рыбаков даже существовала поговорка «Лови их, но не ешь!». Наконец, перед нашими глазами степенно проплывали золотистые помаканты, украшенные изумрудными полосками, разодетые в шелка и бархат, словно знатные синьоры с полотен Веронезе; поспешно улепетывали морские караси, изо всех сил работая грудными плавниками; сельди длиной в пятнадцать дюймов излучали фосфоресцирующее сияние; кефали били по воде своими крупными

мясистыми хвостами; красные сиги будто косили море острыми грудными плавниками; а серебристые селены, оправдывая свое имя[205], сияли на водном горизонте, как маленькие бледные луны.

Ах, сколько еще чудесных, новых видов я мог бы наблюдать, если бы «Наутилус» не начал погружаться в более глубокие слои! С помощью своих наклонных плоскостей он опустился до двух или трех с половиной тысяч метров. Теперь морская фауна была представлена лишь криноидеями, морскими звездами, очаровательными пентакринами, чьи щупальца-лепестки, напоминающие голову Медузы, покачивались в маленьких чашечках на длинных стеблях; а также трохидами, кроваво-красными денталиями и фиссуреллами, принадлежащими к многочисленному виду прибрежных моллюсков.

Двадцатого апреля мы поднялись до средних слоев на глубине примерно в полторы тысячи метров. Ближайшей к нам землей был Лукайский архипелаг — группа островов, рассыпанных по поверхности моря, словно груда булыжников.

---

[205] Сноски: 205
Селена — букв. *др.-греч.* «луна».

Перед нами высились подводные скалы с отвесными стенами из неотесанных глыб, уложенных на широкое основание; между ними чернели расщелины, настолько глубокие, что электрические лучи прожектора не могли осветить их до дна.

Скалы были увиты зарослями огромных морских трав, гигантских ламинарий, исполинских фукусов — настоящий ковер из гидрофитов, достойный царства Титанов.

Обсуждая эти колоссальные растения, Нед, Консель и я естественным образом заговорили о гигантских морских животных. Первые, очевидно, служат пищей для последних. Тем не менее, разглядывая эти длинные волокна через хрустальные стекла почти неподвижного «Наутилуса», я пока не заметил никого, кроме самых распространенных представителей членистоногих из отряда короткохвостых раков, декаподов на длинных лапах, фиолетовых крабов и клиосов, свойственных морям Антильских островов.

Было около одиннадцати часов утра, когда Нед Ленд обратил мое внимание на пугающее шевеление среди гигантских трав.

— Так ведь эти заросли — идеальные убежища для цефалоподов, — сказал я. — Не удивлюсь,

если мы сейчас увидим одного из этих чудищ!

— Какие же это чудища? — удивился Консель. — Обычные кальмары из класса головоногих!

— Нет, я говорю о кальмарах гигантского размера. Но наш друг Нед, очевидно, ошибся, поскольку я ничего не вижу.

— Жаль, — вздохнул Консель. — Мне бы так хотелось увидеть вблизи одного из них! Я слышал, эти зверюги могут утаскивать на дно корабли. Их еще называют крак…

— «Крак» — и тебе конец! — пошутил канадец.

— …кракенами, — договорил Консель, не обращая внимания на насмешки товарища.

— Никогда не поверю, что подобные твари действительно существуют! — заявил Нед.

— Почему бы и нет? — возразил Консель. — Поверили же мы в гигантского нарвала!

— И ошиблись!

— Пусть так! Но многие до сих пор в него верят!

— Возможно, Консель, — сказал я. — Но лично я твердо решил, что не поверю в существование этих чудовищ, пока не вскрою их собственной рукой.

— Стало быть, господин профессор не верит

в существование гигантских кальмаров? — спросил Консель.

— Ей-богу, да кто вообще поверил бы в такую чушь? — фыркнул канадец.

— Многие люди, друг Нед.

— Только не рыбаки! А вот ученые — возможно!

— Ошибаетесь, Нед. И рыбаки, и ученые!

— Вот я, например, — сказал Консель с самым серьезным видом, — однажды видел, как один цефалопод своими щупальцами утаскивает под воду огромный корабль.

— Говорите, вы это видели? — переспросил канадец.

— Да, Нед.

— Собственными глазами?

— Собственными глазами.

— И где же, скажите на милость?

— В Сен-Мало, — невозмутимо ответил Консель.

— В порту? — насмешливо уточнил Нед Ленд.

— Нет, в церкви, — сказал Консель.

— В церкви?! — воскликнул канадец.

— Да, мой любезный Нед. На картине, изображавшей того самого Кракена!

— Вон оно что! — рассмеялся Нед Ленд. — Ловко

господин Консель меня одурачил!

— Вообще-то он прав, — сказал я. — Я слышал об этой картине. Ее сюжет взят из легенды — а вы ведь знаете, чего стоят легенды из области естествознания! Впрочем, когда речь заходит о чудовищах, человеческое воображение не имеет границ. Чего только не приписывала молва этим гигантским кальмарам, помимо способности топить корабли! Некий Олаф Магнус[206] упоминает цефалопода длиной в милю, больше похожего на остров, чем на животное. Еще рассказывают, что епископ Нидароса[207] решил однажды отслужить мессу на огромной скале. Как только месса закончилась, скала вдруг пришла в движение и уползла в море. Оказалось, это не скала, а гигантский кальмар.

— И это все? — спросил канадец.

— Нет, — ответил я. — Другой епископ, Понтоппидан из Бергена, также пишет о гигантском цефалоподе, на котором мог разместиться целый полк кавалерии!

— Веселенькая была жизнь у средневековых

---

[206] Сноски: 206

Шведский церковный деятель, архиепископ Уппсалы, дипломат, писатель, историк и картограф (1490–1557).

[207] Сноски: 207

Историческое название норвежского города Тронхейм.

епископов! — сказал Нед Ленд.

— Наконец, античные натуралисты описывают чудовищ, пасть у которых размером с залив, а сами они такие огромные, что не смогли бы протиснуться в Гибралтарский пролив!

— Да неужто? — рассмеялся канадец.

— Есть ли во всех этих рассказах хоть капля правды? — спросил Консель.

— Увы, друзья мои, ни одной! По крайней мере, когда они выходят за рамки правдоподобия и превращаются в сказки или легенды. Тем не менее подобные фантазии не возникают на пустом месте — для них всегда найдется если не повод, то хотя бы предлог. Невозможно отрицать существование весьма крупных разновидностей осьминогов и кальмаров, хотя они и уступают в размерах китам. Аристотель упоминает кальмара длиной в пять локтей, то есть три метра десять сантиметров. Наши рыбаки нередко видят особей длиннее метра восьмидесяти. В музеях Триеста и Монпелье хранятся скелеты двухметровых осьминогов. Между прочим, по расчетам натуралистов, такое животное, пусть даже всего шесть футов в длину, должно было иметь щупальца длиной двадцать семь метров. А этого вполне достаточно, чтобы оно стало страшным!

— Неужели таких ловят и в наши дни? — спросил канадец.

— Даже если не ловят, то видят — те же моряки. Один из моих друзей, капитан Поль Бос из Гавра, не раз уверял меня, что встречал в Индийском океане чудовищ исполинского размера. Но самое удивительное событие, положившее конец всем сомнениям о реальности этих гигантов, произошло несколько лет назад, в 1861 году.

— Что за событие? — спросил Нед Ленд.

— Сейчас расскажу. В тысяча восемьсот шестьдесят первом году, к северо-востоку от Тенерифе, неподалеку от мест, где мы сейчас находимся, экипаж сторожевого судна «Алектон» заметил в воде огромного кальмара. Приблизившись к животному, капитан Буйе[208] атаковал его ударами гарпуна и ружейными выстрелами, однако без особого успеха — и пули, и гарпуны свободно проходили сквозь мягкую, желеобразную плоть моллюска. После множества бесплодных попыток морякам удалось накинуть на него петлю. Петля скользнула к хвостовым плавникам. Тогда члены команды попытались вытащить добычу на борт, но вес кальмара был настолько велик,

[208] Сноски: 208

Фредерик Буйе (1822–1882) — французский морской офицер, врач и рыбак.

что из-за натяжения веревки «хвост» отделился от тела, и, лишившись своего украшения, чудовище исчезло под водой.

— Вот это я понимаю: факт так факт! — сказал Нед Ленд.

— Причем бесспорный, мой дорогой Нед. Некоторые даже предлагали назвать этого головоногого «кальмаром Буйе».

— И какова же была его длина? — спросил канадец.

— Наверное, около шести метров? — предположил Консель, который снова сидел у окна, изучая неровную, изрезанную расселинами поверхность скалы.

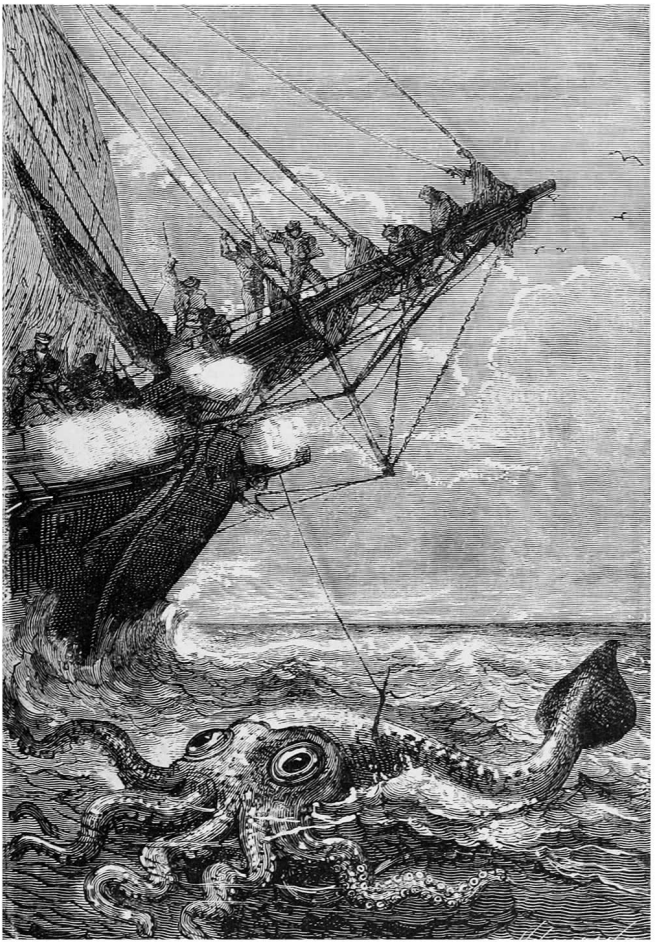
— Совершенно верно, — подтвердил я.

— А не венчали ли его голову, — продолжал Консель, — восемь щупалец, которые извивались над водой, словно клубок змей?

— И эта догадка верна.

— А его огромные, навыкате, глаза имели весьма необычное строение, не так ли?

— Да, Консель.



Он атаковал его ударами гарпуна.

— И рот у него был, наверное, точь-в-точь как клюв попугая, — только громадный и жуткий.

— Верно, Консель.

— Что ж! Тогда, если господину профессору угодно взглянуть, — спокойно сказал Консель, — то вон там если и не кальмар Буйе, то, по крайней мере, один из его братьев.

Я недоуменно уставился на Конселя. Нед Ленд поспешил к окну.

— Вот ведь мерзкая тварь! — воскликнул он.

Я тоже, в свою очередь, глянул в окно и невольно содрогнулся от отвращения. Прямо передо мной извивалось на редкость уродливое животное, достойное упоминания в тератологических мифах.

Это был колоссальных размеров кальмар длиной восемь метров. Двигаясь задом наперед, он стремительно приближался к «Наутилусу». Кальмар смотрел на нас огромными неподвижными глазами цвета морской волны. Расположенные у него на голове восемь рук, или, скорее, ног, — из-за чего этих животных и прозвали головоногими! — были в два раза длиннее тела и извивались, подобно шевелюре горгоны Меду-

зы. На внутренней стороне щупалец отчетливо виднелись двести пятьдесят присосок полусферической формы. Иногда они прилипали к стеклам салона благодаря способности образовывать пустоту. Рот чудовища, похожий на клюв попугая, открывался и закрывался вертикально, словно гигантские ножницы. Оттуда высовывался дрожащий, ороговелый язык, вооруженный, в свою очередь, несколькими рядами острых зубов. Что за нелепая фантазия природы! Наделить моллюска птичьим клювом! Его веретенообразное тело, утолщенное в средней части, представляло собой плотную массу весом от двадцати до двадцати пяти тысяч килограмм. Его непостоянный цвет почти мгновенно менялся с бледно-серого на красновато-коричневый, в зависимости от степени раздражения животного.

Что же так разозлило этого моллюска? Очевидно, присутствие «Наутилуса» — куда более грозного соперника, которого не пугали ни руки с присосками, ни жвалы. И все же, какими жуткими были эти чудовища, какой невиданной силой наделил их Создатель, какая мощь чувствовалась в их движениях — ведь у них целых три сердца!

Раз уж по воле случая мы встретили гигантско-

го кальмара, я не хотел упускать возможность тщательно изучить этот вид цефалоподов.

— Может, именно его повстречал тогда «Алектон», — предположил Консель.

— Нет! — возразил канадец. — Потому что этот целый, а тот остался без хвоста!

— Вовсе не обязательно, — ответил я. — Щупальца и хвост этих животных могут восстанавливаться, так что за прошедшие семь лет у кальмара Буйе была уйма времени, чтобы заново их отрастить.

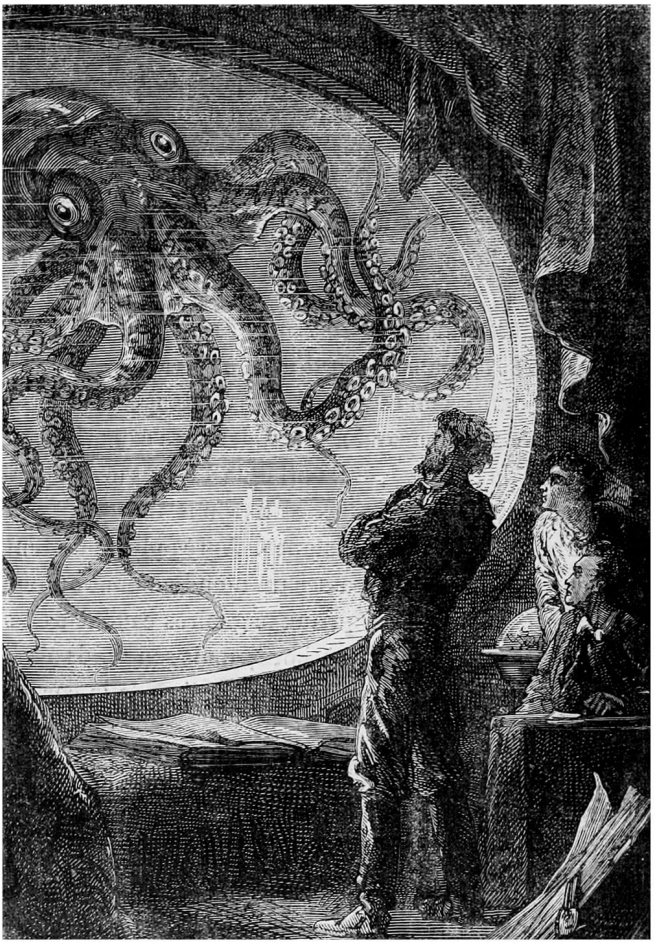
— В любом случае, — сказал Нед, — даже если это и не он, наш кальмар может оказаться среди вон тех!

И действительно, за окном левого борта появились другие кальмары. Я насчитал семь. Они неотступно следовали за «Наутилусом»; до меня то и дело доносился скрежет их клювов по стальной обшивке корпуса. Теперь нам точно было, чем занять свое время!

Я вернулся к работе. Чудовища так отчетливо виднелись сквозь толщу воды, что казались неподвижными — я мог бы запросто срисовать их на кальку, приложив ее к стеклу! Мы как раз тогда шли на умеренной скорости.

Внезапно «Наутилус» остановился. Страшный

удар сотряс весь его корпус.



Это был колоссальных размеров кальмар.

— Неужто мы сели на мель? — удивился я.

— Если и так, — ответил канадец, — то уже с нее снялись, поскольку сейчас плывем.

«Наутилус» действительно плыл — правда, лишь по инерции. Лопасти его винта больше не двигались. Прошла минута. И тут в салон вошел капитан Немо в сопровождении старшего помощника.

Я увидел капитана впервые за долгое время. Он показался мне мрачным. Ни слова не говоря и, возможно, вовсе нас не замечая, он подошел к окну, взглянул на головоногих и что-то сказал своему помощнику.

Тот вышел. Вскоре ставни задвинулись. Потолок засветился.

Я подошел к капитану.

— Любопытная коллекция цефалоподов, — произнес я непринужденным тоном дилетанта, разглядывающего рыбок в аквариуме.

— Так и есть, господин профессор, — ответил он. — И нам придется с ними сразиться. Врукопашную.

Я недоуменно уставился на капитана, решив, что ослышался.

— Врукопашную? — переспросил я.

— Да, сударь. Винт заклинило. Думаю, ороговевшие жвалы одного из этих кальмаров застряли между лопастями. Поэтому мы не можем двигаться дальше.

— И что вы собираетесь делать?

— Поднимусь на поверхность и уничтожу этих зловредных тварей.

— Задача не из легких.

— Вы правы. Электрические пули бессильны против этой мягкой плоти, где они не находят никакого сопротивления и потому не могут разорваться. Но мы их атакуем топором.

— И гарпуном! — воскликнул канадец. — Если вы не откажетесь от моей помощи, капитан.

— Не откажусь, господин Ленд.

— Мы пойдем с вами, — сказал я.

И, следуя за капитаном Немо, мы направились к центральной лестнице.

Десять матросов, вооруженных абордажными топорами, уже ждали там, готовые к бою. Мы с Конселем взяли по топору. Нед Ленд схватил гарпун.

«Наутилус» всплыл на поверхность. Один из моряков, стоявший на верхних ступеньках, снял болты с наружного люка. Но едва он открутил последнюю гайку, как крышка с грохотом

откинулась, очевидно, сдернутая присосавшимся к ней гигантским щупальцем.

И тут же одно из этих длинных щупалец скользнуло змеей в открытый люк, в то время как двадцать других колыхались у нас над головой. Ударом топора капитан Немо отрубил эту жуткую конечность, и та, извиваясь, сползла по ступенькам.

Когда мы, напирая друг на друга, стали карабкаться вверх по лестнице, две другие конечности, рассекая воздух, обрушились на моряка, который стоял перед капитаном Немо, и схватили его с ужасающей яростью.

Капитан Немо с криком выскочил на палубу. Мы бросились за ним.

Ужасная картина открылась нашему взору! Несчастный, намертво прилипший к присоскам обхватившего его щупальца, болтался в воздухе по прихоти этого гигантского хобота. Он хрипел, он задыхался, он кричал: «Помогите! Помогите!» Услышав эти слова, произнесенные на французском языке, я застыл как громом пораженный! Так значит, на борту был мой соотечественник, возможно, даже не один! Этот душераздирающий крик будет вечно звучать у меня в ушах!

Бедняга был обречен. Никакая сила не смог-

ла бы вырвать его из смертельного объятия. Однако капитан Немо подбежал к чудовищу и ударом топора отрубил ему еще одну руку. Тем временем старший помощник сражался с другими гигантами, облепившими борта «Наутилуса». Матросы рубили их топором. Мы с канадцем и Конселем вонзали оружие в плотные скользкие массы. В воздухе стоял удушающий запах мускуса. Это было ужасно!

На миг мне показалось, что бедняга сумеет освободиться от удушающих пут. Семь щупалец из восьми были перерублены. Лишь одно извивалось в воздухе, размахивая своей жертвой, словно писчим пером. Но как только капитан Немо с помощником подбежали ближе, гигантский кальмар выпустил струю черной жидкости, которая вырабатывается особой железой, расположенной у него в желудке. Мы словно ослепли. Когда чернильное облако рассеялось, кальмар исчез, а вместе с ним и мой несчастный соотечественник!

Нас охватила безумная ярость против этих чудовищ! Мы больше не владели собой. Десять или двенадцать цефалоподов облепили палубу и борта «Наутилуса». Мы метались среди змеевидных обрубков, трепыхавшихся в лужах крови

и черных чернил. Казалось, эти мерзкие щупальца отрастают снова и снова, как головы гидры. Нед Ленд методично вонзал свой гарпун в мутно-синие глаза моллюсков, протыкая их насквозь. Как вдруг гигантские щупальца свалили моего отважного товарища с ног — он бы никак не сумел увернуться.

Мое сердце чуть не выскочило из груди от волнения и ужаса! Гигантский кальмар навис над канадцем, раскрыв свой жуткий клюв. Еще мгновение — и чудовище разрубило бы несчастного пополам. Я бросился на помощь. Но капитан Немо меня опередил. Его топор исчез меж двух огромных жвал, и чудом спасшийся Нед Ленд вскочил на ноги, а затем целиком вогнал свой гарпун в тело чудовища, пронзив его тройное сердце.

Одно из этих длинных щупалец скользнуло в открытый люк.

Гигантский кальмар размахивал своей жертвой, словно писчим пером.

— Теперь я вернул долг! — сказал капитан Немо канадцу.

Нед молча поклонился.

Бой длился не более четверти часа. Изрубленные, покалеченные, сраженные чудовища наконец отступили, скрывшись под водой.

Капитан Немо, залитый кровью, неподвижно стоял возле прожектора, глядя на море, поглотившее одного из его товарищей, и крупные слезы текли у него по щекам.

Глава девятнадцатая
Гольфстрим

Никто из нас до конца своих дней не забудет ужасную сцену, разыгравшуюся на борту «Наутилуса» 20 апреля. Я описывал те события, находясь под влиянием сильнейших эмоций. Впоследствии я еще раз пробежал глазами свой рассказ. Затем прочел его вслух Конселю и канадцу. Они нашли, что мой отчет фактически точен, но недостаточно ярок. Чтобы живописать подобные события, надо иметь перо самого выдающегося из наших поэтов, автора «Тружеников моря»[209].

Я уже говорил, что капитан Немо плакал, глядя на море. Его горе было безмерным. За время нашего пребывания на «Наутилусе» он терял уже второго товарища. И какая смерть! Раздавленный, искалеченный, задушенный ужасными щупальцами, перемолотый железными челюстями, его друг не будет покоиться рядом со своими товарищами в безмятежных водах кораллового кладбища!

Ну а мое сердце разрывалось от услышанного

---

[209] Сноски: 209
Роман Виктора Гюго, опубликованный в 1866 году.

в разгар битвы отчаянного крика того матроса. Несчастный француз, забыв принятое наречие, вновь заговорил на языке своей родины и своей матери в последней, напрасной мольбе! Итак, один из моряков «Наутилуса», преданных капитану Немо телом и душой, так же, как он, бежавших от общения с людьми, оказался моим соотечественником! Был ли он единственным французом среди членов этой таинственной организации, очевидно, состоящей из представителей разных наций? Вот одна из неразрешимых загадок, что бесконечно терзали мой ум!

Капитан Немо удалился к себе, и в течение долгого времени я его не видел. Но его глубокая печаль, отчаяние, нерешительность сказывались на поведении судна, душой которого он был, и которому невольно передавал свое душевное состояние! «Наутилус» больше не держался какого-либо курса. Он шел то вперед, то назад, носился туда-сюда по воле волн, словно труп. Гребной винт, хотя и освобожденный от пут, по большей части бездействовал. Корабль плыл наугад. Он никак не решался покинуть сцену последней битвы, оставить позади это море, поглотившее его собрата!

Так прошло десять дней. И только первого мая,

пройдя мимо Лукайских островов[210] в районе Багамского пролива, «Наутилус» снова взял курс на север. Теперь мы следовали за течением крупнейшей реки океана — со своими берегами, своими рыбами и своей собственной температурой. Я говорю о Гольфстриме.

По сути, это и есть река, которая свободно течет посреди Атлантики, не смешиваясь с другими океанскими водами. Эта река соленая — даже солонее, чем море вокруг. Ее средняя глубина достигает трех тысяч футов, а ширина — шестидесяти миль. В некоторых местах скорость ее течения составляет четыре километра в час. Неизменный объем ее вод в сумме превышает объем всех земных рек.

Подлинный исток Гольфстрима, обнаруженный капитаном Мори, или, если угодно, его отправная точка, находится в Гасконском заливе[211]. Там его воды, поначалу слабо выраженные, начинают приобретать собственный характер, цвет и температуру. Оттуда это течение спускается на юг, вдоль экваториального побережья Африки, нагревается под знойными

---

[210] Сноски: 210
Прежнее название Багамских островов.

[211] Сноски: 211
Французское название юго-восточной части Бискайского залива.

лучами тропиков, пересекает Атлантику, достигает бразильского мыса Сан-Роке и делится на две ветви, одна из которых вбирает в себя жаркие молекулы Антильского моря. И вот тут Гольфстрим, будто назначенный самой природой устанавливать температурный баланс, смешивая тропические воды с полярными, начинает играть свою роль уравнителя. Раскалившись под солнцем Мексиканского залива, он поднимается на север до североамериканского острова Ньюфаундленд. Здесь Гольфстрим под действием холодного течения из пролива Дейвиса отклоняется и вновь поворачивает в океан, следуя вдоль одного из больших кругов земного шара по локсодромической линии[212], а на сорок третьем градусе делится на два рукава, один из которых, подгоняемый северо-восточным пассатом, возвращается в Гасконский залив и к Азорским островам, а другой, согрев прибрежные воды Ирландии и Норвегии, идет до Шпицбергена, где его температура, упав до четырех градусов, все же способствует образованию свободного ото льдов полярного моря.

---

[212] Сноски: 212

Линия на сфере или какой-либо другой поверхности вращения, пересекающая все меридианы под одним и тем же углом и представляющая собой спираль.

Именно по этой океанической реке и плыл сейчас «Наутилус». На выходе из Багамского канала, шириной четырнадцать лье и глубиной триста пятьдесят метров, Гольфстрим несет свои воды со скоростью восемь километров в час. Скорость течения постепенно замедляется по мере приближения к северу, и остается только надеяться, что так будет и впредь — ведь если, как предупреждают некоторые ученые, скорость и направление течения изменятся, это вызовет огромные климатические потрясения в Европе, последствия которых невозможно предугадать.

Около полудня мы с Конселем находились на палубе. Рассказав об особенностях Гольфстрима, я предложил ему опустить руку в воду.

Консель охотно подчинился и был страшно удивлен, не почувствовав ни тепла, ни холода.

— Это происходит оттого, — объяснил я, — что температура воды в Гольфстриме на выходе из Мексиканского залива почти не отличается от температуры тела. Гольфстрим — огромный нагреватель, благодаря которому европейские берега остаются вечнозелеными. По мнению Мори, суммарной энергии тепла этого течения хватило бы, чтобы поддерживать в текучем состоянии целую реку расплавленного железа размером

с Амазонку или Миссури.

В этот момент скорость Гольфстрима составляла два с четвертью метра в секунду. Его плотный поток так отличается по своим характеристикам от окружающего моря, что слегка выступает над поверхностью: холодные воды океана находятся с ним на разных уровнях. Более темные и богатые минеральными солями воды Гольфстрима вплетаются в зеленые волны Атлантики яркой лентой цвета индиго. Границы течения настолько отчетливы, что видны невооруженным глазом: когда на широте Южной и Северной Каролин наш стальной таран пересек Гольфстрим, винт «Наутилуса» все еще рассекал океанские волны.

Сила течения увлекает с собой целые сонмы живых существ. Аргонавты, обычные и для Средиземного моря, плавали здесь целыми стаями. Среди хрящевых рыб выделялись ромбовидные скаты длиной в двадцать пять футов, чьи тонкие хвосты составляют почти треть всего тела; затем маленькие метровые акулы с крупной головой, короткой округлой мордой, несколькими рядами острых зубов и чешуйчатой кожей.

Среди костных рыб мне на глаза попались свойственные этим морям темные губаны; синагриды

со сверкающей огнем радужной оболочкой; горбыли-сциены длиной в один метр, способные издавать писк и наделенные огромной пастью с мелкими зубами; черные центроноты, которых я уже упоминал; голубые корифены, отливающие золотом и серебром; рыбы-попугаи всех оттенков радуги, не уступающие яркостью самым прекрасным тропическим птицам; морские собачки с треугольной головой; лишенные чешуи голубоватые ромбы; рыбы-жабы из семейства батраховых, с желтыми поперечными полосами в форме греческой буквы τ; многочисленные стайки маленьких бычков в коричневую крапинку; диптеродоны с серебристой головой и желтым хвостом; несколько разновидностей лососей; изящные, переливающиеся мягким блеском мугиломоры, которых Ласепед посвятил своей милой подруге жизни; и, наконец, восхитительные американские рыцари, украшенные полосками, напоминающими орденские ленты, — эти рыбы частенько заплывают в прибрежные воды этой великой нации, где ордена и ленты не пользуются большим почетом.

Хотелось бы добавить, что по ночам фосфоресцирующие воды Гольфстрима не уступали яркостью электрическим лучам нашего фонаря,

особенно во время штормов, которые то и дело на нас обрушивались.

Восьмого мая мы все еще находились на траверзе мыса Хаттерас на широте Северной Каролины. В этом районе ширина Гольфстрима составляет семьдесят пять миль, а глубина — двести метров. «Наутилус» плыл куда глаза глядят. Похоже, нас больше никто не сторожил. Я признавал, что в таких условиях наш побег вполне мог увенчаться успехом. Мы без труда нашли бы укрытие на этих обитаемых берегах. Море и днем и ночью бороздили пароходы, курсировавшие между Нью-Йорком или Бостоном и Мексиканским заливом, а между различными бухтами Северной Америки беспрестанно сновали маленькие каботажные шхуны. Нас бы наверняка подобрали. Нам определенно предоставлялся тот самый благоприятный случай, несмотря на тридцать миль, отделявших «Наутилус» от берегов Соединенных Штатов.

Но одно досадное обстоятельство полностью исключало планы канадца. Погода стояла прескверная. Мы приближались к регионам, где часто свирепствуют шторма, к порожденному Гольфстримом краю циклонов и смерчей. Выход в море на утлой лодчонке сулил верную ги-

бель. Нед Ленд и сам прекрасно это видел. И тем не менее изнывал от нетерпения, снедаемый отчаянной тоской, которую мог исцелить только побег.

— Господин профессор, — сказал он мне в тот день, — пора положить этому конец. Я настроен решительно. Ваш Немо удаляется от земли и взял курс на север. Заявляю вам, мне сполна хватило Южного полюса и к Северному я с ним не пойду!

— Но что нам делать, Нед? Ведь бегство сейчас невозможно!

— Предлагаю вернуться к моей идее. Надо поговорить с капитаном. Вы ему так ничего и не сказали, когда мы были в морях вашей страны. Так давайте скажем теперь, когда мы в водах моей! Через несколько дней «Наутилус» окажется на широте Новой Шотландии. Там, недалеко от Ньюфаундленда, есть широкая бухта, куда впадает река Святого Лаврентия, а река Святого Лаврентия — это моя река, река Квебека, моего родного города! Когда я думаю об этом, ярость закипает у меня в душе, а волосы встают дыбом. Ей-богу, господин профессор, я скорее брошусь в море! Но здесь я не останусь! Я здесь задыхаюсь!

Очевидно, терпение канадца было на исходе.

Его деятельная натура не могла больше мириться с таким долгим заточением. Он менялся в лице с каждым днем. Он становился все более угрюмым. Уже почти семь месяцев мы не получали никаких вестей с земли. К тому же отстраненность капитана Немо, его частые перепады настроения, особенно после битвы с гигантскими кальмарами, его неразговорчивость, — все это заставило меня взглянуть на вещи под другим углом. Я больше не испытывал восторга первых дней. Нужно было родиться фламандцем, как Консель, чтобы спокойно воспринимать это существование в чуждой нам среде, предназначенной для китов и других обитателей морей. Воистину, если бы у этого славного юноши вместо легких были жабры, из него получилась бы замечательная рыба!

— Ну так как, сударь? — нетерпеливо спросил Нед Ленд, видя, что я не отвечаю.

— Что ж, насколько я понимаю, Нед, вы хотите, чтобы я спросил у капитана Немо, каковы его намерения в отношении нас?

— Да, сударь.

— Несмотря на то что он уже дал нам это понять?

— Да. Я хочу окончательно все прояснить. Если

хотите, можете спрашивать только обо мне и называть только мое имя.

— Но я его теперь почти не вижу. Он меня как будто избегает.

— Тогда тем более стоит к нему наведаться!

— Хорошо, Нед, я с ним поговорю.

— Когда? — не унимался канадец.

— Когда увижу его.

— Господин Аронакс, хотите, я сам к нему схожу?

— Нет, предоставьте это мне. Завтра…

— Сегодня, — сказал Нед Ленд.

— Будь по-вашему. Сегодня я с ним встречусь, — ответил я канадцу, который наверняка бы все испортил, если бы взялся за дело сам.

Я остался один. Дав обещание, я решил действовать немедленно. Не люблю откладывать дела в долгий ящик.

Я вернулся к себе. Из каюты капитана Немо слышались шаги. Нельзя было упускать такую возможность. Я постучал в его дверь. Ответа не последовало. Я постучал еще раз, а затем повернул ручку. Дверь отворилась.

Я вошел в каюту. Капитан был там. Он сидел за столом, погруженный в работу, и, очевидно не слышал моего стука. Полный решимости

не уходить, пока не поговорю, я подошел к нему. Капитан вскинул голову, нахмурился и сказал довольно резким тоном:

— Вы? Что вам нужно?

— Поговорить с вами, капитан.

— Как видите, я занят, сударь. У меня много работы. Я предоставил вам свободу быть одному, так неужели я не вправе пользоваться тем же?

Оказанный мне прием не располагал к продолжению беседы. Однако я был твердо намерен задать все вопросы и получить все ответы.

— Сударь, — холодно сказал я, — мне нужно поговорить с вами о деле, которое не терпит отлагательства.

— И что же это за дело? — насмешливо спросил капитан. — Вы совершили научное открытие, которое ускользнуло от моего внимания? Или море выдало вам новые секреты?

Мы были слишком далеко от интересующей меня темы. Но прежде чем я успел ответить, он показал на раскрытую перед ним рукопись и добавил уже более серьезно:

— Господин Аронакс! Вот рукопись, переведенная на несколько языков. Она содержит краткое описание моих подводных исследований. Если Богу будет угодно, она не погибнет вместе

со мной. Эта рукопись, подписанная моим именем и дополненная историей моей жизни, будет заключена в небольшой непотопляемый аппарат. Последний, кто останется в живых на борту «Наутилуса», бросит этот аппарат в море, и он поплывет по воле волн.

Имя этого человека! Его автобиография! Неужели тайна капитана Немо будет когда-нибудь разгадана? Но в ту минуту я увидел в словах капитана лишь средство, чтобы направить беседу в нужное русло.

— Капитан, — ответил я, — подобная идея достойна одобрения! Нельзя допустить, чтобы плоды ваших многолетних трудов были утеряны! Хотя выбранный вами способ их сохранения кажется мне слишком примитивным. Кто знает, в какие руки попадет этот аппарат? Куда занесут его ветры? Неужели нет более надежного средства? Может, вы или один из ваших людей могли бы…

— Никогда! — отрезал капитан.

— Ну тогда мы — я и мои товарищи — готовы взять рукопись на хранение, и если вы отпустите нас на свободу…

— На свободу? — воскликнул капитан Немо, вставая.

— Да, сударь. Именно об этом я и хотел с вами поговорить. Мы находимся на борту «Наутилуса» уже семь месяцев, и сегодня я, от имени своих друзей и от себя лично, спрашиваю: намерены ли вы удержать нас здесь навсегда?

— Господин Аронакс, — сказал капитан Немо, — сегодня мой ответ будет тем же, что и семь месяцев назад: кто ступил на борт «Наутилуса», никогда его больше не покинет.

— В таком случае вы обрекаете нас на пожизненное рабство!

— Называйте это, как вам будет угодно.

— Но ведь у каждого раба на планете есть право вернуть себе свободу! Какими бы ни были способы ее обретения, для него они все хороши!

— Никто не лишает вас этого права, — ответил капитан Немо. — Разве я когда-либо пытался связать вас клятвой?

Капитан смотрел на меня, скрестив руки на груди.

— Сударь! — сказал я. — Мне, как и вам, не доставляет ни малейшего удовольствия повторно возвращаться к этому вопросу. Но раз уж мы его затронули, давайте окончательно все проясним. Повторяю, речь идет не только обо мне. Я всегда могу найти спасение в своих исследованиях,

которые являются для меня мощным источником отвлечения, любимым занятием и даже страстью — благодаря им я могу забыть обо всем на свете. Как и вы, я привык жить во мраке безвестности, лелея в душе призрачную надежду когда-либо завещать потомкам результат моих трудов посредством некоего гипотетического устройства, доверенного прихотям волн и ветров. Словом, я могу вами восхищаться, могу следовать за вами, находя некоторое удовольствие в отведенной мне роли; однако есть и другие стороны вашей жизни, окутанные тайнами и чреватые затруднениями, в которых ни мне, ни моим товарищам нет места. И, невзирая на искреннее сочувствие, которое мы к вам порой испытывали, тронутые вашим горем или восхищенные вашим гениальным умом и отвагой, нам пришлось подавить в себе ростки этой симпатии, которая неизбежно зарождается при встрече с незаурядной личностью — неважно, друг это или враг. Однако нам чуждо все, чем вы так дорожите — именно осознание этого факта делает нашу жизнь здесь невыносимой, невозможной! Даже для меня, но особенно — для Неда Ленда. Любой человек достоин того, чтобы о нем думать — на том лишь основании, что он человек!

Задавались ли вы вопросом, какие планы мести могут зародиться из-за любви к свободе и ненависти к рабству в душах таких натур, как этот канадец? Что может он замыслить, спланировать, предпринять?..

Я замолчал. Капитан Немо поднялся.

— Пусть Нед Ленд замышляет, планирует и предпринимает все, что хочет. Меня это не волнует. Ведь это не я к нему пришел! И не ради собственного удовольствия взял его на борт! Что до вас, господин Аронакс, то вы из тех, кто может правильно истолковать все, даже молчание. Мне больше нечего вам сказать. Пусть это будет наш первый и последний разговор на эту тему, поскольку во второй раз я могу даже отказаться вас выслушать.

Я удалился. С этого дня наше положение стало очень напряженным. Я пересказал наш разговор товарищам.

— Зато теперь мы знаем, — сказал Нед, — что ждать от этого человека нечего. «Наутилус» подходит к Лонг-Айленду. Мы убежим, независимо от погоды!

Однако небо становилось все более мрачным. Надвигался ураган. В воздухе повисла молочно-белая пелена. Перистые облака на горизонте

сменились слоисто-кучевыми. Над головой стремительно проносились низкие тучи. Море словно разбухало, вздуваясь огромными валами. Птицы исчезли, кроме друзей штормов — буревестников. Барометр опустился до предельных значений. Близилась схватка двух стихий. Смесь в штормглассе распадалась на составляющие под воздействием заряженной электричеством атмосферы.

Шторм разразился 18 мая, в тот самый момент, когда «Наутилус» находился на широте Лонг-Айленда, в нескольких милях от Нью-Йорка. Я могу подробно описать эту битву стихий только благодаря тому, что капитан Немо, по какому-то необъяснимому капризу, рискнул остаться на поверхности океана.

Юго-западный ветер поначалу дул со скоростью пятнадцати метров в секунду, то есть был всего лишь очень свежим, но к трем часам дня его скорость увеличилась до двадцати пяти метров в секунду. А значит, начинался шторм.

Капитан Немо, равнодушный к ярости ветра, занял место на палубе. Он привязал себя веревкой, обмотав ее вокруг пояса, чтобы гигантские волны не смыли его за борт. Я последовал его примеру, восхищенно наблюдая за поединком

между бурей и этим невероятным человеком, бросившим ей вызов.

Огромные клочья облаков метались над взъерошенным морем, смешиваясь с волнами. Я уже не видел маленьких промежуточных волн, которые зарождаются в провалах между большими валами, — а только длинные сизые валы, такие плотные, что на их гребнях даже не появлялись барашки. Волны становились все выше, сталкиваясь друг с другом. «Наутилус» то заваливался на бок, то вздымался, словно мачта, болтаясь в качке и ныряя носом.

Около пяти часов с неба хлынули потоки дождя, но они не смогли успокоить ни ветер, ни море. Ураган разогнался до сорока пяти метров в секунду, или почти сорока лье в час. Именно при такой скорости он опрокидывает дома, срывает с крыш черепицу в портовых городах, выламывает железные решетки, передвигает двадцатичетырехфунтовые пушки. И тем не менее «Наутилус» стойко выдерживал натиск бури, оправдывая слова, произнесенные гениальным инженером: «Нет такого хорошо сконструированного судна, которое не могло бы противостоять морю!» «Наутилус» не был скалой, уязвимой для разрушительной мощи волн, — он был стальным

веретеном, послушным и проворным, без мачт и оснастки, которое не отступало перед их яростью.

Я внимательно наблюдал за бушующими валами. Они достигали пятнадцати метров в высоту при длине от ста пятидесяти до ста семидесяти пяти метров, а их скорость составляла пятнадцать метров в секунду — в два раза меньше, чем скорость ветра. Их мощь и объем нарастали с глубиной. Теперь я понял, какую важную роль выполняют волны: захватывая с поверхности кислород, они увлекают его на дно, насыщая морские глубины жизнью. Сила их давления, по подсчетам ученых, может увеличиваться до трех тонн на квадратный фут, когда они обрушиваются на какую-нибудь поверхность. К примеру, на Гебридских островах такие волны переместили каменную глыбу весом восемьдесят четыре тысячи фунтов[213]. А во время шторма 23 декабря 1864 года, разрушив часть японского города Эдо[214], они понеслись дальше со скоростью семьсот километров в час и в тот же день разбились о берега Америки.

---

[213] Сноски: 213
Около 38 тонн.

[214] Сноски: 214
Старое название Токио, современной столицы Японии, до 1868 года.

С наступлением темноты буря усилилась. Как и во время циклона 1860 года на острове Реюньон, барометр упал до семисот десяти миллиметров. В конце дня я заметил на горизонте крупное судно, отчаянно боровшееся со стихией. Оно дрейфовало на малом ходу, пытаясь удержаться в вертикальном положении. Вероятно, это был один из пароходов, курсирующих между Нью-Йорком и Ливерпулем или Гавром. Вскоре корабль исчез во тьме.

В десять часов вечера небо вспыхнуло огнем. Ослепительные молнии полосовали воздух. Для меня их яркость была невыносимой, но капитан Немо смотрел на них в упор, словно вбирая в себя душу бури. Все пространство дрожало от страшного грохота, в котором слышался и рев бушующих волн, и завывание ветра, и раскаты грома. Ветер дул со всех сторон, так что циклон, придя с востока, смещался по кругу на север, запад, юг, чтобы снова вернуться в исходную точку, двигаясь против часовой стрелки, — в отличие от штормовых вихрей Южного полушария.

О, Гольфстрим! Он вполне оправдывал звание короля бурь! Именно он порождает страшные циклоны, которые возникают из-за разницы температур между его теплыми потоками и хо-

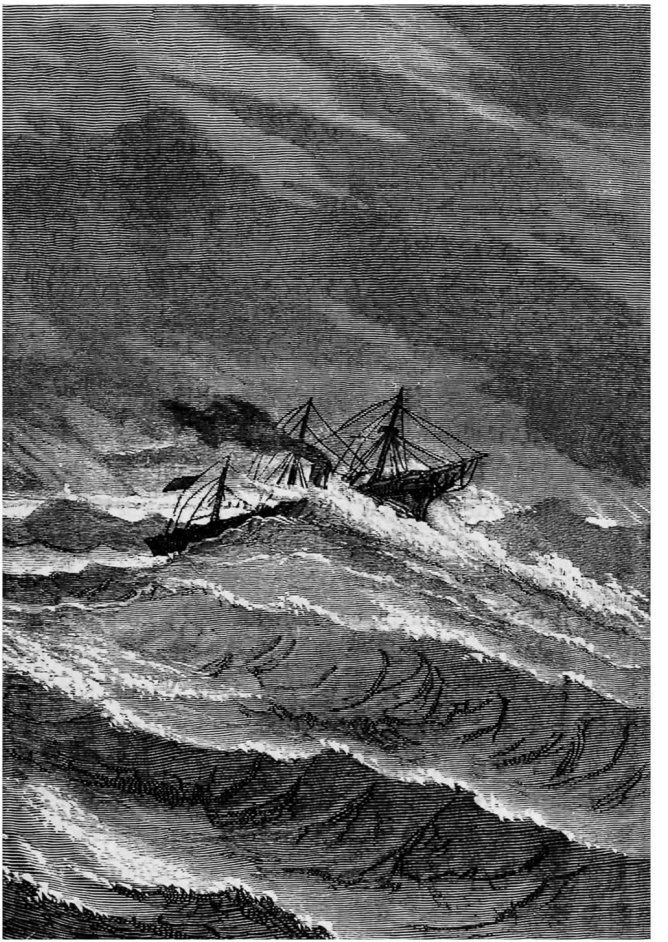
лодными воздушными массами.

Дождь сменился огненным ливнем. Капли воды превращались в сверкающие искры. Можно было подумать, что капитан Немо искал достойной смерти и хотел, чтобы его пронзила молния. Из-за ужасной килевой качки «Наутилус» встал на дыбы, направив в небо свой стальной таран, словно шест громоотвода, и из него посыпались длинные снопы искр.

Измученный, почти без сил, я лег на живот и пополз к люку. Открыл его и спустился в салон. Буря достигла своего апогея. Внутри «Наутилуса» было невозможно держаться на ногах.

Капитан Немо спустился ближе к полуночи. Я услышал, как резервуары постепенно заполняются водой, и вскоре «Наутилус» медленно ушел под воду.

Из окон салона я видел больших перепуганных рыб, которые призрачными тенями скользили в огненной воде. Некоторых сразило молнией у меня на глазах!



Крупное судно дрейфовало на малом ходу.

Дождь сменился огненным ливнем.

«Наутилус» продолжал погружаться. Я думал, что он достигнет спокойной воды на глубине пятнадцати метров. Но нет! Шторм слишком яростно раскачивал верхние слои океана. В поисках спокойствия пришлось опуститься в недра моря до пятидесяти метров.

Зато какой здесь царил покой, какая тишь и безмятежность! Кто бы мог подумать, что на поверхности океана бушует грозный ураган?

Глава двадцатая
На 47°24’ северной широты и 17°28’ западной долготы

Шторм отбросил нас к востоку. Всякая надежда совершить побег у берегов Нью-Йорка или в окрестностях залива Святого Лаврентия развеялась как дым. Бедняга Нед, отчаявшись, уединился в каюте, подобно капитану Немо. Мы с Конселем больше не отходили друг от друга ни на шаг.

Я сказал, что «Наутилус» отнесло к востоку. Мне следовало сказать «к северо-востоку» — так было бы точнее. В течение нескольких дней он шел то по волнам, то под волнами, блуждая среди густых туманов, столь опасных для мореплавателей. В основном они возникают из-за таяния ледников, что приводит к чрезмерному повышению влажности воздуха. Сколько кораблей затонуло в этих краях, тщетно пытаясь различить неясные огни побережья! Сколько трагедий случилось по вине непроглядных туманов! Сколько судов разбилось о рифы, не уловив заглушаемый ветром шум бурунов! Сколько про-

изошло столкновений, несмотря на сигнальные огни, предупредительные свистки и тревожный звон судовых колоколов!

Вот почему дно этих морей напоминает поле битвы, где полегли все проигравшие в схватке с океаном: и старые, давно затонувшие суда, покрытые ракушками и тиной; и новые, недавние, блестевшие железными частями и медными килями в свете нашего прожектора. Сколько кораблей погибло вместе с командой и толпами эмигрантов в таких опасных районах, упоминаемых в статистике, как мыс Кейп-Рейс, остров Святого Павла, пролив Белл-Айл и эстуарий реки Святого Лаврентия! Сколько жертв занесено в эти поминальные списки судоходными компаниями «Роял-Мейл», «Инман», «Монреаль» только за последние несколько лет! «Солуэй», «Исида», «Параматта», «Венгерец», «Канадец», «Англо-Саксонец», «Гумбольдт», «Соединенные Штаты» затонули, сев на мель; «Арктика», «Лионец» пошли ко дну из-за полученной при столкновении пробоины; «Президент», «Пацифик», «Город Глазго» погибли по невыясненным причинам, — и теперь «Наутилус» скользил среди этих печальных обломков, словно принимая парад мертвецов!

Пятнадцатого мая мы находились на южной

оконечности подводной банки Ньюфаундленда. Эта банка образована морскими отложениями и представляет собой огромную массу органических останков, нанесенных сюда либо с Экватора — Гольфстримом, либо с Северного полюса — холодным противотечением, проходящим вдоль побережья Америки. Также здесь скапливаются глыбы льда, отколовшиеся во время ледохода. Миллиарды рыб, моллюсков и зоофитов гибнут здесь, превращая это место в гигантский оссуарий.

Глубина около Ньюфаундлендской банки незначительна — всего несколько сотен морских саженей. Однако на юге ее дно резко уходит вниз, образуя провал глубиной три тысячи метров. Там Гольфстрим расширяется, достигая своего расцвета. Он теряет скорость и температуру, зато становится настоящим морем.

Среди рыб, испуганных появлением «Наутилуса», я хотел бы упомянуть пинагора метровой длины, с черноватой спиной и оранжевым брюхом, который является для своих собратьев редким образцом супружеской верности; огромного, превосходного на вкус гимнелиса — разновидность зеленой мурены; большеглазых карраков, чья голова напоминает собачью; яйцеживородя-

щих, как змеи, морских собачек; морских бычков длиной двадцать сантиметров; макрурусов с длинным хвостом и блестящей серебристой чешуей — проворных рыб, которые отваживаются заплывать далеко от северных морей.

Также сети принесли отважную, дерзкую, сильную, мускулистую рыбу с колючками на голове и шипами на плавниках — настоящего скорпиона длиной два-три метра, грозу морских собачек, трески и лососей. Это был коттункул, обитатель северных морей, с бугристой кожей коричневого цвета и красными плавниками. Моряки «Наутилуса» потратили немало сил, чтобы изловить это животное, которое благодаря особому строению жаберных крышек предохраняет свои дыхательные органы от иссушающего воздействия воздуха и может некоторое время жить вне воды.

Перечислю, чтобы не забыть, хенопсисов — маленьких рыбок, которые могут долго следовать за кораблями в северных морях; длиннорылых уклеек, обитающих только на севере Атлантики, и скорпен; а затем перейду к тресковым, в частности, к виду атлантической трески, представителей которого заметил в изобильных водах Ньюфаундлендской банки.

Их можно назвать горными рыбами, поскольку

остров Нью-Фаундленд — не что иное, как подводная гора. Когда «Наутилус» начал прокладывать себе дорогу сквозь плотно сомкнутые ряды трески, Консель не удержался от замечания:

— Вот это да! А я думал, что атлантическая треска плоская, как камбала или морской язык!

— Наивный мальчик! — рассмеялся я. — Треска бывает плоской только в лавке бакалейщика, где ее выставляют в потрошеном и распластанном виде. Но в воде эти рыбы имеют веретенообразную форму, как у кефали, и вдобавок они превосходные пловцы.

— У меня нет причин не верить господину профессору, — ответил Консель. — Да их тут тьма! Настоящий муравейник!

— А было бы еще больше, если бы не враги: скорпены и люди! Знаешь ли ты, мой друг, сколько икринок созревает в одной самке?

— Пятьсот тысяч, — предположил Консель. — Это если совсем уж расщедриться.

— Одиннадцать миллионов, мой друг.

— Одиннадцать миллионов? Ни за что не поверю! Разве что сам их пересчитаю.

— Можешь пересчитать, Консель. Но лучше поверь мне на слово, чтобы не терять времени зря. Кстати, французы, англичане, американцы, дат-

чане и норвежцы вылавливают атлантическую треску тысячами особей. Эту рыбу потребляют в немыслимых количествах, и если бы не ее удивительная плодовитость, она давно исчезла бы из всех морей. К примеру, только лишь в Англии и Америке ловлей трески занимаются, в общей сложности пять тысяч судов, на борту которых находятся семьдесят пять тысяч рыбаков. Каждое судно добывает около сорока тысяч особей атлантической трески, что составляет в общей сложности двадцать пять миллионов[215]. То же самое происходит у берегов Норвегии.

— Так и быть, — согласился Консель, — поверю господину на слово. Не стану их пересчитывать.

— Пересчитывать что?

— Одиннадцать миллионов икринок. Но позволю себе одно замечание.

— Какое же?

— Если бы мальки вылуплялись из всех икринок, то четырех рыб этого вида хватило бы, чтобы накормить Англию, Америку и Норвегию.

Пока мы скользили в воде у самого дна Ньюфаундлендской банки, я отчетливо разглядел длинные снасти для ловли трески, по двести

---

[215] Сноски: 215
В действительности двадцать миллионов.

крючков на каждой, причем каждая лодка ставит дюжины таких снастей. Снасть опускается на глубину с помощью маленького якорька, а ее верхний конец удерживается на поверхности благодаря пробковому поплавку. «Наутилус» ловко маневрировал в этой подводной сети из рыболовных снастей.

Впрочем, он не стал надолго задерживаться в этих часто посещаемых водах, а поднялся до сорок второго градуса северной широты. Здесь находятся Сент-Джонс, столица Нью-Фаундленда, и крошечный портовый городок Хартс-Контент, где заканчивается трансатлантический кабель.

Вместо того чтобы продолжить свой путь на север, «Наутилус» повернул на восток, словно хотел пройти вдоль телеграфного плато, на котором покоится кабель и рельеф которого определен с большой точностью благодаря многократному зондированию.

Семнадцатого мая, когда мы были примерно в пятистах милях от Хартс-Контента, на глубине двух тысяч восьмисот метров, я заметил лежащий на дне кабель. Консель, которого я не успел предупредить, поначалу принял его за гигантскую морскую змею и уже хотел было, по обыкновению, приступить к научной классификации. Но я

рассеял заблуждения славного юноши и, чтобы он поскорее забыл о своей досадной оплошности, подробно рассказал ему о прокладке этого кабеля.

Первый кабель установили в течение 1857 и 1858 годов; однако, передав около четырехсот телеграмм, он вышел из строя. В 1863 году инженеры сконструировали новый кабель, длиной три тысячи четыреста километров и весом четыре с половиной тонны, и погрузили его на борт парохода «Грейт Истерн». Но и эта попытка не увенчалась успехом.

Двадцать пятого мая «Наутилус», держась на глубине трех тысяч восьмисот тридцати шести метров, находился в том самом месте, где произошел разрыв, едва не погубивший все предприятие. Это случилось в шестистах тридцати восьми милях от берегов Ирландии. В два часа пополудни телеграфная связь с Европой неожиданно прервалась. Судовые электрики решили перерезать кабель, прежде чем доставать его со дна, и в одиннадцать часов вечера извлекли из воды поврежденный участок. Порыв устранили, швы запаяли, после чего кабель вернули в море. Однако через несколько дней он снова порвался и сгинул в океанских глубинах.

Американцы не теряли оптимизма. Отважный Сайрус Филд, идейный вдохновитель предприятия, вложивший в него все свои сбережения, объявил новую подписку. Нужную сумму денег собрали почти мгновенно. Вскоре был установлен другой, усовершенствованный кабель. Пучок электрических проводов, изолированных слоем гуттаперчи, покрыли защитной текстильной покрышкой и поместили в металлическую оболочку. «Гранд Истерн» снова отправился в море 13 июля 1866 года.

На этот раз все шло благополучно. Правда, не обошлось без происшествий. Разматывая кабель, электрики стали частенько замечать гвозди, вбитые совсем недавно, — очевидно, с целью повредить сердцевину проводов. Посовещавшись с офицерами и инженерами, капитан Андерсен объявил, что если виновного схватят на месте преступления, то сразу же бросят в море без суда и следствия. После чего вредительские попытки прекратились.

Двадцать третьего июля, когда «Грейт Истерн» находился в каких-нибудь восьмистах километрах от Нью-Фаундленда, из Ирландии пришла телеграмма с новостью о заключении мира между Пруссией и Австрией после битвы при Са-

дове. А 27 июля сквозь туман показалась гавань Хартс-Контента. Предприятие завершилось благополучно, и в своей первой депеше юная Америка обратилась к старушке Европе с мудрыми словами, истинный смысл которых так часто остается непонятым: «Слава Богу в вышине небес! А на земле мир людям, к которым Он благоволит!»[216]

Я и не рассчитывал найти электрический кабель в первозданном виде, то есть каким он вышел из заводских цехов. Длинная змея, облепленная осколками ракушек и фораминифер, была покрыта каменистой коркой, которая защищала ее от сверлящих моллюсков. Она спокойно лежала на дне, вне досягаемости бурных волн, под огромным давлением, помогающим электрической искре преодолевать расстояние от Америки до Европы за тридцать две сотых доли секунды. Нет никаких сомнений, что этот кабель прослужит бесконечно долго, поскольку от пребывания в морской воде оболочка из гуттаперчи становится еще прочнее.

К тому же на этом столь удачно выбранном плато кабель всегда находится на безопасной

---

[216] Сноски: 216
Евангелие от Луки (2:14).

глубине, где он не может порваться. «Наутилус» спустился до самого нижнего участка его залегания, на глубине четырех тысяч четырехсот тридцати одного метра, — но и там кабель не обнаруживал признаков излишнего натяжения. А потом мы приблизились к месту, где произошел несчастный случай в 1863 году.

Здесь океанское дно представляет собой долину шириной в сто двадцать километров — если поместить сюда гору Монблан, ее вершина даже не покажется над водой. С востока эта долина ограничена двухкилометровой стеной из скал. Мы подошли к ней 28 мая и находились теперь не более чем в ста пятидесяти километрах от Ирландии.

Неужели капитан Немо намеревался подняться выше и причалить к Британским островам? Нет. К моему огромному удивлению, он вновь спустился к югу, вернувшись в европейские моря. Когда мы огибали Изумрудный остров[217], я на мгновение увидел Клир-Айленд и маяк на скале Фастнет, который освещает путь тысячам судов, выходящих из Глазго или Ливерпуля.

Один важный вопрос не давал мне покоя. Осме-

[217] Сноски: 217

Неофициальное название Ирландии, которая весь год покрыта зеленью благодаря мягкому климату.

лится ли «Наутилус» пройти через Ла-Манш? Нед Ленд, который опять появился, как только мы приблизились к земле, беспрестанно спрашивал меня об этом. Но что я мог ответить? Капитан Немо оставался невидимым. Возможно, позволив канадцу краем глаза взглянуть на берега Америки, он теперь собирался показать мне берега Франции?

Тем временем «Наутилус» продолжал спускаться к югу. Тридцатого мая он прошел мимо Лендс-Энда[218], между крайней точкой Англии и архипелагом Силли, оставив его по правому борту.

Если бы он хотел войти в Ла-Манш, ему бы следовало сильно забрать на восток. Но он этого не сделал.

В течение всего дня 31 мая «Наутилус» оставался на поверхности, нарезая по морю круги, что меня крайне заинтриговало. Казалось, он ищет какое-то место, но никак не может его найти. В полдень капитан Немо собственноручно произвел замеры координат. Со мной он даже не заговорил. И выглядел мрачнее обычного. Что могло его так опечалить? Близость европейских

---

[218] Сноски: 218

Скалистый мыс на юго-западе Великобритании (*англ.* Land's End, буквально — «Край земли»).

берегов? Или какое-то воспоминание о давно покинутой родине? Что его мучило? Угрызения совести или тоска? Эта мысль уже давно занимала мой разум, и у меня было предчувствие, что вскоре сама судьба выдаст мне секреты капитана.

На следующий день, 1 июня, «Наутилус» продолжил те же маневры. Совершенно очевидно, он искал определенную точку в океане. Как и накануне, капитан Немо сам поднялся на палубу, чтобы измерить высоту солнца. Море оставалось спокойным, небо ясным. На линии горизонта, в восьми милях к востоку от нас, вырисовывались очертания большого парохода. К сожалению, у него на гафеле не было флага, и я не смог определить, какой стране он принадлежит.

За несколько минут до прохождения солнца через меридиан капитан Немо взял секстант и стал внимательно наблюдать за показаниями. Безмятежность моря облегчала ему задачу. «Наутилус» стоял неподвижно, не испытывая ни килевой, ни бортовой качки.

В тот момент я тоже находился на палубе. Закончив измерения, капитан произнес только два слова:

— Это здесь!

После чего сошел в люк. Заметил ли он судно, которое изменило курс и, похоже, двигалось теперь в нашу сторону? Этого я не знал.

Я вернулся в салон. Люк закрылся, и я услышал, как резервуары с шипением заполняются водой. «Наутилус» начал погружаться строго по вертикали, так как неподвижный винт больше не задавал ему направление.

Через несколько минут, достигнув глубины в восемьсот тридцать три метра, он опустился на дно.

— Это здесь! — сказал капитан Немо.

Электрический потолок тут же погас, ставни опять раздвинулись, и я увидел море, ярко освещенное лучами прожектора на полмили вокруг.

Я посмотрел налево, но не заметил ничего, кроме безбрежного водного пространства.

Зато мое внимание привлек необычный холм, который возвышался на дне по правому борту. Это было похоже на руины, погребенные под сугробом из белоснежных ракушек. Приглядевшись, я различил очертания большого корабля со срезанными мачтами, — должно быть, он затонул из-за пробоины в носовой части. Очевидно, крушение произошло уже давно. Судя по толщине известковых отложений, остов корабля пролежал на дне океана долгие годы.

Что это за корабль? Почему «Наутилус» решил навестить его могилу? Чем он отличался от других жертв крушения, покоившихся под водой?

Я терялся в догадках, и тут рядом послышался спокойный голос капитана Немо:

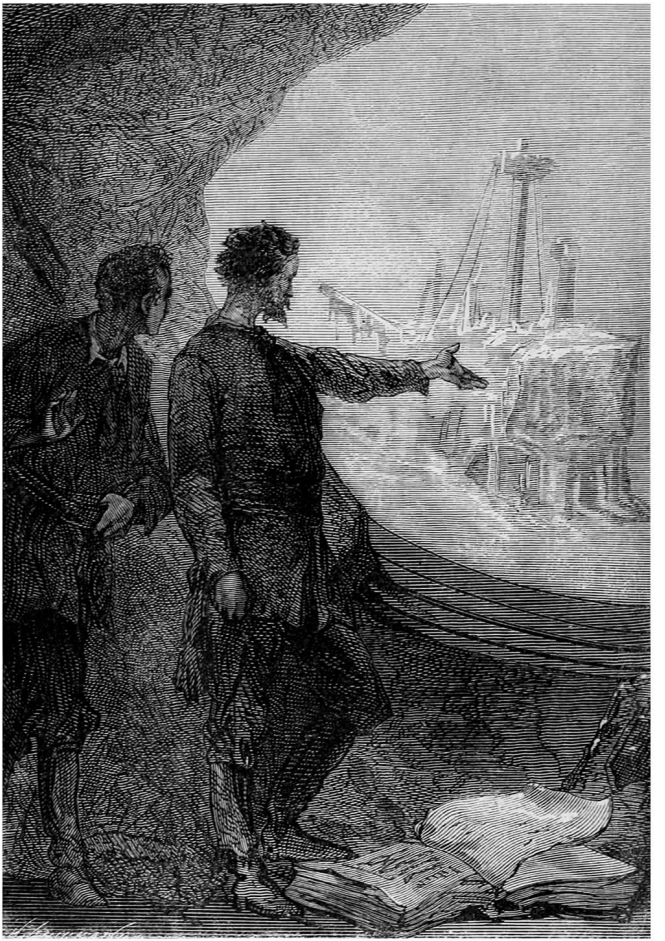
— Когда-то этот корабль назывался «Марселец». Он имел на борту семьдесят четыре пушки и был спущен на воду в тысяча семьсот шестьдесят втором году. А тринадцатого августа тысяча семьсот семьдесят восьмого года, под командованием ка-

питана де Ла Пуап-Вертриё, смело вступил в бой с «Престоном». В тысяча семьсот семьдесят девятом году четвертого июля «Марселец» участвовал во взятии Гренады в составе эскадры адмирала д'Эстена. В тысяча семьсот восемьдесят первом году пятого сентября принял участие в Чесапикском сражении под командованием графа де Грасса. В тысяча семьсот девяносто четвертом году Французская республика поменяла ему имя; шестнадцатого апреля того же года он присоединился в Бресте к эскадре Вилларе-Жуайёза, получившей приказ сопровождать караван судов с грузом пшеницы, который шел из Америки под командованием адмирала Ван Стабеля. Одиннадцатого и двенадцатого прериаля[219] второго года эскадра встретилась с английскими судами. Господин профессор, сегодня тринадцатое прериаля тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года. Ровно семьдесят четыре года назад, день в день, на этом самом месте с координатами сорок семь градусов двадцать четыре минуты северной широты и семнадцать градусов двадцать восемь минут западной долготы, после героической

[219] Сноски: 219

Девятый месяц французского республиканского календаря (20–21 мая — 18–19 июня), действовавшего с октября 1793-го по 1 января 1806 г.

битвы, лишившись трех своих мачт, с полными трюмами воды, потеряв треть команды, этот корабль предпочел затонуть, имея на борту триста пятьдесят шесть моряков, чем сдаться врагу, и, прибив флаг к корме, пошел ко дну под крики «Да здравствует Республика!»



— «Мститель»! — воскликнул я.

— «Мститель»! — воскликнул я.

— Да, сударь. Мститель! Какое прекрасное имя, — пробормотал капитан Немо, скрещивая руки на груди.

Глава двадцать первая
Гекатомба[220]

Произнесенная капитаном речь, внезапность происходящего — сначала бесстрастный рассказ о погибшем за родину корабле, потом с таким жаром произнесенные последние слова этого необыкновенного человека, название «Мститель», смысл которого не мог ускользнуть от моего внимания, — все это поразило меня до глубины души. Я не сводил с капитана глаз. Тот стоял, протягивая руки к морю, и с пылающим взором разглядывал героические останки. Возможно, мне было не суждено узнать, кто он, откуда пришел и куда направляется, но теперь я все более отчетливо видел, как сквозь образ ученого проступают черты человека. Нет, вовсе не мизантропия заточила капитана Немо и его товарищей на борту «Наутилуса», но чудовищная — а может, возвышенная, — ненависть, над которой не властно время.

Жаждала ли эта ненависть отмщения? Скоро

---

[220] Сноски: 220

Жестокое и бессмысленное уничтожение или гибель множества людей (во время войн, стихийных бедствий, эпидемий и т. п.).

мне предстояло это узнать.

Между тем «Наутилус» стал медленно подниматься к поверхности моря, и неясные очертания «Мстителя» постепенно скрылись из виду. Через некоторое время по легкой бортовой качке я понял, что мы уже всплыли.

И в этот момент раздался приглушенный звук взрыва. Я посмотрел на капитана. Капитан не сдвинулся с места.

— Капитан?.. — вопросительно произнес я.

Он не ответил.

Я оставил его и поднялся на палубу. Консель и канадец успели меня опередить.

— Откуда этот грохот? — спросил я.

— Это пушечный залп, — ответил Нед Ленд.

Я глянул в ту сторону, где чуть раньше заметил неизвестное судно. Теперь оно шло на всех парах, стремительно приближаясь к «Наутилусу». Шесть миль отделяли нас от него.

— Что это за судно, Нед?

— Готов побиться об заклад, что это военный корабль, — заявил канадец, — судя по оснастке и по высоте нижних мачт. Надеюсь, он нас атакует и, если придется, потопит этот чертов «Наутилус»!

— Мой дорогой Нед, — возразил Консель, —

каким образом этот корабль сможет навредить «Наутилусу»? Разве он способен атаковать под водой? Или палить из пушек в морских глубинах?

— Скажите, Нед, можете ли вы определить, какой стране принадлежит это судно? — спросил я.

Канадец сдвинул брови, прищурился и несколько минут разглядывал корабль своим орлиным взором.

— Нет, профессор, — покачал он головой. — Это невозможно. Его флаг спущен. Но я могу смело утверждать, что это военный корабль, потому что на верхушке его грот-мачты развевается длинный вымпел.

В течение четверти часа мы продолжали наблюдать за приближающимся кораблем. Вряд ли его моряки могли разглядеть «Наутилус» с такого расстояния и тем более догадаться, что перед ними подводное судно.

Вскоре канадец сообщил мне, что это большой двухпалубный линкор, оснащенный тараном. Мощные столбы черного дыма вырывались из двух его труб. Сложенные паруса сливались с реями. Флага на гафеле не было. Расстояние пока не позволяло разглядеть цвета его вымпела, который развевался на ветру узкой лентой.

Линкор стремительно продвигался вперед. Ес-

ли бы капитан Немо подпустил его ближе, у нас появился бы шанс спастись.

— Господин профессор, — сказал мне Нед Ленд, — как только этот корабль подойдет к нам на расстояние мили, я брошусь в воду. Предлагаю вам последовать моему примеру.

Я ничего не ответил, продолжая наблюдать за кораблем, который увеличивался в размерах на наших глазах. Кому бы ни принадлежало это судно — Англии, Франции, Америке или России, — нас совершенно точно приняли бы на борту, если бы мы до него доплыли.

— Мой господин, должно быть, помнит, что у нас уже есть некоторый опыт в плавании, — сказал вдруг Консель. — Я мог бы с легкостью отбуксировать господина до корабля, если он пожелает следовать за любезным Недом.

И только я собирался ответить, как в носовой части линкора мелькнула струйка белого дыма. Через несколько секунд что-то тяжелое рухнуло в воду возле кормы «Наутилуса», подняв фонтан брызг. Мгновение спустя раздался звук взрыва.

— Как?! Они по нам стреляют! — воскликнул я.

— Молодцы! — пробормотал канадец.

— А я-то думал, нас примут за жертв кораблекрушения, цепляющихся за обломок судна!

— С позволения господина… Неплохой выстрел! — Консель стряхнул брызги, которыми его окатил очередной упавший в море снаряд. — С позволения господина, осмелюсь предположить, что они заметили «нарвала» — и палят из пушек по «нарвалу».

— Но ведь они же видят, что имеют дело с людьми!

— Так может, как раз поэтому и палят! — сказал Нед Ленд, глядя мне в глаза.

И тут меня осенило. Ну конечно! Теперь все знали, что никакого чудовища не существует. Ведь когда Нед Ленд ударил по «Наутилусу» гарпуном, капитан Фаррагут, конечно, сразу понял, что это вовсе не нарвал, а подводная лодка, которая куда опаснее мифического кита!

Да! Несомненно, так оно и было. И теперь корабли всех стран бороздили моря в поисках этой страшной машины разрушения!

И в самом деле, страшное орудие — если, как можно было подозревать, капитан Немо использовал «Наутилус» для мести! Разве не для того он нас запер в каюте той ночью, посреди Индийского океана, чтобы атаковать какое-то судно? Разве моряк, что покоится нынче на коралловом погосте, не был случайной жертвой

нанесенного «Наутилусом» удара? Да! Повторяю еще раз: несомненно, так оно и было. Вот и приоткрылась завеса над частью тайной жизни капитана Немо! И хотя его личность по-прежнему оставалась загадкой, зато теперь все страны мира сообща преследуют не фантастическое животное, а человека, воспылавшего к ним лютой ненавистью!

Страшные картины прошлого вновь предстали моим глазам. Вместо друзей мы могли встретить на этом военном корабле только беспощадных врагов.

Тем временем снаряды падали вокруг нас все чаще. Некоторые, срикошетив от водной поверхности, отлетали на далекое расстояние и терялись в волнах. Однако ни один выстрел не попал в цель.

Линкор теперь находился не более чем в трех милях. Несмотря на ожесточенную канонаду, капитан Немо не появлялся на палубе. Хотя любой из этих конических снарядов, попади он по корпусу «Наутилуса», мог бы оказаться для судна роковым.

И тут канадец сказал мне:

— Господин профессор, мы должны сделать все возможное, чтобы выбраться из этой передряги.

Давайте подадим им сигнал! Тысяча чертей! Быть может, тогда они поймут, что мы порядочные люди!

Нед Ленд вытащил свой платок, собираясь размахивать им в воздухе. Но не успел он его развернуть, как рухнул на палубу от удара железного кулака, — и даже колоссальная физическая сила не помогла ему устоять на ногах.

— Негодяй! — проревел капитан. — Хочешь, чтобы я пригвоздил тебя к тарану «Наутилуса», прежде чем он продырявит этот корабль?

Страшно было слушать капитана Немо, но смотреть на него было еще страшнее. Лицо его побелело от спазма сердца, которое, вероятно, на миг перестало биться. Зрачки пугающе сузились. А голос стал похож на звериный рык. Склонившись над канадцем, капитан яростно тряс его за плечи.

— Негодяй! Хочешь, чтобы я…

Затем, оставив Неда в покое, он повернулся к линкору, осыпавшему нас снарядами.

— А, посланник проклятой нации! Ты знаешь, кто я! — прокричал он зычным голосом. — Мне не нужен твой флаг, чтобы узнать тебя! Смотри! Я покажу тебе свой!

И капитан Немо, встав на носу, развернул черный флаг — в точности такой же, какой он водрузил на Южном полюсе.

В тот же миг очередной снаряд задел по касательной корпус «Наутилуса», не причинив ему вреда, после чего срикошетил у ног капитана и отскочил в море.

Капитан Немо пожал плечами. Затем повернулся ко мне.

— Идите вниз, — коротко бросил он. — Все трое!

— Капитан! — воскликнул я. — Неужели вы атакуете это судно?

— Я его потоплю.

— Вы этого не сделаете!

— Сделаю, — холодно ответил капитан Немо. — Не вам меня судить, профессор. Лишь по роковой случайности вам открылось то, чего вы не должны были видеть. На меня напали. И ответ будет

страшен. Спускайтесь в каюту!

— Но что это за корабль?

— Так вы не знаете? Что ж, тем лучше! По крайней мере его национальность останется для вас секретом. Спускайтесь!

Мы с канадцем и Конселем были вынуждены подчиниться. Около пятнадцати моряков «Наутилуса» окружили капитана, с непримиримой ненавистью глядя на приближающийся корабль. Чувствовалось, что их души пылают одинаковой жаждой мщения.

Когда я спускался по лестнице, очередной снаряд царапнул по корпусу «Наутилуса», и до меня донесся крик капитана:

— Бей, сумасшедший корабль! Расходуй свои бесполезные снаряды! Тебе не уйти от шпирона «Наутилуса»! Но не здесь будет твоя могила! Твоим останкам не место рядом с останками героического «Мстителя»!

Я вернулся к себе в каюту. Капитан и его старший помощник остались на палубе. Вскоре заработал винт, и «Наутилус» быстро оказался вне досягаемости снарядов. Линкор не отставал, однако капитан Немо довольствовался тем, что держался от него на безопасном расстоянии.

Около четырех часов пополудни, сгорая

от нетерпения и тревоги, я вновь пришел к центральной лестнице. Люк оказался открыт. Я рискнул подняться. Капитан торопливо расхаживал по палубе, глядя на корабль, который оставался в пяти-шести милях под ветром. «Наутилус» вертелся вокруг своей оси, как дикий зверь, и постепенно уводил линкор на восток, позволяя себя преследовать. Однако сам не нападал. Быть может, капитан еще сомневался в своем решении?

Я решил заступиться в последний раз. Но капитан Немо не дал мне и рта раскрыть.

— Я сам и закон, и суд! — сказал он мне. — Я угнетенный, а вон там — мой угнетатель! Он отнял у меня все, что я любил, ценил, почитал: родину, жену, детей, отца, мать! Все они погибли у меня на глазах! Этот корабль — воплощение всего, что мне ненавистно! Так что молчите!

Бросив прощальный взгляд на прибавляющий ходу линкор, я вернулся к Неду и Конселю.

— Бежим! — воскликнул я.

— Отлично! — сказал Нед. — Чье это судно?

— Не знаю. Но кому бы ни принадлежал этот линкор, он пойдет ко дну еще до наступления ночи. В любом случае лучше погибнуть вместе с ним, чем стать соучастниками возмездия,

о справедливости которого мы не можем судить.

— Мое мнение вам давно известно, — холодно ответил Нед Ленд. — Дождемся ночи.

И ночь наступила. На борту царила мертвая тишина. Компас показывал, что курс не изменился. Я слышал размеренный стук винта, молотящего по волнам. «Наутилус» шел по поверхности, заваливаясь из-за небольшой качки то на левый, то на правый борт.

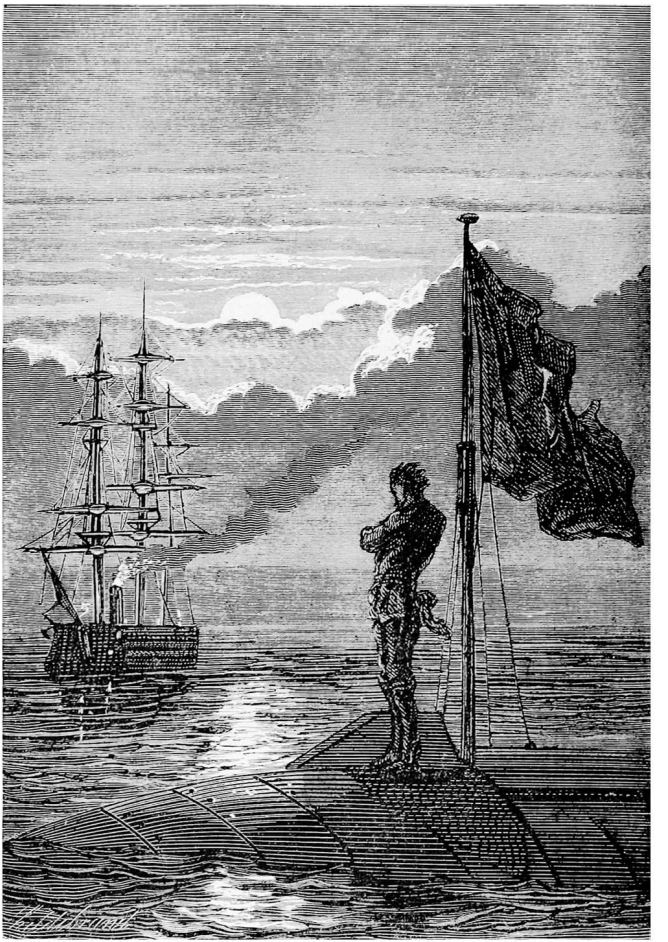
Мы решили бежать, когда судно приблизится на достаточное расстояние, чтобы нас смогли оттуда услышать или разглядеть, поскольку из-за наступавшего полнолуния луна светила ярко. Оказавшись на борту линкора, мы постараемся, если не предотвратить грозящий ему удар, то хотя бы сделать для этого все возможное. Много раз мне казалось, что «Наутилус» готовится к атаке. Однако он всего лишь замедлял ход, чтобы подпустить противника ближе, а затем вновь наращивал скорость.

Часть ночи прошла спокойно. Мы выжидали удобного случая. И почти не говорили от волнения. Нед Ленд хотел уже броситься в море, но я его удержал. По моему убеждению, «Наутилус» должен был атаковать двухпалубное судно на поверхности, так что побег казался не только

возможным, но и легко осуществимым.

В три часа ночи, снедаемый тревогой, я поднялся на палубу. Капитан Немо так ее и не покидал. Он стоял на носу, возле флага, который слегка колыхался у него над головой от легкого дуновения ветра. Он не сводил глаз с линкора. Казалось, его пристальный, цепкий взгляд способен завлечь, притянуть и удержать корабль на привязи надежнее любого буксира!

Луна как раз пересекала меридиан. На востоке всходил Юпитер. Окружающий пейзаж дышал покоем, небо и океан соперничали в безмятежности, и море предлагало ночному светилу прекраснейшее из зеркал, когда-либо отражавших его бледный лик.



Он словно притягивал его своим взглядом.

Когда я думал об этом невозмутимом спокойствии природы по контрасту с яростью, тлеющей на борту невидимого во тьме «Наутилуса», то меня пробирала дрожь.

Линкор держался на расстоянии двух миль от нас. Он подошел чуть ближе, ориентируясь на фосфоресцирующее свечение, которое указывало на присутствие «Наутилуса». Я видел его бортовые огни, зеленый и красный, а также белый огонь на верхушке фок-мачты. Зажженные на полную мощность, они мягко освещали корабельную оснастку, постепенно растворяясь в ночи. Из труб вырывались снопы искр от сгорающих углей, озаряя небосвод своим мерцанием.

Я оставался на палубе до шести часов утра, но капитан Немо меня, похоже, так и не заметил. Линкор следовал за нами на расстоянии полутора миль, и с первыми лучами солнца канонада возобновилась. Близился момент, когда «Наутилус» ринется в атаку, и мы с Недом и Конселем навсегда покинем этого таинственного человека, которого я не осмеливался судить.

Я уже собирался спуститься в каюту, чтобы предупредить своих товарищей, но тут на палубу поднялся старший помощник в сопровождении

большой группы моряков. Капитан Немо их не видел — или не хотел видеть. Моряки «Наутилуса» сделали кое-какие приготовления, которые можно было бы назвать «подготовкой к бою». Приготовления оказались нехитрыми. Леера, образующие парапет вдоль всей платформы, опустили. Кабину с прожектором и рулевую рубку убрали внутрь корпуса, так что они оказались вровень с ним. Поверхность длинной стальной «сигары» была теперь абсолютно гладкой, и ничто не мешало ее движениям.

Я вернулся в салон. «Наутилус» по-прежнему оставался на поверхности. Несколько утренних лучей скользнули в воду. Преломляясь в волнах, они румянили окна салона красноватыми бликами восходящего солнца. Начиналось утро рокового дня 2 июня.

В пять часов лаг показал, что «Наутилус» замедляет ход. Я понял, что он хочет подпустить линкор ближе. Грохот пушечных залпов стал еще оглушительнее. Море вокруг «Наутилуса» бурлило от падающих снарядов, которые со свистом ввинчивались в толщу воды.

— Друзья мои, — сказал я, — момент настал. Пожмем друг другу руки, и да поможет нам Бог!

Нед Ленд был полон решимости, Консель спо-

коен, а я с трудом сдерживал волнение.

Мы прошли в библиотеку. Как только я толкнул дверь, ведущую на площадку центральной лестницы, верхний люк внезапно захлопнулся.

Канадец ринулся к лестнице, но я его остановил. Знакомый свист дал мне понять, что резервуары заполняются водой. И действительно: через несколько мгновений «Наутилус» погрузился на глубину нескольких метров от поверхности волн.

Я разгадал его маневр. Мы опоздали.

«Наутилус» собирался нанести линкору удар не по его непробиваемой броне, а по той части корпуса, что находилась ниже ватерлинии, — там, где его обшивка не была защищена металлическим панцирем.

Мы снова оказались пленниками, невольными свидетелями ужасной драмы, которая должна была разыграться у нас на глазах. Впрочем, времени на раздумья не оставалось. Укрывшись в моей каюте, мы молча смотрели друг на друга. Меня охватило полное оцепенение. Голова опустела. Я находился в том мучительном состоянии, какое всегда испытываешь в предчувствии страшного взрыва. Я ждал, я навострил уши, я весь обратился в слух!

Между тем скорость «Наутилуса» заметно возросла. Он явно набирал ход. Весь его корпус дрожал.

И вдруг я вскрикнул от неожиданности. Произошел удар, хотя и довольно слабый. Я чувствовал проникающую силу стального бивня. Я слышал скрежет и треск. «Наутилус», подталкиваемый могучим двигателем, прошил корпус военного судна насквозь, как портновская игла парусину!

Это было выше моих сил. Словно безумный, я в отчаянии выскочил из каюты и бросился в салон.

Капитан Немо был там. Молчаливый, хмурый, беспощадный, он взирал на эту сцену из окна левого борта.

Поверженная громада стала тонуть, и, чтобы не упустить ни секунды ее агонии, «Наутилус» погружался в бездну вслед за ней. В каких-нибудь десяти метрах от себя я видел зияющую в корпусе линкора дыру, куда со страшным рокотом вливалась вода, а также двойную линию пушек и лееров. По палубе метались черные тени.

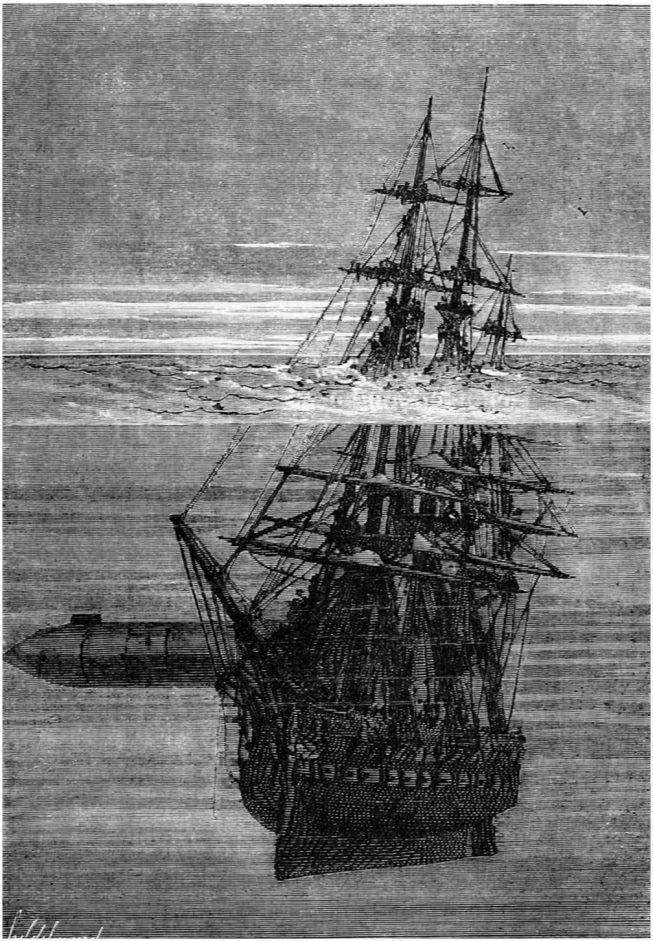
Вода прибывала. Несчастные цеплялись за ванты, карабкались на мачты, барахтались в волнах. Это был настоящий людской муравейник, застиг-

нутый врасплох вторжением моря!

Застыв на месте, окаменев от ужаса, с волосами дыбом и вытаращенными глазами, я стоял, едва дыша, и молча смотрел. Я словно приклеился к стеклу, не в силах отвести взгляд от жуткого зрелища!

Огромный корабль медленно шел ко дну. «Наутилус» погружался следом, ни на мгновение не выпуская его из виду. Вдруг раздался страшный грохот. Спрессованный внутри воздух выломал палубы линкора с такой силой, будто в трюмах взорвались бочки с порохом. «Наутилус» даже отбросило в сторону ударной волной.

После этого злополучный корабль стал тонуть еще быстрее. Сначала под воду ушли его марсовые площадки, где теснились несчастные жертвы, затем реи, ломившиеся от гроздьев людей, и наконец верхушка грот-мачты. И вот громадная темная масса исчезла в пучине, увлекая за собой в чудовищной кильватерной струе команду из мертвецов.



Огромный корабль медленно шел ко дну.

Я повернулся к капитану Немо. Этот безжалостный мститель, настоящий архангел ненависти, продолжал смотреть. Когда все было кончено, капитан Немо направился к своей каюте, открыл дверь и вошел. Я провожал его глазами.

На стене против двери, под портретами его героев, я увидел портрет еще молодой женщины с двумя маленькими детьми. Несколько мгновений капитан Немо смотрел на них, протягивая руки, а потом упал на колени и горько зарыдал.

Глава двадцать вторая
Последние слова капитана Немо

Ставни на окнах задвинулись, скрывая от нас жуткую картину, но свет в салоне так и не зажегся. На борту «Наутилуса» царили безмолвие и мрак. Наш корабль с поразительной быстротой покидал это скорбное место в ста футах под уровнем моря. Куда он направлялся? На север или на юг? Куда бежал этот человек, свершив свое чудовищное возмездие?

Я вернулся в каюту, где в полном молчании сидели Нед с Конселем. Капитан Немо внушал мне непреодолимое отвращение. Какие бы страдания ни выпали на его долю по вине людей, он не имел права карать их подобным образом! Он сделал меня если не соучастником, то, по меньшей мере, невольным свидетелем своей мести. Это было уже слишком.

В одиннадцать часов электрический свет зажегся вновь. Я прошел в салон. Там было пусто. Я изучил показания приборов. «Наутилус» мчался на север со скоростью двадцати пяти миль в час, то всплывая на поверхность, то погружаясь

на тридцать футов в воду.

Отметив наши координаты на карте, я понял, что мы находимся неподалеку от входа в Ла-Манш, двигаясь в сторону Арктики на немыслимой скорости.

Мимо стремительно проносились длинноносые акулы, акулы-молоты, кошачьи акулы — завсегдатаи этих морей; орляковые скаты; целые стада морских коньков, напоминающих шахматные фигурки коней; угри, которые извивались в воде, словно праздничные фейерверки; полчища крабов, которые передвигались боком, скрестив свои клешни на панцире; и, наконец, стаи морских свиней, плывущих наперегонки с «Наутилусом». Я едва успевал выхватывать их взглядом, не говоря уже о том, чтобы изучать или классифицировать.

К вечеру мы прошли расстояние в двести лье. Стемнело, и воды Атлантики погрузились во мрак до восхода луны.

Я вернулся к себе в каюту. Заснуть не получалось. Меня мучили кошмары. Ужасные сцены крушения снова и снова вставали перед моим мысленным взором.

С этого дня кто мог сказать, куда нас увлечет «Наутилус»? Он по-прежнему шел с той же с неве-

роятной скоростью, сквозь те же арктические туманы. Достигнет ли он скалистых берегов Шпицбергена и отвесных утесов Новой Земли? Покорит ли неведомые моря — Белое, Карское, Обский залив? Пройдет ли вдоль Ляховских островов и незнакомых побережий азиатской части Евразии? Этого я не мог сказать. Я потерял счет часам и минутам. Время на борту словно остановилось. День и ночь словно перестали следовать привычному курсу, как это всегда бывает в полярных регионах. Казалось, я попал в страну фантазий, где весело порхало на свободе переутомленное воображение Эдгара По. Каждую секунду я, подобно легендарному Гордону Пиму[221], ожидал, что путь нам вот-вот преградит «высокая, гораздо выше любого обитателя нашей планеты, человеческая фигура в саване». И кожа ее будет и впрямь «белее белого»!

Я полагаю — возможно, ошибочно, — что это рискованное арктическое плавание продолжалось две-три недели. Не знаю, сколько еще оно продлилось бы, если бы ужасная катастро-

---

[221] Сноски: 221

Герой единственного оконченного романа Э. По «Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета», который был написан в 1838 г. и считается одним из самых спорных и загадочных произведений писателя (зд. цитата из «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» в переводе Н. Злобина).

фа не положила ему конец. От капитана Немо больше не было ни слуху ни духу. От его помощника — и подавно. Ни один из членов команды не показывался нам на глаза. «Наутилус» почти все время шел под водой. Когда он всплывал на поверхность, чтобы возобновить запасы воздуха, люки открывались и закрывались автоматически. Никто теперь не отмечал координаты на карте полушарий. Я понятия не имел, где мы находимся.

Надо добавить, что канадец, чьи силы и терпение были на исходе, больше не выходил из каюты. Консель, который тщетно пытался вытянуть из него хоть слово, боялся, как бы его товарищ в припадке безумия не покончил с собой от тоски. Поэтому не спускал с Неда глаз.

Как вы понимаете, в сложившихся обстоятельствах наше положение стало невыносимым.

Однажды утром — не знаю, какого числа, — незадолго до рассвета, я спал, забывшись тяжелым, болезненным сном. А когда проснулся, увидел склонившегося надо мной Неда Ленда и услышал его шепот:

— Бежим!

Я вскочил.

— Когда?

— Этой ночью. Похоже, нас больше никто не стережет. «Наутилус» словно оцепенел. Вы будете готовы, профессор?

— Да. А где мы сейчас?

— Неподалеку от земель, которые я только что разглядел сквозь туман в двадцати милях к востоку.

— Что это за земли?

— Не знаю, но мы в любом случае найдем там укрытие.

— Вы правы, Нед! Да, мы бежим этой ночью, даже если море нас поглотит!

— Море бурное, да и ветер крепкий. Но меня не пугает сделать двадцать миль на утлой посудине с «Наутилуса». Я уже припрятал там кое-какую провизию и несколько бутылок воды.

— Я с вами, Нед.

— Ну а если меня схватят, — добавил канадец, — я умру защищаясь!

— Мы умрем вместе, мой друг!

Я был готов на все. Канадец ушел. Я поднялся на палубу, где едва мог держаться на ногах из-за бушующих волн. Небо выглядело зловещим, однако где-то там, за плотной пеленой тумана, простиралась земля, а потому надо было бежать. Мы не могли терять ни дня, ни часа!

Я вернулся в салон, боясь и вместе с тем желая встретить там капитана Немо. Я одновременно хотел и не хотел его видеть. Что я ему скажу? Сумею ли скрыть невольный ужас, который он мне внушал? Нет! Лучше уж не встречаться с ним лицом к лицу! Лучше вовсе о нем забыть! И все-таки…

Как же долго тянулся этот день — мой последний день на борту «Наутилуса»! Я остался один. Нед Ленд и Консель избегали говорить со мной из страха выдать себя.

В шесть часов я сел ужинать, хотя кусок не шел в горло. И все же я заставил себя поесть, чтобы не ослабеть от голода.

В половине седьмого ко мне в каюту вошел Нед Ленд.

— До отплытия мы не увидимся, — сказал он. — В десять часов луна еще не взойдет. Темнота сыграет нам на руку. Приходите к шлюпке. Мы с Конселем будем ждать вас там.

И канадец вышел, не дожидаясь ответа.

Я решил уточнить курс «Наутилуса» и снова пришел в салон. Мы с чудовищной скоростью мчались на северо-северо-восток, на глубине пятидесяти метров.

Я бросил последний взгляд на чудеса природы

и сокровища искусства, собранные в этом музее, на непревзойденную коллекцию, которой предначертано сгинуть на дне морском вместе с ее создателем. Мне хотелось запечатлеть в памяти все это великолепие. Я провел целый час, разглядывая выложенные под стеклом богатства, которые сверкали в мягком свете электрического потолка. Затем вернулся к себе.

Там я переоделся в теплую непромокаемую одежду. Собрал свои записи и заботливо спрятал на груди. Сердце колотилось как бешеное. Я не мог сдержать его неистовые удары. Тревога и волнение выдали бы меня с потрохами, попадись я на глаза капитану Немо.

Что делал он в эту минуту? Я прислушался у его каюты. Из-за двери доносился звук шагов. Капитан был там. Он еще не ложился. При каждом шорохе мне казалось, что он сейчас появится передо мной и спросит: «Почему вы хотите бежать?» Нервы были напряжены до предела, а воображение лишь подстегивало мои страхи. Вскоре это болезненное состояние стало настолько мучительным, что я всерьез подумывал, не лучше ли войти к капитану, встретиться с ним лицом к лицу, смело взглянуть ему в глаза!

Безумная мысль! К счастью, я не стал этого

делать. Вернулся к себе и растянулся на кровати, чтобы унять волнение. Мои нервы немного успокоились, но в перевозбужденном мозгу вихрем проносились воспоминания о жизни на борту «Наутилуса», обо всех радостных и печальных происшествиях, которые случились после моего исчезновения с «Авраама Линкольна». Я снова видел как наяву подводную охоту, Торресов пролив, дикарей Папуасии, мель, коралловое кладбище, проход через Суэцкий перешеек, остров Санторин, критского ныряльщика, бухту Виго, Атлантиду, ледовые поля, Южный полюс, ледяную тюрьму, сражение с гигантскими кальмарами, бурю в Гольфстриме, «Мстителя» и жуткую сцену гибели военного судна, потопленного вместе с командой!.. Все эти необычайные события развертывались перед моим мысленным взором, словно декорации в театральной постановке. А потом на их фоне возник отчетливый образ капитана Немо. Он рос на глазах, приобретая сверхъестественные пропорции. Он становился не подобием меня, а властителем вод, духом морей!

Вот уже половина десятого. Я обхватил голову руками, чтобы она не лопнула. И закрыл глаза. Я больше не хотел ни о чем думать. Еще полчаса

ожидания! Полчаса такого кошмара, что можно сойти с ума!

И тут я услышал смутные звуки аккордов — невыразимо печальную мелодию, настоящий плач души, готовой разорвать все узы, связывающие ее с землей! Я весь обратился в слух и почти не дышал, погружаясь в тот же музыкальный экстаз, что порой уносил и капитана Немо в неведомые миры.

Затем меня ужаснула внезапная мысль. Капитан Немо покинул свою каюту! Теперь он был в салоне, через который лежал мой путь к свободе! И там состоится наша последняя встреча, он увидит меня, а возможно, и заговорит со мной! Один его жест может меня уничтожить, одно его слово — навеки заточить на борту!

Вот-вот пробьет десять часов. Настало время покинуть каюту и присоединиться к товарищам.

Сомнений быть не могло, даже если бы капитан Немо появился сейчас на пороге моей каюты. Я осторожно открыл дверь, хотя мне показалось, что она поворачивается в петлях с оглушительным скрипом. Возможно, этот скрип существовал лишь в моем воображении!

Я начал двигаться ползком по темным коридорам «Наутилуса», то и дело останавливаясь,

чтобы унять неистовое биение сердца.

Наконец я добрался до угловой двери в салон и тихонько ее приоткрыл. Салон был погружен во мрак. Слабо звучали аккорды. Капитан Немо сидел у органа. Меня он не видел. Я подумал, что он не заметил бы меня и при ярком свете, — музыка завладела всем его существом.

Я крался ползком по ковру, стараясь ничего не задеть, поскольку малейший шорох мог выдать мое присутствие. Через пять минут я добрался до дальней двери, ведущей в библиотеку.

И только я собирался ее открыть, как вздох капитана Немо пригвоздил меня к месту. Я понял, что он встает. Я даже смутно различал его силуэт благодаря тонким лучикам света, проникающим из библиотеки. Капитан молча шел в мою сторону, скрестив руки на груди, — скорее, не шел, а скользил, точно призрак. Его грудь вздымалась от сдерживаемых рыданий. А затем до меня донеслись его слова — последние слова капитана Немо, что коснулись моих ушей:

— Господь всемогущий! Довольно! Довольно!

Что это было? Крик души? Голос искреннего раскаяния?..

В полном смятении я торопливо проскользнул в библиотеку. Затем поднялся по централь-

ной лестнице и по верхнему проходу добрался до шлюпки. Я проник внутрь через отверстие, которым незадолго до меня воспользовались мои товарищи.

— Бежим! Бежим! — крикнул я.

— Сию минуту! — ответил канадец.

С помощью припасенного Недом разводного ключа мы закрыли и прикрутили болтами отверстие в металлической обшивке «Наутилуса». То же самое мы проделали с отверстием в самой шлюпке, а затем канадец принялся отвинчивать болты, которыми наша лодка все еще крепилась к подводному судну.

Вдруг на борту послышался какой-то шум. Два голоса о чем-то взволнованно перекрикивались. Что случилось? Неужели они заметили наше отсутствие? Нед Ленд сунул мне в руку кинжал.

— Да! — прошептал я. — Мы готовы умереть!

Канадец прервал свою работу. Затем явственно прозвучало слово, повторенное множеством голосов, и это жуткое слово объяснило мне причину возникшего переполоха. Экипаж «Наутилуса» встревожился вовсе не из-за нас!

— Мальстрём! Мальстрём! — кричали моряки.

Мальстрём! Самое страшное, что можно было услышать в нашем положении! Неужели мы

находимся в этом опаснейшем водовороте у норвежских берегов? Неужели «Наутилус» начал соскальзывать в смертельную воронку именно в тот момент, когда наша шлюпка собиралась отчалить от его бортов?

Как известно, во время прилива огромные массы воды, зажатые между Фарерскими и Лафотенскими островами, начинают завихряться с неистовой силой. В результате образуется водоворот, из которого еще не удавалось выбраться ни одному судну. Чудовищные волны набегают со всех сторон. Они образуют воронку, которая получила меткое прозвище Пуп Океана. Сила ее притяжения действует на расстоянии до пятнадцати километров. Эта воронка засасывает не только корабли, но и китов, а также обитающих на севере белых медведей.

Именно туда — случайно или намеренно — оказался втянут «Наутилус» под управлением своего капитана. Корабль двигался по спирали, радиус которой постепенно уменьшался. А вместе с «Наутилусом» вращалась на немыслимой скорости и шлюпка, по-прежнему прикрепленная к его борту. На меня накатила дурнота, какая всегда возникает от слишком долгого кружения. Нас охватил неимоверный ужас! Кровь застыла

в жилах, все мышцы онемели, тело покрылось холодным потом, словно в предсмертной агонии… Какой жуткий шум стоял за бортом нашей утлой лодчонки! Какой рев, разносимый эхом на многие мили вокруг! С каким грохотом разбивались волны об острые подводные скалы — там, где дробятся самые твердые тела, где стволы деревьев измочаливаются, превращаясь в «деревянный мех», как говорят в Норвегии!

Положение было отчаянным! Нас трясло со страшной силой. «Наутилус» боролся, словно живое человеческое существо. Его стальные мускулы трещали. Иногда он поднимался на ноги, и мы вместе с ним!

— Надо держаться, — сказал Нед, — и снова закрутить болты! Мы еще можем спастись, если останемся прикрепленными к «Наутилусу»!..

Не успел он договорить, как раздался треск. Болты расшатались, и вырванная из своего гнезда шлюпка полетела в центр водоворота, словно камень из пращи.

Я с такой силой ударился головой о железную обшивку борта, что потерял сознание.

Лодку швырнуло в центр водоворота.

Глава двадцать третья
Заключение

Так закончилось мое подводное путешествие. Что произошло той ночью, как шлюпке удалось выскочить из смертельной воронки Мальстрёма, каким образом Нед Ленд, Консель и я спаслись из пучины, я не могу сказать. Но когда сознание ко мне вернулось, я уже лежал в хижине рыбака с Лофотенских островов[222]. Оба мои товарища, целые и невредимые, сидели рядом, сжимая мои руки в своих. Мы горячо обнялись.

В тот момент мы и думать не могли о возвращении во Францию. Сообщения между севером и югом Норвегии крайне редки. Пришлось дожидаться парохода, который заходил в Нордкап дважды в месяц.

Именно здесь, среди этих славных людей, которые нас приютили, я перечитываю рассказ о наших приключениях. Он абсолютно точен. Ни один факт не упущен, ни единая деталь не преувеличена. Это правдивое повествова-

---

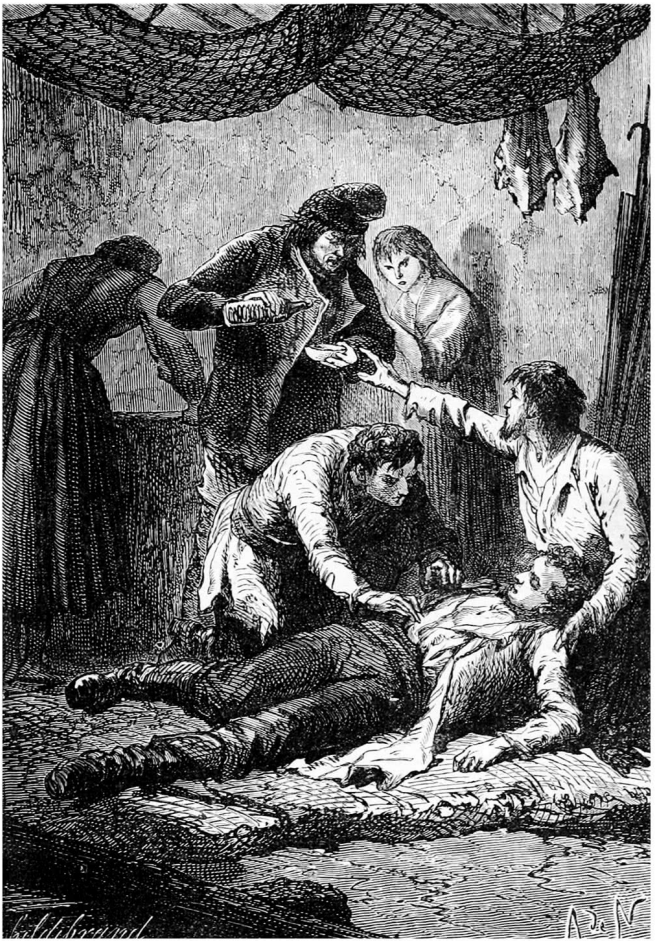
[222] Сноски: 222

Архипелаг в Норвежском море у северо-западного побережья Норвегии.

ние о невероятной экспедиции в недоступной для человека среде, куда технический прогресс однажды проложит дорогу.

Поверят ли мне? Не знаю. В сущности, это не так уж важно. Достаточно того, что теперь я имею полное право говорить о морях, под волнами которых прошел почти за десять месяцев двадцать тысяч лье, и об этом подводном кругосветном путешествии, открывшем мне столько чудес в глубинах Тихого и Индийского океанов, Красного и Средиземного морей, Атлантики, а также морей обоих земных полюсов!

Но что же сталось с «Наутилусом»? Удалось ли ему вырваться из смертельной хватки Мальстрёма? Жив ли еще капитан Немо? Продолжает ли он вершить свое страшное возмездие, скрываясь в океанских безднах, или недавняя гекатомба стала для него последней? Вынесут ли волны на берег рукопись, в которой заключена история всей его жизни? Узнаю ли я наконец имя этого человека? Быть может, выяснив принадлежность пропавшего судна, мы выясним и национальность капитана Немо?



Я очнулся в рыбацкой хижине.

Надеюсь, что так и будет. А еще я надеюсь, что его могучее изобретение одержало победу над морем в самой жуткой из пучин, и что «Наутилус» выжил там, где сгинуло столько судов! И если это так, если капитан Немо все еще живет на просторах океана, своей названой родины, то пусть утихнет ненависть в этом мятежном сердце! Пусть созерцание бесчисленных чудес остудит кипящую в нем жажду мщения! Пусть грозный судья исчезнет, а мирный ученый продолжит исследовать морские глубины! Судьба его необычна, но вместе с тем возвышенна. Разве не понял я этого сам? Разве не жил его сверхъестественной жизнью на протяжении десяти месяцев? Шесть тысячелетий назад Екклесиаст задал вопрос: «Кому из людей удавалось измерить глубину бездны?» Но только два человека на свете вправе ему ответить. Капитан Немо и я.

КОНЕЦ